3 1761 08106722 5

8.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

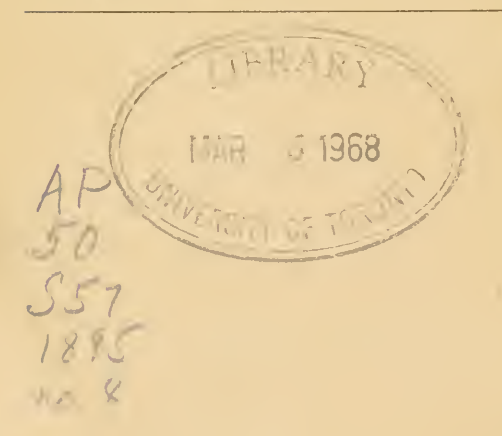
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Августъ № 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 іюля 1895 года



СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

По поводу выставки — объ искусствѣ.

(Посвящаю Эрнесту Карловичу **Коцебу**).

Очень можетъ быть, что моя замѣтка о нынѣшнемъ движеніи искусства въ Парижѣ будетъ не во́ время... У насъ вообще мало интересуются нагляднымъ искусствомъ, а внѣ сезоновъ выставокъ и подавно. Изо всѣхъ отраслей искусства мы больше всего любимъ музыку, пѣніе въ особенности. Хорошіе голоса приводятъ насъ въ восторгъ, а нервныхъ дамъ даже въ экстазъ. Правда, пѣніе вездѣ и всегда сильно дѣйствуетъ на людей, но никогда до такой степени, какъ теперь и нигдѣ, какъ у насъ. Нигдѣ не кричатъ до охриплости: bravo, bis, какъ у насъ, нигдѣ не вызываютъ артистовъ по 101 разу, какъ у насъ, а во время антрактовъ нигдѣ не происходитъ такого карнавала и баталіи цвѣтовъ,—опять таки, какъ у насъ. Здѣсь-же въ театрахъ хлопаютъ наемные клакеры: актеры увѣряютъ, будто хлопанье въ ладоши—необходимый стимулъ для ихъ игры, а публика находитъ, что выраженіе чувства криками и стукомъ свойственно только жителямъ тропическихъ странъ или людямъ невысоко-культурнымъ. Зато здѣсь всѣ увлечены *нагляднымъ* искусствомъ. Любоваться красотою формъ, гармоніей красокъ—для французовъ высшее наслажденіе. Поэтому и не удивительно, что теперь во время выставки всѣ о ней только и говорятъ и пишутъ. Выставка сдѣлалась здѣсь чѣмъ-то въ родѣ олимпійскихъ игръ, народнаго праздника... Въ день открытія выставки собирается чуть-ли не весь Парижъ—лучшіе представители всѣхъ слоевъ общества. Наглядное искусство—это лучшая сила Франціи: въ этомъ она сильнѣе всего, и отъ этого зависитъ то, что ея вкусъ сдѣлался закономъ для всѣхъ. Все, что-бы она ни сдѣлала, все, что-бы она ни предприняла — находитъ вездѣ отголосокъ и подражателей.

И вотъ здѣсь, въ Парижѣ, въ сферѣ искусства, случилось что-то необычайное: къ великому огорченію любителей искусства, выставка въ этомъ году изъ неудачныхъ, какихъ не запомнятъ. Критика забила тревогу и стала въ боевое положеніе. Вотъ почему и мнѣ хотѣлось-бы сказать свое слово.

Удивительный народъ французы! Ихъ фантазія и воображеніе такъ же плодовиты, какъ и ихъ почва. Въ искусствѣ, какъ и въ жизни, событія смѣняютъ у нихъ событія, какъ волна волну. И только жизненность французскаго характера можетъ выдержать такой натискъ всевозможныхъ впечатлѣній. Давно-ли, напр., появились разные фальшивые монетчики искусства,—импрессіонисты съ началомъ безъ конца и декаденты безъ того и другого? Недавно—и даже очень недавно. А теперь что сталось съ ними? Импрессіонисты совсѣмъ исчезли, а декаденты болѣзненно слабѣютъ и часы ихъ сочтены. Да иначе и быть не могло. Это были плоды пустой мечты, безсмысленной фантазіи, неестественнаго стремленія быть не тѣмъ, чѣмъ должно быть, отрицанія свѣта и исканія призраковъ въ сумеркахъ.

Два года тому назадъ Парижъ переживалъ ужасное время. Въ высшемъ обществѣ появились симптомы чего-то въ родѣ флорентійской чумы. Пѣвицы изъ кафе-шантановъ, какъ Иветта Гильберъ, вдругъ стали предметомъ обожанія: весь Парижъ бѣгалъ слушать ея скабрезныя шансонетки; ее стали приглашать на вечера въ высшіе слои общества, на такіе вечера, куда хозяева приглашали почтенныхъ родителей пожаловать безъ дочерей, а дочери съ своей стороны приглашали своихъ друзей и подругъ пожаловать безъ родителей: «il sera gai, on marchera sur les têtes»—и сдерживали слово... А искусствомъ овладѣла какая-то галлюцинація, которая разразилась выставкой Sar-Peladan'a. Я былъ на этой выставкѣ: мнѣ казалось, что я попалъ въ сумасшедшій домъ въ отдѣленіе помѣшавшихся художниковъ. Незадолго до этого я видѣлъ рисунки покойнаго Ѳедотова, когда онъ уже былъ боленъ—они могли-бы быть тутъ выставлены съ успѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти явленія въ различныхъ сферахъ общества были близки между собою—это была одна и та-же болѣзнь, связанная съ опредѣленнымъ общественнымъ настроеніемъ.

Поневолѣ припоминаются мнѣ тутъ и наши «крайніе». Правда, крайность крайности рознь; между Петербургомъ и Парижемъ разстояніе огромное, разница большая, но крайности часто сходятся. Въ Парижѣ избытокъ искусства, у насъ его недостатокъ; здѣсь художники искали и заблудились,—у насъ не ищутъ и не заблуждаются, а просто апатично дремлютъ. Здѣсь искусство сдѣлалось прозаическимъ, а у насъ проза достигла горныхъ высотъ художественной атмосферы,—и всѣ возстали противъ всѣхъ, каждый за себя... Но возвращусь къ своему предмету.

Надо отдать французамъ справедливость: они умѣютъ смотрѣть чорту прямо въ глаза, они не боятся своей собственной тѣни, не сбрасываютъ съ своей больной головы на чужую здоровую, не охаютъ отъ зубной боли, не давая къ себѣ притронуться, какъ это бываетъ всегда съ слабохарактерными людьми... Напротивъ, они съ истинно спартанскимъ героизмомъ раскрываютъ ротъ: рви, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Они страстно обожаютъ своихъ великихъ людей, гордятся ими; но разъ они замѣтили на нихъ малѣйшее пятнышко, они становятся къ нимъ жестоки, болѣе жестоки, чѣмъ чужіе. То-же самое случилось теперь съ искусствомъ.

Никогда я не слышалъ здѣсь такихъ горькихъ сѣтованій по поводу искусства, какъ теперь. Обыкновенно здѣсь или хвалятъ, или молчатъ. Послѣднее—худшее наказаніе, хуже всякой брани. Быть незамѣченнымъ значитъ не заслужить даже вниманія. Но когда французы начинаютъ порицать—значитъ что-то тронуло ихъ глубоко за сердце.

Послушаемъ, что ихъ критики говорятъ о нынѣшнемъ французскомъ искусствѣ. Вмѣсто обычныхъ похвалъ, какія мы привыкли слышать въ день открытія выставки, на этотъ разъ они разразились ѣдкими нападками. Они увѣряютъ, что изъ двухъ тысячъ художественныхъ произведеній только дюжина хорошихъ, и что даже въ этой дюжинѣ только четыре дѣйствительно прекрасны (belles). Они горько жалуются на отсутствіе въ искусствѣ *мысли, содержанія, поэзіи, глубины чувства*, хотя и отдаютъ полную справедливость техническимъ достоинствамъ. Они спрашиваютъ, гдѣ то *новое* искусство, которое намъ сулятъ вотъ уже столько лѣтъ, что оно сдѣлало за послѣдніе годы?.. Ничего! Только рядъ попытокъ безъ результата... Искусство владѣетъ прекраснымъ языкомъ для выраженія своей мысли и чувства, но именно ихъ-то и нѣтъ...

Но гдѣ же причины этого? Ни теперешняя выставка, ни таланты, ни даже trouble d'esprit, о которой я говорилъ выше, — тутъ ни причемъ. Искусство не можетъ быть однимъ и тѣмъ же изъ году въ годъ. И на его произведенія бываетъ урожай, какъ и неурожай. Таланты всѣ налицо и съ ними ничего особеннаго не случилось, да и не могло случиться въ такое короткое время. Что же касается до trouble d'esprit, то въ этомъ искусство менѣе всего виновато... Но какъ одно, такъ и другое, такъ и третье было лишь только искрой, прикоснувшейся къ горючему матеріалу—и взрывъ послѣдовалъ моментально. Повторяю, причина тутъ не въ талантахъ, не въ самомъ искусствѣ, а въ условіяхъ, въ которыхъ искусство находится, въ атмосферѣ, которою дышитъ художникъ.

Странно, однако, что всѣ тѣ блага, которыя сначала казались подпорой для искусства, теперь оказались вредными для него: выставка, напримѣръ, фирма художественныхъ произведеній и свободное его развитіе.

Начну съ перваго. Въ сороковыхъ годахъ на здѣшней выставкѣ было всего 400—500 художественныхъ произведеній, въ восьмидесятыхъ годахъ число ихъ возросло до 4000. Осмотрѣть такую массу произведеній— то же самое, что прослушать музыку десять часовъ подъ рядъ. Положимъ, что каждый изъ публики бываетъ на выставкѣ среднимъ числомъ по-три раза, каждый разъ по-три часа—въ общемъ 9 часовъ или 540 минутъ... Спрашивается, сколько же секундъ можно удѣлить для внимательнаго осмотра каждаго произведенія? Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ послѣднее время число художниковъ сильно возросло и соотвѣтственно съ ними и число художественныхъ произведеній. Одинъ салонъ казался для всѣхъ тѣснымъ, недостаточнымъ, образовался другой салонъ— такой же; далѣе—выставка réfusés, акварельная, пастельная, выставка импрессіонистовъ, женская выставка, выставка въ cercle de Mirliton, въ cercle Volnay. Выставляютъ отдѣльные художники, даже по одной картинѣ... Публика бѣгаетъ съ одной выставки на другую, на все смотритъ бѣгло, поверхностно, передъ ней пестрѣютъ картины, бюсты, портреты, цвѣты, пейзажи—все это смѣшивается въ общій хаосъ... Наконецъ, публика устаетъ и кричитъ: trop de fleurs! Не лучшую услугу оказываетъ выставка и самимъ художникамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый художникъ желаетъ, чтобы его произведеніе было замѣчено, какъ каждый писатель, чтобы его книга была прочитана, или какъ пѣвецъ, чтобы его слушали. Чтобы обратить на себя вниманіе среди нѣсколькихъ тысячъ произведеній, они часто пускаются на хитрости. Есть художники, которые пишутъ спеціально для выставокъ, оригинальничаютъ большею частью безуспѣшно, а иногда и удачно. Такія средства недостойны истиннаго художника, да притомъ они и не всегда ему помогаютъ.

Но еще хуже для искусства оказываются фирмы художественныхъ произведеній. Для нихъ: что талантъ — то концессія, что картина—то акція. Замѣтивъ восходящій талантъ, фирма беретъ его подъ свою опеку, заключаетъ съ нимъ условіе, даетъ ему обильное содержаніе, и за это онъ долженъ работать для нея и только для нея. Такимъ образомъ художникъ незамѣтно для себя попадаетъ въ золотую клѣтку, подъ ключъ. Иной разъ у него зажигается божья искра, страсть его воспламеняется, онъ хочетъ создать то, что его поражаетъ, что его волнуетъ; его фантазія требуетъ большого холста, широкихъ размѣровъ, но фирма ему говоритъ: кому это нужно? этого не купятъ! И художникъ поневолѣ опять дѣлаетъ то, что дѣлалъ вчера и третьяго дня, его мотивы становятся бѣдны, однообразны, и онъ скоро впадаетъ въ условность... Скажу только то, что даже такой великій художникъ, какъ Мейссонье, не избѣгъ общей участи. Онъ, который создалъ «Возвращеніе Наполеона I изъ Москвы», равносильное только «Войнѣ и миру» гр. Толстого, онъ, который могъ-бы сдѣлать еще что-нибудь въ этомъ родѣ — не сдѣлалъ больше ничего

подобнаго ни по глубинѣ содержанія, ни по историческому драматизму. Зато его «Читающій» — сюжетъ въ сущности пустой, повторенъ на 18 различныхъ манеръ.

Торговцы художественными произведеніями подняли цѣну живописи, расширили районъ артистической дѣятельности, увеличили престижъ французскаго искусства, обогатили художниковъ, но въ то-же время и способствовали паденію искусства, потому что все, что они дѣлали, было искусственное, холодно разсчитанное коммерческое предпріятіе—и только. Въ наше время любители искусства не меценаты стараго закала, съ любовью слѣдившіе за ходомъ работы художника, не аристократы съ наслѣдственной культурой, а по большей части биржевые выскочки, которымъ нравится то, что богато, что дорого, что бьетъ въ глаза, что есть у другого или что трудно достать. Такіе люди легко поддаются шумливому увлеченію газетной рекламы и т. п. Среди нихъ, къ чести Франціи, меньше всего французовъ, но больше всего иностранцевъ, которые хотятъ быть французами больше, чѣмъ сами французы, аристократами— больше чѣмъ сами аристократы, и такъ какъ они не могутъ этого достигнуть, то впадаютъ въ карикатурность, подражаютъ не лучшему, а худшему. Такіе люди могутъ быть въ душѣ прекрасными, добрыми, полезными для многаго и для многихъ, но меньше всего для искусства — въ особенности, когда между ними и художниками стоитъ торговецъ художественными произведеніями.

Третья и главная причина ненормальности теперешняго искусства это—отсутствіе художественнаго воспитанія. Объ этомъ я говорилъ въ свое время по поводу преобразованія академіи художествъ, такъ что теперь, для полноты, мнѣ приходится отчасти только повторить прежде сказанное. Парижъ для европейскаго искусства подобенъ морю: всѣ рѣки изъ него вытекаютъ и въ него возвращаются. На его искусство устремлено вниманіе всего художественнаго міра, сюда пріѣзжаютъ учиться изо всѣхъ странъ. Число учащихся очень велико—если вѣрить—около 10 тысячъ. Но только десятая доля ихъ учится въ академіи художествъ, гдѣ получаетъ правильное образованіе, остальные въ мастерскихъ; большая-же часть мастерскихъ, это—не что иное, какъ помѣщеніе, нанятое какимъ-нибудь X или У, который приглашаетъ двухъ художниковъ для преподаванія, ставитъ модель, и каждый за 30 фр. въ мѣсяцъ можетъ придти туда и работать. Удалось кому-нибудь написать хорошій этюдъ въ видѣ портрета или пейзажа, принятъ этотъ этюдъ въ салонъ, и авторъ его уже подписывается artiste-peintre... У такихъ художниковъ часто сильныя руки, но слабая голова, часто есть чувство, но нѣтъ умѣнья его примѣнить. Удивительно, для того, чтобы получить аттестатъ зрѣлости необходимо окончить среднее учебное заведеніе; для того, чтобы получить дипломъ магистра или доктора, необходимо пройти высшее учеб-

ное заведеніе: но для того, чтобы сдѣлаться художникомъ, ничего подобнаго не требуется. Точно художникъ, въ самомъ дѣлѣ, пѣвецъ природы, въ родѣ соловья, для котораго и ноты не писаны. Правда, геніи, говорятъ, и въ потемкахъ находятъ свою дорогу,—но не всѣ вѣдь геніи! Да и геній, подобно алмазу, безъ шлифовки не блеститъ.

Таково въ общихъ чертахъ печальное положеніе искусства, положеніе далеко не естественное, а потому и дающее ненормальные результаты. Вотъ почему нельзя не поздравить французскую критику съ такими отрезвляющими взглядами на нынѣшнее состояніе искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что она въ этомъ найдетъ вездѣ самое живое сочувствіе.

Но все, что я до сихъ поръ говорилъ, касалось только живописи. Совершенно въ другихъ условіяхъ находится скульптура. Она, подобно полевому цвѣтку, растетъ среди ненастной погоды; вѣтеръ ее гнетъ, дождь ее мочитъ, а солнце ее выправляетъ. Она не цвѣтетъ въ оранжереяхъ, любители за ней не ухаживаютъ, на нее нѣтъ спроса и никакія фирмы ею не занимаются. Поэтому-то она медленно растетъ, но зато не скоро вянетъ. Въ этомъ году скульптура не только не ниже живописи, не только не ниже, чѣмъ была въ прошломъ году, чѣмъ два года тому назадъ, но напротивъ—теперь есть на что указать, чѣмъ восторгаться. Укажу сперва на конную статую Жанны д'Аркъ, работу Поля Дюбуа. Это произведеніе не только высокоталантливое, но въ высшей степени честно и добросовѣстно исполненное до малѣйшихъ подробностей, какъ только можно это встрѣтить у великихъ мастеровъ великихъ эпохъ. Второе произведеніе — тоже изъ ряду вонъ — это большой барельефъ работы Фремьера, изображающій лютую борьбу орангъ-утанга съ человѣкомъ. Правда, это произведеніе не ласкаетъ глазъ, но зато, увидѣвши его разъ, не скоро забудешь. Но что меня особенно радуетъ, это—маленькія произведенія. Я долженъ сказать, что до сихъ поръ ими какъ-то пренебрегали; до сихъ поръ они ютились то около большихъ произведеній, то гдѣ-нибудь въ углу подъ лѣстницей. Теперь-же имъ отвели почетное мѣсто. Мало того, выставка широко открыла двери и для индустріальнаго искусства, и вотъ индустріальное искусство, соединяясь съ идеальнымъ, сдѣлало быстрое движеніе впередъ и завоевало себѣ подобающее мѣсто. Теперь на выставкахъ вы увидите всевозможныя попытки, большею частью удачныя, превосходныя. Тутъ есть раскрашенный мраморъ, терракотта, бронза, соединенная съ слоновою костью, слоновая кость съ золотыми украшеніями; есть произведенія изъ разноцвѣтнаго дерева, есть ювелирныя работы, слесарныя, фаянсы со всевозможной поливой металлическихъ рефлексовъ... Все это выглядитъ какъ брызги золота, среди каменной глыбы.

Но пальму первенства, несомнѣнно, заслуживаетъ посмертная выставка произведеній скульптора Carriès'а, помѣщающаяся на Марсовомъ полѣ,

тамъ-же, гдѣ въ прошломъ году живописецъ Тиссо выставлялъ свои произведенія съ такимъ успѣхомъ. Карріесъ достигъ не меньшаго успѣха. Его выставка рѣдкое явленіе среди искусства. Перечислю сначала всѣ недостатки этого замѣчательнаго художника. Онъ не былъ творцомъ, мало компоновалъ, мало даже дѣлалъ цѣльныхъ фигуръ, работа его чуть-чуть манерна, фантазія не богата, за красотою онъ не гонялся и отдалъ дань декадентству. Его большой порталъ, на подобіе готическаго, съ причудливыми масками и химерами, вмѣсто орнамента и розетокъ, капризенъ, лишенъ всякой логики. Правда, и въ готикѣ встрѣчаются подобныя химеры, но всегда на своемъ мѣстѣ, какъ, напр., на крышахъ, служа водостоками, извергая изо рта дождевую воду и т. п. Зато его головы, портреты, типы, одѣтые во всевозможные костюмы, историческіе и современные—изумительно хороши, и техника ихъ до того совершенна, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, кажется, и сама природа дальше-бы не пошла. У него все хороши, облюбовано, начиная съ головки малютки и кончая чудовищной головой спящаго сатира. Мало того, на его выставкѣ нѣтъ ни бѣлаго, ни чернаго—ни бѣлаго мрамора, ни черной бронзы. Его многочисленныя терракотты покрыты особенной, причудливой, въ высшей степени симпатичной патиной, или матовой поливой grès emaillée съ легкой полихроміей, что придаетъ имъ особую жизненность и прелесть. Такими-же достоинствами отличаются и его бронзы—по тонкости отливки и разнообразію патины.

Здѣсь я остановлюсь на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ о патинѣ, которая такъ цѣнна для артистовъ и любителей. Хорошая патина—такое-же достоинство, какъ и хорошая отливка. Отъ патины многое зависитъ: она можетъ сдѣлать произведеніе какъ симпатичнымъ, такъ и антипатичнымъ. Художники прилагаютъ не мало стараній, чтобы получить на своихъ произведеніяхъ хорошую патину; къ сожалѣнію, только это рѣдко имъ удается. Извѣстно, что лучшую патину даетъ время, а поддѣлаться подъ время не легко. До сихъ поръ больше, чѣмъ кому-либо, удавалось этого достигнуть итальянцамъ. Они, вообще, необыкновенные мастера на все, не менѣе и на поддѣлки. Но ничто не можетъ сравниться съ китайской и японской патиной. Извѣстный фабрикантъ бронзъ Барбедьеннъ потратилъ не мало труда, чтобы добиться секрета японской патины дѣлалъ всевозможные опыты, анализировалъ японскія бронзы—и безуспѣшно. И вотъ на выставкѣ Карріеса поразила меня именно патина и больше всего то, что патину эту ему дѣлалъ японецъ, жившій здѣсь въ Парижѣ. Странно, въ XVIII столѣтіи французское творчество, опираясь на китайскую индустрію, создало удивительный и самостоятельный стиль, такъ называемый стиль Людовика XV, а теперь французская скульптура, взявъ отъ японцевъ патину и перенося ее на свои произведенія, создаетъ что-то необыкновенное. Замѣчу еще,

что и самая grès emaillée и раскраска ея, и даже самыя химеры сильно напоминаютъ японскія. Европа какъ-то устала въ своихъ стиляхъ, заимствуя ихъ изъ вѣка въ вѣкъ одинъ отъ другого. Римляне заимствовали у грековъ. Renaissance—у римлямъ, эпоха Людовика XIV у Renaissance, эпоха Людовика XVI заимствовала стиль Людовика XIV, Empire уже совсѣмъ слѣпо подражала греческому, а мы слѣпо подражаемъ всему... Только стиль Людовика XV—рококо—носитъ свой самостоятельный характеръ: французы взяли тогда у китайцевъ одинъ лишь аккордъ, мотивъ-же творчества принадлежитъ имъ самимъ. Въ 1878 году, на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, всѣ были поражены японской художественной индустріей, какъ находчивостью мотива, его новизною и логичностью, такъ и тонкостью и изяществомъ отдѣлки. Уже тогда было ясно, какъ день, что Японія внесетъ въ европейскую индустрію новый, освѣжающій элементъ. Мнѣ кажется, что теперь именно мы присутствуемъ при началѣ этого.

Не меньшаго удивленія всѣхъ, кто только понимаетъ и цѣнитъ литейное искусство, заслужилъ и самъ литейщикъ бронзъ Карріеса—P. Bingen. Къ сожалѣнію, такихъ знатоковъ этого дѣла у насъ въ Россіи мало, почти нѣтъ, — не въ обиду будь сказано, даже среди художниковъ... А между тѣмъ они у насъ были и еще недавно. При Академіи художествъ было даже литейное заведеніе, гдѣ была отлита знаменитая конная статуя Фальконета, тамъ-же и баронъ Клодтъ отливалъ и своихъ лошадей, что на Аничковомъ мосту и т. д. Теперь-же отъ литейной остался только пустой звукъ—названіе Литейнаго двора. Не стану распространяться о процессѣ литейнаго дѣла,—скажу только, что этотъ процессъ называется cera perduta; одно названіе показываетъ, во-первыхъ, что онъ итальянскаго происхожденія и, во-вторыхъ, что самое произведеніе, сдѣланное изъ воска, исчезаетъ и вмѣсто него является бронза. Подобная отливка очень сложна, трудна, требуетъ особенно разумныхъ и талантливыхъ мастеровъ и присутствія самого художника, зато результаты ея до того тонки, тщательны, что нисколько не уступаютъ самому восковому произведенію. Въ нашемъ столѣтіи фабричныя издѣлія совершенно вытѣснили эту благородную индустрію. Если не ошибаюсь, въ шестидесятыхъ годахъ первымъ попытался воскресить это художественное литье тосканскій скульпторъ профессоръ Паппи. Попытка его увѣнчалась успѣхомъ. Правительство построило ему большое литейное заведеніе во Флоренціи, которое со славой процвѣтаетъ и понынѣ, и лишь только лѣтъ десять тому назадъ молодому Bingen'у удалось воскресить это искусство и здѣсь, во Франціи.

Все это вмѣстѣ дѣлаетъ выставку Карріеса и скульптуры вообще въ высшей степени интересной, небывало новой и отрадной. Не отрадно лишь только то, что самъ художникъ умеръ такъ рано: ему было всего

38 лѣтъ. Нельзя не упомянуть еще и о другомъ талантливомъ скульпторѣ— Chéret, тоже подвизавшемся на томъ же поприщѣ церамики, что и Карріесъ, хотя уже совсѣмъ въ другомъ жанрѣ—жанрѣ нѣжномъ и шаловливомъ, въ небольшихъ размѣрахъ, но, къ сожалѣнію, тоже рано умершемъ для искусства. На выставкѣ есть его работы изъ обожженой глины и съ легкой окраской. Превосходенъ его небольшой, очень нѣжно сработанный горельефъ «Феи, забрасывающія удочку у берега».

Таковы задатки новѣйшей скульптуры. Искусство вообще не есть правда, какъ правда не есть искусство: оно не то и не другое, но и то и другое вмѣстѣ, конечно, въ смыслѣ исполненія. Это не фраза, а художественная истина. Доведите, напримѣръ, скульптуру до дѣйствительности, и она потеряетъ всякій художественный смыслъ, станетъ похожей на фотографію, на слѣпокъ съ натуры, на восковую фигуру анатомическаго музея. Съ другой стороны, слишкомъ удаляясь отъ дѣйствительности, искусство становится искусственнымъ, условнымъ, манернымъ до лживости. Таковы черная бронза и бѣлый мраморъ. Эти два крайніе тона менѣе всего встрѣчаются въ дѣйствительности и менѣе всего пріятны нашему глазу. И если мы вспомнимъ, съ какимъ гармоническимъ тактомъ древніе греки раскрашивали свои скульптуры, тогда намъ будутъ понятны стремленія нынѣшнихъ скульпторовъ дѣлать то-же самое,— конечно, съ осторожностью. Отъ великаго до смѣшного вездѣ одинъ только шагъ, а тутъ въ особенности. Но раскрашиваніе статуй существовало также въ Египтѣ и въ средніе вѣка... Долгое и очень долгое время считалось потомъ какимъ-то святотатствомъ трогать бѣлый мраморъ; правда, были кой-какія попытки раскрашивать его, но безъ успѣха. Теперь-же, когда за это берутся французы,—нѣтъ сомнѣнія, что съ ихъ техническимъ совершенствомъ и съ ихъ вкусомъ и плодовитостью фантазіи они достигнутъ многаго и очень многаго. Я съ удовольствіемъ могу констатировать, что отнынѣ скульптура вступаетъ въ новый фазисъ.

Живопись и скульптура, несмотря на свое самое близкое родство, рѣдко шли рука объ руку. Между ними всегда происходила извѣстная борьба. Въ разныя эпохи торжествовала то одна, то другая. Въ древней Греціи, напримѣръ, торжествовала пластика, въ средніе вѣка—живопись, во время Renaissance—то и другое вмѣстѣ, въ эпоху классицизма—опять скульптура, а теперь опять живопись. Причины этой борьбы заключаются въ томъ, что живопись болѣе соотвѣтствуетъ мистическому настроенію, скульптура-же, по самой сущности своей—реальна. Изъ всѣхъ видовъ искусства, скульптура не только самый ***лаконическій***, какъ я уже разъ гдѣ-то выразился, но и самый ясный и здоровый и, прибавлю, самый трудный видъ его. Не даромъ Микель-Анджело говорилъ, что живопись— для женщинъ, а скульптура для мужчинъ... И это не только по трудности исполненія, но и по духовному настроенію. Скульптура не мо-

жетъ изобразить ни тѣни, ни сумерокъ, ни видѣнія, ни призрака, ни восхода, ни заката солнца, какъ не можетъ изобразить и разные нюансы цвѣтовыхъ оттѣнковъ—fanés, которые теперь такъ нравятся. Въ наше время люди стали до того чувствительны и болѣзненно-нервны, что не могутъ прямо смотрѣть на природу, именно тогда, когда она радостно цвѣтетъ со всей своей силой и блескомъ. Нынѣшній глазъ не можетъ переносить яркости красокъ, ему необходимы очки самые туманные, самые замысловатые... Сквозь такіе очки смотритъ теперь живопись, сквозь нихъ начинаетъ смотрѣть и извѣстная категорія людей, болѣзненно расшатанныхъ до décadence'a. Скульптура-же чужда всему этому: она конкретна, рельефна и осязательна, даже для слѣпыхъ...

М. Антокольскій.

Не по правдѣ.

Повѣсть.

(*Окончаніе*).

VIII.

Лизавета сидѣла у окна и шила-не шила мѣшки, безпрестанно выглядывая на пустынную улицу и вздрагивая при каждомъ стукѣ въ сѣняхъ. Иголка лѣниво двигалась въ ея рукахъ, нитки рвались, рѣднина безпрестанно сползывала на полъ, — не идетъ на умъ работа! По временамъ она опускала руки; брови ея хмурились; на блѣдное, похудѣвшее лицо набѣгали суровыя морщины, и она глубоко задумывалась, устремивъ неподвижный взоръ въ стѣну. И кто знаетъ, что ей чудится на этой бѣлой стѣнѣ!

Съ того самаго дня, какъ Яковъ уѣхалъ въ поле, она ходила сама не своя. Ее грызла тоска; Яковъ былъ у нея и на умѣ и на сердцѣ, Яковъ такъ и стоялъ передъ нею. То она принималась клясть его и желать ему смерти, то вдругъ онъ становился ей жалокъ и дорогъ до того, что хотѣлось бросить мужа, дѣтей и бѣжать съ нимъ куда-нибудь подальше отъ всѣхъ добрыхъ людей.

— Вотъ и уѣхалъ... — думала она одну и ту-же неотвязную думу.—Ништо—ему здѣсь докучно! Ему все равно! Не дѣвка вѣдь—мужняя жена,—что съ меня возьмешь... Кабы любилъ—не поѣхалъ-бы... а то побаловался, да и будетъ. А въ полѣ-то что? Зачѣмъ ему туда? Не Маврушка-же... а можетъ, и Маврушка... Охъ, что мнѣ дѣлать, что дѣлать...

Она дождалась, наконецъ. Разъ на улицѣ показался вороной,— только въ телѣгѣ сидѣлъ не Яковъ, а Гаврила. Да, одинъ Гаврила,— солдата нѣтъ. Лизавета безучастно смотрѣла, какъ мужъ неуклюже

слѣзъ съ телѣги и отворилъ ворота, какъ провелъ лошадь подъ навѣсъ и, вытирая вспотѣвшій лобъ рукавомъ синей рубахи, вошелъ въ избу.

— За пшеномъ что-ли? равнодушно спросила Лизавета.

— И за пшеномъ, и сало все вышло, сказалъ Гаврила, присаживаясь.—Ну-ко-сь, собери поскорѣй... да чтой-то ты, какъ быть, съ лица смѣнилась? Неможется что-ли?

Лизавета ничего не отвѣчала, входя и выходя изъ избы, укладывая въ мѣшки хлѣбъ, сало, насыпая пшено. Приготовивъ все, что нужно, она какъ-то бокомъ взглянула на мужа и спросила:

— Ну что... много еще осталось?

— Пшеницу порѣшили... рожь еще есть. Дѣвки вчерась овесъ зачали вязать. Умора! Крутцовскій баринъ присылалъ, не возьму-ли я у него пшеницу по 7 съ полтиной, четвертей сто. А она у него еще на корню стоитъ—ха-ха-ха!

Гаврила смѣялся своимъ здоровымъ, веселымъ смѣхомъ, показывая бѣлые крупные зубы, и, слыша этотъ знакомый смѣхъ, Лизавета почувствовала, какъ сердце у нея сжалось отъ сожалѣнія къ себѣ и къ мужу. Зналъ-бы ты, Гаврила, что у жены твоей на умѣ,—не смѣялся-бы ты такъ...

— Ну что, собрала? Ладно, поѣду я. Богъ дастъ, на той недѣлѣ и молоть начнемъ. Левона въ полѣ оставлю, а самъ на мельницу. А то ты у меня больно заскучала. Вотъ погоди, уберемся, продамъ пшеницу,—гостинцевъ тебѣ накуплю... въ Турки на ярмарку поѣдемъ, ребятамъ пряниковъ, свистулекъ наберемъ! Не горюй, Лизуха!

Лизавета стояла передъ нимъ, опустивъ глаза, съ слабымъ румянцемъ на похудѣвшихъ щекахъ.

— А что... Яковъ? наконецъ вымолвила она, видя, что Гаврила собирается уходить.

— Яковъ-то?—Гаврила усмѣхнулся.—Да ничего, не обмялся еще, отвыкъ дюже отъ работы,—трудно ему. А знаешь, Лизуха! оживляясь заговорилъ онъ другимъ тономъ.—Я Мавруху-то сватаю...

— За кого это? неспокойно выговорила Лизавета.

— Извѣстно, за кого,—за Яшку-же! На что лучше? Не судилъ Богъ Ольгунькѣ, такъ пущай Мавруха живетъ за нимъ. Знать судьба намъ съ нимъ зятьями быть! А то, знаешь, пошаливать начали. Дѣдушка-Левонъ запримѣтилъ, каждый день досаждаетъ мнѣ. Всѣ, говоритъ, ометы порасширяли — каждую ночьньку не выходятъ изъ нихъ. Долго-ли до грѣха? Дѣвкѣ девятнадцатый годъ пошелъ.

Лизавета стояла вся блѣдная, шевеля посинѣлыми губами.

— Я ужъ сказывалъ имъ про это... Бери, говорю, Яшуха, сестру замужъ,—такъ, молъ, и такъ... Коли хошь въ отдѣлъ, — вотъ тебѣ полъ-избы и деньги, какъ батюшка-покойникъ приказывалъ; не хочешь

дѣлиться—живи съ нами, безъ обиды. Ладно, говоритъ. А Мавруха-то радехонька! Ажно оскалилась, какъ сказалъ ей, что за солдата ее пропью, коль баловать будетъ. Что ты съ ними подѣлаешь?

Телѣга была уже далеко, а Лизавета все стояла на томъ-же мѣстѣ и такъ-же беззвучно шевелила губами.

Яковъ лежалъ подъ ометомъ и, прищуривъ глаза, смотрѣлъ въ небо, по которому плыли бѣлыя, нѣжныя облака. Но Якову было не до облаковъ,—онъ думалъ о другомъ... Ему было скучно, ему не работалось. Желтыя поля, ометы, дѣвки, рабочіе, пѣсни вечеромъ, каша съ саломъ: все это ему надоѣло. Ночныя свиданія подъ ометами тоже надоѣли. А тутъ еще этотъ разговоръ съ Гаврилой и предложеніе жениться на Маврѣ совсѣмъ его обезкуражили; съ тѣхъ поръ онъ ходитъ, какъ въ воду опущенный, и обдумываетъ свое неловкое положеніе. Жениться! Эко что сказалъ... Да онъ вовсе еще и не думаетъ жениться,—особенно на Маврушкѣ. Ужъ если она въ дѣвкахъ такая—подъ ометы парней зазываетъ,—что-же будетъ изъ нея, когда замужъ-то выйдетъ? Завей горе веревочкой! Да, можетъ, еще это они нарочно подстроили? Чего онъ тамъ про раздѣлъ говорилъ,—полъ-избы, 300 цѣлковыхъ, еще что-то? Батюшка, говоритъ, приказывалъ передъ смертью... Фальшь все это какая-то... просто, женить его хотятъ, больше ничего. Черти эдакіе!

И Яковъ дулся, молчалъ и злился, лежа подъ ометомъ. Все ему казалось скверно,—и солнце-то больно печетъ, и мухи кусаются, и солома бока колетъ. Пропади вы всѣ пропадомъ... Лучше въ село вернуться.

Онъ вспомнилъ о Лизаветѣ. Вотъ это баба такъ баба! И красотой, и умомъ—всѣмъ взяла. Не улыбнется зря, не вымолвитъ слова пустяшнаго, не то, что Мавруха, которая готова грохотать хоть цѣлый день.—Гордячка только, недотрога,—не подступишься... и при воспоминаніи о своемъ неудачномъ ухаживаніи за Лизаветой Яковъ даже заворочался на соломѣ. Его разобрала злость... жгучее нетерпѣніе увидѣть поскорѣе Лизавету загорѣлось въ его сердцѣ. Какъ живая, встала она передъ нимъ...

Послѣ обѣда Мавра подошла къ Якову и, пристально на него глядя, спросила:

— Чего ты такой? Словно муху проглотилъ,—кислый-раскислый!

— Отстань! грубо отвѣчалъ Яковъ.—Неможется мнѣ, ломаетъ всего, а она лѣзетъ...

— И подъ ометы нонѣ не придешь?

— Не приду. Отстань, говорятъ!

Мавруха, какъ кошка, оскалила свои хищные зубки.

— Не приде-ешь? протянула она.—Ну коли и не надо... наплевать

мнѣ... Знаю я, окаянный, о комъ ты думаешь...—И Мавра пошла отъ него прочь, затянувъ веселую пѣсню.

— Шалова!—проворчалъ Яковъ ей вслѣдъ.

Подъ вечеръ, когда рабочіе собрались полудновать, по дорогѣ, бѣжавшей мимо Гаврюхина стана, черезъ Кривушинъ буеракъ, показалось облако пыли.

— Никакъ это опять Крутцовскаго барина приказчикъ ѣдетъ? сказалъ одинъ рабочій, приглядываясь.

— Вотъ носитъ ихъ! вымолвилъ Гаврила и, переставъ рѣзать хлѣбъ, изъ подъ ладони сталъ смотрѣть на дорогу. Э—э!.. да это не приказчикъ... это, видать, не самъ-ли баринъ...

Теперь облачко было совсѣмъ близко, и явственно можно было разглядѣть изящныя маленькія дрожки и запряженнаго въ нихъ сѣраго иноходца. На дрожкахъ возвышалась широкая соломенная панама съ развѣвающимися лентами, а подъ панамой сидѣлъ изящный молодой человѣкъ въ палевомъ шелковомъ сюртучкѣ, въ свѣтлыхъ панталонахъ, въ ботинкахъ изъ желтой кожи на пуговицахъ, съ хлыстикомъ и моноклемъ, болтавшимся на широкой черной лентѣ. За дрожками, уткнувъ голову подъ сидѣнье, бѣжалъ молодой датскій догъ пѣгой масти съ обрѣзанными ушами. Приблизившись къ стану, баринъ придержалъ лошадь и, прищуривъ близорукіе глаза, сталъ всматриваться въ группу рабочихъ. Потомъ совсѣмъ остановился, улыбнулся и снялъ панаму.

— Здравствуйте! сказалъ онъ нѣсколько картавя. Тубо, Боксъ... кушь, каналья! Хлѣбъ и... какъ это? Соль, кажется? Хлѣбъ и соль вамъ!

— Хлѣба кушать съ нами милости просимъ! вѣжливо отвѣчалъ Гаврила.

— Спасибо, братецъ. Что это вы—ужинаете?

— Нѣтъ еще, Арсеній Владимірычъ,—полудновать только собрались! сказалъ одинъ изъ поденщиковъ, очевидно знавшій барина.

Дѣвки сдержанно фыркали, съ любопытствомъ разсматривая барина. Онъ въ свою очередь вставилъ въ глазъ монокль и смотрѣлъ на дѣвокъ.

— А—а... ну хорошо. Гдѣ тутъ Гаврило-мельникъ?

— Это я, баринъ! сказалъ Гаврила, подходя къ барину.

— Что-же это ты, братецъ, пшеницу-то у меня не хочешь покупать?

— Да нѣтъ, баринъ, увольте! Силовъ не хватитъ...

— Напрасно. Я-бы тебѣ уступилъ. У меня Лисичкинъ торгуетъ.—знаешь?—да я не хочу съ нимъ дѣло имѣть, онъ прижимаетъ. А про тебя мнѣ говорили. Такъ не купишь? нерѣшительно повторилъ баринъ.

— Не могу, баринъ! Съ деньгами не соберусь никакъ, право-слово.

— Ну, какъ хочешь. Придется Лисичкину продавать. Прощайте. Боксъ, allez!

Крутцовскій баринъ тронулъ вожжами и исчезъ въ облакѣ золотистой пыли.

— Ладно, скатертью дорога! пустилъ ему вслѣдъ Гаврила, принимаясь за хлѣбъ.—Слыхали мы про тебя, знаемъ! Лисичкинъ прижимаетъ... вретъ все! Лисичкинъ ему ужъ и вѣрить пересталъ, потому, говорятъ, много ему баринъ долженъ.

Рабочіе поѣли и стали расходиться, надо было поскорѣе до сумерекъ овесъ свозить. Яковъ опять прилегъ подъ ометомъ. Къ нему подошелъ Гаврила.

— Что это ты, Яша, припадаешь?—ласково спросилъ онъ.

— Да нездоровится что-то...—сухо отвѣчалъ Яковъ.—Разломило всего.

— Лихоманка, чай. Такъ ты чего-же неволишься, запряги воронка, да и поѣзжай домой. Вели бабѣ моей баню вытопить, да выпарься хорошенько, вотъ ее, хворость то, какъ рукой и сниметъ!

Яковъ, охая, всталъ и пошелъ запрягать воронка.

Лизавета совсѣмъ не ждала его въ этотъ день, и когда онъ вошелъ въ избу, у нея руки и ноги отнялись и вся краска схлынула съ лица. Но она скоро оправилась, отрывисто отвѣтила на его привѣтствіе и снова принялась за работу, хотя въ глазахъ у нея рябило, а иголка дрожала въ ея рукахъ.

— Ну что, хозяюшка, какъ живете-можете безъ насъ?—спросилъ Яковъ, нѣсколько озадаченный ея холоднымъ пріемомъ.—А я безъ васъ чисто стосковался, съ ума вы у меня нейдете, ей Богу! Ажно захворалъ, такъ всего и знобитъ, такъ и знобитъ...—договорилъ онъ, забираясь на печь.

Стемнѣло, пора было ужинать. Лизавета засвѣтила огонь, накрыла на столъ и швырнувъ на столъ ковригу хлѣба, позвала Якова, а сама сѣла поодаль.

Яковъ слѣзъ, взглянулъ на столъ и унылымъ голосомъ сказалъ:

— Нѣтъ, хозяюшка, не хотца ѣсть! Пойду, лягу лучше, може полегчаетъ. А ты мнѣ дай чего-нибудь укрыться потеплѣе.

Лизавета достала съ полатей полушубокъ и кинула его Якову. Яковъ пошелъ къ двери, охая и пошатываясь.

— Яковъ...—вымолвила Лизавета и сама испугалась хриплаго звука своего голоса.

Яковъ обернулся—Лизавета сидѣла неподвижно, опустивъ глаза и руки. Онъ подождалъ—подождалъ и вышелъ.

...Глухая ночь... На церковной колокольнѣ сонный сторожъ давно прозвонилъ 12 часовъ. На селѣ лѣниво тявкаютъ собаки, да вѣтеръ

шумитъ по крышѣ амбара. Яковъ уже успѣлъ вздремнуть, пригрѣвшись подъ полушубкомъ. Вдругъ дверь стукнула, и на Якова повѣяло ночнымъ холодкомъ. Яковъ въ испугѣ вскочилъ съ постели.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ, вглядываясь въ тьму.

Никто не отвѣчалъ, но чьи-то легкіе шаги приближались къ нему, и половицы легонько поскрипывали подъ ними.

— Съ нами сила крестная, кто это? — уже не своимъ голосомъ крикнулъ Яковъ.

Но крикъ его сейчасъ-же оборвался. Двѣ холодныя руки обвились вокругъ его шеи, и Яковъ почувствовалъ на лицѣ своемъ капли горячихъ слезъ.

— Яша, ненаглядный мой...—шептала Лизавета, задыхаясь и плача.—Не въ моготу мнѣ... не дамъ я тебѣ вѣнчаться съ Маврушкой постылой. Охъ, Яша, Яша, люблю я тебя пуще свѣту бѣлаго... не женись на ней! Ножомъ зарѣжу обоихъ, на грѣхъ пойду, на каторгу, а не дамъ тебѣ жениться...

IX.

Былъ ясный сентябрьскій день. На небѣ ни одного облачка; въ знойномъ воздухѣ плавно проносятся сверкающія паутинки; листья беззвучно падаютъ на землю. Откуда-то издалека доносится веселое ржанье лошадей и плачетъ пастушья дудка.

Молодой Пчелищевъ сидѣлъ на балконѣ своего дома, развалясь на мягкой бархатной кушеткѣ. Онъ лежалъ, откинувъ голову на подушку, и тоскливо глядѣлъ въ потолокъ, по которому волновались густыя складки суроваго полотна. Ему было скучно до бѣшенства.

— Sacre nom!—воскликнулъ онъ, схватившись за голову.—Но это свинство... это ужасно свинское положеніе. Данилка, Данилка!—закричалъ онъ, безъ нужды топая ногами.

Плутоватый Данилка остановился на порогѣ.

— Поди, позови ко мнѣ управляющаго... —отрывисто приказалъ баринъ, бѣгая по балкону такъ, что помостъ дрожалъ.

Пришелъ управляющій. Это былъ сѣдой серьезный старикъ съ неподвижнымъ, какъ будто окаменѣвшимъ лицомъ.

— Петръ Иванычъ!—ласково заговорилъ баринъ.—Садитесь пожалуйста, не хотите-ли вина?

— Покорно благодарю, не хочу,—холодно сказалъ старикъ садясь.

Баринъ засуетился, обдумывая какъ-бы приступить къ щекотливому вопросу.

— Ну что, какъ наши дѣла?—спросилъ онъ наконецъ нерѣшительно.

— Какія?

— Да вообще... по хозяйству...

— Плохи... Да отчего-же имъ хорошими-то быть?

— Это ужасно! Ужасно!—воскликнулъ баринъ. — И ни копѣйки нѣтъ?

— Ни копѣйки.

— Боже, Боже! Такъ гдѣ-же достать?

— Одно мѣсто только и есть, у Захоперскаго мельника. У него еще не занимали.

Оживленіе барина мгновенно упало. Онъ опустился на кушетку и уныло проговорилъ: «не дастъ!»

— А вы развѣ пробовали?—съ любопытствомъ спросилъ старикъ.

— Не пробовалъ, а не дастъ. Кулакъ онъ страшный...

— А вы все-таки попытайтесь. Съѣздите къ нему сами, ему лестно будетъ. Да и вамъ все-таки развлеченіе, чего на одномъ мѣстѣ-то сидѣть?

Легкомысленный молодой человѣкъ снова оживился.

— Такъ вы велите тамъ, Петръ Иванычъ, лошадь въ шарабанъ заложить. Такъ и быть съѣзжу, можетъ, и дастъ! Поскорѣе только.

Управляющій вышелъ, улыбаясь и покачивая головой, а баринъ побѣжалъ одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ шарабанъ былъ готовъ, и Арсеній Владиміровичъ пріодѣтый, вымытый и надушенный, усѣлся на скамеечкѣ шарабана.

Шесть верстъ промелькнули быстро. Спросивъ по дорогѣ встрѣчныхъ, гдѣ живетъ мельникъ Гаврила Авдѣевъ, баринъ съ громомъ и пылью, среди оглушительнаго лая собакъ, подкатилъ къ Гавриловой избѣ. Передавъ вожжи груму, баринъ вылѣзъ изъ шарабана и пошелъ къ воротамъ. Навстрѣчу ему выскочила Маврушка, но, увидѣвъ барина, открыла отъ удивленія ротъ и кинулась было бѣжать, но баринъ ее остановилъ.

— Скажите, милочка, гдѣ Гаврила Авдѣичъ? — спросилъ онъ, вѣжливо снимая свою панаму.

Мавруша фыркнула и пробормотавъ: «на мельницѣ!» немедленно исчезла, оставивъ барина одного. Онъ стоялъ въ недоумѣніи, не зная что ему дѣлать. На выручку къ нему подоспѣлъ Яковъ. Онъ вышелъ на крыльцо и вѣжливо раскланялся съ бариномъ.

— Вамъ кого нужно, ваше благородіе?—спросилъ онъ.

— Гаврила... Гаврила Авдѣича...

— Ихъ нѣтъ дома, онъ на мельницѣ; ну, впрочемъ, вы обождите, баринъ, я сейчасъ за нимъ пошлю. Эй ты, Мавра Авдѣвна, недотыка-царевна, выдь-ка сюда!—крикнулъ онъ въ сѣни.

Изъ сѣней послышался чей-то сдержанный смѣхъ.

Эта сцена начала заинтересовывать барина. Онъ ободрился и съ улыбкой вставлялъ въ глазъ монокль. Веселый солдатъ ему нравился.

— Это кто тамъ, въ сѣняхъ?—спросилъ онъ, стараясь попасть въ фамильярно-веселый тонъ Якова.

— А это Гаврилы Авдѣича сестрица, первый сортъ дѣвица — не подруковная мука! Да вотъ я вамъ сейчасъ ее приволоку...

Онъ быстро исчезъ въ сѣняхъ,—тамъ произошла возня, слышался хохотъ, и черезъ минуту на крыльцѣ снова появился Яковъ, таща въ охапку смѣющуюся и отбивающуюся отъ него Мавруху. Въ борьбѣ съ нея свалился платокъ и рыжія косы распустились. Баринъ жадно смотрѣлъ на дѣвушку.

— Вотъ она, ваше благородіе!—говорилъ Яковъ, подтаскивая Мавруху къ барину. Ну, стой же, Мавра, не дури, слушайся. Смир-рно! Во-фрунтъ!

Мавра присмирѣла.

— Вамъ Гаврилу Авдѣича?—продолжалъ Яковъ.—Такъ ты вотъ что, Мавра. Бѣги сейчасъ на мельницу, да живѣй, чтобы одна нога здѣсь, другая тамъ, и скажи брату, что ихъ баринъ спрашиваетъ. Слышала? Ну маршъ,—налѣво кругомъ!

А вы, баринъ, пожалуйте въ горницу,—смотрите, не зацѣпитесь,— здѣсь ступенька. Легонечко!

— Развѣ никого нѣтъ дома?—спросилъ баринъ, входя въ пустую избу и морщась отъ сильнаго запаха щей и хлѣба.

— Нѣтъ, хозяйка-то сама дома, да она нездорова маленько, лежитъ въ горницѣ. Да вы не сумлѣвайтесь, сейчасъ братецъ придетъ. Присядьте здѣсь,—тутъ маленько почище будетъ. Позвольте, я вамъ смахну пыль-то...

Въ нѣсколько минутъ онъ такъ очаровалъ барина своей бойкостью и услужливостью, что легкомысленный молодой человѣкъ откровенно повѣдалъ ему о цѣли своего пріѣзда къ мельнику.

Услышавъ объ этомъ, Яковъ сейчасъ же принялъ серьезный видъ и задумался. Арсеній Владиміровичъ это замѣтилъ.

— А что, ты думаешь—не дастъ?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Врядъ-ли!—съ сомнѣніемъ вымолвилъ Яковъ.—Я прямо вамъ скажу,—вѣдь онъ у насъ скупищій-разскупищій? А можетъ, и дастъ, кто его знаетъ!

Ихъ бесѣда была прервана приходомъ Гаврилы. Онъ явился весь обсыпанный мукой и очень недовольный, что его оторвали отъ работы. Онъ вошелъ въ избу, а Маврушка осталась на улицѣ и принялась дразнить Ваньку. Къ ней присоединились еще двѣ-три дѣвки изъ Шабровъ, и веселыя насмѣшницы принялись критиковать грума.

Въ это время въ избѣ происходила другая сцена. Баринъ чуть не

плакалъ, упрашивая Гаврилу дать ему взаймы подъ вексель 1000 рублей; Гаврила съ суровымъ нахмуреннымъ лицомъ отказывалъ.

— Никакъ невозможно, баринъ!—твердо говорилъ онъ, комкая въ рукахъ свою покрытую мукой шапку.—Не при деньгахъ теперича,—хлѣбъ еще не проданъ, мельницу вотъ-вотъ только наладилъ, уборка нонѣ была дорогая. И радъ бы радостью, да не могу, ужъ не взыщите.

Баринъ всталъ весь красный и взволнованный.

— Ну до свиданія... Очень жаль!..—пробормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ, выбѣгая изъ избы. Гаврила мрачно смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ну что ты его не уважилъ?—сказалъ Яковъ.

— А ну его...—выругался Гаврила.—Онъ будетъ деньгами швырять, а ты за него горбъ гни! Мало они сидѣли на мужицкомъ-то горбу,—будетъ теперича, пущай сами объ себѣ подумаютъ...

X.

Проводивъ гостя, Гаврила постоялъ въ раздумьи и прошелъ въ лѣтнюю горницу, гдѣ лежала Лизавета. Въ послѣднее время жена его сильно озабочивала, и это отчасти было причиной его сердитаго настроенія духа, обыкновенно совсѣмъ ему несвойственнаго. Вотъ уже которую недѣлю съ Лизаветой дѣлается что-то неладное... Она ходила сама не своя, часто плакала безъ всякой повидимому причины, на всѣхъ огрызалась. Маврушку поѣдомъ ѣла, а Гаврилу такъ даже и не подпускала къ себѣ. Гаврила терялся въ догадкахъ, и на душѣ у него становилось тяжелѣе и тяжелѣе.

Онъ, осторожно ступая, вошелъ въ горницу и тихонько приблизился къ женѣ, которая лежала, отвернувшись къ стѣнѣ и тихо раскачивала люльку.

— Лизавета!—робко окликнулъ ее Гаврила.

Она молчала, только плечи ея вздрогнули.

— Лизуха... Лиза...—еще тише и ласковѣе продолжалъ Гаврила.—Да скажи ты мнѣ, голубка, что-же это тебѣ подѣялось? А?

Люлька закачалась во всѣ стороны, оттолкнутая рукою Лизаветы, и она порывисто вскочила съ постели.

— Ну что тебѣ? Что? Господи!—закричала она истерически.—Уйди ты отъ меня, ради Христа... уйди, чтобъ я не видала тебя... а то я надъ собой что нибудь сдѣлаю...

Гаврила тяжело вздохнулъ и такъ-же осторожно вышелъ изъ горницы. «Господи, и что это за напасть такая?—думалъ онъ съ тоской.—Ужъ не испортили-ли у меня бабу? И чѣмъ я ей такъ опостылѣлъ? Знать злые люди позавидовали нашему согласію»...

Съ той самой ночи, какъ Лизавета въ порывѣ ревности пришла къ Якову въ амбаръ—вся жизнь ея переломилась на-двое. Съ прошлымъ своимъ, съ прежнею мирною тихою жизнью у нея все было покончено, и она вся отдалась своей безумной страсти. Она не владѣла уже больше собою,—весь міръ ея заключался въ одномъ Яковѣ. Гаврила сталъ ей ненавистенъ, дѣти ее только мучили. Сколько разъ она порывалась разсказать все мужу, и Якову стоило не мало усилій отговорить ее отъ этого. Онъ былъ просто ошеломленъ ея страстностью, и хотя первое время торжествовалъ, но скоро сталъ раскаиваться. Весь пылъ его исчезъ, когда онъ увидѣлъ, что дѣло идетъ въ серьезъ и что Лизавета неспособна, какъ другія бабы, и муженьку—пирожокъ, и дружку—каравай... А тутъ еще Маврушка приставала съ свадьбой, и Яковъ постоянно находился между двухъ огней, не зная, какъ ему выпутаться. Лизавета ревновала его къ Маврѣ, а Мавра—къ Лизаветѣ; обѣ постоянно слѣдили другъ за другомъ съ злобной ненавистью и по очереди устраивали бурныя сцены ревности. Лизавета грозила, что все разскажетъ мужу, а Мавра всячески старалась ихъ подстеречь и часто за обѣдомъ, въ присутствіи брата, дѣлала такіе намеки, что Яковъ чувствовалъ себя, какъ на горячихъ угольяхъ, а Лизавета выходила изъ-за стола блѣднѣе полотна. Положеніе Якова становилось все болѣе и болѣе щекотливымъ, и въ концѣ концовъ онъ задумалъ бѣжать. Какъ и куда—онъ самъ еще не зналъ, но это былъ для него единственный выходъ.

Неожиданный пріѣздъ Крутцовскаго барина породилъ въ немъ спасительную мысль. «Попрошусь къ барину на службу! думалъ онъ, ухаживая за бариномъ. Баринъ-то никакъ простой, добрый,—возьметъ! Тогда—крышка; ищи вѣтра въ полѣ. Прощай, Лизавета Прокофьевна, Богъ съ тобою. У Гаврюхи-то рука тяжелая,—тебѣ-то, можетъ, и ничего, а я не хочу. Ну васъ всѣхъ въ болото!..»

Увидѣвъ, что Гаврила вышелъ изъ горницы понурый и тяжелыми шагами, не замѣтивъ его, прошелъ на мельницу,—Яковъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ злобную радость. Затѣмъ онъ осмотрѣлся и, убѣдившись, что Мавруха убѣжала куда-то съ подружками, воровски прокрался въ лѣтнюю горницу.

Лизавета сидѣла склонивъ голову на грудь и опустивъ руки, но при входѣ Якова она встрепенулась, и глаза ея блеснули.

— Что, опять съ Маврушкой игралъ? глухо спросила она.

— Когда? равнодушно спросилъ Яковъ и, подсѣвъ къ ней, обнялъ ее.

Это равнодушіе раздирало сердце Лизаветы нестерпимой болью.

— Погубитель ты мой... проговорила она, зарыдавъ.—Что ты со мной сдѣлалъ? Вѣдь я изъ-за тебя законъ забыла, душу свою прокляла, а ты издѣваешься...

Она билась на скамьѣ, ломая руки и задыхаясь отъ рыданій. Яковъ смотрѣлъ на нее и молчалъ. Ему не было жаль ее; напротивъ, страданія несчастной, обезумѣвшей отъ любви женщины доставляли какое-то странное удовольствіе его зачерствѣвшему сердцу. При томъ онъ уже по опыту зналъ, что послѣ этихъ рыданій, намучившись и обезсилѣвъ, Лизавета присмирѣетъ и еще горячѣе будетъ его ласкать, если онъ этого захочетъ. Такъ вышло и теперь. Наплакавшись, Лизавета вдругъ порывисто бросилась къ Якову, обняла его и стала страстно цѣловать, приговаривая:

— Яша, Яшенька...

— Да будетъ тебѣ убиваться, дурочка!—ласково сказалъ Яковъ, сажая ее къ себѣ на колѣни.—Нешто я тебя не люблю? Вѣдь ежели я съ Маврушкой балуюсь,—это для отвода глазъ. Боюсь я твоего Гаврилы, да и Маврушка—шельма, должно, пронюхала. Такъ и зыркаетъ глазищами по сторонамъ... а Гаврила вотъ который день ходитъ, что твоя темная ноченька.

— Не боюсь я ихъ... хочешь, нынче все разскажу Гаврилѣ? Будь что будетъ.

— Да вѣдь онъ насъ убьетъ!

— А пущай—одинъ конецъ...—сжавъ губы сказала Лизавета.

— Одинъ конецъ! усмѣхнулся Яковъ.—Да вѣдь онъ перваго меня убьетъ, а тебя-то, можетъ, и пожалѣетъ.

— Я сама его убью тогда.

— Эхъ, пустое это все. Ты слушай лучше, что я тебѣ скажу. Удумалъ я одну думу... нельзя мнѣ здѣсь оставаться, уходить надо...

— Уйдешь?—ревниво выговорила Лизавета.—И я съ тобой коли такъ.

— Да ты постой, слушай. Уйти-то я уйду, да недалече,—наймусь гдѣ-нибудь. Сюда буду каждый праздникъ приходить... а тамъ, глядишь, скоплю деньжонокъ, возьму свою часть, да и махнемъ мы съ тобой куда подальше.

— Врешь, не вѣрю я тебѣ!—перебила его Лизавета.—Обманываешь... Уйдешь, да и поминай какъ звали... на сторонѣ иную полюбишь.

Яковъ опять принялъ равнодушный видъ.

— Ну какъ хочешь... выбирай любое! Останусь я здѣсь—либо онъ убьетъ меня, либо не миновать на Маврушкѣ жениться. Вотъ ты и гадай, дѣвица, въ коей рукѣ золотцо!

Лизавета вздрогнула и крѣпко прильнула къ Якову.

— Яша... дѣлай, какъ знаешь, только не женись на Маврушкѣ. Женишься—не жить тебѣ на бѣломъ свѣтѣ. Руками удавлю...

— Ну что-же, Лизавета,—согласна что-ли?

— Согласна...—какъ эхо повторила Лизавета.

— Ну вотъ и ладно. Эхъ, Лизаветушка, кралечка ты моя золо-

тая, брилліантовая! Подожди, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ... Ну, прощай покуда. Выходи ночью на огородъ,—ждать буду.

Онъ ушелъ. Лизавета съ любовью провожала его до крыльца. Но вернувшись въ горницу, она задумалась... и снова залилась слезами. Она не вѣрила Якову...

Выйдя на улицу, Яковъ оглядѣлся и съ облегченіемъ вздохнулъ. «Фу ты... ну, врѣзалась баба!» подумалъ онъ не то съ удовольствіемъ, не то со злостью. А вонъ и энта глазастая идетъ! Ишь зубы-то оскалила... Ахъ, пропади вы всѣ пропастью!

И Яковъ, заломивъ шапку на бекрень, пошелъ навстрѣчу Маврушкѣ.

— Ну что, Мавра, понравился баринъ?—спросилъ онъ ее.

— Ну ужъ! жигилястый *) да бритый, хвостъ подбитый, на макушкѣ три лягушки!

— Много ты понимаешь! Чай и я бритый, а любишь-же меня?

— Какой лѣшій тебѣ сказалъ? Ни чуточки не люблю!

— А подъ ометами-то – помнишь?

Мавруша вдругъ вся вспыхнула и подступила къ Якову ближе.

— Слушай, Яшка, ты не отвиливай!—гнѣвно прошептала она.— Кто обѣщалъ бусы да сарафанъ, а, ждать-пождать, и нѣту?

— Ну, и еще подождешь! Вотъ денегъ раздобуду, не то бусы— хомутъ цѣлый куплю!

— А свадьба когда?

— Свадьба? Чья?—равнодушно и посмѣиваясь спросилъ Яковъ.

Огромные глаза Мавры сверкнули, и она съ трескомъ переломила на двое палку, которую держала въ рукахъ.

— Ну ладно, дьяволъ, я те припомню!—крикнула она, уходя.

Въ сѣняхъ ей встрѣтилась Лизавета, которая съ заплаканными глазами несла ведро съ водой. Мавра злобно взглянула на нее и, усмѣхнувшись, прошла въ избу.

Яковъ шелъ къ Ѳедору. Изба его стояла почти на самомъ выѣздѣ изъ села, и трудно представить себѣ что-нибудь болѣе жалкое и разрушенное, чѣмъ Ѳедорово жилище. Крыша была раскрыта, и солома на ней развѣвалась въ разныя стороны, словно космы какой-то огромной головы; стѣны были грязныя, облупленныя; ворота покосились; стекла въ окнахъ были выбиты, и въ нихъ зіяли отверстія, заткнутыя тряпками; крыльцо совсѣмъ развалилось.

Единственный человѣкъ, съ которымъ Ѳедоръ сошелся по дружески—былъ Яковъ. Ихъ сблизила общая праздность и лѣнь, любовь къ выпивкѣ и пустымъ разговорамъ, но главное—слѣпая и жестокая ненависть къ Гаврилѣ.

*) Тонконогій.

Идя по улицѣ, Яковъ еще издали увидѣлъ, что Ѳедоръ стоитъ на крыльцѣ, и снявъ картузъ, замахалъ имъ въ видѣ привѣтствія. Ѳедоръ отвѣчалъ ему тѣмъ-же; на лицѣ его появилась широкая улыбка—онъ былъ искренно радъ Якову.

— Здорово, своякъ!—сказалъ Яковъ, подходя ближе и подавая Ѳедору руку.

— Здравствуй и ты. Иди въ избу,—гостемъ будешь.

— Зачѣмъ въ избу? Тамъ у васъ, чай, духота. Посидимъ лучше на крылечкѣ, да покуримъ. Алена-то все хвораетъ?

— Зачаврѣла совсѣмъ! — съ досадой сказалъ Ѳедоръ, свертывая себѣ «чортову ножку» изъ Яшкина табаку—своего у него никогда не было.—И когда она помретъ? Развязала-бы! Ну, а твой бугой какъ?

— А что ему дѣется? Баринъ къ нему нынче пріѣзжалъ,—Крутцовскій, денегъ занимать.

— Ну? То-то я видѣлъ давеча,—онъ проѣхалъ. Что-же далъ идолъ-то?

— Дастъ онъ—держи карманъ! Ни-ни! На отрѣзъ!

Ѳедоръ помолчалъ и вдругъ залился веселымъ смѣхомъ.

— Чего ты?—спросилъ Яковъ, съ удивленіемъ глядя на пріятеля.

— Да чудное больно подумалось... Небось у Гаврилы страсть деньжищъ-то... вотъ я и подумалъ,—что, если хапнуть? То-то-бы сбѣсился!

— И то!—подхватилъ Яковъ, и пріятели принялись хохотать.

— Хоть-бы въ щелочку подглядѣть!—говорилъ Ѳедоръ сквозь смѣхъ.—Какъ это онъ... Открылъ сундукъ-то—хвать! Нѣту... Ха-ха-ха!

— А онѣ у него въ сундукѣ? Много, думаешь?

— Хватитъ! Старикъ, небось, тыщи три оставилъ, да самъ прикопилъ. А тебѣ сулится сколько дать?

— Говорилъ—пять сотенныхъ.

— Ишь ты, толстый чортъ! Это отъ тыщей-то! Не грѣхъ-бы и побольше дать.

Яковъ вдругъ задумался. Слова Ѳедора задѣли самую чувствительную струнку въ его душѣ. «И въ самомъ дѣлѣ! подумалъ онъ. Словно собакѣ бросаютъ,—на, молъ, отвяжись! Небось я до 20 лѣтъ-то работалъ, наживалъ вмѣстѣ... работника дороже стоитъ нанимать». И ненависть его къ Гаврилѣ загорѣлась еще пуще. Онъ всталъ и угрюмо проговорилъ: «ну, прощай, пойду я».

— Да ты чего-же не сидишь? Пойдемъ въ избу, я водки достану.

— Нѣтъ, ужъ до завтрева. Завтра пойду къ барину наниматься, ежели сладится дѣло, магарычи будемъ пить.

А Гаврила въ это время работалъ изо всѣхъ силъ. Возы съ хлѣбомъ вереницей тянулись къ мельницѣ; всѣ жернова были въ ходу.

помостъ дрожалъ, толчеи ходуномъ ходили и мучная пыль тучей носилась въ амбарѣ. Но, несмотря на эту привычную кипучую дѣятельность, на душѣ Гаврилы было неспокойно, и мысль о женѣ не выходила у него изъ головы.

XI.

На утро Яковъ всталъ раньше всѣхъ, собрался, взялъ на дорогу ломоть хлѣба и, не дожидаясь завтрака, отправился въ Крутцы. Дорогой онъ не переставалъ раздумывать о своемъ странномъ положеніи, о Маврухѣ и Лизаветѣ, которая на ночномъ свиданіи заставила его поклясться, что онъ ее не броситъ, и наконецъ о Гаврилѣ. Сундукъ съ деньгами не давалъ ему покоя и мерещился наяву. Стоитъ, правда, хапнуть у него, да и удрать съ Лизаветой куда подальше. Съ деньгами то вездѣ хорошо... Да вотъ бѣда,—Лизавету пожалуй не урезонишь,—больно совѣстлива. Скажи-ка ей про деньги,—такъ на дыбы и подымется. А вѣдь и то сказать, не чужое беретъ — свое, и грѣха нѣтъ...

Но за сердце все-таки что-то щипало Якова, и онъ, чтобы развеселить себя, громко засвисталъ, подходя къ усадьбѣ. Запустѣлый и разоренный видъ ея поразилъ Якова.

На крыльцо выбѣжалъ Данилка съ полотенцемъ черезъ плечо и рукомойникомъ.

— Ты куда? Куда лѣзешь?—закричалъ онъ тоненькимъ голоскомъ.

— Не кричи, не испугаюсь, осадилъ его Яковъ.—Я не къ тебѣ,—къ барину.

— Нѣту барина дома! Нынче не будетъ, и завтра не будетъ, и послѣзавтра не будетъ. Уѣхалъ баринъ вотъ ужъ вторую недѣлю, и пріѣдетъ не скоро.

— Не ври! Вчерась твой баринъ въ Захоперьи былъ и нынче дома. А ты лучше вотъ что,—бѣсомъ-то не прыгай, а поди къ барину и доложи, что, молъ, солдатъ пришелъ изъ того дома, гдѣ вы вчера были, по важному, дескать, дѣлу. Ну, налѣво кругомъ маршъ! Одна нога здѣсь, другая тамъ.

— Да ты зачѣмъ?—сдаваясь проговорилъ Данилка.

— А ужъ это дѣло мое. Не за деньгами, а, можетъ, еще съ деньгами,—вотъ что!

— Данилка! Данилка!—послышался откуда-то голосъ барина.

— Ну подожди, я сейчасъ,—шепнулъ Данилка.—Ты посиди здѣсь, а я сбѣгаю, доложу.

Онъ исчезъ, а Яковъ усмѣхнулся, сѣлъ на приступочку и отъ нечего дѣлать сталъ свертывать себѣ «цыгарку». Черезъ нѣсколько минутъ Данилка прошмыгнулъ мимо него и, подмигивая Якову, какъ старому знакомому, сказалъ: «иди, чтоль,—зоветъ»!

Яковъ вскочилъ, притопталъ ногою цыгарку и, оправившись, пошелъ за Данилкой. Миновавъ переднюю и широкій свѣтлый коридоръ, Данилка ввелъ Якова въ большую комнату, служившую барину уборной. Самъ Арсеній Владиміровичъ, въ байковомъ халатѣ и туфляхъ, сидѣлъ передъ большимъ круглымъ зеркаломъ и вытиралъ свою бѣлую обнаженную шею мохнатымъ полотенцемъ. Обтершись, онъ взялъ коробку съ пудрой, тщательно попудрился и потомъ уже обернулся къ Якову.

— А... здравствуй, любезный!—привѣтливо вымолвилъ онъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе!—по солдатски выкрикнулъ Яковъ.

— Что скажешь, братецъ?—продолжалъ баринъ, сбивая мыльную пѣну.

— Да хорошаго мало, ваше благородіе,—осмѣлюсь утруждать васъ просьбой.

— Какой просьбой?—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ Пчелищевъ.

— Да вотъ, не будетъ-ли у вашей милости какого-нибудь мѣстечка, примѣрно, въ объѣздчики или приказчики. Я грамотный и могу услужить вашему благородію. А насчетъ жалованья,—какое вашей милости будетъ угодно, такое и положьте. Я за этимъ не гонюсь. Пуще всего отъ брательника уйти хочу, потому, мужикъ нравный, тяжелый, сами изволили видѣть...

— Да, да, да...—проговорилъ баринъ, поморщившись при воспоминаніи о Гаврилѣ.—Бѣдовый онъ у тебя... но какого-же тебѣ мѣстечка?—спросилъ онъ, осторожно проводя бритвой по розовой намыленной щекѣ.

— Да какое найдется. Я всякимъ буду доволенъ, ваше благородіе.

Баринъ задумался, усердно занявшись бритьемъ. Озабоченно соскобливъ со щекъ мыльную пѣну, онъ чисто-начисто вытерся полотенцемъ и, помазавъ щеки и губы какою-то розовою помадой, всталъ.

— Гм... ужъ не знаю, какое-же тебѣ мѣстечко... У меня, видишь-ли, все занято. А мнѣ-бы хотѣлось тебя взять; ты, братецъ, мнѣ нравишься.

Онъ прошелся раза два взадъ и впередъ въ раздумьи, потомъ остановился передъ Яковомъ и внимательно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы. Вдругъ лицо его просіяло.

— Вотъ что... Я придумалъ. Ты швейцарскую должность знаешь?

— Это у дверей-то стоять?—серьезно спросилъ Яковъ.

— Да, да... и вообще, знаешь...

— Какъ-же, ваше благородіе, я эфту часть очень хорошо понимаю!

— Ну вотъ и прекрасно... Я давно думалъ о швейцарѣ. Потому-что, видишь-ли, въ домѣ чего-то недостаетъ, когда нѣтъ швейцара. И я очень радъ... Только предупреждаю, братецъ, жалованья большого дать не могу. Я не обижу, ты не безпокойся! Вотъ на первое время положу тебѣ 8 рублей, а тамъ, если буду тобою доволенъ, прибавлю. Согласенъ?

— Помилуйте, ваше благородіе, оченно много доволенъ!

— Ну, вотъ и отлично! Такъ ты... Какъ тебя?.. Яковъ? Такъ ты, Яковъ, приходи сегодня-же.

— Слушаю-съ, ваше благородіе! Счастливо оставаться...—и Яковъ повернулся-было уходить, но баринъ его остановилъ.

— Да... вотъ кстати, Яковъ... какъ эта дѣвочка-то... она сестра что-ли Гаврилѣ?

— Это Мавруша-то? Сестра-съ, — быстро входя въ лакейскій тонъ отвѣчалъ Яковъ.

— Гм... она мнѣ очень понравилась... очень! А какъ ты думаешь, строга она?

—- То-есть это насчетъ чего?—притворяясь непонимающимъ, спросилъ Яковъ.

— Ну, напримѣръ... понимаешь, братецъ?.. Если поухаживать за ней...

— Она-то? Да она съ удовольствіемъ! Вотъ Гаврила, — это ужъ, надо сказать, другой разговоръ.

— А что?—съ безпокойствомъ спросилъ баринъ.

— Да, прямо надо сказать, убьетъ безъ всякой осторожности. Мужланъ, извѣстно; нешто они, дурачье, могутъ понимать благородство?

— Вотъ какъ... лицо Пчелищева омрачилось.—Это непріятно... Дѣвочка-то прелесть.

— Дѣвочка чудесная, ваше благородіе. У насъ въ Захоперьи первая красотка!

— Прелесть, прелесть... Рыженькая, глазенки... А нельзя-ли какъ-нибудь это устроить, чтобы Гаврила-то не зналъ?—почти заискивающе спросилъ онъ, понизивъ голосъ.—Какъ-нибудь пригласить ее сюда... Я тебѣ очень буду благодаренъ...

— Да что-жъ, попробовать можно. Она-то пойдетъ...

— Пойдетъ?—Баринъ, улыбаясь, прошелся по комнатѣ и затѣмъ, принявъ опять барскій небрежный тонъ, сказалъ:—Ну, такъ ты приходи, братецъ...

Яковъ вышелъ. «Ай да баринъ!—думалъ онъ.—Эдакого барина вокругъ пальчика можно обвернуть, коли захочешь. Маврушка-то дура, ежели съумѣетъ, барыней будетъ... Да не уломаешь, пожалуй: упрямая; вся въ Гаврилу. Эхъ, кабы уломать, зажили-бы мы съ ней!»

XII.

Яковъ вернулся домой поздно ночью, когда всѣ уже легли, чуть живой-пьяный, и долго оралъ въ амбарѣ пѣсни, никому не давая спать. Впрочемъ, Гаврилѣ и безъ того плохо спалось въ эту ночь, и, ворочаясь съ боку на бокъ на жесткой ватолѣ. онъ думалъ глубокую думу. Странное поведеніе жены не давало ему покоя, да и Яковъ въ послѣднее время заставлялъ его задумываться. Гаврилѣ сильно не нравилась жизнь, которую велъ Яковъ съ самаго своего прихода. Сначала онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на его бездѣлье и частыя выпивки. снисходительно разсуждая, что, молъ, пущай парень погуляетъ на своей волѣ,— но потомъ это стало безпокоить Гаврилу. Вотъ уже два мѣсяца прошло, а Яковъ все гуляетъ, пьянствуетъ, безобразничаетъ и не думаетъ приниматься за какую-нибудь работу. Долго-ли совсѣмъ избаловаться? кромѣ пьянства и бездѣлья, Гаврилѣ не по душѣ была еще дружба Якова съ Ѳедоромъ. Гаврила не любилъ Ѳедора, считалъ его за пустого и злого человѣка и постоянно жалѣлъ, что Алену за него выдали. Нѣсколько разъ онъ пытался дружески говорить съ Яковомъ объ этомъ, намекалъ ему, предостерегалъ, но Яковъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ его намековъ, или хмурился. Гаврилу глубоко огорчало такое отношеніе къ нему со стороны Якова, Иногда онъ совершенно нечаянно ловилъ на себѣ какой-то странный, ѣдкій и злобный взглядъ Якова, — и ему становилось жутко и непріятно. Въ прибауткахъ и шуточкахъ братана часто чуялась ему насмѣшка,—и опять Гаврила терялся, и сердце его сжималось отъ предчувствія чего-то недобраго.

И ворочаясь на постели. Гаврила думалъ и придумывалъ, какъ все это выяснить и уладить. Но ничего не приходило въ голову и, прислушиваясь къ безобразному оранью пьянаго Якова, Гаврила чувствовалъ, что все больше и больше запутывается. «Нѣтъ, надо съ нимъ потолковать! —рѣшилъ онъ наконецъ.—Скажу ему все на чистоту—пущай! По крайности виднѣе будетъ. И что съ нимъ сдѣлалось? Какой парень-то былъ, Господи! А теперь испортился—ни къ чему, дрянь-человѣкъ... Съ Ѳедькой связался,—это ужъ послѣднее дѣло. Вотъ нешто женится—перемѣнится. Все-таки жена, хозяйство, ребята пойдутъ... Можетъ, и объ гулянкахъ забудетъ. Да больно боязно; ну какъ выдашь за него Мавруху, а онъ и начнетъ, какъ Ѳедька съ Аленочкой. Да, не дай Господи! Эхъ, Яша, Яша!»

На утро, когда уже всѣ позавтракали, убрались, и Гаврила ушелъ на мельницу, — Яковъ проснулся съ нестерпимой головной болью и сильно бьющимся сердцемъ. Когда онъ поднялся съ постели, чтобы идти въ избу, его такъ и шатнуло въ сторону.

Въ избѣ сидѣла одна Лизавета, Маврухи не было. При входѣ Якова, Лизавета вся вздрогнула и вскочила ему на встрѣчу, но Яковъ сердито взглянулъ на нее и, ни слова не говоря, сѣлъ на лавку.

— Гдѣ это вчера гулялъ?—ревниво спросила Лизавета.

— Гдѣ былъ, тамъ нѣту!—грубо отвѣчалъ Яковъ, и ему захотѣлось ее ударить.

— Вотъ какъ нынче! — съ горечью воскликнула Лизавета.—И ушелъ—не сказался, и пришелъ—говорить не хочетъ! Коли разлюбилъ—такъ и скажи, по крайности мучиться не буду...

— Ахъ, отстань ты отъ меня, Лизавета!—крикнулъ Яковъ, хватаясь за голову.—И безъ тебя тошно. Чѣмъ языкомъ-то болтать, лучше-бы опохмѣлиться достала, а то только на словахъ—люблю, люблю, а коснись до дѣла, сейчасъ и въ кустъ!

— Да что-же,—покорно сказала Лизавета.—Давай, я схожу—принесу.

— Далъ-бы, коли-бы деньги были. А то ни гроша нѣту, все вчерась пропили.

— Съ кѣмъ это?

— Да все съ родственникомъ вашимъ любезнымъ, Ѳедькой! Имъ-бы только людей опивать.

У Лизаветы мгновенно отлегло отъ сердца, и жгучая ревность смѣнилась участіемъ къ страданіямъ возлюбленнаго. Она глядѣла на Якова, придумывая, гдѣ-бы достать ему водки.

— Эко горе!—со вздохомъ вымолвила она.—У меня-то какъ на грѣхъ денегъ нѣту!

— Не ври! Небось, въ холстахъ-то съ полсотни золотыхъ накатано!

Лизавета вспыхнула.

— Ежели-бы было, неужто я-бы тебѣ не дала?—обиженно возразила она.—Ужъ коли себя не жалѣю, неужто денегъ-то для тебя пожалѣла-бы? Эхъ, Яша, грѣхъ тебѣ!

Яковъ въ раздумьи взглянулъ на нее, и въ головѣ его блеснула какая-то мысль.

— Лиза, а Лиза!—позвалъ онъ ее ласковымъ шепотомъ.—Поди-ка сюда поближе... прости меня, Лиза, зря я тебя давеча обидѣлъ... Больно голова трещитъ... Смерть выпить хочется, Лиза! Нѣтъ-ли у Гаврилы деньжонокъ-то, а?

— У него-то какъ не быть, да вѣдь что-же, надо къ нему на мельницу бѣжать.

— Ну, зачѣмъ на мельницу... Онъ гдѣ ихъ прячетъ-то?

— Въ укладкѣ.

— А ключи гдѣ?

— Ключи у меня.

— Такъ ты, чѣмъ бѣгать-то, возьми, да и достань сама. Чай, свои, не чужіе... а я тебѣ послѣ отдамъ.

— Нехорошо, Яша, тайкомъ-то... Николи я этого не дѣлала...

— Ну, какъ хочешь...—хмуро вымолвилъ Яковъ, вставая.—Гдѣ Маврушка? Пойду, у нея спрошу, она не откажетъ, ежели у нея есть...

Лизавета измѣнилась въ лицѣ и бросилась за нимъ.

— Постой... погоди!—выговорила она глухо.—Я сейчасъ...

Она ушла, а Яковъ сѣлъ на лавку и задумался. Ему тоже сдѣлалось какъ-то не по себѣ... время тянулось нестерпимо медленно. Онъ даже вздрогнулъ, когда Лизавета вошла, блѣдная, какъ мертвецъ, и сунула ему рублевку. Руки у нея такъ ходуномъ и ходили.

— Ну, Яша... только изъ-за тебя...—вымолвила она и заплакала. Яковъ притянулъ ее къ себѣ и началъ страстно цѣловать.

Вдругъ скрипнула дверь. Яковъ едва успѣлъ оттолкнуть отъ себя Лизавету. Въ избу вошла Маврушка и, не глядя на нихъ, принялась шарить подъ лавкой.

— Ты... чего, Мавруша?—нетвердымъ голосомъ спросила Лизавета, оправляя на себѣ сбившійся платокъ.—Аль... всю картошку-то вырыли?

— Заступъ забыла...—сухо отвѣчала Мавра и вышла. Лизавета бросила на Якова полный ужаса взглядъ.

— Небось!... Ничего она не видала... крикнулъ ей Яковъ и, наскоро накинувъ на себя шинель, бѣгомъ пустился за Маврушкой.

Онъ нагналъ ее уже далеко на улицѣ. Мавра быстро шла, забросивъ заступъ за плечо, и хотя очень хорошо знала, кто это такъ шибко гонится за нею, но не оглядывалась.

— Мавра Авдѣвна! А Мавра Авдѣвна!—окликнулъ ее Яковъ.

Мавра молчала и прибавила шагу. Яковъ, наконецъ, поровнялся съ нею и пошелъ рядомъ.

— За что серчать изволите, Мавра Авдѣвна?—спросилъ онъ, стараясь заглянуть ей въ лицо.

Мавра не отвѣчала и отворачивалась.

— Чѣмъ это я васъ обидѣлъ?—продолжалъ Яковъ.—Удостойте отвѣтомъ, взгляните хоть разочекъ!

Мавра, наконецъ, обернулась и посмотрѣла на Якова вызывающимъ взглядомъ.

— Видѣла!—сказала она, зло улыбаясь.—Ты мнѣ зубы то не заговаривай!

— Да что ты видѣла?—переходя въ шутливый тонъ спросилъ Яковъ.

— Все видѣла!

— Врешь, ничего ты не видѣла!—воскликнулъ Яковъ и сдѣлалъ попытку ее обнять.

— Ну те!—крикнула Мавра сердито, отталкивая его руку.—Ступай, съ другими цѣлуйся!

— Экая дура! Да нешто ужъ и пошутить нельзя? Ты знаешь, я люблю съ вашимъ братомъ шутить.

— Ладно!—-сказала Мавра и добавила шепотомъ.—Вотъ подожди, ужо Гаврилѣ все разскажу.

— Разсказывай... а я про ометы разскажу!—отпарировалъ Яковъ.

Мавра вдругъ не выдержала своей серьезной роли и звонко расхохоталась. Потомъ развернулась и что есть силы ударила Якова по спинѣ.

— Вотъ эдакъ-то лучше!—весело сказалъ Яковъ, почесывая спину.—Эхъ, молодецъ ты дѣвка, страсть я такихъ люблю! Ужъ по мнѣ нѣтъ хуже, коли у бабы глаза на мокромъ мѣстѣ.

— И все-то ты брешешь, все брешешь, какъ собака!—съ укоризной сказала Мавра.

— Да будетъ тебѣ ругаться-то! Ты лучше послушай, что я тебѣ скажу. Видала барина намедни?

— Ну, видала! Да на кой лядъ онъ мнѣ?

— А ты погоди, не спѣши, доѣдешь! Понравилась ты барину, страсть! Такъ на стѣну и лѣзетъ, и спитъ и видитъ, какъ-бы съ тобой познакомиться. Говоритъ мнѣ вчерась, я-бы, говоритъ, озолотилъ ее, ежели-бы она пришла ко мнѣ хоть разочекъ. Пойдешь?

— Да что ты, сбѣсился что-ли? Да ни за что не пойду!

— Дурочка! Нешто онъ тебя съѣстъ!

— Да какъ-же это я пойду-то? Да, это я и пойду! Убирайся ты отъ меня и съ бариномъ-то...

— Ну ладно. Не хошь, какъ хошь. А ты вотъ что, Мавра. Я къ барину-то нанялся, служить у него буду, такъ ты ко мнѣ приходи.

Мавра остановилась и съ удивленіемъ взглянула на Якова.

— Какъ такъ нанялся? Стало, отъ насъ уйдешь?

— А что-же, я пришитъ что-ли къ вамъ? Да и больно тяжко мнѣ у васъ: Гаврила косится, Лизавета серчаетъ, ты тоже фордыбачишь—не глядѣлъ-бы!

— Въ халуи наймешься?—съ презрѣніемъ и гнѣвомъ сказала Мавра.—Тарелки лизать? Эхъ, обманщикъ ты, обманщикъ!

— Ну, не болтай зря, Мавруха!—строго прикрикнулъ на нее Яковъ.—И не въ халуи совсѣмъ я нанялся, а въ швейцары, это особь статья, а обманывать тебя тоже не обманываю. Какой-же обманъ? Ты разсуди, Мавруха, ты дѣвка умная, ну, съ чѣмъ-же я буду свадьбу играть? Гаврилѣ твоему кланяться? Лизаветѣ? Тфу я на нихъ, вотъ что! Они ко мнѣ по-собачьи, и я къ нимъ также! А у барина я проживу мѣсяца два, прикоплю цѣлковыхъ двадцать и сыграемъ свадьбу. Слышишь, что-ль?—спросилъ онъ, подталкивая ее плечомъ.

Мавра молчала въ раздумьи. въ ней боролись и недовѣріе къ Якову, и любовь.

— Охъ, Яшка, не вѣрю я тебѣ!—вымолвила она наконецъ, качая головою.

— Да ну, полно тебѣ! Придешь ко мнѣ въ гости-то?—И Яковъ нѣжно взялъ ее за руку.

— Приду...—сказала Мавра и, вырвавшись, убѣжала отъ Якова въ переулокъ. А Яковъ заломилъ шапку на бекрень и пошелъ въ кабакъ пропивать краденую рублевку.

Время было уже обѣденное и въ избѣ Гаврилы накрывали на столъ. Прежде обѣдъ—было самое веселое время въ семьѣ мельника: всѣ сходились вмѣстѣ послѣ трудной работы, велись разговоры, сыпались шутки, смѣхъ, ѣлось и пилось много, съ аппетитомъ. Теперь было не то. Лизавета ходила угрюмая и все подавала на столъ швыркомъ, ни слова не говоря; Мавруха сидѣла на лавкѣ и искоса наблюдала за невѣсткой, при чемъ въ глазахъ ея изрѣдка вспыхивали злые огоньки: Гаврила пришелъ съ мельницы невеселый, озабоченный, и молча вымывъ руки, молча перекрестился и сталъ рѣзать хлѣбъ. Даже работники, чуя между хозяевами разладъ, сидѣли какъ въ воду опущенные и только изрѣдка, шепоткомъ, перебрасывались коротенькими отрывистыми замѣчаніями.

Подавая на столъ чашку со щами, Лизавета невзначай взглянула на Мавруху и увидѣла на ея губахъ злорадную усмѣшку... Многое сказала ей эта усмѣшка, и у Лизаветы потемнѣло въ глазахъ.

— А ты чего сидишь, сложа ручки, какъ царевна!—сварливо набросилась она на золовку.—Я словно каторжная, прости Господи, чугунами ворочаю, а она хоть-бы на столъ собрала. Небось руки-то не отсохнутъ,—какъ копна, гладкая! Да еще скалится!...

Мавра улыбнулась еще злѣе..

— Чего ты ко мнѣ лѣзешь?—дерзко огрызнулась она.—У тебя и такъ помощниковъ много... солдата попроси...—добавила она тише.

Лизавета вся помертвѣла,—лицо ея исказилось страшной злобой.

— У, вѣдьма эдакая... Убила-бы я тебя!—прошипѣла она, дѣлая движеніе къ Маврѣ.

— Руки коротки!—вызывающе крикнула Мавра.—Небось не посмѣешь!

— Будя, будя вамъ!—прикрикнулъ на нихъ Гаврила строго.—Мавра! Лизавета! Замолчи! Сцѣпились, словно собаки... что вы, бѣлены что-ли объѣлись?

Онъ помолился и, взявъ Павлушку на руки, сѣлъ за столъ.

— А Яковъ гдѣ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Маврѣ.

— Я почемъ знаю... у другихъ спрашивай!—отвѣчала Мавруша, насмѣшливо глядя на Лизавету.

— Да онъ, кажись, въ кабакъ пошелъ,—сказалъ одинъ изъ работниковъ. Я даве ѣхалъ съ мельницы, а онъ идетъ.

— Все въ кабакъ, да въ кабакъ... — проговорилъ Гаврила, нахмурившись еще больше.—Пора-бы ужъ эти глупости-то бросить... э-эхъ!..

Ему никто не отвѣчалъ. Вдругъ дверь шумно распахнулась, и на порогѣ появился Яковъ, веселый, улыбающійся и немного подъ хмѣлькомъ.

— Миръ честной компаніи! Хлѣбъ да соль! — воскликнулъ онъ громко и весело.

— Милости просимъ!—отвѣчалъ Гаврила сухо.

Яковъ быстрымъ взглядомъ окинулъ сидѣвшихъ за столомъ и сейчасъ-же понялъ, что здѣсь что-то неладное произошло.

«Эге! подумалъ онъ. Ужъ не пронюхалъ-ли чего-нибудь брательникъ-то!» И онъ рѣшилъ дѣйствовать на удалую.

— Ну-ка, подвинься, краля!—развязно сказалъ онъ, подсаживаясь къ Маврѣ.—Ишь, толстая, разъѣлась, что твоя печь! Не уколупнешь!

Онъ толкнулъ Мавру плечомъ, она—его, и оба засмѣялись. Но это никого не разсмѣшило, какъ бывало прежде; всѣ сидѣли молча и продолжали ѣсть; работники потупились.

— Ты гдѣ это былъ?—спросилъ Гаврила послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да гдѣ-же солдату быть? Зашелъ въ кабачекъ, выпилъ крючекъ; зашелъ къ сосѣду, попалъ на бесѣду! Дѣло извѣстное!

Обѣдъ кончился, наконецъ, въ глубокомъ молчаніи, и всѣ вышли изъ-за стола. Мавруха сейчасъ-же схватила съ полатей корзетку и куда-то исчезла; работники пошли спать подъ сарай, и въ избѣ остались только Яковъ, Гаврила, да Лизавета, убиравшая посуду за занавѣской.

Гаврила очевидно находился въ большомъ волненіи. Онъ то вставалъ, то садился, то развязывалъ поясъ, то опять завязывалъ. Яковъ, не глядя на него, свертывалъ цыгарку.

— Ну, братанъ...—началъ наконецъ Гаврила, запинаясь.—Я вотъ что... погуторить съ тобой хочу... Я ужъ давно собираюсь...

— Ну, говори...—небрежно сказалъ Яковъ, хотя на сердцѣ у него заскребли кошки.

— Нехорошо это, братанъ, вотъ что!..

— Что нехорошо-то?—съ напускнымъ равнодушіемъ спросилъ Яковъ.

— Да то!—продолжалъ Гаврила, внезапно одушевляясь.—Любилъ я тебя, братъ Яша, крѣпко любилъ, ты самъ знаешь... Мавруху за тебя засваталъ (за занавѣской что-то со звономъ упало), хлѣбъ-соль пополамъ дѣлилъ... роднѣй брата родного ты мнѣ былъ, да!

Услышавъ начало, Яковъ пріободрился и принялъ еще болѣе равнодушный и независимый видъ. Задушевный тонъ Гаврилы его ничуть не тронулъ.

— Ну?—сказалъ онъ, закуривая цыгарку.

— Ну, а замѣсто того никакой привязанности въ тебѣ къ намъ я не вижу. Все ты волкомъ на насъ глядишь, словно мы тебѣ чужіе, все въ кабакъ, да въ кабакъ, да все съ Ѳедькой этимъ валандаешься...

— Обидно мнѣ это, Яша! Я думалъ, мы съ тобой во—какъ заживемъ, какъ свѣту Божьяго тебя ждалъ; думалъ, вмѣстѣ будемъ хозяйствовать съ тобой, заворочаемъ—ажъ небу жарко станетъ! А ты что дѣлаешь?

Яковъ всталъ и потушилъ цыгарку.

— Вонъ что!—насмѣшливо сказалъ онъ. — Гм... Понялъ! Попрекаешь меня, Гаврила Авдѣичъ; — зря, молъ, солдатъ, живешь, плохо работаешь, даромъ хлѣбъ ѣшь!

— Яша!.. — крикнулъ Гаврила весь красный и взолнованный отъ того, что его не поняли.

— Что тамъ—Яша! Я и безъ тебя знаю, что я — Яша. А только не хозяйствовать намъ съ тобою, Гаврила Авдѣичъ? Спасибо тебѣ за хлѣбъ-за-соль, за привѣтъ, да за ласку, и прощай. Ухожу я отъ васъ.

— Да что ты, Яша?—горестно вскричалъ Гаврила.—Зачѣмъ это? Куда ты уходишь?

— Куда? Мѣстовъ много, не только и свѣту въ окнѣ, что Захоперье.

— А свадьба?—упавшимъ голосомъ произнесъ Гаврила.

— Со свадьбой подождемъ. Чай надо прежде молодой женѣ-то уголъ припасти,—подъ небушкомъ-то холодно будетъ.

— А полъ-избы? А деньги твои?

— Ну еще это бабушка на-двое сказала! — двусмысленно сказалъ Яковъ. — Не то дождикъ, не то снѣгъ; не то будетъ, не то нѣтъ! Свое-то слаще суленаго чужого! Сухая корка, да своя; чужой каровай, да ротъ деретъ! Прощай, Гаврила Авдѣичъ, братецъ названый... И Яковъ быстро вышелъ изъ избы.

— Яша! Яша! Постой!—крикнулъ ему вслѣдъ Гаврила, но Якова и слѣдъ простылъ.

Гаврила постоялъ-постоялъ и въ изнеможеніи упалъ на лавку. Въ головѣ его помутилось, онъ ничего не понималъ... Начиная разговоръ съ Яковомъ, онъ считалъ себя правымъ; онъ хотѣлъ объясниться по душѣ, возобновить прежнее, уладить дѣло такъ, чтобы все пошло по старому, — дружно, весело, семейно, а вышло, что онъ-же какъ будто виноватъ, и Яковъ навсегда ушелъ изъ его дома. Что-же это такое?

Но мало-по-малу Гаврила опомнился, и сознаніе правоты заглушило въ его душѣ всѣ другія чувства. Онъ тяжело вздохнулъ и всталъ; лицо его сдѣлалось сурово.

— Ну, не хошь, какъ хошь!—выговорилъ онъ медленно.—Видно, насильно милъ не будешь. А все Ѳедька смутьянитъ... кабачекъ, да водочка, работать не хочется. Ладно... Такъ не бывать же Маврухиной свадьбѣ!—крикнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Онъ подошелъ къ занавѣскѣ и заглянулъ къ женѣ. Ему захотѣлось подѣлиться съ ней своимъ горемъ и незаслуженною обидой. Лизавета сидѣла, низко опустивъ платокъ на лицо, и кормила Сергуньку.

— Слышала, Лизуха?—спросилъ Гаврила.

— Слышала.

— Каково это мнѣ? А? Обидѣлъ-ли я его чѣмъ? Выгонялъ-ли изъ дому? Э-эхъ!

Онъ въ припадкѣ горя сѣлъ около жены и опустилъ голову. Лизавета молчала.

— Лизуха!.. Да скажи ты хошь словечко? Посовѣтуй мнѣ, какъ быть. Тошно мнѣ, на свѣтъ не глядѣлъ-бы,—сокрушили вы меня. Яшка убѣжалъ... Мавруха на стѣну лѣзетъ, замужъ хочетъ; ты вся извелась—слова отъ тебя не добьешься. Опостылѣлъ я тебѣ, что-ли? Такъ скажи... Бывало, въ домъ-то идешь, словно на праздникъ, а теперь... Лизуха! — простоналъ онъ въ отчаяніи и хотѣлъ положить ей голову на плечо.

Но Лизавета вся вздрогнула и порывисто отшатнулась. Разбуженный Сергунька закричалъ.

— Не замай...—дрожащимъ голосомъ вымолвила Лизавета. Ребенка только испугалъ...

Брови Гаврилы нахмурились; лицо сдѣлалось неподвижнымъ и печальнымъ. Онъ посидѣлъ немного, потомъ, ни слова не говоря, всталъ, надѣлъ поддевку и ушелъ. А Лизавета бросила ребенка въ люльку и, не обращая вниманія на его крикъ, ухватилась за сердце и отчаянно зарыдала.

XIII.

Прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Яковъ ушелъ изъ Захоперья къ Крутцовскому барину. Было воскресенье. Арсеній Владиміровичъ только-что проснулся и, лежа въ постели, предавался мечтамъ. Онъ сегодня былъ въ весьма пріятномъ настроеніи духа, потому что наканунѣ ему таки-удалось занять у Лисичкина 1000 рублей за огромные проценты и «въ послѣдній разъ». Теперь баринъ обдумывалъ, какъ-бы получше употребить эти деньги.

Яковъ, весело посвистывая, вышелъ на крыльцо, гдѣ его ждала Маврушка, разодѣтая въ пухъ и прахъ, — въ плисовой корсеткѣ, въ пунцовомъ сарафанѣ, съ голубой лентой въ косѣ и въ платкѣ съ

разводами. Увидѣвъ Якова въ его новомъ нарядѣ, она ахнула и расхохоталась, закрываясь фартукомъ. Глядя на нее, смѣялся и Яковъ.

Яковъ провелъ ее въ небольшую комнатку рядомъ съ прихожей. Тутъ у него стояла кровать, столикъ и два стула. На окнахъ висѣли сторы, вездѣ чистота и пахнетъ хорошо. Мавра вдругъ присмирѣла и дико озиралась по сторонамъ.

— Ишь, хорошо какъ, ладно!—шепотомъ говорила она, осторожно трогая стулья, гардины и постель.—Подушки-то мя-ягкія! Неужто здѣсь спишь?

— А то какъ-же?—съ гордостью отвѣчалъ Яковъ.—Это, небось, не въ амбарахъ у васъ. Да ты чего все боишься? Садись,—гостья будешь!

Мавра сѣла. Яковъ прислушался, притворилъ дверь поплотнѣе и обнялъ Мавру.

Онъ ласково глядѣлъ ей въ глаза. Мавруша довѣрчиво прильнула къ Якову. Они долго, молча цѣловались.

— Ну, разскажи теперь, что у васъ дома дѣется?—началъ Яковъ, когда они нацѣловались до-сыта.—Какъ братецъ-то поживаетъ?

— И-и... бѣда! Тамъ, какъ ты ушелъ—слова ни съ кѣмъ не молвитъ! Туча-тучей ходитъ и все вздыхаетъ, все вздыхаетъ, ажъ за сердце беретъ!

— Ругается, небось, на меня?

— Нѣ, ругаться не ругается, а только однова сѣли за столъ, онъ поглядѣлъ на твое мѣсто, да и говоритъ: «Ахъ, Яша, Яша, и зачѣмъ ты эдакъ сдѣлалъ!»

— Ишь ты! — съ усмѣшкой сказалъ Яковъ. — За живое задѣло. А Лизавета?

— Жива твоя Лизавета!—ревниво сказала Мавра.—Ничего ей не дѣется, злющая стала, какъ вѣдьма, а меня поѣдомъ-ѣстъ! Что легла, что встала—все съ бранью. А намедни Гаврила на мельницѣ ночевалъ, такъ она всю ночь-ноченскую проревѣла. Встанетъ, выйдетъ въ сѣнцы, ударится объ земь, да и закричитъ. На меня ажно жуть напала. Смотри, Яшка, это она по тебѣ убивается! — прибавила Маврушка, помолчавъ.

— Ну вотъ, по мнѣ!—съ напускной безпечностью сказалъ Яковъ.—Много васъ такихъ-то убивается по нашемъ братѣ! А, небось, мужъ придетъ,—сейчасъ къ нему подъ бочекъ?..

Мавра взглянула на него исподлобья и хотѣла что - то сказать, но въ эту минуту въ дверь просунулась лукавая Данилкина рожа.

— Яковъ, тебя баринъ кличетъ!—крикнулъ онъ, дѣлая Маврушѣ гримасу.

Яковъ вышелъ, но скоро вернулся.

— Ну, Мавруха, хочешь бариновы горницы посмотрѣть? Пойдемъ,—баринъ ушелъ.

— Боюсь я...—отнѣкивалась Мавруша.

— Да что это, какая ты! То бойка-бойка, а то и въ кустъ! Видно, всѣ вы, бабы, блудливы какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы! Ну, не бойсь! Смѣлѣе!

Онъ, смѣясь, подхватилъ Мавру подъ руку и повелъ въ барскія комнаты. Они прошли черезъ столовую съ большимъ круглымъ столомъ посрединѣ и огромной висячей лампой надъ нимъ, прошли какую-то еще маленькую комнату съ турецкими диванами, и очутились въ гостиной, выходившей на балконъ. Это была очень изящная комната съ мягкой бархатной мебелью, вся устланная великолѣпнымъ ковромъ. Въ простѣнкахъ стояли зеркала до потолка; на стѣнахъ висѣли картины въ золоченыхъ рамахъ; тамъ и сямъ были разбросаны причудливыя козетки, пуфы, тропическія растенія въ фарфоровыхъ вазахъ, японскія ширмы, столики, загроможденные разными красивыми бездѣлушками.

— О, Господи!—воскликнула Мавра, всплескивая руками.

Въ спальнѣ Мавру всего больше поразила большая картина, стоявшая у постели на высокомъ мольбертѣ и задрапированная темнымъ бархатомъ. На этой картинѣ въ натуральную величину была нарисована головка бѣлокурой женщины съ распущенными по плечамъ волосами и съ открытой грудью. Роскошная шуба спускалась съ ея плечъ и еще ярче оттѣняла молочную бѣлизну обнаженнаго тѣла. Большіе, влажные голубые глаза были совсѣмъ какъ живые. Мавра даже ахнула.

— Батюшки мои! Она глядитъ!

Но подойдя поближе и разсмотрѣвъ хорошенько голую красавицу, она пришла въ негодованіе.

— Ахъ, она безстыдница! Ахъ, подлая эдакая... Тьфу! Я и глядѣть-то на нее не хочу...

— А ты потише! — смѣясь шепнулъ ей Яковъ. — Это баринова... французинка у него была... Гляди-ка.—хороша, вѣдь, шельма!

Въ Маврѣ заговорили ревность и соперничество.

— Что-же, я хуже энтой по твоему? — спросила Мавруша полушепотомъ, глядя то на себя, то на Якова сверкающими глазами.

— Само собой хуже! Далеко не родня!—отвѣчалъ Яковъ.

— Хуже? Ну, такъ ладно-же! Вотъ гляди!..

Мавра проворно сбросила съ себя платокъ, развязала косу и задорно тряхнула головой. Великолѣпные волосы ея червоннымъ золотомъ разсыпались по черному плису корсетки.... Мавра тихо и радостно засмѣялась.

А на порогѣ уже стоялъ баринъ и, улыбаясь, любовался красивой дикаркой. Въ глазахъ его бѣгали веселые огоньки.

Вдругъ—дзинь!.. и какая-то статуетка, зацѣпленная широкимъ рукавомъ Мавры, со звономъ скатилась съ подзеркальника на полъ и разбилась въ дребезги. Мавра въ испугѣ оглянулась—и обомлѣла.

— Баринъ...—прошептала она въ ужасѣ и закрыла лицо рукавомъ.

Арсеній Владиміровичъ, улыбаясь, подошелъ къ ней.

— Не бойтесь, милая, это ничего!—ласково сказалъ онъ.—Яковъ, убери это!

Яковъ быстро подобралъ осколки и исчезъ. Мавра стояла, какъ громомъ пришибленная, не зная, куда ей дѣться отъ стыда.

— Да вы не бойтесь!—продолжалъ баринъ. Я, право, совсѣмъ не страшный. Вы только взгляните на меня, милочка;—клянусь Богомъ, я вамъ ничего дурного не сдѣлаю. Вы ко мнѣ въ гости пришли, и я очень радъ. Нельзя уходить... Мы съ вами сейчасъ завтракать будемъ. Эй, Яковъ! Данилка!

Яковъ, сдержанно улыбаясь, появился на порогѣ; изъ-за него съ любопытствомъ выглядывала Данилкина рожица.

— Завтракъ готовъ?

— Готовъ!—сказалъ Данилка и украдкой показалъ Маврѣ языкъ.

— Ну, такъ ты вотъ что... накрой намъ не въ столовой, а здѣсь. вонъ на томъ столикѣ. Яковъ, ты не уходи,—ты тоже будешь служить...

Очнулась она поздно вечеромъ, и долго не могла сообразить, гдѣ она и что съ нею, ночь теперь или еще день. Голова у нея сильно болѣла, во рту было горько и нехорошо. Она съ трудомъ приподнялась и осмотрѣлась. И вдругъ изъ сумрака на нее взглянуло чье-то незнакомое улыбающееся лицо... Мавра вся задрожала и въ ужасѣ соскочила на полъ. Она была въ бариновой спальнѣ. Сквозь спущенныя гардины проскальзывалъ тусклый вечерній полусвѣтъ; сильный запахъ какихъ-то духовъ дурманилъ голову; откуда-то издалека глухо доносился звонъ посуды, слышались чьи-то голоса. Господи, да что-же это такое? Что она надѣлала?

Мавруша схватилась за шею, за голову—и все вспомнила. Страшная тоска и отчаяніе наполнили ея сердце. Господи, срамъ какой... съ бариномъ... на бариновой постели... Опоили, обманули!

Она безсильно присѣла на край постели и тихо заплакала. Конецъ всему... была Мавра, да пропала... Прощай Захоперье, прощай все! Теперь баринова полюбовница... вонъ какъ та-же, на картинкѣ... А все Яшка-подлецъ! Это онъ заманилъ ее къ барину и продалъ. При этой мысли Маврушку взяло зло. Она сумрачно глядѣла передъ собою, на голую красавицу съ алыми губами. И вдругъ ей почудилось, что красавица уже не улыбается, а такъ горько-горько задумалась, и на ея большихъ голубыхъ глазахъ, устремленныхъ на Мавру, блещутъ крупныя слезы. Можетъ, такая-же горемыка... можетъ, и она честная была, да вотъ эдакъ-же заманили и обидѣли...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались осторожные шаги, и въ спальню вошелъ баринъ.

— Мавра, ты спишь?—тихо спросилъ онъ, подходя къ постели и всматриваясь въ сумракъ.

Мавра вздрогнула и закрыла лицо руками. Баринъ подсѣлъ къ ней и нѣжно ее обнялъ. Она не сопротивлялась... Теперь ужъ все равно!

— Мавра, ты сердишься на меня? Да?

Мавра молчала.

— Мавра, да скажи-же хоть словечко... Я тебя люблю... Ты не сердись на меня. Не сердишься, а? Ну, скажи, что не сердишься. Скажи, чего ты хочешь! Вотъ я завтра въ городъ поѣду,—чего тебѣ купить? Говори... Или, можетъ быть, тебѣ домой хочется! Я сейчасъ прикажу лошадей заложить.

— Не поѣду я теперь домой... — вымолвила, наконецъ, Мавра угрюмо.

— Тѣмъ лучше!—воскликнулъ баринъ, цѣлуя ее.—Оставайся здѣсь, у меня... совсѣмъ. Завтра въ городъ поѣдемъ съ тобой, я тебѣ, чего захочешь, куплю. Только не сердись, Мавра, милая... Ну, что-же,—не сердишься? Прелесть моя... ангелъ мой... красавица...

Когда черезъ часъ Яковъ вошелъ въ спальню, чтобы зажечь огонь и кстати перемолвиться словечкомъ съ Маврой—онъ уже зналъ отъ барина, что она остается; Мавра въ той-же позѣ продолжала сидѣть на кровати, не сводя глазъ съ портрета бариновой француженки. Яковъ взглянулъ на нее и не узналъ прежней Мавруши. Волосы ея были разметаны по плечамъ, рубаха на груди разстегнута, губы крѣпко сжаты, брови нахмурены. Дѣтское, задорное и веселое выраженіе ея лица смѣнилось озлобленностью и рѣшимостью, на лбу появились глубокія сердитыя морщины. Въ эту минуту она была поразительно похожа на Гаврилу... и у Якова на сердцѣ заскребло. Онъ осторожно поставилъ свѣчу на столикъ и съ безпокойствомъ подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Маврушечка, а Маврушечка!—позвалъ онъ ее ласково.

Мавра подняла голову и взглянула на Якова злыми потемнѣвшими глазами.

— Уйди, проклятый!..—хрипло вымолвила она, стискивая руки.—Не Маврушечка я тебѣ... подлый обманщикъ! Продалъ ты меня... погубилъ... проклятые вы всѣ!..

Яковъ оторопѣлъ и смутился. Но черезъ минуту онъ оправился и насильно улыбнулся.

— Вотъ тебѣ и клюква!—развязно произнесъ онъ.—Сама лѣзла, а я виноватъ. Да что ты сбѣсилась что-ли, дура эдакая? Я-же тебѣ...

Онъ не договорилъ, потому что сильная пощечина оглушила и ослѣпила его.

— Вонъ убирайся!—неистово закричала Мавра, топая ногами.— Чтобъ не видѣла я тебя больше... халуй!..

Она была и хороша, и страшна въ эту минуту. Яковъ вдругъ какъ-то осѣлъ, сдѣлался ниже ростомъ, глаза его жалобно заморгали, и онъ, держась за щеку, на цыпочкахъ вышелъ изъ спальни.

XIII.

Мельница была въ полномъ ходу. Вода въ коузѣ бурлила и клокотала, шестерни тяжело гудѣли, жернова мѣрно шипѣли и свистѣли, въ толчейномъ отдѣленіи слышались глухіе удары то поднимавшихся, то опускавшихся толчей, словно отголоски пляски какихъ-то гигантовъ. Гаврила, весь съ ногъ до головы обсыпанный мукой, стоялъ на вздрагивающемъ помостѣ и наблюдалъ, какъ засыпки носили мѣшки съ зерномъ и какъ бѣлые потоки муки лились по желобамъ внизъ. Но прежняго интереса къ работѣ у него не было, и мысль его гуляла далеко. На душѣ у него было пусто и мрачно; онъ думалъ о домашней неурядицѣ, о Лизаветѣ, о Маврухѣ, которая вотъ уже третій день куда-то запропала, и вѣстей о ней не было.

— Гаврила Авдѣичъ!—крикнулъ ему снизу одинъ изъ работниковъ.—Слышь-ка ты, объ Маврѣ Авдѣвнѣ вѣсти пришли!

— Ну?—отозвался Гаврила, встрепенувшись.

— Право слово...—работникъ поднялся къ Гаврилѣ и, оглядѣвшись, началъ шепотомъ.—Тутъ мужичекъ одинъ разсказываетъ... Былъ онъ, слышь, въ городѣ и Мавру видѣлъ. Будто съ бариномъ, съ Крутцовскимъ она на тройкѣ проѣхала. Ей Богу!

— Что ты врешь?—поблѣднѣвъ и нахмуривъ брови вымолвилъ Гаврила.

— Чего врешь! Ты спроси. Онъ-было и самъ думалъ, что обознался, да она увидѣла его и кричитъ: «Здравствуй, дядя Матвѣй! Кланяйся отъ меня братцу Гаврилѣ, да скажи, чтобъ меня не ждали, я, молъ, теперь не ихняя, а баринова...» Да какъ загрохочетъ, да кучера въ спину—и укатила.

Гаврила отшатнулся, держась руками за перила. Въ груди у него не было воздуху, въ глазахъ заходили красные и зеленые круги.

— А ты слышь-ка, что еще сказываютъ,—продолжалъ работникъ, пользуясь случаемъ, чтобы отдохнуть отъ работы. — Яковъ-то опять здѣсь объявился... у Ѳедьки. Болтаютъ, его съ барскаго двора-то согнали. Кто-е знаетъ, може и врутъ!

Гаврила, наконецъ, пришелъ въ себя и такъ взглянулъ на работника, что тотъ подался назадъ.

— Ну... не мели... Обрадовался! Ступай, засыпай...—хрипло выговорилъ Гаврила и пошелъ отъ него прочь.

Работникъ зачесалъ въ затылкѣ и пробормотавъ: «дѣла!» пошелъ засыпать.

«Господи, да что-же это такое?—думалъ Гаврила, облокотясь на перильца и глядя внизъ, гдѣ медленно ворочались шестерни. — Мавруха... отецкая дочь, первая на селѣ невѣста... изъ честнаго дому... съ бариномъ»...

На него вдругъ напалъ суевѣрный ужасъ. Въ головѣ его помутилось; онъ ничего не понималъ: надъ нимъ словно нависло что то черное, громадное, какая то злая, невѣдомая сила, распоряжавшаяся его судьбой. И Гаврилу потянуло кинуться внизъ головой, туда, гдѣ грохотали шестерни.

Но онъ сейчасъ-же отшатнулся отъ перилъ и, снявъ шапку, отеръ холодный потъ, выступившій на лбу. «А, Яшка!—подумалъ онъ.— Это все твои дѣла! Это онъ со зла Мавруху съ бариномъ свелъ. Обманули дѣвку, силкомъ взяли! Я на васъ управу найду, небось! я и до барина доберусь, до суда дойду»...

Грозный, гнѣвный сошелъ онъ внизъ и, приказавъ Левону слѣдить за работой, пошелъ домой. Въ ушахъ его гудѣло; глаза заливало кровью. Войдя въ сѣни, онъ съ размаху отворилъ дверь и остановился. Въ избѣ никого не было. Печь была жарко натоплена, и изъ нея несся запахъ щей и горячаго хлѣба. За занавѣской въ люлькѣ, раскидавъ ручонки, спитъ Сергунька и сладко улыбается во снѣ.

— Лизавета!—позвалъ Гаврила.

Никто не отвѣчалъ. Тогда Гаврила, охваченный страшнымъ предчувствіемъ новой бѣды, метнулся въ лѣтнюю горницу, на дворъ, на погребицу, на огородъ, дико крича: «Лизавета! Павлушка!» Тишина! Только Кудлашка повизгиваетъ на цѣпи, да пѣтухъ, строго косясь на Гаврилу, перекликается съ товарищами. Гаврила, не помня себя, побѣжалъ опять въ избу и на крыльцѣ увидѣлъ Лизавету.

На сердцѣ у него отлегло. Онъ взглянулъ на жену, она быстро дышала, точно ей пришлось шибко бѣжать передъ этимъ; волосы выбились изъ-подъ платка; на щекахъ то вспыхивалъ, то погасалъ румянецъ; глаза тревожно бѣгали.

— Гдѣ ты была? Я тебя звалъ-звалъ... — отрывисто спросилъ Гаврила.

— Гдѣ?.. да въ Шабрахъ... на минутку бѣгала...—сдерживая дрожаніе голоса отвѣчала Лизавета, поправляя сбившійся платокъ.

— Въ Шабрахъ...—подозрительно сказалъ Гаврила.—А Павлушка гдѣ

— Павлушка?.. Да вонъ онъ бѣжитъ... чего ты?—уже совсѣмъ оправившись произнесла Лизавета и указала на Павлушку, который на палочкѣ верхомъ въѣзжалъ въ ворота, крича: «тятька пришелъ! Тятька меня на мельницу возьметъ!..»

Они вошли въ избу. Лизавета сейчасъ-же бросилась къ печи и съ особенной, несвойственной ей суетливостью, стала вынимать горшки, а Гаврила сѣлъ у стола и внимательно глядѣлъ на нее.

— Слышала ты... Мавра-то?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— А что?—отозвалась Лизавета, съ усердіемъ ворочаясь у печи.

— Съ бариномъ, говорятъ, связалась... —голосъ Гаврилы дрогнулъ.— Матюха въ городѣ ее съ нимъ видѣлъ... ѣдетъ на тройкѣ... да еще хохочетъ!

— Да что ты?—съ притворнымъ удивленіемъ воскликнула Лизавета, не бросая своего дѣла.

— Пропала дѣвка!—съ горечью продолжалъ Гаврила.—И что съ ней сдѣлалось? Не сама-же она на грѣхъ полѣзла, диви-бы нужда ей! А все Яшка!—крикнулъ онъ вдругъ, воспламеняясь и ударяя кулакомъ по столу.—Это онъ дѣвку съ бариномъ спуталъ! Найду я на нихъ управу, жаловаться буду... Опять, говорятъ, здѣсь проявился, у Ѳедьки. Слышала?

Яркій румянецъ залилъ щеки Лизаветы и снова погасъ.

— Да... нѣтъ... не видала я... ничего не слыхала...—запинаясь вымолвила она.

Гаврила пристально на нее поглядѣлъ.

— Что ты путаешь? Видѣла—не видѣла, слыхала—не слыхала... Ужъ не вмѣстѣ-ли съ Яшкой дѣло оборудовали, дѣвку-то загубили! Поперекъ горла она у тебя стала...

Лизавета бросила ухватъ и обернулась къ мужу, вся пылая.

— Что ты лаешься-то?—дерзко сказала она.—Что ты на Яшку-то валишь? Чѣмъ онъ виноватъ, что дѣвка—повѣса уродилась! Самъ ее избаловалъ, Маврушечка, да Маврушечка! Ей и серьги, ей и наряды, и не смѣй будить рано, не смѣй слова сказать... Вотъ и навязалъ на свою шею, а Яшка да жена во всемъ виноваты...

— Эй, Лизавета, не дури...—крикнулъ Гаврила, блѣднѣя.

— Я не дурю... ты-то больно уменъ! Вотъ тебѣ Маврушечка-то кукишъ и показала!..

Лизавета злобно захохотала. Въ голову Гаврилѣ ударило... онъ сжалъ кулаки и бросился къ женѣ.

— Тятька, тятька, незамай мамку!—закричалъ Павлушка, вцѣпившись въ отцовъ полушубокъ.

Гаврила опустилъ руки и, обезсилѣвъ, опустился опять на лавку. Никогда во всю жизнь онъ не поднялъ руки на жену, а тутъ чуть-

было не убилъ. То темное, грозное, что почуялъ онъ давеча надъ своей головой, стало еще мрачнѣе; дремучая тоска кругомъ облегла его сердце. Онъ черезъ силу поднялся и, шатаясь, побрелъ къ дверямъ.

— Куда-жъ ты? А обѣдать-то?—крикнула ему Лизавета.

— Не буду я обѣдать... не хочу... тошно мнѣ... — проговорилъ Гаврила едва слышно.—И ночевать не приду... опостылѣли вы мнѣ всѣ...

Тяжелыя октябрскія сумерки угрюмо нависли надъ Захоперьемъ. Моросилъ мелкій дождичекъ; небо было черное, какъ пропасть. На селѣ уже многіе залегли спать; только кое-гдѣ въ овинахъ свѣтились огоньки, да сторожъ звонилъ въ доску у хлѣбныхъ амбаровъ. Глушь и темь...

На Гавриломъ огородѣ, подъ навѣсомъ амбара, то вспыхивалъ, то потухалъ крошечный огонекъ. Кто-то притаился и покуриваетъ, изрѣдка сплевывая и что-то ворча подъ носъ. Это Яковъ. А дождь все идетъ себѣ, да идетъ — мелкій, упорный и пронизывающій до костей. Якова уже начала пробирать дрожь: шинель вся промокла насквозь.

«Да что-же это она не идетъ? — проговорилъ Яковъ нетерпѣливо, постукивая ногой объ ногу.— Обѣщалась, да и раздумала. Шалая вѣдь баба-то... взбредетъ что-нибудь въ башку—и ну мудрить! И такъ насилу уломалъ—слезъ однѣхъ что было...»

На дворѣ Кудлашка забрехала и завыла жалобно, протяжно, словно накликая бѣду.

«Ишь, проклятая, воетъ! На свою голову... Брр... холодно. Иззябъ весь, какъ собака. Ажно за воротникъ натекло. Ужъ не Гаврюха-ли вернулся? Да нѣтъ, обѣщался, говоритъ, на мельницѣ ночевать. А вотъ обозлится-то, небось, какъ узнаетъ, что денежки—тю-тю! Жадный до денегъ—страсть, весь въ покойнаго родителя, Авдѣя Семеныча. Тотъ надъ каждой копѣйкой, бывало, трясется. Да, небось, еще наживетъ, не разорится. Ишь, у него вездѣ полнехонько...»

Кудлашка опять завыла. Яковъ прислушался — тихо, только капли дождя шлепаютъ тоскливо и однообразно, да солома шуршитъ на крышѣ амбара. Въ церкви ударили часы, колоколъ жалобно застоналъ; Кудлашка завыла еще пуще. Якову вдругъ стало жутко... Въ этомъ ночномъ звонѣ ему почуялось что-то похоронное. «Вотъ когда-нибудь и по мнѣ эдакъ-же звонить будутъ, подумалъ онъ, и ознобъ прошелъ у него по спинѣ, уже не отъ холода, а отъ ужаса при мысли о смерти.—Закопаютъ, и поминай, какъ звали... былъ Яшка и нѣту его. Черви сожрутъ. А на томъ свѣтѣ-то, что будетъ... Эхъ, нехорошо мы это дѣлаемъ!..» Ему вспомнилась Мавруха такою, какой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, сидящей на барской кровати, съ растрепанными волосами, съ обнаженной грудью, злой, постарѣвшей. «Обманщикъ!.. Продалъ!..» прозвучалъ въ его ушахъ ея хриплый, отчаянный крикъ. Сердце Якова сжалось... но онъ сейчасъ-же постарался отогнать отъ себя мучительное воспоминаніе:

— Сама лѣзла, никто не толкалъ!—вслухъ вымолвилъ онъ.—Я за всякаго не отвѣтчикъ. Кабы честная сама была, небось-бы, не допустила этого. А то ишь ты... какъ кошка обозлилась. Вонъ, чтобы духу Яшкина не было. И барина смутила, даже говорить не захотѣлъ, съ Данилкой 10 цѣлковыхъ выслалъ. Уходи, молъ, больше не нуженъ, свою службу отслужилъ. Какъ нуженъ былъ Яшка, такъ сдѣлай одолженіе, добудь мнѣ дѣвку; а какъ дѣло сдѣлалъ, убирайся на всѣ четыре стороны. Эхъ, подлецы вы, подлецы!..

Шелестъ шаговъ послышался невдалекѣ. Яковъ быстро потушилъ спичку и насторожилъ уши. Шаги все ближе и ближе...

— Лиза, ты?—спросилъ Яковъ, всматриваясь въ тьму.

Темная фигура вырисовалась во мракѣ, и Яковъ услышалъ тяжелое прерывистое дыханіе. Лизавета...

— Ну, что? Удалось?

Вмѣсто отвѣта, Лизавета сунула въ руки Якову узелокъ. Она дрожала, какъ листъ, и зубы ея стучали. Яковъ ощупалъ свертокъ и бережно спряталъ его за голенище.

— Всѣ что-ли тутъ?—шепотомъ спросилъ онъ.

— Ой, не знаю...—простонала Лизавета, въ изнеможеніи припадая къ стѣнѣ амбара.

— Ну, ладно. Спасибо тебѣ, Лизавета, выручила ты меня. Что-жъ, поѣдешь что-ли со мной? Если поѣдешь, такъ завтра къ вечеру собирайся.

Яковъ лгалъ. У него все уже было обдумано, и на утро, чуть свѣтъ, Ѳедоръ долженъ былъ довезти его до станціи желѣзной дороги. А тамъ, поминай, какъ звали... Ему не было разсчета навязывать себѣ на шею бабу, чужую жену, безпаспортную, да еще такую, какъ Лизавета. Да она всю жизнь отравитъ, слезами изойдетъ, сама измучается и его измучаетъ своими жалобами и раскаяньемъ.

— Такъ-то, Лиза!—продолжалъ Яковъ.—Заживемъ мы теперь съ тобой! Лавку откроемъ, торговать будемъ: гляди, и въ купцы выйдемъ. Ладно, что-ли?

Но Лизавета молчала, и ее била лихорадка. Якову стало ее жаль.

— Что, озябла дюже?—ласково сказалъ онъ.—Иди сюда, ко мнѣ, я тебя согрѣю.

Онъ отыскалъ ее въ темнотѣ, обнялъ и прижалъ къ себѣ. Но Лизавета тихонько вывернулась отъ него и проговорила прерывающимся шепотомъ:

— Нѣтъ... я... домой пойду...

— Ну, ступай. Такъ если хочешь ѣхать, завтра объ эту пору выходи. Прощай, Лиза... да что-же ты? Аль ужъ и поцѣловать не хочешь?—обиженно воскликнулъ онъ.

Но Лизавета была уже далеко, и шаги ея скоро замерли во мракѣ.

— И эта тоже!—вымолвилъ Яковъ, качая головой. — То на рожонъ изъ-за тебя готова, а то и рыло на сторону. Эхъ, бабы, бабы, чудной вы народъ! Ну, да оно и лучше,—кума съ возу, куму легче... Прощай, Гаврила Авдѣичъ, расквитались мы съ тобой!..

Онъ перелѣзъ черезъ плетень и пошелъ задами къ Ѳедору.

XIV.

Вернувшись на мельницу, Гаврила почувствовалъ страшную усталость. Ноги и руки у него отнялись, во рту жгло, голова отяжелѣла, словно свинцовая. Этотъ сильный, здоровый мужикъ, непривычный къ глубокимъ нервнымъ потрясеніямъ, былъ сразу задавленъ обрушившимися на него бѣдами, какъ дубъ, разбитый грозой. Слабымъ голосомъ кликнулъ онъ къ себѣ стараго Левона и попросилъ его поглядѣть за ночными работами, такъ какъ самому ему хочется лечь и уснуть.

Левонъ ушелъ.

Оставшись одинъ, Гаврила мало-по-малу успокоился и пригрѣлся подъ теплымъ полушубкомъ. Сердечная боль затихала; однообразный шумъ мельницы убаюкивалъ его. Глаза его слипались; все пережитое горе куда-то уходило и заволакивалось туманомъ. Наконецъ, онъ крѣпко заснулъ и видѣлъ сонъ, что будто его отецъ еще живъ, и они вмѣстѣ съ нимъ куда-то ѣдутъ. Гаврилѣ и чудно это, что отецъ живъ, и въ то-же время онъ радъ этому до смерти. Его такъ и подмываетъ спросить, гдѣ-же это былъ отецъ все время, когда померъ, и куда это они теперь ѣдутъ? Но онъ глядитъ на отца и боится спрашивать; отецъ сидитъ сердитый-пресердитый, и все похлестываетъ лошадей, а кругомъ что-то гудитъ и шумитъ. — Батюшка, да куда-же это мы ѣдемъ?— спрашиваетъ наконецъ Гаврила. —Какъ куда?—сердито отвѣчаетъ старикъ.—Нешто не знаешь, нынче Яшка на Ольгунькѣ женится, спѣшить на свадьбу надо, а то опоздаемъ. — Что ты, батюшка, да вѣдь Ольгунька-то померла давно...—возражаетъ Гаврила. Но старикъ молчитъ и знай себѣ хлещетъ лошадей; они вихремъ несутся впередъ, а шумъ и гулъ становятся все сильнѣе и сильнѣе. Гаврилу начинаетъ разбирать страхъ, онъ боится и отца, и этого страннаго шума, и того, что они ѣдутъ на свадьбу Ольгуньки, которая давно умерла. И вдругъ откуда ни возьмись Лизавета, страшная, блѣдная, бѣжитъ за ними, протягиваетъ руки, машетъ и зоветъ Гаврилу. «Гаврила, не ѣзди! Вернись! Гаврила!» — Не хочу!—крикнулъ Гаврила и проснулся, весь облитый холоднымъ потомъ и дрожа. Мельница гудѣла и грохотала: помостъ вздрагивалъ. Гаврила поднялъ отяжелѣвшую голову, оглядѣлся и замеръ.

Передъ нимъ въ тускломъ свѣтѣ фонаря, горѣвшаго внизу, неясно рисовалась какая-то бѣлая тѣнь.

— Кто это?—собравшись съ силами дико крикнулъ Гаврила.

Тѣнь заколыхалась, но молчала. Тогда Гаврила, охваченный безумнымъ ужасомъ, сбросилъ съ себя полушубокъ и бросился впередъ... Передъ нимъ стояла Лизавета, блѣдная, какъ смерть, и беззвучно шевеля губами, глядѣла на него неподвижными глазами.

— Ты что?.. Ты зачѣмъ?..—еле вымолвилъ Гаврила, хватая ее за холодную руку.—Аль несчастье какое стряслось дома! Сказывай... Скорѣе!.. Ужъ заодно...

Но Лизавета отняла отъ него свою руку и, молча, упала передъ нимъ на колѣни. Слышно было, какъ голова ея изо всей силы ударилась о помостъ. Гаврила дико смотрѣлъ на жену.

— Прости меня, Авдѣичъ...—простонала Лизавета, хватая его за ноги.—Убей меня... подлая я... распутная... воровка...

Кровь загудѣла въ головѣ Гаврилы, и этотъ гулъ слился съ грохотомъ и гуломъ мельницы.

— Убей! Сними грѣхъ съ души...—продолжала Лизавета, ползая у ногъ мужа.—Съ солдатомъ я связалась... законъ забыла, тебя, дѣтей, душу свою загубила... Хотѣла съ Яшкой изъ дому бѣжать... деньги у тебя изъ укладки украла, да ему отдала... Убей-же меня, убей поскорѣе... легче мнѣ будетъ, измучилась я...

Гаврила поднялъ ногу и тяжелымъ, подкованнымъ гвоздями, сапогомъ ударилъ Лизавету въ лицо. Она вскрикнула, но сейчасъ-же опять поползла къ Гаврилѣ, хрипя: «бей... убей... легче будетъ»... Гаврила занесъ надъ нею кулакъ... но рука его безсильно упала, и онъ, ни слова не говоря, побѣжалъ внизъ.

На дворѣ его насквозь пронизала холодная сырая мгла. Въ воздухѣ уже тянуло пронзительнымъ предъутреннимъ вѣтеркомъ, должно быть, было около трехъ часовъ утра. Въ овинахъ все еще мерцали огоньки; въ ригахъ кое-гдѣ постукивали цѣпы—какіе-нибудь заботливые хозяева встали до свѣту молотить овесъ. Гаврила побѣжалъ, шлепая по лужамъ. Онъ ничего не думалъ, ничего не чувствовалъ, не слышалъ и не видѣлъ; онъ смутно сознавалъ только одно, что ему сейчасъ надо найти Яшку. И онъ его найдетъ... Вотъ и деревенская улица, спитъ себѣ, какъ убитая, и ничего не чуетъ. Вотъ Гаврилина изба... поровнявшись съ ней Гаврила взглянулъ на нее, словно на чужую, и пробѣжалъ мимо. Нѣтъ у него теперь избы, нѣтъ жены, нѣтъ сестры, нѣтъ братана-Яшки, ничего нѣтъ. А вонъ, наконецъ, и кабакъ... и Ѳедькина изба... Въ оконца тускло глядитъ огонекъ: не спятъ, видно, хозяева, рано встали сегодня. И вбѣжавъ на крыльцо, Гаврила взялся за щеколду.

У Ѳедора дѣйствительно не спали. Печь была жарко растоплена, и Игнатьевна съ засученными рукавами, гремя ухватами и сковородками, пекла «подорожники»—горячіе блинки съ лукомъ и съ яйцами. Яковъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ стояла бутылка съ водкой и большая деревянная чашка съ солеными огурцами. Яковъ былъ въ возбужденномъ состояніи и весело балагурилъ съ Игнатьевной,—они уже выпили по рюмочкѣ. Съ печи, гдѣ лежала больная Алена, слышались глухіе стоны и удушливый кашель. Дверь отворилась, и вошелъ Ѳедоръ въ полушубкѣ и съ ведромъ въ рукѣ.

— Н-ну, погодка!—воскликнулъ онъ, дуя на покраснѣвшіе пальцы.—Сиверко стало, кабы снѣжокъ не выпалъ. Лошадка-то у меня ничего, бодрая! Живымъ духомъ домчимъ до чугунки. Ты только смотри, Яша, не забывай объ насъ, какъ дѣла паладишь, отпиши. Продамъ домъ, брошу свою шкуру дохлую, и—айда!

— Ужъ не оставь ты насъ, Яшенька!—кланялась и Игнатьевна.

— Ну-ка еще по единственной!—подхватилъ его Яковъ, наливая.—Выпьемъ, да и закаемся. Не забуду я вашей ласки, хозяева дорогіе, будьте покойны! Въ горѣ не забывали, выручали, и въ радости не забудемъ. Ну-ка, на здоровьице...

Онъ не договорилъ... загремѣла щеколда и чьи-то тяжелые шаги послышались въ сѣняхъ. Всѣ трое переглянулись и замерли; Игнатьевна перекрестилась.

И вдругъ дверь широко распахнулась, и на порогѣ появился Гаврила. Онъ былъ безъ шапки и безъ полушубка, въ одной рубахѣ; мокрые, всклокоченные волосы дыбомъ стояли на головѣ; ротъ перекосился, глаза были красные, какъ у пьянаго.

Его неожиданное появленіе произвело переполохъ. Игнатьевна завизжала, словно ее рѣжутъ, и бросилась къ печкѣ; Ѳедоръ весь съежился и прищурился, словно ожидая удара; Яковъ смертельно поблѣднѣлъ и машинально схватился за большой хлѣбный ножикъ, лежавшій на столѣ.

Гаврила оглядѣлся и сдѣлалъ шагъ къ столу; глаза его застилало краснымъ туманомъ, и онъ протеръ ихъ, чтобы лучше видѣть. Тогда Яковъ собрался съ духомъ и всталъ ему навстрѣчу, нервно улыбаясь.

— Милости просимъ, Гаврила Авдѣичъ, братецъ названный!—сказалъ онъ, стараясь сдержать дрожаніе голоса.

Гаврила, при звукѣ знакомаго голоса, словно проснулся. Глаза его загорѣлись, лицо исказилось отъ страшнаго звѣрскаго бѣшенства.

— Убью...—съ пѣной на губахъ прохрипѣлъ онъ, бросаясь къ Якову.

Но Якову удалось ловко увернуться, и онъ бросился къ дверямъ. Гаврила за нимъ... Въ эту минуту съ печи сползла Алена, худая, страшная, какъ скелетъ, и схватила Гаврилу за руку.

— Братецъ... Гаврюша...—простонала она съ плачемъ.

Гаврила остановился. И вдругъ силы его оставили, и онъ, какъ мѣшокъ, тяжело рухнулъ на лавку.

— Яша, Яша, что ты со мной сдѣлалъ? — прошепталъ онъ, задыхаясь.

Яковъ, все еще блѣдный и дрожащій отъ испытаннаго имъ ужаса, стоялъ у дверей и смотрѣлъ на Гаврилу. Губы его подергивались, на глазахъ накипали слезы.

— Что я тебѣ сдѣлалъ?—вымолвилъ онъ тихо.

— Жизнь ты мою загубилъ... Мавруху съ бариномъ спуталъ... жену опозорилъ...

— Ну что еще скажешь,—деньги укралъ? Пьянствовалъ?—перебилъ его Яковъ и вдругъ быстро подошелъ къ Гаврилѣ.—А вы что со мной сдѣлали, а?—закричалъ онъ, визгливо и безпорядочно размахивая руками.—Кто меня въ солдаты неправдой отдалъ? Вы—съ батюшкой своимъ... Кто за тебя шесть лѣтъ оттрубилъ?—Яшка!.. Тебѣ-бы въ солдаты-то идти, а меня сдали... небось, я все знаю... Я льготный былъ... а вы съ отцомъ сговорились, да меня и упекли... деньгами откупились!

— Откупились...—повторилъ Гаврила, глядя на Якова безумными глазами.

— Да, откупились!.. Ты здѣсь съ женой цѣловался, да добро наживалъ, а я за тебя сухія корки глодалъ, мерзъ, да слезьми исходилъ. А Ольгунька-то? Помнишь Ольгуньку? Исчахла по мнѣ, въ гробъ ее свели... не пожалѣли! А мнѣ что васъ жалѣть? Отлились кошкѣ мышиныя слезки! Ну что еще скажешь?—подступалъ Яковъ къ Гаврилѣ.

— Что-жъ сидишь, молчишь?—кричалъ между тѣмъ Яковъ.—Зазрѣла совѣсть-то? Убить меня пришелъ; ну на, бей, не боюсь я... Вы меня давно убили... За денежки продали! Мнѣ одинъ конецъ, прежняго не воротишь, Ольгуньку изъ могилы не подымешь... Эхъ вы, благодѣтели! Деньги укралъ... нужны мнѣ твои деньги! На, возьми ихъ, подавись! Не нужно мнѣ ничего...

Онъ вытащилъ изъ-за голенища свертокъ и бросилъ его въ лицо Гаврилѣ, крича и захлебываясь. Онъ былъ совсѣмъ какъ въ истерикѣ, и все, что годами накоплялось въ его озлобленной несправедливостью душѣ, что онъ про-себя, втихомолку, въ душной казармѣ, передумалъ и перечувствовалъ, — вылилось теперь въ этихъ безпорядочныхъ, безсвязныхъ рѣчахъ и крикахъ.

Но Гаврила уже ничего не слышалъ, что кричалъ ему Яковъ. Онъ всталъ, отстранилъ отъ себя прильнувшую къ нему Алену и, шатаясь, вышелъ изъ избы. Послѣ его ухода, Яковъ сѣлъ на лавку, положилъ голову на столъ и заплакалъ.

Уже совсѣмъ разсвѣло, и деревенскія хозяйки давнымъ-давно убрались съ своими дѣлами, а въ избѣ Гаврилы и печь была еще не топлена, и корова не доена, и Сергунька надсѣлся отъ крику, прося груди. Лизавета ничего не слышала и не видѣла. Она какъ пришла съ мельницы, такъ забилась въ самый дальній уголъ избы и сидѣла тамъ, скорчившись и уткнувъ голову между колѣнъ. Съ той самой минуты, какъ Гаврила поднялъ надъ нею кулакъ, и Лизавета съ ужасомъ и съ радостью ожидала смерти, въ головѣ ея что-то странно измѣнилось, и сознаніе дѣйствительности утратилось. Когда Гаврила толкнулъ ее отъ себя и убѣжалъ, Лизавета долго не могла придти въ себя, лежа на полу въ той-же позѣ и бормоча тѣ-же слова: «убей, убей...». Ей казалось, что она уже убита, что душа ея отлетѣла куда-то далеко, и странные образы рѣяли передъ нею, точно она спала и видѣла сны. Какъ она потомъ встала, какъ пришла домой и очутилась на полу, въ уголкѣ, съ головой, уткнутой въ колѣни, этого Лизавета не помнила. Да и ничего она теперь не помнила... странные образы все кружились и рѣяли передъ нею, слышались странные звуки и голоса, причудливые сны снились наяву. То ей казалось, что она уже старая - престарая и всѣ умерли, она одна жива; то представлялось, что она опять дѣвчонка, живетъ въ чужихъ людяхъ, ее бранятъ, посылаютъ работать, а ей не хочется, и она горько плачетъ. А Гаврила? А Яковъ? А вся ея замужняя жизнь? Ничего этого нѣтъ и не было, и все это ей снилось когда-то давно, давно...

Сергунька все заливался; коровы жалобно мычали на дворѣ. Лизавета, наконецъ, пошевелилась, прислушалась, и осторожно, на цыпочкахъ, пробралась за занавѣску. Сергунька, увидѣвъ мать, закричалъ еще громче отъ обиды и досады. Лизавета быстро выхватила его изъ люльки, осмотрѣлась и начала кормить, что-то приговаривая и припѣвая. При каждомъ шорохѣ она вздрагивала, озиралась и затихала; потомъ снова начинала напѣвать, кивая кому-то головою и улыбаясь.

Дверь стукнула; Лизавета такъ вся и замерла, прижавъ къ себѣ Сергуньку. Въ ея широко открытыхъ глазахъ выразился ужасъ.

Въ избу, покашливая и стуча сапогами, вошелъ Левонъ.

— Есть что-ли кто-нибудь въ избѣ-то?—спросилъ онъ, озираясь.

Изъ-за занавѣски вся блѣдная показалась Лизавета,—прижимая къ груди ребенка.

— Это ты, Левонъ?—сказала она, дико на него взглядывая.

— Я. А хозяинъ гдѣ?—продолжалъ Левонъ, подозрительно всматриваясь въ разстроенное лицо хозяйки...

— Нѣту его... уѣхалъ онъ...

— Уѣхалъ? Куда уѣхалъ?

— Съ Яшкой они уѣхали... Яшка уѣхалъ,—и онъ за нимъ. Никого нѣту...

— Неладное ты что-то болтаешь, Прокофьевна!—качая головой вымолвилъ Левонъ.—Не пойму я тебя... куда они уѣхали...

— Уѣхали-уѣхали-уѣхали... Всѣ уѣхали!—быстро заговорила Лизавета и ушла за занавѣску.

Левону стало какъ-то жутко. Онъ развелъ руками и подошелъ къ печи. Заглянулъ,—печь нетоплена... «Оказія!» проворчалъ Левонъ въ смущеніи.—«Недоброе что-то дѣется»...

Онъ поспѣшилъ вернуться на мельницу, но, къ крайнему его безпокойству, Гаврилы тамъ все еще не было. Левонъ не зналъ, что дѣлать. Предчувствіе бѣды сосало его за сердце. Онъ никому ничего не говорилъ, но рабочіе сами догадывались, что у хозяина что-то стряслось. Они бросили работать и толпой стояли на дворѣ, толкуя съ помольщиками, какъ вдругъ на плотинѣ показался Гаврила—безъ шапки, въ одной рубахѣ, весь забрызганный грязью. Всѣ притихли и разступились передъ нимъ, ожидая выговора за бездѣлье, но Гаврила молча, ни на кого не глядя, прошелъ на мельницу и сѣлъ на обрубкѣ дерева, опустивъ голову. Къ нему подошелъ Левонъ.

— Гдѣ это ты былъ?—спросилъ онъ сурово и въ то же время ласково.

Гаврила поднялъ голову и безучастно взглянулъ на Левона.

— Да въ самомъ дѣлѣ, что за порядки такіе?—продолжалъ старикъ.—Ушелъ—и нѣту; нешто это хорошо? Ты ступай лучше домой: у тебя тамъ что-то хозяйка захворала. Печь нетоплена; я ее спрашивать—она заговаривается... Нехорошо эдакъ. Мало ли что бываетъ,—такъ и бѣгать изъ дому?

Гаврила сидѣлъ и думалъ. Потомъ поглядѣлъ на свои грязные сапоги и сталъ разуваться.

— Ты вотъ что, Левонъ...—началъ онъ медленно.—Ты сходи домой, принеси мнѣ чистую рубаху и порты. Измокъ я весь...

— То-то измокъ! Маленькій что-ли—бѣгать-то! Да ты самъ-бы сходилъ. Говорю, дома нехорошо.

— Нѣ...—болѣзненно морщась сказалъ Гаврила.—Сходи ужъ ты. Я послѣ...

Вернулся Левонъ еще болѣе озабоченный и смущенный.

— Ну, вотъ тебѣ рубаху принесъ. А ты слышь-ка, хозяинъ,—чудеса раздѣлываетъ Лизавета! Я прихожу, она затопила печь, лапшу мѣситъ и пѣсни задуваетъ! Увидѣла меня, засмѣялась... Я говорю: «дай хозяину рубаху чистую»,—а она мнѣ: «на свадьбу, говоритъ, приходи,—я нынче замужъ выхожу!» Да какъ загрохочетъ! Меня ажъ жуть проняла. Павлушка сидитъ въ углу, прижался, кричитъ: «ой,

дѣдушка, я боюсь, — тятьку позови»... Сходилъ-бы ты, Гаврила, право, а?

— Ладно,—отвѣчалъ Гаврила и, взявъ бѣлье, полѣзъ наверхъ. Гаврила медленно снималъ съ себя одежду и переодѣвался во все чистое. На шеѣ у него висѣлъ маленькій образокъ угодника-Митрофанія; Гаврила хотѣлъ было его снять тоже... но поглядѣлъ и оставилъ. Этотъ образокъ напомнилъ ему далекое дѣтство и отца. Какъ разъ въ тотъ годъ, когда Яшка поселился, отецъ ѣздилъ въ Воронежъ на богомолье и привезъ всѣмъ семейскимъ по такому-же образку. И Яшкѣ тоже привезъ. Яшка свой скоро потерялъ на Хопрѣ, когда купался, а вотъ у Гаврилы до сихъ поръ цѣлъ, только краски немного стерлись. Гаврила очень любилъ этотъ образокъ, берегъ его и никогда съ нимъ не разставался. Какъ, бывало, взглянетъ на него, такъ и вспомнитъ про отца. Вотъ и теперь вспомнилъ... «Смотри, Гаврюха, живи по Божьи, по правдѣ, никого не обманывай»... пришли ему вдругъ на память отцовы слова въ день его смерти. Гаврила весь вздрогнулъ, выпрямился и тихо засмѣялся. Потомъ лицо его судорожно передернулось; воспоминанія пережитой ночи, когда онъ сразу лишился всего, чѣмъ жилъ и что любилъ, огромной волной нахлынули на него. И въ смертномъ ужасѣ, спасаясь отъ нестерпимой боли, раздиравшей ему сердце, онъ бросился къ periламъ, перекрестился и полетѣлъ внизъ, туда, гдѣ крутились и грохотали шестерни.

Послышался сдавленный крикъ...

Въ эту минуту Левонъ вернулся со двора и подходилъ къ помосту. Онъ не видѣлъ, какъ Гаврила бросился подъ шестерни, но глухой стонъ поразилъ его, и онъ весь блѣдный вбѣжалъ на помостъ. Другой отчаянный вопль огласилъ мельницу.

— Братцы! Сюда!—кричалъ старикъ, обезумѣвъ.—Запирай воду... Сюда, сюда! Хозяинъ подъ шестерню попалъ... Родимые мои, выручайте!

Толпа помольщиковъ и работниковъ хлынула въ мельничный амбаръ. Всѣ кричали, размахивали руками и безъ толку метались изъ стороны въ сторону. А шестерни все гудѣли, продолжая дѣлать свое дѣло, и обезпамятѣвшій Левонъ, крича, рыдая и колотя себя въ грудь кулаками, бѣгалъ по помосту.

XV.

Скоро по всему селу разнеслась страшная вѣсть, что мельникъ, Гаврила Авдѣичъ, попалъ подъ шестерню и убился до смерти, а его жена, Лизавета, отъ горя сошла съ ума. Толпы любопытныхъ тянулись къ мельницѣ и наполняли Гаврилову избу. Мельница стояла; воду заперли, шестерни молчали, а на помостѣ, охраняемый сотскимъ, лежалъ накры-

тый рядномъ обезображенный трупъ Гаврилы. Народъ съ ужасомъ глядѣлъ на рядно, сквозь которое мѣстами сочилась кровь, и расходился, полушепотомъ передавая другъ другу свои впечатлѣнія. Въ избѣ Гаврилы происходила другая сцена. Лизавета, разодѣтая по праздничному, въ красномъ сарафанѣ, въ блестящихъ бусахъ, безпрестанно охорашиваясь, выхаживала по избѣ и что-то безъ умолку говорила. Она то принималась напѣвать пѣсню, прищелкивая пальцами, то кланялась кому-то и улыбалась, то начинала ставить на столъ пустые горшки и приглашала дорогихъ гостей покушать. Цѣлый вихрь безсвязныхъ рѣчей лился съ ея губъ. Павлушка, тоже пріодѣтый, сидѣлъ въ углу и, съ ужасомъ глядя на мать, плакалъ и звалъ отца. Наконецъ, кто-то изъ сосѣдей сжалился надъ покинутыми дѣтьми и взялъ ихъ къ себѣ въ избу, а къ Лизаветѣ, опасаясь какъ-бы она чего ни надѣлала, приставили двухъ старухъ. Въ избѣ Гаврилы захозяйничали чужіе люди, замелькали незнакомыя лица, и только Кудлашка выла и металась на цѣпи, по старой памяти охраняя хозяйское добро, да старый Левонъ, какъ тѣнь, бродилъ по двору, оплакивая Гаврилу и по бабьи причитая. Отъ горя старикъ совсѣмъ впалъ въ дѣтство.

Черезъ нѣсколько дней, когда слѣдствіе было уже кончено и Гаврила въ гробу лежалъ на томъ самомъ столѣ, гдѣ когда-то лежалъ и отецъ его, Авдѣй Семенычъ, къ воротамъ подкатилъ тарантасъ, запряженный тройкой вороныхъ. Въ тарантасѣ сидѣла Мавруша, одѣтая въ щегольскую бархатную кофточку и повязанная бѣлымъ шелковымъ платкомъ. За это короткое время она сильно перемѣнилась; яркій румянецъ на щекахъ поблѣднѣлъ; глаза были какъ будто больше и темнѣе; веселый смѣхъ, дрожавшій, бывало, въ каждой жилкѣ ея подвижного лица, смѣнился суровыми складками около губъ и между бровей. Съ помощью кучера она вышла изъ экипажа и прямо направилась въ избу, гдѣ толпился народъ, пришедшій посмотрѣть на покойника. Ни на кого не глядя и высоко поднявъ голову, она прошла сквозь разступившуюся передъ нею толпу къ гробу брата и, поднявъ полотно, долго глядѣла на его посинѣвшее лицо. Грудь ея нѣсколько разъ высоко поднялась и опустилась, губы дрогнули, по лицу пробѣжала судорога. Присутствующіе тѣсно сдвинулись вокругъ нея и съ любопытствомъ наблюдали за ней, перешептываясь между собою.

— Ишь, ни слезинки не выронила... Разрядилась-то какъ... словно на свадьбу пріѣхала... Срамница... Можетъ, черезъ нее и Гаврила-то кончился, а ей хоть-бы что...

Но Мавра какъ будто и не слышала этихъ замѣчаній. Наглядѣвшись на покойника, она приложилась къ образку, лежавшему у него на скрещенныхъ рукахъ и, прошептавъ: «прощай, Гаврюша...», опустила полотно.

— Здравствуй, Мавруша!.. — послышались изъ толпы робкіе голоса.

— Была Мавруша...—проговорила Мавра, и что-то въ родѣ горькой усмѣшки пробѣжало по ея лицу. Но она сейчасъ-же снова гордо подняла голову и спросила повелительно.—А Лизавета гдѣ?

— Она въ Шабрахъ... увели ее отседова... Бьется страсть! Озорничать начала. Тутъ гробъ несутъ, попы пришли, а она пляшетъ, пѣсни поетъ. Срамно смотрѣть. Обратали ее вожжами и увели...

— А дѣти?

— И дѣти въ Шабрахъ... У Семёна. Семенъ ихъ къ себѣ взялъ, потому—жалко ребятокъ-то. Сергунька-то ничего не смыслитъ, а Павлушку страсть жалко. Все понимаетъ, убивается, какъ большой. Кричитъ: «гдѣ тятька, я къ тятькѣ хочу!» Ему говорятъ: «померъ тятька», а онъ: «это вы тятьку уморили, онъ живой былъ!» Глядѣть—жалость беретъ...

Настроеніе толпы сразу измѣнилось, и теперь всѣ тѣснились къ Маврѣ, охотно и дружелюбно отвѣчая на ея вопросы. Порицанія смѣнились сочувствіемъ и сожалѣніемъ; толпа почуяла, что передъ нею стоитъ не прежняя легкомысленная Мавруша, а какая-то совсѣмъ другая, сильная и въ то-же время несчастная дѣвушка, и народъ невольно преклонился и передъ ея силой, и передъ ея несчастьемъ...

Мавра въ глубокомъ раздумьи слушала, что ей разсказывали. Она начинала понимать всю эту драму, разыгравшуюся въ ихъ семействѣ, и когда ей между прочимъ сообщили, что Яшка съ Ѳедькой уѣхали неизвѣстно куда въ тотъ-же день, какъ съ Гаврилой случилось несчастье, она вся вздрогнула и поблѣднѣла. Ей пришла въ голову страшная мысль, отчего она не убила Яшку въ тотъ вечеръ, когда опозоренная, обманутая сидѣла на барской кровати, оплакивая свое свѣтлое прошлое? Хватить-бы чѣмъ ни попадя... все равно пропадать-то было. Эхъ жизнь проклятая, какая ты злая да страшная...

— Ну... я къ нимъ пойду...—мрачно вымолвила Мавра.—Проводите меня къ Лизаветѣ.

Человѣка два отдѣлились изъ толпы и пошли провожать Мавру. На улицѣ встрѣчались мужики, бабы, дѣвки; всѣхъ ихъ Мавра знала, и иные кланялись ей и заговаривали. Но Мавра холодно отвѣчала на эти поклоны и, не отвѣчая на привѣтствія, проходила мимо. Все порвано было теперь между нею и этимъ крестьянскимъ трудовымъ міромъ. Она была «барская любовница», а они попрежнему оставались честными мужьями и работниками, честными дочерьми, матерями и женами. А вѣдь и она когда-то мечтала быть такою... и страшною горечью отзывались въ ея сердцѣ встрѣчи съ старыми знакомыми.

Пришли. Хозяинъ избы, гдѣ находилась Лизавета, встрѣтилъ ихъ въ сѣнцахъ и повелъ къ амбару, откуда неслись дикія завыванія и вопли, похожіе то на хохотъ, то на плачъ.

— Вотъ видишь ты, что дѣлаетъ! говорилъ хозяинъ, отпирая замокъ.—Мы было ее въ избу взяли — такъ нѣтъ мочи. Кричитъ, плюется, ребятъ перепужала, малыша изъ люльки выхватила — насилу отбили, чуть было не задушила. Ну мы ее сюда...

Загремѣлъ тяжелый засовъ, и дверь отворилась. Оттуда пахнуло сыростью и запахомъ слеглаго хлѣба. На порогѣ Мавра вдругъ ослабла,—ноги у нея подкосились... ей стало страшно. Но она скрѣпилась, вошла—и увидѣла чье-то страшное, незнакомое лицо въ сумракѣ амбара.—Лизавета сидѣла на полу, скорчившись, все въ томъ-же нарядномъ сарафанѣ, въ бусахъ и въ корсеткѣ, накинутой на плечи. Она страшно похудѣла, щеки ея ввалились, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, пожиравшимъ ея тѣло и мозгъ. Руки ея были спутаны веревкой, и она дѣлала безпрерывныя движенія локтями, стараясь освободиться, качалась изъ стороны въ сторону, стучала зубами и выла, произнося какія-то невнятныя слова. Мавра съ ужасомъ и съ жалостью глядѣла на свою бывшую соперницу, которую она еще такъ недавно ненавидѣла и проклинала.

— Подлецъ, подлецъ—Яшка... проговорила она мрачно.—Всѣхъ ты насъ изгубилъ, проклятый... Господи, да вѣдь ей, чай, холодно!

И быстро сбросивъ съ себя кофточку, она подбѣжала къ Лизаветѣ и стала окутывать ея дрожавшія плечи. Въ эту минуту Лизавета увидѣла ее—и въ амбарѣ послышался дикій, нечеловѣческій ревъ.

— Пришла?.. Змѣя... Прокл... Уйди-уйди-уйди-уйди!.. кричала Лизавета, извиваясь всѣмъ тѣломъ, дѣлая попытки встать и опять падая на полъ.

Мавра бросилась вонъ изъ амбара и, прислонившись къ плетню, заплакала... Сумасшедшая Лизавета поразила ее гораздо больше, чѣмъ мертвое лицо брата... и долго еще потомъ ей мерещились безумные глаза Лизаветы и въ ушахъ отдавался страшный звѣриный крикъ.

На другой день послѣ похоронъ Гаврилы, Мавра взяла съ собою дѣтей и уѣхала опять къ барину. Имущество Гаврилы было отдано въ опеку до совершеннолѣтія наслѣдниковъ; Мавра отказалась отъ своей части въ пользу племянниковъ. Мельницу сдали въ аренду, избу заколотили—старое Авдѣево гнѣздо опустѣло... Остались только вѣрная Кудлашка, да Левонъ, но и ихъ Мавра скоро перевела въ барскую усадьбу, и теперь они оба пугаютъ воробьевъ и галокъ на огородѣ, чтобы не даромъ ѣсть барскій хлѣбъ. Говорятъ, Мавра такъ забрала въ руки молодого барина, что онъ, того и гляди, женится на ней, благо препятствовать теперь некому. Старый камергеръ внезапно скончался

отъ удара и Арсеній Владиміровичъ по завѣщанію получилъ и Крутцовскую усадьбу и порядочный кушъ денегъ. Теперь Крутцы и не узнаешь: вездѣ порядокъ и чистота, рабочіе сыты и исправно получаютъ жалованье, долги всѣ уплачены, и всѣмъ этимъ верховодитъ Мавра. Павлушка и Сергунька растутъ; Арсеній Владиміровичъ ихъ полюбилъ и отъ нечего дѣлать учитъ говорить по-французски, что его очень забавляетъ. Алена не долго пережила брата, а Ѳедька послѣ ея смерти, началъ заниматься нехорошими дѣлами. На селѣ поговариваютъ, что у нихъ съ Игнатьевной воровской притонъ, и въ Захоперьѣ все чаще и чаще стали повторяться случаи конокрадства.

А объ Яшкѣ до сихъ поръ ни слуху, ни духу...

В. Дмитріева.

У береговъ Карскаго моря.

Очеркъ изъ жизни самоѣдовъ Новой-Земли.

Это было весною 1888 года на Новой-Землѣ.

Апрѣль. Весна, а холодъ ночью достигаетъ до 20 градусовъ. Я съ нетерпѣніемъ жду, когда, наконецъ, кончится стужа на этомъ полярномъ островѣ, которая намъ надоѣла уже въ длинную трехъ-мѣсячную полярную ночь. Я съ нетерпѣніемъ жду той минуты, когда я могу покинуть это Кармакульское зимовье и пуститься снова въ путь, чтобы свободно, съ ружьемъ и записной книжкой въ рукахъ, блуждать по этому невѣдомому острову, любоваться его суровыми, величественными картинами, охотиться въ его снѣжныхъ горахъ, въ его узкихъ долинахъ, среди горъ, въ его холодныхъ ледникахъ, которые такъ красиво спадаютъ съ горъ и уходятъ за горизонтъ всегда волнующагося моря. Ждетъ конца этой холодной поры и мой неизмѣнный проводникъ по этому острову, самоѣдъ Учей. Мы давно ужъ съ нимъ уговорились, какъ только наступитъ весна и будетъ пригрѣвать солнышко, отправиться на берега Карскаго моря.

Каждый день, по вечерамъ, сидя у самовара, мы толкуемъ съ нимъ: какъ мы отправимся въ этотъ далекій путь, сколько собакъ и какихъ изъ своры запряжемъ въ наши легкія саночки. Но въ то время, когда меня интересуетъ невѣдомая заманчивая сторона путешествія, жажда взглянуть въ сокровенные уголки полярной страны—моего добраго старика занимаетъ совсѣмъ другое: онъ мечтаетъ о томъ свѣжемъ кускѣ сырого мяса, о которомъ тоскуетъ ужъ цѣлую зиму... Онъ такъ описываетъ это самоѣдское лакомство, что даже меня подкупаетъ попробовать его и, признаюсь, я согласился, потому что онъ увѣряетъ всѣми шайтанами, что это такъ вкусно, что разъ попробовавши можно сдѣлаться настоящимъ самоѣдомъ. Его даже увлекаетъ мысль сдѣлать меня самоѣдомъ...

Наконецъ, мы не выдерживаемъ, насъ подкупаютъ свѣтлые, ясные веселые дни и мы выступаемъ въ путь. Нашъ багажъ, провизія уложены на легкихъ саночкахъ, въ нихъ впряжено по десяти собакъ, имъ тоже наскучила зимовка въ Кармакульскомъ заливѣ, и они съ визгомъ рвутся въ горы, которыя блестятъ на солнцѣ своими снѣжными вершинами. Мы должны углубиться въ эти горы, подняться на нихъ, перевалить хребетъ и затѣмъ спуститься по рѣчкамъ къ другому невѣдомому, но интересному берегу моря, гдѣ живетъ нѣсколько семействъ самоѣдовъ.

Мы въ горахъ. Позади синѣетъ полосой океанъ съ плавучими полями льдовъ; ближе чернѣютъ острова, скалы, обрывы береговъ, и между ними чуть замѣтно видна наша маленькая колонія, вся занесенная снѣгомъ. Мы еще углубляемся въ горы; склонъ горы закрываетъ море—и мы въ пустынѣ снѣговъ, горъ и льда.

Какъ-то жутко становится въ этой пустынѣ, когда прислушаешься къ ея мертвой тишинѣ, которая царитъ тутъ повсюду... Ни звука, ни слѣда звѣря, ни полета птицы по цѣлымъ днямъ... Мы не боимся мятелей, которыя такъ страшили насъ зимой: солнце укрѣпило снѣгъ, и онъ сдѣлался такимъ твердымъ, что за нами даже не остается слѣдовъ. Мы идемъ впереди санокъ то вздымаясь на перевалы, то спускаясь съ нихъ по ложу рѣчекъ. Въ полдень дѣлаемъ привалъ на снѣгу, закусываемъ и дремлемъ подъ лучами благодатнаго солнца. Отдохнувши, мы опять пускаемся въ путь,—опять перевалы, опять долины рѣчекъ, горы, снѣгъ повсюду и та-же тишина. Къ вечеру сорокъ верстъ пути даютъ себя чувствовать: мы осматриваемъ скалу и рѣшаемся сдѣлать тутъ ночевку. Дѣлаемъ себѣ чай и ложимся спать подъ сугробъ снѣга. Но холодная ночь не даетъ крѣпко спать, собаки жмутся къ человѣку, и только когда утренніе лучи начинаютъ пригрѣвать, засыпаешь крѣпко съ наслажденіемъ утомленнаго человѣка. Но нужно торопиться; встаемъ, собираемся и снова двигаемся въ путь. Опять ясный день, опять солнце обливаетъ снѣжную пустыню; глазамъ становится больно, начинается воспаленіе: они утомлены, они ищутъ темнаго предмета, чтобы отдохнуть на немъ, но всюду свѣтъ, всюду лучи солнца. Эти лучи скользятъ по снѣжной поверхности и бросаются прямо въ глаза. Порой мы не въ состояніи видѣть, спотыкаемся и падаемъ; консервы же помогаютъ мало.

Но вотъ мы переваливаемъ хребетъ; вдали синѣетъ море, еще два дня и мы будемъ тамъ на берегу. На четвертый день мы различаемъ въ бинокль дымъ, поднимающійся отъ чумовъ; насъ охватываетъ радость, и усталый старикъ-проводникъ идетъ быстрѣе. Вечеромъ, когда солнце склонилось къ морю и, погрузившись въ него, облило послѣдними своими лучами всю снѣжную равнину, мы увидали чумы. Шесть скромныхъ чумовъ, вытянувшись по одной линіи, стоятъ сиротливо, одиноко на берегу рѣчки. Подходимъ, насъ встрѣчаетъ цѣлая свора собакъ, онѣ ки-

даются на нашихъ усталыхъ, но выскочившіе на шумъ самоѣды насъ отбиваютъ, и мы вдругъ среди толпы знакомыхъ самоѣдовъ. Они очень измѣнились на видъ съ тѣхъ поръ, какъ оставили наше зимовье, несмотря на то, что это было всего недѣль пять тому назадъ. Замѣтно, что жизнь на воздухѣ, на солнцѣ, при свѣжей пищѣ изъ мяса быстро поправляетъ человѣка послѣ полярной ночи. Тѣ дѣти, которыхъ мы всю зиму видѣли такими блѣдными, вялыми, теперь были совсѣмъ неузнаваемы: розовыя щечки, звонкій смѣхъ такъ и подкупаютъ на веселье. Насъ вводятъ почетными гостями въ чумъ, усаживаютъ на свѣжія оленьи шкуры, молодая бойкая хозяйка чума торопливо приготовляетъ очагъ, ея мужъ стружитъ стружки, достается кремень, очагъ оживаетъ и насъ освѣщаетъ веселый огонекъ. Чумъ полонъ народа. Начинаются оживленные разговоры. Мой старикъ только мычитъ на вопросы своихъ торопливыхъ любопытныхъ товарищей, уже обгладывая цѣлую ногу оленя, подложенную догадливымъ хозяиномъ. Нога эта еще не ободрана, онъ зубами отдираетъ ея кожу, вытягиваетъ жилы, глотаетъ все цѣликомъ не разжевывая и, полагаясь на крѣпость своего желудка, уничтожаетъ все, что попадается на зубы. Мнѣ становится стыдно за своего проводника, еще недавно скромно раздѣлявшаго мои консервы. Управившись съ ногой, онъ какъ ни въ чемъ не бывало подсаживается къ котлу, вынимаетъ ножъ, вытираетъ его объ малицу и принимается за уничтоженіе варенаго мяса... Самоѣды только улыбаются отъ удовольствія, что они угощаютъ. Мнѣ тоже кажется ужинъ изъ оленьяго языка необыкновенно вкуснымъ.

Утромъ насъ разбудили выстрѣлы. Оказалось, что стадо оленей подошло къ чумамъ, благодаря тишинѣ, и прежде чѣмъ я выбѣжалъ на улицу съ своимъ штуцеромъ, четыре оленя уже лежали и бились на снѣгу, а пятый какъ-то неровно, спотыкаясь, останавливаясь, невеселый шелъ за убѣгающимъ стадомъ. Вотъ онъ останавливается, дѣлаетъ неловкій прыжокъ, опускаетъ голову, думаетъ лечь, но силы измѣняютъ и онъ падаетъ, какъ-то неловко, впередъ головой, на снѣгъ и бьетъ безпомощно ногами... Вдали на бугрѣ останавливается на минуту бѣжавшее стадо, оборачиваясь къ намъ вѣтвистыми рогами, смотритъ въ нашу сторону и затѣмъ, вскинувъ лихо рога на спину, уносится въ блестящую подъ солнцемъ снѣжную равнину... Мы идемъ къ добычѣ. Одинъ изъ оленей еще живъ, трясетъ рогами, думая насъ напугать, но его безжалостно прикалываетъ острый ножъ самоѣда. И прежде, чѣмъ остановились неподвижно его глаза, прекратились конвульсіи, съ него уже сдираютъ шкуру и торопятся добраться до его крови, которая составляетъ первое лакомство этого дикаря. Олень распластанъ въ минуту. Кругомъ его садятся самоѣды, и каждый изъ нихъ торопится острымъ ножомъ достать то, что ему по вкусу. Одинъ лакомится хрящомъ ушей, другой

добивается до теплаго мозга и долбитъ голову, третій вытаскиваетъ руку съ почками и, обмокнувши въ кровь, съ какой-то жадностью, торопливо прихлебывая, суетъ ихъ въ ротъ... Мой старикъ, разумѣется, тутъ: онъ ложится и пьетъ кровь, которая стоитъ, какъ въ чашѣ, въ ребрахъ оленя, и поднимается только тогда, когда тамъ остаются капли. Его лицо, одежда, руки, сѣдая борода—все въ крови, и я жалѣю, что не захватилъ сюда фотографическаго аппарата. Старикъ докладываетъ, что онъ удовлетворенъ и даже шатается отъ выпитой крови, которая опьяняетъ. Самоѣды очень оживлены, слышатся шутки, смѣхъ, и олень мало-по-малу переходитъ въ ихъ желудки въ сыромъ видѣ. Наконецъ, они, тщательно вытеревъ ножи о шкуру оленя, отправляются къ чумамъ и волочатъ за ноги красавцевъ пустыни. Около чумовъ растрепанныя и грязныя ихъ иньки составили свой кружокъ и обработываютъ другую жертву. Тутъ еще лучше картина пиршества дикарей. Женщины, засучивъ рукава, такъ и бродятъ во внутренностяхъ оленя: кто вытягиваетъ жилы для нитокъ, кто обгладываетъ еще кость, кто возится съ ногой, сдирая зубами кожу на обувь, кто суетъ ребенку кусокъ мяса и старательно вытираетъ ему носъ рукой, замаранной въ крови. Эта кровь повсюду: и на лицѣ, и на одеждѣ, и на снѣгу, и на волосахъ, даже собаки и тѣ вымазались ей, отнимая куски мяса прямо изо рта у маленькихъ ребятъ и потомъ облизывая имъ же физіономіи за уступку. Особенно интересна маленькая дѣвочка съ кускомъ мяса въ маленькой ручонкѣ. Она тоже сосетъ кровь, глядя съ удивленіемъ на шумъ родной толпы...

Ребятишки почти голы; ихъ малицы замазаны такъ, что отсвѣчиваютъ; сквозь дыры оленьяго платья чернѣется немытое тѣло; но ихъ щеки такъ румяны, что кажутся замазанными той кровью, въ которой они всѣ перепачкались. Таборъ шумитъ и лаемъ собакъ и бойкой рѣчью самоѣдовъ. Скоро и этотъ рогатый олень конченъ, шкуру его пялятъ сушить, внутренности предоставляютъ собакамъ, и на мѣстѣ пиршества людей грызутся мохнатыя друзья человѣчества... Сытые самоѣды, одинъ за другимъ, уходятъ съ яркаго свѣта въ свои темные чумы. Теперь подбить ихъ ѣхать на охоту напрасный трудъ; я беру ружье и отправляюсь одинъ на ближайшіе холмы. Но солнце, обливая свѣтомъ снѣжную равнину, такъ раздражаетъ зрѣніе, что я не выдерживаю и сворачиваю къ ближайшей скалѣ, забираюсь на нее, удобно помѣщаюсь на ея выступѣ и погружаюсь въ думы.

Когда я возвратился къ чумамъ, то тамъ уже все спало, хотя день былъ только еще въ половинѣ. Яркое солнце словно еще сильнѣе наводило свои лучи на чумы, которые теперь блестѣли на солнцѣ каждой шерстинкой своихъ оленьихъ шкуръ. Даже собаки и тѣ предались такому невозмутимому сну, распластавшись гдѣ попало на снѣгу, что не слыхали, какъ я подошелъ, и не встрѣтили меня ни однимъ лаемъ.

Мой приходъ будитъ хозяина чума; сконфуженный онъ вылѣзаетъ изъ подъ полога и, оглядѣвшись—день или ночь стоитъ на дворѣ, торопливо будитъ свою бабу и начинаетъ заниматься табакомъ. Вырвавши щепоть шерсти изъ собственной малицы, онъ сыплетъ на нее табакъ и кладетъ все это за щеку, объясняя этотъ маневръ тѣмъ, что это помогаетъ отъ цынги. Мало-по-малу чумъ пробуждается, изъ угловъ выползаютъ его обитатели, и завязывается разговоръ. Къ вечеру чумы пробудились окончательно, затопились очаги, пньки подвѣсили котлы, растопили ледъ для воды и занялись приготовленіемъ ужина.

Затопили очагъ; въ чуму поднялся такой дымъ, что невыносимо заѣло глаза, но я остался на мѣстѣ и занялся наблюденіемъ приготовленія ужина. Онъ очень простъ и скоръ. По временамъ въ очагъ подкладываютъ дрова, мѣшаютъ желѣзной вилкой мясо, снимаютъ пѣну съ шерстью, которая оказывается, сама собой, всплываетъ на поверхность, очищая тѣмъ мясо, подбиваютъ кушанье горстью муки, и ужинъ готовъ.

День медленно смѣняетъ свѣтлая ночь; съ горъ тянетъ холодкомъ; чумъ закрываютъ на ночь наглухо; еще разводятъ костеръ и, снявъ одежду, присаживаются къ нему, чтобы понѣжиться его лучами и, погрѣвшись, юркнуть въ теплое оленье одѣяло, гдѣ спятъ всѣ раздѣвшись. Чумъ затихаетъ окончательно, день оконченъ. Самоѣды, видимо, блаженствуютъ по своему: ихъ счастье заключается въ кускѣ оленьяго мяса; этотъ кусокъ ходитъ около нихъ въ видѣ рогатаго оленя и стоитъ только взять бинокль, посмотрѣть по холмамъ, и вы его увидите безпечно разгуливающаго. Самоѣды даже лѣнятся бить ихъ и отправляются только тогда, когда ихъ пньки заявляютъ, что нечего варить. Тогда они запрягаютъ собакъ, скрываются въ тундрѣ и черезъ часъ-два привозятъ цѣлый возъ битаго оленя. Но не всегда бываетъ такое красное, счастливое время для самоѣдовъ; случается, когда откочуютъ олени, они варятъ тѣ-же кости, которыя теперь таскаютъ ихъ маленькія щенята по улицѣ. На второе утро я былъ счастливѣе: со мной вызвался ѣхать къ морю молодой самоѣдъ, Андрей Тайбарей. «Андрюшка», толстый приземистый самоѣдъ, съ широкимъ, простодушнымъ лицомъ, вѣчно улыбается и имѣетъ такіе жесткіе волосы, что они, какъ щетина, стоятъ у него на головѣ. Онъ давно живетъ на этомъ берегу, хорошо его знаетъ, и я доволенъ новымъ проводникомъ, оказавшимся страшнымъ охотникомъ до бѣлыхъ медвѣдей.

Онъ живо запрягаетъ собакъ въ санки, захватываетъ свою кремневую пищаль, и мы направляемся къ морю.

Вотъ и море. За обрывистымъ красивымъ берегомъ стоитъ неподвижно припай зимняго льда; онъ на цѣлую версту уходитъ шероховатой отъ торосовъ поверхностью въ море, оканчиваясь такимъ ледянымъ валомъ, который, какъ брустверъ крѣпости, ограждаетъ его отъ волнъ моря. Какая величественная картина полярнаго моря сравнительно съ

пустынной снѣжной равниной острова! Сколько въ ней разнообразія, сколько въ ней красокъ, постоянно мѣняющихся подъ ослѣпительными лучами низкаго солнца, которое словно старается его растопить! Насъ тянетъ туда, къ открытой полыньѣ; мы забываемъ опасность быть оторванными отъ берега теченіемъ, спускаемся на припай льдовъ и бѣжимъ поскорѣе къ тому ледяному брустверу, за которымъ спитъ полярное море. Чрезъ нѣсколько минутъ мы стоимъ на краю шаткаго льда у самой воды, которая тихо поднимаетъ и опускаетъ подъ нами толстый ледъ. Андрей говоритъ, что «море дышетъ». Да, оно дѣйствительно дышетъ, ровно поднимая льды и опуская ихъ. Ледъ скрипитъ и стонетъ. Съ далекой полыньи поднимается грузно стадо гаги и кружитъ въ голубомъ сіяющемъ небѣ. Мы машемъ руками, оно поворачиваетъ, изъ любопытства, въ нашу сторону и чернымъ пятномъ летитъ низко надъ водой прямо къ намъ. Мы готовимъ ружья, выжидаемъ моментъ и два залпа раскатываются, откликаясь въ морѣ. Шумъ привлекаетъ любопытнаго тюленя: онъ плыветъ къ намъ, выставивъ свою глупую голову и разсѣкая воду, по которой расходятся широко круги; мы снова дѣлаемъ залпъ и забываемъ совсѣмъ, что страшно рискуемъ. Мы еще бросаемъ нѣсколько взглядовъ на эти тихія воды, жалѣемъ, что нѣтъ лодки и бѣжимъ обратно, боясь, чтобъ насъ не унесло это капризное море.

Вотъ мы снова на твердомъ берегу: любопытство немного удовлетворено, и мы ѣдемъ на выдающійся мысъ земли. Намъ хочется увидать царя этого сѣвернаго моря—бѣлаго медвѣдя, который здѣсь не рѣдкость въ это время. Мы ѣдемъ по волнистой береговой полосѣ; вдали что-то чернѣетъ: я говорю, что это крестъ русскихъ зимовщиковъ, но Андрей не соглашается; я настаиваю ѣхать туда и посмотрѣть, тогда Андрей говоритъ, что это идолъ.

— Идолъ? откуда-же идолъ?—спрашиваю я.

— «Ефремовъ идолъ»,—отвѣчаетъ Андрей и больше не хочетъ, видимо, разговаривать. Но я настаиваю посмотрѣть идола и мы ѣдемъ къ нему. На вершинѣ холмика, дѣйствительно, стоитъ деревянный идолъ. Онъ грубо сдѣланъ изъ чурбана, величиной въ аршинъ, голова заострена, лицо отмѣчено только зарубкой, изображающей ротъ, и большимъ долгимъ носомъ; но въ немъ есть выраженіе: оно сурово, неумолимо. На мѣстѣ глазъ вставлены свинцовыя пули. Я хвалю работу, Андрею это не нравится, онъ отворачивается къ морю и не смотритъ совсѣмъ на идола. Я вижу, что ему неловко, что мое любопытство его задѣваетъ, но продолжаю разспрашивать.

— Зачѣмъ-же Ефремъ его сдѣлалъ, вѣдь онъ православный?

— Зимовалъ онъ тутъ, вотъ подъ этой сопкой,—отвѣчалъ онъ.

— Развѣ вы кланяетесь, Андрей, идоламъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ.

— А Ефремъ?

— Онъ вѣритъ, надо быть...

— Что-же онъ помогаетъ ему, что-ли?

— Помогаетъ, надо быть,—неохотно отвѣчаетъ мнѣ Андрей и снова молчитъ.

Я оставляю разспросы до поры до времени и предлагаю взять идола съ собой въ Кармакулы и показать миссіонеру. Андрей ни за что не соглашается на это и начинаетъ меня стращать, что мнѣ не попасть будетъ съ нимъ въ Кармакулы черезъ горы, что шайтанъ мнѣ устроитъ такую «непогодь», что или я замерзну, или пролежу «сутки трои» въ снѣгу... Я дѣлаю видъ, что вѣрю, хвалю работу идола и ставлю его носомъ къ сѣверу, чтобы онъ не смотрѣлъ намъ въ дорогу: пусть смотритъ на сѣверъ, тамъ никого нѣтъ, кромѣ медвѣдей. Мы возвращаемся, садимся въ санки и ѣдемъ дальше къ мысу. Андрей даже повеселѣлъ.

Вотъ и мысъ. Какой онъ высокій, обрывистый и какой съ него чудный видъ на море! Что за прелестный видъ съ него вдоль берега къ сѣверу, какъ далеко уходитъ каналъ, словно рѣка чернѣетъ онъ и блеститъ среди снѣжныхъ своихъ береговъ и скрывается вдали за выдающимся мысомъ! Глазъ не можетъ остановиться разглядѣть детали, мы беремъ бинокли; Андрей лѣзетъ выше, на самый обрывъ; я ему кричу «упадешь», но онъ ужъ тамъ усаживается и застываетъ съ трубой въ красивой позѣ.

Я тоже беру бинокль, протираю и навожу его, чтобы разсмотрѣть открывающуюся даль.

То, что было едва замѣтно, теперь кажется близкимъ; громадный ледяной торосъ словно вблизи, онъ весь блеститъ и отливаетъ синевой льда. Съ одной стороны видна цѣлая пещера. Каналъ—какъ зеркало: въ немъ плаваютъ тюлени; я вижу круги воды и вижу лѣнивыя движенія этихъ животныхъ; вотъ одинъ лежитъ и грѣется на льду; другой, крупный, поднялся изъ воды и застылъ, среди гладкой поверхности воды. Я не свожу бинокля съ канала и любуюсь; мнѣ нравится эта картина отдыха полярныхъ животныхъ. Тюлень на льду ворочается, поднимаетъ порой голову, растягиваетъ катры и то поворачиваетъ ко мнѣ свою толстую спину, которая лоснится на солнцѣ, то оборачивается бѣлымъ брюшкомъ, которое такъ и блеститъ, и серебрится. На берегу лежитъ цѣлый валъ наноснаго лѣса, и я спускаюсь посмотрѣть этотъ лѣсъ, принесенный словно нарочно, чтобы и здѣсь дать человѣку возможность жить и согрѣваться. Это гости Новой-Земли; этотъ пловучій лѣсъ принесло сюда и выкинуло море. Тутъ я узнаю: и сибирскій кедръ, и исполинскую лиственницу, и обитый стволъ бѣлой березы, и сломанную вершину сосны, сучья которой сильно истерло и переломало море и его льды. Вонъ даже слѣды топора. Нѣ-

которые стволы уже источены насѣкомыми, замыты пескомъ. Изъ этого лѣса когда-то строили свои зимовья наши поморы. Эти стволы удобны для небольшой избы, но они такъ сыры, такъ пропитаны солью, что не могутъ быть здоровыми въ жиломъ помѣщеніи. Я иду дальше вдоль берега.

По такимъ берегамъ интересно бродить: тутъ находятъ обломки кораблей, куски деревьевъ южныхъ странъ, даже тропическія растенія. Тутъ можно наткнуться на цѣлый остовъ кита. Но теперь все покрыто снѣгомъ, все такъ замерзло, что найти что-либо на память мнѣ не удалось, но зато я совсѣмъ неожиданно наткнулся на какой-то голбчикъ, укрѣпленный четырьмя колышками и, видимо, сдѣланный не очень давно. оказалось, что это—могила. Самоѣды не роютъ для покойниковъ землю, они кладутъ покойника сверхъ земли и покрываютъ его голбчикомъ, а съ верху, чтобы не трогалъ плутоватый песецъ, они надвѣшиваютъ колокольчикъ, который звонитъ во время вѣтра и пугаетъ любопытнаго и голоднаго хищника. Я зову Андрея и хочу его спросить, кто тутъ у нихъ схороненъ и какъ. Онъ бросаетъ обрывъ, скатывается по сугробу внизъ и бѣжитъ въ мою сторону, вѣроятно думая, что я нашелъ какую-нибудь диковинку, но, подойдя ближе, убавляетъ шагу и подходитъ совсѣмъ недовольный. Видимо, и здѣсь мое любопытство его задѣваетъ.

— Кто это у васъ тутъ схороненъ, Андрей?—спрашиваю я.

— Это Ефремовы ребята.

— Давно?

— Лѣтъ пожалуй ужъ десять будетъ,—неохотно отвѣчаетъ онъ.

— Маленькіе?

— Не знаю, дѣвкѣ было-не-было 4 года, а парень былъ-бы теперь ужъ работникъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Отъ цынги?—спрашиваю.

— Нѣтъ, съ голоду.

— Неужели,—спрашиваю я,—съ голода умерли?

Но Андрей не сразу отвѣчаетъ, ему непріятно, ему тяжело вспоминать.

— Оленей не было въ ту зиму,—наконецъ говоритъ онъ.

Меня это заинтересовываетъ; я слыхалъ про зимовки отъ самоѣдовъ, но они никогда еще мнѣ не говорили, что былъ такой голодъ, что умирали, хотя цынга была тогда обычной гостьей.

— Неужели, дѣйствительно, съ голода?—спрашиваю я.

— Кто ихъ знаетъ... я думаю такъ отъ голоду, тогда и мы чуть не пропали: почитай, всю зиму ѣли тюленьи шкуры...—отвѣчаетъ Андрей и отворачивается къ морю.

— Какъ-же они тутъ положены, зарыты, въ гробу?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, просто такъ положены въ маличенкахъ, на землю,—отвѣчаетъ Андрей, снова поворачиваясь въ мою сторону.

— И сверху вотъ этимъ голбчикомъ только закрыты?

— Да, имъ только и закрыты, земля твердая, зимой добыть ее нечѣмъ, мы и кладемъ такъ,—отвѣчаетъ охотнѣе Андрей.

— Ну, а если медвѣдь придетъ и съѣстъ?

Андрею даже смѣшно стало, что медвѣдь съѣстъ, и онъ увѣряетъ, что медвѣдь звѣрь умный, покойниковъ не ѣстъ; «видали, приходитъ, но не ѣстъ, только если крестъ стопитъ, тогда ужъ онъ непремѣнно встанетъ на дыбы и, до куда хватаютъ его лапы, тамъ сдѣлаетъ царапину—это онъ ростъ мѣряетъ; другой разъ придетъ, такъ снова царапаетъ крестъ и смотритъ—насколько выросъ», добавилъ Андрей.

— И колокольчика не боится?—спрашиваю я.

— Это для песца, онъ—дуракъ: покойникамъ носъ объѣдаетъ, подроется подъ голбчикъ, залѣзетъ туда да и давай ноги, руки глодать, другой разъ совсѣмъ руку вытащитъ, проклятый. Безъ колокольчика нельзя. онъ его боится, когда онъ звенитъ въ вѣтеръ.

Мы оставляемъ могилку и идемъ дальше.

Мысль разспросить Андрея о голодѣ не даетъ мнѣ покоя. Мы снова на обрывѣ скалы, снова передъ нами море. Дѣлать розно нечего, надо коротать время, въ чумахъ теперь спятъ, мы ложимся на оттаявшую траву скалы и отдыхаемъ... Какъ-бы отъ нечего дѣлать, я начинаю пристально разсматривать сѣтку своей фляжки. Это привлекаетъ и Андрея, онъ ложится на животъ и разсматриваетъ флягу. Я вижу, что его занимаетъ содержимое, я беру бутылку и смотрю на солнце: тамъ есть еще, будетъ довольно послѣ дороги, и я спрашиваю моего проводника:

— А что, Андрей, развѣ выпить?

Андрей улыбается и молчитъ.

— Съ устатку,—говорю,—хорошо-бы было, да вотъ закуску я позабылъ...

Андрей даже приподнялся отъ удивленія.

— Какъ нечѣмъ закусить?—спрашиваетъ онъ,—да у меня цѣлая холка захвачена, подъ сидѣньемъ лежитъ...

И Андрей, не дожидаясь отвѣта—буду-ли я закусывать его холкой мороженаго мяса, на которой онъ сидѣлъ дорогой, бросается и бѣжитъ къ санкамъ. Приготовленія недолги, ножъ стружитъ ломти мерзлаго мяса отлично, половина этихъ ломтей попадаетъ въ ротъ къ его хозяину, а другая мнѣ на колѣни, и закуска готова. Я торжественно наливаю стаканчикъ, вынимаю изъ него шерстинку, которая ужъ попала отъ оленьей одежды и подношу спутнику.

— Пей ты наперво,—отвѣчаетъ изъ вѣжливости Андрей.

Я выпиваю, глядя на него, какъ онъ улыбается отъ предстоящаго удовольствія.

— Сово? (хорошо)—спрашиваетъ онъ не удержавшись.

— Сове-сово (очень хорошо)—говорю я и такъ-же медленно наливаю второй стаканчикъ, отсчитывая капли живительной влаги, и подношу Андрею. Онъ поправляетъ свои стоячіе волосы, беретъ стаканъ, нюхаетъ его и пьетъ.

— Валяй еще второй,—предлагаю Андрею. Онъ пьетъ второй, крякаетъ и принимается за закуску, не ожидая, что будетъ третій. Я наливаю молча третій и подношу Андрею. Онъ удивленъ, вздыхаетъ, но пьетъ съ удовольствіемъ и торопится въ свою очередь угостить меня, добывая мозгъ изъ кости, но тотчасъ-же бросаетъ кость, вынимаетъ табакъ, достаетъ изъ-за пазухи шерсть, сыплетъ на нее немного табаку и все это кладетъ за щеку.

— Такъ крѣпче будетъ, — говоритъ онъ, — забылъ я: надо было въ водку насыпать, мы все такъ пьемъ, когда поморы приходятъ на судахъ.

Я говорю, что это горько, но Андрей увѣряетъ, что это полезно отъ цынги.

— А ты, Андрей, хворалъ цынгой?—спрашиваю я.

— У, сколько разъ, забылъ даже; одинъ годъ такъ совсѣмъ было пропалъ, вотъ когда съ Ефремомъ здѣсь первую зиму зимовали.

— Это когда ребята-то здѣсь померли?—спрашиваю я.

— Въ ту пору.

— Выпей, говорю, Андрей, еще стаканчикъ—я больше одного не пью, и разскажи мнѣ, какъ вы тогда здѣсь зимовали, я еще не слыхалъ.

Но мой спутникъ словно не слышитъ. Онъ беретъ машинально, будто не придавая значенія напитку, отъ котораго ужъ распахнулась его душа. Онъ подумалъ прежде, чѣмъ выпить, выпилъ и вдругъ спрашиваетъ меня:

— Ты никому не скажешь?

— Что?

— Что я тебѣ разскажу?

— Зачѣмъ? что ты! развѣ ты меня не знаешь,—начинаю я его увѣрять.

— Только-бы Ефремъ не узналъ,—прерываетъ онъ.

— А что, ты его боишься?—спрашиваю я.

— Дуракъ онъ, подлецъ, настоящій разбойникъ,—разразился вдругъ Андрей,—ничего-бы я съ роду не зналъ, грѣха-бы на душѣ никакого не было, а все онъ меня тогда заставилъ... мы вѣдь той зимой шесть человѣкъ убили...

— Что ты?...

Андрей даже испугался своей откровенности и сразу замолкъ. Я не повторяю вопроса. Теперь онъ сидитъ съ опущенной головой, и я боюсь, что онъ не будетъ говорить больше.

Онъ беретъ кость и начинаетъ ее обгладывать, она уже чиста, но

онъ еще что-то отдираетъ зубами и затѣмъ, убѣдившись въ ея негодности, бросаетъ подъ обрывъ. Андрей не можетъ больше молчать и начинаетъ свой разсказъ.

— Осенью мы тотъ годъ сюда пріѣхали съ Карскихъ воротъ, отъ самаго Вайгача (островъ). Зимовать на Новую Землю напустились. Самоѣды въ тундрѣ сказывали, что оленя здѣсь много. Вотъ въ эту бухту карбасами и пристали. Ефремъ у насъ набольшимъ тогда былъ, комщикомъ; давай, говоритъ, здѣсь темное время, ребята, проживемъ. Пристали, выбрались на берегъ и чумъ поставили, живемъ. Съ осени оленя маломало было, можно-бы на всю зиму настрѣлять, да ружья плохи были: попасть попадаютъ, а олень все бѣжитъ. Я еще тогда не стрѣлялъ, ничего еще тогда у меня не было, такъ, изъ-за хлѣба, работникомъ жилъ у Ефрема: когда дрова таскалъ, когда опять въ море съ собой брали, такъ нерпу опускалъ (свѣжевалъ). Ну съ осени-то еще мы мясо ѣли, а какъ темное время настало и, почитай, ѣсть нечего стало..

Живемъ мы въ чуму, вонъ на той сопкѣ (холмикъ), гдѣ давечь чучело-то видѣлъ: чумъ полонъ народу; тогда еще Митрій съ нами зимовалъ, только еще холостой; баба у Ефрема жила съ двумя ребятами: собакъ было штукъ восемь, да еще дѣвка жила съ нами, племянница; съ тундры ее Ефремъ съ собой взялъ... хорошая дѣвка была, невѣста, добавилъ Андрей и задумался.

— Сколькихъ лѣтъ?—спрашиваю я.

— Кто ее знаетъ, мы года не считаемъ, невѣста была ужъ...

— Какъ ее звали?

— Мы ее никакъ не звали, дѣвка да дѣвка, и только. Ефремиха сказывала, что ее Соломдѣемъ звали, сирота она была, сказывала на тундрѣ братъ остался, тоже бѣднякъ, на ногахъ ходитъ (бѣдный), оленей нѣтъ, въ работники наймуется...

— Ну, сказывай дальше.

— Ну, живемъ мы здѣсь, когда на море ходимъ, когда въ горы, а толку все мало. Я все больше дрова съ дѣвкой ходилъ таскать. Я наколю, нарублю—она сложитъ; лямки надѣнемъ да и премъ къ чумовищу, версты три было. Когда еще мясо было—по-многу волочили, а потомъ силы не стало вовсе. Другой разъ еще погода ударитъ—ничего не видно, на ногахъ стоять не можно, падемъ да и лежимъ... дѣвка-то плакала тогда. Потерялъ я ее однажды тутъ, испугался, бросился искать: смотрю—а она ничкомъ лежитъ, снѣгомъ ее такъ и заноситъ; «не тронь, говоритъ, меня, я спать захотѣла, сосну, такъ сама приду».—Замерзнешь, говорю, пропадешь. Молчитъ. Жалко мнѣ ее стало, растолкалъ ее, взвалилъ на спину и понесъ на санки, такъ на саняхъ ее и приволокъ въ чумъ. Ефремъ на меня поднялся: «зачѣмъ, говоритъ, собачій сынъ, мало дровъ привезъ». Я молчу. Хватъ онъ меня тогда по головѣ... не знаю—сколько

тогда я лежалъ на снѣгу, только на другой день все голова тряслась... Дуракъ онъ... билъ меня больно!.. А промышлять удалой былъ, чортъ ему помогалъ.

— Когда-то нѣкогда, сидимъ мы это въ чуму; на дворѣ погода—глаза показать страшно; варева давно уже не бывало—ремни варили; слышимъ собаки залаяли: сунулся я это къ двери, отпахнулъ покрывало и вижу вдругъ—ошкуй (бѣлый медвѣдь) передо мной, прямо на меня такъ въ упоръ и смотритъ, всего сажени двѣ не будетъ... я какъ ухнулъ... Тутъ мужики одинъ за другимъ черезъ меня бросились; слышу, стрѣлять стали; разъ стрѣлили, потомъ другой, потомъ перестали и собаки молчатъ; ну, думаю, Богъ далъ, пожалѣлъ насъ, вышелъ на улицу, смотрю: мужики стоятъ надъ ошкуемъ, ножики точатъ, разговариваютъ.

— Большой былъ?

— Пудовъ, пожалуй, такъ 30 былъ, мы всю недѣлю ѣли.

— Шкуру продали?

— Нѣтъ, тоже съѣли... послѣ, какъ мяса опять не стало, такъ ее варили, она жирная. Товарищи тогда къ намъ приходили, тоже голодали и они услыхали, что мы медвѣжину добыли, пришли и недѣлю жили.

— Какіе товарищи?- спрашиваю я.

— Старикъ со старухой, тоже однимъ съ нами лѣтомъ сюда зимовать приходили; вотъ за тѣмъ мыскомъ жили, — пояснилъ мнѣ Андрей, обертываясь къ мысу направо. — Тогда еще третій чумъ неподалеку стоялъ, тамъ тоже старикъ жилъ да еще мужикъ съ дочерью лѣтъ такъ 7—8 не больше; баба-то его отъ цынги дорогой на Вайгачѣ пропала. Всѣ къ намъ тогда приходили.

Андрей вытащилъ рогъ съ табакомъ, насыпалъ зарядъ на руку и препроводилъ его въ ротъ за щеку.

— Ну, а послѣ того ошкуя мы опять на голодное брюхо съѣхали: когда кожу варимъ, когда изъ костей муку мелемъ, ее варимъ съ морской капустой, когда старые моржевые ремни вывариваемъ; брюхо набьешь, набьешь, а все ѣсть охота, словно дерево въ брюхѣ, только пучитъ... А погоды поднялись, по недѣлѣ не выходили и просто бѣда!.. Ребята захворали; сначала дѣвка, потомъ, смотримъ, и парень,—умерли, того утромъ нашли мертваго; не знаю—замерзъ онъ, не знаю—такъ съ голоду умеръ: все просилъ мяса у отца.

— Жалко было ребятъ-то?

— Жалко не жалко, что подѣлаешь!.. Баба рада, пожалуй, была, потому все они плакали: дѣвка грудь просила, а у той какое ужъ молоко, когда мама чуть жива ходила, цынжать уже стала.

— А у тебя цынги не было?

— Я-то?.. и не помню: живъ былъ тогда или нѣтъ, какъ шальной ходилъ, вѣтромъ пошатывало, другой разъ самъ не знаешь, что въ головѣ... къ

веснѣ-то опухъ-же.. Ребятъ этихъ мы съ Митріемъ въ снѣгъ зарыли, чтобы песцы не поѣли, каждую ночь они тогда прибѣгали къ чуму, а словить не можно, да и боялись, бѣшеные. Когда топоромъ убьешь, такъ и тому радъ, тоже худа не худа, а варя...

— Какъ-же вы ихъ ѣли, вѣдь вы одичать могли?

— Кто его знаетъ, какъ-то еще не одичали...

— Варили?

— Варили.

— Ну каковы?

— Все равно собачина, такъ-же пахнетъ,—и Андрей энергично сплюнулъ въ сторону.

— Ты развѣ и собакъ пробовалъ?

— На Новой Землѣ, братъ, всего попробуешь; вотъ ужо зимовать съ нами будешь, такъ и тебѣ можетъ приведется попробовать,—говоритъ мнѣ смѣясь Андрей.

Но мысль попробовать такое блюдо мнѣ не нравится, и я перевожу разговоръ поскорѣе на прерванное.

— Ну, какъ ребята пропали, тогда еще мы жителями были: хоть кожу—да варили, а какъ темная пора настала, такъ мы ужъ совсѣмъ замотались...Я совсѣмъ оголодалъ, съ дѣвкой мы тайкомъ однажды здѣсь капусту сырую съ моря ѣли, да очень брюхо съ нея заболѣло—бросили... Въ чуму намъ, почитай, ѣсть совсѣмъ не давали; сами ѣдятъ, а насъ какъ-будто совсѣмъ и въ чуму нѣтъ; мы лежимъ съ дѣвкой, только слезы глотаемъ...

Смотрю я однажды, взялъ Ефремъ чурку толстую изъ дровъ да и тешетъ ее за чумовищемъ. Чего, я думаю, онъ тамъ тешетъ топоромъ; подошелъ, а онъ на меня какъ топоромъ замахнется... «куда, говоритъ. ты, собачій сынъ, лѣзешь».—Я едва убѣжалъ. Пошелъ я тогда на море, за дровами, звалъ было дѣвку, да ее не пустили... Пришелъ на море, отвалилъ колоду, попробовалъ взвалить на санки—не могу, набралъ хворосту, наложилъ, чтобы повыше смотрѣло и потащилъ. Иду, иду—устану, лягу, отдохну; опять, ужъ вечеръ сталъ, подхожу къ чумовищу, смотрю... а на сошкѣ «онъ» стоитъ...

— Кто онъ?

— Да тотъ, котораго давечь ты разсматривалъ...

— Идолъ?

— Ну, а Ефремъ съ Митріемъ ему губы кровью мажутъ... перепугался я тогда, задрожалъ весь... огонь у нихъ тутъ разложенъ, горитъ, барабанъ лежитъ, оба съ ножами ходятъ... Подхожу, смотрю, а дѣвка лежитъ на снѣгу, веревка на шеѣ, кругомъ кровь... у меня въ глазахъ потемнѣло, такъ руки и опустились... Подбѣжалъ ко мнѣ Ефремъ, схватилъ другой конецъ веревки, накинулъ на меня и потащилъ да-

вить къ «ему»...—Андрей вытеръ слезы и низко наклонился надъ колѣнями и замолчалъ.

— Ты бы его самого,—говорю я Андрею, желая утѣшить его.

— Ножа у меня не было, а то-бы я тоже не дался ему живой въ руки...

— Ну, что-же ты?

— Ревѣть сталъ. Въ ноги палъ, кричу: дяденька не дави, дяденька отпусти, ноги цѣлую, ужъ что я тогда не наговорилъ—всѣ звѣзды вспомнилъ, знакомыхъ мужиковъ пересчиталъ въ тундрѣ... а онъ все меня тащитъ за веревку давитъ, а я упираюсь, за веревку ухватился—тоже умирать кому охота... захарчѣлъ ужъ я... ну, думаю, пропалъ... Тутъ Митрій за меня вступился: «брось, говоритъ, его,—дрова таскать некому будетъ». и онъ меня бросилъ. «Ну, говоритъ, собачій сынъ, если кому скажешь, то вотъ тебѣ ножъ въ горло... Кланяйся, говоритъ, ему». Я молчу. «Мажь, говоритъ, ему кровь на губы». Я не могу просто двинуться; однако, помазалъ грѣшный...

Вечеромъ стали они въ барабанъ ворожить; порато страшно было. какъ въ барабаны били, по зарѣ такъ и раздается... Я думалъ, опять меня давить будутъ, въ чумъ забился, лежу; баба тоже на улицу не выходитъ; лежимъ, огня нѣтъ, а у нихъ огонь для чорта этого разложенъ. ворожатъ, кричатъ... Всю ночь ту я продумалъ и бѣжать хотѣлъ, и топиться думалъ, и зарѣзать ихъ хотѣлъ: дѣвки порато было жаль, она меня все жалѣла...—и Андрей опять поникъ головой и задумался.

— Они что тамъ съ ней дѣлали, Андрей?

— Кто ихъ знаетъ... я не видалъ, должно быть мясо ее варили ему...

— Чего-то дѣлали,—прибавилъ онъ черезъ минуту и снова погрузился въ тяжелыя воспоминанія. Онъ теперь сидитъ низко наклонившись и что-то чертитъ ножомъ по снѣгу. Мнѣ показалось, что онъ плачетъ... Мимо насъ снова летитъ чайка; она летитъ обратно—я узнаю ее, она плавно разсѣкаетъ воздухъ своими острыми крыльями, снова поворачиваетъ въ нашу сторону черную головку и, взмахнувъ крыльями, продолжаетъ летѣть дальше къ дальней скалѣ...

— Утромъ они семь оленей у чума убили,—говоритъ вдругъ Андрей

— Семь? Откуда-же они взялись?

— «Онъ» далъ,—отвѣчаетъ просто, но увѣренно Андрей.

— Развѣ?

— «Онъ»,—говоритъ Андрей.

— Неужели?

— Съ той поры оленей «онъ» нагналъ столько, что всю весну ѣли...

— Неужели?

— Спроси хоть у самого Ефрема,—говоритъ убѣдительно Андрей.

— Чортъ знаетъ, что такое,—говорю я и оглядываюсь на шайтана, который, едва видно, стоитъ чернымъ столбикомъ на сопкѣ.

— Всю зиму,—говоритъ Андрей,—послѣ того ѣли, просто хоть руками бери, даже бабы изъ чума стрѣляли, и всякаго звѣря довольно стало, и ошкуевъ тогда штукъ 15 убили... Тюленьяго сала полны карбасы были весной...—добавляетъ Андрей.

— Ну, а Соломдею куда дѣвали,—спрашиваю я,—сварили всю?

— Нѣтъ, зачѣмъ всю, сердце варили да почки, да что...

— Зачѣмъ, ѣли?

— Нѣтъ, все ему отдали; я на другой день видѣлъ, что-то лежало около него на камешкѣ, какъ-бы сердце. Послѣ его не видать стало: «онъ» съѣлъ...

— Что ты, можетъ, песцы, собаки...

— Нѣтъ, «онъ»,—увѣряетъ, Андрей...

— Ну ужъ это ты врешь,—говорю,—Андрей!.. хотя вижу, что онъ убѣжденъ, что сердце его подруги съѣлъ непремѣнно «онъ»...

— Куда-же вы ее послѣ того дѣвали?

— Я ее въ эту бухту подъ ледъ запихалъ,—и онъ еще ниже наклонился надъ своими колѣнями.

— Зачѣмъ?

— Ефремъ заставилъ: «брось, говоритъ, ее въ море, да камень привяжи, а то всплыветъ.» Хотѣлъ я камень привязать, да страшно стало, такъ просто и запихалъ ее подо льдину на торосу...

— Ты какъ ее сюда притащилъ?—спрашиваю я.

— На санкахъ. Пришелъ къ «нему» на сопку; вижу, она лежитъ, руки по сторонамъ раскинуты, пазуха снѣгомъ набита, занесло, ротъ тоже полый былъ, должно быть ревѣла... сама бѣлая такая; я повалилъ ее на санки и поволокъ поскорѣе къ морю; притащилъ это сюда, нашелъ камень, хотѣлъ-было привязать къ шеѣ, посмотрѣлъ .. а она на меня смотритъ, глаза бѣлые... я испугался, да и свалилъ ее поскорѣе подъ льдину, да давай-ко бѣжать; до самаго чума добѣжалъ—не оглянулся, все думаю, она на меня смотритъ... Боюсь я съ той поры сюда одинъ ѣздить, все она мнѣ представляется: бѣлая такая, за пазухой снѣгъ съ кровью... Страшно!..

Солнце садилось за горизонтъ открытаго моря и яркимъ пурпуромъ окрасило льды; далеко встали тороса; панорама еще стала величественнѣе, еще шире, еще красивѣе... Съ горъ потянуло холодкомъ...

— Такъ и кончилось все, Андрей?— спросилъ я задумавшагося спутника.

— Нѣтъ!.. еще есть много, чего тебѣ надо сказать; никому я не говорилъ еще, тебѣ первому. Только ты, пожалуйста, не скажи кому изъ мужиковъ, а то меня убьютъ, какъ собаку, да и тебѣ не лучше будетъ,

если Ефремъ узнаетъ: туда-же вотъ, подъ ледъ, какъ Соломдею, запихаютъ...

Я увѣряю его, что не буду говорить.

— А потомъ,—началъ онъ,—народъ стали мы бить...

— Какой народъ?—спрашиваю я.

— Товарищей... Они какъ услыхали, что Ефремъ дѣвку задавилъ, ходить къ намъ перестали. Ефремъ порато ругался и все съ Митріемъ что-то шептался... Весна ужъ стала,—снова началъ Андрей,—песцы ревѣть стали, солнце высоко ходить начало. Сидимъ, однажды, это мы въ чуму. Ефремъ и говоритъ мнѣ: «Поди-ко, сходи къ мужикамъ, позови ихъ въ гости, что они сидятъ все по чумамъ; зимой такъ ходили, когда мяса не было». Одѣлся я, взялъ палку, надѣлъ лыжи и побѣжалъ въ чумъ. Версты три было-не-было, — пояснилъ Андрей. — Пришелъ я это къ чуму, залѣзъ въ чумъ, смотрю: на одной половинѣ сидятъ старикъ со старухой; старикъ ножомъ спицу для рыбы строжитъ, а старуха оленью шкуру выдѣлываетъ. «Съ какими вѣстями пришелъ?» говоритъ мнѣ старикъ. Я сказалъ. Ничего не говоритъ, строжитъ спицу... «А куда вы, говоритъ, дѣвку дѣвали, что-то, говорятъ, ее не видать стало?» Я молчу. Посидѣлъ я это у нихъ до вечера, старуха мяса сварила, угостила меня, поговорили о томъ—о семъ, вечерять стало, я домой отправился. Подхожу, а Ефремъ на саняхъ у чума сидитъ, винтовку правитъ. «Что, выходилъ?» говоритъ мнѣ. Я сказалъ: молчатъ-де, ничего не сказали—придутъ, нѣтъ... Почернѣлъ онъ весь, губы у него задрожали, я испугался, чтобы онъ на меня не бросился... Живемъ мы опять, погода такая теплая стоитъ, промышлять нельзя, дѣлать нечего. Пошли мы съ Ефремомъ однажды на море, вотъ сюда, въ эту губку, да ледъ оторвало. Видимъ—ничего не подѣлать. «Пойдемъ, говоритъ мнѣ онъ, къ мужику въ гости. Это—который подальше жилъ, онъ тоже давно ужъ не бывалъ у насъ». Идемъ мы это потихоньку—онъ съ винтовкой, я съ палкой и топоромъ; видимъ, чумъ стоитъ на горкѣ, а около чума никого не видать; думаемъ—куда-то утянулись... Пришли къ чуму, заглянули, а баба одна сидитъ, паницу шьетъ. Стали спрашивать про мужа, говоритъ—на море утромъ ушелъ. Залѣзли въ чумъ, сидимъ, разговариваемъ. Слышимъ, собаки залаяли. Выскочили, а онъ пришелъ съ моря и пару чистиковъ принесъ; отдалъ это онъ ружье бабѣ, подалъ чистиковъ и говоритъ: «Что не варишь ничего, видишь гости пришли», а она говоритъ: «рубленаго мяса нѣту». Взялъ онъ тогда топоръ, нарубилъ мяса, принесъ, и только-что наклонился—подаетъ ей мясо-то—а Ефремъ взялъ да и стрѣлилъ ему въ спину. Я не то весь задрожалъ. А мужикъ какъ стоялъ въ дверяхъ, такъ и сунулся тутъ, не знаю—живъ, не знаю—мертвый... Бабы тоже не слыхать, думаю и ее убилъ тутъ-же... Подскочилъ это Ефремъ къ чумовищу, рванулъ двери, только клочки полетѣли, и залѣзъ въ чумъ. Слышу: баба заревѣла... потомъ пе-

рестала... Выскочилъ онъ оттуда и бросился на меня, черный такой, страшный; «дяденька, говорю, не убей меня» и бросился ему въ ноги... толкнулъ это онъ меня ногой, «убирай—говоритъ—ихъ, собачій сынъ». схватилъ ружье и пошелъ домой... Стою я это на мѣстѣ, не знаю—живъ, не знаю—мертвый, и за нимъ боюсь идти, да и тутъ страшно остаться... Порато мы покойниковъ боимся. Его ужъ не видать стало, а я все стою на томъ мѣстѣ и плачу. Вечерять стало. Какъ, думаю, мнѣ быть?.. ночью еще страшнѣе будетъ: взялъ я это санки, выволокъ мужика за ноги изъ чума, свалилъ на нихъ, выломалъ сбоку чумъ, гдѣ баба лежала—самъ боюсь въ чумъ залѣзть; вижу баба лежитъ ничкомъ, голова вся въ крови, потащилъ и ее на санки. Повалилъ я ее на мужика сверхъ санокъ, привязалъ ремнемъ и потащилъ къ морю. Не помню, какъ ихъ протащилъ... а далеко было—версты три будетъ, да такъ съ санками вмѣстѣ и спружилъ ихъ обоихъ въ море. Такъ-то страшно было...

Теперь Андрей былъ спокойнѣе, его самого интересовало событіе, онъ находилъ удовольствіе въ томъ, что онъ выскажется.

— Чрезъ недолгое время опять меня сталъ Ефремъ посылать въ чумъ. Жили на дальнемъ мысу еще двѣ семьи: старикъ одинъ изъ тундры съ бабой, да дѣвка у нихъ отъ первой жены была, толстая такая, по отцу, да еще тутъ-же у нихъ проживалъ мужикъ съ дѣвочкой небольшой.

Взялъ я опять палку, надѣлъ лыжи и пошелъ на мысъ къ чумамъ. Погода теплая такая стояла, снѣгъ мягкій, едва дошелъ къ вечеру. Подхожу къ чуму, вижу старикъ сидитъ у чумовища на санкахъ, на солнышкѣ кости грѣетъ. Поговорили мы съ нимъ. «Ну, говоритъ, заходи въ чумъ, гость будешь». Бабы котелъ наставили, дали мнѣ холку мяса, топленаго сала, сталъ я закусывать, сижу.

Пришелъ старикъ съ улицы и началъ меня допрашивать, куда мы дѣвку дѣвали, я молчу. Сказалъ, что Ефремъ его въ гости зоветъ. Молчитъ. Когда уходить сталъ, такъ опять спросилъ его: «придешь-ли?»—«Скажи, говоритъ, что придемъ; чего дѣлать, надо идти», говоритъ.

На другой день, смотримъ, къ вечеру пришли, и дѣвка съ ними. Баба съ дѣвкой въ чумъ зашли, старикъ съ Ефремомъ на улицѣ стоятъ. Я въ чуму тоже сидѣлъ съ Митріемъ: тотъ совсѣмъ не выходилъ: глазами хворалъ что-то ту весну, почитай, совсѣмъ слѣпой былъ. Ефремова баба стала котелъ наставлять, меня нарубить дровъ послала. Вышелъ я и рублю за чумовищемъ, а Ефремъ все что-то съ старикомъ разговариваетъ, а о чемъ, мнѣ не слыхать; только, вдругъ, Ефремъ подбѣжалъ ко мнѣ, выхватилъ топоръ, хвать старика имъ по головѣ, тотъ такъ и повалился къ нему въ ноги... А онъ его по головѣ... захарчѣлъ старикъ, кровь изъ головы полилась; я отвернулся—страшно стало, стою на одномъ мѣстѣ... Скочилъ Ефремъ въ чумъ, слышу—бабы заревѣли... вытащилъ онъ

старикову бабу за двери, пришибъ, за другой бросился, за дѣвкой... Слышу, Митрій заговорилъ, заступается, дѣвка реветъ... я бѣжать ужъ хотѣлъ, думаю—всѣхъ насъ теперь кончитъ... Слышу бранятся, спорятъ. Ефремъ говоритъ, «убить ее надо», а Митрій говоритъ «не тронь». Тотъ говоритъ «она народу скажетъ», Митрій говоритъ «не скажетъ». Ефремъ говоритъ «да на кой чортъ она намъ?» а Митрій ему и говоритъ: «Надо, у тебя баба есть, а у меня нѣту». Спорили они, спорили, выбросилъ Ефремъ мнѣ топоръ, перестали.

— Не убили?—спрашиваю я.

— Нѣтъ,—говоритъ Андрей, — вечеромъ дѣвка спать съ Митріемъ повалилась, онъ ее въ жонки взялъ... Съ тѣхъ поръ она у него и живетъ, теперь ужъ ребятъ двое; да вѣдь ты былъ на Гусиномъ Носѣ (мысъ), видѣлъ ее, спрашиваетъ меня Андрей.

— Видѣлъ,—говорю,—такъ это она самая и есть?

— Она.

Я припоминаю холодный, грязный пустой чумъ Дмитрія Тайбарея на Гусиномъ Носу, гдѣ я провелъ въ прошломъ году весеннее время, и его самого. Онъ показался мнѣ такимъ тяжелымъ, угрюмымъ, лѣнивымъ, неразговорчивымъ и рядомъ съ нимъ его веселую, безпечную, вѣчно улыбающуюся, совсѣмъ еще молодую жену. Ея большіе черные глаза такъ и подбивали на веселье. Помню, она все подбрасывала свою маленькую дѣвочку на рукахъ и дразнила ее моимъ калачикомъ, который я ей далъ во время чая. Рядомъ съ ней, помню, сидѣла другая ея дѣвочка, постарше, лѣтъ 6, вылитая мать, съ такими-же крупными, черными глазенками; но она была такой дикаркой, что я никакъ не могъ подкупить ее познакомиться со мной ни сахаромъ, ни калачомъ съ медомъ... Она упорно отказывалась, не брала ничего, пыхтѣла и все теребила подолъ своей расшитой краснымъ сукномъ малицы...

Мнѣ разсказывалъ Дмитрій Тайбарей, что онъ ее беретъ съ собой на охоту, и она такъ его любитъ, что остается на санкахъ съ собаками и дожидаетъ его въ горахъ одна, по цѣлымъ часамъ, когда онъ уходитъ на стрѣльбу и скрадываетъ оленей.—Другой разъ—говорилъ онъ,—страшно за нее станетъ: сколько время, какъ уйдешь, пройдетъ на охотѣ, придешь—она и не плачетъ даже, сидитъ на санкахъ, съ собаками разговариваетъ, играетъ... Ничего не боится...

Эта дѣвочка меня тогда очень интересовала; у ней былъ характеръ отца: она совсѣмъ была такая-же несообщительная, угрюмая, какъ и онъ. Дмитрій никогда не живетъ съ товарищами и цѣлые года проводитъ одинъ себѣ на излюбленномъ мысу, только изрѣдка посѣщая Кармакулы, чтобы достать порохъ, свинецъ и муку.

Сколько лѣтъ тогда было жонкѣ Дмитрія? спрашиваю я Андрея.

— Не знаю,—отвѣчаетъ Андрей, разбрасывая ногой снѣгъ,—не знаю—

было-ли лѣтъ такъ 14; только толстая она была, такая-же, какъ и отецъ ея, старикъ. Веселый былъ, мнѣ было его жаль.

— Какъ-же,—спрашиваю,—они повѣнчались?

— Когда вѣнчаться, развѣ вотъ нынѣ повѣнчаются, такъ и живутъ съ той поры...

— Что они ладно живутъ, не ссорятся?

— Кто ихъ знаетъ, они живутъ на сторонѣ, намъ не слыхать; бабы говорятъ, что не жалуется баба на него...

И передо мной снова встаетъ ихъ чумъ, этотъ скучный Гусиный Носъ, гдѣ они постоянно почти проживаютъ одни. Мнѣ становится жаль этой бѣдной женщины. Что это за жизнь? У него на душѣ темное дѣло, на ея глазахъ убили ея отца и хотя не родную, но мать... Какое странное должно быть у ней понятіе о жизни и свѣтѣ, какъ она можетъ мириться съ жизнью вдвоемъ съ старымъ угрюмымъ мужемъ, такая веселая, жизненная, бойкая...

— Ну что-же, ты опять перетаскалъ и этихъ въ море?—спрашиваю я Андрея, который засмотрѣлся задумчиво на море.

— Таскалъ и этихъ, ужъ это было мое тогда дѣло—только не сразу, потому что погода поднялась; дня три мы не выходили, такой былъ буранъ, что какъ въ темную пору. Послѣ я ихъ едва отрылъ изъ подъ снѣгу; старика того едва отыскалъ подъ снѣгомъ и то только потому, что собаки стали рыться: они чуютъ запахъ, думаютъ падаль... Еще-бы убили одного мужика, да тотъ догадался, убѣжалъ отъ насъ. Ефремъ меня посылалъ искать его, ружье мнѣ далъ, говоритъ—какъ увидишь, такъ и стрѣляй, ничего, говоритъ, не бойся, да я не могъ его, къ счастью, найти, порою меня тогда цынга стала забирать... Потомъ самъ онъ ходилъ, тоже не могъ отыскать; ночи не спалъ, все говоритъ надо его найти да убить, а то онъ на Кармакулы выйдетъ, объявитъ... Послѣ мы слѣды его находили: онъ на полдень ушелъ, тамъ у него карбасъ оставался, такъ онъ около него не знаю—день, не знаю—два жилъ, мясо варилъ, а потомъ взялъ спихнулъ лодку и уѣхалъ куда-то.

— Куда-же онъ дѣвался?

— Кто его знаетъ: можетъ, промышлять уѣхалъ да потонулъ, можетъ, на Вайгачъ уплылъ къ другимъ самоѣдамъ.

— Зимой-то?—спрашиваю я.

— По этой полыньѣ вѣдь можно, отвѣчаетъ Андрей, она вѣдь вдоль всего берега; когда вѣтру съ моря нѣтъ да тихое погодье стоитъ, такъ по ней хоть до самыхъ Карскихъ воротъ (проливъ) плыви, а тамъ недалеко и Вайгачъ. Его видать въ ясную погоду съ Новой Земли,—заключилъ Андрей.

— Да вѣдь лодка-же обмерзнетъ?

— Обмерзнетъ, какъ не обмерзнетъ!.. да вытащилъ на ледъ, оскребъ се и опять впередъ.

— А льдомъ зажимать будетъ?—говорю я,

— Ну, тогда плохо, тогда пропадешь... У него дѣвка лѣтъ семи еще была... я думаю, онѣ пропали тоже, погоды были въ ту пору...

— А лодка большая?

— Нѣтъ, маленькая, промысловая; ты вѣдь видѣлъ у насъ на какихъ мы промышляемъ нерпу?—спрашиваетъ меня Андрей.

Видалъ. Лодки эти хотя и устойчивы на водѣ даже во время волненія, но такъ малы, что больше двухъ человѣкъ не помѣщаютъ, и если посадить третьяго, то зальются.

— Андрей?—спрашиваю я.

— Что?—говоритъ онъ.

— А вѣдь Ефремъ-то у меня спрашивалъ въ Кармакулахъ въ прошломъ году о какомъ-то самоѣдѣ, не видалъ-ли я его въ тундрѣ или на Уралѣ, когда я ему говорилъ, что тамъ три года путешествовалъ. «Не попалъ-ли, говоритъ, туда самоѣдъ отсюда?—на лодкѣ, говоритъ, отсюда уѣхалъ одинъ, по веснѣ».

— Это о немъ онъ тебя и доспрашивался... боится до сихъ поръ. а ты что ему сказалъ?

— Я сказалъ что-то, не помню, кажется, что мнѣ не говорили ни въ Обдорскѣ, ни въ тундрѣ.

— Живъ-бы былъ, такъ вѣсть-то была-бы; сколько теперь лѣтъ, пожалуй, десять буде...

Я припоминаю время, когда меня спрашивалъ объ этомъ самоѣдѣ Ефремъ. Я покосился на своего путника, но онъ упорно что-то разсматривалъ своими узкими глазами на морѣ.

Вдругъ онъ закричалъ: «ошкуй. ошкуй» и бросился за ружьемъ.

Я тоже вскочилъ на ноги.

— Гдѣ? гдѣ?—спрашиваю Андрея.

— Вонъ, вонъ, межъ торосами; гляди правѣе, сюда,—толкалъ меня немилосердно проводникъ, едва сдерживая свой восторгъ.

Но я ровно ничего не видѣлъ.

— Смотри трубой, такъ тебѣ не увидать будетъ,—говоритъ Андрей, не зная, что дѣлать съ ружьемъ, которое оказалось пока лишнимъ.

Я схватилъ бинокль, навожу, но ничего не могу видѣть отъ охватившаго меня волненія и чувствую, что надо быть спокойнѣе; но силъ нѣтъ, руки дрожатъ, бинокль такъ и трясется въ рукахъ, какъ я не стараюсь его держать крѣпко...

— Ложись на брюхо,—говоритъ мнѣ Андрей,—такъ лучше будетъ.

Я слушаюсь, ложусь, протираю глаза отъ накатившихся невольно слезъ и навожу бинокль туда, куда мнѣ указываетъ рукой Андрей. Мнѣ

становится смѣшно и на себя и на Андрея: онъ такъ смѣшонъ теперь, весь перемѣнился, чуть не прыгаетъ отъ радости, вертится, хватается за ружье и рѣшительно не знаетъ, что дѣлать

— Не вижу!—кричу я ему съ досадой, но въ то-же время попадаю биноклемъ на мѣсто и замѣчаю—что-то желтоватое движется на бѣломъ фонѣ снѣга... Навожу на него фокусъ бинокля и застываю... Прямо на насъ идетъ размашистыми шагами крупныхъ широкихъ лапъ громадный бѣлый медвѣдь... Я даже вздрагиваю... Хочется скорѣй начать охоту, бѣжать туда къ нему навстрѣчу, запасть за льдину, приготовить ружье, прицѣлиться и спустить курокъ... Но онъ еще далеко... Вотъ онъ подходитъ къ высокой льдинѣ, взлѣзаетъ на нее и встаетъ на дыбы...

— Андрей!—кричу я ему,—онъ на льду, встаетъ на дыбы!..

Но мой Андрей хорошо видитъ и безъ трубы, что медвѣдь на льду всталъ и нюхаетъ воздухъ.

— Это онъ тюленя караулитъ, голодный, духъ перенимаетъ,—говоритъ Андрей.

Я еще въ первый разъ вижу бѣлаго медвѣдя на дыбахъ и мнѣ кажется, что эта поза такъ уморительно смѣшна, что я не могу удержаться отъ смѣха... Андрею то-же смѣшно... А медвѣдь стоитъ, вытянувъ толстое брюхо и опустивъ вдоль него широкія лапы... Онъ выбираетъ себѣ жертву, спускается со льда и идетъ тихо, крадучись, къ открытой полыньѣ. Мы не выдерживаемъ больше, забываемъ опасность быть оторванными отъ берега со льдами и медвѣдемъ, бѣжимъ къ санкамъ, спускаемъ собакъ и шумно бросаемся, очертя голову, на льды... Мнѣ весело, я забываю все, мнѣ даже не жаль той бѣдной дѣвочки, которую быть можетъ такъ-же, какъ насъ вотъ теперь, унесло съ этими льдами и утопило капризное волнующееся море... вмѣстѣ съ отцомъ и маленькой ихъ лодочкой, когда они искали въ немъ спасенія отъ смерти... Собаки не понимаютъ, что за причина тревоги, но догадываются, взвизгиваютъ и не знаютъ еще куда броситься, не давая намъ порой ступить... Мы бѣжимъ съ ружьями, мы на шаткомъ льду, насъ покачиваетъ, мы даже не смотримъ на берегъ. Мы начинаемъ охоту... Боже, какъ весело, какъ хорошо на этой Новой-Землѣ!..

К. Носиловъ.

Парижъ. 28 янв. 1894 года.

Не надо звуковъ.

Духъ Божій вѣетъ надъ землею.
Недвиженъ прудъ, безмолвенъ лѣсъ:
Учись великому покою
У вечерѣющихъ небесъ.

Не надо звуковъ: тише, тише.
У молчаливыхъ облаковъ
Учись тому теперь, что выше
Земныхъ желаній, дѣлъ и словъ.

1895.

Д. Мережковскій.

УСТАЛЫЕ ЛЮДИ.

Романъ Арне Гарборга.

Переводъ съ датскаго **О. М. Петерсонъ.**

(Окончаніе).

ГЛАВА XXXI.

15 октября.

Такъ продолжать нельзя. Здѣсь, въ городѣ вся эта старая обстановка опять поневолѣ затягиваютъ тебя. Опять тупѣешь, утрачиваешь интересъ. чувствуешь себя больнымъ.

Надо сразу покончить съ этимъ. Однимъ усиліемъ оторваться ото всѣхъ этихъ привычекъ. Меня раздражаетъ это постоянное рабское подчиненіе имъ. Трактирныя наслажденія созданы не для меня.

Дѣло не обойдется безъ борьбы. Но и самая эта борьба будетъ имѣть свой интересъ. Мнѣ пріятно будетъ доказать самому себѣ, что я обладаю-таки еще волей. Я даже съ удовольствіемъ готовъ приняться за это: во всякомъ случаѣ, это будетъ своего рода перемѣна.

Въ сущности, я жертвую весьма немногимъ. Того, чего стремился я достичь при помощи алькоголя — забвенія, душевнаго покоя—я, все равно, уже не достигаю. Напротивъ того, — тревога и страхъ только возрастаютъ. За послѣднее время эти длинныя бутылки съ ихъ красными съ позолотой этикетками стали для меня предметомъ ужаса: смерть выглядывала изъ нихъ и кивала мнѣ; это какая-то коварная, таинственная сила, намѣревавшаяся поймать и опутать меня своими сѣтями. Такимъ образомъ, мнѣ придется отказаться только отъ глупой привычки, которая, собственно говоря, начала уже надоѣдать мнѣ.

Черезъ мѣсяцъ все уже выяснится: я успѣю устроиться на новый ладъ и вернуть себѣ свою свободу. До тѣхъ-же поръ—строжайшее воздержаніе.

* * *

31 октября.

Все идетъ прекрасно. Самочувствіе въ подъемѣ. Аппетитъ растетъ. Сонъ нормальный.

Большую часть времени я провожу съ докторомъ Кволе, который тоже, съ своей стороны, «сидитъ на діетѣ». Человѣкъ этотъ все больше и больше нравится мнѣ. Но я все-таки еще не вполнѣ понимаю его.

Я сижу въ эту минуту у Гранда съ моимъ стаканомъ кофе безъ «avec» и даже съ своего рода сожалѣніемъ смотрю на «германцевъ». Какое жалкое положеніе,—не умѣть поддержать въ себѣ бодрости духа, не напиваясь! Пропитанные влагой, какъ губки, одутловатые и наполовину отупѣлые, сидятъ они тутъ, утративъ всякій интересъ къ жизни и разсчитываютъ стать людьми, лишь упившись алкоголемъ до послѣдней степени опьяненія. Эхъ!

Я ощущаю эту умственную отупѣлость, это сонливое безсиліе, тяготящее ихъ мозгъ, пока не окутали его винные пары, и вся нервная система не пришла въ судорожную дѣятельность. Видъ ихъ вызываетъ у меня тошноту. Я больше не принадлежу къ этой компаніи.

Однако, я не вполнѣ еще побѣдилъ себя. Особенно замѣтно это мнѣ, когда я сижу дома одинъ; при папиросѣ или трубкѣ мнѣ не достаетъ стакана, и это мѣшаетъ мнѣ работать. Каждую минуту поневолѣ подхожу я къ хорошо знакомому мнѣ шкапчику... Мнѣ что-то нужно, чего-то недостаетъ; все существо мое ощущаетъ эту потребность, этотъ недостатокъ... внутри меня такъ сухо; я ощущаю какое-то жженіе, которое такъ и хочется залить чѣмъ-нибудь; это почти то-же ощущеніе, какъ когда спишь, и во снѣ страдаешь отъ жажды... потомъ вдругъ опомнюсь, и чувствую себя несчастнымъ и смущеннымъ.

Но мѣсяца черезъ два лѣченіе будетъ завершено. Я окажусь тогда свободнымъ человѣкомъ и могу—если захочу—опять прибавлять ликёру въ свой кофе.

* * *

Сегодня былъ на кофе у Іонатана. Когда подали ликёръ, Кволе сказалъ: «Въ концѣ концовъ вамъ придется пить это въ одиночку: Мы съ Грамомъ перешли на сторону воздержанія».

Іонатанъ приказалъ убрать ликеры. «Я вѣдь пилъ только для того, чтобы составить вамъ компанію, сказалъ онъ.

Потомъ долго говорилъ объ оптимизмѣ: «Страхъ жизни? — Ничто иное, какъ истерика, слѣдствіе болѣзни спинного мозга».—«Что это за бездна, о которой вы толкуете? — бездна, въ глубину которой вы не смѣете заглядывать, не зажмуривая глазъ?.. Вы черезъ-чуръ начитались декадентовъ, Грамъ. Никакой бездны нѣтъ. Могу васъ увѣрить въ этомъ, я—Георгъ Іонатанъ».

— Великая мистическая тайна нисколько не «ужасна»—она прекрасна; это именно и есть сама жизнь, въ ея ослѣпительномъ, какъ солнце, сіяніи, и въ тайну которой намъ трудно еще проникнуть. До тѣхъ поръ больной человѣкъ можетъ смотрѣть на ярко освѣщенное пятно, пока оно не загипнотизируетъ его до того, что онъ вообразитъ, будто смотритъ въ какую-то бездну.

Единственно, что безобразно, это—смерть: долгая, варварская мука; подъ конецъ судороги, на губахъ пѣна, рвота, холодный потъ, дурной запахъ; затѣмъ человѣкъ вытягивается, безсмысленно открываетъ ротъ и закидываетъ голову на подушки. И потомъ остается такъ лежать, выпучивъ глаза. Нѣтъ, подобная вещь недостойна человѣка!..

— Можно-ли представить себѣ большую безпомощность и трусость, какъ всю свою жизнь только и дѣлать, что ждать этой отвратительной, естественной смерти, вмѣсто того, чтобы самому взять въ руки смерть и обставить ее по-человѣчески и съ комфортомъ? Въ сущности, нѣтъ никакой нужды въ томъ, чтобы смерть была отвратительна. Стоитъ только взять быка за рога и устроиться разумно, и тогда мы съ полнымъ правомъ могли-бы сказать: смерть, гдѣ твое жало? и т. д.

И эти два современныхъ человѣка принялись разсуждать о томъ, какимъ-бы образомъ можно было «организовать» смерть. Впрочемъ, пожалуй, это и не глупо. Но я не участвовалъ въ ихъ бесѣдѣ. Повременамъ, меня мучаютъ галлюцинаціи; такъ, напримѣръ: изящный сервизъ для ликеровъ Георга Іонатана мелькаетъ передъ моими глазами столь-же соблазнительно, какъ обнаженная красота передъ глазами аскета. И вся душа моя превращается въ одно жгучее, раздирающее чувство жажды...

* * *

Іонатанъ желаетъ стать редакторомъ газеты. «Положеніе мое теперь настолько уже упрочилось»,—сказалъ онъ,—«что я могу начать закладывать дальнѣйшія подземныя мины».

Я пожалъ плечами.

«Надо-же за что-нибудь приняться», продолжалъ онъ.—«Не могу-же я, какъ какой-нибудь французъ, только и дѣлать, что заниматься покореніемъ женскихъ сердецъ!» Онъ откинулся на спинку своей качалки и смотрѣлъ очень серьезно.

— Сердца женщинъ или сердца избирателей...—пробормоталъ я.

— Very well, у каждаго свой вкусъ; но мой пунктикъ—имѣть за собою войско. Вся моя манія величія сводится къ слѣдующему: я не могу спокойно спать, пока не освобожу міра.

— Если ваша газета явится провозвѣстницей вашихъ личныхъ возрѣній, то вы все равно не получите за собою никакого войска.

— Моихъ личныхъ воззрѣній? Ужъ не думаете-ли вы, что я готовлюсь въ мученики?

— Впрочемъ, мученики пользуются полнѣйшимъ моимъ уваженіемъ.

— Да, да, вѣдь одинъ пунктъ сумасшествія, самъ по себѣ, можетъ имѣть такое-же оправданіе, какъ и всякій другой. Но въ моихъ глазахъ мученики являются какъ-то черезъ-чуръ мелкими. Это просто мальчишество: не умѣть сдерживать своего языка, поддаваясь непреодолимой потребности выболтать всѣ свои истины при каждомъ удобномъ случаѣ. Какая въ этомъ польза? Вѣдь мы же знаемъ, что для усвоенія одной какой-нибудь истины необходимы, по крайней мѣрѣ, сотни лѣтъ: и такъ, мы можемъ преспокойно держать себѣ языкъ за зубами и передать потомству нашу истину въ какомъ-нибудь геніальномъ посмертномъ произведеніи, и такимъ образомъ избѣжать такой безплодной и безвкусной вещи, какъ такъ называемое мученичество. Я этимъ вовсе не имѣю въ виду дать вамъ понять, чтобы я самъ втайнѣ работалъ надъ подобнымъ произведеніемъ; я говорю только, что пока я живъ, я буду наслаждаться благами жизни и, тѣмъ не менѣе, окажу истинѣ и успѣхамъ человѣчества не меньше услугъ, чѣмъ какая-нибудь пара подобныхъ жертвъ мученичества. .

— C'est possible.

— Газета моя, конечно, должна быть консервативна—а, можетъ быть, и либеральна... или вообще нѣчто въ этомъ родѣ: то, что лучше раскупается. Я подыму такой шумъ пустыми бочками современности, что люди станутъ оглядываться на меня просто изъ одного только любопытства. Но въ то-же время мнѣ ничто не помѣшаетъ подкапываться подъ младенческую вѣру и добродѣтель.

— Чрезвычайно политично.

— Если хочешь проѣзжать Альпы по желѣзной дорогѣ, то поневолѣ приходится прокапывать туннели. Если хочешь собрать вокругъ себя народъ, приходится размахивать флагомъ идей 1789 г., которыя, пожалуй, ужъ и устарѣли. А въ то-же время тихомолкомъ прокапываешь себѣ туннели къ будущему. Понимаете?

— Да.

— Хотите присоединиться?

— Я? Что-же придется мнѣ дѣлать?

— Докторъ Кволе редижируетъ научный отдѣлъ; вамъ мы предоставимъ искусство.

— Вотъ, какъ?—Но вѣдь я же еретикъ.

— Питаете нѣкоторую слабость къ декадентамъ?—Ничего не значитъ. Суть въ томъ, что вы можете редижировать этотъ отдѣлъ съ извѣстнымъ пониманіемъ дѣла.

— Вы предоставляете мнѣ полную свободу?

— Да.

— И дадите достаточно мѣста?

— Да, мы хотимъ воздѣлывать эту почву. Мы хотимъ имѣть образцовую, такъ сказать, патентованную газету, которая могла-бы нѣсколько возмутить покой здѣшнихъ аборигеновъ. Вѣдь ужъ пора-же насадить хоть нѣкоторую культуру въ этомъ городѣ, который, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, станетъ столицею сѣвера.

Я смотрѣлъ на него, открывъ глаза. Онъ кивнулъ мнѣ.

— Итакъ?—спросилъ онъ.

— Я... кажется, готовъ буду подумать объ этомъ!

— Well, Sir.

* * *

А это неглупая—таки идея. Разъ не имѣешь никакого интереса въ жизни, то надо постараться найти себѣ дѣло.

Дѣйствовать воспитательно, культивирующе; цивилизовать всѣхъ этихъ полубритыхъ медвѣдей; проложить пути, облегчить возможность болѣе богатой духовной жизни здѣсь, въ этомъ городѣ, гдѣ до сихъ поръ интеллигентные люди были обречены на сидѣнье у Гранда и питье пива...

Несомнѣнно, молодежь начинаетъ жаждать чего-то болѣе глубокаго, высшаго, стремится перейти отъ крикливыхъ политическихъ споровъ, цыганскихъ и разныхъ благопристойныхъ разговоровъ и всей этой остальной доморощенности къ болѣе европейской культурѣ; еслибы молодежь эта могла получить хоть какую-нибудь помощь, то, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ у насъ была-бы дѣйствительно образованная публика. И тогда, можетъ быть, даже и здѣсь явилась-бы возможность жить.

— «Молодежь есть будущее!» Что-же мнѣ-то за дѣло до будущаго? А, между тѣмъ, все-таки человѣку доставляетъ извѣстное удовольствіе—оказывать вліяніе на это будущее, Богъ вѣдаетъ почему. Послѣдняя иллюзія! Ахъ, хоть-бы мнѣ дано было сохранить ее!

ГЛАВА XXXII.

«Старый вѣкъ!» «Старый міръ!» «Старый вѣкъ!» «Старый міръ!» доносится къ намъ изъ Парижа и звучитъ, словно похоронный звонъ съ колокольни церкви Св. Дѣвы.

Да, да. Утрата всѣхъ иллюзій, утрата всѣхъ «вѣрованій»,—вѣдь это-же и есть опредѣленіе старости.

Но, собственно говоря, что-же это была за «вѣра», которой держались мы это послѣднее время? Ну, конечно, вѣра въ «развитіе»...

Но вотъ является какой-нибудь непрошеный маіоръ отъ философіи и громогласно выкладываетъ вамъ то, что всѣ посвященные въ тихомолку давно уже хорошо знали,—а именно, что развитіе можетъ при-

вести только къ еще большему страданію. Развитіе есть дифференцированіе, утонченіе: чѣмъ тоньше становится наша организація, тѣмъ менѣе способны мы выносить дисгармонію жизни; и мыльный пузырь лопнулъ. Рай не позади насъ, говорятъ позитивисты; но онъ и не впереди насъ. добавляютъ декаденты.

И человѣческое поколѣніе садится на краю дороги и опускаетъ руки. И взглядъ его напряженъ и пусть, какъ у душевнаго больного. Мракъ впереди и мракъ позади. На безпредѣльномъ болотѣ мелькаютъ только ничего не говорящіе, ничему не причастные, блуждающіе огоньки науки.

Но въ воздухѣ завываютъ уже близящіяся зимнія бури. и жизнь полна опадающей листвы.

* * *

Азія, Азія...

Неужели я дѣйствительно могъ жить и думать, что Азія удалилась вспять изъ Европы? Правда то, что Европѣ предстоитъ еще пережить нѣсколько столѣтій прежде, чѣмъ она нагонитъ Азію...

И это потому, что тамъ давнымъ-давно уже знали то, что намъ теперь только стало очевидно: что существуетъ одно только «развитіе» и именно то, которое постоянно идетъ кругомъ. Все вернется, и сами мы опять вернемся; единственная мудрость заключается въ квіетизмѣ. И единственная надежда для каждой отдѣльной личности: путемъ самоотреченія и отреченія отъ жизни выйти изъ ограниченныхъ рамокъ индивидуальнаго существованія и блаженно перелиться въ безконечное всё, въ нирвану.

Ничего нѣтъ глубже и выше буддизма. До настоящаго времени буддизмъ былъ черезъ-чуръ еще высокъ для европейцевъ. Но самые передовые изъ нихъ начинаютъ уже доростать до него: буддизмъ проникаетъ въ Парижъ.

* * *

Докторъ Кволе «все еще» не хочетъ снабжать меня своими книгами по гипнотизму, спиритизму и т. д.: а потому я раздобылъ книги двѣ самъ.

Удивительныя это вещи. Но стоитъ только почитать объ индѣйскихъ факирахъ и т. д., чтобы убѣдиться, что между небомъ и землею существуетъ нѣчто большее, чѣмъ H_2O, SO_2, H_2SO_4...

* * *

Геніальна эта азіатская философія, единственно настоящая философія. существующая на землѣ.

Тамъ уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ открыли то, чему мы и до сихъ поръ не хотимъ окончательно повѣрить: что не существуетъ никакого истиннаго удовлетворенія. Все, что ни называемъ мы удовлетвореніемъ, есть обманъ, обманъ, приводящій лишь къ новой мукѣ: един-

ственно истинное—есть чувство лишенія. Слѣдовательно, чтобы достичь удовлетворенія, мы должны подавить чувство лишенія,—заключили азіаты со своей леденящей логикой. И вотъ, факиры и дервиши, и всѣ, достигшіе верха мудрости, поднялись на камни или столбы и умерли для свѣта. Загипнотизировали самихъ себя, непрестанно углубляясь въ созерцаніе нирваны, утратили чувство лишенія, и душа ихъ обрѣла покой.

ГЛАВА XXXIII.

(Бредъ)... Зачѣмъ это наказываютъ убійцъ? Комичная идея!

То самое государство, которое чуть не лопается отъ чрезмѣрнаго народонаселенія... а когда является какой-нибудь добрый человѣкъ и помогаетъ ему отдѣлаться отъ нѣсколькихъ членовъ его, вышеупомянутое государство хватаетъ этого человѣка и отсѣкаетъ ему голову.

Не остроумно.

«Ради послѣдовательности!» Пустыя рѣчи. Способность къ убійству есть своего рода дарованіе; убійцей родятся, какъ родятся геніемъ.

Если-бы существовала на землѣ человѣчность, то люди награждали-бы, окружали почетомъ и поощряли-бы этихъ прирожденныхъ убійцъ, чтобы ихъ являлось побольше и чтобы они становились ловчѣе и проворнѣе. Какъ только какой-нибудь человѣкъ совершилъ-бы одно хотя нѣсколько приличное убійство, его слѣдовало-бы послать въ Парижъ, Лондонъ, Италію, гдѣ онъ могъ-бы еще болѣе усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, а если-бы послѣ того успѣлъ онъ удовлетворительнымъ образомъ совершить пять смертоубійствъ, ему слѣдовало-бы дать постоянное мѣсто съ жалованіемъ.

Не такъ-ли поступаютъ съ состоящими на вольной службѣ? Да, да, все это прекрасно... Но вѣдь они существуютъ только для разрѣженія шведовъ. Національные-же убійцы—тѣ, что посвящаютъ всѣ свои способности на службу родинѣ, что стремятся освободить отъ страданій своихъ соотечественниковъ и собратій,—эти, чортъ возьми! не получаютъ никакого поощренія и, напротивъ того, принуждены слагать свои бритыя головы на простецкихъ топорныхъ плахахъ.

И все-таки, вообще говоря, они работаютъ чисто и рѣдко ошибаются въ выборѣ: душатъ старыхъ скрягъ, ростовщиковъ, одинокихъ богатыхъ дамъ и т. д., вообще, все народъ, которому въ дѣйствительности всего лучше умереть. Но этого совершенно не принимаютъ во вниманіе и карнаютъ ихъ себѣ безъ дальнихъ словъ, вмѣсто того, чтобы надѣлять ихъ чинами и почетными званіями...

Замѣчательна эта щепетильность по отношенію къ убійству. Точно будто всѣ эти ростовщики не должны когда-нибудь умереть! Сегодня

завтра... И даже самый посредственный убійца отправитъ ихъ на тотъ свѣтъ гораздо быстрѣе, чѣмъ эта неповоротливая, свинская природа.

Гей! Яковъ Башмачникъ, а ну-ка сюда еще на стюверъ водки!..

* * *

Да, я палъ.

Эта добродѣтель черезъ-чуръ скучна. Нельзя вѣчно пребывать въ одиночествѣ и витать въ облакахъ, а когда находишься въ обществѣ людей, то оказывается какъ-то неумѣстно сидѣть передъ ними, какъ какой-нибудь фарисей, и служить имъ укоромъ совѣсти. Ради приличія, соглашаешься выпить стаканъ, но не болѣе одного; а когда онъ выпитъ, принципъ уже нарушенъ, и ради такого случая разрѣшишь себѣ еще полстаканчика, и дѣло кончается тѣмъ, что приходится послать за извозчикомъ и поручить ему довезти тебя домой.

Вообще-же говоря, жить со связанной волей — того-то или того-то ты не долженъ дѣлать и т. д.—невозможно для интеллигентнаго человѣка. И къ чему себя мучить? Вѣдь все это до такой степени безразлично.. Т. е. если-бы дѣйствительно можно было вѣрить въ переселеніе душъ....

* * *

Я развитой человѣкъ. Я доказалъ уже себѣ, что я въ состояніи побѣждать свои привычки и слабости; затѣмъ я хочу доказать себѣ, что я умѣю быть свободнымъ.

Это какое-то низменное, получеловѣческое состояніе,—связывать свою волю.

ГЛАВА XXXIV.

Сцена: Карлъ-Іоганова улица. *Дѣйствующія лица:* зеленый школьникъ; Георгъ Іонатанъ; Г. Грамъ.

Зеленый школьникъ. Да, но N. N. не имѣетъ уже на своей сторонѣ молодежи.

Г. I. Неужели это такъ важно?

Зел. шк. Важно? Но вѣдь молодежь есть будущее?

Г. I. Когда она состарѣется, да.

Зел. шк. (нѣсколько смущенный). Да, но... да, но... Вѣдь вы-же понимаете, что...

Г. I. Молодежь можетъ увлечь за собой каждый, кто способенъ громко кричать. Я скажу вамъ одно: человѣкъ становится человѣкомъ, начиная лишь съ сорока лѣтъ,—когда онъ перестаетъ поддаваться опьяненію отъ близости женщинъ и начинаетъ опрятнѣе смотрѣть на міръ.

Зел. шк. (сердито). Человѣкъ становится человѣкомъ, начиная съ двадцати лѣтъ; тогда умѣютъ любить и тогда-же умѣютъ ненавидѣть; тогда люди полны одушевленія... полны желаній!

Г. І. Богъ съ вами! Двадцатилѣтніе юноши — это еще не вполнѣ излѣчившіеся self-abusets (самообличители). Съ этой стороны я гораздо рѣже слышу объ одушевленіи и тѣмъ чаще о безсиліи, усталости, недостаткѣ энергіи, отвращеніи къ жизни; они только и дѣлаютъ, что хнычутъ о своей непригодности ни на какое дѣло, на полное отсутствіе интереса. Съ тѣхъ поръ, какъ я самъ сталъ взрослымъ человѣкомъ, до меня ничего не доносилось изъ лагеря «молодежи», кромѣ этихъ воздыханій съ похмѣлья. Нѣтъ, съ молодежью намъ нечего связываться. Ея métier и задача—цѣловаться съ продажными дѣвчонками, да писать слезливые стихи и порнографическія книжки.

Зел. шк. (красный до корней волосъ). Извините, я предполагалъ, что вы современный человѣкъ. Прощайте! (Дѣлаетъ налѣво кругомъ; исчезаетъ).

Г. І. (насвистываетъ; улыбается). All right.

Грамъ. Непріятный человѣкъ, да. Но того, что сказали вы о молодежи, вамъ не слѣдовало-бы говорить.

Г. І. Вотъ какъ?

Грамъ. Вы разогнали мою публику. Что буду я теперь дѣлать въ вашей газетѣ?

Г. І. Вы создадите себѣ публику. Хорошаго аппетита!

* * *

«Аристократія будущаго». Повременамъ начинаешь слышать это слово и это такая вещь, что я охотно готовъ-бы былъ участвовать въ ея созиданіи.

Но гдѣ найду я матеріалъ для этого созиданія?

Аристократія не можетъ быть образована, какъ демократія, она должна родиться. Но гдѣ-же мать?

Старая аристократія вымираетъ, или-же отрекается отъ самой себя, смѣшивая кровь свою съ плебеемъ-биржевиковъ. Вообще, пережила уже самою себя. Это—растеніе, корень котораго пересыхаетъ.

«Денежная аристократія?» Да, да, Господи Боже, есть вѣдь и такая: богатство въ цѣломъ рядѣ поколѣній приводитъ къ изяществу.

Но долларъ по существу своему—плебей и совершенно такъ же процвѣтаетъ въ карманѣ еврея-ростовщика, какъ и въ портмонэ изящнаго барина и, какъ дипломъ на благородство происхожденія, не имѣетъ никакого значенія. Каждую минуту новый плебей втирается въ ряды денежной аристократіи и, такимъ образомъ, аристократія эта навсегда сохранитъ свой смѣшанный и, слѣдовательно, неаристократическій отпечатокъ.

Военное сословіе? Ахъ, война теперь ужъ больше не мечта и не подвигъ, а прикладная математика, дѣло безличное и ведется инженерами. Мольтке—Наполеонъ нашего времени; онъ умретъ, стоя во главѣ

какого-нибудь присутственнаго мѣста и состоя членомъ рейхстага. Теперь существуетъ одна только военная доблесть, а именно, дисциплина: стоять—куда поставили; идти—куда послали; такъ воспитываются хорошіе подчиненные, но не предводители. Какой-нибудь лейтенантъ до крайности не похожъ на героя, а капитаны, маіоры, полковники и генералы,—все это чиновники.

А чиновники?—Служащіе, писцы, безличности, «конторщики». «Правительство честь имѣетъ послать»... «Департаментъ всеподданнѣйше сообщаетъ»... но изъ служащихъ выходятъ безвольные работники и опять-таки рабы.

Люди науки?—Съ замаранными чернилами пальцами, въ насморкѣ, съ ихъ мелочнымъ честолюбіемъ изобрѣтателей? Изъ человѣка науки по бóльшей мѣрѣ выходитъ профессоръ, а изъ сына его—бездѣльникъ, котораго съ трудомъ удается, при помощи связей, помѣстить на государственную службу... Не годится.

Писатели, художники и т. д.—все это просто-на-просто пролетаріатъ. Поэтъ, напр., во всѣ времена былъ лишь мужескаго пола prostitué. Прежде продавалъ онъ свои чувства любому, способному заплатить ему, владѣтелю бурга; теперь онъ продаетъ себя публикѣ. Дѣлаетъ «гешефтъ» изъ своей собственной сердечной жизни; расплывается въ нѣжныхъ чувствахъ, только-бы добиться трехъ изданій; вычеркиваетъ самое лучшее и самое правдивое изъ того, что хотѣлъ онъ сказать, чтобы получить издателя... Изъ такой касты рабовъ не выростетъ никакой аристократіи.

Свободные землепашцы?—вотъ, они можетъ быть единственно. Есть нѣчто царственное въ обладаніи землей, въ самодержавной власти хотя-бы надъ малѣйшей частицей этой планеты; и здѣсь, у насъ, можетъ быть, только одни наши старинные роды исконныхъ и свободныхъ землепашцевъ и сохранили въ себѣ нѣчто аристократическое. Но... и земля превратилась уже въ предметъ купли и продажи. Она уже не достояніе свободныхъ землепашцевъ, она стоитъ въ видѣ Conto въ счетовыхъ книгахъ евреевъ-ростовщиковъ. Свободный землепашецъ съ ошеломляющею быстротою превращается въ пролетарія. А люди будущаго мечтаютъ о томъ, чтобы сдѣлать землю «общественнымъ достояніемъ», вмѣстѣ съ чѣмъ исчезнетъ послѣдняя почва изъ-подъ ногъ этой единственно мыслимой аристократіи.

Но «молодежь»... это не вполнѣ еще развившіеся лейтенанты, чиновники, художники и пролетаріи-землепашцы.

«Будущее»—ужасная, отвратительная картина: фабрики и состоятельные рабочіе; міръ, полный просвѣщенныхъ, хорошо упитанныхъ, мелко-буржуазныхъ душъ, которыя ѣдятъ, пьютъ и размножаются на научныхъ основаніяхъ.

Я не хочу участвовать въ этомъ. Просто-на-просто не хочу.

ГЛАВА XXXV.

Fin du siècle, fin du siècle. Fin de la culture européenne.

Конецъ вѣка, конецъ вѣка, конецъ европейской культуры.

Пролетаріи съ черными кулаками низвергаютъ Вандомскую колонну, сжигаютъ Notre-Dame, врываются въ Лувръ и живо, ударами молотка, превращаютъ Милосскую Венеру въ груду осколковъ. Церковь Мадлены служитъ помѣщеніемъ для баловъ рабочихъ; Тюльери—общественной бульонной. Тріумфальная арка разрушается и замѣняется современнымъ, великолѣпнымъ, универсальнымъ cabinet d'aisance, надъ которымъ красуется крупными буквами: Liberté, Egalité, Fraternité, entrée 5 centimes.

Но на всѣхъ перекресткахъ гильотины работаютъ, какъ трамбовки, потому что всѣ должны умереть, у кого руки еще бѣлы и чьи носы черезъ-чуръ чувствительны къ неподдѣльному запаху петролеума, сивухи и народнаго пота.

Я предоставляю себя гильотинировать.

* * *

Астрономы говорятъ намъ, что наше солнце вмѣстѣ со всею своею свитою планетъ и спутниковъ несется среди небеснаго пространства съ быстротою милліоновъ миль въ секунду навстрѣчу одной изъ звѣздъ въ созвѣздіи Геркулеса.

Въ одинъ прекрасный день земля наша натыкается на эту звѣзду и разлетается паромъ, какъ капля, упавшая на горячую печь.

Зачѣмъ существовала она? Когда Создатель въ одинъ изъ дней вновь наступившей вѣчности начнетъ пересчитывать свои звѣздныя стада, Онъ и не замѣтитъ, что планета Tellus исчезла.

* * *

О, Господи, скоро-ли наступитъ этому конецъ?

Когда-же, наконецъ, удастся мнѣ преодолѣть эту вѣчную тревогу, это грызущее безпокойство и неудовлетворенность, эту сухость и жажду во всемъ моемъ существѣ... Я точно звѣрь въ безводной пустынѣ, я точно пойманный левъ, мечущійся за рѣшеткой клѣтки, ища свободы. Все, что есть на свѣтѣ тревоги, томленія, пытливости, тоски и безпокойства, все это сосредоточилось въ моей душевной мукѣ и залегло въ груди раздирающей болью.

Я выхожу изъ дому съ надеждой встрѣтить покой въ образѣ молодой полногрудой женщины, которая обвила-бы мою шею своими бѣлыми руками и стала-бы нашептывать мнѣ безконечныя признанія любви. Я возвращаюсь домой съ надеждой, что она сидитъ тамъ въ комнатѣ, тихая и прекрасная, съ притягательной скорбью въ темныхъ глазахъ. Я сажусь на самый покойный стулъ, но не въ состояніи усидѣть на немъ,

ложусь на самый мягкій диванъ, но и тутъ не нахожу покоя. Постоянно допытываюсь я чего-то, допытываюсь, допытываюсь; всѣ нервы натянуты, чувства напряжены до галлюцинаціи: не заслышу-ли знакомыхъ шаговъ, не наступаетъ-ли блаженное откровеніе?...

Но приходитъ только человѣкъ со счетомъ.

ГЛАВА XXXVI.

Неужели уже начинается?

Пока я не ловлю еще мухъ. Но меня мучаютъ эти странныя, безсильныя, порожденныя больнымъ мозгомъ, фантазіи... съ какою-то идіотической, ухмыляющеюся навязчивостью выдаютъ онѣ себя за остроты... И, что всего хуже, я нахожу ихъ даже дѣйствительно остроумными.

«Ольсенъ не имѣетъ никакой судьбы; надо, по крайней мѣрѣ, называться хоть Оользеномъ, да и тогда судьба твоя будетъ лишь самая грошевая»... *Можетъ*-ли что-либо подобное возникнуть въ мозгу, который работаетъ нормально?

Мнѣ надо быть осторожнѣе, избѣгать черезъ-чуръ большихъ дозъ абсенту...

* *
*

Буддизмъ не для меня. Я еще по-уши погрязъ въ варварствѣ. Его ученіе объ отреченіи для меня слишкомъ отрицательно: все существо мое жаждетъ умиротворенія, счастья, любви; варваръ не можетъ отречься отъ жизни.—онъ не перестаетъ вѣрить, что жизнь *не можетъ* быть такъ холодна; *должно-же* гдѣ-нибудь находится отечески-заботливое божество или какая-нибудь добрая богиня...

* *
*

Сцена: моя комната. *Дѣйствующія лица*: докторъ Кволе; Г. Грамъ. Сумерки.

Грамъ (входитъ вмѣстѣ съ докторомъ Кволе). Это очень мило съ вашей стороны. Теперь мы возьмемъ по сигаркѣ и благоразумно поболтаемъ вмѣстѣ; этого намъ давно уже не приводилось. (Зажигаетъ лампу).

Докт. Кволе (бросается въ кресло-качалку. Вяло). Вѣдь у меня-же совсѣмъ нѣтъ времени. Да и теперь въ моемъ распоряженіи (смотритъ на часы)... только 40 минутъ. А потомъ мнѣ опять надо къ моему самоубійцѣ.

Грамъ (приноситъ сигары). Самоубійцѣ?.. Вотъ какъ? Это что-то интересное. (Закуриваетъ сигару). Итакъ, неудачная попытка?

Докт. Кволе (пожимаетъ плечами). Разумѣется. Проклятые обломы; ничего не умѣютъ сдѣлать толкомъ. (Закуриваетъ сигару).

Грамъ (садится). И неужели у васъ дѣйствительно хватитъ духу «спасти» такого человѣка?

Докт. Кволе (пожимая плечами). Обязанность, чортъ возьми!

Грамъ. Очень безнравственнная обязанность.

Докт. Кволе. Тс!..

Грамъ. Что-же, онъ молодъ?

Докт. Кволе. Юнецъ, разумѣется... Считалъ себя обязаннымъ совершить это, когда постигла его вся эта исторія... но не зналъ анатоміи; угодилъ себѣ пулю какъ разъ въ такое мѣсто, гдѣ она не могла привести ни къ чему существенному.

Грамъ. Такъ, значитъ, револьверъ. Гадкое оружіе. Трескъ и шумъ! Не правда-ли, вы тоже предпочитаете opium?

Докт. Кволе. Да.

Грамъ. Не дурно также утонуть, купаясь; но при этомъ всегда рискуешь, что кто-нибудь тебя спасетъ.

Докт. Кволе. Люди такъ сострадательны... когда въ этомъ нѣтъ нужды. (Молчаніе).

Грамъ (съ дѣланной развязностью). А какъ-бы, напримѣръ, поступили вы, если-бы кто-нибудь изъ вашихъ добрыхъ друзей пришелъ-бы къ вамъ въ одинъ прекрасный день и попросилъ у васъ... достаточнаго количества морфія?

Докт. Кволе. Ну, онъ могъ-бы пожаловаться при этомъ на какія-нибудь боли...

Грамъ. Нервныя боли... которыя мѣшаютъ ему, напримѣръ, спать...

Докт. Кволе. Да. Противъ обыкновенной безсонницы мы вѣдь употребляемъ другія средства.

Грамъ (съ дѣланнымъ смѣхомъ). Однако-же вы выворачиваетесь какъ-то, не желая давать мнѣ хлоралу.

Докт. Кволе. Хлоралъ есть нѣчто свинское, да. А развѣ васъ все еще мучаетъ безсонница?

Грамъ. По временамъ... когда являются эти нервныя боли. Въ рукѣ и ногѣ, видите-ли... и въ головѣ... я лежу и верчусь, и мечусь, какъ въ жару; нѣтъ и рѣчи о снѣ.

Докт. Кволе (съ быстрымъ пытливымъ взглядомъ). Гм!..

Грамъ (притворно весело). Будьте совершенно спокойны, докторъ! Я человѣкъ старозавѣтный и намѣренъ умереть обычнымъ, прописнымъ способомъ—отъ воспаленія легкихъ.

Докт. Кволе. Къ тому-же, правду сказать, способъ этотъ... вѣроятно... и самый легкій.

Грамъ. Во всякомъ случаѣ,—благоприличный. А какъ въ смерти, такъ и въ бракѣ и во всемъ подобномъ должно быть благоприличнымъ.

Докт. Кволе. Д-да! А потомъ съ научной точки зрѣнія. Есть основаніе думать, что работу эту все-таки всего лучше выполняетъ природа.

Грамъ. Неужели?

Докт. Кволе. Она... производитъ сначала нѣкоторыя предварительныя работы, а именно,—до извѣстной степени подтачиваетъ способность противодѣйствія... какъ-бы предрасполагаетъ тѣло къ смерти, дѣлаетъ его податливѣе, такъ что для смерти въ концѣ-концовъ остается уже, сравнительно говоря, не трудная задача. Между тѣмъ совсѣмъ иное при такомъ сильномъ средствѣ, которое безъ подготовленія, прямо со стороны вводится въ организмъ... ему предстоитъ имѣть дѣло съ неподготовленнымъ, сохранившимъ свою способность сопротивленія тѣломъ, и такимъ образомъ оно должно дѣйствовать сильно, производить насиліе, душить и ломать съ судорогами и сатанинскою силою, и въ такомъ случаѣ, по всей вѣроятности, смерть является довольно-таки непріятнымъ дѣломъ.

Грамъ (усиленно - равнодушно). Ну, если только доза достаточно сильна...

Докт. Кволе. Да, да.

Грамъ. То... пожалуй, что и хорошо покончить съ такого рода дѣломъ... Вы вѣдь знаете, что и у меня тоже были свои періоды... Но... отчасти у меня, дѣйствительно, не хватало энергіи, отчасти-же мнѣ присуще это... отвращеніе къ скандалу,—однимъ словомъ, я дѣйствительно располагаю умереть несомнѣнно христіанскимъ способомъ и радъ слышать, что, по всей вѣроятности, онъ въ то-же время и самый легкій.

(Молчаніе. Докторъ Кволе смотритъ на часы).

Грамъ (торопливо). Но, какъ сказано, если безсонница моя станетъ черезъ-чуръ ужъ невыносима... Вообще говоря, въ сущности каждый интеллигентный человѣкъ долженъ-бы всегда имѣть въ своей аптечкѣ стклянку морфія. Чувствуешь себя какъ-то увѣреннѣе и спокойнѣе, сознавая себя вооруженнымъ противъ всякихъ случайностей... когда я, напримѣръ, лежу здѣсь и мучаюсь всю ночь; нѣтъ-же возможности сейчасъ-же идти къ доктору въ ту самую минуту, но вѣдь бываютъ также боли, при которыхъ невыносимо лежать и ждать утра... Можетъ, напримѣръ, просто-на-просто разболѣться зубъ, и вотъ лежишь...

Докт. Кволе. Да. Я знаю это. Впрочемъ, люди далеко не такъ легко рѣшаются убить себя, имѣя подъ рукою для этого средство; знаешь, что *это* всегда можешь сдѣлать, такъ можно вѣдь и подождать еще немного,—ну, и ждешь. А тѣмъ временемъ припадокъ миновалъ.

Грамъ. Да... и такъ, можетъ быть, я на этихъ дняхъ зайду къ вамъ?..

Докт. Кволе. Да. Вѣдь вы же интеллигентный человѣкъ; вы сами знаете, какъ надо обращаться со стклянкой морфія. (Подымается, какъ бы собираясь уходить; опять садится). Впрочемъ, вы можете получить это сейчасъ-же. (Достаетъ карманную книжку и пишетъ рецептъ).

Грамъ. Благодарю васъ, докторъ.

Докт. Кволе. Сдѣлайте одолженіе. (Встаетъ; натягиваетъ перчатки).

А *если-бы* когда-нибудь діаволъ соблазнялъ васъ, попомните, что я сказалъ. Да... теперь пора мнѣ къ моему пентюху.

Грамъ (спряталъ рецептъ). А этого... довольно?

Докт. Кволе (беретъ шляпу и палку). Даже для лошади... добраго вечера.

Грамъ (хватаетъ его руку и молча пожимаетъ ее).

* *
*

И вотъ сижу я здѣсь съ этою маленькою священною стклянкочкой въ рукѣ.

Теперь остается только выждать безумной минуты...

* *
*

Воскресенье. Вечеромъ.

Ужасная зима. Каждую минуту вновь подхватываетъ меня этотъ бурунъ, готовый увлечь и поглотить.

«Воля». Что такое воля человѣка? Пасторъ Лехенъ сказалъ сегодня въ своей проповѣди, обращенной къ студентамъ, что если она не имѣетъ «живого» центра, то она расплывается во взаимно противорѣчащія стремленія и желанія, и человѣкъ носится по бурному морю жизни, какъ какой-нибудь корабль безъ кормила; это объясненіе можетъ быть наиболѣе вѣрное.

Какая-нибудь идея тоже можетъ быть волевымъ центромъ въ душѣ, но не для всей воли,—утверждалъ онъ а только для большей или меньшей части ея. Потому-то подобный «идейный» человѣкъ можетъ представляться великимъ и достойнымъ удивленія, если разсматривать его съ одной лишь стороны, между тѣмъ какъ, взглянувъ на него съ другихъ сторонъ, вы увидѣли-бы въ немъ разбитый остовъ корабля, беззащитную жертву вѣтровъ и волнъ. Только нѣчто личное можетъ быть въ человѣческой душѣ ея «centrale Centrum».

Да, да—нѣчто личное: женщина или божество! Всѣ отвлеченности—мертвы. Даже сама буддійская философія недостаточна для этого... когда разбита воля. Безногій или разслабленный человѣкъ не уйдетъ далеко, сколько-бы ни разъясняли ему теоріи движенія. Что ему нужно?—это существо, которое могло-бы сказать ему во всемъ могуществѣ своей власти: «возстань, возьми одръ свой и ходи»!

Я же лежу здѣсь и ношусь по волнамъ подхватившаго меня буруна, какъ жалкій молюскъ, лишенный центра.

* *
*

Мое бодрствованіе — на половину сонъ; а мой сонъ — на половину судорога.

По утрамъ я просыпаюсь до такой степени разслабленнымъ, больнымъ, такъ разбитъ я духомъ и тѣломъ; мозгъ безсильно и вяло лежитъ въ головѣ въ какой-то болѣзненной истомѣ; я не въ состояніи оконча-

тельно проснуться. Такъ долженъ чувствовать себя эпилептикъ послѣ припадка, думаю я и дрожа плетусь къ шкапчику...

На этихъ дняхъ у меня будетъ нервный ударъ: я это знаю и потому не рѣшаюсь больше выходить одинъ; вѣдь это-же можетъ случиться въ любую минуту. Напуганный и оробѣлый, брожу я, воображая, что могу слышать какіе-то голоса... время отъ времени предпринимаю прогулку въ экипажѣ, но сейчасъ-же возвращаюсь назадъ: человѣкъ, появляющійся тамъ на дорогѣ, можетъ быть, какой-нибудь убійца; а если дорога совершенно пустынна, то я начинаю бояться извозчика; онъ вѣдь могъ-бы вдругъ сойти съ ума...

Уголокъ у Гранда—самое безопасное мѣсто.

* * *

— Вы через-чуръ много изучаете себя, говоритъ Кволе,—этого слѣдуетъ остерегаться. Человѣкъ становится самому себѣ через-чуръ интересенъ и въ то-же время отвратителенъ: воля сокращается, а самолюбіе раздувается, и въ концѣ-концовъ онъ слишкомъ легко становится добычей дома для сумасшедшихъ. Поищите лучше чего-нибудь другого, что-бы заинтересовало васъ, чего-нибудь внѣ васъ самихъ; во всякомъ случаѣ, на свѣтѣ довольно вещей, способныхъ хоть сердить человѣка!

— Да, но если въ данную минуту нѣтъ ничего другого, что-бы интересовало меня, кромѣ этого единственнаго, несчастнаго, отвратительнаго моего собственнаго Я...

Онъ пожалъ плечами.

— Надо при первомъ удобномъ случаѣ опять послать васъ въ горы.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, отвѣтилъ я.—У васъ такой видъ, какъ будто и вамъ самимъ нужна поѣздка въ горы».

Онъ тряхнулъ головой съ вялой улыбкой. Потомъ вдругъ сталъ серьезенъ и сказалъ: «Для меня необходима еще болѣе дальняя поѣздка».

Онъ производитъ теперь впечатлѣніе такого надломленнаго, разбитаго человѣка.

Можетъ быть и онъ тоже палъ?

* * *

Время отъ времени прокрадываюсь я въ католическую церковь во время вечерней службы, когда тамъ зажигаются огни, забиваюсь въ какой-нибудь темный уголъ и сижу, утопая душой въ звукахъ органа и хороваго пѣнія, пока не зальюсь слезами.

Празднованіе Рождества въ рождественскую ночь было для меня минутой освобожденія. Я снова превратился въ младенца; я вѣрилъ.

Да будетъ проклята критика, до мозга костей въѣвшая въ насъ способность вѣрить, и наука, которая дерзновеннымъ пальцемъ экспериментатора пачкаетъ и грязнитъ все, что должно было-бы оставаться

священно и неприкосновенно. Долгое время Мефистофель ничего не могъ подѣлать съ народомъ Божіимъ. Тогда принялъ онъ личину науки и получилъ доступъ въ самое святая-святыхъ. И вотъ, вдругъ погасла эта маленькая, мирная, священная искорка, запавшая къ намъ изъ Виѳлеема.

* * *

Зачѣмъ это я такъ несчастно созданъ? Зачѣмъ это существуетъ у меня эта пробоина въ мозгу, эта щель въ стѣнѣ, откуда открывается открытое поле кругозора? Зачѣмъ не могу я «вѣрить»?

Истина или не истина... я такъ смертельно равнодушенъ ко всему! Въ душѣ моей воздвигается какая-то стѣна, отдаляющая меня отъ міра; весь существующій въ мірѣ зимній холодъ заключенъ за этой стѣной, и я вижу уже волковъ, подкрадывающихся въ ночи съ рычаніемъ и воемъ и съ пѣной на оскаленныхъ зубахъ. Я сижу и стучу зубами отъ холода и страха и молюсь всѣмъ богамъ и діаволамъ и этой вѣчной иневѣ, прося теплой руки, которую могъ-бы я пожать, и горячаго ока, въ которое могъ-бы я заглянуть, утонуть въ немъ, пока не минуетъ весь этотъ ужасъ ночи.

* * *

Я рѣдко встрѣчаюсь теперь съ Іонатаномъ. Это человѣкъ холодный, самонадѣянный и поверхностный; глуби жизни ему не доступны.

Только лишь встрѣтимся,—возникаетъ споръ. У него какое-то, присущее почти однимъ только полуобразованнымъ людямъ, презрѣніе къ тому, чего онъ не постигаетъ. И вопреки всей своей «гордости», онъ нисколько не считаетъ ниже своего достоинства прибѣгать къ помощи всякихъ уловокъ—хитрости, увerткамъ, пустому издѣвательству, скользкимъ посылкамъ.

Спиритизмъ заслуживаетъ не одной только насмѣшки,—говорилъ я:—онъ не вышелъ еще изъ младенчества и бредетъ ощупью, опутанный всякой ерундой; но онъ, во всякомъ случаѣ, стремится поставить насъ въ соотношеніе съ вѣчностью, а въ концѣ концовъ вѣдь это-то одно только намъ и нужно.

Онъ пожалъ плечами и взглянулъ на меня.—Нельзя-ли какъ-нибудь удовольствоваться и чѣмъ-нибудь меньшимъ? спросилъ онъ.

— Что хотите вы этимъ сказать?

— Я тоже за это послѣднее время собирался было облечься въ личину fin-de-siécle,» проговорилъ онъ насмѣшливо,—«но я долженъ сознаться, что разъ при этомъ требуется почтительность къ говорящему по-англійски Цицерону, то...»

Что это за полнѣйшее непониманіе!

ГЛАВА XXXVII.

20-го марта.

Почтальонъ принесъ мнѣ письмо съ черной каймой; мнѣ показалось, что почеркъ былъ мнѣ знакомъ. Пораженный внезапнымъ страхомъ, я разорвалъ конвертъ; оно было подписано: «Dr. Кволе».

Я дрожу еще и теперь. Невозможно побѣдить этотъ ужасъ...

«Дорогой Грамъ!

«У меня нѣтъ больше силъ терпѣть. Когда письмо это будетъ написано, я осушу послѣдній свой стаканъ. Я пишу, чтобы послать вамъ мой прощальный привѣтъ.

«Въ васъ провидѣлъ я собрата по страданью. Можетъ быть, и вы кончите тѣмъ, что вскорѣ послѣдуете за мною. Во всякомъ случаѣ, желаю вамъ счастья.

«Тутъ дорого стоитъ лишь рѣшимость. Когда-же рѣшеніе принято, человѣкъ становится увѣренъ и свободенъ. Это, можетъ быть, единственная счастливая минута, которую переживалъ я за всю свою жизнь.

«Счеты мои сведены: все въ порядкѣ. Еще полчаса, и всѣ земныя скорби и муки тщетно будутъ стучаться у моихъ дверей: Іоганнъ Кволе ускользнулъ отъ нихъ.

Если я вновь буду жить и у меня будетъ что̀ сообщить вамъ, я вступлю съ вами въ сношенія. Не бойтесь; я не напугаю васъ. Я постараюсь выбрать минуту, когда вы будете ни слишкомъ нервны, ни слабы,—минуту, когда вы въ состояніи будете вынести это. Можетъ быть, когда-нибудь встрѣтите вы человѣка, имени котораго вы не будете помнить, но котораго, какъ вамъ будетъ казаться, вы знали когда-то; и если человѣкъ этотъ вступитъ съ вами въ разговоръ и сообщитъ вамъ то, чего не видѣло ни одно око и не слышало ни одно ухо и что не могло возникнуть ни въ одномъ человѣческомъ сердцѣ,—то это буду я. И тогда вы должны подарить меня взглядомъ признанія и дружескимъ словомъ, которыя я могъ-бы унести съ собою въ свою, по всей вѣроятности, довольно одинокую загробную жизнь.

«Прощайте, Грамъ! За ваше здоровье! До свиданья!

Вамъ искренно преданный

Іог. Кволе.

P. S. Только вы, да еще одинъ врачъ, въ молчаніи котораго я увѣренъ, знаютъ въ чемъ дѣло».

. . . .

* * *

Все это время я провожу ночи въ отелѣ; тамъ всю ночь — отъ вечера до утра—есть люди и движеніе, и, въ крайнемъ случаѣ, я могу позвонить служителя. Удивительно безумный страхъ!..—размягченіе мозга...

Еслибы я зналъ хоть какого-нибудь гипнотизера, я обратился-бы къ нему и попросилъ-бы его освободить меня отъ этого настроенія...

* * *

Невозможно?

Почему-же?

Предположимъ, что старики были правы въ своей мудрости... то. что до настоящей минуты владычествовало надъ всею землею и къ чему спириты пытаются опять вернуться... а почему-бы и они не могли быть совершенно столь-же правы, какъ и нѣкоторые одаренные тонкимъ чутьемъ матеріалисты послѣдняго столѣтія,—люди, которые во что-бы то ни стало желаютъ исключить духъ изъ области всего существующаго, разъ они не въ состояніи упрятать его подъ микроскопъ? Предположимъ, что душа-то и есть первичное, вѣчное начало, такъ-что тѣло есть не что иное, какъ оболочка, въ которую душа облекается и сбрасываетъ съ себя по желанію... Почему именно тѣло должно быть самымъ существеннымъ, это больное, бренное тѣло, какъ мы знаемъ, не представляющее даже собою ничего цѣльнаго, а какой-то конгломератъ клѣточекъ, сдерживаемыхъ вмѣстѣ какимъ-либо формирующимъ принципомъ и распадающихся въ тлѣнъ, какъ только принципъ этотъ перестаетъ функціонировать?.. Что за смѣшная идея,—какая-то чисто профессорски-лабораторная идея: разъ мы видимъ продуктъ, то, слѣдовательно, продуктъ существуетъ; но разъ мы не можемъ видѣть производящаго начала, то никакого производящаго начала и не существуетъ, хотя продуктъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ-же существовать безъ производящаго начала!

Я, собственно говоря, никогда еще вполнѣ и окончательно не вѣрилъ въ это. Никогда еще вполнѣ и окончательно не представлялъ я себѣ «Смерти», какъ переходъ; никогда не представлялъ себѣ, что я опять буду жить, витать въ небѣ вмѣстѣ съ быстро несущимися облаками и бурными вѣтрами, переноситься съ планеты на планету, видѣть новые виды, познавать новыя истины... Душа *имѣетъ* непосредственную увѣренность въ томъ, что она не умретъ.

* * *

Энергія и сознаніе, эти высшія и наиболѣе законченныя формы существованія,—вѣнецъ и оправданіе всего существующаго, raison d'être всего,—неужели имъ суждено прекратиться, исчезнуть, разлетѣться въ ничто; между тѣмъ, какъ даже самый бренный изъ атомовъ матеріи не можетъ стать ничѣмъ? Все это какое-то ни на чемъ не основанное пустословіе.

Или мой бѣдный докторъ—этотъ могучій духъ въ бренномъ тѣлѣ—богатая, глубокая, тонкая душа, которая только-что начала жить подъ своею непригладной оболочкой...

А что сказала Фанни?—а у нея это было внушеніе непосредственнаго чувства! «*Должна* послѣдовать вторая часть романа». Этому дѣтскому проявленію непосредственнаго чувства я вѣрю больше, чѣмъ полсотнѣ профессоровъ, отрицающихъ то, чего они не могутъ поднести къ носу и понюхать.

Сдержи свое слово, дорогой, несчастный другъ! Ты вѣдь знаешь, что я еще слишкомъ нервенъ и слабъ; не ходи за мною...

* * *

Меня преслѣдуетъ невыносимый ужасъ. Я не могъ не видѣть его. Онъ былъ ужасенъ, положительно неузнаваемъ. Зловѣще-черное лицо осунувшееся, съ открытыми, неподвижными, застывшими глазами; открытый ротъ, приплюснутый носъ; какая-то безсмысленно-испуганная улыбка на тонкихъ, обтянутыхъ, синеватыхъ губахъ. Большіе желтые зубы звѣрски оскалены на этомъ до ужаса исковерканномъ лицѣ. Видъ его былъ мнѣ невыносимъ. Мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Тѣло стало какъ-то уплывать и качаться у меня въ глазахъ... я съ трудомъ оторвался отъ этой картины и, шатаясь, вышелъ на воздухъ, преслѣдуемый какимъ-то страннымъ внутреннимъ ужасомъ, вдругъ охватившимъ меня, дышавшимъ мнѣ въ затылокъ, нашептывавшимъ мнѣ въ уши, обдававшимъ меня удушливымъ запахомъ трупа, душившимъ меня...

Нѣсколько времени спустя, я очутился, Богъ вѣдаетъ какъ, въ гостиной пастора Лёхена. Тутъ у меня сдѣлался нервный припадокъ, и я поднялъ на ноги весь домъ. Позвали домашняго врача, молодого, серьезнаго, энергичнаго человѣка; онъ сѣлъ около моей постели и сталъ говорить со мною; я успокоился и заснулъ.

Онъ преслѣдуетъ меня. Постоянно, когда выхожу я одинъ, я чувствую его вблизи себя, за собою, въ видѣ какой-то нервной точки, стоящей въ воздухѣ; я чувствую его присутствіе подобно тому, какъ случается иногда чувствовать пару глазъ, неотступно устремленныхъ тебѣ въ затылокъ.

Пасторъ Лехенъ говоритъ, что мнѣ надо молиться. Это помогаетъ иногда, особенно по вечерамъ, когда я уже въ постели; но я не могу молиться днемъ, когда свѣтло.

ГЛАВА XXXIX.

Я проводилъ его до могилы.

Оффиціально—онъ умеръ отъ паралича сердца. Похороны были очень торжественны. Поразительное множество народу, слѣдовавшаго за гробомъ. Этотъ нелюдимый, одинокій человѣкъ, невѣдомо для себя, имѣлъ гораздо больше друзей, чѣмъ онъ предполагалъ. Одинъ пожилой врачъ и Георгъ Іонатанъ дѣйствовали въ качествѣ распорядителей.

Лехенъ говорилъ рѣчь. Текстомъ его рѣчи были слова: «Все есть суета, суета и пагуба души». Не мало поразительно вѣрнаго сказалъ онъ по поводу скорбей жизни.

Книга пророковъ включена въ Библію, потомучто она вдохновеннымъ образомъ доказываетъ намъ необходимость пришествія Спасителя, изображая міръ таковымъ, каковымъ является онъ въ глазахъ невѣрующихъ. Все, чѣмъ ни старается человѣкъ наполнить свое существованіе,—наслажденіе, трудъ, великія идеи, общая гуманность, — все это безъ болѣе глубокаго объясненія остается безсмысленно и пусто,—суета и пагуба души. Эта ветхозавѣтная книга написана точно для настоящаго времени и является для высокообразованныхъ современныхъ людей истиннымъ введеніемъ въ христіанство, служа выраженіемъ того отчаянія, того пессимизма, до котораго способенъ дойти болѣе развитой человѣкъ, пытающійся жить безъ Бога. «Этотъ человѣкъ, котораго сегодня мы провожаемъ до могилы, былъ честный изслѣдователь, и онъ не скрывалъ отъ людей, знавшихъ его, что эти изслѣдованія и размышленія заставили его уклониться отъ вѣры и Бога. Онъ былъ способный и энергичный работникъ на поприщѣ своего призванія, и сердце его было исполнено любви къ человѣку; мысль его постоянно работала надъ задачами и проектами улучшенія жизненныхъ условій человѣка, и мы смѣло можемъ сказать, что онъ былъ столь-же благородный, какъ и высоко развитой человѣкъ. И все-таки конецъ и результатъ его пытливаго исканія были таковы все суета,—суета и погибель духа. Познавъ это, онъ вдругъ внезапно сошелъ со своего пути.

Но въ то время, какъ онъ подошелъ къ этому открытію, онъ былъ уже близокъ къ христіанству и стоялъ на порогѣ спасенія. И мы будемъ надѣяться, что Господь тѣмъ не менѣе, по своему милосердію, принялъ его въ послѣднюю минуту. Вѣдь всѣ мы, знавшіе его, знаемъ, какъ добросовѣстно допытывался онъ узнать истину. А тотъ, въ чьихъ устахъ не могло быть обмана, самъ обѣщалъ, сказавъ: ищите, и обрящете.»

Тутъ на меня снизошло какое-то спокойствіе. Ужасная тревога, мучившая меня съ тѣхъ поръ, какъ получилъ я извѣстіе о смерти, исчезла.

Кто знаетъ, о чемъ былъ послѣдній вздохъ умершаго? Кто знаетъ, что могло открыться ему въ ту минуту, когда мракъ смерти началъ уже проникать въ его сердце? И кто знаетъ, что именно ждетъ насъ за этой темной дверью?..

* *
*

Докторъ Фистедъ, новый домашній врачъ Лехена, интересный-таки человѣкъ. Крайне не похожъ на обыкновенныхъ нашихъ врачей.

Онъ много путешествовалъ и вынесъ нѣкоторый запасъ идей, о которыхъ «тутъ, дома, онъ принужденъ умалчивать»; вѣритъ, напримѣръ, въ гипнотизмъ.

«Въ этомъ ученіи нѣтъ ничего таинственнаго, — говоритъ онъ, — но тѣмъ не менѣе оно сдѣлаетъ цѣлую революцію и не только въ области медицины, но также и судопроизводства. Оно, ни для кого не замѣтно, заключаетъ въ себѣ, столь опасную для такъ называемой «современной науки», истину, а именно, что главное дѣло—въ душѣ и что единственно научный путь вовсе не состоитъ лишь въ томъ, чтобы рыться въ трупѣ».

«Спиритизмъ? Я пока еще держусь выжидательнаго положенія. Удастся ему доказать свое положеніе, значитъ, и онъ заключаетъ въ себѣ истину. Ничего нѣтъ глупѣе этого предвзятаго отрицанія всего неизвѣстнаго, столь свойственнаго современной «наукѣ». Вообще говоря, если вы хотите знать, что такое догматизмъ и догматическая ограниченность, то вамъ надо обратиться не къ теологамъ, а къ медикамъ».

* * *

Воскресенье, утромъ.

...Да, онъ тутъ. Онъ въ этой комнатѣ, въ томъ углу, въ пяти или шести футахъ за моимъ стуломъ. Онъ смотритъ на меня странными, не здѣшними глазами.

Не хочетъ-ли онъ что-нибудь сообщить мнѣ? Это напряженное состояніе становится опасно...

Дорогой, несчастный другъ, если это только для тебя возможно, если никакіе духовные или естественные законы не препятствуютъ тебѣ, то откройся мнѣ теперь, въ эту самую минуту, когда я готовъ къ этому и жду тебя, и открой мнѣ ту истину, безъ которой я не могу больше жить. Отвѣчай мнѣ какимъ-нибудь знакомъ. Если послышатся два стука, это будетъ означать—да, если три—нѣтъ.

Живемъ-ли мы послѣ смерти?

Десять минутъ напряженія и содроганія. Мертвая тишина.

Можетъ быть, онъ можетъ писать. Я беру свой карандашъ.

. . . .

Пытаюсь всячески цѣлыхъ полъ-часа. Безполезно. Рука моя, конечно, движется,—совершенно автоматично; она даже отчасти довольно сильно уклоняется въ сторону. Но получаются лишь безсмысленныя черты и закорючки.

Можетъ быть, слишкомъ свѣтло?

...Я водворилъ въ комнатѣ мракъ, завѣсивъ окна коврами. Затѣмъ я еще въ теченіи цѣлаго часа производилъ опыты. Никакого результата.

Я совсѣмъ не медіумъ; если даже онъ тутъ, онъ не можетъ сообщаться черезъ мое посредство. Мое, зараженное сомнѣніемъ, неподатливое существо оказываетъ безсознательное сопротивленіе.

Итакъ, надо найти другого медіума.

Но... какъ только является между нами этотъ другой медіумъ, является и возможность обмана,—обмана сознательнаго или самообмана. Просто отчаяніе!

Замѣчательно, до чего я усталъ. На воздухъ,—немножко прогуляться.

* * *

Сегодня за обѣдомъ у Лехена зашелъ разговоръ о... фрю Рюенъ.

Докторъ Фистедъ и тамъ тоже домашнимъ врачемъ и хорошо ее знаетъ. Пасторъ Левенъ тоже познакомился съ нею... на религіозныхъ собраніяхъ. Она стала христіанкой.

— Поразительное доказательство вѣрности психіатрическаго метода,— сказалъ докторъ.—Она, собственно говоря, была довольно серьезно нездорова, страдала истерическими головными болями, безсонницей, постоянной тревогой; начала уже прибѣгать къ впрыскиваніямъ морфія; вообще, нервная система была довольно плоха. Теперь-же она, дѣйствительно, совсѣмъ здорова.

— Какъ-же это произошло? спросилъ я.

— Я просто-на-просто заставилъ ее ходить въ церковь.

— О, вотъ что!

— Существенная причина весьма многихъ нервныхъ страданій въ наше время есть разладъ въ міровоззрѣніи. Человѣкъ утрачиваетъ... ну, скажемъ, Бога; при этомъ и душевная жизнь его утрачиваетъ свой центръ; утрачиваетъ также и свое регулирующее начало, если я смѣю такъ выразиться, и начинаетъ разбрасываться въ стороны въ какихъ-то судорожныхъ, дикихъ порывахъ, безпорядочныхъ и безцѣльныхъ. И вотъ, пружина вдругъ лопается. Фрю Рюенъ, кромѣ того... чувствовала себя нѣсколько неудовлетворенной въ своей семейной жизни, что только еще больше ухудшало положеніе. Она хваталась за множество дѣлъ, только-бы хоть чѣмъ-нибудь наполнить свое время, заглушить свои мысли... вѣдь это-же обыкновенный способъ; и, наконецъ, дошла уже до того, что начала прибѣгать къ морфію. Но все это совершенно само собою пришло въ порядокъ, какъ только она опять обрѣла... нѣсколько болѣе гармоничное міровоззрѣніе; благодаря этому, покой водворился въ ея душевной жизни, а вмѣстѣ съ нимъ—и покой въ нервной системѣ».

— Вы... христіанинъ, докторъ?—спросилъ я съ нѣкоторой неувѣренностью.

— Въ смыслѣ догматическаго христіанства—нѣтъ. Но я несомнѣнно человѣкъ религіозный и почитатель христіанства въ его существенныхъ чертахъ. Нашъ почтенный хозяинъ, господинъ пасторъ, не считаетъ меня въ числѣ отверженныхъ,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— О да, ужъ эти догматы!—воздохнулъ пасторъ,—сколькимъ религіознымъ душамъ мѣшаютъ они найти свой путь, благодаря какому-то несчастному недоразумѣнію. Но теперь мы увидимъ,—добавилъ онъ весе-

лѣе,—что то самое христіанство, которое пасторы своимъ догматизмомъ изгнали изъ жизни, опять вернется въ нее, благодаря усиліямъ господъ врачей!

— Извините,—вѣжливо перебилъ его докторъ,—тутъ дѣло господъ пасторовъ придти на помощь медицинѣ.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы; я сидѣлъ и молчалъ и думалъ о Фанни.

Можетъ быть, теперь она опять такъ-же красива...

* * *

— Но какъ можно вѣрить въ Бога, существованія котораго нельзя доказать?

Докторъ Фистедъ отвѣчалъ:—Совсѣмъ наоборотъ: нельзя сомнѣваться въ богѣ, *несуществованія* котораго нельзя доказать. Но, впрочемъ, что подразумѣваете вы подъ этимъ, такъ старомодно звучащимъ выраженіемъ «доказать»? Не желаете-ли вы изучать его въ микроскопъ?

— Въ сущности, вѣдь и это тоже ничего не доказало-бы.

— Нѣтъ, это-то и есть все та-же старая ошибка. Микроскопъ примѣнимъ при изученіи бактерій; но желая наблюдать, напр., солнце или млечный путь, прибѣгаютъ ужъ къ совсѣмъ инымъ инструментамъ.

— Справедливо сказано, докторъ. Чѣмъ больше думаю я объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что въ сущности нѣтъ ничего, что мѣшало-бы мнѣ усвоить ваше... болѣе умѣренное міровоззрѣніе. Ничего объективнаго. Но это мнѣ нисколько не помогаетъ. Этотъ позитивный скептицизмъ, какъ какая-нибудь кислота, до того въѣлся въ мою душу, что утратилась даже самая *способность* вѣрить. Фактически я вѣрю только въ то, что вижу подъ своимъ микроскопомъ... а въ концѣ концовъ, даже и тому не вѣрю. Это—органъ, совершенно парализованный.

— Нельзя-ли подыскать этому какое-нибудь иное объясненіе?

— Напримѣръ?

— Я помню еще то время, когда я началъ интересоваться гипнотизмомъ. Втайнѣ я уже изучалъ его, но открыто смѣялся надъ нимъ; подъ конецъ я уже дѣйствительно вѣрилъ ему, но все еще продолжалъ смѣяться. Почему?

— Да, почему?

— Наконецъ, мнѣ все стало ясно; но еще цѣлыхъ три мѣсяца пытался я отрицать это... Все мое невѣріе происходило вслѣдствіе того, что у меня былъ очень остроумный и талантливый другъ, котораго я боялся; его насмѣшки боялся я и насмѣшки другихъ товарищей; да, это представляется вамъ какою-то жалкою причиной; но какъ часто столь-же мелкія соображенія мѣшаютъ намъ открыто стать на сторону того, что мы сами по существу уже признаемъ.

— Но, это... долженъ я сказ...

— Ну, потомъ я круто повернулъ и сказалъ самому себѣ: къ чорту всѣхъ этихъ людей! Я не допущу больше, чтобы мнѣ предписывали, что долженъ я признавать и чего не признавать! И у меня хватило-таки настолько самостоятельности, чтобы дѣйствительно вырваться на свободу...

Я больше ужъ не слушалъ, что онъ говорилъ. Я все время думалъ о Георгѣ Іонатанѣ. Неужели это дѣйствительно такъ?!

ГЛАВА XL.

Апрѣль, 1889.

Каждое воскресенье отправляюсь я въ церковь, слушаю Лехена и всегда возвращаюсь домой успокоенный.

Эта невозмутимая глубина, эта святая простота, эта благодѣтельная ясность въ тѣхъ вопросахъ, которые, въ концѣ концовъ, одни только и имѣютъ для насъ значеніе... зачѣмъ не хватало у меня раньше мужества искать прибѣжища подъ этой сѣнью?

Нѣтъ здѣсь никакого блеска и треска «науки», того оглушительнаго шума, съ помощью котораго стараются заставить забыть это бездонное «мы не знаемъ». Тихій, ясный, освѣжительно чистый, течетъ себѣ этотъ потокъ вѣры, который такъ мелокъ, что даже ягненокъ можетъ перейти его, и такъ глубокъ, что въ немъ можетъ плавать даже слонъ.

И она тоже сидитъ тамъ. Блѣдная, худая, со слѣдами долгихъ страданій на лицѣ, но съ какимъ-то неземнымъ блескомъ въ глубокихъ глазахъ. И ко мнѣ опять возвращается то чувство спокойствія и удовлетворенности, котораго я не зналъ съ тѣхъ поръ, какъ мы оба, она и я, вмѣстѣ бродили по темнымъ загороднымъ дорогамъ.

* * *

Я долженъ постараться побѣдить въ себѣ это представленіе «его, преслѣдующаго меня»; для меня это черезъ-чуръ сильное ощущеніе. Повременамъ оно нагоняетъ на меня ужасъ, противъ котораго я совершенно безпомощенъ.

Сегодня, когда я, прогуливаясь, шелъ по Улевольдской дорогѣ, мимо меня прошелъ какой-то блѣдный человѣкъ, весь въ черномъ; во всемъ его обликѣ было что-то суровое и мрачное, какой-то могильный отпечатокъ; его неправильное лицо съ маленькими, нѣсколько изъ-подлобья глазами обратило на себя мое вниманіе; да и онъ самъ посмотрѣлъ на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ... Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что я, должно быть, когда-то зналъ его, но не могъ вспомнить имени... въ слѣдующую-же минуту, какъ молнія мелькнуло у меня въ головѣ: Это онъ! *онъ!*

И пораженный страхомъ, ледянымъ холодомъ обдавшимъ все мое тѣло и чуть не лишившимъ меня движенія, я бросился искать спасенія въ бѣгствѣ...

* * *

Кто несчастливъ? Тотъ, кому приходится хранить мрачную тайну. Подобная тайна точно чортъ въ мѣшкѣ: такъ и рвется вонъ, такъ и рвется вонъ! Я ловлю себя на томъ, что, проходя по улицѣ, вдругъ говорю вслухъ самому себѣ: докторъ Кволе принялъ ядъ; докторъ Кволе принялъ ядъ... въ испугѣ вздрагиваю и оглядываюсь по сторонамъ; кто-нибудь могъ быть тутъ-же, по-близости, и слышать это.

Ни пива больше, ни абсенту. Подумать только, что я въ какую-нибудь минуту безпамятства выболталъ-бы вдругъ эту истину, такъ и готовую сорваться у меня съ языка...

* * *

Я усталъ. Страхи одолѣваютъ меня. Я не могу спать по ночамъ отъ страха, что онъ явится мнѣ; лежу съ зажженной лампой и читаю Библію.

Это прежнее безбожное существованіе, превращавшее міръ въ какое-то темное, полное привидѣній, исполненное плача, занесенное снѣгомъ ущелье... Пора, пора мнѣ искать спасенія. Наступаютъ новыя, болѣе свѣтлыя времена. Надъ міромъ вновь разносится гулъ пасхальныхъ колоколовъ; опять льется утренняя пѣснь...

Christ ist erstanden!
Freude dem sterblichen,
Den die verderblichen,
Schleichenden, erblichen
Mängel umwanden...

* * *

Погладить собаку, вызвать сіяющую улыбку на лицо ребенка, дать на минутку вздохнуть какой-нибудь женщинѣ, подавши ей крону, помочь молодому человѣку хоть на время пожить настоящею жизнью и воодушевить его на какое-нибудь дѣло, однимъ словомъ, болѣе или менѣе содѣйствовать обогащенію нищенскаго фонда жизненныхъ радостей.. неужели въ день судный не перевѣситъ это двадцатитомнаго изслѣдованія о жизни?—говорилъ докторъ Фистедъ.

Я начинаю прозрѣвать свое призваніе: мы еще встрѣтимся—она и я, и при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ мы когда-нибудь воображали.

* * *

Необыкновенно благотворно дѣйствуетъ на меня докторъ Фистедъ. На меня дѣйствуетъ вовсе не то, что онъ говоритъ. И еще того меньше совѣты, которые дастъ онъ мнѣ для укрѣпленія моей нервной си-

стемы,—на меня дѣйствуетъ онъ самъ собою, его собственная свѣтлая, сильная личность.

Въ концѣ-концовъ существуетъ только одна истинная врачебная наука и заключается она не въ лѣчебныхъ средствахъ, а въ самомъ врачѣ. Душа вліяетъ на душу, а затѣмъ эта душа, въ свою очередь, вліяетъ на тѣло.

Онъ заставляетъ меня вѣрить въ себя. Этимъ онъ даетъ мнѣ въ руки посохъ, съ помощью котораго я, разслабленный человѣкъ, вдругъ встаю и иду. Теперь понимаю я, что Іисусъ изъ Назарета могъ совершать чудеса.

Каждый врачъ, неспособный совершать такія чудеса, есть не болѣе, какъ шарлатанъ. Каждый врачъ, который не является въ то-же время и цѣлителемъ души, есть шарлатанъ.

Онъ, какъ ниву, воздѣлываетъ мою душу, устраняетъ колебанія и сомнѣнія, ниспровергаетъ препятствія, разсѣиваетъ дурное настроеніе, прогоняетъ страхъ; онъ хватается за всѣ здоровыя фибры моей души, ухаживаетъ за ними, укрѣпляетъ ихъ, возстановляетъ во мнѣ довѣріе къ самому себѣ, мою вѣру въ свою волю, мою жизненную энергію, даетъ мнѣ бодрость вооружиться бодростью, — Богъ его вѣдаетъ, какимъ образомъ.

Подъ его вліяніемъ все вновь получаетъ цѣнность въ моихъ глазахъ; все, что казалось мнѣ такимъ разсѣяннымъ, разбросаннымъ, безсмысленнымъ, получаетъ связь, воодушевляется. Онъ возстановляетъ для меня жизнь, сообщая ей центръ.

* *
*

Я не могу вѣрить такъ, какъ вѣритъ Лёхенъ или какъ вѣритъ она. Но при одномъ представленіи «добраго пастыря», вся душа моя наполняется какимъ-то чуднымъ миромъ и тишиной.

Добрый пастырь, полагающій свою жизнь за своихъ овецъ... это звучитъ такою добротою и любовью, такою неизмѣнною надеждою.

Никогда прежде, во дни моихъ тревожныхъ мечтаній, не приходило мнѣ въ голову все непритязательное величіе облика Христа; нигдѣ въ мірѣ, среди самаго бьющаго въ глаза блеска, не видалъ я ничего, что хотя-бы сколько-нибудь приближалось по чистотѣ, возвышенности, благородству къ тому, что скрывалось подъ Его смиренной бѣдностью.

Онъ обѣщалъ дать мнѣ покой и Онъ даетъ мнѣ его. Отнынѣ Онъ— мой герой. Мои старыя сомнѣнія и все такое—не болѣе, какъ мудрость школьника изъ послѣдняго класса гимназіи; школьники, разумѣется, слишкомъ умны для того, чтобы признавать Бога. Съ этой минуты я дѣйствительно «гордый человѣкъ», который знать не хочетъ «мнѣнія всего міра», иначе говоря, мнѣнія «науки», и ищетъ душевнаго мира тамъ, гдѣ его можно найти.

Лёхенъ правъ. Міръ представляетъ собой дисгармонію. Но и дисгармонія имѣетъ свою истину,—не въ самой себѣ, но внѣ себя, въ своемъ разрѣшеніи. Разрѣшеніе-же это зовется—вѣчность.

* * *

— Замѣтили-ли вы?—сказалъ сегодня Лёхенъ,—что почти всѣ великіе апостолы и вожаки свободомыслія—евреи?

И онъ принялся развивать свою мысль, почему такъ называемое свободомысліе, это холодное, огульное отрицаніе является не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ все того-же преступленія, совершеннаго въ день Великой Пятницы. «Это все тотъ-же Вѣчный Жидъ, бродящій до скончанія дней и преслѣдующій побѣждающаго галлилеянина своею неугасимой ненавистью. Онъ ничего не можетъ дать, ему нечего обѣщать онъ можетъ только ниспровергать, похищать, разрушать; у него ничего нѣтъ, кромѣ его ненависти, а ненависть такъ-же безплодна, какъ плодотворна любовь».

И онъ сказалъ еще одно, и это правда: «Всѣ истинно великія души религіозны».

* * *

Столько мучительной борьбы изъ-за «мира» и «свѣта»... а потомъ оказывается, что свѣтъ находится среди насъ-же. И нужно только немножко мужества для того, чтобы сказать самому себѣ: «Я вижу этотъ свѣтъ; и я признаю то, что я вижу».

Какъ сказалъ пасторъ Лёхенъ сегодня: я давно уже жилъ съ вѣрою во Христа. Не доставало только одного,—признать это передъ самимъ собой. Отнынѣ-же я принадлежу къ новому вѣку,—вѣку фантазіи, вѣры. вѣку сердца. Теперь я хожу въ церковь и слушаю великую пѣснь минувшихъ временъ съ совершенно инымъ настроеніемъ, чѣмъ прежде. Теперь я могу примкнуть къ этому пѣнію; это моя пѣснь столько-же. какъ и моихъ предковъ.

Но всего лучше чувствую я себя въ католической церкви, гдѣ звучатъ настоящія старинныя церковныя пѣсни и гдѣ горитъ вѣчный свѣтъ у подножія украшеннаго цвѣтами алтаря Мадонны.

Ты, чистая, святая и въ то же время способная все понять, Ты, благословенная среди женщинъ; Ты—Дѣва-Матерь,—Тебѣ хочу я поклоняться на ряду съ Твоимъ Сыномъ! Только та религія и есть истинная религія, которая воздвигаетъ алтарь также и передъ женщиной—передъ Святою Дѣвою и Святою Матерью,—передъ трижды Святою Дѣвой-Матерью.

* * *

«Онъ» больше ужъ не преслѣдуетъ меня. Онъ исчезъ, какъ будто новый мой врачъ, загипнотизировавъ его, приказалъ ему скрыться.

Человѣка, что былъ «весь въ черномъ», сегодня я опять видѣлъ... у пастора Лехена. Это былъ самый осязаемый и очень интеллигентный человѣкъ; зовутъ его пасторъ Гولькъ, и я собираюсь хорошенько потолковать съ нимъ. Онъ торопился на засѣданіе съ фрю Рюенъ и съ нѣкоторыми другими дамами, состоящими въ «обществѣ пропитанія бѣдныхъ дѣтей въ народныхъ школахъ»; я тутъ же просилъ его записать меня въ члены этого общества.

* * *

Мнѣ предстоитъ еще одинъ тяжелый шагъ. Тогда только почувствую я себя вполнѣ сыномъ новаго времени. когда я окончательно порву со всѣмъ старымъ.

Мнѣ надо еще одинъ разъ сходить къ Георгу Іонатану.

ГЛАВА XLI.

Не безъ нѣкотораго волненія сѣлъ я сегодня на свое старое мѣсто въ кабинетѣ Георга Іонатана, на Университетской улицѣ.

Онъ былъ все тотъ-же. И когда сидѣлъ я тамъ, смотрѣлъ на него и слушалъ, мнѣ стало почти непонятно, какъ это я такъ долго могъ поддерживать эту дружбу.

Это надутое, самодовольное, самонадѣянное существо... Великій Боже, чего только не вообразятъ о себѣ люди.

И потомъ это его удивительное дурачество, къ которому самъ онъ относится лишь на половину иронически... Онъ желаетъ даже выдать себя за (незаконнаго) сына какого-то англійскаго лорда... Вслѣдствіе этого все у него должно быть на англійскій манеръ. Длинныя, рыжеватыя бакенбарды, сильно напомаженные волосы съ проборомъ напереди и на затылкѣ; бѣлыя, полныя, замѣчательно выхоленныя руки; вѣчный сѣрый костюмъ англичанъ и шапка спортсмена; негнущаяся спина и дѣланно-равнодушная, увѣнчанная моноклемъ физіономія... въ сущности, все его существо, какъ внѣшней, такъ и внутренней своей стороной, мнѣ совершенно антипатично.

Онъ посвятилъ доктору Кволе нѣсколько дружескихъ, притворно-равнодушныхъ словъ: потомъ вошла хозяйка дома съ кофе. Я обмѣнялся съ нею обычными фразами: затѣмъ онъ спросилъ: «каково обстояли въ настоящую минуту дѣла по части дополненій?»—Я поблагодарилъ: «я собственно говоря совершенно утратилъ вкусъ къ подобнаго рода удовольствіямъ, но всегда готовъ выпить рюмку ликеру».

Не прошло и минуты, какъ онъ уже по уши сидѣлъ въ «обществѣ будущаго». Я готовъ сказать почти съ увѣренностью, что онъ вѣроятно давно уже не имѣлъ случая «послушать рѣчей Георга Іонатана».

— Вы не имѣете, напримѣръ,—говорилъ онъ,—никакого представленія о томъ, какой видъ примутъ будущія вечернія собранія.—И онъ сталъ разсказывать, какъ гости, по окончаніи царскаго ужина—по 50 оръ съ персоны, «считая тутъ-же сервизъ и вина»,—за кофе получатъ въ руки «Программу вечернихъ удовольствій», которая, переведенная на современный языкъ, приблизительно будетъ состоять въ слѣдующемъ:

Théâtre français: Скупой.

Grand Opéra: Донъ-Жуанъ.

Opera comique: Севильскій Цирульникъ.

Théâtre d'Eden: Балетъ.

Circus Renz: Пышное представленіе.

St. Peterskirken. Торжественная вечерняя служба съ процессіями.

Houseof Commons: Вечернее засѣданіе: торжественная рѣчь Гладстона.

Philharmonie: Концертъ Бюлова.

и т. д. и т. д.

«Потомъ является любезный хозяинъ и спрашиваетъ каждаго по очереди: нашли-ли вы себѣ что нибудь по вкусу? Какую пьесу желаете вы видѣть? Какую оперу желаете вы слышать?—Затѣмъ каждый усаживается у своего телефона и передъ своей ширмочкой—вы понимаете: передъ пластинкой, воспринимающей моментальные фоторгафическіе отпечатки соотвѣтствующей пьесы, такъ что гости не только слышатъ, что говорится, но также и видятъ все, что происходитъ, каждое движеніе, игру физіономіи... Въ антракты прогуливаются и обмѣниваются впечатлѣніями. Одинъ восхищается испанской танцовщицей въ Théatre d'Eden, между тѣмъ, какъ другой умираетъ отъ восторга надъ рѣчью Гладстона... Вотъ, какъ будутъ проводить свободное время!»

Я улыбнулся.

— Такимъ образомъ, вы полагаете, что счастье можетъ быть достигнуто внѣшними средствами?—спросилъ я.

— Счастье? На что намъ счастье?—заговорилъ онъ.—Вѣдь счастье есть ничто иное, какъ скука; счастье заключается во снѣ или смерти. Я не могу представить себѣ ничего болѣе безнадежнаго, какъ чувствовать себя счастливымъ. Я исхожу изъ того, что люди всегда должны быть нѣсколько неудовлетворены, чтобы они всегда имѣли основаніе для стремленія впередъ. Нѣтъ, жизнь должна быть только человѣчна, не болѣе, какъ достойна человѣка. Всѣ эти мелкія прозаическія губительныя будничныя заботы должны быть устранены—для того, чтобы нашлось время и мѣсто для великой скорби, какъ, напримѣръ, скорбь Юліи и Ромео, разочарованіе Гамлета или Фауста...

— А что сдѣлаете вы для нихъ,—для этихъ дошедшихъ до отчаянія людей?

— Для нихъ у насъ будетъ только тризна.

Я всталъ; минута наступила.

— Я совершенно равнодушенъ ко всему этому притворному разочарованію,—заговорилъ я,—на натуры болѣе глубокія, болѣе тонкія всѣ эти фантазіи нагоняютъ только скуку.

Онъ тоже поднялся съ своего стула, сталъ со мною лицомъ къ лицу и пристально устремилъ на меня глаза, въ которыхъ провидѣлъ я нѣчто сатанинское.

— Я это предчувствовалъ,—сказалъ онъ.—И такъ, вы не хотите участвовать въ моей газетѣ?

— Нѣтъ!

— Вы переходите на сторону поповъ?

— Я вырвался на свободу,—отвѣчалъ я.—Я отказываюсь отъ всѣхъ старыхъ фразъ: я ищу умиротворенія для души тамъ, гдѣ его можно найти.

— И такъ, все таки...—пробормоталъ онъ.

— Прощайте!—сказалъ я и хотѣлъ уйти. Онъ преградилъ мнѣ путь.

— Я считалъ васъ человѣкомъ,—продолжалъ онъ, съ твердымъ намѣреніемъ дать исходъ своей желчи,—однимъ изъ тѣхъ, что хотя и гнутся, но не подламываются окончательно. И такъ, вы все-таки оказались черезъ-чуръ слабодушны; вашъ спинной мозгъ обнаружилъ опасные симптомы. Fin du siècle; agonie de la bourgeoisie... Это огорчаетъ меня, Грамъ. Но такъ ужъ суждено. Усталые духомъ обращаются къ пасторамъ. Прощайте.

— Я склонился,—отвѣчалъ я,—потому что я не хотѣлъ подломиться. Идите и сдѣлайте тоже. Прощайте.

Я вышелъ. За собою услыхалъ я смѣхъ Георга Іонатана. Мнѣ казалось, что онъ донесся до меня изъ преисподней.

КОНЕЦЪ.

Переписка Адріенны Ле-Кувреръ.

«Есть имена вѣчно живыя, есть люди, о которыхъ всегда можно говорить, какъ о современныхъ намъ, пишетъ Сентъ-Бевъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ, посвященномъ Адріеннѣ Ле-Кувреръ. Произнесите имя Элоизы, Ла-Вольфъ—всякій знаетъ ихъ и всякій интересуется услышать о нихъ еще что-нибудь. Всѣ желаютъ, всѣ надѣются узнать о нихъ что-нибудь новое. Романтическая, полная страсти, преданности, нѣжности судьба, трогательное страданіе—вотъ что привязываетъ насъ къ этимъ поэтическимъ фигурамъ, что дѣлаетъ ихъ вѣчно юными въ нашемъ воображеніи. Вокругъ ихъ именъ слагается неумирающая легенда... То-же самое можно сказать и объ Адріеннѣ Ле-Кувреръ. Причины такого обаянія ея для потомства довольно сложны. Она первая актриса Франціи, соединявшая сценическую славу съ уваженіемъ общества. Она была любима блистательнѣйшимъ воиномъ своего времени. Она вдохновила величайшаго поэта эпохи на его трогательнѣйшую элегію. Общественный скандалъ, вызванный отказомъ въ погребеніи ея праха, трагическое объясненіе и ужасное подозрѣніе, связанное съ ея смертью, придаютъ ея кончинѣ таинственный интересъ, дѣлаютъ изъ нея жертву, за которую невольно хочется отмстить и которую нельзя не полюбить».

Адріенна Ле-Кувреръ принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ личностей, нравственный образъ которыхъ не только не исчезаетъ съ ихъ смертью, но какъ-бы еще рельефнѣе выступаетъ въ душѣ всѣхъ близкихъ людей. Память о ней была такъ дорога́ всѣмъ знавшимъ и любившимъ ее, воспоминаніе о ней вызывало въ нихъ столько нѣжности и глубокаго сожалѣнія объ утратѣ ея, что у нихъ явилось желаніе возстановить для потомства ея образъ во всей его полнотѣ, возбудить въ другихъ то чувство глубокой симпатіи къ ней, которое она съумѣла внушить имъ самимъ.

Съ этою цѣлью друзья ея рѣшились собрать и выпустить въ свѣтъ всѣ ея письма и, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ ея смерти, рукописныя копіи съ нихъ ходили по рукамъ въ обществѣ.

Однако ни одно изъ писемъ Адріенны Ле-Кувреръ не было напечатано раньше 1775 года. Съ этихъ поръ отдѣльныя письма и записки не разъ появлялись въ сборникахъ автографовъ; но только недавно, благодаря терпѣнію и труду г. Монваля, вышло въ свѣтъ первое изданіе всей ея переписки.

Читая эти письма, можно легко убѣдиться, что она не имѣла въ виду сдѣлать ихъ достояніемъ общества. Въ нихъ чувствуется простота и естественность, полное отсутствіе обдуманности или дѣланности, бьющей на эффектъ.

Въ одномъ изъ нихъ она такъ прямо и говоритъ:

«Почему вы не рѣшились написать мнѣ о себѣ? Развѣ мы пишемъ письма съ тѣмъ, чтобы печатать ихъ? Но, если вы руководствуетесь подобными неосновательными опасеніями, то какъ-же должна поступать я, бѣдная? Впрочемъ, я могу сообщить вамъ свои правила. Когда я желаю написать кому-нибудь изъ своихъ друзей, то никогда не думаю о томъ, достаточно-ли я умна для этого. Мною руководитъ мое сердце; я поступаю такъ, какъ оно велитъ мнѣ, а мнѣ никогда не приходилось сожалѣть объ этомъ».

Дѣйствительно, переписку со своими друзьями она вела очень охотно и совершенно свободно. Въ ея письмахъ, безукоризненныхъ по формѣ, отражалась вся ея внутренняя жизнь. Полныя довѣрчивой искренности, правдивости и женственной мягкости, они представляютъ большой психологическій интересъ и богатый матерьялъ для возстановленія ея нравственнаго облика. Ея изящная натура, ея чуткая, тонко развитая душа до конца оставалась чуждой мелочныхъ интересовъ и вульгарныхъ пріемовъ, столь обычныхъ въ средѣ артистовъ и, читая ея письма, съ трудомъ можно представить себѣ, что она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ на современной ей сценѣ. Но ей не были чужды тревоги и волненія, неизбѣжно встрѣчающіяся на этомъ трудномъ поприщѣ, и рядомъ со свѣтлыми сторонами ея внутренней жизни рельефно выступаютъ моменты борьбы и разочарованій.

Чтобы понять переписку Адріенны, чтобы придать истинный смыслъ всѣмъ оттѣнкамъ ея чувствъ и настроеній, свободно переливающихся въ легкихъ и тонкихъ изгибахъ ея письменной рѣчи, надо знать ея біографію, представить себѣ весь тяжелый пройденный ею путь. Большой біографическій очеркъ Монваля, предшествующій обнародованной имъ перепискѣ Адріенны *), и вызванная появленіемъ «Переписки» въ печати

*) «Lettres de Adrienne Le Couvreur», réunies pour la première fois et publiées, avec notes, etc. par Georges Monval. Paris, éditeur.

статья Мориса Палеолога *) даютъ достаточно свѣжихъ матеріаловъ для воспроизведенія ея біографіи.

Адріенна Ле-Кувреръ родилась 5-го апрѣля 1692 г. въ Дамери, въ Шампонѣ около Эперне. Ея отецъ, бывшій шляпочникомъ, вскорѣ послѣ ея рожденія переѣхалъ со всей семьей въ Фазмы, мѣстечко между Реймсомъ и Суассономъ, а десять лѣтъ спустя поселился въ Парижѣ въ предмѣстьи Сенъ-Жерменъ, недалеко отъ Comédie Française. Адріенна уже въ раннемъ дѣтствѣ проявляла до нѣкоторой степени склонность къ драматическому искусству.

«Нѣсколько человѣкъ изъ жителей Фазмъ—говоритъ аббатъ д'Алленваль—передавали мнѣ, что, еще будучи ребенкомъ, Адріенна Ле-Кувреръ очень любила декламировать стихи и что они часто приглашали ее къ себѣ, чтобы слышать ее». Но драматическій талантъ ея вполнѣ опредѣлился только по пріѣздѣ ея отца въ Парижъ, благодаря участію ея въ представленіи драмы Корнеля «Поліэвкта», организованномъ молодыми людьми квартала Темпль. Она играла роль Полины, и публика была поражена вѣрностью взятаго ею тона, глубиною чувства, съ которымъ она передавала душевное состояніе женщины, желающей оставаться вѣрной женой, и въ то-же время борящейся съ воспоминаніями о своей первой любви. Заинтересованный рано развившимся талантомъ молоденькой дѣвушки, одинъ изъ членовъ общества Comédie Française, Легранъ, взялся руководить ея игрою; онъ далъ Адріеннѣ возможность выступать на частныхъ сценахъ и вскорѣ выхлопоталъ ей мѣсто на сценѣ театра въ Лиллѣ.

Съ этихъ поръ началась для Адріенны скитальческая жизнь провинціальной актрисы со всѣми ея печальными сторонами, съ ея вульгарной средой и банальными приключеніями. Въ продолженіе десяти лѣтъ она переѣзжала изъ города въ городъ, играла на всѣхъ сценахъ и, совершенствуясь такимъ образомъ въ своемъ искусствѣ, въ то-же время знакомилась съ жизнью.

Первый дебютъ Адріенны на сценѣ Comédie française состоялся 14 мая 1717 г., когда ей было двадцать пять лѣтъ отъ роду. Она выступила въ Электрѣ Кребильона и съ перваго-же раза имѣла громадный успѣхъ. Особенности ея игры поразили и увлекли публику. «Быть можетъ, никогда ни одинъ дебютъ ни въ какомъ театрѣ не былъ болѣе блестящимъ, пишетъ о ней современникъ ея, аббатъ д'Алленваль. Тринадцать лѣтъ ея пребыванія на сценѣ Comédie française были для нея непрерывной борьбой со старой школой игры и рядомъ тріумфовъ передъ публикой. Задолго до литературной проповѣди реализма и натурализма, она объявила войну ложно-классическимъ пріемамъ театральнаго

*) Maurice Paléologue. «Adrienne Le Couvreur d'après sa correspondance». Revue de Paris. 1895, № 2.

искусства и, слѣдуя указаніямъ своей правдивой природы, придавала исполняемымъ ролямъ характеръ человѣчности и искренности, который былъ чуждъ героинямъ Расина и Корнеля въ изображеніи другихъ актрисъ. Со страстью и необычайнымъ вдохновеніемъ отдавалась она своему искусству въ то время, какъ вокругъ нея кипѣли зависть, интриги, вражда побѣжденныхъ соперницъ.

Среда, въ которой ей пришлось почти съ самаго дѣтства проводить свою жизнь, не помѣшала ей сохранить оригинальность нравственнаго склада, глубину и чуткость души; она сторонилась ото всего, что шокировало ее, оскорбляло ея лучшія чувства и только углублялась въ себя, развиваясь незамѣтно для другихъ и пріобрѣтая еще болѣе изящества и внутренней красоты.

Авторъ «Историческихъ писемъ» писалъ о ней въ 1719 г. слѣдующее: «она невысока ростомъ, но прекрасно сложена, необыкновенно граціозна и носитъ на себѣ отпечатокъ замѣчательнаго благородства, что очень располагаетъ въ ея пользу». Сохранившіеся портреты изображаютъ ее стройной, съ изящной головкой, съ высокимъ лбомъ, тонкимъ носомъ и красиво очерченнымъ ртомъ. Но правильныя, благородныя черты ея лица казались еще болѣе прекрасными при взглядѣ ея горящихъ, выразительныхъ глазъ, которые свѣтились внутреннимъ свѣтомъ, отражая малѣйшее движеніе души. Сочетаніе ея тонкой, изящной натуры съ внѣшней красотой дѣлало ее неотразимо обаятельной и, будучи еще совсѣмъ молоденькой дѣвочкой, она увлекала другихъ, увлекаясь и сама. Не помня разочарованій, не думая о возможныхъ послѣдствіяхъ, она отдавалась со всею силою и беззавѣтностью своей глубокой, страстной души. Въ 1710 г., когда ей было только 18 лѣтъ, у нея уже родилась дочь, отцомъ которой былъ, по всей вѣроятности, офицеръ, служащій при герцогѣ Лотарингскомъ, по имени Филиппъ Ле-Руа или, что вѣрнѣе, довольно выдающійся актеръ того времени, Клавель, къ которому адресованы два первыя письма въ сборникѣ, изданномъ Монваломъ.

Но отношенія съ нимъ Адріенны продолжались недолго. Черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ довольно продолжительнаго періода внутренняго спокойствія, она сошлась съ Франсуа Клинглиномъ, сыномъ страсбургскаго имперскаго претора, перваго сановника города. Черезъ годъ у нея родилась вторая дочь и почти въ то-же время Франсуа Клинглинъ покинулъ ее, по настоянію родителей, чтобы сдѣлать выгодную партію.

Эти и предшествовавшія имъ отношенія,—вспышки недолгой и ненадежной страсти, оставили въ душѣ Адріенны чувство неудовлетворенной потребности въ глубокой и искренней привязанности. Среди ея многочисленныхъ поклонниковъ встрѣчались люди самыхъ разнообразныхъ типовъ, люди съ различными требованіями, съ различнымъ отношеніемъ къ жизни. Но въ числѣ ихъ не было человѣка, способнаго дать ей то высокое

и свѣтлое счастье, котораго она искала въ любви. А между тѣмъ потребность въ любви оставалась до конца жизни самой насущной потребностью ея души. «Стоитъ-ли жить безъ любви!..» писала она одному изъ своихъ друзей. И у нея это не пустыя слова, она писала такъ, какъ думала и чувствовала; а ея чувство было всегда глубоко и напряженно.

Она могла ошибаться въ людяхъ, которыхъ любила, но не могла любить безъ достаточныхъ внутреннихъ побужденій; она требовала отъ отношеній внутренняго содержанія, привязанности и уваженія, основанныхъ на взаимномъ пониманіи. И ея серьезное пониманіе любви, взаимныхъ отношеній между мужчиной и женщиной—ставило ее несравненно выше обыкновеннаго нравственнаго уровня современныхъ ей женщинъ.

Но отношенія такого рода слишкомъ много заставляли ее страдать. Она испытала одно изъ самыхъ тяжелыхъ для любящаго и гордаго существа униженій,—униженіе быть покинутой, какъ предметъ минутнаго каприза; между тѣмъ, какъ она, отдаваясь любимому человѣку, мечтала о соединеніи съ нимъ на всю жизнь. Сознаніе того, что она такъ часто ошибалась въ себѣ и въ другихъ, что она являлась такой легковѣрной и слабой, причиняло ей жестокое страданіе.

Вполнѣ искренно, безъ всякой рисовки она давала себѣ слово никогда больше не любить. «Есть очень пріятныя заблужденія, пишетъ она, которымъ я уже не могу больше отдаваться. Знакомство съ жизнью и людьми досталось мнѣ цѣною слишкомъ тяжелыхъ испытаній». Эти тяжелыя испытанія оставили глубокіе слѣды въ ея душѣ; она ощущала почти постоянное опасеніе ошибиться, услышать слово ироніи или увидѣть скептическую улыбку въ отвѣтъ на горячій порывъ своей довѣрчивой души. «Не обѣщайте мнѣ ничего, писала она, чего-бы вы не желали исполнить. Если-бы даже вы обѣщали возненавидѣть меня, то, кажется, мнѣ было-бы легче видѣть ваше обѣщаніе исполненнымъ, чѣмъ оказаться обманутой въ немъ». Въ другомъ мѣстѣ она пишетъ: «Что за мученіе вѣчно сомнѣваться». А обращаясь къ одному молодому человѣку, она говоритъ: «Пожелайте, чтобъ женщина, которую вы полюбите, имѣла юное сердце; чтобъ она еще не потеряла довѣріе къ людямъ, которое придаетъ всему столько красоты, чтобъ ей еще не приходилось быть обманутой или покинутой, чтобъ она вѣрила въ васъ и всѣхъ мужчинъ считала такими, какъ вы».

Однако, разочарованія и ошибки, отражавшіяся на ея внутренней жизни, не могли уничтожить въ ней страстной потребности въ глубокой, искренней привязанности. Адріенна попрежнему искала людей, способныхъ удовлетворить ея нравственнымъ требованіямъ. Жизнь сталкивала ее порою съ людьми, достойными ея вниманія; но, слагаясь подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ею испытаній, ея новыя отношенія съ людьми принимали характеръ спокойной дружбы. Въ этихъ простыхъ друже-

скихъ отношеніяхъ она нашла то удовлетвореніе. котораго до тѣхъ поръ напрасно искала въ любви. Она умѣла придать этимъ отношеніямъ оттѣнокъ изящества и внутренней красоты, не допускающей никакой двусмысленности или банальной безсодержательности. Совершенное отсутствіе кокетства въ обращеніи съ друзьями давало ей возможность открыто выражать имъ безграничное довѣріе и преданность. Всѣ знавшіе ее единодушно признавали, что имъ не приходилось встрѣчать женщины, способной вносить столько искренности и прямоты въ свои отношенія съ мужчинами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она любила каждаго изъ своихъ друзей такъ, какъ если-бы онъ былъ ея единственнымъ или лучшимъ другомъ, создавая такимъ образомъ совершенно исключительныя отношенія, не похожія ни на обыкновенную дружбу, ни на страстную любовь. Съ рѣдкимъ тактомъ и тонкою предусмотрительностью, пріобрѣтенными цѣною горькаго опыта, она поддерживала эти отношенія въ томъ видѣ, въ какомъ они наиболѣе удовлетворяли ее, заботливо ухаживая за своими друзьями, всячески стараясь сохранить, удержать ихъ привязанность. Она находила всегда новый интересъ въ общеніи съ ними, и чуткая ея душа глубоко и живо воспринимала впечатлѣнія, которыя она получала отъ этого общенія. За то въ общеніи съ нею находили удовольствіе самые различные люди. Однимъ изъ первыхъ ея друзей былъ Вольтеръ. Онъ сразу обратилъ на нее вниманіе и оцѣнилъ всю красоту ея нравственнаго склада. Позднѣе, уже послѣ смерти Адріенны, онъ писалъ въ письмѣ къ Тіеріо: «J'étois son admirateur, son ami, son amant». Нужно-ли понимать въ буквальномъ смыслѣ слова «son amant», остается невыясненнымъ, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что Адріенна имѣла въ немъ одного изъ самыхъ преданныхъ и надежныхъ друзей. До конца ея жизни онъ былъ нѣжно привязанъ къ ней и постоянно говорилъ ей о дружбѣ, которой было полно его сердце.

Но, умѣя поддерживать въ другихъ такую привязанность къ себѣ, она и сама оставалась вѣрной всѣмъ своимъ друзьямъ до самой смерти. Проявленіемъ этого рода преданности можетъ служить письмо ея къ маркизу де-ла-Шалотэ, написанное незадолго до ея смерти. Онъ полюбилъ ее пылкою, бурною любовью, но мало-по-малу она достигла того, что любовь его смѣнилась дружбой. Потомъ ему пришлось уѣхать, онъ женился и занялъ видное мѣсто главнаго адвоката въ бретонскомъ парламентѣ. Вотъ что она писала ему: «Я получила дань, которую, благодаря вашему дружескому расположенію, получаю каждый годъ въ посту. Очень жалѣю, что вы удостоиваете меня проявленіемъ своей памяти только одинъ разъ въ годъ и только по такому случаю, но безконечно радуюсь, что она все-таки живетъ въ васъ, несмотря на продолжительность вашего отсутствія и невозможность скораго свиданія. Что касается меня, то я очень постоянна въ своихъ отношеніяхъ къ такимъ друзьямъ,

какъ вы и, еслибы намъ предстояло прожить сто лѣтъ на такомъ-же далекомъ разстояніи другъ отъ друга, я-бы все-таки не забыла васъ. Теперь вы обременены должностью, которая, болѣе чѣмъ когда-либо, привяжетъ васъ къ вашей Бретани и, если я только сама не пріѣду къ вамъ, мнѣ ужъ не придется больше видѣть моего маленькаго аббата. Можетъ быть, мнѣ не подобаетъ называть такъ человѣка, столь высоко поднявшагося посредствомъ брака и служебныхъ заслугъ. Въ такомъ случаѣ, смиренно прошу прощенія у васъ, вашей супруги и у вашего новаго сана. Но могу васъ увѣрить, что мой маленькій, молоденькій аббатъ, умный, изящный и скромный, былъ не менѣе уважаемъ мною, чѣмъ г. маркизъ де-ла-Шалотэ, отецъ семейства и главный адвокатъ бретонскаго парламента. Всѣ эти званія нисколько не импонируютъ мнѣ и, какъ мнѣ кажется, даютъ мнѣ право говорить съ вами даже болѣе просто и откровенно, чѣмъ это было возможно для насъ въ ранней молодости и при полной свободѣ. Послѣ десяти или двадцати-лѣтняго знакомства и въ виду привязанности, которая устояла противъ разлуки, и мы можемъ говорить такъ безъ опасеній кого-либо шокировать этимъ. И такъ, увѣряю васъ, что люблю васъ не менѣе, чѣмъ уважаю, шлю вамъ самыя лучшія пожеланія во всемъ, что васъ касается, и прошу васъ и на будущее время сохранить обо мнѣ память и даже болѣе».

Еще болѣе нѣжнымъ и полнымъ чувствомъ она была связана съ Шарлемъ де-Ферріалемъ-д'Аржанталь. Началомъ ихъ отношеній такъ-же, какъ и съ маркизомъ де-ла-Шалотэ, была страстная любовь къ ней еще совсѣмъ молоденькаго д'Аржанталя. Еще подавленная впечатлѣніями своихъ первыхъ любовныхъ испытаній и въ то-же время тронутая искренностью и глубиною его чувства, она предложила ему вмѣсто любви свое расположеніе и дружбу. Предложеніе ея сначала не удовлетворило д'Аржанталя, но, рѣшившись вылѣчить его отъ страсти, она съ рѣдкимъ терпѣніемъ, изобрѣтательностью и изяществомъ, съумѣла довести до конца задуманный планъ.

«Можетъ-ли быть,—писала она ему,—чтобы вы, съ вашимъ умомъ, настолько не умѣли владѣть собой? Что вамъ за охота подвергать меня непріятностямъ, чтобы не сказать болѣе? Мнѣ очень совѣстно ссориться съ вами въ то время, какъ я чувствую такую жалость къ вамъ, но вы вызываете меня на это. Прощайте, доброе дитя! Вы приводите меня въ отчаяніе».

Но доказательство ея искренняго и серьезнаго расположенія къ нему не ограничивалось одними совѣтами и увѣщаніями. Узнавъ, что мать д'Аржанталя, безпокоясь за сына, имѣетъ намѣреніе удалить его изъ Парижа и отправить на острова св. Доминика, Адріэнна рѣшилась пойти къ ней, чтобы разубѣдить ее въ необходимости такихъ мѣръ. Оказанный ей холодный пріемъ помѣшалъ ей говорить такъ, какъ она хо-

тѣла, но, не отказываясь отъ своего плана, она написала m-me де-Феррiаль слѣдующее письмо:

«Милостивая Государыня! Съ глубокимъ огорченіемъ узнала я о безпокойствѣ, въ которомъ вы находитесь, и о тѣхъ намѣреніяхъ, къ которымъ это безпокойство привело васъ. Я-бы могла прибавить, что не менѣе огорченія доставляетъ мнѣ сознаніе того, что вы порицаете мое поведеніе; но я пишу вамъ не съ цѣлью оправдывать свое поведеніе, а съ цѣлью сообщить вамъ, что въ будущемъ во всемъ, что касается интересующаго васъ вопроса, оно будетъ находиться въ зависимости отъ вашего предписанія. Во вторникъ я просила позволенія посѣтить васъ, въ надеждѣ поговорить съ вами вполнѣ искренно и узнать, какъ я должна поступать. Вашъ пріемъ лишилъ меня этой возможности, и я почувствовала смущеніе и грусть. Но тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы вы вѣрно поняли мои чувства и—позвольте сказать вамъ еще болѣе—чтобы вы удостоили принять во вниманіе мои смиренные совѣты, если не хотите окончательно потерять вашего сына. Это самое почтительное дитя и, въ то-же время, самый честный человѣкъ, какого мнѣ приходилось видѣть когда-либо въ жизни. Вы-бы удивлялись ему, если-бы онъ не былъ вашимъ собственнымъ сыномъ. Еще разъ прошу васъ соединиться со мною, чтобы попытаться искоренить въ немъ слабость, которая васъ такъ раздражаетъ и въ существованіи которой я неповинна, хотя вы этому и не вѣрите. Не проявляйте по отношенію къ нему ни презрѣнія, ни досады. Несмотря на мою нѣжную дружбу и уваженіе къ нему, я готова скорѣй возбудить къ себѣ его ненависть, чѣмъ хоть сколько-нибудь способствовать тому, чтобы онъ оказался виноватымъ передъ вами. Вы слишкомъ заинтересованы въ его выздоровленіи, чтобы не приложить всѣхъ стараній къ достиженію этой цѣли; но въ то-же время слишкомъ заинтересованная въ этомъ, вы не въ состояніи добиться чего-нибудь собственными силами, ссылаясь на свой авторитетъ или представляя меня въ невыгодномъ свѣтѣ, даже если-бы ваше представленіе обо мнѣ было справедливо. Его чувство должно быть исключительнымъ по своей силѣ, чтобъ оно могло устоять такъ долго, безъ всякой надежды на взаимность, несмотря и на огорченія, и на тѣ путешествія, которыя вы заставляли его предпринимать, и на то, что онъ жилъ въ Парижѣ восемь мѣсяцевъ, не видя меня, по крайней мѣрѣ въ моемъ домѣ, и не зная, приму-ли я его у себя когда-либо въ жизни... Легко повѣрить, что его отношеніе было-бы мнѣ чрезвычайно пріятно, если-бы не эта несчастная страсть, которая удивляетъ меня и которой я не хочу злоупотреблять. Вы боитесь, что, имѣя возможность видѣть меня, онъ будетъ отвлекаться отъ своихъ обязанностей, и это опасеніе заставляетъ васъ принимать противъ него рѣшительныя мѣры. Но было-бы несправедливо сдѣлать его несчастнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не при-

бавляйте ничего къ моей несправедливости; постарайтесь лучше вознаградить его чѣмъ-нибудь. Возбуждайте въ немъ какія хотите чувства по отношенію ко мнѣ, но пусть ваша доброта будетъ поддержкой для него. Я напишу ему все, что вы пожелаете; я откажусь видѣть его когда-либо впродолженіи моей жизни, если вы этого пожелаете, я даже уѣду въ деревню, если вы найдете это необходимымъ. Но не грозите ему послать его на край свѣта. Онъ можетъ быть полезенъ отечеству, онъ можетъ стать утѣшеніемъ своихъ близкихъ, онъ доставитъ вамъ удовлетвореніе и славу. Вамъ нужно только руководить его способностями и оставить развиваться на свободѣ всѣ лучшія стороны его души. Забудьте на время, что вы его мать, если это можетъ помѣшать вамъ исполнить то, о чемъ я умоляю васъ ради него. Однимъ словомъ, я скорѣе лишу себя жизни или отвѣчу ему взаимностью, чѣмъ соглашусь видѣть, что онъ страдаетъ, и быть причиной его страданія».

Существованіе этого письма, полнаго благородной гордости и безукоризненнаго по тону, оставалось неизвѣстнымъ д'Аржанталю. Онъ узналъ о немъ только полъ-вѣка спустя, найдя его случайно среди старыхъ семейныхъ писемъ. Но Адріенна съумѣла мало-по-малу превратить его отношеніе къ себѣ въ чувство дружбы, и въ этомъ чувствѣ онъ нашелъ удовлетвореніе и поддержку. Она не скрывала отъ него, какую цѣну придавала его привязанности: «Будьте всегда по прежнему благоразумны и не переставайте никогда любить меня, писала она ему. Мое отношеніе къ вамъ стóитъ самой сильной и бурной страсти». И дѣйствительно, ея отношеніе къ нему было исключительнымъ. Она дѣлилась съ нимъ всѣми своими завѣтными мыслями и обращалась къ нему въ минуты грусти, сомнѣній и разочарованій, съ которыми ей еще много разъ приходилось встрѣчаться на жизненномъ пути.

Въ 1721 году совершенно новая эпоха началась въ жизни Адріенны. Она встрѣтила графа Морица Саксонскаго, и съ первой-же минуты онъ очаровалъ и покорилъ ее. Она полюбила его такъ глубоко и страстно, какъ никого никогда еще не любила. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она снова потеряла свой внутренній миръ; она уже не знала больше покоя, и къ ея счастью примѣшивалось всегда чувство опасенія и тревоги. Ея отношеніе къ нему сложилось совершенно иначе, чѣмъ слагались всѣ ея прежнія отношенія; между ними не было и не могло быть той внутренней связи, которой она искала всегда во всѣхъ отношеніяхъ. Трудно себѣ представить людей болѣе различныхъ по складу. Даже наружность его представляла полный контрастъ съ ея изящными формами и тонкими чертами. Онъ былъ необыкновенно крѣпкаго сложенія и проявлялъ замѣчательную силу и выносливость въ физическихъ упражненіяхъ, которыми всегда увлекался. А его рѣзкія манеры и нелюдимый нравъ были причиной того, что въ парижскомъ обществѣ его прозвали

«дикимъ кабаномъ». Сладострастный, но полный скептицизма, неудержимый въ исполненіи своихъ желаній, способный даже на жестокость въ пылу страсти, онъ соединялъ въ себѣ черты, унаслѣдованныя отъ отца съ манерами свѣтскаго франта временъ регенства. Онъ искалъ наслажденія во всѣхъ его проявленіяхъ, но вполнѣ удовлетворялся только однимъ:—сознаніемъ своей силы и власти, какъ надъ женщинами, такъ и надъ мужчинами. Но даже въ проявленіи худшихъ сторонъ его натуры проглядывало нѣчто царственное, и подъ легкомысленною внѣшностью блазированнаго человѣка Адріенна сразу угадала величіе характера и выдающіяся дарованія, которыя ему суждено было проявить только двадцать-пять лѣтъ спустя на поляхъ Фонтэнэ, Року и Лоуфельдъ. Понятно, что возможность имѣть благотворное вліяніе на подобнаго человѣка не могла не подѣйствовать на легко увлекающуюся Адріенну. Въ свою очередь онъ почувствовалъ, что она поняла его, пробудила въ немъ стремленіе къ героизму и къ совершенствованію, которое таилось въ глубинѣ его души и, не находя разумнаго проявленія, терялось среди легкомысленной и распущенной жизни. Благодаря Адріеннѣ, онъ получилъ болѣе вѣрное представленіе о своихъ духовныхъ силахъ. Она съумѣла подчинить его своему вліянію, не заставляя страдать его гордость. Съ свойственною ей страстностью и пылкостью воображенія, она сама преклонялась передъ тѣми внутренними силами, которыя сразу угадала въ немъ, несмотря на грубую внѣшность, и не задумываясь жертвовала ему всѣмъ, чѣмъ могла. Извѣстно, съ какимъ горделивымъ чувствомъ она поощряла его въ стремленіи получить корону герцога курляндскаго и съ какою готовностью отдала въ его распоряженіе все свое состояніе, несмотря на то, что удача этого предпріятія была связана съ возможностью женитьбы Мориса на одной изъ русскихъ царевенъ. Но не менѣе вниманія заслуживаетъ тотъ здравый смыслъ и смѣлость Адріэнны, о которыхъ даетъ возможность судить недавно изданная ея переписка. Эти письма къ Морису поражаютъ вѣрностью взгляда, хладнокровіемъ и рѣдкой способностью судить о людяхъ и событіяхъ. Любовь сдѣлала изъ этой нѣжной женщины необыкновенную совѣтницу въ самыхъ трудныхъ политическихъ и дипломатическихъ замыслахъ и планахъ.

Цѣлыхъ три года продолжалось отсутствіе Морица ради осуществленія этихъ замысловъ. Невозможно предположить, чтобъ впродолженіе всего этого времени онъ оставался вѣренъ Адріеннѣ. Тѣмъ не менѣе, среди самыхъ запутанныхъ интригъ и разнообразныхъ приключеній, онъ вспоминалъ о ней и нерѣдко писалъ ей короткія, но нѣжныя письма.

Въ октябрѣ 1728 года онъ вернулся въ Парижъ. Въ тотъ-же вечеръ онъ былъ у Адріенны и отношенія ихъ сразу приняли прежній характеръ. Но въ это время онъ переживалъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній въ своей жизни. Онъ не могъ помириться съ неудачею, кото-

рой закончилось его предпріятіе въ Курляндіи и не зналъ, какъ примѣнить свои силы. Онъ пробовалъ заниматься математикой, военнымъ искусствомъ и сочиненіемъ своихъ «Rêveries». Но, несмотря на это, будущее рисовалось ему въ мрачныхъ краскахъ и, уставъ отъ наслажденій, сомнѣваясь въ себѣ и во всемъ окружающемъ, онъ чувствовалъ постоянную неудовлетворенность. Все это отразилось и на отношеніи его къ Адріеннѣ, и ей не разъ приходилось испытывать на себѣ тяжелыя послѣдствія перемѣны въ его настроеніи. Грубое оскорбленіе, которое онъ нанесъ ей по самому незначительному поводу, вызвало въ ней приливъ негодованія и горечи, вылившійся въ письмѣ къ одному изъ ея друзей. «Я проплакала всю ночь отъ негодованія и боли, писала она.— Можетъ быть, это неразумно, такъ-какъ я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя; но я не могу помириться съ незаслуженнымъ оскорбленіемъ. Меня подозрѣваютъ, меня обвиняютъ, хотятъ уличить, не давая даже возможности оправдать себя, такъ что, если случай не придетъ мнѣ на помощь, чтобы разъяснить то, что происходитъ,—я буду оклеветана самымъ ужаснымъ образомъ человѣкомъ, котораго — я впродолженіи десяти лѣтъ считала своимъ другомъ. Онъ запрещаетъ мнѣ говорить съ вами объ этомъ и, хотя я уважаю и нѣжно люблю его, я всетаки не могу выдержать этого. Я слишкомъ потрясена, слишкомъ оскорблена, слишкомъ боюсь за свое будущее, чтобы не высказаться, хоть передъ вами. Я нуждаюсь въ совѣтѣ, такъ какъ человѣкъ, способный на подобную клевету, можетъ совершить что-нибудь еще худшее. Но что болѣе всего мучитъ меня, это—необходимость скрывать свои чувства и мысли. Вполнѣ естественно протестовать противъ предательства; но я легче простила бы его, если бы не была принуждена скрывать и мое горе, и мое чувство. Напрасно говорятъ мнѣ, что онъ не подозрѣваетъ объ оскорбленіи, которое наноситъ мнѣ, смѣшивая меня съ другими женщинами. Я не могу помириться съ этою мыслью. Онъ никогда не говорилъ такъ со мною и долженъ былъ бы иначе относиться къ моему старанію снискать его любовь и уваженіе: по крайней мѣрѣ, я заслуживаю большаго. Но что̀ можетъ быть для меня ужаснѣе смертельнаго оскорбленія именно въ томъ, въ чемъ я наиболѣе чувствительна? Я въ одинъ мигъ могла бы разрушить его заблужденіе и не могу помириться съ тѣмъ, что онъ какъ будто хочетъ продлить его. Этотъ человѣкъ могъ бы знать меня и долженъ былъ бы любить меня. Это не случайно вырвавшееся подозрѣніе, а обдуманное и откровенное сообщеніе человѣку, который питаетъ ко мнѣ только дружбу, но дружба котораго дороже для меня самой страстной любви, уваженіе котораго я готова сохранить цѣною жизни и общество котораго необходимѣе для меня, чѣмъ всѣ земныя блага. И передъ нимъ-то меня выставляютъ фальшивой и презрѣнной и стараются доказать мое мнимое преступленіе. Боже мой! Чѣмъ это кончится!..»

Изъ этого видно, какія горькія минуты выпали еще на долю Адріенны и цѣною какихъ страданій доставались ей мимолетные проблески счастья, постоянная борьба за которое окончилась только со смертью ея, послѣдовавшей въ 1730 г.

Документы, собранные Монвалемъ, даютъ намъ болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о таинственномъ происшествіи, омрачившемъ послѣдніе дни жизни Адріенны Ле-Кувреръ и изображенномъ въ извѣстной драмѣ Скриба и Легуве.

Дама высшаго круга, герцогиня Бульонская,—передаетъ наиболѣе распространенная версія,—заинтересовалась графомъ Саксонскимъ и, видя его равнодушіе, возненавидѣла Адріенну и, чтобы отдѣлаться отъ опасной соперницы, рѣшилась отравить ее. Попытка ея была неудачна, такъ какъ молодой аббатъ Бурэ, котораго она избрала для исполненія своего плана, не рѣшаясь отказаться отъ исполненія ея порученія, но чувствуя себя неспособнымъ на подобное преступленіе, открылъ замыслы ея Адріеннѣ и подтвердилъ признаніе на судебномъ допросѣ. Благодаря документамъ, изданнымъ Монвалемъ, легко убѣдиться въ дѣйствительности покушенія герцогини Бульонской на жизнь Адріенны, а все, что извѣстно о самой герцогинѣ, подтверждаетъ возможность подобнаго факта. Трудно, однако, окончательно принять ту версію, которая утверждаетъ, что покушеніе это было повторено спустя нѣсколько мѣсяцевъ и что на этотъ разъ оно увѣнчалось успѣхомъ. Извѣстно только, что 15-го марта 1730 года, во время представленія «Эдипа» Адріэнна Ле-Кувреръ почувствовала сильныя внутреннія боли и слабость. Но тѣмъ не менѣе она снова выступила въ слѣдующей пьесѣ, въ большой трудной роли, которую она исполнила съ увлеченіемъ и съ необыкновеннымъ искусствомъ. Противъ всякаго ожиданія она скончалась черезъ нѣсколько дней 20-го марта 1730 г. послѣ непродолжительныхъ, но ужасныхъ мученій.

Монваль, съ необычайнымъ трудолюбіемъ извлекавшій и разслѣдовавшій всѣ документы, относящіеся къ исторіи покушенія, при всей осторожности въ своихъ сужденіяхъ, даетъ понять, что, по его окончательному мнѣнію, смерть Адріенны находится въ связи съ несчастной страстью герцогини Бульонской. Правда, докторъ, вскрывавшій ея тѣло, въ присутствіи Вольтера, не далъ показанія въ этомъ смыслѣ. Но все, что послѣдовало за этимъ, носитъ характеръ такой исключительности и таинственности, что мрачныя предположенія побѣждаютъ всякое безпристрастіе.

Священникъ, прибывшій вскорѣ послѣ кончины Адріенны, отказалъ ей въ церковномъ обрядѣ погребенія на томъ основаніи, что она умерла, «не раскаявшись въ своей скандальной профессіи». Въ этомъ своемъ отказѣ священникъ слѣдовалъ извѣстной традиціи: въ церковномъ обрядѣ

погребенія было отказано и Мольеру, и другимъ актерамъ; не отрекшимся передъ смертью отъ своей профессіи. Но и автору «Тартюффа» и всѣмъ другимъ актерамъ не было отказано въ погребеніи на общемъ кладбищѣ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части его. Адріенна Ле-Куврерь была лишена какого-бы то ни было погребенія — случай единственный въ лѣтописяхъ театра. И въ этомъ пунктѣ исторія ея принимаетъ характеръ той таинственности, которая дѣлаетъ неизбѣжнымъ подозрѣніе въ отравленіи. Въ полночь тѣло Адріенны было вывезено изъ ея квартиры представителями полиціи и какими-то чужими, неизвѣстными людьми, въ простомъ извощичьемъ экипажѣ, безъ всякаго гроба, зарыто въ землю въ какомъ-то глухомъ, никому не указанномъ мѣстѣ и залито негашенной известью. Только вліятельность, богатство и связи герцогини Бульонской во Франціи того времени могутъ объяснить это почти невѣроятное поведеніе представителей государственной власти, никѣмъ въ свое время не опротестованное и не оглашенное въ качествѣ беззаконія.

Печальный и неестественный конецъ ея совершенно не соотвѣтствовалъ даже тому привилегированному положенію, которое при жизни она съумѣла завоевать себѣ въ свѣтѣ. Она первая побѣдила предразсудокъ, существовавшій въ современномъ ей обществѣ относительно актрисъ и актеровъ, и ей впервые былъ открытъ доступъ въ высшее общество. Она выказала въ этомъ щекотливомъ положеніи столько сознанія собственнаго достоинства, столько такта и умѣнья держать себя, что вскорѣ сдѣлалась всеобщей любимицей. Люди самаго изысканнаго общества считали за честь не только принимать ее у себя, но и бывать у нея. «Теперь установилась мода обѣдать и ужинать у меня, писала она, такъ какъ нѣкоторыя изъ герцогинь оказали мнѣ эту честь. Есть люди, вниманіе и доброжелательство которыхъ очень дороги мнѣ и могли-бы удовлетворять меня, но обществомъ которыхъ я не могу пользоваться только потому, что принадлежу публикѣ и, чтобы не оказаться невѣжей, должна отдавать визиты всѣмъ дамамъ, желающимъ познакомиться со мною. Мнѣ не удается угодить всѣмъ, хотя я употребляю всѣ усилія къ тому, чтобы ни въ комъ не возбудить неудовольствія. Если мое, и безъ того, слабое здоровье, принуждаетъ меня отказывать или манкировать нѣкоторыми изъ дамъ, которыхъ я иначе никогда-бы не встрѣтила и которыя интересуются мною только изъ любопытства или, лучше сказать, только по виду, какъ и многимъ другимъ, то раздаются фразы вродѣ слѣдующихъ: «Право, она разыгрываетъ изъ себя какое-то чудо! говоритъ одна, — это потому, что мы не титулованныя, прибавляетъ другая». Или, если я не весела,—такъ какъ вѣдь трудно быть веселой въ незнакомомъ обществѣ,—нерѣдко слышишь замѣчанія: «Неужели эта та, про умъ которой столько говорятъ?—Развѣ

вы не видите, что она относится къ намъ съ презрѣніемъ? Нужно, кажется, знать греческій языкъ, чтобы обратить на себя ея вниманіе.— Вся загадка въ томъ, что она бываетъ у M-me Ламбэръ»... Изъ этого письма видно, что успѣхъ, которымъ она пользовалась, не только не ослѣплялъ, но даже тяготилъ ее. «Свѣтская жизнь, которую я веду, тяготитъ меня», писала она, «я болѣе чѣмъ когда-либо мечтаю о томъ, чтобъ стать свободной и быть въ состояніи поддерживать отношенія только съ тѣми людьми, которые дѣйствительно дорожатъ мною и удовлетворяютъ требованіямъ моего ума и сердца. Я совсѣмъ не забочусь о томъ, чтобъ блистать, и безусловно предпочитаю молчать и слышать сердечныя рѣчи въ обществѣ умныхъ и достойныхъ людей, чѣмъ быть оглушенной хоромъ слащавыхъ похвалъ, которыя мнѣ расточаютъ въ свѣтѣ, заслуживаю я того или нѣтъ». Подобная жизнь даже утомляла, надламывая ея и безъ того слабыя силы. Она постоянно чувствовала себя нездоровой. Но это не мѣшало ей выѣзжать, принимать у себя, играть и работать съ напряженной энергіей, явившейся слѣдствіемъ сильнаго нервнаго возбужденія. «Я и двѣнадцати часовъ не чувствовала себя здоровой, съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ видѣла васъ»,— «состояніе моего здоровья приводитъ меня въ отчаяніе и я не могу подавить тоску, которая является слѣдствіемъ нездоровья. Мнѣ кажется, что труднѣе владѣть собою при постоянномъ недомоганіи, чѣмъ во время тяжелой, но опредѣленной болѣзни», пишетъ она друзьямъ. Она постоянно мечтала о спокойной, уединенной жизни, о возможности проводить время въ кругу близкихъ людей или оставаться наединѣ съ собою. Даже во всей ея обстановкѣ и во всѣхъ ея костюмахъ, полная перепись которыхъ была сдѣлана послѣ ея смерти, отражалось ея стремленіе создать себѣ подобную жизнь. Въ часы отдыха она любила сидѣть одна въ своей уютной, изящно убранной комнатѣ, предаваясь мечтамъ, уносясь воображеніемъ въ далекое прошлое и вызывая въ памяти давно забытые образы и картины.

«Я цѣлый день провела дома въ глубокой грусти, не лишенной, однако, прелести. Мои размышленія были скорѣе печальны, чѣмъ мрачны. Вы не можете понять этого настроенія, потому что вы не женщина, не слабы и не меланхоличны. Прощайте, дай Богъ, чтобы вы навсегда сохранили ваше здоровье и вашу счастливую беззаботность». Въ этихъ немногихъ словахъ ея вполнѣ отражается полное тихой грусти настроеніе, которое становилось все болѣе свойственно ей по мѣрѣ того, какъ переживаемыя ею волненія и разочарованія налагали на нее свою печать.

Меланхоличность Адріенны, ея недовѣрчивость къ симпатіямъ вліятельныхъ лицъ, ищущихъ ея общества, очевидно, имѣли свое основаніе. Эти лица не съумѣли защитить ее въ послѣдніе мѣсяцы жизни отъ вражды вліятельной женщины, уже обвиненной аббатомъ Буре въ по-

кушеніи на ея жизнь. Герцогиня Бульонская сразила свою соперницу и нашла средство схоронить всѣ признаки своего преступленія. Власть оказалась на ея сторонѣ. Но публика была безмолвно поражена случившимся.

Театръ торжественно почтилъ память великой артистки; въ печати появились восторженные некрологи. Поэты, воспѣвавшіе Адріенну и при жизни, посвятили ея смерти трогательныя эпитафіи. Великій Вольтеръ, искренній другъ и почитатель Адріенны, написалъ въ память ея нѣсколько стихотвореній, и нѣкоторыя изъ этихъ произведеній ѣдкаго и сухого человѣка поражаютъ искренностью и горячностью чувства. Вотъ какъ выражается Вольтеръ по поводу смерти и недостойнаго погребенія Адріенны:

Tu meurs; on sait déjà cette affreuse nouvelle.
Tous les coeurs sont émus de ma douleur mortelle.
J'entends de tous côtés les beaux-arts éperdus
S'écrier en pleurant: «Melpomène n'est plus!»
Que direz vous, race future,
Lorsque vous apprendrez la flétrissante injure
Qu'à ces arts désolés font les prêtres cruels?
Un objet digne des autels
Est privé de la sépulture!
Et dans un champ profane on jette à l'aventure
De ce corps si chéri les restes immortels!
. . . .
Ah! verrai-je toujours ma faible nation
Incertaine en ses voeux, flétrir ce qu'elle admire,
Nos moeurs avec nos lois toujours se contredire
Et le français volage endormi sous l'empire
De la superstitionon?

Нужно прибавить, что черезъ пятьдесятъ семь лѣтъ послѣ смерти Адріенны, при совершенно новыхъ условіяхъ общественной жизни Франціи, въ 1797 г., артисты Comédie française оцѣнили значеніе Адріенны Ле-Кувреръ и въ полномъ составѣ обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ Бенезе съ адресомъ, въ которомъ они просили позволенія предпринять розыски того мѣста, гдѣ покоится прахъ знаменитой актрисы, «впервые сообщившей трагедіи истинный языкъ природы, крикъ души и натуральность въ внѣшнихъ выраженіяхъ».

Бенезе отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ предпріятію артистовъ, но бурныя событія того времени скоро лишили его самого занимаемаго имъ поста, и Франція такъ и не узнала, гдѣ покоится прахъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ ея женщинъ.

Е. Г.

Тяжелые сны.

Романъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Около четырехъ часовъ дня Логинъ сидѣлъ въ гостиной у предводителя дворянства, Дубицкаго. Хозяинъ, тучный, высокій старикъ въ военномъ сюртукѣ,—онъ отставной генералъ-маіоръ,—посматривалъ на гостя благосклонно и важно, грузно придавливая пружины широкаго дивана.

Здѣсь все строго и чинно. Тяжелая мебель разставлена у стѣнъ въ безукоризненномъ порядкѣ. Все блещетъ чистотою совершенно военною: паркетный полъ гладокъ, какъ зеркало, и на немъ ни одной пылинки; лакъ на мебели и позолота на карнизѣ стѣнъ—какъ только что наведенные; мѣдь и бронза словно сейчасъ только отчищены. Ковровъ на полу нѣтъ, какъ и чехловъ на мебели: пыль отъ нихъ заводится. Въ квартирѣ господствуетъ торжественная тишина. Двери повсюду настежъ; у Дубицкаго много дѣтей,—но ни малѣйшаго шороха сюда не доносится, развѣ изрѣдка только прошелестятъ гдѣ-то недалеко чьи-то осторожные шаги. Логину тяжело говорить о дѣлѣ, для котораго пришелъ онъ сюда. Онъ знаетъ, что надо говорить пріятныя генералу вещи, чтобы достигнуть успѣха, но для этого надо говорить то, что не нравится самому Логину, а ему противно лицемѣрить. Ему становится уже досадно, что онъ взялъ на себя это неудобное порученіе. Но говорить наконецъ надо: Дубицкій все чаще вопросительно посматриваетъ на него и хриплымъ голосомъ произноситъ все болѣе отрывочныя фразы.

— Прошу извинить меня, Сергѣй Ивановичъ, за докуку,—сказалъ наконецъ Логинъ:—я къ вамъ въ качествѣ просителя.

Дубицкій не выразилъ на своемъ угрюмомъ лицѣ съ низкимъ лбомъ и узкими глазами ни малѣйшаго удивленія и немедленно отвѣтилъ:

— Вижу!

Логинъ усмѣхнулся.

«Чѣмъ это я такъ похожъ на просителя?» подумалъ онъ.

— Хотите знать, почему?—спросилъ Дубицкій и, не дожидаясь отвѣта, объяснилъ:—если-бы вы не съ просьбою пришли, то положили-бы ногу на ногу, а теперь вы ихъ рядомъ держите.

Дубицкій захохоталъ хриплымъ, удушливымъ смѣхомъ, отъ котораго заколыхалась все его тучное туловище.

— Однако,—сказалъ Логинъ,—наблюдательность вашего превосходительства изощрена.

— Да-съ, любезнѣйшій Василій Марковичъ, повидалъ я людей на своемъ вѣку. Вотъ вы съ мое поживите, такъ у васъ ни зуба, ни волоса не останется: а я, какъ видите, еще не совсѣмъ развалина.

— Вы замѣчательно сохранились, ваше превосходительство, вамъ еще далеко до старости.

— Да-съ, я стараго лѣсу кочерга. Въ мое время не такіе люди были, какъ теперь. Теперь, вы меня извините, — слякоть народъ пошелъ: а въ мое время, батюшка, мы дубовые были. Ну-съ, такъ чѣмъ могу служить?

Логинъ началъ объяснять цѣль своего прихода. Дубицкій прервалъ его рѣчь съ первыхъ словъ, даже руками замахалъ на него.

— Да, да, знаю!—Почуевъ, бывшій учитель, какъ не знать, соколъ ясный! Уволенъ, уволенъ... Пусть себѣ отправляется на всѣ четыре вѣтра, мы къ нему никакихъ претензій не имѣемъ.

— Но, Сергѣй Ивановичъ, я-бы просилъ васъ на первый разъ быть снисходительнымъ къ молодому человѣку...

— Что вы мнѣ про первый разъ толкуете! Кто человѣка первый разъ укокошитъ, тоже снисходительно отнестись прикажете? Или по вашему, по новому, не воръ виноватъ, а обокраденый, ась?

— Вина молодого человѣка, ваше превосходительство, зависѣла только отъ его неопытности,—если можно назвать ее виною.

— Можно-ли назвать виною!—воскликнулъ Дубицкій.—Вы, милостивый государь, изволите въ этомъ сомнѣваться? Это—неуваженіе къ старшимъ, пренебреженіе, оказанное заслуженному человѣку, это дурной примѣръ для мальчишекъ. Ихъ надо пріучать къ субординаціи, а не егалите да либерте съ ними разводить. Равенство, милостивый государь, бредъ: о немъ только мальчишки мечтаютъ.

— Онъ, ваше превосходительство, скромный человѣкъ, и о равенствѣ не мечтаетъ.

— Не мечтаетъ! А зачѣмъ суетъ свою поганую лапу начальнику?

— Онъ хотѣлъ привѣтствовать исправника, оказать ему почтеніе, да только не зналъ, какъ это дѣлается. Да и, право, не большая вина; ну, первый руку подалъ; ну, кому отъ этого вредъ или обида?

— Нѣтъ-съ, большая вина! Сегодня онъ съ начальникомъ за панибрата обошелся, завтра онъ предписаніемъ начальства пренебрежетъ, а послѣ завтра—мало-ли еще что... Къ чему это приведетъ? ась? Нѣтъ, на этакихъ мѣстахъ намъ нужны люди вполнѣ благонадежные.

— Да вѣдь здѣсь высказалась не неблагонадежность, а просто, если угодно, неблаговоспитанность. Но, ваше превосходительство, гдѣ-же имъ было обучиться хорошимъ манерамъ!

— Ну, и пусть убирается.

— Конечно,—продолжалъ Логинъ,—нашъ исправникъ весьма почтенный и заслужоный человѣкъ...

Дубицкій хмыкнулъ не то утвердительно, не то отрицательно.

— Конечно, намъ всѣмъ извѣстно, что Петръ Васильевичъ вполнѣ заслуженно пользуется общимъ уваженіемъ... Но, ваше превосходительство, лучше было-бы ему великодушно оставить это и не такъ ужъ сердиться на неопытнаго молодого человѣка. Вѣдь представьте, что и такъ могло случиться, что нашъ достоуважаемый Петръ Васильевичъ самъ, такъ сказать, подалъ поводъ Почуеву...

— Чѣмъ это падалъ поводъ, позвольте спросить?—грозно воскликнулъ Дубицкій.

— Я, ваше превосходительство, позволяю себѣ только сдѣлать предположеніе. Вѣдь могло случиться, что нашъ Петръ Васильевичъ вошелъ въ классъ немножко, знаете, какъ у насъ говорится, вросхмель, съ этакой своей добродушной физіономіей, да и отпустилъ дѣтямъ какое-нибудь привѣтствіе на своемъ французскомъ діалектѣ, что-нибудь вродѣ: мерси съ бонжуромъ, мез-анфанты, енондеръ-шишъ! Учитель, понятное дѣло, и расхрабрился.

Дубицкій хрипло и зычно захохоталъ.

— Могло быть, могло быть,—повторялъ онъ въ промежуткахъ смѣха и кашля.—Изрядный шутъ, сказать по правдѣ, нашъ исправникъ. Въ школы, по моему, онъ некстати суется, у насъ тамъ недоимокъ нѣтъ. Въ школахъ должно бывать учебное начальство, да я, да духовенство... Ну, и земство я допускаю, по хозяйственной части. Но во всякомъ разѣ я ничего тутъ не могу: уволили.

— Вы, ваше превосходительство, это можете перемѣнить, если только пожелаете. Все отъ васъ зависитъ.

— Я не одинъ тамъ.

— Но кто-же, Сергѣй Ивановичъ, пойдетъ противъ васъ? Вамъ стоитъ только слово сказать.

— Ничего, по дѣломъ ему. Напрасно изволили побезпокоиться. Нельзя ему въ этомъ училищѣ оставаться: соблазнъ для учениковъ.

— А въ другое можно?

— Въ другое? Ну, объ этомъ мы, пожалуй, подумаемъ. Но не обѣщаю... Да-съ, любезнѣйшій Василій Марковичъ, дисциплина—первое дѣло въ жизни. Съ нашимъ народомъ иначе нельзя. Мы не Европа, мы—Азія. Намъ надо къ старинкѣ вернуться. Старинка—лучше, испытанное. Гдѣ, позвольте васъ спросить, строгость нравовъ? На востокѣ, вотъ гдѣ. Ну, и пойдемъ на востокъ. Почтеніе къ старшимъ, послушаніе... Вотъ я вамъ сейчасъ моихъ поросятъ покажу,—вотъ вы увидите, какое бываетъ послушаніе.

Логинъ понялъ, что поросятами назвалъ Дубицкій своихъ дѣтокъ. Сердце Логина болѣзненно сжалось отъ предчувствія непріятной сцены. Но нельзя было уйти, чтобъ не обидѣть Дубицкаго и не испортить дѣла. Дубицкій позвонилъ. Неслышно, какъ тѣнь, въ дверяхъ появилась молоденькая горничная въ бѣлоснѣжномъ, акуратно-пригнанномъ передничкѣ.

— Дѣтей! —командными голосомъ приказалъ Дубицкій.

Горничная такъ-же беззвучно исчезла. Не прошло и двухъ минутъ, какъ изъ тѣхъ-же дверей показались дѣти: два гимназиста, одинъ лѣтъ четырнадцати, другой—двѣнадцати, мальчикъ лѣтъ девяти, въ матросской курточкѣ, три дѣвочки разныхъ возрастовъ, отъ пятнадцати до десяти лѣтъ. Дѣвочки сдѣлали реверансы, мальчики шаркнули Логину,— и всѣ шестеро остановились рядомъ посреди комнаты, подобравшись подъ ростъ. Они были рослые и упитанные, но на ихъ лицахъ лежало не то робкое, не то тупое выраженіе. Не разобрать—боялись-ли они отца, или ужъ имъ все равно было,—обтерпѣлись. Глаза у нихъ были тупые, но безпокойные,—лица румяныя, но съ трепетными губами.

— Дѣти, смирно!—скомандовалъ Дубицкій.

Дѣти замерли: «руки неподвижно опущены, ноги составлены—пятки вмѣстѣ, носки врозь, глаза уставлены на отца.

Умирай!—послѣдовала другая команда.

Всѣ шестеро разомъ упали на полъ,—такъ прямо и опрокинулись на спины, какъ подшибленные, не жалѣя затылковъ,—и принялись заводить глаза и вытягиваться. Руки и ноги ихъ судорожно трепетали.

— Умри!—крикнулъ отецъ.

Дѣти угомонились и лежали неподвижныя, вытянутыя, какъ трупы. Дубицкій съ торжествомъ взглянулъ на Логина. Логинъ взялъ свое пенснэ и внимательно разсматривалъ лица лежащихъ дѣтей; эти лица, слегка поблѣднѣвшія, съ плотно закрытыми глазами, были невозмутимо-покойны.

—Чхни!—опять скомандовалъ Дубицкій.

Шесть труповъ вразъ чихнули и опять успокоились на безукоризненно чистомъ паркетѣ.

— Смирно!

Дѣти вскочили, словно подброшенныя съ пола пружинами, и стали на вытяжку.

— Смѣйся!

— Плачь!

— Пляши!

— Вертись!

Командовалъ отецъ, — и дѣти послушно смѣялись—и даже очень звонко,—плакали, хотя и безъ слезъ, усердно плясали и неутомимо вертѣлись; и все это продѣлывали они всѣ вмѣстѣ, одинъ какъ другой. Въ заключеніе спектакля, всѣ они, по командѣ отца, улеглись на животы и по одному выползли изъ гостиной,—маленькіе впереди. Логинъ сидѣлъ безмолвно и съ удивленіемъ смотрѣлъ на хозяина.

— Ну что, каково? — съ торжествомъ спросилъ Дубицкій, когда дѣти выползли изъ гостиной.

Въ сосѣдней комнатѣ слышалось короткое время легкое шуршанье: тамъ дѣти вставали съ пола и тихо удалялись въ свои норы.

— Да, послушаніе необыкновенное,—сказалъ Логинъ.—Этакъ они, по вашей командѣ, зажарятъ и съѣдятъ другъ-друга.

— Да и съѣдятъ!—крикнулъ онъ радостнымъ голосомъ,—съѣдятъ, и косточекъ не оставятъ. И будетъ что ѣсть—я ихъ не морю: упитаны, кажись, достаточно, по-русски—и гречневой, и березовой кашей; и не бабятся, на воздухѣ много.

Логинъ поднялся, чтобъ уходить.

— Такъ вотъ какова должна быть дисциплина, — говорилъ Дубицкій:—лучше одного забить, да сотню выучить, чѣмъ двѣ сотни болвановъ и негодяевъ выростить. А вы ужъ уходите? Пообѣдайте-ка съ нами, ась? Нѣтъ, не хотите? Ну, какъ желаете; вольному—воля, спасеному—рай.

Когда уже Логинъ въ передней, при помощи той же безшумной дѣвушки въ передничкѣ, надѣлъ пальто, Дубицкій появился въ раскрытыхъ дверяхъ прихожей, заполняя своею широкою фигурою почти все пространство между косяками, и сказалъ:

— Такъ и быть, только для васъ, получитъ вашъ Почечуевъ мѣсто. Молокососъ онъ, выдрать бы его надо хорошенько,—ну да ужъ такъ и быть.

Логинъ началъ было благодарить.

— Не надо, не надо,—остановилъ его Дубицкій, — я не купецъ-благотворитель. Что захотѣлъ, то и сдѣлалъ. Да скажите ему, чтобъ

ухо востро держалъ впередъ. А то ужъ окончательно! И тогда никакихъ ходатайствъ, ни Боже—ни!

II.

Часовъ въ пять у Ермолина собралось нѣсколько человѣкъ поговорить о томъ обществѣ, которое, по мысли Логина, предполагали они здѣсь учредить, испросивъ, конечно, предварительно разрѣшеніе начальства. Чтобы получить это разрѣшеніе, надо было представить проектъ устава. Логинъ взялся его написать. Сегодня надо было его прочесть будущимъ учредителямъ общества и обсудить.

На террасѣ сидѣли, кромѣ Ермолина, Нюты и Логина, еще трое: Шестовъ, Коноплевъ и Хотинъ. Въ саду раздавались голоса Толи и Мити, двоюроднаго брата Шестова.

Егоръ Платоновичъ Шестовъ — тотъ молоденькій учитель городского училища, о которомъ сегодня утромъ упоминалъ Баглаевъ, разсказывая Логину объ арестѣ учителя Молина. Это невысокаго роста худенькій юноша, бѣлокурый и голубоглазый, по молодости своей, — ему всего двадцать одинъ годъ,—еще очень наивный и не утратившій отроческой способности краснѣть отъ всякаго душевнаго движенія. Къ тому же онъ непомѣрно застѣнчивъ и нерѣшителенъ. Онъ какъ будто никогда не знаетъ, что именно надо дѣлать, не знаетъ иногда, можетъ быть, чего онъ самъ хочетъ и чего не хочетъ. Поэтому онъ наклоненъ подчиняться всякому другому. Если онъ приходитъ въ гости, то ему трудно рѣшиться уйти: онъ все ждетъ, когда подымутся остальные. Если же кромѣ него никого нѣтъ, онъ готовъ сидѣть безъ конца; когда замѣтитъ, наконецъ, что надоѣлъ хозяевамъ, то смущенно и робко берется за шапку, словно намѣревается украсть ее. При этомъ, обыкновенно, приглашаютъ посидѣть еще (хоть и рады были бы, чтобъ онъ ушелъ); отнѣкнувшись разъ и пробормотавши: «пора», или «ужъ я давно», онъ кончаетъ тѣмъ, что остается. Хозяева начинаютъ зѣвать и уже не удерживаютъ его; тогда онъ уходитъ, терзаясь мыслью, что, кажется, пересидѣлъ и наговорилъ глупостей. Послѣднее озадачиваетъ его не безъ причины: будучи въ разговорахъ весьма ненаходчивымъ и вымучивая изъ себя что-нибудь, когда ужъ непремѣнно надо ему говорить, онъ иной разъ бываетъ способенъ, въ припадкѣ застѣнчиваго отупѣнія, сказать что-нибудь непріятное для кого-нибудь изъ присутствующихъ: то при священникѣ упомянетъ о поповскихъ карманахъ, то заговоритъ о «старыхъ дѣвахъ» при дѣвицахъ, которыя могутъ на это обидѣться, то, разсматривая альбомъ, спроситъ хозяина дома о портретѣ его матери:

— Кто эта старуха? на зайца похожа.

На что хозяинъ досадливо отвѣтитъ:

— Это—такъ, одна знакомая...

И заговоритъ о другомъ.

Каждый разъ послѣ такой выходки Шестовъ моментально соображаетъ въ чемъ дѣло и мучительно краснѣетъ: намѣренно онъ никому не сказалъ бы ничего непріятнаго.

Такъ какъ при всемъ томъ онъ цѣломудренно честенъ, увлекается чтеніемъ книгъ и, при всей своей застѣнчивости, страстно любитъ говорить и спорить объ интересующихъ его вопросахъ со всякимъ, причемъ готовъ открыть случайному собесѣднику всю свою душу, свои завѣтнѣйшія убѣжденія и пламеннѣйшія надежды,—то понятно, что онъ бываетъ непріятенъ въ обществѣ людей положительныхъ и солидныхъ.

Савва Ивановичъ Коноплевъ служитъ учителемъ въ здѣшней учительской семинаріи. Онъ худощавъ и высокъ, какъ жердь, по народному сравненію. Его лицо обложено рыжею, клочковатою бородкою того фасона, который дѣлаетъ человѣка похожимъ на обезьяну. На немъ надѣта подъ чернымъ сюртукомъ, занощеннымъ и лоснящимся на локтяхъ, синяя кумачная рубашка съ воротомъ, который вышитъ краснымъ гарусомъ. Блестящіе, бѣгающіе глаза; движенія быстрыя и угловатыя; рѣчь неразборчивая, торопливая,—говоря, онъ иногда даже брызгаетъ слюной, такая сильная толкотня словъ происходитъ въ его рту — все это даетъ впечатлѣніе человѣка изступленнаго, выскочившаго изъ колеи. Щеки у него слишкомъ впалыя, грудь чрезмѣрно узка, руки необычайно сухи, жилисты и длинны. Сразу видно, что онъ и суетливъ и безтолковъ.

Иванъ Сергѣевичъ Хотинъ—мелкій здѣшній купецъ. Онъ пишетъ стихи и приводитъ ими въ восторгъ всѣхъ нашихъ мѣщанъ и маленькихъ чиновниковъ. У него въ городѣ есть только одинъ сильный соперникъ, и тоже изъ купцовъ, – молодой Оглоблинъ. Но тотъ образованнѣе, кончилъ гимназію, а Хотинъ не доучился въ уѣздномъ училищѣ. Стихи Оглоблина печатаются въ мѣстномъ губернскомъ листкѣ и даже иногда въ какомъ-нибудь захолустномъ столичномъ еженедѣльникѣ, изъ тѣхъ, издатели которыхъ улавливаютъ довѣрчивую провинціальную публику дешевизной и преміями. Попытки Хотина печататься были неудачны. Посылалъ онъ стихи въ «Родину», — «Родина» не печатала. То же было и въ другихъ мѣстахъ. Хотинъ огорчился и пришелъ къ убѣжденію, что безъ протекціи и въ печать не попасть. Онъ человѣкъ восторженный, хотя и малограмотный, и любитъ помечтать. Торговля у него идетъ плохо: за прилавкомъ онъ чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ. Ему теперь около сорока лѣтъ. У него длинная черная борода, и на головѣ изрядная лысина.

Съ нимъ Логинъ познакомился изъ-за стиховъ. Хотинъ принесъ

ему свои стихи; Логинъ, какъ умѣлъ, высказалъ свое мнѣніе. Хотинъ показался ему интереснымъ: неугомонная жажда справедливости закипала въ его рѣчахъ. О городскихъ дѣлишкахъ говорилъ онъ, горя и волнуясь. Но Логинъ понималъ, что Хотинъ—одинъ изъ тѣхъ «шлемилей», которымъ суждено проваливать всякое дѣло, за какое бы они не взялись.

Вообще, не смотря на разсѣянность, овладѣвавшую Логинымъ въ послѣднее время, онъ сохранилъ значительную степень психологической прозорливости, которая составляла давнишнее, какъ бы прирожденное его качество,—по крайней мѣрѣ, оно развилось въ немъ безъ замѣтныхъ усилій. Въ оцѣнкѣ людей онъ ошибался рѣдко. Даже «идея», побуждавшая его искать людей, не ослѣпляла его.

Эти люди, собравшіеся теперь у Ермолина, были единственные, которые заинтересовались дѣломъ, каждый по-своему,—такъ что съ ними можно было «начать».

«Только бы начать!» думалось Логину. А тамъ впереди — борьба, возможность работать въ другихъ условіяхъ, бросивъ казенную службу, которая складывалась у него все какъ-то неудачно.

III.

— Что новаго слышно?—спросилъ Коноплевъ у Логина, когда тотъ поздоровался со всѣми.

— Новости у насъ съ вами однѣ должны быть,—отвѣчалъ Логинъ.

— Я все больше дома сижу, гдѣ мнѣ знать. Вотъ вы такъ все вращаетесь въ обществѣ.

— Горожане, вы знаете, теперь только однимъ и интересуются: рады скандалу.

По лицу Нюты пробѣжало презрительное выраженіе, и глаза ея показались Логину померкшими. Сожалѣніе, что онъ началъ объ этомъ, быстро смѣнилось въ Логинѣ страннымъ ему самому злорадствомъ.

— Да, это дѣло Молина,—сказалъ Хотинъ,—скверное дѣло. Очень ужъ наши мѣщане всѣ злобятся.

— Подлецъ этотъ вашъ Молинъ!—воскликнулъ Коноплевъ, обращаясь къ Шестову,—я всегда это говорилъ. Тоже и дѣвчонка, сказать по правдѣ, стерва порядочная.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь,—заговорилъ Шестовъ краснѣя,—Алексѣй Иванычъ очень честный человѣкъ.

— Ну, еще-бы, честные люди всегда такъ дѣлаютъ!

— Онъ въ этомъ дѣлѣ даже и невиноватъ нисколько.

— Ну, для него-же лучше. Вы откуда же это знаете?

— Да онъ меня такъ увѣрялъ...

— И только-то? Вотъ такъ доказательство!

Коноплевъ хлопнулъ себя по колѣнямъ своими длинными руками и захохоталъ.

— Молинъ не сталъ-бы лгать,—горячо спорилъ Шестовъ,—онъ человѣкъ честный и умный и свое дѣло знаетъ, и ученики его уважаютъ.

— Не его, а его кулакъ,—такая грубая скотина.

— Вотъ ужъ это вѣрно,—вздыхая сказалъ Хотинъ,—у меня, вѣдь, племянникъ тамъ у нихъ учится, такъ ужъ я знаю.

— Ахъ, нѣтъ, онъ человѣкъ благородный,—возражалъ Шестовъ горячась и волнуясь,—онъ только кажется суровымъ.

— Подите вы,—отъявленный прохвостъ!—рѣшительно и даже съ раздраженіемъ сказалъ Коноплевъ. — Охота вамъ была съ нимъ якшаться! Вотъ ужъ связался чортъ съ младенцемъ. Я радъ, что хоть съ одного лицемѣра маску сдернули.

Шестовъ, видимо, былъ весьма огорченъ всѣми этими рѣзкими отзывами объ его сослуживцѣ и собирался еще что-то возражать. Но въ это время вмѣшался въ разговоръ Ермолинъ, который до тѣхъ поръ молчалъ и задумчивыми голубыми глазами ласково и грустно смотрѣлъ на Шестова.

— Не будемъ изъ-за него спорить, — сказалъ Ермолинъ добродушно-примирительнымъ голосомъ,—виноватъ онъ или нѣтъ, это скоро обнаружится.

— Да и говорить о немъ не весело,—тихо молвила Нюта, не то застѣнчиво, не то раздумчиво опуская глаза.—Мнѣ всегда стыдно было на него смотрѣть,—онъ такой наглый.

— Да, кажется, не хорошее,—отвѣчалъ Логинъ.

— И всѣмъ даетъ ругательныя клички,—сказалъ Хотинъ.

Видно было, что онъ вспомнилъ какую-нибудь изъ этихъ кличекъ, можетъ быть, относящуюся къ кому-нибудь изъ присутствующихъ, и едва удержался отъ смѣха: по его лицу пробѣжало отраженіе того нехорошаго чувства, которое овладѣваетъ многими изъ насъ при воспоминаніи о томъ, какъ обругали или осмѣяли кого-нибудь изъ нашихъ пріятелей. Брезгливое движеніе слегка тронуло губы Нюты. Шестовъ покраснѣлъ. Логинъ подумалъ, что грубая кличка могла относиться и къ Нютѣ, и почувствовалъ злобу.

— Вотъ болѣе важная новость, — сказалъ Ермолинъ, — въ нашей губерніи уже были, говорятъ, случаи холеры.

Всѣ тревожно переглянулись.

— Не даромъ, видно, у насъ баракъ построили,—сказалъ Хотинъ, вздыхая и поглаживая длинную бороду.

— Типунъ вамъ на языкъ!—сердито крикнулъ Коноплевъ,—чего каркаете!

— Ужъ тутъ каркай, не каркай... Слышали вы, что въ народѣ болтаютъ?

— А что?—спросилъ Логинъ.

— Извѣстно что: баракъ построили, чтобъ людей морить, будутъ здоровыхъ таскать баграми, живыхъ въ гробъ класть да известкой засыпать.

— Все-таки холера къ лучшему,—заявилъ Коноплевъ.

— Это чѣмъ-же?—спросилъ Хотинъ нѣсколько даже обидчивымъ голосомъ.

— Тѣмъ, что городъ почистили немножко.

— Будемъ надѣяться,—сказалъ Ермолинъ,—что къ намъ холера и не заглянетъ.

— Давай-то Богъ,—меланхолично проговорилъ Хотинъ.

Всѣ замолчали. Никому не хотѣлось больше говорить о холерѣ. Она была еще далеко, и этотъ ясный весенній день съ своею радостною зеленью, съ своими нѣжными и веселыми шорохами вѣтвей и беззаботными чириканіями птицъ, не вѣрилъ холерѣ и торопился жить своимъ настоящимъ.

— Василій Марковичъ, вы были у Дубицкаго?—спросила Нюта у Логина, съ тревожнымъ ожиданіемъ склоняясь въ его сторону своимъ стройнымъ станомъ.

— Да, какъ-же, былъ,—Почуеву дадутъ мѣсто, но въ другой школѣ.

— Ну, вотъ, большое вамъ спасибо,—сказалъ Ермолинъ, крѣпко пожимая руку Логина.

Нюта посмотрѣла на Логина благодарными глазами.

— Какъ это вамъ удалось?—спросилъ Ермолинъ.

Логинъ почувствовалъ, что ему не хочется говорить объ этомъ, но, преодолѣвая себя, онъ подробно и добросовѣстно передалъ все, что было.

— Молодецъ генералъ! — воскликнулъ Коноплевъ съ искреннимъ восторгомъ.

Хотинъ неодобрительно потрясъ своею черною бородой, Шестовъ покраснѣлъ отъ негодованія, а Нюта горячо воскликнула:

— Вы смотрѣли спокойно и не возмущались!

Логинъ холодно улыбнулся.

— Еслибы я возмущался,—возразилъ онъ,—такъ и Почуевъ не получилъ-бы мѣста, да и дѣтямъ не полегчало-бы.

— Но это ужасно! Какія жалкія дѣти!

— Обо всемъ и не перенегодуешь, такъ не лучше-ли поберечь сердце для лучшихъ чувствъ.

Нюта вспыхнула яркимъ румянцемъ, и глаза ея сдѣлались влажными.

— Какія чувства могутъ быть лучше негодованія!—тихо промолвила она.

IV.

— А что,—сказалъ Ермолинъ,—не приступить-ли намъ къ дѣлу?

— Уставъ готовъ не вполнѣ,—объявилъ Логинъ,—прошу извинить.

— Прочтемъ, что есть,—сказала Нюта,—не откладывать-же.

— Постойте,—сказалъ Коноплевъ,—писать-то все можно, бумага стерпитъ...

Всѣ засмѣялись.

— Что такое?—спросилъ Коноплевъ, удивленный внезапнымъ смѣхомъ.—Да нѣтъ, господа, постойте, я не то, что что, я хочу вотъ что сказать: важно знать сразу самую суть дѣла, главную идею, такъ сказать. Вотъ я, напримѣръ, я ужъ послѣ другихъ примкнулъ, мнѣ разсказали, но, можетъ быть, не все.

— Савва Ивановичъ любитъ обстоятельность,— сказалъ Хотинъ, посмѣиваясь.

— Ну, а то какъ же? Все-таки интересно знать, что и какъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Ермолинъ,—мы попросимъ Василія Марковича предварительно словесно изложить намъ свои мысли, если это не затруднитъ...

— Нисколько, я съ удовольствіемъ,—отозвался Логинъ.

Мечтательно глядя передъ собою, куда-то мимо кустовъ и деревьевъ радостно зеленѣющаго сада, онъ заговорилъ медлительно и вдумчиво:

— Всѣ нынче жалуются, что трудно жить.

— Еще и какъ трудно,—со вздохомъ сказалъ Хотинъ.

— Мы всѣ, не капиталисты,—продолжалъ Логинъ,—живемъ обыкновенно изо дня въ день.

Если-бы Логинъ смотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ, онъ замѣтилъ-бы, что щеки Нюты слегка зарумянились: но онъ ничего не видѣлъ, и говорилъ:

— Болѣзнь, потеря работы, смерть главы семейства—все это быстро поглощаетъ сбереженія. Да и какъ сберегать? Часто не изъ чего. да и самый процессъ скапливанія денегъ непривлекателенъ.

— Ну, чѣмъ-же?—недовѣрчиво спросилъ Коноплевъ.

— Въ немъ есть что-то презрѣнное, скряжническое.

— Ну, не скажите, прибережешь копейку, такъ самъ себѣ баринъ, ни отъ кого не зависишь.

— Это вѣрно, подтвердилъ Хотинъ, задумчиво поглаживая свою длинную бороду.

— Вы лучше вотъ что скажите,—говорилъ Коноплевъ,—что мы, русскіе, безпорядочный народъ: мотать мы умѣемъ, а сберегать не умѣемъ.

— Не умѣемъ, это справедливо,—поддакивалъ Хотинъ.

— Можетъ быть и такъ,—сказалъ Логинъ,—но одни сбереженія не могутъ быть достаточны. Возьмемъ хоть сберегательныя кассы. У нихъ громадные капиталы, но что-жъ? Вы дѣлаете сбереженія въ кассѣ, но это не ставитъ васъ ни въ какія отношенія съ другими вкладчиками. Исчерпали вы вашъ вкладъ и вы безпомощны: касса ни въ какомъ случаѣ не дастъ вамъ въ долгъ.

— Для того есудо-сберегательныя кассы — сказалъ Коноплевъ.

— Да, это хорошо, но и это узко,—вѣдь деньги не всегдадостаточная помощь. Бываетъ иногда нужно живое содѣйствіе, совѣтъ врача, юриста, достать работу, или еще что-нибудь такое. Надо установить тѣсныя связи между членами общества, какъ въ семьѣ, гдѣ всѣ другъ другу помогаютъ.

— Тоже, какая семья!—сказалъ Хотинъ.

— Мы хорошую устроимъ,—отвѣчала ему Нюта ласково улыбаясь.

— Множество людей,—продолжалъ Логинъ,—терпятъ недостатокъ въ необходимомъ, и они-же часто не могутъ найти работы. А лишнихъ людей нѣтъ.

— Да, кабы лишнихъ ртовъ не было,—спорилъ Коноплевъ.

— Не бываетъ ихъ,—говорилъ Логинъ.—Если новый работникъ увеличиваетъ собою предложеніе труда, такъ зато онъ увеличиваетъ и спросъ на чужую работу. Человѣкъ не можетъ прожить безъ помощи другихъ, безъ работы, которую ему дадутъ другіе, это понятно: естественное состояніе человѣка—нищета. Но зато естественное состояніе общества — богатство, и потому общество не должно было-бы оставлять своихъ сочленовъ безъ работы, безъ хлѣба, безъ всего такого, чего на всѣхъ хватитъ при дружной жизни. Въ нашемъ городѣ, напримѣръ, найдется не мало людей и образованныхъ, и простыхъ, у которыхъ есть досугъ, а вѣдь почти каждый изъ нихъ во многомъ нуждается. Вотъ они и могутъ соединиться. Можно впередъ разсчитать, сколько именно работы потребуется въ годъ, работы другъ на друга. Каждый дѣлаетъ, что умѣетъ: сапожникъ сапоги тачаетъ...

— И пьянствуетъ,—вставилъ свое словечко Коноплевъ.

— Пусть себѣ пьетъ, лишь-бы свою долю работы сдѣлалъ,—сказалъ Ермолинъ.

— А работы у него будетъ много,—продолжалъ Логинъ,—зато и на него будутъ работать многіе: и врачъ, и плотникъ, и слесарь, и учитель, и булочникъ. Образуется общество взаимной помощи, гдѣ каждый нуженъ другимъ, и каждый братски расположенъ помочь другимъ, за что и ему окажутъ всегда всякую помощь и поддержку, все будутъ свои люди, сосѣди и друзья,—нѣчто въ родѣ гильдіи или цеха съ тѣснымъ братскимъ союзомъ. Не будетъ бездѣйствовать никто изъ тѣхъ, кто хочетъ работать,—всякому найдется работа. И всякій будетъ пользо-

ваться бо̀льшими удобствами жизни, возможностью жить не въ тѣхъ конурахъ, въ которыхъ теперь живетъ большинство. А еще выгода,—при такомъ устройствѣ добрососѣдскихъ союзовъ нѣтъ надобности въ дорогомъ посредничествѣ купцовъ, хозяевъ, предпринимателей.

— А если члены возьмутъ да и перессорятся?—спросилъ Коноплевъ.

— Весьма вѣроятно, — отвѣчалъ Логинъ. — Но это не бѣда: неуживчивые выдутъ, другіе спорщики подчинятся общему мнѣнію, увидятъ, что это выгодно. Вѣдь всякій понимаетъ, что покупать, напримѣръ, въ складчину выгоднѣе.

— Нуженъ капиталъ,—сказалъ Хотинъ, принимая озабоченно—дѣловой видъ,—безъ денегъ самыхъ пустыхъ вещей не устроишь.

Но дѣловая озабоченность совсѣмъ не шла къ нему,—такое у него всегда было разсѣянно-мечтательное лицо.

— Каждый человѣкъ самъ по себѣ капиталъ,—сказалъ Логинъ.— Инструменты у многихъ, конечно, найдутся.

— И деньги найдутся,—сказала Нюта и покраснѣла.

— Съ міру по ниткѣ,—началъ было Шестовъ, но онъ уже такъ давно молчалъ, что у него на этотъ разъ не вышло,—горло пересохло, звукъ оказался хриплымъ, Шестовъ сконфузился, закраснѣлся и не кончилъ пословицы.

— Самое главное,—сказалъ Ермолинъ,—что надо для начала людей убѣжденныхъ, чтобъ они вѣрили въ дѣло и повліяли на другихъ своею увѣренностью.

— Люди найдутся,—сказалъ Хотинъ съ увѣреннымъ видомъ, поглаживая бороду, какъ будто-бы эти люди были у него въ бородѣ.

— Было-бы корыто...—началъ опять Шестовъ и опять въ смущеніи замолчалъ, видя, что Нюта улыбается.

— Ну ужъ вы, съ вашими пословицами,—крикнулъ на него Коноплевъ.

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать,—оправдывался Шестовъ.

— Заведемъ въ складчину машины, — заговорилъ Логинъ, — и работа будетъ производительнѣе, меньше будетъ утомлять. Приспособимъ электричество. Много есть подъ руками живыхъ силъ, которыми не пользуются люди. Заведемъ общія библіотеки. Будемъ обмѣниваться нашими знаніями, будемъ устраивать путешествія...

— На луну,—тихо сказалъ кто-то, Логинъ не разслышалъ кто.

Логинъ вздрогнулъ слегка и замѣтилъ, что мечтаетъ вслухъ.

— Зачѣмъ на луну?—досадливо сказалъ онъ:—хоть-бы по родинѣ, а то мы и ее не знаемъ, какъ слѣдуетъ.

— Еще одинъ вопросъ,—торопливо сказалъ Коноплевъ,—типографія будетъ?

При этомъ его лицо приняло такое выраженіе, точно это было самое важное и интересное для него дѣло.

— Что-жъ, если понадобится, отчего-же,—отвѣтилъ Логинъ:—въ другихъ городахъ есть, такъ отчего-бы и у насъ ей не быть!

— Въ нашемъ городѣ? что у насъ печатать?—спросила улыбаясь Нюта:—листокъ городскихъ извѣстій и сплетенъ?

— Непремѣнно надо,—оживленно заговорилъ Коноплевъ:—мало-ли здѣсь учрежденій разныхъ и частныхъ и казенныхъ,—нужны бланки, книги торговыя, объявленія, мало-ли что. Наконецъ книги печатать.

— Какія?—спросилъ Логинъ,—приходо-расходныя?

— Ну да вотъ я напечатаю свое сочиненіе,—почти готово.

— А, вотъ что! Ну что-жъ, заведемъ, конечно, и типографію.

— Для книги-то стоитъ,—согласился Ермолинъ, едва замѣтно улыбаясь.

— Эта типографія,—сказала Нюта,—будетъ какъ теплица—чтобы взращивать провинціальныя книги.

— Нѣтъ, почему-жъ такъ!—возразилъ Коноплевъ.—Будетъ у людей больше средствъ, больше досуга,—будетъ и спросъ на книги, больше, чѣмъ теперь,—и книги свои будутъ.

— Во все вѣрю, а въ типографію не вѣрю,—настаивала Нюта.

V.

Рѣшили прочесть вслухъ и обсудить ту часть устава, которую принесъ Логинъ. Мальчики вернулись на террасу, и Анатолій выпросилъ, чтобы читать позволили ему.

Послѣ чтенія каждаго параграфа подымались споры, довольно-таки безтолковые. Горячѣе всѣхъ спорили, часто не понимая другъ друга, Коноплевъ и Хотинъ: Коноплевъ любилъ спорить, Хотинъ хотѣлъ показать свою практичность, и оба оказывались безтолковыми одинаково. Ермолинъ и Нюта помогали имъ разобраться въ ихъ противорѣчіяхъ и съ трудомъ успѣвали въ этомъ. Шестовъ говорилъ мало, зато много волновался и краснѣлъ. Мальчики не ушли и слушали внимательно: Анатолій смотрѣлъ вдумчиво, какъ-бы соображая. Митя горѣлъ восторгомъ и сердился каждый разъ на непонимающихъ.

Логинъ почти все время молчалъ и смотрѣлъ все такъ-же, мечтательными, не замѣчающими предметовъ глазами. Но онъ видѣлъ, что ласковые глаза Нюты иногда останавливались на немъ,—и ему пріятно было чувствовать на себѣ ея взглядъ. Онъ думалъ о томъ, что̀ здѣсь говорилось, и передъ нимъ носились еще туманныя очертанія идеи, плѣнившей его, да еще свѣтились передъ нимъ чистые глаза Нюты, довѣрчивые и—насмѣшливые. Увы! отъ насмѣшливаго отношенія къ себѣ и своей идеѣ онъ никогда не могъ вполнѣ освободиться.

Когда чтеніе окончилось, спорили еще долго о названіи общества: Коноплевъ предлагалъ назвать его дружиною, Хотинъ—компаніею,— и не пришли ни къ чему.

— Съ этимъ обществомъ мы такихъ дѣловъ надѣлаемъ, что страсть!—воскликнулъ Хотинъ, внезапно воодушевляясь.—Мы имъ покажемъ, какъ жить по-хорошему, по совѣсти. Только-бы удалось намъ осуществить,—ужъ мы имъ носъ утремъ.

И онъ яростно погрозилъ кому-то кулаками.

Логинъ вдругъ нахмурился. Язвительная улыбка промелькнула на его губахъ.

«Ничего не выдетъ»,— подумалъ онъ, и тоскливо стало ему. Но вслухъ онъ сказалъ:

— Да, конечно, если приняться съ толкомъ, то должно осуществиться.

«Старикъ—такой-же мечтатель, какъ и дочка,—думалъ онъ объ Ермолиныхъ.—Онъ вѣритъ въ мой замыселъ больше, чѣмъ я самъ,— повѣрилъ сразу, съ двухъ словъ. А я, послѣ столькихъ думъ, все-таки почти не вѣрую въ себя! А какой бодрый и славный старикъ, этотъ Ермолинъ! Глаза горятъ совсѣмъ по-молодому,—позавидуешь невольно!»

— Однако,—суетливо заговорилъ Коноплевъ,—я не стану тратить времени даромъ: сейчасъ-же буду готовить книгу для типографіи. Мнѣ типографія больше всего и нужна. Это хорошо будетъ устроено. Теперь я работаю въ семинаріи, дѣлаю свое дѣло,—съ меня довольно. Но я книгу написалъ. Напечатать — надо деньги. Если своя типографія, то даромъ,—выгода очевидная.

— Да не совсѣмъ даромъ,—сказалъ Логинъ, хмурясь и въ то-же время улыбаясь.

— Какъ-же понимаю: бумага, краска типографская. Ну—да это подробности, потомъ.

— У васъ и такъ много работы,—сказалъ Шестовъ,—а вы еще находите время писать.

Онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ тому, что Коноплевъ пишетъ.

— Что дѣлать, надо писать, — съ самодовольной скромностью отвѣчалъ Коноплевъ. — Если никто другой не говоритъ въ печати о томъ, что нужно,—приходится выступать и намъ.

— А не будетъ нескромностью полюбопытствовать, о чемъ ваша книга?—спросилъ Логинъ.

— Противъ Льва Толстого и атеизма вообще. Полнѣйшее опроверженіе,—въ пухъ и прахъ. Были и раньше, но не такія основательныя. У меня все собрано. Сокрушу вдребезги, какъ Данилевскій— Дарвина. И противъ науки.

— Противъ науки!—съ ужасомъ воскликнулъ Шестовъ.

— Наука—ерунда, не надо ее въ школахъ,—говорилъ Коноплевъ, все болѣе и болѣе входя въ азартъ.—Все въ ней ложь, даже ариѳметика вретъ. Сказано: отдай все,—и возвратится тебѣ сторицею. А ариѳметика чему учитъ? Отнять, такъ меньше останется! Чепуха! противъ евангелія! Къ чорту ее!

— Со школами вмѣстѣ?—спросилъ Ермолинъ.

— Школы не для ариѳметики!

— А для чего?

— Для добрыхъ нравовъ.

— Въ воззрѣніяхъ на науку,—сказалъ Логинъ,—вы идете гораздо дальше Толстого.

— Вашъ Толстой—мерзавецъ! По его выходитъ, что до него все дураки были, ничего не понимали, а онъ всѣхъ научилъ, открылъ истину. Онъ соблазняетъ слабыхъ! Его повѣсить надо!

— Однако, вы его недолюбливаете.

— Повѣсить мало! На-колъ его! Книги его сжечь! На площади,—черезъ палача!..

— А съ читателями его что надо дѣлать? — спросила Нюта, весело улыбаясь.

— Кто его читаетъ, всѣхъ—кнутомъ, на торговой площади!

— Виноватъ,—сказалъ Логинъ,—а вы читали?

— Я? Я читалъ съ цѣлью, для опроверженія. Я зрѣлый человѣкъ. Я самъ все это прошелъ, атеистомъ былъ, нигилистомъ былъ, бунтовать собирался. А все-таки прозрѣлъ — Богъ просвѣтилъ; послалъ тяжкую болѣзнь, которая заставила меня подумать и раскаяться.

— Просто это вы потому, что теперь мода такая, — сказалъ Шестовъ, который отъ словъ Коноплева пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе.

Коноплевъ презрительно посмотрѣлъ на него.

— Мода! Скажите, пожалуйста!—сердито сказалъ онъ.

Широковатыя губы его нервно подергивались.

— Ну да,—продолжалъ Шестовъ, волнуясь и краснѣя, — было прежде повѣтріе такое вольное, и вы тянулись за всѣми, а теперь другой вѣтеръ подулъ, такъ и вы...

— Нѣтъ, извините, я не тянулся, я искренно все это пережилъ.

— И Толстой—искренно.

— Толстой? На старости лѣтъ честный народъ мутить!

— Ваша книга его и обличитъ окончательно,—сказала Нюта примирительнымъ тономъ.

— Мало того! На колъ его—и кнутомъ!

— Да вы ужъ слишкомъ рѣзко,—замѣтилъ Логинъ.

— Я русскій человѣкъ: что на умѣ, то и на языкѣ. У меня одно слово.

— Мѣры, вами предлагаемыя, несовременны, къ вашему сожалѣнію—сказалъ Шестовъ.

Онъ старался придать своимъ словамъ насмѣшливое выраженіе, но это ему не удалось: онъ весь раскраснѣлся, и голосъ его звенѣлъ и дрожалъ,—очень ужъ обидно ему было за Толстого, и онъ теперь отъ всей души ненавидѣлъ Коноплева.

— Не современны!—насмѣшливо протянулъ Коноплевъ.—То-то нынче все и ползетъ во всѣ стороны, и семья, и все. Развратъ одинъ: разводы, амурныя шашни!

«Достигну-ли я чего-нибудь, еще неизвѣстно», думалъ межъ тѣмъ Логинъ,—«а погружаться уже долженъ въ море гнусной пошлости».

VI.

Логинъ и Шестовъ съ Митей втроемъ возвращались отъ Ермолиныхъ. Они отказались отъ экипажа, который имъ предлагали, а Коноплевъ и Хотинъ предпочли ѣхать. Митя усталъ за день. Ему хотѣлось спать. Иногда онъ встрепенется, пробѣжитъ по дорогѣ, и опять шагаетъ лѣниво, понуривъ голову.

Тихо было на большой дорогѣ. Солнце было уже совсѣмъ низко. Откуда-то изъ-за дали доносились заунывные звуки пѣсни, тягучіе и манящіе. По окраинамъ дороги, на высокихъ и пустыхъ стебляхъ покачивались большіе желтые цвѣты одуванчика. На лугу кой-гдѣ ярко желтѣли крупныя калужницы.

Логинъ съ усмѣшкой слушалъ восторженныя восклицанія Шестова, который такъ бодро шагалъ по дорогѣ, словно уже совершалъ нѣкоторый подвигъ.

Логину вспомнилось, какъ при прощаньи Анатолій крѣпко сжалъ его руку своими еще маленькими, но сильными пальцами. Онъ смотрѣлъ тогда на Логина разгорѣвшимися глазами, и щеки его раскраснѣлись. Восторгъ мальчика понравился Логину, и позабавилъ его.

«Игрушка, заманчивая для дѣтей, незнающихъ жизни, и для стариковъ, которые молоды до могилы»,—такъ опредѣлилъ онъ теперь свой замыселъ.

— Какая превосходная идея!—восклицалъ Шестовъ.—Да, вотъ это именно и хорошо, что безъ всякихъ потрясеній можно устроить разумную жизнь,—и такъ скоро!

— Разумную жизнь въ Глуповѣ!—тихо сказалъ Логинъ.

— Помните,—продолжалъ Шестовъ,—«Чрезъ сто лѣтъ» Беллами. Когда я читалъ, я все думалъ, что это что-то далекое, почти несбы-

точное. Вѣдь онъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ разсчитываетъ. На самомъ дѣлѣ, чтобъ все это осуществить, что тамъ есть, и больше времени понадобится. А вѣдь черезъ сто лѣтъ что̀ еще будетъ нравиться людямъ? У нихъ свои идеалы, можетъ быть, будутъ, получше нашихъ. А вѣдь это наше дѣло теперь-же можно сдѣлать! Сейчасъ-же можно начать!

— Сейчасъ, конечно,—угрюмо сказалъ Логинъ,—вотъ придемъ домой и перемѣнимъ свою жизнь.

— Ну, не буквально сейчасъ... Да нѣтъ, именно сейчасъ, теперь же можно говорить, собирать сотрудниковъ, разработывать уставъ. Вѣдь начальство разрѣшитъ!

— Было-бы для кого разрѣшать.

Шестовъ посмотрѣлъ на Логина внимательно, какъ-бы обдумывая: разрѣшатъ или нѣтъ,—и опять быстро и увѣренно зашагалъ.

— Вѣдь тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго или незаконнаго. Впрочемъ, какъ посмотрятъ. Вотъ мнѣ одинъ изъ товарищей писалъ, что въ ихъ городѣ клуба не разрѣшили: мало членовъ и никого изъ мѣстныхъ заправилъ. Но мы-то навербуемъ толпу участниковъ.

— Едва-ли и десятокъ найдется.

— Почему-же вы такъ думаете?

— Равнодушіе—злѣйшій врагъ всякаго движенія.

Шестовъ примолкъ не надолго

«Ахъ, если-бы я самъ былъ поменьше недовѣрчивъ къ себѣ», думалъ Логинъ. «Этотъ мальчикъ своимъ энтузіазмомъ разогрѣлъ-бы кого нибудь... если-бы не обстоятельство».

Настолько Логинъ былъ уже знакомъ съ исторіей, которая занимала городъ, и съ настроеніемъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ городѣ лицъ, чтобы предвидѣть, что участіе Шестова не принесетъ пользы для проведенія замысла въ жизнь. Скорѣе напротивъ: будутъ мѣшать за то, что онъ участвуетъ.

— А все-таки поборемся,—рѣшительно сказалъ Шестовъ.

Горделивое чувство поднялось въ душѣ Логина, какъ передъ битвой въ душѣ воина, который не увѣренъ въ побѣдѣ, но дорожитъ честью.

— Поборемся,—весело повторилъ онъ.

И вѣра въ замыселъ, такая-же сильная, какъ и невѣріе, встала въ его душѣ,—и все-же не могла затмить угрюмой недовѣрчивости.

«Восторгъ его хорошъ самъ по себѣ, помимо возможныхъ результатовъ»,—думалъ онъ о Шестовѣ: «эстетиченъ этотъ восторгъ!»

Было, въ самомъ дѣлѣ, что-то прекрасное и трогательное въ молодомъ энтузіастѣ. Дорога, гдѣ шли они, съ сѣрымъ избитымъ полотномъ и узкими канавами по краямъ, пыльно протянувшаяся среди уны-

лаго ландшафта, утомительно-однообразнаго, своимъ пустыннымъ и жесткимъ просторомъ подъ блекло-зеленымъ небомъ, всѣмъ своимъ скучающимъ видомъ странно и печально оттѣняла незрѣлый восторгъ молодого учителя. Чахлыя придорожныя березки не слушали его восклицаній и, вздрагивая поникшими и порозовѣлыми на зарѣ вѣтками, не пробуждались отъ своего вѣчнаго сна. И грубая дорожная пыль слегка приподымалась по вѣтру нѣжными клубами, сизыми, обманчивыми...

— Какая свѣтлая личность—Ермолинъ! - продолжалъ восторгаться Шестовъ.—Какая удивительная дѣвушка—Анна Максимовна! Ихъ Толя—замѣчательно умный мальчикъ, не то, что ты, Митька!

— Ну ужъ ты,—сердито пробормоталъ Митя:—всѣ-то у тебя замѣчательные!

— Коноплевъ тоже очень умный человѣкъ, но только онъ ужасно заблуждается.

— Что вы говорите!—досадливо сказалъ Логинъ,—какой онъ умный! У него въ головѣ не мозгъ, а окрошка съ лукомъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы его еще очень мало знаете!

VII.

Вмѣсто того, чтобъ идти прямо домой, Логинъ направился въ сторону. Онъ сообразилъ, что теперь горожане должны глазѣть на острогъ, гдѣ сидитъ арестованный учитель Молинъ,—и ему захотѣлось поглядѣть на это.

Онъ не ошибся. Взойдя на валъ, нашелъ онъ тамъ вереницы гуляющихъ по той дорожкѣ надъ рѣкою, откуда видны окна острога. Нѣкоторые останавливались передъ острогомъ и смотрѣли на него сверху внизъ, стараясь угадать окно, за которымъ сидитъ Молинъ. Надѣялись, что онъ покажется; кто-то увѣрялъ, что днемъ Молинъ разговаривалъ изъ окна съ своими учениками, но теперь онъ не появлялся. Любопытствующіе горожане спорили о томъ, какое окно принадлежитъ его камерѣ.

Логинъ встрѣчалъ своихъ знакомыхъ, слышалъ отрывки разговоровъ, веселый смѣхъ, шутки довольно плоскія, по обыкновенію,—все о заключенномъ. Тѣ, кто по-проще, не стѣсняясь ругали Молина и издѣвались надъ тѣмъ, что онъ угодилъ въ тюрьму: ихъ прельщала мысль, что вотъ, хоть и баринъ, а все-таки посаженъ. Но въ рѣчахъ людей, которые стараются въ обхожденіи и одеждѣ подражать «господамъ и барышнямъ», не могъ Логинъ уловить ни сочувствія къ заключенному, ни пылкаго осужденія: въ ихъ сонную толпу брошенъ забавный и занятный анекдотъ, они занимаются имъ,—и только.

Здѣсь была сегодня все больше публика попроще, одѣтая странно. въ подражаніе господамъ: шляпки, не идущія къ лицу, стриженыя холки надъ румяными лупетками, пестрые галстухи подъ корявыми рожами, тѣсные башмаки на громадныхъ ножищахъ,—и усилія подражать господамъ не только въ разговорахъ, но и въ самыхъ мысляхъ своихъ.

Какія-то вертлявыя, но какъ-бы испуганныя чѣмъ-то, барышни хихикали; молоденькіе, развязные и неловкіе чиновники вертѣлись вокругъ нихъ,—иной помѣстится противъ идущихъ барышень да такъ и маршируетъ спиною впередъ; смуглый и рябой поручикъ Гомзинъ, молодцевато выступая и сверкая бѣлыми зубами, прошелъ съ Машенькой Оглоблиной, которая фасонисто потряхивала хорошенькой глупенькой головкой, чтобъ пощеголять золотыми сережками, и помахивала пухленькими коротколапыми ручками, чтобъ увидѣли ея золотые браслеты. Ея братъ, жирный молодой купчикъ, суетливо пробѣжалъ въ толпѣ какихъ-то безтолково-шумливыхъ молодыхъ людей, которые покрывали каждую его фразу восторженнымъ ржаньемъ. Валя Дылина, сельская учительница, и ея младшая сестра Варя, сосѣдки Логина, молоденькія дѣвицы, прошмыгнули тутъ-же, преслѣдуемыя двумя юношами дикой наружности, воспитанниками учительской семинаріи; въ воздухѣ, мягкомъ и влажномъ, рѣзко взвизгнули скрипучія и трескучія нотки громкаго смѣха веселыхъ дѣвушекъ.

Внизу, на площадкѣ между соборомъ и острогомъ, тоже былъ народъ. Но тѣ пришли уже съ очевидною цѣлью поглядѣть, не прикрывая своего любопытства тѣмъ, что они будто-бы пришли на прогулку,—это былъ рабочій народъ, такой, который умѣетъ гулять только въ кабакѣ да въ трактирѣ. Они прохаживались угрюмо, останавливаясь передъ желѣзными воротами острога,—мрачныя и унылыя фигуры въ испачканныхъ и заплатанныхъ одеждахъ; мальчишки, грязные, растрепанные и изумленные, мастеровые: сапожникъ въ опоркахъ, измызганныхъ и дырявыхъ, съ почернѣлыми отъ вара пальцами; краснолицый мясникъ, одежда котораго пахла кровью убитыхъ быковъ: столяръ, высокій, тощій, блѣдный, съ цѣпкими и костлявыми руками, которыя безпріютно болтались по воздуху, словно тоскуя объ оставленномъ дома рубанкѣ. Говорили тамъ тихо, но злобно,—обрывками зловѣщихъ угрозъ и таинственныхъ афоризмовъ.

— А вы что здѣсь одинъ дѣлаете, Кудиновъ?—спросилъ Логинъ румянаго и длинноносаго гимназиста, который съ любопытнымъ и суетливымъ видомъ шнырялъ въ толпѣ, на дорожкѣ вала.

— Меня мама послала посмотрѣть, что здѣсь дѣлается, — откровенно объяснилъ Кудиновъ.

Трое почтовыхъ чиновниковъ остановились противъ оконъ острога. Они были пьяны. Одинъ изъ нихъ, хромой, съ выраженіемъ совѣстливости

на румяномъ лицѣ, кругломъ и безусомъ, уговаривалъ товарищей итти дальше и сконфуженно улыбался.

— Братцы,—бормоталъ онъ,— бросьте! Довольно безобразно... и даже нехорошо. Ну, что тамъ! Наплевать! Невидаль какая! Пойдемте, ей Богу, пойдемте!

Двое другихъ, тощіе, блѣдные, съ обалдѣлыми и нахальными лицами, удерживали его, хватая за руки, и вскрикивали, обращаясь къ острогу:

— Другъ, Лешка, ясное солнышко, покажись! Скотина ты этакая, выставь свою мордашку, другъ распроединственный!

Наконецъ-таки благоразумный товарищъ (они пили по большей части на его счетъ и потому нѣсколько слушались его) убѣдилъ ихъ. Они пошли, неистово хохоча, шатаясь и ругаясь. Они были не на столько пьяны, какъ представлялись, и могли-бы держаться прямѣе, но имъ хотѣлось покуражиться.

Молодой щеголеватый портной Окоемовъ, шагая своими немножко кривыми ногами, какъ ножницами, подскочилъ къ Логину и съ форсомъ протянулъ ему руку. Отъ него разило помадой и духами резедой; галстучекъ на его тонкой, жилистой шеѣ торчалъ зеленый съ розовыми крапинками; на немъ одѣтъ былъ рыженькій котелокъ, акуратненькій пиджачекъ голубоватаго цвѣта и узкія клѣтчатыя брючки. Онъ шилъ на Логина и потому на улицахъ всегда подходилъ бесѣдовать съ нимъ. Логинъ зналъ, что Окоемовъ глупъ, и бесѣды съ нимъ уже не забавляли его.

— Вотъ, извольте полюбоваться,—презрительно сказалъ Окоемовъ, показывая на публику,—совершенно непросвѣщенный народъ: дивятся, а чему? Что тутъ глаза таращить, все одно,—много-ли увидятъ. И что такого особеннаго? Ну, будемъ такъ говорить, за нарушеніе цѣломудренности засадили интеллигентнаго человѣка. Но, я васъ спрошу, развѣ-же это рѣдкость?

— Будто-бы не рѣдкость?

— Помилуйте, скажите, да они не читаютъ газетъ, а взять хоть-бы «Сынъ Отечества»,—да тамъ въ каждомъ номерѣ самыхъ разнообразныхъ преступленій, хоть отбавляй: читай — не хочу, такъ-что подъ конецъ и вниманія не обращаешь, ну, убилъ, зарѣзалъ, отравилъ,—тьфу!

— А тутъ нашъ попался,—объяснилъ Логинъ,—всѣмъ и интересно.

— Конечно,—согласился Окоемовъ,—такъ какъ въ нашемъ богоспасательномъ градѣ не имѣется, можно сказать, никакихъ высшихъ интересовъ и увеселеній, то имъ и это обстоятельство лестно. Въ столицахъ-же и въ большихъ городахъ теперь въ модѣ психопатія. Я вѣдь и самъ, какъ вы, можетъ быть, изволите знать, жилъ въ Санктъ-Петербургѣ, обучался своему художеству.

— И насмотрѣлись на психопатію?

— Да-съ, оно точно, психопатія — вещь, будемъ такъ говорить, очень тонкая и деликатная. Значитъ, какъ хочу, такъ и верчу, и ты моему нраву не препятствуй. Ну, а чуть ты что не потрафилъ, такъ ужъ тутъ держись,... берегись да улепетывай, а не то живымъ манеромъ пистолетная запальчивость. Такъ-что остальные прочіе ужъ лучше терпи, кто ежели попроще и безъ нервовъ. Ловко! Господа очень одобряютъ.

— Ну, а вы какъ?

— Чего-съ?

— Одобряете, кажется, психопатію?

— Я-то?

— Ну да, вы.

— Да какъ вамъ сказать; оно, конечно... Но только, будемъ такъ говорить, если кого, напримѣръ, черезъ свою психопатію умертвить, то все-таки большія треволненія для себя самого произойдутъ, а, я этого не уважаю. Я больше обожаю, чтобъ все было тихо, мирно, благородно.

— Значитъ, людей умерщвлять не будете?

— Зачѣмъ-же, пусть живутъ.

— А вотъ рыбку умерщвляете, видѣлъ я васъ сегодня по-утру.

Окоемовъ покраснѣлъ: утромъ сегодня онъ былъ одѣтъ ужъ очень въ распояску.

Въ это время встрѣтился имъ Толпугинъ, молодой полицейскій чиновникъ изъ самыхъ незначительныхъ, зато извѣстный въ городѣ за искуснаго переплетчика. Это былъ маленькій человѣчекъ, тощенькій, курчавенькій, шепелявенькій, весь какой-то запыленный и какъ-будто слегка проклеенный. Видно было, что онъ радостно озабоченъ и занятъ чѣмъ-то своимъ.

— Поздравьте меня,—сказалъ онъ Логину, слегка задыхаясь отъ волненія,—меня произвели.

— А, такъ вы теперь?..

— Коллежскій регистраторъ!—съ гордостью сказалъ Толпугинъ, и его рябенькое лицо засіяло.

Логинъ поздравилъ новаго коллежскаго регистратора.

— Что, нѣтъ-ли у васъ работки для меня?—спросилъ Толпугинъ.

— А вотъ зайдите ко мнѣ на-дняхъ,—кажется, найдется.

Обдѣлавъ такимъ образомъ свои дѣлишки, Толпугинъ заговорилъ тоже о Молинѣ.

— Жируетъ тамъ теперь,—сказалъ онъ, кивая головой на острогъ, и захлебнулся отъ восторга.—Вѣдь поставили же острогъ на самомъ тору!

— Все-таки, далеконько отъ середины города,—возразилъ Логинъ.

— Такъ что-жъ, а гульбище-то гдѣ? Подъ самымъ подъ острогомъ!

Кондитеръ съ семьей—женой, сыномъ—сельскимъ учителемъ и дочерью, тоже учительницей,—прошли мимо Логина, черные и торжествен-

ные, какъ неторопливые вороны. Еслибы Логинъ былъ одинъ, то они заговорили-бы съ нимъ. Но они презирали Толпугина и Окоемова, считая ихъ ниже себя.

Утомленный сутолокой лицъ и нелѣпицей разговоровъ, Логинъ устало призакрылъ глаза. Передъ нимъ застѣнчиво стало смугловатое лицо Нюты съ ея смущенно опущенными глазами, съ презрительной усмѣшкой на негодующихъ губахъ. И потянуло его прочь отъ этихъ людей... отъ этихъ добрыхъ людей.

VIII.

Логинъ сошелъ съ вала и нанялъ извозчика. Онъ чувствовалъ себя усталымъ, и голова начинала болѣть.

Энтузіазмъ Шестова вспомнился ему и разогрѣлъ его. Онъ началъ, незамѣтно для себя самого, мечтать о томъ, какъ все задуманное осуществится. Мечта за мечтой роились въ головѣ. Предметы дѣйствительности пропали.

И вдругъ, въ то самое время, когда онъ, въ общемъ собраніи членовъ общества, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ, кончалъ рѣчь объ открытіи въ нашемъ городѣ классическаго общедоступнаго театра, — дрожки сильно тряхнуло, Логинъ подпрыгнулъ, какъ на пружинѣ, и чуть не упалъ.

Взъѣзжали на мостъ. Изъ плохо налаженной настилки торчала доска,—она-то чуть и не свалила дрожекъ. Казалось, что весь мостъ скрипитъ и шатается подъ копытами облѣзлой клячи.

«Провалится, все провалится»,—съ внезапнымъ бѣшенствомъ подумалъ онъ, сильно блѣднѣя. Онъ ощутилъ въ правомъ вискѣ тупую боль: какъ будто бы что-то холодное и крѣпкое прижалось къ виску. Дуло револьвера произвело бы такое ощущеніе. Онъ поднялъ руку, безсмысленнымъ жестомъ отмахнулъ отъ себя это невидимое дуло и потерянно улыбнулся.

— Василій Марковичъ, домой?—послышался голосъ Баглаева.

Баглаевъ подходилъ къ дрожкамъ. Онъ былъ, по обычаю своему, замѣтно нетрезвъ. Извозчикъ, привыкшій къ частымъ остановкамъ сѣдоковъ при встрѣчахъ,— въ нашемъ городѣ некуда торопиться,—самъ остановилъ лошадь.

— Да, сейчасъ вотъ чуть не вывалился на вашемъ городскомъ мосту,—сказалъ Логинъ, пожимая пухлую руку Баглаева.

— Ну что, каковъ мостикъ?—спросилъ Баглаевъ, смѣясь и показывая попорченные, начинающіе чернѣть, зубы.

— Хорошъ, нечего сказать!

— Провалится, братъ, провалится. Весной только починили, да ледоходъ опять снесетъ.

— Неужели?

— Ужъ въ этомъ я тебѣ ручаюсь. На живую нитку заштопали. Ужъ теперь не устоитъ,—совсѣмъ будетъ капутъ-кранкенъ.

— Эхъ ты, городская голова!

Юшка радостно захихикалъ...

IX.

Баглаевъ звалъ Логина къ себѣ на вечеръ, Логинъ отказался. Проѣхавъ по мосту шагомъ, какъ установлено, извозчикъ повезъ его по мучительно-громаднымъ булыжникамъ улицъ. Дрожки гремѣли и сотрясали Логина. Онъ мрачно смотрѣлъ по сторонамъ.

Дома, съ высоко поднятыми, подъ самую кровлю, окнами, имѣли глупый видъ, какъ безсмысленныя лица, у которыхъ волосы начинаютъ расти почти сразу отъ бровей. Попадались грязныя лавчонки, шумные кабаки, глупыя вывѣски,—«шапочныхъ дѣлъ ремесленникъ», прочелъ на одной изъ нихъ Логинъ.

Дикія мысли вспыхивали въ Логинѣ. Онѣ были отрывочны и мучительны. Какою-то нелѣпою казалась ему его жизнь. Странно было ему думать, что онъ переживаетъ зачѣмъ-то все это.

«Почему на мою долю эта смута и этотъ сумбуръ? И почему я? Какое блаженство было-бы по волѣ покинуть эту постылую оболочку и переселиться,—ну, хоть вотъ въ этого оборваннаго и чумазаго мальчишку, или вотъ въ этого толстаго купца, угрюмо-задумчиваго. Зачѣмъ эта скупость одиночной жизни?»

Внезапный шумъ и гамъ привлекли вниманіе Логина. Онъ проѣзжалъ мимо трактира Обряднина. Это было мѣсто, излюбленное нашими мѣщанами. Теперь тамъ, судя по долетавшимъ оттуда крикамъ, разгорѣлась драка. Вдругъ распахнулись съ трескомъ и звономъ выходныя двери трактира. Пьяная ватага вывалилась оттуда, свирѣпо горланя. Растрепанный мужикъ съ багровымъ лицомъ и налитыми кровью глазами бросился за дрожками Логина. Извозчикъ отмахнулъ его кнутомъ. Пьяница зарычалъ отъ боли, но трусливо отсталъ.

Логинъ быстро удалялся отъ толпы, которая гудѣла сзади его.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Было утро, такое-же веселое и радостное, какъ вчера.

Испытывая смѣну смутныхъ и неопредѣленныхъ настроенiй, Шестовъ сидѣлъ у окна въ одной изъ комнатъ своей квартиры. День у него выдался свободный,—занятiй въ училищѣ не было. Онъ то бралъ въ руки, то опять бросалъ на мягкiй стулъ рядомъ съ собою книгу,—сегодня ему не читалось. Разсѣянно посматривалъ онъ на немощеную улицу, гдѣ торчали заборы, росла трава и бродили куры, и жались къ заборамъ желтые зонтики чистотѣла.

Онъ «задавалъ» себѣ думать о проектѣ Логина и о томъ, какъ они будутъ осуществлять проектъ. Но невольно мысли его направлялись совершенно въ другую сторону.

Своего, арестованнаго теперь, товарища онъ очень уважалъ за «умъ», за презрительные отзывы обо всѣхъ и за то, что Молинъ былъ старше его лѣтъ на пять. Теперь Шестову очень жаль было, что Молинъ «взятъ подъ стражу».

Шестовъ съ непрiязненнымъ чувствомъ вспоминалъ, какъ бѣсился Молинъ, увидѣвъ, что дѣло плохо. Въ комнатѣ, которую онъ занималъ, со стѣнъ висѣли лохмотья порванныхъ и запятнанныхъ обой, валялись поломанные гнутые стулья; это были слѣды буйства: поздно ночью, наканунѣ ареста, вернувшись откуда-то, гдѣ его предупредили о предстоящемъ, Молинъ дико метался по своей комнатѣ, энергично ругалъ кого-то, швырялъ съ грохотомъ стулья и кидалъ въ стѣны, что ни попало.

— Алексѣй Иванычъ,—сказалъ ему Шестовъ,—вѣдь ужъ поздно, тетушка спитъ.

— О, чортъ васъ возьми съ вашей тетушкой!—закричалъ на него Молинъ и сильнымъ ударомъ объ полъ раздробилъ легкiй буковый стулъ.

Шестовъ скромно отретировался въ свою комнату и ужъ больше не препятствовалъ порывамъ шумнаго гнѣва.

Это бѣшенство даже подняло Молина въ глазахъ наивнаго юноши—«значитъ, не виновенъ, если такъ негодуетъ».

А все-жъ ему было досадно,—«стулья-то зачѣмъ ломать?» Онъ вспомнилъ, что Молинъ былъ для нихъ очень невыгодный квартирантъ: слишкомъ много на него было расходовъ, а платилъ онъ мало, такъ что въ послѣднее время накопился долгъ въ лавкахъ, а Молинъ еще не каждый день былъ доволенъ пищей. Его чрезмѣрная разборчивость выводила изъ себя Александру Гавриловну, тетку Шестова, которая говорила про него: «не въ коня кормъ».

Шестовъ упрекалъ себя за такія мелочныя мысли и старался гнать ихъ.

Онъ не могъ опредѣлить и того, какъ-же смотрѣть на то, въ чемъ обвиняютъ Молина: было это или не было? Онъ такъ привыкъ уважать умъ и честность Молина, что считалъ себя обязаннымъ и теперь вѣрить его словамъ, а Молинъ увѣрялъ, что онъ невиновенъ. Но какъ только пробовалъ онъ взглянуть на дѣло спокойно и безпристрастно, такъ немедленно-же и несомнѣнно убѣждался, что Молинъ, конечно, сдѣлалъ то, въ чемъ его обвиняютъ. И не только сдѣлалъ,—мало-ли что случайно можетъ сдѣлать человѣкъ,—но и способенъ былъ сдѣлать: такой ужъ у него былъ темпераментъ, и такія наклонности, и такіе взгляды.

Это убѣжденіе мучило Шестова, какъ измѣна дружбѣ и, слѣдовательно, какъ поступокъ нечестный.

А и друзьями-то они не были,—пьянствовали только вмѣстѣ, причемъ Молинъ не упускалъ случая выставить и подчеркнуть свое превосходство. Противъ этого Шестовъ и не спорилъ, но онъ начиналъ догадываться, что это—плохая дружба. И съ тѣхъ поръ, какъ онъ научился пить водку почти такъ-же хорошо, какъ Молинъ, онъ мало-по-малу началъ замѣчать, что никакого превосходства нѣтъ. Шестовъ уже слушалъ недовѣрчиво, когда Молинъ горделиво говорилъ:

— Меня здѣсь какимъ-то уѣзднымъ Мефистофелемъ считаютъ!

Но Шестовъ старался не давать воли слишкомъ свободнымъ мыслямъ о своемъ товарищѣ: очень ужъ поразилъ и плѣнилъ его съ самаго начала, года два тому назадъ, Молинъ.

Если въ такомъ сбивчивомъ настроеніи Шестовъ хватался за постороннюю идею, чтобы ею развлечься, то это была попытка отчаянная. Идея никакъ не могла прогнать прежнихъ мыслей, хоть и великъ былъ его восторгъ передъ нею и передъ ея авторомъ.

«Геніальный умъ», думалъ онъ о Логинѣ, по своей привычкѣ все преувеличивать.

Онъ рѣшилъ, что будетъ усердно пропагандировать идею, но уже предчувствовалъ, что это только увеличитъ смуту его души.

«Будетъ, будетъ и она мучить!»—думалъ онъ, предвкушая будущія разочарованія.

Вдругъ Шестовъ досадливо нахмурился: онъ увидѣлъ на улицѣ своего ближайшаго начальника, Галактіона Васильевича Крикунова, учителя-инспектора здѣшняго городского училища, въ которомъ Шестовъ служилъ учителемъ. Очевидно было, что Крикуновъ направляется сюда; онъ ужъ начиналъ даже пальто разстегивать, увидѣвъ Шестова у окна.

Шестовъ считалъ Крикунова человѣкомъ злымъ и лицемѣрнымъ, ненавидѣлъ его вкрадчивыя манеры, ханжество, низкопоклонство предъ значительными людьми, его взяточничество, несправедливое отношеніе къ ученикамъ и мелочныя прикарманиванія казенныхъ денегъ. Въ послѣд-

нее время, по нѣкоторымъ мелкимъ, но несомнѣнно-вѣрнымъ признакамъ, Шестовъ сталъ догадываться, что и Крикуновъ его возненавидѣлъ. Причиной могли быть только развѣ неосторожныя слова Шестова въ «своей компаніи», т. е. въ кругу выпивавшихъ съ Молинымъ молодыхъ людей. Но такъ какъ наиболѣе рѣзкія изъ этихъ выраженій были сказаны въ разговорѣ съ Молинымъ съ глаза на глазъ, да и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ подслушать было некому, за городомъ, на шоссе, и такъ какъ Крикуновъ злился очень сильно, то Шестовъ подозрѣвалъ, что все это передалъ Молинъ женѣ Крикунова или его свояченицѣ и что, можетъ быть, прибавилъ къ тому и свои собственныя рѣзкости, взваливъ все это, за-одно, на Шестова. По своей повадкѣ давать всѣмъ пренебрежительныя клички, Молинъ иначе и не называлъ Крикунова въ своемъ пьянствующемъ кружкѣ, какъ сосулькой, или леденчикомъ, или киндеръ-бальзамомъ, или рогатой скотиной.

Откровенно объясниться по этому поводу съ Молинымъ Шестовъ не рѣшался, отчасти по своей застѣнчивости, отчасти и потому, что боялся оскорбить Молина, если заговоритъ съ нимъ о такихъ своихъ подозрѣніяхъ.

Ранній визитъ Крикунова очень удивилъ Шестова; они никогда не посѣщали часто одинъ другого, особенно въ послѣднее время.

«Что-нибудь скверное несетъ съ собою», подумалъ Шестовъ, и съ тяжелымъ сердцемъ, заранѣе падая духомъ, пошелъ въ переднюю встрѣчать Крикунова.

II.

— Здравствуйте, здравствуйте, съ добрымъ утречкомъ,—заговорилъ Крикуновъ жиденькимъ теноромъ, пропуская звуки черезъ носъ,—вотъ и я къ вамъ, Егоръ Платонычъ, рады не рады—принимайте.

— Очень радъ, здравствуйте,—неловко отвѣтилъ Шестовъ, пожимая руку Крикунова и краснѣя.

— Матушка, Александра Гавриловна! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!

— Рѣдко у насъ бываете,—сказала Александра Гавриловна, худощавая и бодрая старуха высокаго роста, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, непріязненно оглядывая сверху внизъ маленькую, тощую и сутуловатую фигурку гостя.

— Некогда, голубушка, некогда,—отвѣчалъ Крикуновъ, придавая своему маленькому лицу съ острыми глазенками озабоченное выраженіе.— Вотъ забѣжалъ по дѣлу, на минуточку. Я еще вчера хотѣлъ поговорить съ вами, Егоръ Платоновичъ, послѣ обѣденки, да вы, кажется, у обѣдни вчера не были?

— Не былъ,—сказалъ Шестовъ.

— Ну, конечно, конечно, гдѣ вамъ, некогда. Такъ я къ вамъ на минуточку, недолго задержу, не помѣшаю.

Шестовъ вошелъ за нимъ въ гостиную, Александра Гавриловна не пошла за ними.

Крикуновъ усѣлся на кресло, подобравъ фалды своего акуратно сшитаго сюртучка, медленно вынулъ изъ кармана табакерку, съ видимымъ удовольствіемъ повертѣлъ ее въ рукахъ, похлопалъ по крышкѣ, открылъ ее и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя понюшку табаку. Онъ пріучился нюхать, чтобъ отстать отъ куренья: дешевле. Звучно и сладко чихнувъ, онъ сказалъ, шмыгая по угламъ большой, но пустовато - обставленной комнаты своими сѣрыми, бойкими глазками:

— Вотъ ужъ я вамъ похвастаюсь, — подарочекъ получилъ отъ бывшаго ученика. Володя Дубицкій прислалъ, я его въ корпусъ готовилъ: отлично сдалъ всѣ экзамены, отецъ очень мнѣ былъ благодаренъ. Да-съ, Егоръ Платонычъ, мы хоть и лыкомъ шиты, а тоже...

— Хорошенькая табакерка, — сказалъ Шестовъ.

— То вѣдь мнѣ дорого, что самъ вспомнилъ; отецъ говоритъ, что никто ему не совѣтовалъ.

— Да, пріятно получить такой знакъ памяти.

— Вотъ и надпись.

Крикуновъ, не выпуская табакерки изъ рукъ, показалъ Шестову выгравированную на нижней сторонѣ серебряной крышки надпись и прочелъ ее вслухъ, раздѣльно и съ чувствомъ:

— Многоуважаемому Галактіону Васильевичу Крикунову, отъ благодарнаго ученика Володи Дубицкаго.

— Молодецъ Володя! — сказалъ Шестовъ.

— Да, вспомнилъ старика, утѣшилъ.

Крикуновъ не былъ старъ, ему было лѣтъ сорокъ, старикомъ онъ назвалъ себя, очевидно, для большей чувствительности.

— Такъ вотъ, — продолжалъ онъ, — хоть вамъ, молодымъ людямъ, это и смѣшно, хоть вы и улыбаетесь...

— Помилуйте, Галактіонъ Васильевичъ, вовсе не смѣшно, совсѣмъ даже напротивъ, т. е. я хотѣлъ сказать, что это очень трогательно.

— Да, утѣшилъ, утѣшилъ. И карточку мнѣ свою прислалъ.

— Тоже съ надписью?

— Да-съ, съ надписью, — раздражительно сказалъ Крикуновъ. Маленькіе глазки его засверкали.

«Долго-ли онъ пѣтушиться будетъ?» съ тоскливой досадой подумалъ Шестовъ. «Хоть-бы тетя пришла слушать его, — все-бы легче».

Но Александра Гавриловна не приходила.

— Съ надписью, — повторилъ Крикуновъ. — Самъ Сергѣй Иванычъ принесъ вчера вечеромъ. Пришелъ ко мнѣ, такъ, за-просто. Посидѣли

мы съ нимъ, потолковали кое о чемъ. Вдругъ подаетъ мнѣ. Очень меня тронуло. Грѣшный человѣкъ, чуть я не заплакалъ. Вѣдь что дорого? что самъ вспомнилъ, самъ вспомнилъ, мальчикъ милый!

«Душу тянетъ, пустомеля проклятый!» злобно думалъ Шестовъ и натянуто улыбался.

— Ужъ такой, говорю, ваше превосходительство, вы мнѣ праздникъ сдѣлали, такой праздникъ! Теперь, говорю, ужъ я никогда съ этой табакерочкой не разстанусь, всегда съ собой буду носить, когда пойду куда-нибудь. Дома-то изъ старой, берестяной тавлиночки нюхаю, а пойду куда, серебряную захвачу, пусть видятъ добрые люди. Похвастаюсь всѣмъ, говорю, ваше превосходительство: вотъ, молъ, какъ мы нынче. Умирать стану, говорю, съ собою въ гробъ прикажу положить эту табакерочку, ваше превосходительство.

Крикуновъ съ умиленіемъ понюхалъ табачку, вздохнулъ и поднялъ къ потолку плутоватые глаза.

— Да-съ, въ гробъ съ собой прикажу положить.

— Вмѣстѣ съ записочкой?

— Съ какой записочкой?—спросилъ, мгновенно окрысившись, Крикуновъ.

— Да отъ Какошкина.

— Да-съ, и ту записочку, и эту табакерку, вотъ какъ!

Записка, о которой напомнилъ Шестовъ, имѣла вотъ какое происхожденіе: прошлой зимой пріѣзжали въ городъ, для ревизіи учебныхъ заведеній, два чиновника, занимавшіе въ учебномъ округѣ значительныя мѣста. Изъ нихъ одинъ, въ генеральскомъ чинѣ и съ важными орденами, имѣлъ долю власти въ управленіи училищами и потому держалъ себя величественно, удостоивая болѣе или менѣе распространенныхъ обращеній только лицъ заслуженныхъ, младшихъ-же служащихъ ошеломлялъ лаконизмомъ вопросовъ, внушительностью замѣчаній и молніями взглядовъ. Другой, тоже въ генеральскомъ чинѣ и съ орденами тоже важными, хотя и нѣсколько младшими, чѣмъ у перваго, былъ при немъ въ качествѣ лица, обязаннаго вникать въ подробности. Вотъ этотъ младшій изъ ревизоровъ по порученію старшаго долженъ былъ однажды вечеромъ передать Крикунову нѣкоторое внезапное приказаніе. Не желая призывать къ себѣ Крикунова лично — некогда было: предстояла интересная партія винта,—господинъ ревизоръ написалъ Крикунову коротенькую записку на лоскуткѣ бумаги, чуть-ли не оберточной. Эту записку Крикуновъ принялъ съ волненіемъ, какъ знакъ высокой милости: собственноручная записка, и въ ней Крикуновъ названъ по имени и отчеству! Положимъ, ревизоръ немного перепуталъ и назвалъ Галактіона Васильевича Василіемъ Галактіоновичемъ, но это, конечно, произошло по множеству заботъ. Что всего умилительнѣе, записка начи-

налась словомъ «уважаемый!» Минута полученія записки была самою радостною и свѣтлою минутою въ жизни Крикунова. Растроганный до глубины души, показалъ онъ записку всѣмъ своимъ сослуживцамъ и объявилъ, что умирая, прикажетъ, положить ее себѣ въ гробъ; потомъ долго ходилъ по всѣмъ своимъ знакомымъ, показывая записку и повторяя то-же завѣщаніе; потомъ записку спряталъ и разсказывалъ о ней уже повторительно, вспоминая новыя подробности. Наконецъ, какъ-то дошли до него грубоватыя насмѣшки Молина надъ его будущимъ гробомъ, который обратится будто-бы въ корзину для сорныхъ бумагъ, такъ какъ служебная карьера его еще не кончена,—а въ эти бумажки бросятъ и обсосанный леденчикъ. Крикуновъ обидѣлся и пересталъ разсказывать о запискѣ. Въ послѣднее время Шестовъ замѣтилъ, что Крикуновъ считаетъ его авторомъ непристойнаго уподобленія. Упомянувъ о запискѣ, Шестовъ спохватился, что этимъ далъ Крикунову поводъ еще болѣе убѣдиться въ томъ.

«Ну, къ чему это я? Зачѣмъ съ нимъ связываться? Эхъ, всегда-то я такъ наглуплю!» терзался Шестовъ.

— Да-съ, Егоръ Платонычъ,—брюзжалъ Крикуновъ,—ничего, что гробъ на мусорную корзину будетъ похожъ, ничего. Дай Богъ всякому въ такую корзину лечь!

— Да ужъ конечно, гдѣ-жъ всякому,—говорилъ Шестовъ, самъ не зная, зачѣмъ это говоритъ: такъ, съ языка сорвалось,—да и вамъ дай Богъ еще не скоро въ гробъ ложиться.

— Эхъ, Егоръ Платонычъ,—вздохнулъ Крикуновъ,—непріятности вездѣ. Это вамъ хорошо разсуждать, а вы меня спросите. Сколько разъ ужъ просилъ, чтобы взяли отъ меня училище, сдѣлали простымъ учителемъ. Да нѣтъ, начальство проситъ остаться, да и родители... Видно, еще нуженъ я. Ну, что-жъ дѣлать, буду трудиться, пока Господь силъ даетъ.

— Конечно, зачѣмъ уходить, коли васъ такъ любятъ.

— Такъ-то, Егоръ Платонычъ, голубчикъ вы мой. Вы еще молоды, а вы у меня спросите. За то мнѣ и почетъ—и отъ родителей, и отъ самихъ учениковъ... Ну, да засидѣлся я. Пора къ домамъ пробираться. Я, вѣдь, по дѣлу.

— Что-жъ вы торопитесь, посидѣли-бы.

— Некогда-то. Завтрашняя мнѣ почта—охъ! Вы вѣдь за меня не сдѣлаете? То-то. Такъ вотъ дѣло-то какое: былъ я у Алексѣя Степаныча.

Глазенки Крикунова опять зашныряли по угламъ комнаты. Шестовъ смотрѣлъ на него и сидѣлъ неподвижно.

— Такъ вотъ Алексѣй Степанычъ проситъ васъ пожаловать къ нему.

— Мотовиловъ?—переспросилъ Шестовъ.

— Ну, ну, Алексѣй Степанычъ,—очень проситъ.

— Когда-же?—тоскливо, срывающимся голосомъ спросилъ Шестовъ.

— Да ужъ вотъ сейчасъ-же, если вамъ возможно.

— Мнѣ-то возможно, но... теперь, пожалуй, рано.

— Нѣтъ, именно теперь Алексѣй Степанычъ просили васъ притти.

— Онъ вамъ говорилъ, зачѣмъ?

Крикуновъ забезпокоился, поерзалъ въ креслѣ и всталъ.

— Не знаю. Навѣрно не знаю. А думаю, что по тому дѣлу...

— О Молинѣ?

— Да, по этому самому дѣлу.

— Ну, хорошо, я схожу.

— Ну, вотъ и хорошо, вотъ и отлично. Ужъ вы, Егоръ Платонычъ, послушайтесь меня,—не спорьте вы съ нимъ много.

— Какъ это? Я и не собираюсь спорить.

— Нѣтъ, видите-ли, если онъ предложитъ вамъ сдѣлать что-нибудь, понимаете, такъ ужъ вы не отказывайте.

— Что-жъ онъ мнѣ предложитъ?

— Да это я такъ, больше по соображеніямъ. Я ничего вѣрнаго не знаю,—а только я вамъ-же желаю добра, и вообще, чтобъ все это получше бы какъ-нибудь обдѣлать. Ужъ я васъ прошу, ужъ пожалуйста, сдѣлайте милость, Егорушка Платоновичъ!

Крикуновъ, сдѣлавшись внезапно очень ласковымъ, поглаживалъ Шестова по плечу и чувствительно пожималъ ему руки, глядя на него замаслившимися лукавыми глазками; назвавъ его, для пущей ласковости, Егорушкой, онъ хотѣлъ было и отчество Шестова сказать въ ласкательной формѣ, да только это у него не вышло. Шестову стало очень совѣстно и очень смѣшно.

— Да, конечно, — заторопился онъ, — я очень радъ сдѣлать что-нибудь возможное; если можно, то я, конечно... отчего-же... я готовъ.

— Ну, ну, ужъ я на васъ буду разсчитывать. Только ужъ вы, пожалуйста, теперь-же сходите, немедленно-же.

И Крикуновъ, торопливо распрощавшись, ушелъ.

III.

Мотовиловъ и въ гимназіи и въ городскомъ училищѣ состоялъ почетнымъ попечителемъ. Шестовъ отправился къ нему съ храбростью подпоручика, первый разъ идущаго на сраженіе и увѣреннаго, что его убьютъ, потому что онъ сегодня скверный сонъ видѣлъ. По обычаю людей, идущихъ на очень страшное, но неизбѣжное дѣло, онъ старался по дорогѣ думать о предметахъ постороннихъ и преимущественно пріятныхъ.

Итти было недалеко, — въ нашемъ городѣ и нѣтъ большихъ разстояній. Черезъ десять минутъ ходьбы онъ стоялъ у дома Мотовилова.

Это былъ деревянный двухъ-этажный домъ, широкій и некрасивый, съ цвѣтными стеклами на крытомъ балконѣ; въ первомъ этажѣ—магазинъ и кладовая, во второмъ—жилые покои. Тутъ Шестовъ сообразилъ, что будетъ приличнѣе пройти дальше, какъ будто бы гуляя, и ужъ только отъ слѣдующаго угла повернуть обратно—и зайти. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но не доходя еще до намѣченнаго угла, онъ рѣшилъ, что достаточно показалъ свою независимость,—и стремительно повернулъ назадъ. Шага за три до крыльца онъ подумалъ, что не лучше-ли будетъ не итти? вѣдь не ему нужно, а его хотятъ видѣть, а вѣдь ему-то что-жъ за дѣло?

Порѣшивши окончательно на томъ, что онъ не пойдетъ, онъ, однако, остановился у крыльца. А разъ остановился, то какъ не зайти? Еще, можетъ быть, кто-нибудь видѣлъ, какъ онъ стоитъ у крыльца. Не войти, подумаютъ—побоялся.

Внезапно покраснѣвши отъ этой мысли, онъ взбѣжалъ на ступеньки крыльца, дернулъ мѣдную ручку звонка и поспѣшно скрылся отъ предполагаемыхъ наблюдателей за незапертою нижнею дверью.

Въ первой-же комнатѣ, куда вошелъ изъ прихожей вслѣдъ за отворившей ему двери горничной, попалась ему навстрѣчу старшая дочь хозяина, Анна Алексѣевна, молоденькая и миловидная дѣвушка, предметъ тайныхъ мечтаній Шестова. Онъ, конечно, никогда не пользовался ея вниманіемъ: слишкомъ застѣнчивый съ барышнями, Неты онъ даже побаивался, считая ее очень насмѣшливой, — хотя она была только смѣшлива. Но такой суровости, какъ сегодня, раньше никогда не бывало: Нета едва взглянула на него, едва кивнула головой на его почтительный и неловкій поклонъ, презрительно отвернулась и молча прошла мимо. Горничная насмѣшливо улыбалась. Шестовъ упалъ духомъ и тихонько побрелъ далѣе въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ горничная предложила ему подождать барина.

Ждать ему пришлось минутъ двадцать, и это время показалось ему очень длиннымъ.

Солнце стояло еще не высоко. Въ гостиной, небольшой, въ два окна, съ цвѣтами у оконъ и по угламъ, съ темной мебелью, было свѣтло и грустно. Сквозь закрытыя двери изъ внутреннихъ комнатъ не слышно было движенія и голосовъ.

Шестовъ нѣсколько разъ порывался уйти, нѣсколько разъ подходилъ къ дверямъ—и оставался.

Наконецъ, онъ совсѣмъ уже собрался уходить, и пошелъ изъ комнатъ. Но пройдя двѣ или три комнаты, онъ встрѣтилъ Мотовилова.

— А, это вы,—сказалъ Мотовиловъ, на ходу подавая ему руку, и пошелъ впереди его, слегка покачиваясь грузнымъ тѣломъ.

Мотовиловъ былъ высокъ и тученъ. Небольшая голова съ низкимъ и покатымъ лбомъ была покрыта сѣдѣющими кудрявыми, густыми волосами; небольшая борода, подстриженная клиномъ, тоже сѣдѣла. Затылокъ у него былъ широкій, скулы хорошо обозначены. Въ разговорѣ онъ слегка наклонялся однимъ ухомъ къ собесѣднику, — онъ былъ немного глуховатъ.

— Галактіонъ Васильевичъ сказалъ мнѣ...

— Да, я просилъ его передать вамъ, что мнѣ надо васъ видѣть. Прошу садиться.

Мотовиловъ указалъ Шестову кресло у преддиваннаго стола и самъ сѣлъ на креслѣ по другую сторону. Пеструю скатерть озаряли косые лучи солнца; на ней стояла глиняная красная пепельница въ видѣ рака и невысокая тяжелая лампа.

— Я хотѣлъ съ вами поговорить о дѣлѣ Алексѣя Иваныча,—началъ Мотовиловъ, постукивая пухлыми пальцами по скатерти;—вы вмѣстѣ жили, вамъ это лучше извѣстно. Вы какъ думаете, виновенъ онъ или нѣтъ?

— Я не знаю, — нерѣшительно отвѣчалъ Шестовъ. — Онъ самъ говоритъ, что невиновенъ. Мотовиловъ строго посмотрѣлъ на Шестова и заговорилъ съ растяжкой:

— Такъ-съ. Признаться, мы всѣ больше расположены вѣрить Алексѣю Иванычу, чѣмъ этой дѣвицѣ,—всѣ, хорошо знающіе Алексѣя Иваныча. Мы считаемъ его неспособнымъ на это. Алексѣй Иванычъ, какъ говорится, ни мухамъ ворогъ. Но очень нехорошо, что ваша тетушка позволила себѣ дать такое показаніе. Да-съ, очень нехорошо. Очень жаль это.

— Да, но я-то причемъ-же?

— Мнѣ кажется,—внушительно сказалъ Мотовиловъ, что вы, какъ товарищъ, должны были позаботиться о томъ, чтобы не вредить Алексѣю Иванычу. Молодое поколѣніе, можетъ быть, считаетъ долгъ товарищества пустымъ предразсудкомъ; но мы, старики, смотримъ на это иначе. Для васъ это особенно важно въ виду тѣхъ неблаговидныхъ слуховъ, которые ходятъ въ городѣ, о томъ, что вы принимали участіе въ возникновеніи этого дѣла.

— Вздорные слухи!—сказалъ Шестовъ, весь зардѣвшись.

— Тѣмъ лучше. Но не скрою отъ васъ, что эти слухи держатся упорно... Конечно, показаніе вашей тетушки уже дано, но его можно измѣнить.

— Слѣдователь можетъ еще допросъ сдѣлать, смущенно говорилъ Шестовъ.

— Но можетъ и не сдѣлать. Я вамъ совѣтую убѣдить вашу тетушку, чтобы она сама явилась къ слѣдователю и заявила ему, что ея

первое показаніе, такъ сказать, не точно, что она не слышала, тамъ, этой двери, ну и такъ далѣе, вообще, чтобы видно было, что нельзя сказать, входилъ онъ въ кухню или нѣтъ.

— Я, Алексѣй Степанычъ, говорилъ со своей тетушкой объ этомъ дѣлѣ, заговорилъ Шестовъ дрожащимъ голосомъ, силясь преодолѣть смущеніе.

— Такъ-съ, ну и что-же?—строго спросилъ Мотовиловъ.

— Она, конечно, не согласится на это. Все именно такъ и было, какъ она показывала.

— Ну, вы должны убѣдить ее, наконецъ даже заставить.

— Какъ заставить?

— Да, именно заставить. Вы содержите ее и ея сына на свой счетъ, ея сынъ освобожденъ отъ платы въ нашей гимназіи,—и это надо очень цѣнить,—она должна васъ послушаться.

Въ лучахъ солнца глиняный ракъ на столѣ краснѣлъ, какъ Шестовъ, и стыдливо прятался подъ его вздрагивающими пальцами.

— Нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ.

— Ну, какъ не сдѣлаетъ, коли она отъ васъ зависитъ, и она сама, и ея сынъ.

— Выходитъ, какъ-будто я долженъ припугнуть ее, что прогоню ее отъ себя, если она не послушается?

— Да, въ крайнемъ случаѣ намекнуть, дать понять, даже прямо объявить. Это для васъ самихъ очень важно, вся эта грязная исторія можетъ отразиться даже на вашей службѣ.

Мотовиловъ придалъ своему голосу и лицу очень внушительное выраженіе, что онъ любилъ дѣлать.

— Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ, я не могу такъ поступить.

— Напрасно. Потомъ сами пожалѣете... Кто заварилъ кашу, тому и расхлебывать.

— Это, по-моему, даже нечестно—давать ложныя показанія.

Шестовъ всталъ съ кресла.

— Нѣтъ, вы меня не поняли,—съ достоинствомъ сказалъ Мотовиловъ:—я вамъ недолжнаго не могу посовѣтовать,—посмотрите, у меня борода сивая. Я васъ просилъ только, во имя чести и правды, повліять на вашу тетушку, чтобы она вмѣсто невѣрнаго показанія дала вѣрное.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Шестовъ, дрожа отъ негодованія, искренняго и наивнаго.

— Да-съ, вотъ какъ. У вашей тетушки свои виды, а по нашему общему мнѣнію, тутъ только одинъ шантажъ, и это обнаружится, могу васъ увѣрить. Если вашъ товарищъ, къ нашему общему сожалѣнію, пострадаетъ изъ-за вашего коварства, то вы, повѣрьте мнѣ, ничего не выиграете.

— Ну, хорошо, намъ съ вами больше не о чемъ говорить, — съ внезапной рѣшительностью сказалъ Шестовъ, неловко поклонился и бросился вонъ.

IV.

Вечерѣло. Солнце близилось къ закату. По узкимъ дорожкамъ вала кружилась, все прибывая, пестрая и болтливая толпа. Босоногіе крестьянскіе ребятишки суетливо продавали ландыши.

Въ бесѣдкѣ сидѣлъ Логинъ, одинъ. Голова у него болѣла, и томила его грусть. Мысли проносились отрывочныя и несвязныя. Равнодушными глазами провожалъ онъ проходившихъ мимо.

Наконецъ, онъ замѣтилъ недалеко отъ себя Анну Ермолину, которая шла съ кѣмъ-то, кого онъ не успѣлъ пока разсмотрѣть. Онъ всталъ и пошелъ въ ту сторону; ему казалось, что онъ повернулъ туда совершенно случайно,—но онъ присоединился къ обществу, гдѣ находилась Нюта.

Тутъ были, — онъ замѣтилъ остальныхъ, кромѣ Нюты, только здороваясь съ ними: — Нета Мотовилова, нарядная и веселая, — увивающійся около нея молодой человѣкъ деликатнаго сложенія, одѣтый черезъ-чуръ старательно и узко, причесанный волосокъ къ волоску, напомаженный, надушенный, съ коротко подстриженной черной бородкой, съ предупредительной улыбкой и масляными глазками. Иванъ Константиновичъ Бинштокъ, служащій въ судѣ, занимающійся пріискиваніемъ невѣсты и тратящій все, что остается отъ его небольшого жалованья послѣ уплаты за квартиру, на одежду, духи и вообще на поддержаніе приличнаго вида, такъ какъ на пищу издерживаетъ онъ мало, предпочитая каждый день быть у кого-нибудь въ гостяхъ, — поручикъ резервной роты Гомзинъ, тотъ самый, котораго Логинъ встрѣтилъ вчера на валуже съ Машенькой Оглоблиной, человѣкъ изъ тѣхъ, что пороху не выдумаютъ, съ рябымъ лицомъ темно-бураго цвѣта и очень бѣлыми зубами, которыми онъ, повидимому, гордится, потому что часто смѣется, испуская звуки, похожіе на ржанье и старательно показывая свои зубы,—Мотовиловъ въ легкой сѣренькой накидкѣ и съ тяжелою тростью въ рукѣ,— и съ нимъ подъ руку другая дочь, пятнадцати-лѣтняя Ната. Такъ измѣнено, для благозвучія и краткости, имя Анастасія.

Ната еще дѣвочка нескладная и неловкая. Она еще носитъ короткія платья, но старается держать себя степенно и стыдится тѣхъ угловатыхъ, почти мальчишескихъ движеній, которыя выдаютъ порой ея возрастъ. Ей уже не нравится, если на нее смотрятъ, какъ на дѣвочку, но она еще краснѣетъ, какъ вишня, когда ее называютъ Настасьей Алексѣевной. Теперь она сердито поглядываетъ на Бинштока и на сестру, ея блѣдное личико часто покрывается румянцемъ досады. Бинштокъ

иногда занимался и Натой: онъ приберегалъ ее «на всякій случай»; «въ запасъ».

Бывало, онъ очень обижался, когда Молинъ увѣрялъ, что за него отдадутъ развѣ только «чахоточную» Нату, да и то потому только, что она «глухая». Молинъ любилъ посмѣяться надъ своими собутыльниками и грубовато подразнить ихъ. На этотъ разъ онъ былъ не совсѣмъ правъ: Ната не была глухая, не была и въ чахоткѣ,—но случались дни, когда у нея шла кровь изъ горла или изъ носа, и она начинала плохо слышать.

Вмѣстѣ со всѣми Логинъ вернулся въ бесѣдку. Усѣлись по скамейкамъ. Логину казалось, что всѣмъ скучно, и что всѣ притворяются, что имъ хорошо. Бинштокъ въ полголоса разсказывалъ что-то Нетѣ, должно быть, смѣшное: онъ улыбался очень убѣдительно и даже иногда похихикивалъ и пофыркивалъ. Нета смѣялась и, когда на нее не глядѣли, подносила руки къ щекамъ: Логину удалось какъ-то подмѣтить, что она потихоньку пощипываетъ щеки, чтобъ не быть блѣдной. Гомзинъ развлекалъ Нюту разсказами на обще-армейскій ладъ, повернувшись къ ней всѣмъ корпусомъ съ необычайной любезностью; прекрасные гарнизонные зубы его отлично блестѣли. Мотовиловъ, опираясь сложенными ладонями на серебряный набалдашникъ трости, которую онъ поставилъ между раздвинутыми своими ногами, медлительно разсказывалъ Логину случаи, которые должны были доказать, что онъ — всѣми уважаемый мѣстный дѣятель, и что его труды ужъ такъ полезны обществу, что и сказать нельзя. Логинъ слушалъ и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ дѣлалъ приличныя случаю замѣчанія.

Но и слушалъ Мотовилова и говорилъ съ нимъ онъ почти машинально. Онъ спрашивалъ себя: неужели Нютѣ могутъ быть интересны розсказни Гомзина? Она разговариваетъ съ нимъ такъ, какъ будто это доставляетъ ей удовольствіе.

«Этотъ гарнизонный воинъ», думалъ Логинъ, «просто, глупъ, и очень доволенъ собою. Очевидно, онъ воображаетъ, что его мундиръ, его красота и его любезность — оружіе неотразимое. Мнѣ кажется, ей слѣдовало-бы дать ему понять, что онъ—фофанъ, да и то резервный».

Ему было досадно.

Мотовиловъ тоже досадовалъ: онъ догадывался, что Логинъ слушаетъ его не достаточно внимательно. Это Мотовиловъ относилъ къ легкомыслію и вольнодумству Логина и удваивалъ обычную внушительность своего лица и своихъ интонацій.

V.

— Василій Марковичъ,—сказала Нета, когда Мотовиловъ пріостановился въ своихъ разсказахъ,—я слышала сейчасъ, что вы устраиваете здѣсь общество благотворительное,—правда это?

— А отъ кого, позвольте узнать, вы это слышали?

— Вотъ Иванъ Константинычъ говоритъ.

— Да-съ, —съ любезнѣйшей улыбкой подтвердилъ Бинштокъ,—сейчасъ у меня былъ Шестовъ и просвѣщалъ меня на этотъ счетъ.

«То-то и просвѣтилъ!» подумалъ Логинъ.

— Это ужасно, ужасно хорошо—благотворительное общество,—залепетала Нета:—у насъ такъ много бѣдныхъ, а мы будемъ имъ помогать, —восхитительно!

— Не то, чтобы благотворительное...—началъ было Логинъ.

Нета перебила его:

— Да, да, я все прекрасно поняла. Имъ не совсѣмъ даромъ будутъ помогать, а чтобъ они работали. Они могутъ плести благотворительныя корзинки.

— Или собирать благотворительные грибы, — прибавила Нюта, улыбаясь.

— Да, да, грибы, или тоже ягоды можно.

— Благотворительность, — внушительно заговорилъ Мотовиловъ, постукивая золотымъ перстнемъ по набалдашнику своей трости, — конечно, святое дѣло. Всѣ мы обязаны помогать неимущему, — по мѣрѣ нашихъ средствъ. Истинные христіане такъ и дѣлаютъ, я увѣренъ въ этомъ. Кто рѣшится отказать въ кускѣ хлѣба человѣку честному, но по несчастію или по слабости обѣднѣвшему и протягивающему руку со слезами на глазахъ? Надо имѣть слишкомъ жестокое сердце, чтобы думать только о себѣ. Но самое лучшее — благотворить такъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая. Общественная-же благотворительность—дѣло очень трудное и даже, позволю себѣ такъ выразиться, деликатное, требуетъ, во-первыхъ,—большой опытности, во-вторыхъ—знанія мѣстныхъ условій,—вообще, очень многаго.

— Совершенно вѣрно изволили сказать,—подтвердилъ Гомзинъ, повернувъ къ Мотовилову свои восхитительно-оскаленные зубы и почтительно склоненный станъ: — и опытность, и знаніе мѣстныхъ условій, и, главнымъ образомъ, вліятельное положеніе въ обществѣ.

— Да, именно,—одобрилъ Мотовиловъ, важно наклоняя голову:— вліяніе на общество. Именно это я и хотѣлъ сказать.

— Вліяніе на общество, — подхватилъ Гомзинъ, взвизгивая отъ подобострастія.

— Вотъ возьмемъ, напримѣръ, нашу общедоступную столовую,— продолжалъ Мотовиловъ,—мы ее устроили на практическихъ началахъ, и она оказалась настоящимъ благодѣяніемъ.

Логинъ зналъ эту столовую, которую устроили при городской богадѣльнѣ скучающія дамы нашего города, и въ которой ежедневно кормили десятка полтора нищенокъ, избранныхъ по протекціи тѣхъ-же дамъ.

— Тутъ недоразумѣніе маленькое,—сказалъ Логинъ, улыбаясь.— Я и не мечталъ никогда посягать на благотворительность и на другія добродѣтели: гдѣ ужъ мнѣ, конечно, — человѣкъ я грѣшный, да и не по средствамъ мнѣ. Дѣло, которое мы задумали, проще.

И Логинъ принялся объяснять свой замыселъ. Мотовиловъ слушалъ со строгимъ вниманіемъ. Говорилъ Логинъ вяло и кратко, словно нехотя. Ему непріятно было распространяться о своихъ планахъ передъ Мотовиловымъ. Нета съ разочарованіемъ глядѣла на Логина.

— Вотъ что!—протянула она, капризно надувая губы.—Что-жъ вы мнѣ вовсе не такъ разсказали?—упрекнула она Бинштока.

— Я и самъ сначала такъ понялъ. Да признаться, я не очень внимательно слушалъ Шестова: работалъ днемъ, голова разболѣлась, хотѣлось погулять, а тутъ онъ пришелъ—скандалъ!

— Ахъ ты, благотворительница,—со смѣхомъ сказала Нюта, обнимая Нету:—вотъ подожди, мы зимой опять устроимъ живыя картины въ пользу бѣдныхъ, а пока подежурь въ недѣлю разокъ въ благотворительной столовой,—старушки тебѣ ручки цѣлуютъ, королевишной называютъ.

Логину было досадно, что Нюта, очевидно, забавлялась и тѣмъ, какъ понялъ Бинштокъ слова Шестова, и тѣмъ, какъ отнеслись къ этому Нета и Мотовиловъ.

— Не берусь судить объ удобоисполнимости вашего проекта,—сказалъ Мотовиловъ съ удвоенной внушительностью (вообще, онъ дорожилъ тѣмъ, чтобы къ его словамъ относились почтительно),—конечно, въ теоріи все это хорошо, но на практикѣ—другое дѣло. Осмѣлюсь только замѣтить, что вы рискуете встрѣтиться вотъ съ какою непріятностью: чѣмъ вы гарантированы отъ вторженія въ ваше общество растлѣвающаго элемента,—лѣнтяевъ и тунеядцевъ, которые только о томъ и думаютъ, чтобы поменьше работать и побольше получать? Такіе трутни, если и будутъ работать, такъ плохо.

— Совершенно справедливо,—сказалъ Гомзинъ.

— У частнаго, скажемъ, мастера, которому я закажу вещь, я ее не возьму, если онъ сдѣлаетъ дурно. А здѣсь? Онъ обезпеченъ, ему нечего безпокоиться за свой кусокъ хлѣба,—что его заставитъ работать хорошо?

— Если-бы меня, напримѣръ,—беззаботно замѣтилъ Биншгокъ,— кормили и одѣвали, и вообще содержали такъ, безъ денегъ, за здорово-живешь, развѣ я сталъ-бы работать? Скажите, пожалуйста, съ какой стати?

— А вы обо всѣхъ по себѣ не судите,—стремительно вмѣшалась въ разговоръ Ната.

Это вышло неожиданно и рѣзко. Ната густо покраснѣла, когда всѣ на нее посмотрѣли. Всѣ засмѣялись, Логинъ сдержанно улыбнулся.

— Вы, конечно, правы, Ната, — сказалъ онъ, — мы, городскіе жители, не должны объ этомъ судить только по себѣ: мы привыкли къ разсѣянной жизни и превосходно обходимся безъ работы. Намъ кажется, что такъ и другіе. А рабочему человѣку безъ дѣла—смерть.

— Нѣтъ,—возразилъ Мотовиловъ,—безъ дѣла онъ,—такъ въ кабакъ пойдетъ послѣдніе гроши пропивать.

— Но я, впрочемъ, согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, Алексѣй Степанычъ, о тунеядцахъ,—сказалъ Логинъ,—это, конечно, слѣдуетъ предвидѣть.

Не хотѣлось ему спорить съ Мотовиловымъ, и онъ сообразилъ, что невыгодно имѣть Мотовилова противъ себя въ замышляемомъ дѣлѣ: человѣкъ пронырливый, можетъ забѣжать и повредить.

— Да-съ, непремѣнно, — самодовольно заговорилъ Мотовиловъ.— Дѣло надо держать въ рукахъ. Безъ хозяина нельзя. Мы, русскіе, не можемъ жить безъ руководства. И,—вы меня извините,—я вамъ позволю еще посовѣтовать, какъ человѣкъ опытный, пожившій на свѣтѣ не мало,—если, конечно, вамъ угодно будетъ выслушать.

— Съ глубочайшей признательностью выслушаю вашъ совѣтъ,— сказалъ Логинъ, любезно улыбаясь, но чувствуя, какъ въ немъ накипаетъ все болѣе и болѣе досады.

— Вы, конечно, помните изреченіе баснописца: «съ разборомъ выбирай друзей»?—спросилъ Мотовиловъ съ выраженіемъ глубокой мудрости на хитромъ лицѣ.

Логинъ замѣтилъ, что при этомъ «предисловіи» къ обѣщанному «совѣту» всѣ постарались придать своимъ лицамъ серьезное и понимающее выраженіе. Одна только Нюта улыбнулась насмѣшливо и лукаво,— такъ показалось Логину, а впрочемъ, можетъ быть, только показалось: черезъ полминуты она уже сидѣла спокойно и слушала внимательно.

— Золотое правило,—съ глубокомысленнымъ видомъ сказалъ Гомзинъ, показывая зубы Логину: — Крыловъ весьма остроумно сочинялъ свои басни.

— Свои, а не чужія?—задорно крикнула расходившаяся Ната.

— Ната!—строго, въ полголоса, остановилъ ее отецъ.

Ната присмирѣла и сверкнула глазками на Гомзина.

— Такъ вотъ я и скажу,—продолжалъ Мотовиловъ,—что слѣдовало вамъ очень осторожно выбирать сотрудниковъ. Нечего грѣха таить, не всѣ способны быть хорошими товарищами. Съ инымъ не трудно и въ просакъ попасть, повѣрьте моей опытности. Вы не подумайте, что я говорю что-нибудь такое, что бы я не могъ повторить при комъ угодно. Да-съ. Я—человѣкъ прямой. Личностей касаться я не буду, но считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ, чтобы вы не довѣрялись слишкомъ поспѣшно.

— Шестовъ не способенъ ни на какое коварство, — сказалъ Логинъ,—онъ молодъ, наивенъ и честенъ.

Непріязненное чувство къ Мотовилову разгоралось въ Логинѣ, и внушительно-важная фигура стараго лицемѣра становилась ему несносной.

— Не только тѣ хороши, кто молоды, — обидчиво заговорилъ Мотовиловъ, постукивая тростью по деревянному полу бесѣдки — но, какъ я уже имѣлъ честь вамъ объяснить, личностей я не трогаю и не навязываю никому своего мнѣнія,—не смѣю: вы, можетъ быть, изволите обладать бо́льшимъ знаніемъ свѣта и бо́льшимъ умомъ—вамъ и книги въ руки; а я говорю, какъ по моему, можетъ быть, несовершенному разуму выходитъ,—и я говорю вообще.

— А, вообще... Я думалъ... Впрочемъ, благодаренъ вамъ за ваши совѣты, — сухо сказалъ Логинъ.

«На сегодня будетъ!» —рѣшилъ онъ, раскланялся и отправился домой.

VI.

Солнце уже зашло. Западъ пылалъ. Восточная половина неба была залита нѣжно-алыми, лиловыми и палевыми оттѣнками. Воздухъ былъ тихъ и звученъ. Грустная задумчивость разлита была въ его свѣтломъ колыханіи. Прозрачно было мерцаніе вечера, и незамѣтно набѣгали сумерки.

Влажная и сонная тишина стояла надъ рѣкою. Гладкія струи плескались о сырой песокъ берега съ легкимъ шепотомъ, словно нѣжныя губы ребенка цѣловали руки матери. Вдали, на берегу, зажглась красная звѣздочка костра; тамъ виднѣлась рыбачья лодка.

Спускаясь съ вала, Логинъ чувствовалъ, что его осѣняетъ мирное и благостное настроеніе.

«Отчего?» подумалъ онъ съ удивленіемъ, и въ отвѣтъ на его мысленный вопросъ улыбка Нюты затеплилась передъ нимъ.

«Какъ могъ я досадовать на ея улыбку? Вотъ теперь она меня грѣетъ, и я схожу къ себѣ внизъ съ завѣтомъ мира».

Въ мягкомъ и прозрачномъ воздухѣ раздавались звуки пѣсни. На Воробьинкѣ, у самой воды, сидѣла компанія какихъ-то оборванцевъ. Это они пѣли и пѣли прекрасно.

Логинъ направился черезъ островъ: такъ было ближе. Когда онъ перешелъ мостъ, отъ артели пѣвцовъ отдѣлился высокій дѣтина въ отрепьяхъ, въ опоркахъ на босую ногу, приблизился къ Логину и, обдавая его запахомъ сивухи, заговорилъ, стараясь придать хриплому голосу умильное и просительное выраженіе.

— Милостивый государь, осмѣлюсь васъ обезпокоить. По лицу и по изяществу тѣлодвиженій вашихъ усматриваю, что вы—человѣкъ интеллигентный. Не откажите помочь людямъ тоже интеллигентнымъ, людямъ изъ общества, но впавшимъ въ несчастіе и принужденнымъ снискивать пропитаніе тяжелою землекопною работою.

— Вы слишкомъ краснорѣчиво изъясняетесь,—сказалъ Логинъ, съ удивленіемъ разсматривая его.

— Проникаю въ сокровенный смыслъ вашего замѣчанія. Изволите намекать, что я того... заложилъ за галстукъ.

Дѣтина щелкнулъ себя по тому мѣсту шеи, гдѣ нѣкогда имѣлъ обыкновеніе носить галстукъ.

— Съ горя, милостивый государь, и отъ климата, для предупрежденія и пресѣченія простуды. Видѣлъ, какъ и эти птенцы, со мною путешествующіе и воспѣвающіе, видѣлъ лучшіе дни. Но «миновали прекрасные дни Аранжуеца!» Былъ нѣкогда судебнымъ слѣдователемъ. Но сердечныя огорченія и превратность судьбы вторгнули меня въ пучину несчастія, гдѣ и пребываю безвыѣздно. А эти, со мною странствующіе, тоже изъ сильныхъ міра сего: одинъ—бывшій полицейскій надзиратель, другой—столоначальникъ, а третій—бывшій дворянинъ, лишенный столицъ приблизительно безвинно. Благороднѣйшая, чиновная компанія!

— Куда-же вы путешествуете?—спросилъ Логинъ.

— Работаемъ совмѣстно надъ улучшеніемъ путей сообщенія, а инженеры здѣшніе, съ позволенія сказать, жулики! Но, впрочемъ, благороднѣйшіе люди!

— А отъ меня-то вамъ чего-же угодно?

— Испрашиваю у васъ нѣкоторое количество денегъ заимообразно,—отнюдь не въ видѣ милостыни.

— Хорошо, я дамъ вамъ что-нибудь заимообразно, какъ вы выражаетесь. А вы всегда въ такомъ состояніи?

— Чистосердечно каюсь: почти безпрерывно! Какъ благородный человѣкъ! Чуждые нравственности узкой, не рѣшаемся мы скрыть этотъ знакъ натуры русской,—да, веселье Руси пить!»

— Однако, потрезвѣе бываете-же вы когда-нибудь?

— По утрамъ-съ, а также и во дни невольнаго поста.

— Такъ вотъ въ такое время не придете-ли вы когда-нибудь ко мнѣ на квартиру?

— Изволите быть писателемъ?—спросилъ оборванецъ, хитро подмигивая.

— О нѣтъ, не писатель.

Логинъ объяснилъ, какъ найти его. Дѣтина выслушалъ, видимо стараясь запомнить, и потомъ сказалъ, широко улыбаясь:

— Да вы не извольте утруждать себя объясненіями, та́къ найду. Почему, угодно знать? Вотъ почему: есть благодѣтели, что юродивыхъ да кошекъ собираютъ, особенно благодѣтельницы есть такія сердобольныя; ну, а которые-бы нашего брата желали увидѣть, такихъ не болѣе, какъ по одному на милліардъ гражданъ. Когда куда сами придемъ, такъ и то смотрятъ, какъ-бы мы не уперли чего, вытурить торопятся, потому какъ мы народъ, съ позволенія сказать, отпѣтый. Такъ я такъ смѣкаю, что вашу милость и безъ адреса найду.

Логинъ молча выслушалъ, нахмурился и пошелъ прочь.

— Ваше высокоблагородіе! — окликнулъ его оборванецъ, — а обѣщанное-то вами заимообразное вспомоществованіе?

Логинъ остановился, досталъ деньги и сказалъ:

— Все равно, пропьете.

— Немедленно же, но за ваше драгоцѣнное здоровье. Щедры, щедры и милостивы, награди васъ Господь! Возвращу при первой же возможности. Простите, что не ношу съ собой вексельной бумаги!

Дѣтина возвратился къ своимъ товарищамъ, — и снова понеслись звуки пѣсни, задушевные, ласкающіе слухъ. Публика на валу слушала пѣвцовъ. Эти звуки мучили и дразнили Логина.

«Поэтическій замыслъ, артистическое исполненіе... и пѣвцы—пропойцы. Дико и прекрасно!»

VII.

Логинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Темные обои съ уродливыми красными цвѣтами въ видѣ гвоздей и колпаковъ, низкій потолокъ, оклеенный желтоватою бумагою, досчатый неровный полъ, окрашенный въ красно-бурый цвѣтъ,—все дѣлало комнату мрачною... Мимолетнымъ былъ тотъ кроткій свѣтъ, которымъ Логина осѣнила сегодня улыбка Нюты.

На столикѣ возлѣ кушетки, на мельхіоровомъ подносѣ, стояла бутылка мадеры и тарелка съ бисквитами. Маленькій тонкій стаканъ, до половины наполненный виномъ, тѣснился на подносѣ, прижимаясь къ бутылкѣ... Логинъ допилъ стоя вино изъ стакана маленькими глотками, заѣдая ихъ бисквитами, налилъ другой стаканъ, перенесъ его съ собою и сѣлъ къ письменному столу. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ въ тяжелой задумчивости, облокотясь на столъ. Голова его горѣла и кружилась. Онъ чувствовалъ, что не скоро уснетъ. Тоскливая жажда тянула его къ вину.

Въ послѣднее время часто случалось ему проводить ночи вовсе безъ сна,—ночи томительныхъ грезъ и отрывочныхъ воспоминаній. Въ немъ творилось что-то неладное. Сознательная жизнь мутилась,—не было прежняго цѣльнаго отношенія къ міру и людямъ. Въ безсонныя ночи картины прошлаго, тусклыя, неопредѣленныя, пробѣгали въ его головѣ. Ему казалось странно отождествлять себя съ тѣмъ мальчикомъ и юношей, на котораго онъ смотрѣлъ съ горы своего опыта и усталости. Вспоминая, онъ видѣлъ себя немного со стороны. Не то, чтобъ онъ ясно наблюдалъ того другого, о которомъ думаетъ, когда, по взаимной неточности языка и мысли, говоритъ: я былъ, я дѣлалъ. Похоже было на то, когда высунешься изъ окна и стараешься заглянуть въ сосѣднія окна, или подъ карнизъ дома, гдѣ лѣпятся сѣрыя гнѣзда, или въ окна другихъ этажей; домъ виденъ не совсѣмъ со стороны, но и чувствуешь, что не въ самомъ домѣ находишься. Такъ и онъ, вспоминая былого себя, видѣлъ приливы и отливы румянца на щекахъ, очерченныхъ строгою, слегка волнистою линіею, всю свою тонкую и хрупкую фигуру, всегда немного понурую,—видѣлъ это, какъ что-то чужое, но не такъ ярко, какъ вспоминались предметы совершенно посторонніе. Даже сильныя душевныя движенія, пережитыя когда-то, припоминались смутно. Зато иногда что-нибудь внѣшнее и мелкое, связанное съ испытаннымъ сильно чувствомъ, выпукло вставало въ памяти. Были нѣкоторыя обстоятельства, которыя казались совершенно утраченными для памяти. Чувствовалось, что многія звенья той цѣпи впечатлѣній, которыя нѣкогда стройными волнами перелились черезъ порогъ сознанія, теперь затерялись, упали въ общую темную массу пережитаго,—и сходныя соединились, какъ сливающіеся ручьи.

Сознаніе, какъ блуждающій огонекъ, перебѣгаетъ по этой нестройной массѣ и своимъ мельканіемъ дѣлаетъ то, что называютъ сознательною жизнью. Были дни, когда мысли и чувства шли жизнерадостнымъ путемъ, — все темное въ жизни забывалось. Бывали и жестокія полосы жизни: невыносимая тоска сжимала сердце, и всѣ могилы душевнаго кладбища высылали своихъ мертвецовъ,—тогда изглаживалась въ душѣ память объ ея другомъ, лучшемъ мірѣ. Но чаще огонь сознанія горѣлъ какъ бы на мосту, соединяющемъ двѣ половины души, и чувствовалось томленіе нерѣшительности. Иногда этотъ огонь освѣщалъ радостныя и полныя надеждъ мысли, но сила жить принадлежала ветхому человѣку, который дѣлалъ дикія дѣла и метался, какъ бѣшеный звѣрь, передъ удивленнымъ сознаніемъ. Чѣмъ больше скоплялось въ жизни угнетающаго, тѣмъ бывало сильнѣе и дольше продолжалось торжество освобожденнаго низшаго сознанія...

Логинъ открылъ одинъ изъ ящиковъ стола и досталъ письмо, полученное недавно. На это письмо онъ еще не отвѣчалъ. Оно было отъ

лучшаго изъ его пріятелей, съ которымъ онъ бесѣдовалъ почти откровенно. Онъ перечиталъ теперь внимательно всѣ четыре страницы письма, исписанныя мелкимъ почеркомъ. Потомъ онъ отыскалъ почтовую бумагу, придвинулъ стулъ поближе къ столу и началъ писать. Долго просидѣлъ онъ за этимъ, то быстро водя перомъ по бумагѣ, то откидываясь на спинку стула и задумываясь. Иногда бралъ онъ стаканъ и отпивалъ понемногу вина.

Онъ писалъ о своемъ замыслѣ.

VIII.

Логинъ окончилъ письмо и, не выпуская пера изъ рукъ, просидѣлъ минуты двѣ, грустно глядя на разбросанные листки.

Холодноватый воздухъ вливался съ улицы въ открытое окно. Въ городѣ было тихо. Издали доносились болтливые звуки рѣки у мельничной запруды, словно тамъ звучно лепетала, и смѣялась, и плакала безпокойная русалка.

Логинъ допилъ вино изъ стакана,—ощущеніе холодноватаго стекла и вкусъ вина доставляли ему наслажденіе, въ которомъ на минуту онъ весь сосредоточивался; но потомъ опять становилось тоскливо. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, перелилъ изъ бутылки въ стаканъ остатки вина и опять сѣлъ къ столу.

Логинъ собралъ листы письма въ порядкѣ, поставилъ на нихъ цифры, чтобы легче было потомъ подобрать ихъ, если онѣ разсыплются при выниманіи изъ конверта,—и принялся перечитывать письмо.

Непріятное ощущеніе тупой боли въ правомъ вискѣ повторялось все чаще. Онъ откинулся на спинку стула. Поблѣднѣвшее лицо его казалось спокойнымъ.

Онъ слышалъ тихій смѣхъ, который звенѣлъ за его спиною. Сыроватый холодъ пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ оглянулся на открытое окно.

«Закрыть-бы его»,—подумалъ онъ,—но ему лѣнь было встать.

«Нѣтъ, лучше послѣ,—рѣшилъ онъ,—а то будетъ душно».

Онъ выпилъ мадеры и опять принялся за письмо. Нѣкоторыя мѣста напомнили ему почему-то Мотовилова,—и каждый разъ ненависть и презрѣніе къ этому человѣку вспыхивали въ немъ. Дочитывая письмо, онъ удивился его окончанію:

«Съ чего это я вздумалъ увѣрять, что вѣрую въ свою идею? — подумалъ онъ.—Вѣдь и такъ понятно было-бы, что безъ вѣры въ нее я не сталъ-бы думать объ ея выполненіи. Это—дурной признакъ. Или и въ самомъ дѣлѣ я живу слишкомъ рано, еще въ утреннихъ сумеркахъ, и это только тѣни далекаго будущаго ложатся на меня?»

Запечатывая письмо, надписывая адресъ, онъ все продолжалъ слышать странный, несмолкающій смѣхъ. Тупая боль въ головѣ расползалась все дальше. Казалось ему, что что-то постороннее стоитъ за его спиной. Вдругъ замѣтилъ онъ, что ему страшно. Съ напряженной улыбкой, преодолѣвая жуткое чувство, обернулся онъ назадъ.

«Это—рѣка»,—сообразилъ онъ, всталъ и затворилъ окна. Въ комнатѣ стало тише,—за стекломъ оконъ шумъ воды раздавался глуше и слабѣе.

Логинъ допилъ вино,—ему стало теплѣе и веселѣе. Онъ зажегъ свѣчку, потушилъ лампу и собрался лечь спать. Со свѣчкою въ рукахъ подошелъ онъ къ постели.

Одѣяло тяжелыми складками лежало на кушеткѣ, закрывая подушку. На его красномъ цвѣтѣ рѣзко выдѣлялись тѣни складокъ. Странно расположилось оно на кушеткѣ: по серединѣ оно коробилось, а съ боковъ лежало плотнѣе. Съ нижней стороны кушетки, въ ногахъ, образовалась продольная складка, доходившая до середины одѣяла. На подушкѣ оно тоже возвышалось и круглилось. Совсѣмъ похоже было на то, какъ-будто забрался кто-нибудь подъ одѣяло и лежитъ тамъ тихонько, не шевелясь. Логинъ стоялъ молча и неподвижно передъ постелью, подымая передъ собою правую руку со свѣчкой, точно ему хотѣлось освѣтить что-то сверху, поудобнѣе. На поблѣднѣвшемъ лицѣ его сумрачные глаза горѣли тягостнымъ недоумѣніемъ.

Тихій, назойливый смѣхъ шелестѣлъ за его спиною. Мысли складывались медленно и трудно, какъ-будто хотѣлось что-то припомнить или понять, и это усиліе было мучительно. Но ему казалось, что онъ начинаетъ понимать. Тамъ, закрываясь одѣяломъ, лежитъ кто-то, страшный и неподвижный. Холодомъ вѣетъ отъ него. Логинъ чувствуетъ на своемъ лицѣ и на тѣлѣ холодъ, вѣющій оттуда.

Это—странный холодъ... Это—холодъ трупа... Тамъ, подъ одѣяломъ, еще не началось тлѣніе. Но посинѣлыя губы тяжелы, и неподвижные глаза впалы.

«Дикая мысль»,—думаетъ Логинъ,—но странное оцѣпенѣніе сковываетъ его члены, и не можетъ онъ приподнять одѣяло. Лицо мертвеца мерещится ему... Красноватый свѣтъ свѣчки зыблется на красномъ одѣялѣ. Бѣлесоватый туманъ надвигается, наползаетъ со всѣхъ сторонъ, — и только красное одѣяло зіяетъ своими темными складками. Туманъ вздрагиваетъ и смѣется беззвучно, но внятно.

Лицо мертвеца мерещится Логину; это—его собственное лицо, страшно-блѣдное, съ тускло-свинцовыми тѣнями на впалыхъ щекахъ, еще не тронутыхъ тлѣніемъ.

«Нелѣпая мечта! Надо взять себя въ руки!»—шепчутъ его блѣдныя губы.

Его лѣвая рука тянется къ одѣялу. А туманъ разростается, клубится уже надъ одѣяломъ, и смѣется, смѣется злобно и жалобно. Свѣча колеблется въ отяжелѣлой и затекшей рукѣ Логина.

Онъ чувствуетъ, что страшно и томительно лежать неподвижнымъ, непогребеннымъ трупомъ, и ждать... Кто-то стоитъ надъ нимъ, всматриваясь дико-горящими глазами въ его покрытое краснымъ одѣяломъ тѣло. Чья-то рука ложится на его грудь, нащупываетъ ее сквозь одѣяло, дрожитъ,—и грудь его ощупываетъ быстрые и слабые толчки... Жутко и томительно ждать, когда не можешь пошевелиться. Одѣяло приподымается,—холодноватый, свѣжій воздухъ струится по лицу мертвеца, покрытому еще слизкимъ потомъ. Страшное, нечеловѣческое напряженіе насквозь пронизываетъ его,—онъ подымается со своихъ подушекъ...

Страшнымъ напряженіемъ воли смиряя расходившіеся нервы, Логинъ поставилъ свѣчку на круглый столикъ и прошелся по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Туманъ, застилавшій его глаза, сталъ разсѣиваться.

Онъ подошелъ къ кушеткѣ и быстро опустилъ руку на одѣяло, покрывавшее подушку... Мягкая подушка подъ одѣяломъ—и только...

«Однако, надо лѣчиться, — подумалъ онъ, садясь на кушетку, — цѣлый день голова болитъ нестерпимо».

Онъ раздѣлся и откинулъ одѣяло.

«Отчего впадина на подушкѣ? Ахъ, да, это я рукою... А точно голова лежала...»

Онъ потушилъ свѣчку и легъ. Красный цвѣтъ одѣяла погасъ.

«Хотѣлъ-бы я знать, однако, кто это смѣется. Это глупо. Ничего нѣтъ смѣшного».

Было темно. Только два окна мутно бѣлѣли, какъ внимательно-неподвижные глаза чудовища, подстерегающаго добычу.

«Я недавно закрылъ эти окна, чтобъ меньше былъ слышенъ шумъ воды... Странно, однако, что этотъ шумъ я принимаю за смѣхъ!»

Логину вдругъ захотѣлось лечь такъ, какъ тогда лежалъ подъ одѣяломъ онъ. Мелкая дрожь пробѣжала по его тѣлу.

«Такъ-то будетъ теплѣе», думалъ онъ, закрывая лицо одѣяломъ.

Онъ лежалъ лицомъ кверху. Одѣяло тяжело падало на грудь и на лицо.

Опять представилось Логину, что онъ — холодный и неподвижный мертвецъ. Страшная тоска сжала его сердце. Воздуха, свѣта страстно захотѣлось ему... Откинуть одѣяло...

Но онъ не могъ откинуть съ лица одѣяло. Оцѣпенѣніе сковало его, и неподвижно лежалъ онъ... Страхъ и тоска умерли. Онъ лежалъ, холодный и спокойный, и глядѣлъ мертвыми, закрытыми глазами сквозь тяжелую ткань. Спиною къ нему, у письменнаго стола, сидѣлъ человѣкъ, отдавшись грустнымъ думамъ. И странно было Логину, и не по-

нималъ онъ, зачѣмъ томится этотъ человѣкъ, когда его мечты и надежды, убитыя до срока, холодѣютъ здѣсь, въ мертвомъ тѣлѣ.

Все рѣшено и кончено, не о чемъ думать,—и тяжелымъ взоромъ звалъ онъ къ себѣ того другого; мертвецъ звалъ и ждалъ человѣка.

Мерещилось Логину, какъ стоялъ надъ нимъ этотъ человѣкъ, дикими глазами глядя на красное одѣяло. И опять, какъ раньше, несомнѣнно зналъ Логинъ, что это онъ самъ стоитъ надъ своимъ трупомъ. И слышитъ онъ свои странныя рѣчи.

«Лежи, разрушайся скорѣе, не мѣшай мнѣ жить...

«Я не боюсь того, что ты умеръ. Не смѣйся надо мной своею мертвою улыбкой, не говори мнѣ, что это я умеръ. Я знаю это—и не боюсь. Я буду жить одинъ, безъ тебя.

«О, не смѣйся! Если-бы ты не умеръ самъ, я убилъ-бы тебя. Я приберегъ для тебя (для себя, поправляешь ты,—пусть будетъ такъ, все-равно) хорошую пулю, въ аллюминіевой оболочкѣ. Освободи мнѣ мѣсто, исчезни, дай мнѣ жить.

«Я хочу жить и не жилъ, и не живу, потому-что влачу тебя съ собою.

«Ты не пользуешься жизнью. Ты уже отжилъ. Ты—мое отяжелѣлое прошлое. Отчего не исчезаешь ты, какъ таетъ снѣгъ весною, какъ расплываются въ полдень облака? Зачѣмъ ты вливаешь трупный ядъ ненавистнаго былого въ божественный нектаръ несбыточныхъ надеждъ? О, исчезни, мучитель, исчезни, пока я не раздробилъ твоего мертваго черепа!»

Логинъ лежалъ неподвижно. И жутко, и радостно было ему терзать обезумѣвшаго отъ тоски человѣка...

Тихій смѣхъ звенѣлъ въ комнатѣ и напоминалъ ему, что мучитъ онъ самого себя.

Мерещилось ему опять, что стоитъ онъ въ темной комнатѣ, надъ постелью, проклиная мертвеца, — и томительный ужасъ леденитъ его. Мракъ душитъ его цѣпкими объятіями, подымаетъ и бросаетъ въ бездну... Голоса бездны глухо смѣются. Онъ падаетъ глубже и глубже... Сердце замираетъ... Смѣхъ затихаетъ гдѣ-то вдали...

Тишина, мракъ, бездумье,—тяжелый и безгрезный сонъ.

Засыпая, Логинъ откинулъ одѣяло. Поблѣднѣвшее лицо плотно приникло щекой къ подушкѣ. Дыханіе быстрое и тихое... Ночь смотритъ мутными глазами сквозь стекла оконъ на усталое лицо, на улыбку безнадежнаго недоумѣнія, застывшую на губахъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

* *
*

Какъ пышенъ вечеръ! Облака
Горятъ и рдѣютъ точно розы,—
Недвижны вѣтки лозняка,
И надъ прудомъ звенятъ стрекозы.

И какъ стрѣла на тетивѣ,
Упасть готовая, трепещетъ,—
Послѣдній лучъ въ густой листвѣ
Сквозитъ и судорожно блещетъ...

О, сердце, сердце, замолчи,
Не бей безумную тревогу,—
Твои послѣдніе лучи
Погаснутъ также понемногу.

Отъ жгучихъ стрѣлъ твоихъ кручинъ,
Отъ ранъ и мукъ твоей заботы,—
Когда настанетъ часъ дремоты,
Лишь мракъ останется одинъ!..

К. Фофановъ.

Вилльямъ Шекспиръ.

Георга Брандеса *).

Въ томъ самомъ году, когда Микель Анджело умеръ въ Римѣ, родился Виллььямъ Шекспиръ въ Стратфордѣ на Эвонѣ. Величайшій художникъ эпохи итальянскаго возрожденія, создавшій плафоны Сикстинской капеллы, былъ какъ-бы замѣненъ величайшимъ художникомъ эпохи англійскаго возрожденія, творцомъ «короля Лира». Шекспиръ былъ настигнутъ смертью на своей родинѣ въ самый день смерти Сервантеса въ Мадридѣ. Оба величайшіе художника испанскаго и англійскаго возрожденія, творцы «Донъ-Кихота» и «Гамлета», «Санчо Панца» и «Фальстафа», были въ одинъ и тотъ-же день похищены смертью. Микель Анджело изобразилъ намъ своихъ мощныхъ и страдающихъ героевъ и героинь съ неподражаемой силой. Ни одинъ итальянскій художникъ не сравнится съ нимъ въ грустной лирикѣ и трагическомъ величіи изображеній. Безсмертные типы Сервантеса стоятъ передъ нами образцами такого высокаго юмора. что его знаменитый романъ составилъ эпоху во всемірной литературѣ. Ни одинъ испанецъ не создалъ ничего равнаго «Донъ-Кихоту» по типичности и силѣ комизма.

Шекспиръ сравнялся съ Микель Анджело въ паѳосѣ, а съ Сервантесомъ— въ юморѣ. Триста лѣтъ протекло уже съ тѣхъ поръ, какъ этотъ геніальный духъ засіялъ во всей своей самобытности и, несмотря на эту даль временъ, онъ все еще продолжаетъ занимать Европу, какъ современникъ.

*) Настоящія главы, посвященныя молодости Шекспира, заимствованы нами изъ послѣдняго обширнаго изслѣдованія о Шекспирѣ Георга Брандеса. Опуская частности, представляющія интересъ главнымъ образомъ для спеціалистовъ, мы имѣемъ въ виду, въ рядѣ сжатыхъ очерковъ, передать нашимъ читателямъ наиболѣе характерныя главы этого новаго капитальнаго труда извѣстнаго датскаго критика.

Ред.

Всюду, куда только достигаетъ цивилизація, играютъ и читаютъ его драмы.

Но Шекспиръ всего сильнѣе плѣняетъ того изслѣдователя, котораго прежде всего интересуетъ человѣческая индивидуальность, скрывающаяся и обнаруживающаяся въ творчествѣ великаго художника. «Я съ тобой не разстанусь, пока ты не выдашь мнѣ тайну своей индивидуальности».— вотъ слова, приходящія на умъ такому читателю Шекспира.

I.

Если мы отъ литературныхъ знаменитостей XIX столѣтія перенесемся мысленно къ Шекспиру и его эпохѣ, то намъ придется отбросить всѣ обыкновенные критическіе пріемы. О современныхъ художественныхъ корифеяхъ, а также о корифеяхъ прошлаго и позапрошлаго столѣтій, мы знаемъ, обыкновенно, съ достаточною достовѣрностью и полнотою. Знаемъ біографію писателей и поэтовъ изъ ихъ собственныхъ сообщеній или изъ записокъ современниковъ, обладаемъ нерѣдко ихъ письмами и имѣемъ не только произведенія, имъ приписываемыя, но и ими самими изданныя. Мы располагаемъ точными свѣдѣніями не только о томъ, какія работы они признавали своими, но увѣрены и въ томъ, что лежащая предъ нами редакція этихъ произведеній заслужила ихъ одобреніе. Если встрѣчаются въ нихъ досадныя ошибки, то это не болѣе какъ опечатки, ими самими или другими просмотрѣнныя; ихъ можно исправить безъ особыхъ затрудненій, даже когда онѣ бываютъ довольно сбивчивы. Филологъ Bernays не мало выправилъ такихъ ошибокъ у Гёте.

Въ иномъ положеніи стоитъ Шекспиръ съ современными ему товарищами по профессіи въ Англіи временъ Елизаветы. Онъ умираетъ въ 1616 году, а первый появившійся очеркъ его жизни въ нѣсколько страницъ относятся къ 1709 году. Это совершенно то-же, какъ еслибы первая біографія Гете была написана въ 1925 году. Писемъ Шекспира мы совсѣмъ не имѣемъ, и до насъ дошло только единственное ему адресованное дѣловое письмо. Не существуетъ ни клочка рукописи его работъ. Мы имѣемъ только пять—шесть его собственноручныхъ подписей: три въ его завѣщаніи, двѣ подъ договорами и одну—подлинность которой нельзя считать несомнѣнной—на экземплярѣ Монтеня, хранящемся въ Британскомъ музеѣ. Намъ неизвѣстно точно, въ какой мѣрѣ принадлежатъ Шекспиру многія изъ приписываемыхъ ему произведеній. Такія драмы, какъ напр. Титъ Андроникъ, Трилогія Генрихъ VI, какъ Периклъ и Генрихъ VIII, представляютъ въ этомъ отношеніи большія и разнообразныя трудности. Въ юности Шекспиру приходилось перерабатывать или отдѣлывать пьесы другихъ авторовъ; въ болѣе зрѣлые годы онъ

работалъ совмѣстно съ молодыми драматургами, приходя имъ на помощь. Но вотъ что̀ еще удивительнѣе: за исключеніемъ двухъ маленькихъ пьесъ повѣствовательнаго характера, напечатанныхъ самимъ Шекспиромъ, мы не владѣемъ ни однимъ произведеніемъ его генія, о которомъ-бы знали, что оно именно имъ было издано. Повидимому, онъ не редактировалъ своего текста, не читалъ ни одной корректуры. Если въ изданіи его драмъ 1623 г., in folio, напечатанномъ двумя его пріятелями изъ актеровъ послѣ его смерти, говорится, что это изданіе печатано съ оригинальныхъ рукописей, то это увѣреніе, во многихъ поддающихся провѣркѣ случаяхъ, оказывается невѣрнымъ; оно невѣрно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ изданіе, совершенно наивно и часто даже съ новыми ошибками, перепечатываетъ текстъ старыхъ воровскихъ изданій, составлявшихся скорописнымъ способомъ посылавшимися для этой цѣли слушателями, или добытыхъ при пособіи ролевыхъ тетрадокъ изъ театра.

Не безъ нѣкотораго основанія вошло въ обычай говорить, что мы почти ничего не знаемъ о жизни Шекспира. Мы не знаемъ съ точностью, когда Шекспиръ покинулъ Стратфордъ, какъ не знаемъ и того, когда онъ удалился изъ Лондона. Намъ неизвѣстно съ достовѣрностью, бывалъ-ли онъ когда въ чужихъ краяхъ, напр. въ Италіи. Мы не знаемъ, было-ли у него какое-либо сердечное увлеченіе въ Лондонѣ; не знаемъ, кому посвящалъ онъ свои сонеты. Мы можемъ догадываться, что общее настроеніе его жизни дѣлалось то мрачнѣе, то свѣтлѣе—и въ обоихъ случаяхъ мы не знаемъ причину этого. Ощупью приходится намъ угадывать, въ какой послѣдовательности создавались его произведенія, и лишь съ трудомъ удается намъ опредѣлить ихъ даты. Мы не знаемъ, почему собственно Шекспиръ былъ, повидимому, такъ равнодушенъ къ своей славѣ. Видимъ только, что онъ не самъ издавалъ свои драматическія произведенія; онъ даже не упоминаетъ о нихъ въ своемъ завѣщаніи.

Однако та страстная настойчивость, съ которой изслѣдователи работали надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, мало-по-малу вызвала на свѣтъ множество достовѣрныхъ фактовъ, дающихъ точки опоры для составленія очерка жизни великаго драматурга. Мы имѣемъ подлинныя метрики, торговые договоры, исковые документы; имѣемъ отзывы современниковъ, ссылки на Шекспировскія произведенія и на нѣкоторыя мѣста, приводимыя въ цитатахъ; встрѣчаемъ въ этихъ отзывахъ то ожесточенныя нападки, вспышки злобы и ненависти, то трогательныя выраженія о высокихъ качествахъ этого человѣка, о его благородномъ характерѣ, о его рано признанномъ сценическомъ дарованіи, о значеніи его, какъ повѣствовательнаго писателя, и о любви, которой пользовался драматургъ въ народѣ. Затѣмъ у насъ имѣются кое-какіе веденные современниками дневники, и, между прочимъ, памятная книжка одного стараго содержателя театра и вмѣстѣ закладчика, ссужавшаго актеровъ

деньгами и костюмами и аккуратно записавшаго даты представленій многихъ пьесъ. Къ этимъ показаніямъ современниковъ примыкаетъ преданіе. Съ нимъ мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ замѣткахъ, записанныхъ въ 1662 году со словъ жителей Стратфорда, оксфордскимъ проповѣдникомъ. стратфордскимъ викаріемъ Джономъ Уордомъ, затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ замѣткахъ, записаннымъ нѣкіимъ м-ромъ Даудлемъ (Dowdall) въ 1693 году по показаніямъ 80-лѣтняго клирика и церковнаго служителя стратфордской церкви. Въ значительной степени пользуется преданіемъ Роу (Rowe). первый изъ запоздавшихъ біографовъ Шекспира. Онъ опирается, главнымъ образомъ, на трехъ современниковъ. Старѣйшій изъ нихъ—сэръ Вилльямъ Девенантъ (Davenant), поэтъ лауреатъ, который. какъ кажется, ничего не имѣлъ противъ молвы, называвшей его незаконнымъ сыномъ Шекспира. Впрочемъ, этотъ современникъ могъ служить лишь источникомъ второго сорта, такъ какъ онъ умеръ до рожденья Роу. То, что разсказывается на основаніи его показаній, оказалось большею частью недостовѣрнымъ. Второй современникъ—Обрей (Aubrey). нѣкій изслѣдователь старины въ духѣ того времени, въ одно изъ своихъ путешествій посѣтившій верхомъ Стратфордъ. лѣтъ 50 спустя послѣ смерти Шекспира. Онъ составилъ множество краткихъ біографій, изъ которыхъ всѣ содержатъ мѣстами очевидныя и грубыя ошибки, и его малосодержательные анекдоты о Шекспирѣ, сохранившіеся въ его рукописи 1680 года. разумѣется. тоже не могутъ претендовать на безусловное къ нимъ довѣріе. Но самымъ важнымъ источникомъ Роу является показаніе актера Беттертона, предпринявшаго около 1690 года путешествіе въ Іоркширъ съ цѣлью собрать еще сохранившіяся кое-какія устныя преданія о Шекспирѣ. Благодаря сообщеніямъ Беттертона. замѣтки Роу получили извѣстное значеніе: найденные позднѣе архивные документы во многихъ случаяхъ, замѣчательнымъ образомъ, подтвердили вѣрность того, что передалъ Роу, основываясь на устномъ преданіи.

Такимъ образомъ, мы обязаны небольшой группѣ добросовѣстныхъ, но совершенно невѣжественныхъ людей тѣмъ, что можемъ набросать блѣдную характеристику жизненнаго поприща Шекспира. Но до насъ дошли разсказы, имѣющіе лишь незначительную цѣну, если даже они и правдивы, тогда какъ недостаетъ свѣдѣній о важныхъ моментахъ внѣшней жизни Шекспира и почти всего. что могло-бы намъ бросить свѣтъ на процессъ его внутренней духовной жизни.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ Шекспировыхъ сонетахъ мы находимъ мѣстами индивидуальные проблески, благодаря которымъ мы приходимъ въ болѣе близкое соприкосновеніе съ его личностью, нежели чрезъ посредство прочихъ его произведеній. Но дѣло въ томъ, что для опредѣленія автобіографическаго матеріала въ сонетахъ, необходимы не только историко-литературныя познанія, но и критическое чутье и тактъ.

такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить предвзятаго предположенія, что поэтъ говоритъ здѣсь, въ буквальномъ смыслѣ, отъ своего лица.

II.

Виллямъ Шекспиръ былъ сынъ народа. Онъ родился въ Стратфордѣ на Эвонѣ, небольшомъ городкѣ, имѣвшемъ около полутора тысячъ жителей и расположенномъ въ живописной холмистой мѣстности, богатой зелеными лугами, роскошными кустарниками и деревьями,—мѣстности, природу которой Шекспиръ могъ имѣть предъ глазами при описаніяхъ природы въ пьесахъ: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Какъ вамъ это нравится» и «Зимняя сказка». Изъ этой природы онъ воспринялъ свои первыя и самыя глубокія впечатлѣнія и отсюда-же вынесъ свои самыя раннія поэтическія впечатлѣнія отъ народныхъ пѣсенъ, которыя пѣлись сельскимъ людомъ: недаромъ онѣ такъ часто трактуются и воспроизводятся у Шекспира. Городъ Стратфордъ лежитъ на старинной большой дорогѣ, ведущей изъ Лондона въ Ирландію и здѣсь пересѣкающей рѣку Эвонъ, обстоятельство, которому городъ обязанъ своимъ названіемъ (Strat-ford). Черезъ рѣку былъ выстроенъ красивый мостъ. Живописные домики съ черепичными кровлями были деревянныя или глиняныя мазанки. Тамъ были два красивыя общественныя зданія, существующія и понынѣ: величественная старая церковь на самомъ берегу Эвона и ратуша (Guild-hall) съ своей часовней, еще хорошо сохранившейся Guild-Chapel, принадлежавшей той-же общинѣ Св. Креста, которая имѣла здѣсь неподалеку собственную латинскую школу. Часовня съ своими звонкими курантами была украшена стѣнною живописью: вѣроятно, это были первыя и долгое время единственныя произведенія искусства, которыя пришлось видѣть Шекспиру. Впрочемъ, Стратфордъ на Эвонѣ былъ нездоровымъ для жизни городомъ. Въ немъ не имѣлось водосточной канализаціи, улицы не подметались, и накоплявшійся на нихъ соръ не свозился. Помои текли изъ домовъ въ плохо содержимыя ямы; улицы утопали въ зловонныхъ лужахъ, гдѣ привольно полоскались свиньи и гуси, а огромная навозная куча загромождала главную улицу.

Первое извѣстіе, дошедшее до насъ объ отцѣ Шекспира, состоитъ въ томъ, что въ апрѣлѣ 1552 г. онъ былъ приговоренъ къ денежному штрафу въ 12 пенсовъ, за накопленіе большой навозной кучи передъ его домомъ въ улицѣ Генли, обстоятельство, указывавшее, съ одной стороны, на его занятіе скотоводствомъ, съ другой—на его равнодушное отношеніе къ уличной опрятности, такъ какъ городская свалка нечистотъ находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его дома. Затѣмъ, когда ужъ онъ достигъ вершины своего благосостоянія, его, вмѣстѣ съ другими гражданами, за тотъ-же самый проступокъ, въ 1558 г., вновь приговариваютъ къ штрафу въ четыре пенса.

Какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери, Шекспиръ происходитъ отъ семей землепашцевъ Іоркшира. Дѣдъ его, Ричардъ Шекспиръ, жилъ въ Снитерфильдѣ, гдѣ арендовалъ небольшую ферму. Второй сынъ его, Джонъ Шекспиръ, около 1551 года, переселился въ Стратфордъ, гдѣ и существовалъ кожевеннымъ и перчаточнымъ ремесломъ въ улицѣ Генли. Въ 1557 году его обстоятельства значительно улучшились, благодаря его браку съ Маріей Арденъ, младшей дочерью одного достаточнаго дворянина, жившаго въ сосѣдствѣ и умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ. Отъ отца своего, Роберта Ардена, Марія Арденъ унаслѣдовала имѣніе Асбизъ въ Уильмкотѣ; кромѣ того, она имѣла всѣ шансы въ качествѣ будущей наслѣдницы получить часть въ болѣе значительномъ имѣніи въ Снитерфильдѣ. Асбизъ былъ оцѣненъ въ 224 фунт. съ ежегоднымъ доходомъ въ 28 фунт., что по теперешнему курсу составило-бы 140 ф. Впрочемъ, завѣщаніе, благодаря приложенному къ нему инвентарю, бросаетъ достаточный свѣтъ на образъ жизни богатой помѣщичьей семьи того времени: простая кровать съ двумя матрасами, 5 скатертей, 3 полотенца и пр. Полотнянаго бѣлья тогда, повидимому, не носили. Столовая утварь была самая мизерная: деревянныя ложки и такія-же обѣденныя чашки. А между тѣмъ отцовскій домъ Шекспировой матери былъ еще весьма зажиточнымъ по условіямъ того времени. Послѣ женитьбы, Джонъ Шекспиръ получилъ возможность расширить свою дѣятельность. Онъ велъ большіе обороты съ шерстью, но при случаѣ торговалъ и зерномъ и другими продуктами. Сообщеніе Обрея, что онъ былъ мясникомъ, повидимому, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что онъ разводилъ на убой скотъ, кожами котораго онъ промышлялъ, такъ какъ вообще въ тѣ времена въ такомъ маленькомъ городкѣ различные промыслы не были строго разграничены; тотъ-же торговецъ, который поставлялъ сырье, самъ-же его и обрабатывалъ.

Мало-по-малу Джонъ Шекспиръ возвысился до вліятельнаго положенія въ томъ маленькомъ городкѣ, гдѣ онъ поселился. Сначала (въ 1557 г.) онъ былъ однимъ изъ контролеровъ, на обязанности котораго лежало изслѣдованіе и проба хлѣба и пива, въ слѣдующемъ году онъ былъ однимъ изъ четырехъ городскихъ ольдерменовъ, въ 1561—казначеемъ, въ 1565—бургомистромъ и, наконецъ, въ 1568—высшимъ судьей (high-bailiff).

Вилльямъ Шекспиръ былъ третьимъ ребенкомъ своихъ родителей. Двѣ сестры, умершія въ дѣтствѣ, были старше его. 26 апрѣля 1564 г. онъ былъ крещенъ; но день его рожденія намъ въ точности не извѣстенъ. Согласно преданію, онъ родился 23 апрѣля, но, вѣроятно, это было 22-го (по новому стилю 4 мая), такъ какъ иначе на гробницѣ Шекспира было-бы упомянуто, что день его смерти совпалъ съ днемъ его рожденія, и не были-бы помѣщены слова «на 53 году жизни».

Родители Шекспира не имѣли никакого образованія; по всему вѣроя-

тію. они не умѣли даже подписать своихъ именъ. Тѣмъ не менѣе, они желали, чтобы ихъ старшій сынъ получилъ образованіе, котораго сами были лишены, и посылали мальчика въ грамматическую школу въ Стратфордѣ, куда принимались дѣти въ возрастѣ 7 лѣтъ. Тамъ преподавали имъ латинскую грамматику и кончали чтеніемъ Овидія, Виргилія и Цицерона. Зимой и лѣтомъ учебное время занимало цѣлый день, конечно, съ необходимыми перерывами для обѣда и игръ. Одно живое воспоминаніе изъ школьной поры Шекспира сохранилось намъ въ первой сценѣ IV дѣйствія «Виндзорскихъ проказницъ», гдѣ учитель, сэръ Гугъ Эвансъ, экзаменуетъ маленькаго Вилльяма изъ *hic*, *haec*, *hoc* и провѣряетъ, выучилъ-ли онъ также, что красивый по латынѣ pulcher, а lapis— камень.

Мѣстность, въ которой росъ ребенокъ, была богата историческими воспоминаніями и памятниками. Вблизи находился Іорикъ съ своимъ замкомъ, прославленный войнами Алой и Бѣлой розы. Здѣсь-же неподалеку расположенъ былъ Ковентри, куда Шекспиръ, вѣроятно, тоже приходилъ ребенкомъ. И этотъ городъ былъ тоже богатъ воспоминаніями изъ той эпохи, которую Шекспиру пришлось впослѣдствіи оживить. Но Ковентри и въ другомъ отношеніи былъ такимъ городомъ, къ которому воспріимчивый мальчикъ долженъ былъ чувствовать особенное влеченіе. Здѣсь основались постоянныя театральныя представленія, установленныя первоначально церковью. Вѣроятно, онъ видѣлъ здѣсь тѣ религіозныя мистеріи средневѣковаго характера, на которыя порою встрѣчаются намеки въ его произведеніяхъ, пьесы, показывавшія зрителямъ Ирода и избіеніе младенцевъ въ Вифлеемѣ, или души, пожираемыя огнемъ въ геенѣ, или, наконецъ, другія страшныя вещи (Генрихъ VI, II. 3, III. 3). Точно также Шекспиръ еще маленькимъ ребенкомъ вѣроятно видѣлъ блескъ королевской и княжеской пышности. Когда ему было 8 лѣтъ, Елизавета пребывала нѣкоторое время въ близкомъ сосѣдствѣ съ Стратфордомъ, въ гостяхъ у сэра Томаса Люси въ Чарлкотѣ, богатаго туземнаго сановника, которому суждено было оказать такое огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Шекспира. Во всякомъ-же случаѣ, онъ видѣлъ ребенкомъ близь лежащій замокъ Кенильвартъ и, вѣроятно, былъ свидѣтелемъ величественныхъ торжествъ, данныхъ тамъ графомъ Лейстеромъ въ 1575 году въ честь Елизаветы во время ея посѣщенія замка. Дѣло въ томъ, что семья Шекспира имѣла тамъ одного близкаго и вліятельнаго родственника, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Лейстера, Эдуарда Ардена, который вскорѣ потомъ, какъ можно думать, вслѣдствіе наступившаго послѣ торжествъ охлажденія между королевой и Лейстеромъ, возбудилъ недовѣріе или гнѣвъ своего патрона и впослѣдствіи былъ казненъ по его приказанію.

Но не однѣ средневѣковыя мистеріи имѣлъ случай видѣть будущій

драматургъ въ своемъ отрочествѣ. Городъ Стратфордъ оказывалъ замѣтное пристрастіе къ настоящимъ театральнымъ представленіямъ. Въ томъ самомъ году, когда отецъ Шекспира былъ бургомистромъ, въ Стратфордъ пришли въ первый разъ странствующіе актеры и въ промежутокъ времени 1569—1587 гг. городъ посѣтили не менѣе 24 странствующихъ труппъ. Труппа королевы, труппы лордовъ, Іорстера, Лейстера и Іорика неоднократно давали гастрольныя представленія въ Стратфордѣ. Былъ обычай, что эти странствующіе актеры являлись съ первымъ поклономъ къ бургомистру, сообщали ему, у какого лорда они состоятъ на службѣ, и въ первый разъ играли только передъ нимъ и старшимъ членомъ городского совѣта. Отъ одного писателя Уиллиса, родившагося въ одномъ году съ Шекспиромъ, до насъ дошло описаніе, какъ маленькій Шекспиръ, въ сосѣднемъ городкѣ Глостерѣ, присутствовалъ при подобномъ представленіи, стоя на колѣняхъ своего отца, и мы, такимъ образомъ, имѣемъ возможность составить себѣ представленіе о томъ, какъ впервые предъ геніальнымъ ребенкомъ открылась заманчивая перспектива театра. И ребенкомъ, и отрокомъ Шекспиръ, вѣроятно, не ограничивался посѣщеніемъ театральныхъ представленій, но, конечно, разыскивалъ актеровъ въ различныхъ гостиницахъ: «Лебедѣ», «Коронѣ» или «Медвѣдѣ», гдѣ они обыкновенно обитали.

Школьное образованіе Шекспира было окончено на 14-мъ году, когда отецъ взялъ его изъ школы, желая дать ему занятіе въ своемъ дѣлѣ. Въ ту пору матеріальныя обстоятельства его отца стали приходить въ упадокъ.

Съ этого времени положеніе Джона Шекспира дѣлается все хуже и хуже. Въ 1586 году, когда Вилльямъ, вѣроятно, былъ уже въ Лондонѣ, имущество отца было описано, и, послѣ ряда приказовъ объ арестѣ, ему, какъ кажется, пришлось нѣкоторое время посидѣть за долги въ тюрьмѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ смѣщенъ съ должности бургомистра, такъ какъ долгое время уже не присутствовалъ въ ратушѣ, вѣроятно, не рѣшаясь явиться туда изъ боязни быть задержаннымъ своими кредиторами. Къ тому же поручительство за своего брата Генриха стоило ему тоже много денегъ. Стратфордъ переживалъ тогда торговый кризисъ, значительно сократившій обороты мѣстныхъ промышленниковъ. Какъ тяжко было положеніе Джона Шекспира еще въ 1592 г., показываетъ намъ сообщеніе Томаса Люси о жителяхъ Стратфорда, не исполнявшихъ повелѣнія ея величества хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ бывать въ церкви. Въ числѣ непосѣщавшихъ называютъ и отца Шекспира, «который изъ страха предъ долговымъ искомъ не рѣшается идти въ церковь».

Весьма вѣроятно, что молодой Вилльямъ, послѣ выхода изъ школы, помогалъ отцу въ его ремеслѣ и торговлѣ; также нельзя считать невозможнымъ, что онъ состоялъ нѣкоторое время писцомъ у одного

адвоката, какъ на это намекаетъ въ другихъ отношеніяхъ довольно сомнительное свидѣтельство одного современника. Во всякомъ случаѣ, можно предполагать, что его выдающіяся способности обнаружились очень рано; рано началъ онъ писать стихи и, какъ вообще всѣ геніальные юноши, рано созрѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ.

III.

Въ декабрѣ 1582 г. 18-лѣтній Вилльямъ Шекспиръ женился на 26-лѣтней дѣвушкѣ, Аннѣ Хэсвей, дочери одного, незадолго передъ тѣмъ умершаго, весьма достаточнаго владѣльца въ околодкѣ. Бракъ 18-лѣтняго юноши, отецъ котораго жилъ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, уже самъ по себѣ представлялся слишкомъ преждевременнымъ; но, кромѣ того, онъ состоялся гораздо скорѣе, чѣмъ это было въ обычаѣ. Въ одномъ документѣ отъ 28 ноября 1582 г. двое знакомыхъ семьи Хэсвей, въ епископской резиденціи Іорстерѣ, поручились по тому времени на значительную сумму въ томъ, что для совершенія брака по однократному оглашенію—вмѣсто установленнаго закономъ троекратнаго—препятствій не встрѣчается. Насколько можно объ этомъ судить, семья невѣсты была сильно озабочена поскорѣе устроить свадьбу, тогда какъ семья жениха уклонялась отъ этого, а, быть можетъ, и не дала своего согласія. Эту поспѣшность объясняетъ и то обстоятельство, что первый ребенокъ, дочь Сузанна, родилась преждевременно, а именно въ маѣ 1583 г., всего черезъ пять мѣсяцевъ и три недѣли послѣ свадьбы. Впрочемъ, можно допустить, что свадьбѣ предшествовала помолвка, на которую въ то время смотрѣли, какъ на настоящее бракосочетаніе.

Въ 1585 г. появились близнецы, дочь Юдиѳь и сынъ Гамлето или Гамлетъ, названный такъ въ честь одного булочника въ Стратфордѣ. Гамлета Садлера, друга семьи, о которомъ Шекспиръ позаботился въ своемъ завѣщаніи. Этотъ сынъ умеръ еще 11-лѣтнимъ мальчикомъ.

Вскорѣ послѣ рожденія этихъ дѣтей, Шекспиръ былъ принужденъ покинуть Стратфордъ. По словамъ Роу, онъ имѣлъ несчастіе попасть въ общество легкомысленныхъ сверстниковъ, съ которыми часто стрѣлялъ дичь въ одномъ паркѣ, принадлежавшемъ сэру Томасу Люси, неподалеку отъ Стратфорда. Однажды онъ былъ уличенъ въ этомъ браконьерствѣ и былъ довольно строго наказанъ по приказанію лорда, за что онъ вскорѣ отомстилъ ему, написавъ на него балладу до того язвительную, что владѣлецъ имѣнія удвоилъ свои преслѣдованія и принудилъ молодого человѣка бросить на нѣкоторое время свое ремесло и семью въ Іоркскомъ графствѣ и искать спасенія въ Лондонѣ. Хотя въ то время на браконьерство смотрѣли какъ на сравнительно маловажный и простительный грѣхъ, однако, Томасъ Люси, только что устроившій свой охотничій паркъ и, вѣ-

роятно, имѣвшій въ немъ еще мало дичи, безпощадно относился къ браконьерству стратфордской молодежи. Насколько можно судить, онъ не пользовался особенной любовью въ городѣ. За подношенія, которыя доставлялись ему городомъ, онъ никогда не платилъ любезностью въ видѣ уступки какой-нибудь убитой у него дичи, какъ дѣлали это другіе помѣщики этой мѣстности. Въ то время проступокъ Шекспира еще не былъ наказуемъ по закону, но, какъ мировой судья и крупный землевладѣлецъ, сэръ Томасъ держалъ молодого человѣка въ своихъ рукахъ, и весьма вѣроятно преданіе, по словамъ котораго грозный помѣщикъ часто подвергалъ Шекспира тѣлеснымъ наказаніямъ и арестамъ. За эти обиды Шекспиръ отомстилъ впослѣдствіи своему преслѣдователю. Такъ во вступительной сценѣ «Виндзорскихъ проказницъ», судья Шалло, обвиняющій Фальстафа въ стрѣльбѣ его дичи, по объясненію Слендера, имѣетъ въ своемъ гербѣ двѣнадцать бѣлыхъ щукъ (luces), что въ устахъ Гуго Овонеа превращается въ двѣнадцать бѣлыхъ вшей — посредствомъ непереводимой игры словъ. А родовой гербъ Люси заключаетъ въ себѣ именно трехъ серебряныхъ щукъ. Попытка нѣкоторыхъ біографовъ отвергнуть преданіе о Шекспировомъ браконьерствѣ представится еще несостоятельнѣе, если мы вспомнимъ, что этотъ самый Томасъ Люси, въ 1585 г., высказался въ парламентѣ за усиленіе строгости законовъ объ охотѣ.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь важно собственно то обстоятельство, что Шекспиръ, въ возрастѣ 21 года, покидаетъ родной городъ, чтобы на долгое время туда не возвращаться; но если бы даже онъ и не былъ вынужденъ съ нимъ разстаться изъ-за столкновенія съ Люси, то все же стремленіе развернуть присущія ему силы рано или поздно увлекло бы его изъ этого города. И вотъ теперь пришлось ему, молодому и неопытному въ жизни, отправиться искать счастья въ столицу.

Пришлось-ли ему разстаться со старымъ семейнымъ счастіемъ въ поискахъ за новымъ—неизвѣстно; но это представляется мало вѣроятнымъ. Ничто не указываетъ на то, чтобы женщина, бывшая на восемь лѣтъ старше его, и на которой онъ женился 18-ти лѣтъ, хотя-бы въ первые годы сумѣла наполнить собою его жизнь, но все, оказывается, говоритъ противъ этого. Она и дѣти послѣ его отъѣзда остались въ Стратфордѣ, и Шекспиръ видѣлъ ее только при своихъ сначала, вѣроятно, рѣдкихъ, а потомъ ежегодныхъ посѣщеніяхъ этого города. Изъ преданія, въ связи съ литературной дѣятельностью Шекспира, видно, что онъ велъ въ Лондонѣ вольную скитальческую жизнь актера и драматурга. Кромѣ того, намъ извѣстно, что онъ сравнительно скоро вступилъ въ дѣловую жизнь режиссера и совладѣльца въ театральной антрепризѣ. Но Анна Хэсвей не была участницей въ треволненіяхъ этой жизни. Съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Шекспиръ ни на минуту не те-

рялъ изъ виду Стратфорда и, какъ только становился гдѣ-либо твердою ногою, онъ всегда работалъ съ неизмѣнною цѣлью пріобрѣсти себѣ осѣдлость въ городѣ, чтобы возстановить утраченное значеніе своего отца и честь семьи тамъ, откуда онъ бѣжалъ бѣднымъ и угнетеннымъ.

IV.

Итакъ молодой Вилльямъ отправился верхомъ изъ Стратфорда въ Лондонъ. Прибывъ въ Смитфильдъ, онъ, вѣроятно, продалъ свою лошадь какъ это обыкновенно дѣлали тогда болѣе бѣдные путешественники и по остроумной догадкѣ одного изъ Шекспировыхъ біографовъ, продалъ ее Джемсу Бербэджу, имѣвшему по близости конюшню и промышлявшему отдачей лошадей на прокатъ. Этотъ Джемсъ былъ отцомъ знаменитаго впослѣдствіи товарища Шекспира по профессіи, Ричарда Бербэджи: онъ извѣстенъ, какъ строитель перваго, сооруженнаго въ 1576 г., театра въ Англіи, и здѣсь, по словамъ преданія, Шекспиръ, подъ гнетомъ тяжкой нужды, стоялъ у подъѣзда, принимая лошадей, на которыхъ пріѣзжали верхомъ посѣтители театра. Надо замѣтить, что мѣстность эта была глухая, съ дурной славой и кишѣла конокрадами. Въ этой должности онъ былъ такъ любимъ, что всѣ сходившіе съ лошадей пользовались его услугами, почему ему пришлось нанимать себѣ въ подмогу мальчиковъ, выкрикивавшихъ: «я—мальчикъ Шекспира», названіе, какъ увѣряютъ, оставшееся за ними и впослѣдствіи.

Согласно одному Стратфордскому преданію, Шекспиръ первоначально поступилъ въ театръ для услугъ актерамъ. По одной лондонской театральной легендѣ, онъ помогалъ режиссеру, подавая актерамъ сигналъ къ выходу на сцену. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что онъ очень быстро подвигался въ театральной карьерѣ.

Лондонъ, когда прибылъ въ него Шекспиръ, былъ городомъ съ 300,000 жителей; его главныя улицы только что обзавелись мостовой, но безъ уличнаго освѣщенія, со рвами, стѣнами и воротами, съ двухъэтажными деревянными домами, съ красными высокими крышами, съ висящими на домахъ щитами съ фамиліями владѣльцевъ: внутри этихъ домовъ скамьи замѣняли стулья, а солома—ковры. На этихъ улицахъ было сильное движеніе—впрочемъ, экипажнаго движенія еще не было, такъ какъ первый экипажъ въ Англіи появился лишь при Елизаветѣ—но движеніе пѣшкомъ, верхомъ, въ портшезѣ, на лодкахъ по Темзѣ, которая, несмотря на значительное и тогда́ уже употребленіе угля, была въ городѣ еще свѣтлою и чистою и кишѣла тысячами шлюпокъ и другихъ судовъ. Лодки пробивали себѣ путь между стаями лебедей, то спускавшихся въ воду, то выходившихъ на берегъ, гдѣ зеленые луга и роскошные сады обрамляли рѣку. Черезъ Темзу былъ тогда только одинъ мостъ, грандіоз-

ный Лондонъ-бриджъ, находившійся неподалеку отъ нынѣшняго моста съ тѣмъ-же названіемъ. Онъ былъ широкъ, усѣянъ лавками, съ масивными на концахъ его башнями, на зубцахъ которыхъ обыкновенно выставлялись головы казненныхъ преступниковъ. Въ центрѣ Лондона находилась тогда недавно построенная биржа и церковь св. Павла, считавшаяся не только кафедральнымъ соборомъ столицы, но и мѣстомъ собранія гуляющей молодежи, своего рода клубомъ, гдѣ обмѣнивались новостями дня, или справочной конторой, гдѣ нанимали прислугу, и, наконецъ, убѣжищемъ для должниковъ, гдѣ ихъ нельзя было арестовать. На улицахъ, еще сохранившихъ пеструю полноту жизни эпохи возрожденія, раздавались возгласы мальчиковъ-продавцевъ, зазывавшихъ покупателей и разнощиковъ, восхвалявшихъ свои товары: здѣсь можно было видѣть многочисленныя гражданскія, духовныя и военныя шествія, свадебные кортежи, похоронныя процессіи, и, наконецъ, цѣлыя толпы миллиціонеровъ—стрѣлковъ, съ колчанами за плечами. Здѣсь можно было встрѣтить Елизавету въ ея тяжелой придворной каретѣ, когда она не хотѣла ѣхать по Темзѣ въ роскошно убранной гондолѣ, въ сопровожденіи множества красивыхъ шлюпокъ.

Въ самомъ Сити театровъ не допускалось; городскія власти относились къ театральнымъ зрѣлищамъ враждебно и вмѣстѣ съ грубыми увеселеніями—пѣтушиными боями и садками медвѣдей, съ которыми театрамъ приходилось конкурировать, отодвинули ихъ на восточный берегъ Темзы.

Нарядныя, пестрыя, вычурныя платья того времени всѣмъ извѣстны: дутыя рукава у мужчинъ, высокіе воротники у дамъ, кринолины и фантастичные фасоны ихъ платьевъ еще и теперь употребляются на сценѣ въ пьесахъ изъ той эпохи. Сама королева и ея дворъ подавали примѣръ чрезмѣрной роскоши въ нарядахъ. Дамы румянились и часто красили волосы. Краска королевы «красно-желтая» была для волосъ моднымъ цвѣтомъ. Зато удобства повседневной жизни почти отсутствовали. Въ ту пору только что начали замѣнять открытыя камины изразцовыми печами, стали встрѣчаться хорошія кровати. Когда состоятельный дѣдъ Шекспира, Робертъ Ардэнъ, писалъ въ 1556 г. завѣщаніе, въ его домѣ, гдѣ онъ жилъ съ своими 7-ю дочерями, имѣлась всего одна кровать. Большинство спало на соломенныхъ тюфякахъ съ деревяннымъ чурбаномъ въ головахъ и звѣриною шкурою, вмѣсто одѣяла. Единственнымъ украшеніемъ у болѣе достаточныхъ служили ковры, которыми, за неимѣніемъ обоевъ, увѣшивали стѣны; потому-то между коврами и стѣнами въ пьесахъ Шекспира такъ часто прячутся дѣйствующія лица.

Въ то время, въ 11 часовъ утра уже обѣдали: обѣдать рано считалось хорошимъ тономъ. Ѣли, когда позволяли средства, роскошно и обильно; безъ всякаго стыда вставали изо-стола искать уединенія, причемъ ухо-

дившій приглашалъ иногда и сосѣда сопутствовать ему въ кабинетъ. За столомъ часто засиживались подолгу. Столовая утварь была крайне проста. Еще въ 1592 г. ѣли обыкновенно деревянными ложками съ деревянныхъ тарелокъ и блюдъ. Въ то время олово и серебро только начинали замѣнять дерево. Ножи въ 1563 г. были въ общемъ употребленіи, но вилокъ въ Шекспирово время еще не знали и обходились пальцами. Въ описаніи своего пятимѣсячнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, изданномъ однимъ англійскимъ путешественникомъ въ 1611 году, авторъ сообщаетъ, что, къ своему немалому удивленію, онъ нашелъ въ Италіи въ общемъ употребленіи вилки: «Во всѣхъ итальянскихъ городахъ»,—говоритъ онъ,—«встрѣчавшихся на моемъ пути, замѣтилъ я одинъ обычай, котораго мнѣ никогда не случалось наблюдать въ путешествіяхъ по другимъ странамъ; да я и не думаю, чтобы этотъ обычай встрѣчался гдѣлибо въ христіанскомъ мірѣ, кромѣ Италіи. Итальянцы и даже иностранцы, пребывающіе въ Италіи, употребляютъ за столомъ вилку, которою онѣ пользуются, какъ пособіемъ при разрѣзкѣ пищи, ибо въ то время, когда они рѣжутъ мясо ножомъ, который держатъ въ одной рукѣ, они втыкаютъ въ тотъ кусокъ вилку, находящуюся въ другой; вообще у нихъ считается непристойнымъ, когда кто-нибудь запускаетъ пальцы въ блюдо, изъ котораго всѣмъ приходится ѣсть. Причина этого слѣдующая: итальянцы замѣтили, что пальцы не у всѣхъ людей одинаково чисты». Мы узнаемъ далѣе, что этотъ путешественникъ, дѣйствительно, вводитъ въ своемъ отечествѣ новую утварь. Онъ разсказываетъ, что нашелъ удобнымъ подражать итальянской модѣ не только въ Италіи и Германіи, но и, по своемъ возвращеніи, въ Англіи, за что одинъ знакомый подшучивалъ надъ нимъ и называлъ его вилочникомъ.

Шекспиръ, вѣроятно, не курилъ, ибо въ драмахъ своихъ онъ никогда не упоминаетъ о табакѣ, хотя и въ его время курильщики собирались въ табачныхъ лавкахъ, гдѣ давались уроки въ новомъ искусствѣ куренія, и хотя знатная молодежь даже въ зрительной залѣ театра курила табакъ.

V.

Время, когда Шекспиръ прибылъ въ Лондонъ, было равно знаменательно какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. То была эпоха, когда Англія становилась великой протестантской державой. При кровожадной Маріи, супругъ которой, Филиппъ II, занялъ испанскій престолъ, правленіе было испанско-католическое; преслѣдованіе еретиковъ приводило обвиняемыхъ, въ томъ числѣ многихъ изъ самыхъ выдающихся людей Англіи, на эшафотъ и даже на костеръ. Испанія принудила Англію къ пораженію Франціи и сама извлекла всю пользу изъ

этого союза; Англія же потерпѣла уронъ: Калэ, послѣднее англійское владѣніе во Франціи, ускользнуло изъ рукъ Англіи.

Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы, протестантскій принципъ явился политической силой. Королева разстроила политику Филиппа; она знала какой непопулярной сдѣлалъ ея сестру союзъ съ испанскимъ королемъ; и въ борьбѣ съ папской властью парламентъ былъ на ея сторонѣ: въ силу божескихъ и государственныхъ правъ, онъ тотчасъ-же призналъ ее королевой, тогда какъ папа объявилъ ее нелегальной престолонаслѣдницей. Католическій міръ возсталъ противъ нея—сначала Франція, потомъ Испанія. Англія поддерживала протестантскую Шотландію противъ ея католической королевы и шотландско-французскаго войска, и реформація побѣдила въ Шотландіи. Впослѣдствіи, когда Марія Стюартъ оборвала свое царствованіе въ Шотландіи и бѣжала въ Англію, въ надеждѣ найти тамъ помощь, тогда уже не Франція, а Филиппъ II стоялъ на ея сторонѣ. Онъ увидалъ опасность, которою угрожала его владычеству въ Нидерландахъ побѣда протестантскихъ идей въ Англіи.

Политическій интересъ побудилъ правительство Елизаветы арестовать Марію. Папа отлучилъ Елизавету отъ церкви, разрѣшилъ ея подданныхъ отъ присяги и объявилъ ее незаконной государыней; кто повиновался ея повелѣніямъ, тотъ тоже подлежалъ церковному отлученію; и вотъ впродолженіи двадцати лѣтъ подрядъ одинъ католическій заговоръ слѣдуетъ за другимъ, и Марія Стюартъ замѣшана почти въ каждый составленный противъ Елизаветы заговоръ. Въ 1585 г. Елизавета начала войну съ Испаніей, причемъ послала въ Нидерланды свой флотъ съ фаворитомъ своимъ Лейстеромъ, въ званіи главнокомандующаго вспомогательныхъ войскъ. Въ началѣ слѣдующаго года, Фрэнсисъ Дрэкъ, который въ 1577—80 гг. совершилъ первое кругосвѣтное путешествіе, обрушился на Санъ-Доминго и Картагену. Въ память этого большого путешествія, корабль, на которомъ онъ его совершилъ, всегда стоялъ на якорѣ въ Темзѣ, былъ часто посѣщаемъ лондонскими жителями, и въ ихъ числѣ несомнѣнно его осматривалъ и Шекспиръ.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы возраставшее англійское національное чувство достигло своего апогея. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производило все это на Шекспира въ 1587 году. 8-го февраля этого года скатилась голова Маріи Стюартъ въ замкѣ Fotheringhay, и тѣмъ былъ оконченъ разрывъ Англіи съ католическимъ міромъ и притомъ такимъ образомъ, что никакой возвратъ былъ невозможенъ. 16 февраля того-же года, одинъ изъ наиболѣе выдающихся аристократовъ Англіи, цвѣтъ рыцарства, Филиппъ Сидней, герой въ битвѣ при Цютсфелѣ въ Нидерландахъ, глава англо-итальянской литературной школы, былъ отпѣтъ въ церкви св. Павла съ такой торжественностью, которая придавала этому событію характеръ національнаго траурнаго торжества. Филиппъ Сидней

былъ образцомъ великаго человѣка того времени: онъ обладалъ всей культурой германизма, изучалъ Аристотеля и Платона, геометрію и астрономію, много путешествовалъ и много видѣлъ, много читалъ, думалъ и писалъ, и былъ одинаково замѣчательный и воинъ, и ученый. Какъ кавалерійскій генералъ, онъ спасъ при Гравелинѣ (Gravelines) англійское войско, и какъ меценатъ и другъ,—покровительствовалъ самому смѣлому изъ мыслителей того времени, Джіордано Бруно. Королева сама присутствовала при его погребеніи и, по всей вѣроятности, въ числѣ другихъ здѣсь также находился и Шекспиръ.

Въ слѣдующемъ году Испанія снарядила свою великую армаду и двинула ее къ берегамъ Англіи. Принимая въ соображеніе величину кораблей и многочисленность экипажа, можно сказать, что это былъ самый огромный флотъ, который когда-либо видали европейскія воды. И въ Нидерландахъ, въ Антверпенѣ и Дюнкирхенѣ были тоже снаряжены транспортныя суда для столь-же огромныхъ боевыхъ массъ, предназначенныхъ для разгрома Англіи. Но Англія стояла на уровнѣ съ грозившей ей опасностью. Правительство Елизаветы потребовало отъ города Лондона 15 кораблей. Столица снарядила 30, посадила на нихъ 30 тысячъ войска и предложила правительству въ даръ чистыми деньгами 52 тысячи фунтовъ стерлинговъ.

Испанскій флотъ насчитывалъ 130 тяжелыхъ судовъ; англійскій состоялъ изъ 60 парусныхъ болѣе легкаго подвижного типа; англійская аристократическая молодежь на перебой рвалась въ экипажъ этого флота. Великая армада не была разсчитана на борьбу съ ураганомъ въ бурномъ каналѣ между Англіей и Франціей: она маневрировала тяжело и при первомъ же столкновеніи съ легкими судами англичанъ оказалась неопасною. Нѣсколькихъ брандеровъ было достаточно, чтобы привести ее въ безпорядокъ, и, въ расходившуюся бурю, большая часть ея кораблей пошла ко дну. Всемірная держава того времени оказалась безсильной одолѣть зарождавшееся могущество Англіи, и вся страна ликовала, торжествуя побѣду.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

М—н—в.

Судьба ислама.

I.

Вѣрованія и расы.

Помимо массы мелкихъ нерѣшенныхъ вопросовъ, историческая наука все еще полна величайшихъ тайнъ. Въ настоящую минуту, при напряженномъ свѣтѣ фактическаго знанія, оказываются сфинксами даже самые глубокіе и жизненные вопросы въ судьбахъ человѣчества, которые вчера еще считались поконченными въ самомнѣніи ученыхъ.

Сюда относятся, едва-ли не прежде всего, вопросы о значеніи вѣрованій и породъ (расъ) вообще, и о роли ислама и арабовъ въ частности. По отношеніи къ нимъ, нерѣдко даже въ лучшихъ умахъ, клубятся пережитыя ошибки, которы ипоражаютъ своею стародавностью, скрытою подъ лоскомъ новѣйшихъ теорій или остроумныхъ соображеній. Такое положеніе постигло въ особенности историковъ, воспитанныхъ на классической филологіи, которые составляли до послѣдняго времени подавляющее большинство. Не они-ли усердно доказывали фактами, что умственное движеніе въ Европѣ связано съ античнымъ міромъ—возьмете-ли вы первое Возрожденіе (12—13 вв. во Франціи), собственно Возрожденіе (14—15 в.), или дальнѣйшія эпохи, вплоть до Возрожденія 1850-хъ—1860-хъ годовъ?

Заставляло задумываться и другое крупное обстоятельство, помимо множества менѣе важныхъ. Христіанству, конечно, принадлежитъ будущее: одна изъ самыхъ юныхъ религій, оно охватываетъ уже почти $^{1}/_{3}$ человѣчества (450 милл.). Но, не говсря уже про то, что болѣе половины человѣчества (до 870 милл.) погрязаетъ въ язычествѣ, однихъ буддистовъ больше христіанъ (500 милл.), а исламъ, который на 600 л. моложе, заполонилъ уже почти $^{1}/_{7}$ часть рода человѣческаго (до 200 милл.). Сверхъ того, исламъ распространяется на нашихъ глазахъ. И съ нимъ-то,

да еще съ буддизмомъ, труднѣе всего бороться христіанству, какъ доказываетъ печальная судьба миссіонерства. Поприще христіанства—Европа и Америка; остальная земля находится во власти ислама и язычества.

Религіозный вопросъ представляетъ, быть можетъ, болѣе плодотворный интересъ съ иной точки зрѣнія. Единобожіе обнимаетъ почти половину человѣчества; и оно все распространяется, захватывая постепенно всѣ народы, но сосредоточиваясь въ средѣ бѣлыхъ и желтыхъ. Это—достояніе наиболѣе развитыхъ отраслей человѣчества, что̀ соотвѣтствуетъ тѣмъ законамъ соціологіи, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться.

До сихъ поръ, среди даже самыхъ просвѣщенныхъ ученыхъ Европы, встрѣчается такой пріемъ—приписывать все *расѣ*, какъ многіе все взваливаютъ на религію. «Порода» становится нерѣдко какимъ-то магическимъ словомъ. Прибѣгающіе къ нему напоминаютъ поклонниковъ Рока въ древности, фаталистовъ ислама, наконецъ тѣхъ спорщиковъ, которые, въ пылу увлеченія, подымаютъ кулакъ, какъ ultima ratio. Они не замѣчаютъ, что это—обычный научный терминъ, означающій пустое мѣсто, задачу для рѣшенія. «Духъ» бѣлой или желтой породы, «духъ» семитства или арійства требуетъ объясненія, какъ онъ создался и почему онъ видоизмѣняется въ разныхъ мѣстахъ? Это—даже вопросъ антропологическій.

Но если даже принять эту ненаучную точку зрѣнія, тотчасъ возникаетъ рядъ новыхъ недоразумѣній. Не будемъ говорить про несовмѣстимость догмата избранничества съ христіанскою совѣстью: намъ лично ученіе объ особыхъ свойствахъ бѣлой породы всегда напоминало сказанія о «бѣлой кости»; и всѣмъ памятно горестное употребленіе, какое дѣлалось изъ него во время междоусобія въ Соединенныхъ Штатахъ. Но вотъ въ чемъ бѣда. Положимъ, мы, бѣлые,—избранники Божіи. Однако мы далеко не всѣ даже возвысились надъ язычествомъ. Бѣлый цвѣтъ, подобно единобожію, обнимаетъ почти половину человѣчества, а единобожниковъ много среди желтыхъ и даже черныхъ людей, благодаря исламу. Съ другой стороны, эти отверженныя породы не чужды христіанства: особенно хорошій примѣръ представляютъ негры.

Затѣмъ, слѣдуя логикѣ, мы должны-бы гордиться тѣмъ, что всѣ единобожныя религіи—созданіе бѣлой породы. А между тѣмъ христіане считаютъ себя избранниками прогресса, какъ евреи не уступаютъ никому званія избранниковъ Іеговы. Европейская наука, и именно въ нашемъ вѣкѣ, при успѣхахъ лингвистики, изобрѣла новую теорію, раздѣляющую бѣлыхъ опять на двѣ кости—на избранное арійство и отверженное семитство. Она какъ-бы забыла, что прародители арійства—индусы, которые и сейчасъ погрязаютъ въ язычествѣ въ числѣ, равняющемся половинѣ христіанъ, да персы-мусульмане. Еще удивительнѣе, что Европа

забыла, какъ въ ея храмахъ и школахъ ежедневно повторяется исторія первобытнаго семитства, въ формѣ Ветхаго Завѣта, этого Предтечи Христа, родившагося среди евреевъ.

Если европейская наука готова была иногда сдѣлать нѣкоторыя уступки семитству, какъ бѣлому цвѣту, то она всегда съ отвращеніемъ указывала на «обезьяню» породу желтыхъ и черныхъ. Въ послѣднее время и здѣсь факты повергли ее въ изумленіе. Таковы успѣхи негровъ въ Америкѣ, въ особенности-же чудеса въ Японіи, которыя напомнили Западу подвигъ даровитаго русскаго народа при геніальномъ царѣ, да еще въ болѣе поразительной степени.

Становится очевиднымъ, что наука и вообще прогрессъ необъяснимы съ точки зрѣнія вѣрованій и породы. Необходимо утвердиться въ мысли, впрочемъ, уже не новой, что нельзя говорить: «христіанская, европейская, русская или нѣмецкая» наука и т. п. Слѣдуетъ прибавить то-же и о прогрессѣ, цивилизаціи вообще. Религія есть выраженіе идеальныхъ стремленій человѣка въ данной исторической и энтографической обстановкѣ. Ея значеніе громадно и въ наукѣ, какъ характеристика ступеней развитія различныхъ народовъ: въ этомъ смыслѣ важно, что самое христіанство различно въ Россіи и Англіи, въ Германіи и Испаніи. Порода есть плодъ данной среды, подчиненный общимъ законамъ человѣческаго развитія.

Такъ, приходится взяться за дѣло съ другого конца. Неизбѣжно склониться къ новымъ объясненіямъ, менѣе фантастическимъ, болѣе простымъ, соотвѣтствующимъ здравому смыслу и положительнымъ фактамъ. Этого требуетъ и соціологія, которой суждено вѣнчать зданіе строгаго знанія. Углубляясь въ корни историческаго движенія, она не столько нѣмѣетъ въ изумленіи передъ крайностями, сколько слѣдитъ за поразительнымъ *сходствомъ* въ законахъ бытія обществъ, стараясь объяснить различіе мѣстными условіями видоизмѣненій въ дѣйствіи этихъ законовъ.

Взглянемъ съ указанной общей точки зрѣнія на явленіе частное, но едва-ли не самое важное и поучительное въ исторіи, на судьбу ислама. Наша попытка, смѣемъ думать, своевременна. Теперь Востокъ снова приковываетъ къ себѣ вниманіе всего міра, и особенно Европы. А русская переводная литература обогатилась надняхъ самыми свѣжими и крупными произведеніями западной науки по этой части. Во главѣ ихъ стоитъ: «Исторія ислама» извѣстнаго востоковѣда *Мюллера*, рекомендуемаго нашей публикѣ не менѣе извѣстнымъ отечественнымъ арабистомъ, академикомъ Розеномъ *).

*) Сочиненіе недавно умершаго кенигсбергскаго профессора, Августа Мюллера, ько что вышло, въ двухъ томахъ, и готовится переводъ остальныхъ двухъ. Онъ 'жаетъ исторію ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ и представляетъ по-ее слово науки въ столь трудномъ предметѣ. Трудъ Мюллера отличается глубокою

II.

Исламъ и Европа

Передъ нами изумительное, величавое явленіе, не повторявшееся въ исторіи. Полудикіе, разбитые на кучу враждующихъ племенъ и родовъ, «сыны пустыни»—бедуины въ одно поколѣніе создаютъ міровую религію и могущественное государство, которое уже требуетъ покорности отъ такихъ державъ, какъ Византія и Персія. Еще не вымерло поколѣніе ветерановъ—сподвижниковъ пророка, а арабы уже совершаютъ завоеванія, какихъ міръ не видалъ со временъ Александра Македонскаго. Они показываются у Инда, Аму-Дарьи и Дербента, подходятъ къ хозарамъ, грабятъ Триполи, утверждаются въ великихъ древнихъ столицахъ — въ Ктезифонѣ, Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Александріи. Сто лѣтъ спустя по смерти пророка, они—уже владыки почти всей западной Азіи, сѣверной Африки и Испаніи; они наводятъ трепетъ на Италію, проникаютъ до сердца Франціи и дерутся подъ стѣнами Константинополя, угрожая сломить могущество креста. Затѣмъ, столь-же быстро ихъ новозданныя блестящія столицы становятся очагами мірового просвѣщенія, стражами античной мудрости, которая разносится оттуда по отдаленнымъ закоулкамъ Востока и пристыжаетъ убогую культуру христіанства. А дальше—ужасы восточнаго султаната и дикаго фанатизма, и, вѣковъ шесть спустя послѣ своего начала, все это пышное зданіе арабизма падаетъ, подъ ударами новыхъ дикарей желтой породы, нахлынувшихъ съ болѣе дальняго Востока.

Но его душа—исламъ уцѣлѣлъ. Онъ и на нашихъ глазахъ идетъ дальше среди желтой, черной и отчасти бѣлой породъ. Намѣстникъ «пророка», халифъ и сейчасъ гордо возсѣдаетъ на престолѣ византійскаго императора. Несмотря на все свое паденіе и ростъ сосѣдняго христіанства въ новое время, онъ задаетъ Плевны такимъ колоссамъ, какъ Россія, и презрительно отвѣчаетъ на требованіе великихъ державъ не мучить своихъ христіанъ въ Арменіи. И весь христіанскій міръ томится, замѣчая таинственное броженіе въ нѣдрахъ гигантскаго царства ислама. Ему все еще чудится, что воскреснутъ Аттила, Чингисханъ, Тамерланъ и Сулейманъ Великолѣпный, если надъ Илдызъ-Кіоскомъ въ Стамбулѣ разстелется, хотя-бы и подставная, зеленая мантія пророка *), призывающая

ученостью и безпристрастіемъ. Въ пользу его изложенія говоритъ уже то, что онъ былъ изданъ въ прекрасной популярной «Allgemeine Geschichte» Онкена. Переводъ соотвѣтствуетъ подлиннику: онъ сдѣланъ свѣдущимъ человѣкомъ, приватъ-доцентомъ здѣшняго университета, г. Мѣдниковымъ.

*) Мантія Магомета, поддѣлку подъ которую сейчасъ показываютъ во дворцѣ Константинополя, сожжена въ Багдадѣ татарами въ 1258 г.

правовѣрныхъ къ «стезямъ Божіимъ», къ страшному «джихаду» (священная война).

Это безпримѣрное явленіе особенно приковываетъ къ себѣ вниманіе европейца, какъ представителя иной культуры. Исламъ—его вѣчный врагъ, какъ соперникъ по міродержавію и по завѣтнымъ идеаламъ. Никто не приносилъ христіанству столько вреда, ни съ кѣмъ не приходилось ему бороться болѣе упорно, систематично; ни съ кѣмъ, быть можетъ, и въ будущемъ не предстоитъ болѣе страшнаго разсчета. А между тѣмъ, если всмотрѣться глубже, при помощи современной науки, рѣдко гдѣ встрѣтишь болѣе сходства, чѣмъ въ судьбѣ этихъ заклятыхъ враговъ, а отчасти въ основахъ и въ мелочахъ ихъ быта. Сравненія въ этой средѣ тѣмъ драгоцѣннѣе, что исламъ представляетъ незамѣнимый примѣръ возникновенія и паденія обществъ, въ силу непреложныхъ законовъ мірозданія. Несмотря на неизбѣжные пробѣлы въ источникахъ, въ немъ все такъ ясно и просто: самое зарожденіе новой религіи, обыкновенно закутанное таинственностью, произошло здѣсь на глазахъ исторіи. Далѣе, на исламѣ можно прослѣдить законы религіознаго развитія: въ его богословіи видимъ все, что совершалось въ судьбѣ другихъ вѣрованій, и опять при свѣтѣ исторіи. Исламъ неоцѣнимъ и по тому богатому соціологическому матеріалу, который совмѣщается въ немъ: здѣсь можно прослѣдить столь важную смѣсь племенныхъ пережитковъ. Его законодательство есть приспособленіе мѣстныхъ адатовъ (обычное право) къ корану; въ его догмѣ отражаются мѣстныя вѣрованія.

И на такое-то явленіе Европа смотрѣла, до послѣдняго времени, презрительно даже въ высшихъ слояхъ своей интеллигенціи. Она легкомысленно скользила по его поверхности, руководясь, часто безсознательно, преданіями старины глубокой. Не далѣе, какъ въ 1880-хъ годахъ, воскресли снова эти пережитки, въ блестящей формѣ, въ связи съ авторитетнымъ именемъ. Они вызвали движеніе и въ западной, и въ нашей литературѣ. Намъ здѣсь тѣмъ пріятнѣе исполнить долгъ воспоминанія, что онъ воскрешаетъ въ нашей памяти очаровательный образъ крупнаго мыслителя и историка XIX-го вѣка, котораго недавно мы хоронили за-глаза *).

Помянутые пережитки понятны, если взять въ разсчетъ время и обстоятельства, среди которыхъ они возникли. Это—плодъ византійской теологіи и средневѣковой схоластики. Взглядъ на Магомета, какъ на «обманщика и фокусника», до того укоренился въ Европѣ, что его не могъ побороть даже свѣтъ Возрожденія: пророкъ правовѣрныхъ томится въ аду у Данта и раздирается демонами въ «Страшномъ Судѣ» современника

*) См. наши статьи о Ренанѣ, по поводу его смерти, въ «Русской Жизни», 1892 г. №№ 259, 260, 271.

Боккачіо, Орканьи, одного изъ отцовъ новаго искусства. И въ чемъ только не обвиняли ислама европейцы! Довольно вспомнить недавно опровергнутую клевету, будто Омаръ истребилъ александрійскую библіотеку, которая гораздо раньше, при императорѣ Өеодосіи, была сожжена мѣстнымъ епископомъ.

Важнѣе всего, что пережитки этого взгляда встрѣчаются и теперь, притомъ у такихъ жертвъ католическаго рвенія, какъ Ренанъ. Само собою разумѣется, что они являются въ новомъ видѣ у такого тонкаго и гибкаго ума, вооруженнаго глубиною учености. Ренанъ еще въ 1852 г. прославилъ высшій плодъ арабской науки, аверроизмъ, объявлявшій католичество «ложью и сказками» *). А 30 л. спустя, онъ сказалъ передъ лицомъ французскихъ ученыхъ: «Какъ религія, исламъ имѣетъ много хорошихъ сторонъ. Всякій разъ, когда я заходилъ въ мечеть, я бывалъ растроганъ: я даже... какъ будто сожалѣлъ, что я не мусульманинъ».

Ренанъ два раза высказался спеціально объ исламѣ, на разстояніи 20-ти лѣтъ. Въ 1862 г. онъ взялъ вообще «мѣсто семитовъ въ исторіи цивилизаціи» предметомъ своей вступительной лекціи въ Collège de France. Въ 1883 г. онъ говорилъ въ частности объ «исламѣ и наукѣ», въ собраніи «Научнаго французскаго общества». Основная мысль въ обоихъ случаяхъ одна и та-же: великій востоковѣдъ ею жилъ, съ нею и умеръ. Это—расовая теорія, о которой мы упомянули выше. Она была въ ходу: тогда выдвигалась новая наука съ блестящимъ будущимъ — антропологія; тогда шли замѣчательные горячіе споры между моногенистами и полигенистами о происхожденіи человѣческаго рода,—споры, въ которыхъ принимали участіе такіе атлеты науки, какъ, умершій въ одно время съ Ренаномъ, Катрфажъ и надняхъ скончавшійся Карлъ Фохтъ.

III.

Ренанъ и петербургскій ахунъ.

Ренанъ какъ-бы дѣлитъ человѣчество на язычество, съ его жизнерадостнымъ пантеизмомъ, и на монотеизмъ, съ его аскетическимъ и теоретическимъ догматизмомъ. Носителями перваго онъ считаетъ арійцевъ, второго—семитовъ. На этотъ разъ болѣе мечтатель, чѣмъ историкъ, Ренанъ упустилъ изъ виду общечеловѣческую эволюцію, въ силу которой все и вездѣ происходитъ въ свое время, при одинакихъ условіяхъ. Зачатки единобожія были давно въ Китаѣ и Индіи; а евреи и арабы были вначалѣ отъявленными язычниками, какъ и всѣ недозрѣлые смертные. **)

*) Renan: Averroès et l'Averroisme. Paris. 1852. 2-е изданіе въ 1860 г.

**) Когда эта статья набиралась, мы познакомились съ только-что вышедшимъ трудомъ *Иеринга*, составляющимъ лишь начало «Исторіи развитія римскаго права», предпринятой передъ смертью знаменитымъ юристомъ. Здѣсь говорится о зароды-

А затѣмъ главною опорой монотеизма оказались арійцы, какъ въ видѣ христіанъ Европы и Америки, такъ и въ видѣ индусовъ и персовъ—въ Азіи. Самъ Ренанъ свидѣтельствуетъ, что «индо-европейская раса (арійцы), если исключить браминскую отрасль и ничтожные остатки персовъ, цѣликомъ перешла къ семитскимъ религіямъ». Онъ правъ и въ томъ, что арійцы видоизмѣнили начальное, «чисто-семитское, сухое и жесткое» христіанство, внеся въ него романтизмъ и тѣ «миѳологическіе элементы», которые оттолкнули отъ него арабовъ и вообще семитовъ, съ ихъ «непріятною и роковою простотою».

Но и здѣсь нужно помнить историческій моментъ. Въ настоящее время у европейцевъ иной взглядъ на христіанство, чѣмъ въ эпоху крестовыхъ походовъ и схоластики. Съ другой стороны, не есть вѣчная печать семитства — эта «простота духа», которая, по словамъ Ренана, сказывается въ фарисейскомъ фанатизмѣ и прямолинейности догмы, въ «суровости, узкости и эгоистичности» морали, въ отсутствіи искусства и науки, наконецъ, въ грубомъ національмѣ и деспотизмѣ теократіи. Знаменитый семитологъ увлекся глубокою древностью, говоря: «въ книгѣ Іова исканіе причинъ представляется почти въ видѣ нечестія; въ Экклезіастѣ наука объявлена суетой; спозаранку просвѣщенный авторъ хвалится, что онъ изучилъ все подъ солнцемъ и нашелъ только скуку; мудрость семитскихъ націй никогда не выходила изъ области притчи и пословицъ». Онъ забылъ, что въ этой глубокой древности у евреевъ, какъ и на всемъ Востокѣ, были зачатки искусства, остановленнаго пророками VII вѣка, духъ которыхъ отразился въ христіанской Византіи въ эпоху иконоборства.

Ренанъ забылъ также позднѣйшее—и міровую религію любви, родившуюся въ Палестинѣ, и знаменитое мавританское искусство, и своего Аверроеса. Онъ упустилъ изъ виду и то сліяніе семитской интеллигенціи съ арійской, которое особенно ясно во Франціи, «выставившей—по его-же словамъ—въ мірѣ начало чисто-идеальной цивилизаціи, исключающее всякую мысль о расовыхъ различіяхъ». А это сліяніе доставило семитству такую силу въ Европѣ, что здѣсь арійцы уже начинаютъ обороняться противъ него такими средствами, какъ «антисемитизмъ», съ его семитскою «простотой духа». Ренанъ признаетъ только нашу матеріальную культуру произведеніемъ семитскаго Востока, выводя торговлю и промышленность изъ Финикіи, Палестины, Сиріи, Аравіи и Вавилона.

шахъ римскаго права въ до-историческія времена индо-европейцевъ. Въ этихъ *Reminiscenze nan die Urzeit* Игерингъ естественно коснулся и «типичнаго» различія между арійцами и семитами. Но эта задача оказалась ему не подъ силу точно такъ же какъ и знаменитому историку Ранке, который даже явно уклонялся отъ нея въ своей «Weltgeschichte». Намъ пріятно было встрѣтить здѣсь у Игеринга точно то-же возраженіе Ренану, которое мы сдѣлали выше, въ текстѣ.

Положимъ, въ то время еще былъ новостью въ наукѣ тотъ фактъ, что всѣ эти зачатки культуры шли изъ *туранскаго* Вавилона. Но всѣмъ уже было извѣстно, что науки и искусства, которыхъ Ренанъ видитъ только въ Элладѣ, были завѣщаны грекамъ тѣмъ же Востокомъ.

Впрочемъ, Ренанъ спѣшитъ свести все къ исламу, чтобы быть свободнѣе внѣ еврейско-христіанскихъ противорѣчій. «Семитскій духъ—по его мнѣнію—въ наши дни особенно является въ лицѣ ислама». А исламъ—«полнѣйшее отрицаніе Европы, отвращеніе къ наукѣ, упраздненіе гражданскаго общества»: это—«ужасная простота семитскаго духа, сдавливающая человѣку мозгъ, закрывающая ему доступъ ко всякой нѣжной и гибкой мысли, ко всякому тонкому чувству, ко всякому умозрительному изысканію и, взамѣнъ того, ставящая передъ нимъ вѣчную тавтологію: Богъ есть Богъ». Оттого исламъ «медленно разлагается; въ наши дни онъ рушится съ шумомъ». И «теперь существенное условіе для распространенія европейской цивилизаціи—разрушеніе ислама».

Это говорилось въ 1862 г. Въ 1883-мъ Ренанъ прямо далъ исламу очную ставку съ наукой. Здѣсь подписывается такой приговоръ: «Исламъ—безразличное смѣшеніе всего свѣтскаго съ духовнымъ, владычество догмата: это—самыя тяжелыя цѣпи, въ которыя когда-либо человѣчество было заковано... Всѣхъ поражаетъ какая-то неизбѣжная ограниченность каждаго правовѣрнаго... Мусульманскій ребенокъ, иногда и не безъ способностей, около 10—12-лѣтняго возраста, въ пору своего религіознаго обученія, вдругъ становится фанатикомъ: имъ овладѣваетъ глупое высокомѣріе; онъ воображаетъ, что позналъ абсолютную истину, и радуется, какъ нѣкоторой привилегіи, тому, что̀ именно составляетъ его слабость... Мусульманинъ питаетъ глубочайшее презрѣніе къ образованію, къ наукѣ,—словомъ ко всему, изъ чего слагается умъ европейца».

Но это только въ началѣ и концѣ рѣчи. Вся она направлена въ другую сторону. Передъ нами опять расовая теорія. Ренанъ доказываетъ, что арабы (они, вѣдь, семиты!)—враги науки. «Ничто не было болѣе чуждо всему, что̀ зовется философіей или наукой, какъ 1-й вѣкъ ислама». Умственное движеніе началось лишь около 750 г., при аббасидахъ, подъ вліяніемъ персидской цивилизаціи, созданной изгнанными изъ Византіи философами. Тогда въ Багдадѣ все находилось въ рукахъ персовъ и грековъ; и блестящіе халифы, современники каролинговъ, заставившіе перевести по-арабски «всю греческую науку», «почти не были мусульманами». Тогда «пышнымъ цвѣтомъ распустилась свободная мысль: спорщики устраивали собранія, гдѣ всѣ религіи обсуждались согласно съ началами разума... Можно даже сказать, что въ теченіе 5 вв. (около 750—1250) умственная культура мусульманскаго міра была выше христіанской... То время можно назвать *арабскимъ* періодомъ: тогда человѣческая мысль сохранялась и передавалась въ странахъ ислама»...

Но эта культура—арабская только по языку. По содержанію, она—греческая: и лишь деспотизмъ да недомысліе Византіи виноваты въ томъ, что для христіанской Европы потребовался «этотъ странный обходъ, черезъ который въ XII в. дошла до насъ греческая наука, пройдя черезъ Сирію, Багдадъ, Кордову и Толедо». Арабы были только передатчиками умственныхъ сокровищъ Эллады христіанскому Западу; и исполнивъ эту роль, ихъ культура застываетъ. Даже главные ученые были не арабской крови; а въ Испаніи все дѣло было въ евреяхъ. Сами-же арабы преслѣдовали ученыхъ: у нихъ были жупелами имена «фильзуфовъ (философовъ) и фармазуновъ (фран-масоновъ)».

Здѣсь забвеніе историческихъ моментовъ опять мститъ за себя знаменитому семитологу. Одинъ и тотъ-же исламъ выходитъ то прирожденнымъ врагомъ науки, то ея хранителемъ для невѣжественной Европы. Мудрено было ему изобрѣтать просвѣщеніе въ «I-мъ вѣкѣ», когда бедуины безграмотнаго Магомета были еще полудикарями. Удивительнѣе другое: какъ быстро исламъ увлекся классицизмомъ, котораго не желали знать, въ теченіе 12-ти вѣковъ, христіане, жившіе въ самыхъ его центрахъ! Непонятно, какимъ образомъ халифы заставили своихъ арабовъ усвоить «всю греческую науку» и въ то-же время преслѣдовали ее?

Но то были разныя эпохи. Преслѣдованіе началось къ концу «арабскаго періода», когда настала реакція, напоминавшая подвиги европейской инквизиціи, Фердинандовъ Католиковъ и Людовиковъ XI. И она велась схоластиками да іезуитами ислама, которые пользовались невѣжествомъ черни. Самъ Ренанъ говоритъ, что теологи «всегда преслѣдовали философію въ нѣдрахъ ислама: они безпощадно проклинали Мамуна,—халифа, который больше всѣхъ заботился о распространеніи греческой философіи... но ее не удавалось заглушить». А съ 1200 г. эта «реакція окончательно одерживаетъ верхъ: философія упраздняется въ мусульманскихъ странахъ». Вслѣдъ затѣмъ, Ренанъ, смѣшивая реакціонеровъ съ религіей, замѣчаетъ: «Относить къ исламу философію и науку, которыхъ онъ не могъ заглушить, все равно, что чествовать богослововъ за открытіе современной науки. Эти открытія были совершены помимо воли богослововъ. Западная теологія отличалась такою-же нетерпимостью, какъ мусульманская: только ей не посчастливилось и не довелось стереть съ лица земли современную мысль».

А что было-бы съ христіанскою культурой, если-бы, вслѣдъ за Торквемадами и Лойолами, Европой вновь овладѣли гунны Аттилы или монголы Батыя? Ренану извѣстенъ этотъ роковой историческій моментъ по отношенію къ «арабскому періоду»; но онъ не обратилъ на него должнаго вниманія. Указавъ на помянутую реакцію, онъ говоритъ: «вскорѣ гегемонія въ исламѣ переходитъ къ *турецкому* племени, и вездѣ замѣчается, что послѣднему вовсе не присущъ духъ философскаго и науч-

наго изслѣдованія». Въ другомъ мѣстѣ сказано, что исламъ становится фанатичнымъ лишь съ XIII в., «когда онъ распространяется между татарами и берберами — расами грубыми, неповоротливыми, ограниченными».

Рѣшительный приговоръ исламу со стороны знаменитаго европейскаго ученаго затронулъ правовѣрныхъ. Магометанскій ахунъ въ Петербургѣ. Баязитовъ, издалъ въ 1883-мъ же году свое «Возраженіе» *), гдѣ опровергаются «оскорбительные для ислама выводы» Ренана. Затѣмъ онъ подкрѣпилъ свою полемику положительнымъ изложеніемъ ученія корана **), представляющимъ родъ мусульманскаго катехизиса. съ обычными текстами и натяжками теологической односторонности. Эти брошюры драгоцѣнны, какъ выраженіе взгляда и образованности современныхъ учителей исламской церкви.

Слово петербургскаго ахуна оживлено чувствомъ: онъ говоритъ pro domo sua. Трогательно читать разсказъ о томъ, какъ «исламъ, какъ мать. передалъ Европѣ такъ хорошо воспитаннаго юношу («умственныя науки»). отецъ котораго Греція». А отсюда—«способность и преимущество младшаго брата (исламъ) надъ старшимъ (христіанская Европа) становится очевиднымъ». Но ахунъ, къ сожалѣнію, не отличается особеннымъ знакомствомъ съ «умственными науками», которыя, по его мнѣнію. извѣстны Европѣ «не изъ первыхъ рукъ», а лишь «благодаря арабскимъ трудамъ»: онъ орудуетъ больше простою «логикой» да текстами корана. а свѣтскія познанія черпаетъ изъ того-же Ренана... Велики и его надежды. Онъ говоритъ о «дикихъ племенахъ», покорившихъ Багдадъ: «подъ вліяніемъ ислама. варвары-завоеватели развиваются. хотя медленно. но неуклонно и постепенно, такъ что, быть можетъ, недалеко то время, когда, сравнявшись умственнымъ своимъ развитіемъ съ Европою, они пойдутъ рука объ руку съ нею по пути научнаго прогресса».

Ахунъ правъ, указывая на нашествіе монголовъ и турокъ, какъ на одну изъ «естественныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ застой научной дѣятельности и у другихъ народовъ». Онъ правъ, когда напоминаетъ о неприглядныхъ сторонахъ нравственной жизни европейцевъ и о тѣхъ «католическихъ монахахъ, которые и теперь не отказались-бы возобновить пытки инквизиціи для самого Ренана и его единомышленниковъ». Позволительно только сомнѣваться въ его надеждахъ на то, что младшій братъ, сначала опередившій старшаго, потомъ отставшій, снова скоро догонитъ его.

А между тѣмъ, пока младшій братъ догонитъ старшаго, его современное развитіе рисуется въ умоначертаніи его учителей. Нашъ

*) Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана «Исламъ и наука» с.-петербургскаго мухамеданскаго ахуна, *Атаулла Баязитова*. Спб. 1883.

**) *Баязитовъ*: Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ. Спб. 1887.

ахунъ устраняетъ искусство, возставая противъ голыхъ тѣлъ на картинахъ, противъ статуй и даже театра. Онъ устраняетъ науку, указуя перстомъ на «бесѣды Ренана объ отсутствіи божественнаго элемента въ явленіяхъ природы» (хотя Ренанъ говоритъ объ «удаленіи, а не объ отрицаніи» этого элемента) и объявляя ересью «ученіе о неизмѣнности законовъ природы», тѣмъ паче, что «наука есть дочь религіи, а дочь никогда не должна кичиться передъ матерью». Ахунъ устраняетъ отъ развитія цѣлую половину рода человѣческаго, и именно его воспитательницъ. Онъ обѣими руками подписывается подъ стихами корана о томъ, что женщина—«созданіе слабое и зависимое отъ мужа», что «съ нею нужно быть воздержнымъ на языкъ въ дѣлахъ серьезныхъ». Онъ не только противъ «полной свободы женщины», но даже противъ допущенія ея въ общество мужчинъ: тутъ онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ Домостроя о «соблазнѣ, посѣвѣ любви, сладкой отравѣ» и т. д. Ахунъ приводитъ даже, съ самодовольствіемъ человѣка себѣ-на-умѣ, одно сравненіе, которое ярко рисуетъ поэзію восточнаго человѣка, но не особенно рекомендуетъ его нравственность. По его словамъ, аравитяне справедливо говорятъ: «если румяное яблоко, окрапленное бисеринками утренней росы, опустится черезъ заборъ надъ прохожими, оно будетъ всякаго соблазнять и всякій пожелаетъ сорвать его и скушать...»

Недаромъ въ то самое время, какъ петербургскій ахунъ оправдывалъ свой исламъ, самарскій священникъ выступилъ съ защитой христіанства: на книжкѣ г. Боголюбскаго *) красуется своего рода сліяніе воды и огня въ видѣ надписи: «историко-апологетическое» изслѣдованіе. Это—очевидно сочиненіе на какую-нибудь церковную степень: здѣсь на 292 страницахъ разобраны «происхожденіе и сущность» не только ислама, но и христіанства, и даже произведены «сравненіе и противопоставленіе этихъ двухъ религій, чтобы нагляднѣе показать, насколько велика пропасть» между ними.

Такъ какъ наука требуетъ совсѣмъ иного пріема, то мы оставимъ въ сторонѣ самарскій памфлетъ, отнимающій все рѣшительно (впрочемъ, кромѣ краснорѣчія) у «самозванца»—больше методомъ «логики», чѣмъ исторической критики фактовъ. Оставимъ также непогрѣшимость папъ католикамъ, мнѣніе о пригодности католичества только для политики націонализма — современнымъ дѣлателямъ исторіи, а фатализмъ расовой теоріи—вейсманистамъ соціологіи. Скажемъ смиренно—«хороши всѣ мы, смертные», чтобы не попасть въ опасныя для нашей-же будущности сѣти стариннаго «глупаго высокомѣрія». Лучше попытаемся взглянуть на исламъ, какъ на предметъ чистой науки, и поискать въ немъ обычнаго

*) *Боголюбскій* (нынѣ священникъ г. Самары): Исламъ, его происхожденіе и сущность по сравненію съ христіанствомъ. Самара. 1885.

проявленія незыблемыхъ законовъ соціологіи. Это уже можно сдѣлать теперь, благодаря строго-научному направленію новѣйшихъ изслѣдователей—А. Мюллера, Кремера*), Куглера**) и др.

IV.

Арабы и ихъ пророкъ.

Мы видѣли, что исламъ представляетъ драгоцѣннѣйшее поле для научныхъ наблюденій. Крайне занимателенъ и поучителенъ уже первый шагъ въ его жизни. Здѣсь съ поразительною простотой объясняется основной и первоначальный законъ соціологіи—*интеграція*, или созданіе цѣльнаго общественнаго организма изъ антропологическихъ атомовъ. До Магомета Аравія—ничто иное, какъ первобытная пустыня, съ ея обычными свойствами. Ея «сыны», бедуины, разсыпаются, какъ песокъ, въ безформенной массѣ родового быта. Они и безплодны, какъ песокъ: живутъ, какъ птицы небесныя, лишенные производствъ, всякой культуры. Таково и ихъ язычество, принаровленное къ отдѣльнымъ родамъ и впадающее въ фетишизмъ. Черты ихъ нравовъ, въ общемъ, такія же, какъ вездѣ на зарѣ исторіи: алчность и жестокость сливаются съ гостепріимствомъ, безъ котораго люди погибли бы въ родовомъ быту. Напрасно говорятъ про «конкретность, практичность» семита, указывая на отсутствіе, въ его древности, эпоса, драмы и философіи въ религіи. И арабы, и евреи оказались потомъ сильными математиками и философами; а въ началѣ—у всѣхъ народовъ одна жалкая лирика да фетишизмъ и царство духа предковъ. Объ арабѣ можно сказать только, что его всегда отличала даровитость, проявляемая въ горячей энергіи, въ предпріимчивости и впечатлительности: онъ вчера только появился даже въ Америкѣ — и уже не дурно и тамъ прилаживается къ обстоятельствамъ.

Бедуинъ могъ быстро превратиться въ осѣдлаго человѣка, какъ русскій быстро превратился, на зарѣ своей исторіи, въ кіевскаго торгаша, а потомъ—въ суздальскаго земледѣльца. Прежде описывалось даже, какъ Магометъ сразу совершилъ это чудо. Но теперь наука и здѣсь вскрыла неизбѣжную подготовку. За нѣсколько вѣковъ до геджры (исламская эра—622 г. по Р. Х.) происходили какъ бы пробы кристаллизаціи этнографическихъ песковъ пустыни; и ясно, по какимъ причинамъ. Задолго до Р. Х. образовалось царство Саба, въ плодородномъ, юго-западномъ углу Аравіи, въ Іеменѣ, какъ на торговомъ перепутьѣ между Египтомъ,

*) *Kremer:* Geschichte der herrschenden Ideen des Islams. Leipzig. 1868.—Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Wien. 1875—1877 2 тома.

**) Прекрасное изслѣдованіе *Куглера* о крестовыхъ походахъ только-что вышло въ русскомъ переводѣ. Оно подходитъ, по духу, къ Мюллеру, который и пользуется имъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Индіей, Вавилономъ и Ассиріей. Но оно пало, вскорѣ послѣ Р. Х., подъ ударами христіанъ—абиссинцевъ. Тогда же произошло обычное въ исторіи явленіе: римляне и персы стали нанимать сѣверныхъ арабовъ, устраивая изъ нихъ военныя поселенія для отпора остальнымъ бедуинамъ, налетавшимъ, какъ саранча, на ихъ границы. Эти поселенія, въ свою очередь, пытались превратиться въ царство, пользуясь борьбой между Римомъ и Персіей. Такова была Пальмира при знаменитой Зиновіи. Но и эти попытки были мимолетны: могучія старыя державы быстро разрушали ихъ.

Тогда выдвинулся западъ Аравіи, Геджасъ. Послѣ паденія Сабы, сюда, на Мекку и Медину, направился торговый путь, удаленный отъ набѣговъ абиссинцевъ. Здѣсь жила болѣе развитая часть арабскаго племени, сильно перемѣшанная съ евреями и подвергавшаяся вліянію христіанства. Средоточіе живыхъ торговыхъ сношеній, *Мекка*, стала Москвою бедуиновъ, которые стекались сюда отовсюду, особенно на ярмарки, во время которыхъ господствовало всеобщее перемиріе, какъ въ Элладѣ при олимпійскихъ играхъ. Здѣсь происходили состязанія арабскихъ Гомеровъ, что создавало общій языкъ, эту основу національнаго единства. Здѣсь зарождалась объединительная легенда о происхожденіи всѣхъ арабовъ отъ сына Авраама и Агари, Измаила, который построилъ *каабу*, съ помощью ангела Гавріила. Этотъ скромный языческій храмикъ превратился во всеарабскій соборъ: въ каабу были внесены 360 родовыхъ идоловъ. Здѣсь же слагались зачатки новой религіи, какой-то смѣси іудейства и христіанства съ древнимъ язычествомъ: но покуда являлись лишь «расколоучители», *ханифы*, эти истинные предтечи Магомета.

Въ личности Магомета совмѣщались черты, необходимыя для преобразователя такой среды. Нельзя отрицать ея крупныхъ размѣровъ, уже въ виду рѣзкихъ отзывовъ потомства: мы видѣли, какъ долго исламскій пророкъ считался великимъ нечестивцемъ; а въ новое время серьезные ученые называли его «великимъ, чрезвычайнымъ человѣкомъ, какой когда-либо являлся на землѣ» *). Истиннымъ реформаторомъ является Магометъ въ свѣтѣ новѣйшей исторической критики (Caussin de Perceval, Renan, Sprenger, A. Müller). Онъ отличался искреннимъ идеализмомъ, какъ всѣ основатели религій: небесные звуки и видѣнія были дѣйствительностью для этого крайне нервнаго существа; посланничество Божіе было у него самообманомъ. Неудовлетворенный средой, этотъ поэтъ въ душѣ терзался исканіемъ новаго Бога: скупой на слова, онъ сначала спорилъ о религіи со всякимъ встрѣчнымъ, а потомъ, повинуясь повелительному внутреннему голосу, 10 лѣтъ терпѣливо выносилъ гоненія за

*) Таковы взгляды Rémusat, Barthélemy St.-Hilaire, Lorant. Строгій критикъ Weil (Mohammed der Prophet, p. 401 — 402) называетъ Магомета даже «посланникомъ Божіимъ».

свою безстрашную проповѣдь. Но Магометъ скромно считалъ себя тогда лишь глашатаемъ завѣтовъ «Музы» (Моисея) и «Айссы» (Іисуса). Диктуя безсвязныя суры (стихи корана), онъ бранилъ себя за противорѣчія и погрѣшности. Даже враги признаютъ врожденную пріятность этой избранной натуры. Привѣтливый со всякимъ, нѣжный въ семьѣ, добрый даже къ животнымъ, этотъ меланхоликъ часто былъ наивенъ, какъ дитя, и снискалъ названіе «вѣрнаго человѣка» за твердость въ дружбѣ и честность.

Магометъ вѣчно благотворилъ и особенно льнулъ къ несчастнымъ: онъ самъ былъ въ дѣтствѣ въ средѣ пастуховъ, которые набирались изъ рабовъ и нищихъ дѣвочекъ. Жилъ онъ просто, безъ рабовъ, самъ штопая свои сандаліи и хламиду, сидя на корточкахъ на полу. Магометъ былъ подверженъ только горячности и падалъ духомъ послѣ крайняго возбужденія. Но этотъ мечтатель былъ настоящій арабъ по своему умѣнью прилаживаться къ средѣ, уступать, выжидать, брать пригодное отовсюду: въ немъ не было творчества, какъ не было образованія и логической выдержки. Его ученіе слагалось постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Оттого все здѣсь такъ просто, прозаично, несмотря на множество легендъ, какъ при началѣ всякой религіи, впрочемъ уже хорошо разработанныхъ критикой. Ренанъ и Шпренгеръ мѣтко сказали: «арабскій духъ, вмѣсто того, чтобы начаться въ Магометѣ, находитъ въ немъ свое послѣднее выраженіе; заслуга Магомета не въ томъ, что онъ опередилъ свое время, а въ томъ, что онъ умѣлъ высказать и смѣло выразить потребность времени» *): но въ этомъ-то и сила Магомета, который оказался потомъ, по всеобщему признанію, замѣчательнымъ политикомъ, чему соотвѣтствовало и его несомнѣнное краснорѣчіе страсти и широкихъ идей.

Но этотъ симпатичный характеръ, съ его національными недостатками, принадлежитъ собственно меккскому пророку, который создалъ и лучшія суры—эти краткіе, лирическіе стихи въ прозѣ, связанные единствомъ мысли. Послѣ геджры въ Магометѣ проявляются новыя черты—хотя опять національныя, но болѣе отрицательнаго свойства. Конечно, брали свое и годы. Магометъ лишь въ 40 лѣтъ началъ свою проповѣдь и на 52-мъ г. жизни бѣжалъ въ Медину, а умеръ 62-хъ лѣтъ. Въ Мединѣ пылкость впечатлительнаго араба все сильнѣе принимала въ немъ характеръ сладострастія: говорятъ, у него набралось до 25 женъ, кромѣ наложницъ. «Противъ двухъ вещей на свѣтѣ я безсиленъ—противъ женщинъ и благоваеній», говорилъ самъ пророкъ,—и этотъ статный красавецъ франтилъ иногда до смѣшного. Въ семьѣ Магомета, превращавшейся въ цѣлый родъ, заводились дрязги. Все это отражалось на коранѣ, нарушая его

*) *Renan*: Etudes d'histoire réligieuse, 272—273.—*Sprenger*: Das Leben und die Lehre d. M. III, p. XV.

первоначальную чистоту мутными противорѣчіями. Тамъ предписывается уходъ за своею внѣшностью, вводится многоженство—для всѣхъ неограниченное только относительно рабынь, а для пророка и относительно женъ. А когда пронесся слухъ, что 14-лѣтняя Айша однажды измѣнила своему 57-лѣтнему мужу, коранъ повелѣлъ женамъ сидѣть дома взаперти и закрываться чадрой при чужихъ.

Впрочемъ, въ остальномъ Магометъ, какъ частное лицо, оставался прежнимъ и въ Мединѣ. И умеръ онъ тамъ, какъ жилъ въ Меккѣ—полный величія, среди молитвъ и благотвореній. Но въ пророкѣ какъ-бы поселился другой человѣкъ — искусный, но нерѣдко коварный политикъ и жестокій воитель. Виной тому были важныя обстоятельства: даже такіе присяжные сокрушители ислама, какъ г. Боголюбскій (стр. 121), объясняютъ этотъ переворотъ вліяніемъ «усиливавшейся оппозиціи», а Мюллеръ напоминаетъ, что и у христіанъ отчасти доселѣ еретики считаются «государственными» преступниками.

Въ Аравіи тогда работала стихійная сила безпощаднаго закона общественной интеграціи. Совершался крутой поворотъ: арабы одновременно переходили отъ родового раздробленія къ національному сплоченію и отъ племенныхъ вѣрованій къ міровой религіи. Въ этой глубокой потребности единства, въ виду могучихъ державъ—Византіи и Персіи, особенно въ Мединѣ, гдѣ кипѣло броженіе среди язычниковъ, евреевъ и христіанъ, заключалась тайна быстрыхъ успѣховъ ислама. Но тутъ-же лежала роковая необходимость превращенія религіи въ орудіе политики—политики макіавелизма и крови, согласно съ нравами эпохи. Здѣсь сама собою вытекала *теократія*—этотъ высшій абсолютизмъ, который до сихъ поръ тяготѣетъ надъ мусульманскими странами: «дѣятельность богослововъ и правовѣдовъ у мусульманъ почти тождественна», говоритъ Мюллеръ. А мы знаемъ изъ исторіи папства, что̀ значитъ это проклятіе, при которомъ, выражаясь словами Шлоссера *), «задерживается развитіе гражданскаго начала и дается возможность злоупотреблять началомъ религіознымъ».

На этой основѣ слагается въ Мединѣ *исламъ* или правовѣріе. Это—уже не еврейско-христіанская секта ничтожнаго ханифа, а новая великая религія, сотканная изъ всякихъ, но преимущественно арабскихъ, преданій, связанныхъ вѣрой въ единаго «Аллаха и его пророка». Она обособляется отъ своихъ матерей-соперницъ нѣкоторыми жизненными правилами и обрядами. Многоженство было брошенною Айсѣ перчаткой точно такъ же, какъ введеніе муэззиновъ вмѣсто христіанскаго била (деревянныя колотушки) или колоколовъ и еврейскихъ трубъ; кибла (обращеніе на молитвѣ лица къ Меккѣ, а не къ Іерусалиму) была нагляд-

*) *Всемірная исторія*, II, 283.

нымъ разрывомъ съ Музой. Затѣмъ началась расправа съ врагами, которые уже принесли столько горя Магомету и продолжали вредить ему словомъ и дѣломъ, ядовитыми насмѣшками и нападеніями на горсть правовѣрныхъ, которыхъ притомъ пророку приходилось кормить. И въ коранъ проникаетъ мрачный *фатализмъ*, съ кровавою заповѣдью борьбы: «богоотступничество гибельнѣе убійства»; въ рай вѣрнѣе всего попадетъ тотъ, кто, слѣдуя по «стезямъ Божіимъ», палъ въ священной войнѣ. А первая мечеть («мѣсто поклоненія») стала «плацъ-парадомъ ислама»: здѣсь пророкъ пріучалъ арабовъ къ той знаменитой дисциплинѣ, которая, въ соединеніи съ природнымъ пыломъ и храбростью бедуиновъ, доставила исламу мгновенную побѣду надъ полуміромъ.

Но у Магомета и теперь не было личной мстительности и жестокости: на этомъ настаиваетъ Мюллеръ, который указываетъ также на болѣе свирѣпый политическій фанатизмъ у Карла Великаго, жившаго почти на 3 в. позже, и проситъ помнить, что Магометъ былъ «полудикій арабъ VII вѣка». Все дѣло было въ томъ, что въ Аравіи *политическая интеграція совпала съ религіозною, и такъ рано*, почти среди дикарей. Магомету еще дѣлаетъ честь то, что онъ нерѣдко избѣгалъ кровопролитія, съ помощью своего дипломатическаго таланта: по словамъ Мюллера, этотъ «величайшій политикъ, недоступный ни страсти, ни предубѣжденіямъ, напоминаетъ коварно-хитроумныхъ римлянъ». Онъ сразу упрочилъ одно изъ величайшихъ дѣяній въ исторіи. Передъ его кончиной уже вся Аравія приняла исламъ, и его пророкъ надменно требовалъ того-же отъ византійскаго императора и персидскаго царя. А послѣдовавшее за его смертью возмущеніе $^5/_6$ Аравіи пронеслось, какъ мимолетное сновидѣніе вспыхнувшихъ, передъ своею кончиной, пережитковъ поконченнаго быта.

V.

Характеристика корана.

Такъ, постепенно, подъ гнетомъ обстоятельствъ, сложился *коранъ*, эта странная смѣсь всевозможныхъ вѣрованій, представляющая однако несокрушимое цѣлое, плѣнительное для множества разнообразныхъ странъ и народовъ. Его коренная догма, сохранившаяся въ чистотѣ у суннитовъ, необыкновенно проста и стройна. Заимствовавъ своего бога извнѣ, Магометъ очистилъ его отъ придатковъ антропоморфизма. Отсюда его отвращеніе и къ ὁбразамъ, и даже къ звукамъ: коранъ воспрещаетъ картины и статуи; «слушать музыку—говоритъ онъ— грѣхъ, а заниматься ею — развратъ». Правда, отсюда-же и отсутствіе идеаловъ правды и добра — этихъ опредѣленій божества, которыя превращались у схоластиковъ другихъ религій, въ свою очередь, въ какія-

то самостоятельныя сущности. «Богъ корана—говоритъ Мюллеръ—злой тиранъ; человѣкъ—его рабъ; молитва мусульманина проникнута ужасомъ и изумленіемъ передъ необъятнымъ величіемъ строгаго, все предопредѣлившаго Вседержителя небесъ и земли». Но это-то и дѣлаетъ исламъ такою общедоступною религіей. А фатализмъ, который жилъ въ душѣ бедуина, въ темныхъ зародышахъ, и до Магомета, придавалъ правовѣрному замѣченное всѣми невозмутимое спокойствіе въ несчастіи: исламъ называютъ «религіей мужей». Здѣсь не мѣшаетъ припомнить и замѣчательныя, какъ хорошія, такъ и дурныя, послѣдствія этого взгляда на жизнь у многихъ европейцевъ, отъ блаженнаго Августина до Кальвина и послѣдняго пуританина.

При такой простотѣ коренного понятія, въ коранѣ все трезво, сухо и практично. Самъ Магометъ—обыкновенный человѣкъ, какъ и Айсса. «Это—замѣчаетъ Мюллеръ—не разъ, и съ большой силой, повторяется въ коранѣ. Самъ пророкъ не выказывалъ притязаній ни на непогрѣшимость, ни на сверхъестественныя свойства, въ родѣ чудотворства». Лишь впослѣдствіи произошло то же, что̀ въ буддизмѣ и католичествѣ: преданія стали украшаться безчисленными чудесами. «И едва-ли нынѣ кто-либо изъ правовѣрныхъ осмѣлится выказывать сомнѣніе въ чудодѣйственной силѣ пророка и въ его нравственномъ совершенствѣ, почти граничащемъ съ непогрѣшимостью», говоритъ Мюллеръ. Заимствованному ученію о страшномъ судѣ, объ адѣ и раѣ приданъ совершенно матеріалистическій оттѣнокъ: Магометъ, самъ торгашъ, называетъ перевѣсъ грѣховъ «банкротствомъ».

Обряды ислама—сухое, разсудочное воспроизведеніе военной дисциплины, исполненіе одной внѣшней законности, одного приказанія корана, безъ участія высшихъ нравственныхъ требованій: оттого у мусульманъ, по словамъ Мюллера, «рѣдко чья совѣсть возмутится, обманывая невѣрующаго, хотя по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ всѣ они могутъ оказаться людьми вполнѣ честными», чего нельзя сказать о тѣхъ купцахъ, у которыхъ правило—«не надуешь, не продашь».

Таковы пять каноническихъ «столповъ религіи», въ которыхъ много сходнаго съ буддизмомъ и частью съ католичествомъ (четки, земные поклоны и т. под.). Изъ нихъ омовеніе, лишенное символическаго значенія, и молитва, окаменѣвшая въ начальныхъ формахъ словъ и тѣлодвиженій, много содѣйствовали военной дисциплинѣ. Но исламская молитва облагорожена отсутствіемъ частныхъ просьбъ или торга съ Всевышнимъ: Аллахъ уже все предопредѣлилъ; остается только словословить его. Постъ и паломничество весьма знакомы намъ: не ѣшь до зари, а потомъ объѣдайся; какъ христіане въ Іерусалимъ, пробираются правовѣрные, питаясь подаяніемъ, въ Мекку (а въ Африкѣ и къ могиламъ святыхъ), гдѣ черный камень какъ-бы истертъ поцѣлуями «хаджей», подобно большому пальцу на ногѣ

статуи св. Петра въ Римѣ, а колодезь, утолившій Агарь и Измаила, исцѣляетъ, какъ вода Лурда. Пятый столпъ религіи выгодно отличаетъ исламъ отъ остальныхъ вѣроисповѣданій: это—*зекятъ* или милостыня, которая быстро превратилась въ налогъ для бѣдныхъ, напоминающій poor-law англичанъ. Обыкновенно онъ составлялъ $2^1/_2\%$ всего имущества; но впослѣдствіи, при развитіи деспотизма и чиновничества, тутъ пошли большія злоупотребленія.

Главная сторона каждой религіи, *мораль*, составляетъ наиболѣе жгучій вопросъ по отношенію къ исламу. Здѣсь-то особенно и усердствовали враги пророка въ навѣтахъ на его ученіе. Но теперь и здѣсь можно разобраться, воздавая каждому должное.

Суть дѣла заключается въ двухъ вопросахъ: какая роль принадлежитъ исламу, съ одной стороны, въ эволюціи нравственнаго чувства или гуманности, съ другой—въ умственномъ или научномъ развитіи человѣчества?

До послѣдняго времени было принято весьма невыгодное для ислама мнѣніе насчетъ его гуманности, — мнѣніе, поддержанное безконечною борьбой Европы съ турками. Магометанинъ представлялся мстительнымъ злодѣемъ и кровопійцей, въ родѣ людоѣда Полинезіи. При этомъ указывалось на суры корана о «джихадѣ» и на обычай сподвижниковъ пророка убивать у невѣрныхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей обращать въ рабство. Но забываютъ, что тотчасъ послѣ Магомета возобладала, по требованію обстоятельствъ, другая сура: «сражайся съ невѣрующими, доколѣ они не станутъ платить *джизьи* или поголовной подати, какъ покорные подданные». Мало того. Покореннымъ оставлялись ихъ земли, за которыя они должны были платить особый налогъ, *хараджъ*: Омаръ даже строго запретилъ мусульманамъ внѣ Аравіи пріобрѣтать недвижимое имущество. Въ средѣ самихъ правовѣрныхъ коранъ вводилъ начало равенства: раздѣлъ излишковъ казны между всѣми граничилъ даже съ коммунизмомъ. Уголовщина была смягченіемъ бедуинскихъ нравовъ: смертная казнь, красующаяся и теперь на Западѣ, полагалась только за предумышленное убійство, за упорное отпаденіе отъ ислама, да за хуленіе Магомета, Музы и Аиссы. Отъ первобытнаго «око за око», при членовредительствѣ, можно было откупиться вирой. Точно также Магометъ, при всемъ своемъ желаніи, еще не могъ отмѣнить рабство; но онъ смягчилъ участь несчастныхъ.

Вообще гуманностью проникнутъ коранъ такъ-же, какъ былъ одушевленъ ею самъ пророкъ, сказавшій въ своей «прощальной» рѣчи, передъ смертью: «Всѣ мусульмане — братья: жизнь и имущесто каждаго изъ нихъ должны быть священны для всѣхъ остальныхъ. Запрещается кровомщеніе временъ язычества. Бракъ нерасторжимъ; семейное имущество, во всякомъ случаѣ, переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Съ женами

слѣдуетъ обходиться кротко и заботиться о благоденствіи ихъ. Надо щадить рабовъ, не убивать ихъ за прегрѣшенія; и продажа ихъ допускается лишь въ крайнемъ случаѣ». Отсюда знаменитый зекятъ и прекрасныя слова одной суры: «О, правовѣрные! Не щедритесь на дрянь въ вашемъ добрѣ: истинное благочестіе состоитъ въ томъ, чтобы раздавать самое дорогое вамъ. Богу будетъ извѣстно все, что́ дадите вы».

Кромѣ непосредственной милостыни, мусульманинъ долженъ выкупать плѣнныхъ и кормить, въ дни глада, сиротъ и обнищалыхъ. А «кто убьетъ человѣка безвинно, тотъ сочтется убійцей рода человѣческаго; кто-же даруетъ жизнь человѣку, того почтутъ даровавшимъ жизнь всему роду человѣческому». Коранъ далъ жизнь массамъ невинныхъ: онъ строго возбранилъ убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Многихъ спасъ онъ отъ бѣдствій также запрещеніемъ, подъ страхомъ плетей или кнута, вина, нечистой пищи (по Ветхому Завѣту) и азартныхъ игръ. Наконецъ, Магометъ, подобно Буддѣ, превращалъ исламъ въ общество покровительства животнымъ: онъ строго воспрещалъ ихъ истязаніе, особенно огнемъ (и блохи не бросай въ пламя!), а также пѣтушиные и звѣриные бои; онъ заповѣдалъ даже очищать животныхъ отъ приставшихъ къ нимъ нечистотъ.

Въ виду всего сказаннаго, трудно согласиться съ ходячимъ мнѣніемъ объ отсутствіи нравственныхъ заповѣдей въ коранѣ,—мнѣніемъ, которое проскользнуло, въ разрѣзъ съ основнымъ воззрѣніемъ автора, въ слова Мюллера: «для ислама дѣянія не важны; все дѣло въ вѣрѣ». Было-бы справедливѣе пожалѣть, что мораль ислама подрывается самымъ вреднымъ для гуманности пережиткомъ—духомъ племенной узкости взгляда на міръ. Но отъ него мудрено было отрѣшиться «полудикому арабу VII вѣка». Самъ Мюллеръ говоритъ, указавъ на «часто неразумное, почти дѣтское складываніе корана изъ искаженныхъ обрывковъ другихъ религіозныхъ преданій»: «Магометъ сумѣлъ приладить свою религію ко всѣмъ глубоко укоренившимся предразсудкамъ арабовъ и при этомъ не устранить совершенно основъ единобожія, — вотъ что было верхомъ искусства; и мастерское выполненіе этой трудной задачи составляетъ главную его заслугу».

VI.

Женщина въ исламѣ.

Съ принятой въ нашемъ изложеніи точки зрѣнія особенно важна основная сторона нравственнаго вопроса вообще—положеніе *женщины*. Оно также служило въ рукахъ враговъ ислама однимъ изъ главныхъ орудій: едва-ли не болѣе всего писалось объ этомъ. И сейчасъ этотъ жгучій вопросъ служитъ первымъ предметомъ издѣвательства въ личныхъ сношеніяхъ не-мусульманъ съ правовѣрными.

Положеніе женщины у арабовъ представляетъ глубокій интересъ и для соціолога. Мы видимъ здѣсь и ея первобытное высокое значеніе, какъ пережитокъ матріархата или матеревластія до-историческихъ временъ *), и вездѣсущія условія его паденія. До Магомета, конечно, господствовало многоженство безграничное; но оно не мѣшало женщинѣ быть человѣкомъ. Арабка ходила всюду открыто и свободно. Дочь была такъ же поставлена относительно родительской власти, какъ сыновья. Жена имѣла одинаковое право съ мужемъ «опрокинуть палатку», т. е. развестись съ своимъ сожителемъ. Вдовы свободно располагали собой и своимъ имуществомъ, какъ показываетъ примѣръ богатой купчихи, Хадиджи, первой жены пророка. Если дѣвочекъ зарывали живьемъ въ землю, то только въ бѣдныхъ семьяхъ, по экономическому разсчету дикарей. Зато женщины нерѣдко разыгрывали роль пророчицъ и властительницъ. Такова была Зиновія, превознесенная въ арабскихъ сказаніяхъ, какъ образецъ красоты, ума, храбрости и силы. При Магометѣ одна прорицательница стояла во главѣ бунта приверженцевъ старины. Сама Айша долго играла рѣшающую роль, какъ «мать правовѣрныхъ», и лично боролась съ Аліемъ. У шіитовъ также встрѣчались подобныя властныя жены.

Суровый законъ интеграціи, какъ всякій соціальный переворотъ, требуетъ большихъ жертвъ. Онъ приноситъ на алтарь временно необходимаго единства и первобытную свободу дикаря, и независимость женщины, чтобы возвратить ихъ потомъ въ совершенномъ видѣ, вознаграждая потомковъ сторицею за страданія предковъ. Теократія ислама требовала деспотизма въ самой семьѣ, какъ ячейкѣ государства. Неизбѣжная воинственность выдвигала мужчину насчетъ женщины. Южная сладострастная кровь араба, въ лицѣ Магомета, довершила дѣло.

По мысли пророка, женщина не существуетъ сама по себѣ: она создана для мужчины. Замужество онъ считалъ почти единственнымъ долгомъ женщины: дѣвственность была, въ его глазахъ, выдумкою христіанъ. Женщина «должна блюсти цѣломудріе и послушаніе передъ мужемъ», тогда какъ мужу коранъ даже не совѣтуетъ питать къ своей женѣ сильную любовь. Мужъ вправѣ обманывать жену, разводиться и опять сходиться съ нею до трехъ разъ, выгонять ее изъ дому на 4 мѣсяца, за невѣрность заключать въ своемъ домѣ до смерти и бить; дѣти считались законными только тѣ, которыхъ признавалъ отецъ. Магометъ предписалъ женщинамъ всегда ходить «съ потупленными глазами» и подъ чадрой. И муэззиновъ выбиралъ онъ изъ слѣпцовъ, чтобы они не видѣли, съ своей вышки, чтó творится въ гаремахъ.

Но Магометъ все-таки считалъ женщину человѣкомъ. Онъ допускалъ ее въ рай. Онъ ограничилъ первобытное многоженство четырьмя женами,

*) См. только-что переведенныя съ французскаго стокгольмскія лекціи, профессора Максима *Ковалевскаго* о происхожденіи и развитіи семьи и собственности.

да и то если мужъ можетъ содержать ихъ прилично. Онъ опредѣлилъ 100 ударовъ кнутомъ за прелюбодѣяніе. Онъ ограждалъ равноправность всѣхъ женъ и ихъ безопасность, такъ что мусульманки, по словамъ Баязитова, «имѣютъ право принести въ судъ жалобу на притѣсненія и несправедливость мужа или даже, въ иныхъ случаяхъ, просить о расторженіи самого брака».

Тотъ-же надежный свидѣтель говоритъ: «Ни отецъ, ни мать не вправѣ выдавать свою дочь безъ ея на это согласія. И относительно развода законы Магомета гораздо проще и болѣе практичны, чѣмъ въ юрисдикціяхъ другихъ исповѣданій. Такъ, при неизлечимыхъ болѣзняхъ мужа и въ случаѣ несостоянія (sic) мужа содержать жену соотвѣтственно ея достоинству, ей предоставляется право требовать развода. Коранъ гласитъ: «Берегите свою жену, обходитесь съ нею честно; отсылая ее, отсылайте съ благородствомъ. Для отверженныхъ женъ должно быть честное содержаніе». Женщины, въ опредѣленныхъ случаяхъ, допускаются въ свидѣтели не только по гражданскимъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. Онѣ могутъ быть повѣренными въ дѣлахъ о бракѣ и разводѣ. Онѣ назначаются опекуншами, если законы имъ извѣстны и если нѣтъ въ виду благочестивыхъ мужчинъ для этой обязанности. Ханафиты даже дозволяютъ женщинѣ исправлять должность судьи по гражданскимъ дѣламъ. Беременныхъ женщинъ не подвергаютъ никакому тѣлесному и уголовному наказанію до разрѣшенія отъ бремени. Со вступленіемъ въ бракъ назначается *мехръ*, который считается собственностью жены: по мусульманскому праву, вопреки всѣмъ прочимъ законодательствамъ, не жена вноситъ приданое въ пользу мужа, а напротивъ, мужъ, пріобрѣтая (sic) жену, обязанъ обезпечить ее матеріально. Мехръ, какъ собственность жены, хотя-бы и находился въ рукахъ и въ распоряженіи мужа, не входитъ ни въ наслѣдственную, ни въ конкурсную массу и, слѣдовательно, не засчитывается въ ту указную часть наслѣдства, которая ей слѣдуетъ, въ случаѣ смерти мужа. При разводѣ, выплачивается мехръ, а въ опредѣленныхъ случаяхъ и *фидее* или вознагражденіе. Въ супружествѣ мужъ обязанъ давать женѣ содержаніе и особое отъ другихъ женъ помѣщеніе, даже особую прислугу, соразмѣрно его средствамъ; и жена не обязана собственнымъ трудомъ зарабатывать что-либо въ пользу мужа. При недостаточности содержанія или въ случаѣ отсутствія мужа, при необезпеченіи ея въ содержаніи, жена вправѣ требовать развода. Въ случаѣ смерти мужа, вдовы получаютъ указную часть, и въ этой части пользуются преимуществомъ передъ всѣми родственниками. Дочери всегда участвуютъ въ наслѣдствѣ, хотя-бы и выходили изъ отцовской власти, и распространяютъ право это, въ случаѣ ихъ смерти, не только на дѣтей, но и на мужа *). Равнымъ образомъ, мать или бабка полу-

*) Прибавимъ, что дочь получаетъ половину того, что́ приходится ея братьямъ.

чаютъ всегда указныя части изъ наслѣдства. Женщины могутъ пріобрѣтать собственное имущество и, располагая онымъ въ назначенныхъ закономъ предѣлахъ, могутъ вступать во всякія гражданскія сдѣлки. Между супругами общности имѣнія не существуетъ; и ни жена, ни вдова не отвѣтствуетъ за долги мужа» *).

Послѣ Магомета положеніе женщины ухудшалось. Развивался обидно-чувственный взглядъ на нее. Пользуясь имъ, исламскіе схоластики и казуисты выводили для нея изъ «преданій» горькую участь, причемъ дѣйствовали и худшія изъ чуждыхъ вліяній: такъ, гаремъ и евнухи, возникшіе при омайядахъ, цѣликомъ заимствованы у Византіи. Правовѣрные начали буквально понимать метафору пророка во вкусѣ бедуинской поэзіи: «жены—ваша одежда и ваше поле». Женщина стала, какъ у ѳивандскихъ отшельниковъ и въ разныхъ Домострояхъ, «вервіемъ сатаны, существомъ глупымъ, величайшею карой, посланною Аллахомъ мужчинѣ». Она превратилась въ рабу, во вьючное животное по домашности да въ утѣху непрекраснаго пола. У мусульманъ нѣтъ даже слова для обозначенія хозяйки дома: это—только обитательница гарема для извѣстныхъ нуждъ своего повелителя. У опытнаго путешественника, Вамбери, разсказывается, какъ правовѣрные въ разговорахъ избѣгаютъ даже упоминанія постыднаго имени жены. Незамужнихъ стали презирать: имъ даже запрещали ходить въ Мекку и посѣщать мечеть — соблазна ради. А богословы ислама начали даже утверждать, что въ рай попадутъ лишь отборныя изъ молодицъ, и то только «ради потѣхи мужчинъ».

Какъ мы видѣли выше, у современныхъ ахуновъ подобный-же взглядъ на женщину. Къ сказанному тамъ прибавимъ, что г. Баязитовъ, съ юговосточною откровенностью и философичностью, такъ оправдываетъ многоженство и вытекающія изъ него послѣдствія для женщины: «Уважительныя причины—темпераментъ жителей Востока и обязательное отчужденіе мужчины отъ женщины во время извѣстныхъ отправленій, свойственныхъ женскому организму. Что-же касается деспотизма мужей надъ женами, то онъ проявляется лишь въ ихъ физическихъ отношеніяхъ, такъ какъ мужья, при своихъ весьма естественныхъ требованіяхъ, никогда ни принимаютъ во вниманіе отговоры женъ, подъ предлогомъ нерасположенія, разстройства нервовъ и т. под.» **).

VII.

Исламъ и прогрессъ.

Теперь—капитальнѣйшее дѣло, вопросъ изъ вопросовъ въ судьбѣ магометанства. Недаромъ существуетъ цѣлый рядъ книгъ и статей, изъ

*) *Баязитовъ*: Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ. Стр. 68—72.

**) *Баязитовъ*: Отношенія ислама, 68, 72.

обоихъ лагерей, на тему—*исламъ и наука*, *исламъ и культура*, *исламъ и прогрессъ* и т. под. Величіе вопроса явствуетъ и изъ того, что, при всей массѣ изслѣдованій, тутъ до сихъ поръ встрѣчаемся съ путаницей, недоразумѣніями, противорѣчіями—и не только у писателей разныхъ странъ, но и среди единомышленниковъ, иногда даже у одного и того-же крупнаго ученаго. Мы видѣли все это въ отношеніяхъ Ренана къ культурному значенію ислама вообще и къ аверроизму въ частности. Еще удивительнѣе два исключающіе другъ друга взгляда у Мюллера, и на одной и той-же страницѣ (I, 315).

Съ одной стороны, читаемъ: «Конечно, арабъ никогда не былъ въ состояніи отрѣшиться отъ своей натуры; исконная семитическая участь религіозныхъ и политическихъ взглядовъ не разъ налагала свою тяжкую руку на народы среднихъ вѣковъ. И нынѣ исламъ, если не брать въ разсчетъ необразованные народы, для которыхъ онъ болѣе или менѣе еще пригоденъ, составляетъ непреоборимую препону для всякаго прогресса, всякаго возрожденія».

А рядомъ напечатанъ такой панегирикъ исламу: «Для народностей Малой Азіи становилось истиннымъ благодѣяніемъ, когда арабы положили основаніе для новой, единственной въ средніе вѣка цивилизаціи. Дѣйствовали они столь-же благотворно, какъ и германцы, разбившіе въ дребезги древнюю Римскую имперію. И въ то время, какъ германизація Запада—нельзя-же этого скрыть—привела покоренные народы къ зимней, положимъ, очень здоровой (sic) спячкѣ, изворотливые, подвижные и хитрые семиты способствовали посѣву блестящаго, хотя и быстро промелькнувшаго, весенняго расцвѣта, доставившаго тѣмъ не менѣе всему человѣчеству довольно прочные плоды. Чѣмъ обвинять исламъ за быстроту его увяданія, слѣдуетъ скорѣе быть ему признательнымъ за то, что онъ послужилъ могучимъ посредникомъ для передачи греческихъ знаній и восточнаго образованія въ эпоху, когда отношенія между нѣмецкимъ королевствомъ и кордовскимъ халифатомъ были приблизительно такія, какія существуютъ нынѣ между Россіей и Франціей... Еще до появленія арабовъ, персы заняты были самоистребленіемъ, а восточное христіанство уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій выказывало свою полную неспособность цивилизовать эти страны... Въ Византійской имперіи и въ царствѣ сассанидовъ царило вышколенное, но одряхлѣвшее, никогда не заботившееся о потребностяхъ народа, чиновничество; церковные порядки были просто невыносимы; самая цивилизація, доведенная до высшей степени утонченности, не была оживляема никакими высшими духовными стремленіями. Словно зигзагами молній пронесся надъ этими странами арабскій народъ, пылающій юностью и мощью. Не слѣдуетъ забывать, что эта эгоистическая и варварская, но мощная и склонная къ развитію раса, со всѣми ея недостатками и преимуществами, была носительницею но-

вой религіи. При всей національной ограниченности основныхъ понятій богопочитанія, вѣроученіе это положило предѣлъ неприличному двубожію среди христіанскихъ монофизитовъ. а персовъ освободило отъ всей невыносимой тяжести гнета іерархіи государственной церкви. Вотъ что вдохнуло новую жизнь въ одряхлѣвшія страны. Даже господованіе. возбужденное по религіознымъ и національнымъ побужденіямъ, въ виду насильственнаго вторженія, послужило къ спасительному пробужденію: здоровая кровь естественно развивавшагося народа дѣйствовала освѣжающимъ образомъ на погруженные въ дремоту остатки персовъ. арамейцевъ и коптовъ. Полигамія, въ соединеніи съ постоянными военными походами въ разнообразнѣйшія страны, ускорила приростъ арабовъ въ покоренныхъ странахъ въ неслыханныхъ размѣрахъ; а правило степей, что законность происхожденія зависитъ не отъ матери, а отъ отца, способствовало вездѣ къ возникновенію смѣшанныхъ расъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ западной Персіи, а впослѣдствіи въ Испаніи) это скрещиваніе дало счастливые результаты, а арабскій основной элементъ черезъ примѣсь чужой крови скорѣе развивался, чѣмъ вырождался».

Въ другомъ мѣстѣ Мюллеръ говоритъ воодушевленно: «Подъ вліяніемъ безпокойнаго арабскаго элемента. на Востокѣ тотчасъ обнаруживается непрерывное броженіе, которое становится почти постояннымъ явленіемъ по всему широкому пространству, отъ плоскогорій центральной Азіи до столповъ Геркулеса. И почти невѣроятно, какъ могло произойти все растущее развитіе въ этомъ новомъ, вѣчно волнующемся государствѣ, которое, въ теченіе всего своего существованія, воспользовалось лишь два раза покоемъ, длившимся сначала 17, потомъ всего 6 лѣтъ... Иранъ (югъ Месопотаміи, древняя Вавилонія) становится средоточіемъ всѣхъ духовныхъ усилій, бродящихъ въ нѣдрахъ ислама... Почти невѣроятно то множество высокоодаренныхъ, творческихъ головъ, какое воспроизводили либо перерабатывали для общаго преуспѣянія эти два города-близнеца, Басра (на Шатъ-Эль-Арабѣ) и Куфа (теперь деревушка недалеко отъ Багдада), вплоть до конца аббасидовъ».

Таково послѣднее слово науки, высказанное спеціалистомъ, который «посвятилъ свои труды исторіи принятія и развитія греческой науки арабами», по выраженію нашего арабиста г. Розена. Противорѣчія-же, на которыя указано выше, зависятъ отъ «идоловъ» (idola) или призраковъ Бекона, связанныхъ съ понятіями о породѣ и особенно о вѣрованіяхъ. Мы уже говорили, что почти у всѣхъ свѣтскихъ ученыхъ господствуетъ еще предвзятое мнѣніе, въ силу котораго все сваливаютъ на эти послѣднія, хотя исторія каждаго богопознанія сливается съ самыми различными степенями культурнаго развитія. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, ахунъ г. Баязитовъ естественно выводитъ «поощреніе къ наукамъ» изъ суры: «ищите науку и познанія, если-бы они даже нахо-

дились въ Китаѣ или на краю свѣта». А священникъ Боголюбскій стольже естественно объявляетъ: «правда, въ коранѣ нельзя указать прямыхъ выраженій, идущихъ въ разрѣзъ съ прирожденными человѣку свободно-безконечными стремленіями къ истинѣ; тѣмъ не менѣе самый духъ и начала этой книги парализуютъ всякую возможность умственнаго просвѣщенія, въ истинномъ смыслѣ этого слова» *). Оба забываютъ, что къ «полудикарю VII вѣка» нельзя предъявлять требованій о наукѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь. Но эта наука должна орудовать собственными пріемами въ оцѣнкѣ такого крупнаго и спорнаго явленія, какъ исламъ. Разсматриваемый великій вопросъ всего человѣчества, какъ и все указанное нами выше, можетъ быть рѣшенъ только путемъ сравнительнаго изученія добытыхъ критикою историческихъ фактовъ. Это изученіе выдвигаетъ нижеслѣдующія стороны предмета.

А. Трачевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) *Боголюбскій*, 149.—*Баязитовъ*. Возраженіе, 10.

„QUO VADIS".

Романъ изъ временъ Нерона Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго К. Льдова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIV.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Хилонъ нигдѣ не показывался. Виницій, узнавъ отъ Актеи, что Лигія любитъ его, во сто кратъ пламеннѣе желалъ отыскать молодую дѣвушку. Онъ приступилъ къ поискамъ собственными силами, такъ какъ не желалъ, да и не могъ просить помощи у цезаря, вниманіе котораго всецѣло было поглощено опасною болѣзнью маленькой августы.

Ей не помогли ни жертвы, принесенныя въ храмы, ни молитвы и обѣты, ни искусство врачей и всевозможныя чудодѣйственныя средства, къ которымъ прибѣгнули, когда исчезла послѣдняя надежда на выздоровленіе. Черезъ недѣлю дѣвочка умерла. Римскій дворъ и столица облеклись въ трауръ. Цезарь, при рожденіи ребенка безумствовавшій отъ радости, безумствовалъ теперь отъ горя; замкнувшись въ своихъ покояхъ, онъ цѣлыхъ два дня не принималъ пищи. Во дворцѣ толпились сенаторы и августіанцы, спѣшившіе выразить свое горе и соболѣзнованіе, но Неронъ не хотѣлъ никого видѣть. Сенатъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе, на которомъ умершая дѣвочка была провозглашена богиней; сенаторы рѣшили посвятить ей храмъ и назначить, для служенія новой богинѣ, особаго жреца. Въ другихъ храмахъ также приносились жертвы въ честь умершей; ея статуи отливались изъ драгоцѣнныхъ металловъ,—а погребенію была придана безпримѣрная торжественность. Народъ удивлялся необузданнымъ проявленіямъ скорби, которой

предавался цезарь, плакалъ вмѣстѣ съ нимъ, протягивалъ руки къ подачкамъ и, въ особенности, тѣшился необычайнымъ зрѣлищемъ.

Смерть маленькой августы встревожила Петронія. Весь Римъ узналъ уже, что Поппея приписываетъ ее колдовству. Слова Поппеи усердно повторялись врачами, обрадовавшимися удобному случаю оправдать безуспѣшность своихъ усилій; вслѣдъ за ними, то-же самое заговорили жрецы, жертвы которыхъ оказались безполезными, прорицатели, дрожавшіе за свою жизнь, и народъ.

Петроній радовался теперь, что Лигія скрылась; такъ какъ онъ, въ сущности, не желалъ зла семьѣ Авла, а себѣ и Виницію желалъ добра, то, какъ только убрали кипарисъ, посаженный, въ знакъ траура, передъ Палатинскимъ дворцомъ, онъ отправился на пріемъ, устроенный для сенаторовъ и августіанцевъ, чтобы убѣдиться, насколько Неронъ вѣритъ извѣстію о чародѣйствѣ, и предотвратить послѣдствія, которыя могли-бы изъ этого возникнуть.

Петроній, зная Нерона, допускалъ, что онъ, хотя-бы даже не вѣрилъ въ колдовство, будетъ притворяться, что вѣритъ, чтобы обмануть свое собственное горе и выместить его на комъ-нибудь, а главное, съ цѣлью предупредить толки о томъ, что боги начинаютъ карать его за преступленія. Петроній не думалъ, чтобы цезарь могъ искренно и глубоко любить даже собственное свое дитя, хотя онъ проявлялъ страстную привязанность къ нему. Петроній не сомнѣвался, что Неронъ, во всякомъ случаѣ, будетъ преувеличивать свое горе. И, дѣйствительно, онъ не ошибся. Неронъ выслушивалъ утѣшенія сенаторовъ и всадниковъ съ окаменѣлымъ лицемъ, устремивъ глаза въ одну точку; видно было, что, если онъ въ самомъ дѣлѣ страдаетъ, то въ то-же время думаетъ и о томъ, какое впечатлѣніе производитъ его отчаяніе на окружающихъ. Неронъ разыгрывалъ роль Ніобеи, точно актеръ, изображающій на сценѣ олицетвореніе родительской скорби. Онъ не сумѣлъ, однако, какъ-бы окаменѣть въ безмолвномъ горѣ,—по временамъ онъ то дѣлалъ жесты, точно посыпая голову прахомъ, то глухо стоналъ. Увидѣвъ Петронія, онъ сталъ восклицать съ трагическимъ паѳосомъ, очевидно, желая, чтобы всѣ слышали его:

— Eheu!.. Ты виновенъ въ ея смерти! По твоему совѣту допущенъ въ эти стѣны злой духъ, который однимъ взглядомъ высосалъ жизнь изъ ея груди... Горе мнѣ!—лучше-бы моимъ глазамъ не смотрѣть на свѣтлый ликъ Геліоса... Горе мнѣ! eheu! eheu!..

Цезарь, все повышая голосъ, огласилъ залъ отчаянными воплями. Петроній мгновенно рѣшился поставить все на одинъ бросокъ костей. Протянувъ руку онъ быстро сорвалъ шелковый платокъ, которымъ цезарь всегда повязывалъ шею, и приложилъ къ губамъ Нерона.

— Цезарь! — торжественно произнесъ онъ,—сожги Римъ, сожги съ горя весь міръ,—но сохрани намъ свой голосъ!

Изумились всѣ присутствующіе, остолбенѣлъ на мгновеніе самъ Неронъ,—одинъ только Петроній стоялъ невозмутимо. Онъ хорошо зналъ, что дѣлаетъ: Петроній не забылъ, что Терпносу и Діодору былъ отданъ приказъ, не смущаясь, закрывать цезарю ротъ, чтобы его голосъ не пострадалъ отъ излишняго напряженія.

— Цезарь,—продолжалъ Петроній столь-же внушительнымъ и скорбнымъ тономъ,—мы понесли безмѣрную утрату, такъ пусть-же останется намъ въ утѣшеніе хоть это сокровище!

Лицо Нерона задрожало, и, вскорѣ, изъ глазъ его полились слезы; положивъ руки на плечи Петронія, цезарь вдругъ преклонилъ голову къ его груди и сталъ повторять сквозь слезы:

— Только ты, Петроній, вспомнилъ объ этомъ,—только ты Петроній! только ты!

Тигеллинъ позеленѣлъ отъ зависти,—а Петроній снова обратился къ Нерону:

— Поѣзжай въ Анцій! тамъ она явилась на свѣтъ, — тамъ тебя осѣнила радость, тамъ снизойдетъ на тебя успокоеніе. Пусть морской воздухъ освѣжитъ твое божественное горло; пусть грудь твоя подышетъ соленою влагой. Мы, твои вѣрные слуги, всюду послѣдуемъ за тобою—и когда утолимъ твое горе сочувствіемъ, ты утѣшишь насъ своею пѣснью.

— Да!—жалобно отвѣтилъ Неронъ,—я напишу гимнъ въ честь ея и положу его на музыку.

— А потомъ ты поѣдешь въ Байи, оживишь себя лучами жаркаго солнца.

— А, затѣмъ,—поищу забвенія въ Греціи.

— Въ отчизнѣ поэзіи и пѣсней!

Тяжелое, удрученное настроеніе постепенно разсѣивалось, подобно облакамъ, закрывающимъ солнце. Завязалась бесѣда, повидимому, еще исполненная грусти, но, въ сущности, оживленная замыслами о будущемъ путешествіи; говорили о томъ, какъ будетъ подвизаться цезарь въ качествѣ артиста, обсуждали празднества, которыя необходимо устроить по случаю ожидаемаго пріѣзда царя Арменіи, Тиридата.

Тигеллинъ, правда, попробовалъ было напомнить о колдовствѣ, но Петроній принялъ вызовъ уже съ полною увѣренностью въ своей побѣдѣ.

— Тигеллинъ,—сказалъ онъ,—неужели ты думаешь, что колдовство можетъ повредить богамъ?

— О чарахъ говорилъ самъ цезарь,—отвѣтилъ придворный.

— Устами цезаря гласило горе,—но скажи, что ты самъ думаешь объ этомъ?

— Боги слишкомъ могущественны, чтобы на нихъ могли влiять чары.

— Но развѣ ты не признаешь божественности цезаря и его родственниковъ?

— Peractum est!—отозвался стоявшiй возлѣ Эпрiй Марцеллъ, повторяя народный возгласъ, отмѣчающiй въ циркѣ, что гладiатору сразу нанесенъ смертельный ударъ.

Тигеллинъ затаилъ въ себѣ гнѣвъ. Между нимъ и Петронiемъ давно уже существовало соперничество относительно Нерона. Тигеллинъ превосходилъ Петронiя въ томъ отношенiи, что Неронъ въ его присутствiи почти вовсе не стѣснялся,—но до сихъ поръ Петронiй, при столкновенiяхъ съ Тигеллиномъ, всегда побѣждалъ его сообразительностью и остроумiемъ.

Такъ случилось и теперь. Тигеллинъ замолчалъ и старался лишь твердо запомнить имена сенаторовъ и всадниковъ, которые толпою окружили удалявшагося въ глубь залы Петронiя, полагая, что, послѣ происшедшаго, онъ, несомнѣнно, сдѣлается первымъ любимцемъ цезаря.

Петронiй, выйдя изъ дворца, приказалъ отнести себя къ Виницiю; разсказавъ ему о столкновенiи съ цезаремъ и Тигеллиномъ, онъ сказалъ:

— Я отвратилъ опасность не только отъ Авла Плавцiя и Помпонiи, но и отъ насъ обоихъ, а, главное,—отъ Лигiи, которую не будутъ разыскивать хотя-бы потому, что я убѣдилъ рыжебородую обезьяну поѣхать въ Анцiй, а оттуда — въ Неаполь или въ Байи. Онъ непремѣнно поѣдетъ, такъ какъ въ Римѣ до сихъ поръ не рѣшался выступить передъ публикой въ театрѣ, а я знаю, что онъ давно уже собирается выступить на сценѣ въ Неаполѣ. Затѣмъ онъ мечтаетъ о Грецiи, гдѣ ему хочется пѣть во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ,—послѣ чего онъ, со всѣми вѣнками, которые ему поднесутъ «graeculi», отпразднуетъ трiумфальный въѣздъ въ Римъ. Въ это время мы можемъ безъ помѣхи искать Лигiю и, если найдемъ, скрыть въ безопасномъ мѣстѣ. Ну, а что-жъ, нашъ почтенный философъ еще не приходилъ?

— Твой почтенный философъ—обманщикъ. Онъ такъ и не показался и, конечно, мы болѣе не увидимъ его!

— А у меня сложилось болѣе лестное для него представленiе, если не объ его честности, то объ умѣ. Онъ однажды уже пустилъ кровь твоему кошельку, будь увѣренъ, что онъ придетъ, хотя-бы только для того, чтобы пустить ее еще разъ.

— Пусть остерегается, какъ-бы я самъ не сдѣлалъ ему кровопусканiя.

— Не дѣлай этого, отнесись къ нему терпѣливо, пока надлежащимъ образомъ не убѣдишься въ обманѣ. Не давай ему больше денегъ, а вмѣсто того обѣщай ему щедрую награду, если онъ принесетъ тебѣ вѣрныя извѣстiя. Ну, а что ты предпринимаешь самъ по себѣ?

— Два мои вольноотпущенника Нимфидій и Демасъ разыскиваютъ ее во главѣ шестидесяти людей. Тому изъ рабовъ, который найдетъ ее, обѣщана свобода. Кромѣ того, я послалъ нарочныхъ на всѣ дороги, ведущія изъ Рима, чтобы они разспрашивали въ гостинницахъ о лигійцѣ и дѣвушкѣ. Самъ я бѣгаю по городу днемъ и ночью, надѣясь на счастливый случай.

— Что бы ты ни узналъ, напиши мнѣ, такъ какъ я долженъ ѣхать въ Анцій.

— Хорошо.

— А если въ одно прекрасное утро, вставъ съ ложа, ты скажешь себѣ, что для какой-нибудь дѣвчонки не стоитъ мучиться и столько хлопотать, то пріѣзжай въ Анцій. Тамъ вволю будетъ и женщинъ, и утѣхъ.

Виницій сталъ ходить быстрыми шагами, Петроній смотрѣлъ на него нѣкоторое время, потомъ сказалъ:

— Скажи мнѣ откровенно, не какъ мечтатель, который что-то въ себѣ таитъ и къ чему-то себя возбуждаетъ, а какъ человѣкъ разсудительный, который отвѣчаетъ другу: ты все попрежнему увлеченъ Лигіей?

Виницій на минуту остановился и такъ взглянулъ на Петронія, какъ будто его предъ тѣмъ не видалъ, потомъ снова началъ ходить. Видно было, что онъ сдерживаетъ въ себѣ неукротимый порывъ. Но въ глазахъ его, отъ сознанія собственнаго безсилія, отъ скорби, гнѣва и неутолимой тоски заблестѣли двѣ слезы, которыя сильнѣе говорили Петронію, чѣмъ краснорѣчивѣйшія слова.

Задумавшись на минуту, онъ сказалъ:

— Не Атласъ, а женщина держитъ міръ на своихъ плечахъ, и иногда играетъ имъ какъ мячикомъ.

— Да!—промолвилъ Виницій.

И они стали прощаться.

Но въ эту минуту невольникъ далъ знать, что Хилонъ Хилонидъ ожидаетъ въ прихожей и проситъ позволенія предстать предъ лицомъ господина.

Виницій приказалъ его немедленно впустить, а Петроній сказалъ:

— А! что, не говорилъ я тебѣ! Клянусь Геркулесомъ! Сохрани только спокойствіе, а не то онъ тобой овладѣетъ, а не ты имъ.

— Привѣтъ и хвала сіятельному военному трибуну, и тебѣ, господинъ! — сказалъ входя Хилонъ. — Да будетъ ваше счастье равнымъ вашей славѣ, а слава да обѣжитъ весь свѣтъ, отъ Геркулесовыхъ столповъ и до границъ Арзацидовъ.

— Здравствуй, законодатель добродѣтелей и мудрости,—отвѣчалъ Петроній.

Но Виницій спросилъ съ притворнымъ спокойствіемъ:

— Какія извѣстія приносишь ты?

— Въ первый разъ, господинъ, я принесъ тебѣ надежду, а теперь приношу увѣренность въ томъ, что дѣвица будетъ найдена.

— Это значитъ. что ты не нашелъ ея?

— Да, господинъ, но я нашелъ, что значитъ сдѣланный ею рисунокъ: я знаю, кто эти люди, которые ее отбили, и знаю, среди поклонниковъ какого божества слѣдуетъ ее искать.

Виницій хотѣлъ вскочить съ кресла, на которомъ сидѣлъ, но Петроній положилъ ему руку на плечо и, обращаясь къ Хилону, сказалъ:

— Говори дальше!

— Ты. господинъ, вполнѣ увѣренъ, что эта дѣвица начертила на пескѣ рыбу?

— Да!—воскликнулъ Виницій.

— Ну, такъ она—христіанка. и ее отбили христіане.

Настало молчаніе.

— Послушай, Хилонъ,—сказалъ Петроній,—мой родственникъ назначилъ тебѣ за отысканіе Лигіи значительное вознагражденіе, но и не меньшее количество розогъ, если ты вздумаешь его обманывать. Въ первомъ случаѣ ты купишь себѣ не одного, а трехъ писцовъ, во второмъ-же философія всѣхъ семи мудрецовъ, съ твоей собственной на придачу, послужитъ для тебя цѣлебной мазью.

— Господинъ, эта дѣвица христіанка!—воскликнулъ грекъ.

— Постой, Хилонъ, ты человѣкъ неглупый. Мы знаемъ, что Юнія Силана съ Кальвіей Криспиниллой обвиняли Помпонію Грецину въ исповѣдываніи христіанскаго суевѣрія. но намъ также извѣстно, что домашній судъ освободилъ ее отъ этого извѣта. Неужели ты хочешь теперь снова возбуждать его? Неужели ты думаешь насъ убѣдить въ томъ, что Помпонія, а вмѣстѣ съ нею Лигія могутъ принадлежать къ врагамъ человѣческаго рода, къ отравителямъ источниковъ и колодцевъ, къ почитателямъ ослиной головы, къ людямъ, которые убиваютъ дѣтей и предаются грязнѣйшему разврату? Смотри, Хилонъ, какъ-бы высказываемая тобою *теза* не отразилась на твоей спинѣ въ видѣ *антитезы*.

Хилонъ развелъ руками въ знакъ того, что это не его вина, и сказалъ:

— Господинъ, произнеси по гречески слѣдующія слова: Іисусъ Христосъ, Божій Сынъ, Спаситель.

— Хорошо. Вотъ я назвалъ!.. Но что же изъ этого?

— А теперь возьми первыя буквы каждаго изъ этихъ словъ и сложи ихъ такъ, чтобы онѣ составили одно выраженіе.

— Рыба!—сказалъ съ удивленіемъ Петроній.

— Вотъ почему изображеніе рыбы сдѣлалось символомъ христіанства!—отвѣтилъ съ гордостью Хилонъ.

Всѣ замолчали. Въ выводахъ грека было, однако, нѣчто до такой степени поразительное, что оба друга не могли не задуматься.

— Виницій,—спросилъ Петроній,—не ошибаешься-ли ты? дѣйствительно-ли Лигія нарисовала рыбу?

— Клянусь всѣми подземными богами, можно съ ума сойти!—воскликнулъ съ запальчивостью молодой человѣкъ,—если-бы она начертила птицу, я такъ и сказалъ-бы, что—птицу!

— Слѣдовательно, она христіанка!—повторилъ Хилонъ.

— Это значитъ,—сказалъ Петроній,—что Помпонія и Лигія отравляютъ колодцы, убиваютъ украденныхъ на улицѣ дѣтей и предаются разврату! Какой вздоръ! Ты, Виницій, былъ дольше меня въ ихъ домѣ, я былъ недолго, но я достаточно знаю Авла и Помпонію. Если рыба служитъ символомъ христіанъ,—противъ чего, дѣйствительно, трудно возражать,—и если онѣ христіанки, то, клянусь Прозерпиной!—очевидно, христіане не то, за что мы ихъ принимаемъ.

— Ты, говоришь, господинъ, какъ Сократъ,—отвѣчалъ Хилонъ.— Кто когда-нибудь разспрашивалъ христіанина? кто ознакомился съ ихъ ученіемъ? Когда я три года тому назадъ ѣхалъ изъ Неаполя въ Римъ (о, зачѣмъ я тамъ не остался!), ко мнѣ присоединился одинъ человѣкъ, именемъ Главкъ, о которомъ говорили, что онъ христіанинъ,—и несмотря на то, я убѣдился, что онъ былъ человѣкъ хорошій и добродѣтельный.

— Ужъ не отъ этого-ли добродѣтельнаго человѣка ты узналъ, что значитъ рыба?

— Увы, господинъ! на дорогѣ въ одной гостинницѣ кто-то пырнулъ почтеннаго старца ножомъ, а его жену и ребенка захватили торговцы невольниками, я-же защищая ихъ потерялъ вотъ эти два пальца. Но у христіанъ, какъ говорятъ, нѣтъ недостатка въ чудесахъ, и я надѣюсь, что пальцы у меня отростутъ.

— Какъ такъ? Развѣ ты сдѣлался христіаниномъ?

— Со вчерашняго дня, господинъ, со вчерашняго дня!—Эта рыба сдѣлала меня христіаниномъ. Смотри, какая, однако, въ ней сила! Чрезъ нѣсколько дней я буду самымъ ревностнымъ изъ ревностныхъ, чтобы они допустили меня до всѣхъ своихъ тайнъ, а когда меня допустятъ до всѣхъ тайнъ, я узнаю, гдѣ скрывается дѣвица. Тогда, быть можетъ, мое христіанство лучше заплатитъ мнѣ, чѣмъ моя философія. Я далъ обѣтъ Меркурію, что, если онъ поможетъ мнѣ найти дѣвицу, то я принесу ему въ жертву двухъ телокъ одного возраста и одинаковаго роста, которымъ велю вызолотить рога.

— Значитъ твое христіанство со вчерашняго дня и твоя старая философія позволяютъ тебѣ вѣрить въ Меркурія?

— Я всегда вѣрю въ то, во что мнѣ слѣдуетъ вѣрить,—это и есть моя философія, которая должна прійтись по вкусу въ особенности

Меркурію. Къ несчастью, вы, достойные господа, хорошо знаете, какой это подозрительный богъ. Онъ не вѣритъ даже обѣтамъ безпорочныхъ философовъ и, быть можетъ, хотѣлъ-бы сначала получить телокъ, а это потребуетъ огромныхъ затратъ. Не каждый можетъ быть Сенекой, и мнѣ-бы съ этимъ не справиться,—развѣ вотъ благородный Виницій пожелаетъ въ счетъ обѣщанной суммы... сколько-нибудь...

— Ни обола, Хилонъ!—сказалъ Петроній,—ни обола! щедрость Виниція превзойдетъ твои надежды—но только тогда, когда Лигія будетъ найдена,—то есть, когда укажешь намъ ты ея убѣжище; Меркурій долженъ повѣрить тебѣ въ долгъ двѣ телки, хотя меня не удивляетъ, что онъ дѣлаетъ это неохотно,—въ этомъ я вижу его умъ.

— Выслушайте меня, достойные господа. Сдѣланное мною открытіе—великое открытіе, потому что, хотя я до сихъ поръ не нашелъ дѣвицы, но зато отыскалъ дорогу, на которой слѣдуетъ ее искать. Вы разослали вольноотпущенниковъ и рабовъ по всему городу и по провинціямъ, а далъ-ли вамъ указанія хоть одинъ изъ нихъ? Нѣтъ! Я одинъ далъ. Я скажу вамъ больше. Между вашими невольниками могутъ быть христіане, о которыхъ вы не знаете, такъ какъ суевѣріе это распространилось уже повсюду, и они вмѣсто того, чтобы помогать вамъ, будутъ измѣнять. Худо уже и то, что меня здѣсь видятъ, и потому ты, благородный Петроній, обяжи Эвнику молчаніемъ, а ты, сіятельный Виницій, разгласи, что я тебѣ продаю мазь, употребленіе которой даетъ лошадямъ вѣрную побѣду въ циркѣ... Я одинъ буду искать и одинъ найду бѣглецовъ; вы-же довѣрьтесь мнѣ и знайте, что сколько-бы я ни получилъ впередъ, это будетъ для меня только поощреніемъ, такъ какъ я всегда буду надѣяться на еще бо̀льшія награды, и тѣмъ болѣе буду увѣренъ, что обѣщанная награда меня не минуетъ. Да, такъ-то! Я, какъ философъ, презираю деньги, хотя ими не пренебрегаютъ ни Сенека, ни даже Музоній и Карнутъ, которые, однако, не лишились пальцевъ во время защиты кого-либо и которые могутъ сами писать и завѣщать свои имена потомству. Но, кромѣ невольника, котораго я намѣреваюсь купить, и Меркурія, которому обѣщалъ телокъ (а вы знаете, какъ вздорожалъ скотъ), сами розыски сопряжены съ множествомъ расходовъ. Выслушайте меня терпѣливо. За эти нѣсколько дней у меня на ногахъ сдѣлались раны отъ постоянной ходьбы. Я заходилъ и въ винные погребки покалякать съ людьми, и въ пекарни, и къ мясникамъ, и къ продавцамъ оливъ, и къ рыбакамъ. Я обѣгалъ всѣ улицы и закоулки, побывалъ въ притонахъ бѣглыхъ рабовъ, проигралъ около ста ассовъ въ мору; заходилъ въ прачешныя, въ сушильни и харчевни; видѣлъ погоньщиковъ муловъ и рѣзчиковъ; видѣлъ людей, которые лечатъ отъ болѣзней пузыря и вырываютъ зубы; бесѣдовалъ съ продавцами сушеныхъ фигъ, былъ на кладбищахъ,—а знаете-ли, зачѣмъ? Для

того, чтобы вездѣ чертить изображеніе рыбы, смотрѣть людямъ въ глаза и слушать, что они скажутъ, когда увидятъ этотъ знакъ. Долго я ничего не могъ добиться, но разъ встрѣтилъ у фонтана стараго невольника, который черпалъ воду ведрами и плакалъ. Подойдя къ нему, я спросилъ о причинѣ слезъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, когда мы сѣли на ступеняхъ фонтана, что цѣлую жизнь онъ собиралъ сестерцій за сестерціемъ, чтобы выкупить изъ неволи любимаго сына, но что его господинъ, какой-то Павза, какъ только увидѣлъ деньги, забралъ ихъ, а сына удержалъ въ рабствѣ. «И вотъ я плачу, говорилъ мнѣ старикъ, хотя твержу: да будетъ воля Божія! Но не могу, бѣдный грѣшникъ, воздержаться отъ слезъ». Тогда я, какъ-бы пораженный предчувствіемъ, омочилъ палецъ въ ведрѣ, и начертилъ рыбу, а онъ замѣтилъ: «И я надѣюсь на Христа». Я спросилъ его: «Ты меня узналъ по этому знаку?» Онъ сказалъ: «Да; да будетъ миръ съ тобою!» Тогда я сталъ выспрашивать его, и старичина разсказалъ мнѣ все. Его господинъ, этотъ Павза, самъ вольноотпущенникъ великаго Павзы и поставляетъ по Тибру въ Римъ камни, которые невольники и наемные рабочіе выгружаютъ съ плотовъ и таскаютъ къ строющимся домамъ по ночамъ, чтобы днемъ не останавливать движенія на улицахъ. Среди нихъ работаютъ многіе христіане и его сынъ, но работа свыше его силъ, оттого отецъ и хотѣлъ откупить его на волю. Но Павза захотѣлъ удержать и деньги, и невольника. Говоря такъ, онъ снова сталъ плакать, я-же смѣшалъ съ его слезами мои, — это мнѣ было не трудно сдѣлать по добротѣ сердца и вслѣдствіе колотья въ ногахъ, полученнаго отъ постоянной ходьбы. Я сталъ при этомъ жаловаться, что недавно только прибылъ изъ Неаполя и что не знаю никого изъ братьевъ, не знаю, гдѣ они собираются на общую молитву. Онъ удивился, что христіане въ Неаполѣ не дали мнѣ писемъ къ римскимъ братьямъ, но я сказалъ, что письма у меня украдены въ дорогѣ. Тогда онъ сказалъ, чтобы я приходилъ ночью къ рѣкѣ, гдѣ онъ познакомитъ меня съ братьями, а они уже проводятъ меня до молитвенныхъ домовъ и къ старѣйшинамъ, которые управляютъ христіанскою общиною. Услышавъ это, я такъ обрадовался, что далъ ему сумму, необходимую для выкупа его сына, въ той надеждѣ, что великодушный Виниций возмѣститъ мнѣ ее вдвойнѣ...

— Хилонъ, — прервалъ его Петроній, — въ твоемъ повѣствованіи ложь плаваетъ на поверхности правды, какъ оливковое масло на водѣ. Безспорно, ты принесъ важныя извѣстія, я даже думаю, что на пути къ отысканію Лигіи сдѣланъ большой шагъ, но ты не приправляй ложью своихъ извѣстій. Какъ зовутъ того старика, отъ котораго ты узналъ, что христіане узнаютъ другъ друга при посредствѣ изображенія рыбы?

— Эврикіемъ, господинъ. Бѣдный, несчастный старикъ! Онъ напомнилъ мнѣ Главка, котораго я оборонялъ отъ убійцъ.

— Вѣрю, что ты познакомился съ нимъ и что сумѣешь воспользоваться этимъ знакомствомъ, но денегъ ты ему не далъ.—Не далъ ни асса,—понимаешь!—Ничего не далъ!

— Но я помогъ ему нести ведра и о его сынѣ говорилъ съ величайшимъ сочувствіемъ. Да, господинъ! Что можетъ укрыться отъ проницательности Петронія! Я не далъ ему денегъ, или вѣрнѣе далъ ему ихъ только мысленно, въ душѣ. Ему этого было-бы довольно, если-бы онъ былъ истиннымъ философомъ... Я далъ ему потому, что считалъ такой поступокъ необходимымъ и полезнымъ: подумай только, господинъ, какъ-бы онъ сразу расположилъ ко мнѣ всѣхъ христіанъ, какой-бы открылъ къ нимъ доступъ и какое внушилъ имъ довѣріе ко мнѣ!

— Правда,—сказалъ Петроній,—и ты обязанъ былъ это сдѣлать.

— Я для того и прихожу, чтобы заручиться возможностью сдѣлать это.

Петроній обратился къ Виницію:

— Вели отсчитать ему пять тысячъ сестерціевъ, но въ душѣ, мысленно...

Но Виницій сказалъ:

— Я дамъ тебѣ слугу, который понесетъ потребную сумму, а ты скажешь Эврикію, что слуга твой невольникъ, и при немъ отсчитаешь старику деньги. А такъ какъ ты принесъ важное извѣстіе, то столько-же получишь и для себя. Зайди сегодня вечеромъ за слугой и деньгами.

— Ты щедръ, какъ цезарь!—сказалъ Хилонъ.—Позволь, господинъ, посвятить тебѣ мое сочиненіе, но такъ-же позволь сегодня вечеромъ придти только за деньгами, такъ какъ Эврикій сказалъ мнѣ, что уже всѣ плоты выгружены, а новые прибудутъ изъ Остіи только чрезъ нѣсколько дней. Да будетъ миръ съ вами! Такъ привѣтствуютъ христіане другъ друга... Я куплю себѣ рабыню, то-есть я хотѣлъ сказать—раба. Рыбы попадаются на крючокъ, а христіане—на рыбу. Pax vobiscum! pax! pax! pax!

XV.

Петроній къ Виницію:

«Съ надежнымъ невольникомъ посылаю тебѣ изъ Анція это письмо, на которое, я надѣюсь, ты пришлешь немедленно отвѣтъ съ тѣмъ-же человѣкомъ, хотя твоя рука болѣе привыкла къ мечу и копью, чѣмъ къ тростнику. Я тебя оставилъ на вѣрной стезѣ и полнымъ надежды, и я надѣюсь, что ты или уже удовлетворилъ свои сладкія желанія въ объятіяхъ Лигіи, или удовлетворишь ихъ прежде, чѣмъ настоящій зимній вихрь повѣетъ на Кампанію съ высотъ Саракты. О, мой Виницій! пусть будетъ твоей наставницей златокудрая богиня Кипра, а ты будь настав-

никомъ этой лигiйской утренней звѣздочки, которая убѣгаетъ предъ солнцемъ любви.—Однако, помни, что мраморъ, даже самый дорогой, самъ по себѣ ничто и получаетъ истинную цѣнность лишь тогда, когда рука ваятеля сдѣлаетъ изъ него художественное произведенiе. Будь такимъ ваятелемъ, carissime! Недостаточно любить, надо умѣть любить и учить любви. Наслажденiе испытываетъ и чернь, и даже звѣри, но истинный человѣкъ тѣмъ отъ нихъ отличается, что превращаетъ это наслажденiе въ возвышенное искусство и любуется имъ сознательно, претворяетъ въ мысль все его божественное значенiе и такимъ образомъ насыщаетъ не только тѣло, но и душу. Неоднократно, когда я думаю о тщетѣ, неувѣренности и заботахъ нашей жизни, приходитъ мнѣ въ голову что ты быть можетъ сдѣлалъ наилучшiй выборъ и что не дворъ цезаря, а война и любовь — единственныя двѣ вещи, для которыхъ стоитъ родиться и жить.

«Въ войнѣ тебѣ посчастливилось, будь-же счастливъ и въ любви, а если хочешь знать, что дѣлается при дворѣ цезаря, я тебѣ разскажу обо всемъ. Сидимъ мы здѣсь въ Анцiѣ и холимъ свой небесный голосъ, выражая неизмѣнную ненависть къ Риму, а на зиму собираемся въ Байи, чтобы выступить передъ публикой въ Неаполѣ, жители котораго, будучи греческаго происхожденiя лучше могутъ насъ оцѣнить, чѣмъ волчье племя, живущее по берегамъ Тибра. Сбѣгутся люди изъ Байи, изъ Помпеи, изъ Путеоли, изъ Кумъ, изъ Стабiевъ, ни въ рукоплесканiяхъ, ни въ вѣнкахъ не будетъ недостатка, — и это послужитъ поощренiемъ къ задуманному путешествiю въ Ахайю.

«А память маленькой августы? Да! мы еще оплакиваемъ ее. Мы воспѣваемъ гимны собственнаго сочиненiя столь удивительные, что сирены отъ зависти попрятались въ глубочайшихъ пещерахъ Амфитриты. Вмѣсто нихъ насъ могли бы слушать дельфины, если бы имъ не мѣшалъ шумъ моря. Наша грусть до сихъ поръ не улеглась, мы показываемъ ее людямъ во всевозможныхъ позахъ, какiя только извѣстны искусству ваянiя, особенно стараясь притомъ, чтобы эти позы присутствующимъ казались красивыми и чтобы они сумѣли оцѣнить ихъ прелесть. Ахъ, дорогой мой, останемся до смерти шутами и фиглярами.

«Здѣсь находятся всѣ августiанцы и всѣ августiанки, не считая пятисотъ ослицъ, въ молокѣ которыхъ купается Поппея, и десяти тысячъ слугъ. Иногда даже бываетъ весело. Кальвiя Криспинилла старѣется; говорятъ, что она упросила Поппею позволить ей брать ванну послѣ августы. Луканъ далъ пощечину Нигидiи, обвиняя ее въ связи съ гладiаторомъ. Споръ проигралъ Сенецiону свою жену въ кости. Торкватъ Силанъ предлагалъ мнѣ за Эвнику четверку гнѣдыхъ, которые въ этомъ году непремѣнно выиграютъ на ристалищахъ.—Но я не захотѣлъ!—а тебя также благодарю, что ты не взялъ ея. Что касается до Торквата Силана,

то онъ, бѣдняга, и не подозрѣваетъ, что скорѣе представляетъ собою тѣнь, чѣмъ человѣка. Участь его рѣшена. А знаешь-ли, въ чемъ состоитъ его вина? Онъ виновенъ въ томъ, что приходится правнукомъ божественному Августу. Для него нѣтъ спасенія. Таковъ нашъ свѣтъ!

«Ждали мы здѣсь, какъ тебѣ извѣстно, Тиридата. Между тѣмъ отъ Вологеза получено оскорбительное письмо. Онъ покорилъ Арменію и проситъ оставить ее за нимъ для Тиридата, а если не оставятъ, то онъ все равно не отдастъ ея. Явная насмѣшка! Мы уже рѣшили начать войну. Корбулонъ получитъ власть, какою пользовался великій Помпей во время войны съ морскими разбойниками. Была однако минута, когда Неронъ колебался: онъ, видимо, боится славы, которую можетъ снискать Корбулонъ своими подвигами. Думали даже, не предоставить-ли главное начальство нашему Авлу. Этому воспротивилась Поппея, которой добродѣтели Помпоніи очевидно колютъ глаза.

«Ватиній извѣстилъ насъ о какой-то необычайной борьбѣ гладіаторовъ, которую намѣренъ устроить въ Беневентѣ. Смотри, до чего въ наше время доходятъ сапожники, вопреки изрѣченію «ne sutor supra crepidam»! Вителій потомокъ сапожника, а Ватиній родной сынъ! Можетъ быть, онъ самъ еще строчилъ дратвой!—Histrio aliturus чудесно представлялъ вчера Эдипа. Онъ іудей, и я спрашивалъ его, одно-ли тоже іудеи и христіане? Онъ отвѣчалъ, что у іудеевъ своя старинная религія,—христіане же новая секта, недавно образовавшаяся въ Іудеѣ.—Во времена Тиверія тамъ распяли на крестѣ одного человѣка, послѣдователи котораго умножаются съ каждымъ днемъ, — считаютъ его даже богомъ. Кажется, что никакихъ другихъ боговъ, а въ особенности нашихъ, они не хотятъ знать. Не понимаю, чѣмъ бы это могло имъ вредить?

«Тигеллинъ уже выказываетъ мнѣ явную непріязнь. До сихъ поръ онъ не можетъ справиться со мной, хотя все-таки въ одномъ отношеніи превосходитъ меня. Онъ больше заботится о жизни и въ то же время въ большей степени негодяй, чѣмъ я, — что его сближаетъ съ мѣднобородымъ. Рано или поздно они столкнутся, и тогда наступитъ моя очередь. Когда это будетъ, я не знаю, но дѣло не въ срокѣ, а въ томъ, что это когда-нибудь да случится. А пока надо забавляться. Сама по себѣ жизнь была бы не дурна, если бы не мѣднобородый. Благодаря ему, человѣку иногда становится совѣстно самого себя. Не стоитъ приравнивать борьбу за его благоволеніе къ состояніямъ въ циркѣ, играмъ или единоборству, радуясь побѣдѣ изъ самолюбія. Я, правда, часто объясняю себѣ это такимъ образомъ, но иногда мнѣ кажется, что я ничуть не лучше Хилона. — Когда онъ будетъ тебѣ не нуженъ, пришли его ко мнѣ, мнѣ понравился его поучительный разговоръ. Поклонись отъ меня твоей божественной христіанкѣ,—а главное попроси ее отъ моего

имени, чтобы она не была для тебя рыбой. Пиши мнѣ о своемъ здоровьѣ, о любви, умѣй любить, научи любить—и прощай!»

М. К. Виницій къ Петронію:

«Лигіи до сихъ поръ нѣтъ! Еслибы не надежда, что я вскорѣ найду ее, то ты-бы не получилъ отвѣта, такъ-какъ не хочется писать, когда дѣло касается жизни. Я хотѣлъ удостовѣриться, не обманываетъ-ли меня Хилонъ,—и въ ту самую ночь, когда онъ пришелъ за деньгами для Эврикія, я закутался въ военный плащъ и осторожно пошелъ за нимъ и за слугой, котораго ему далъ. Когда они пришли на мѣсто, я издали слѣдилъ за ними, укрывшись за портовымъ столбомъ, и убѣдился, что Эврикій не былъ вымышленнымъ лицомъ. Внизу, у рѣки, нѣсколько десятковъ людей выгружало по сходнямъ камни съ большого плота и раскладывали ихъ на берегу; я видѣлъ, какъ Хилонъ подошелъ къ нимъ и сталъ разговаривать съ какимъ-то старикомъ, который вскорѣ упалъ ему въ ноги. Прочіе окружили ихъ, бросая взгляды удивленія. На моихъ глазахъ слуга отдалъ кошелекъ Эврикію, который, схвативъ его, началъ молиться, воздѣвъ къ небу руки,—а рядомъ съ нимъ сталъ на колѣни, повидимому, его сынъ. Хилонъ промолвилъ еще что-то, чего я не могъ разслышать, и благословилъ какъ этихъ двухъ колѣнопреклоненныхъ, такъ и другихъ, дѣлая въ воздухѣ знакъ на подобіе креста, который они видимо почитаютъ, такъ какъ всѣ преклонили колѣна. Мнѣ очень хотѣлось выйти къ нимъ и обѣщать три такихъ-же кошелька тому, кто выдастъ мнѣ Лигію, но я боялся испортить Хилонову работу, и, постоявъ еще минуту, ушелъ.

«Это происходило дней двѣнадцать спустя послѣ твоего отъѣзда. Съ того времени Хилонъ побывалъ у меня нѣсколько разъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что пріобрѣлъ среди христіанъ большое значеніе. Онъ говоритъ, что, если до сихъ поръ не нашелъ Лигіи, то потому, что христіанъ въ самомъ Римѣ несчетное множество, но что не всѣ знакомы другъ съ другомъ и не могутъ знать всего, что между ними совершается. Христіане притомъ осторожны и вообще мало разговорчивы,—онъ, однако, ручается, что если только доберется до старѣйшинъ, которыхъ зовутъ пресвитерами, то сумѣетъ разузнать отъ нихъ всѣ тайны. Съ нѣсколькими изъ нихъ онъ уже познакомился и пробовалъ ихъ разспрашивать, но дѣйствовалъ осторожно, чтобы поспѣшностью не возбудить подозрѣній и не затруднить дѣла. Хотя мнѣ ждать трудно, хотя не хватаетъ терпѣнія, но я чувствую, что онъ правъ, и жду.

«Я такъ-же уже узналъ, что для молитвы христіане часто собираются за городскими воротами, въ пустыхъ домахъ и даже въ аренаріяхъ. Тамъ-же они молятся Христу, поютъ и трапезуютъ. Такихъ сборныхъ мѣстъ много. Хилонъ предполагаетъ, что Лигія умышленно хо-

дитъ не въ тѣ мѣста собраній, въ которыхъ бываетъ Помпонія, чтобы въ случаѣ суда и доспросовъ Помпонія могла сказать, что не знаетъ о мѣстѣ ея убѣжища. Быть можетъ, пресвитеры присовѣтовали эту предосторожность.

«Когда Хилонъ узнаетъ эти мѣста, я буду ходить вмѣстѣ съ нимъ и, если боги позволятъ мнѣ увидѣть Лигію, то клянусь Юпитеромъ, она на этотъ разъ не уйдетъ изъ моихъ рукъ.

«Я постоянно думаю объ этихъ мѣстахъ молитвы. Хилонъ не хочетъ, чтобы я съ нимъ ходилъ. Онъ боится, но я не могу сидѣть дома. Я сразу ее узнаю, въ какомъ-бы то ни было одѣяніи или подъ покрываломъ. Они тамъ собираются по ночамъ, но я узнаю ее и ночью. Я всюду узналъ-бы ея голосъ и движенія.

«Я самъ отправлюсь переодѣтымъ и буду осматривать каждаго входящаго и выходящаго, я постоянно о ней думаю и, конечно, узнаю ее. Хилонъ долженъ придти завтра—и мы пойдемъ. Я возьму съ собой оружіе. Нѣсколько моихъ невольниковъ, посланныхъ въ провинціи, вернулись ни съ чѣмъ. Но я теперь увѣренъ, что она находится здѣсь, въ городѣ, и даже, можетъ быть, недалеко. Я самъ, подъ предлогомъ найма, осмотрѣлъ много домовъ. У меня будетъ ей во сто кратъ лучше, ибо тамъ копошится цѣлый муравейникъ нищихъ. Я для нея ничего не пожалѣю. Ты пишешь, что я избралъ благую участь,—но я выбралъ лишь тоску и печаль. Сначала мы пойдемъ въ тѣ дома, которые находятся въ городѣ, потомъ за городскія ворота. Надежда на что-то возрождается каждое утро, иначе нельзя было бы жить. Ты говоришь, что надо умѣть любить: я умѣлъ говорить съ Лигіей о любви, но теперь только тоскую, жду Хилона, и дома мнѣ невыносимо. Прощай».

XVI.

Однако, Хилонъ не показывался такъ долго, что Виницій въ концѣ концовъ не зналъ, что и подумать объ этомъ. Напрасно повторялъ онъ себѣ, что розыски надо дѣлать не спѣша, если желательно, чтобы они привели къ удачнымъ и несомнѣннымъ послѣдствіямъ. Но его кровь и порывистая натура возставали противъ голоса разсудка. Ничего не дѣлать, ждать, сидѣть сложивъ руки, было чѣмъ-то до такой степени противнымъ его настроенію, что онъ никакъ не могъ съ этимъ примириться.—Бѣготня по городскимъ закоулкамъ въ темномъ невольничьемъ плащѣ, уже въ силу своей безполезности, казалась ему попыткой обмануть собственное бездѣйствіе и не могла успокоить его. Его вольноотпущенники, люди достаточно пронырливые, оказывались во сто разъ менѣе проворными, чѣмъ Хилонъ. Между тѣмъ, кромѣ любви, которую онъ чувствовалъ къ Лигіи, въ немъ родилось еще упорство игрока, который хочетъ

непремѣнно выиграть. Виницій всегда былъ таковъ. Съ юности онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, со страстью человѣка, который не знаетъ ни въ чемъ неудачи и ни отъ чего не желаетъ отказываться. Военная дисциплина, правда, заключила на время въ тиски его волю, но въ то же время внѣдрила въ него убѣжденіе, что каждое приказаніе, отдаваемое имъ подчиненнымъ, должно быть исполнено, а долгое пребываніе на Востокѣ, среди людей мягкосердечныхъ и привыкшихъ къ рабскому повиновенію, утвердило его только въ мысли, что для его «хочу» нѣтъ границъ. Теперь же и его самолюбію нанесенъ жестокій ударъ. Притомъ же въ этихъ препятствіяхъ, въ этомъ отпорѣ и въ самомъ бѣгствѣ Лигіи было что-то для него непонятное, какая-то загадка, надъ раскрытіемъ которой онъ отчаянно ломалъ свою голову. Онъ сознавалъ, что Актея сказала ему правду, и что Лигія была къ нему неравнодушна. Но, если такъ, то зачѣмъ она предпочла его любви и жизни въ его роскошномъ домѣ — скитальчество и нужду? На этотъ вопросъ онъ не могъ найти отвѣта и вмѣсто того приходилъ лишь къ какому-то неясному заключенію, что между нимъ и Лигіей,—и между ихъ понятіями,—какъ между міромъ его и Петронія и міромъ Лигіи и Помпоніи Грецины есть какое-то различіе, глубокое — какъ пропасть, которую нельзя ни заполнить, ни изгладить. Иногда ему казалось, что онъ долженъ потерять Лигію, и эта мысль лишала его послѣдняго самообладанія, которое Петроній хотѣлъ въ немъ поддержать. Были такія минуты, когда онъ самъ не зналъ, любитъ-ли онъ Лигію или ненавидитъ ее,—онъ только понималъ одно, что долженъ найти ее и хотѣлъ бы, чтобы земля его поглотила, если ему не удастся найти ее и овладѣть ею. Сила воображенія представляла ему иногда Лигію такъ ясно, какъ будто она стояла передъ нимъ. Онъ припоминалъ себѣ каждое слово, которое говорилъ ей и которое услышалъ отъ нея. Онъ чувствовалъ ея близость, ощущалъ ее на своей груди, касался ея плечами,—и тогда страсть охватывала его, какъ огнемъ. Онъ любилъ Лигію и взывалъ къ ней.—А когда думалъ, что любимъ ею и что она добровольно могла исполнить все, что онъ желалъ отъ нея, то его охватывала тяжкая, неумолимая грусть, какая-то великая тоска заливала ему сердце, какъ бы безмѣрной волной. Были и такія минуты, когда онъ блѣднѣлъ отъ ярости и наслаждался мыслями объ уничиженіи и терзаніяхъ, которымъ подвергнетъ Лигію, когда найдетъ ее. Онъ не только хотѣлъ обладать ею, онъ хотѣлъ владѣть ею, какъ сокрушенною во прахъ рабой и въ то же время чувствовалъ, что еслибы ему предоставили на выборъ: или быть ея невольникомъ, или никогда больше не увидѣть ея,—то онъ предпочелъ бы быть ея рабомъ. Бывали дни, когда онъ думалъ о знакахъ, какіе оставили бы палки на ея розовомъ тѣлѣ, и въ то же время онъ хотѣлъ бы цѣ-

ловать эти слѣды. Приходило ему также въ голову, что онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ убить ее...

Въ этой тревогѣ, мученіяхъ, колебаніяхъ и тоскѣ онъ терялъ здоровье и даже красоту. Теперь онъ сталъ взыскательнымъ и жестокимъ господиномъ. Невольники и даже вольноотпущенники приближались къ нему со страхомъ, а когда наказанія падали на нихъ безъ всякаго повода, столь же жестокія какъ и несправедливыя, они стали его втайнѣ ненавидѣть,—онъ же, сознавая это и чувствуя свое одиночество, вымѣщалъ на нихъ свою злобу съ еще большей яростью. Онъ теперь ладилъ только съ однимъ Хилономъ, изъ опасенія, какъ бы грекъ не прекратилъ розысковъ. Хилонъ, замѣтивъ это, становился все болѣе и болѣе требовательнымъ. Сначала, въ каждое изъ своихъ посѣщеній, онъ увѣрялъ Виниція, что дѣло пойдетъ легко и скоро,—теперь же самъ сталъ выдумывать затрудненія и, хотя не переставалъ ручаться за благополучный исходъ розысковъ, однако не скрывалъ, что они окончатся нескоро.

Однажды, послѣ долгихъ дней ожиданія, онъ пришелъ съ такимъ озабоченнымъ лицомъ, что при видѣ его молодой человѣкъ поблѣднѣлъ и, подбѣжавъ къ нему, едва имѣлъ силы спросить:

— Ея нѣтъ между христіанами?

— Напротивъ, господинъ,—отвѣчалъ Хилонъ,—но я встрѣтилъ среди нихъ Главка.

— О чемъ говоришь ты, и что это за человѣкъ?

— Ты уже забылъ господинъ, о старикѣ, съ которымъ я путешествовалъ изъ Неаполя до Рима и защищая котораго я потерялъ вотъ эти два пальца, отчего я не могу писать. Разбойники, отнявшіе у него жену и дѣтей, пырнули его ножемъ. Я оставилъ его при смерти въ гостинницѣ около Минтурнъ и долго его оплакивалъ! Увы! я узналъ, что онъ живъ и принадлежитъ къ христіанской общинѣ въ Римѣ.

Виниціи, который не могъ понять, о чемъ идетъ рѣчь, сообразилъ только, что этотъ Главкъ представляетъ какую-то помѣху къ отысканію Лигіи; подавивъ начинавшій закипать въ немъ гнѣвъ, онъ сказалъ:

— Если ты оборонялъ его, то онъ долженъ быть благодарнымъ тебѣ и помогать.

— Ахъ, достойный трибунъ! Даже боги не всегда оказываютъ благодарность, а о людяхъ не стоитъ и говорить. Да! онъ обязанъ былъ мнѣ благодарностью. Къ несчастью, у этого старика слабый умъ, угнетенный годами и лишеніями. Поэтому онъ не только не благодаренъ, а какъ я узналъ отъ его-же единовѣрцевъ, обвиняетъ меня, что я стакнулся съ разбойниками и явился причиною всѣхъ его несчастій. Вотъ награда мнѣ за два пальца.

— Я увѣренъ, негодяй, что дѣло происходило именно такъ, какъ онъ говоритъ,—замѣтилъ Виниціи.

— Тогда ты, господинъ, знаешь больше чѣмъ онъ,—отвѣчалъ Хилонъ съ достоинствомъ, — Главкъ вѣдь только предполагаетъ, что такъ было. Это, однако-же, не помѣшаетъ ему созвать христіанъ и жестоко отомстить мнѣ. Онъ это сдѣлалъ-бы непремѣнно, а прочіе такъ-же навѣрно помогли-бы ему. Къ счастью, онъ не знаетъ моего имени, а въ молитвенномъ домѣ, въ которомъ мы встрѣтились, онъ меня не замѣтилъ. Я, однако, сразу узналъ его и въ первую минуту хотѣлъ броситься ему на шею. Меня остановило только чувство благоразумія и привычка обдумывать каждый шагъ, который я намѣреваюсь сдѣлать. По выходѣ изъ молитвеннаго дома я сталъ разспрашивать о немъ знакомыхъ, и они разсказали мнѣ, что это тотъ самый человѣкъ, котораго предалъ его товарищъ на пути изъ Неаполя... Иначе я бы не зналъ, что онъ такъ разсказываетъ.

— Что мнѣ за дѣло до этого! Говори, что ты видѣлъ въ молитвенномъ домѣ.

— Тебѣ нѣтъ дѣла, господинъ, но для меня этотъ вопросъ столь-же важенъ, какъ собственная моя шкура. Такъ какъ я хочу, чтобы мое ученіе пережило меня, то я скорѣе готовъ отказаться отъ награды, которую ты мнѣ обѣщалъ, чѣмъ подвергать опасности жизнь изъ-за суетнаго богатства, безъ котораго я, какъ истинный философъ, сумѣю жить и искать божественной правды.

Но Виницій подошелъ къ нему съ угрожающимъ лицомъ и произнесъ подавленнымъ голосомъ:

— А кто тебѣ сказалъ, что ты умрешь отъ руки Главка, а не отъ моей? Откуда ты знаешь, песъ, что я не велю сейчасъ-же закопать тебя въ своемъ саду?

Хилонъ былъ трусливъ. Взглянувъ на Виниція, онъ во мгновеніе ока понялъ, что еще одно неумѣстное слово, и онъ погибнетъ неизбѣжно.

— Я ее буду искать, господинъ, и найду!—воскликнулъ онъ поспѣшно.

Настало молчаніе, во время котораго слышно было только тяжелое дыханіе Виниція и отдаленное пѣніе невольниковъ, работавшихъ въ саду.

Грекъ заговорилъ, замѣтивъ, что молодой патрицій нѣсколько успокоился:

— Смерть прошла около меня, но я смотрѣлъ на нее съ такимъ-же спокойствіемъ, какъ Сократъ. Нѣтъ, господинъ! я не сказалъ тебѣ, что отказываюсь отъ отыскиванія дѣвицы, я хотѣлъ тебѣ только объяснить, что розыски теперь сопряжены для меня съ большой опасностью. Ты одно время сомнѣвался въ существованіи на свѣтѣ Эврикія, и хотя собственными глазами убѣдился, что единственный сынъ моего отца говорилъ тебѣ правду, теперь воображаешь, что я выдумалъ Главка. Увы! Если-бы онъ былъ только вымысломъ, если-бы я могъ съ полной безо-

пасностью ходить среди христіанъ, какъ ходилъ раньше, то я взамѣнъ отдалъ-бы тебѣ бѣдную, старую невольницу, которую купилъ три дня тому назадъ, чтобы она покоила мою старость и убожество. Но, господинъ, Главкъ живъ, и если-бы хоть разъ взглянулъ на меня, то ты бы никогда меня больше не увидѣлъ, а въ такомъ случаѣ кто-бы тебѣ нашелъ дѣвицу?

Тутъ онъ снова замолчалъ и сталъ отирать слезы; потомъ онъ продолжалъ:

— Но, пока живъ Главкъ, какъ-же мнѣ ее искать, когда въ каждую минуту я могу натолкнуться на него, а когда это случится, я погибну — и вмѣстѣ со мной пойдутъ прахомъ и мои розыски.

— Что-же ты думаешь дѣлать? Какъ быть? Что ты намѣренъ предпринять?—спросилъ Виницій.

— Аристотель учитъ насъ, господинъ, что меньшими благами надо жертвовать для большихъ, а царь Пріамъ часто говаривалъ, что старость—тяжкое бремя. Но бремя старости и несчастій давно уже угнетаетъ Главка, и такъ тяжко, что смерть была-бы для него благодѣяніемъ. Чѣмъ-же, по мнѣнію Сенеки, слѣдуетъ считать смерть, какъ не освобожденіемъ?

— Развлекай шутовствомъ Петронія, а не меня: говори прямо, чего хочешь?

— Если добродѣтель—шутовство, то да позволятъ мнѣ боги навсегда остаться шутомъ. Я, господинъ, хочу устранить Главка, въ противномъ случаѣ, пока онъ живъ, и моя жизнь и розыски находятся въ постоянной опасности.

— Найми людей, которые-бы заколотили его палками, — я имъ заплачу.

— Они, господинъ, ограбятъ тебя и потомъ будутъ вымогать деньги, пользуясь обладаніемъ тайны. Въ Римѣ столько злодѣевъ, сколько песчинокъ на аренѣ, но ты не повѣришь, какъ они дорожатся, когда порядочный человѣкъ хочетъ нанять ихъ для преступленія. Нѣтъ, достойный трибунъ! А если стража схватитъ убійцъ на мѣстѣ злодѣянія? Тогда узнаютъ, кто ихъ нанялъ, — и ты можешь нажить себѣ хлопоты. Меня-же они не выдадутъ, ибо я не скажу имъ своего имени. Ты худо дѣлаешь, что мнѣ не довѣряешь,—такъ-какъ—даже оставивъ въ сторонѣ мою добросовѣстность — помни, что тутъ дѣло идетъ о двухъ другихъ вещахъ: о моей собственной шкурѣ и о наградѣ, которую ты мнѣ обѣщалъ.

— Сколько тебѣ надо?

— Мнѣ нужно тысячу сестерцій; но господинъ, обрати вниманіе на то, что я долженъ найти разбойниковъ честныхъ, такихъ, которые-бы, взявъ задатокъ, не скрылись съ нимъ вмѣстѣ безъ вѣсти. За добрую работу — добрая и плата. Надо-бы прибавить и мнѣ кое-что,

чтобы я могъ утереть слезы, которыя буду проливать надъ Главкомъ.— Боги знаютъ, какъ я любилъ его. Если сегодня я получу тысячу сестерцій,—черезъ два дня душа его будетъ въ Аидѣ — а тамъ-то, — если только души сохраняютъ память и даръ мысли, — онъ узнаетъ, какъ я его любилъ. Людей я найду еще сегодня—и объявлю имъ, что, считая съ утра до вечера, за каждый день жизни Главка я скидываю съ суммы вознагражденія по сту сестерцій.—Есть у меня также одинъ планъ, который долженъ-бы удаться.

Виницій еще разъ обѣщалъ дать просимую сумму, но запретилъ далѣе говорить о Главкѣ, а сталъ спрашивать, какія еще онъ принесъ извѣстія, гдѣ сейчасъ былъ, что видѣлъ и что открылъ. Но Хилонъ не могъ ему разсказать много новаго.—Онъ былъ еще въ двухъ молитвенныхъ домахъ, гдѣ внимательно осматривалъ всѣхъ, особенно — женщинъ,—но не нашелъ ни одной, которая-бы походила на Лигію.— Христіане однако считаютъ его своимъ, — а съ того времени, когда онъ далъ денегъ на выкупъ Эврикіева сына, почитаютъ его какъ человѣка, который идетъ по стопамъ Христа. Онъ также узналъ отъ христіанъ, что одинъ великій ихъ законодатель, нѣкій Павелъ изъ Тарса, находится теперь въ Римѣ и заточенъ въ тюрьму вслѣдствіе жалобы, поданной іудеями,—и онъ рѣшилъ съ нимъ познакомиться. Но болѣе всего утѣшило его другое извѣстіе, а именно, что главный священникъ всей секты, бывшій ученикомъ Христа и получившій отъ него власть надъ христіанами всего свѣта, также вскорѣ намѣренъ пріѣхать въ Римъ. Очевидно всѣ христіане захотятъ его увидѣть и послушать его поученій. Состоятся многолюдныя собранія, на которыхъ и онъ, Хилонъ, будетъ присутствовать, а что всего важнѣе, приведетъ на нихъ Виниція, такъ какъ въ толпѣ легко укрыться. Тогда они навѣрное найдутъ Лигію. Когда Главкъ будетъ устраненъ, это не будетъ связано ни съ какою большою опасностью. Отомстить-то и христіане отомстили-бы, но, въ общемъ, это—люди спокойные.

Тутъ Хилонъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ разсказывать, что никогда не видѣлъ, чтобы они предавались разврату, отравляли колодцы и фонтаны, были врагами человѣческаго рода, чтили осла или питались мясомъ дѣтей. Нѣтъ! Ничего этого онъ не замѣтилъ. Безъ сомнѣнія, между ними найдутся и такіе, которые за деньги уберутъ Главка, но, насколько ему извѣстно, ихъ ученіе не дозволяетъ никакихъ преступленій, а, напротивъ, предписываетъ прощать обиды.

Виницій припомнилъ слова, которыя сказала ему Помпонія Грецина у Актеи, и вообще слушалъ Хилона съ радостью. Хотя чувство его къ Лигіи по временамъ принимало видъ ненависти, однако его утѣшало, что ученіе, которое признавала она и Помпонія, не было ни преступнымъ, ни отвратительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ зарождалось

смутное подозрѣніе, что именно это незнакомое ему и таинственное почитаніе Христа отдалило отъ него Лигію,—и онъ началъ и бояться этого ученія и ненавидѣть его.

XVII.

Хилону, дѣйствительно, надо было устранить Главка, который, будучи пожилымъ, вовсе не былъ, однако, дряхлымъ старикомъ. Въ томъ, что Хилонъ разсказывалъ Виницію, была значительная доля правды. Въ свое время онъ познакомился съ Главкомъ, предалъ его, запродалъ разбойникамъ, лишилъ семьи, имущества—и выдалъ на убійство. Однако, воспоминанія объ этихъ событіяхъ не удручали его, такъ какъ онъ оставилъ Главка умирающимъ не въ гостинницѣ, а въ полѣ, около Минтурнъ,—и не предусмотрѣлъ только одного,—что Главкъ вылѣчится отъ ранъ и пріѣдетъ въ Римъ. Поэтому, увидѣвъ его въ молитвенномъ домѣ, онъ былъ сильно пораженъ и въ первую минуту, дѣйствительно, хотѣлъ отказаться отъ отыскиванія Лигіи. Но съ другой стороны Виницій еще болѣе напугалъ его. Онъ понялъ, что долженъ выбрать между опасеніемъ Главка и местью могущественнаго патриція, къ которому, навѣрно, на помощь пришелъ-бы другой еще болѣе важный,—Петроній. Поэтому Хилонъ пересталъ колебаться. Онъ подумалъ, что лучше имѣть слабыхъ, чѣмъ сильныхъ враговъ,—и хотя его трусливая натура нѣсколько смущалась кровавыми средствами, однако онъ понялъ, что Главка необходимо убить при помощи наемниковъ.

Теперь оставалось только выбрать подходящихъ людей, и къ нимъ-то и относился тотъ планъ, о которомъ онъ сказалъ Виницію. Проводя чаще всего ночи въ кабакахъ, среди бродягъ, лишенныхъ совѣсти и вѣры,—онъ легко могъ найти такихъ, которые, согласились-бы исполнить любое порученіе, но еще легче—такихъ, которые, увидѣвъ у него деньги,—расправились-бы первымъ дѣломъ съ нимъ самимъ, или-же взявъ задатокъ, выманили-бы у него всю сумму подъ угрозой предать его въ руки стражниковъ. Притомъ, съ нѣкотораго времени Хилонъ чувствовалъ отвращеніе къ голытьбѣ, къ противнымъ и въ то-же время страннымъ личностямъ, которыя гнѣздились въ подозрительныхъ домахъ на Субуррѣ или по ту сторону Тибра. Мѣряя все на свой аршинъ и не понявъ какъ слѣдуетъ ни христіанъ, ни ихъ ученія, онъ думалъ, что и между ними найдетъ удобныя орудія; а такъ какъ они казались ему честнѣе другихъ, то онъ рѣшилъ отправиться къ нимъ и представить дѣло въ такомъ видѣ, чтобы они взялись за него не только ради денегъ, но по усердію.

Съ этой цѣлью онъ вечеромъ пошелъ къ Эврикію, который, какъ онъ зналъ, преданъ ему всей душой и сдѣлаетъ все, лишь-бы по-

мочь ему. Однако, будучи по натурѣ осторожнымъ, онъ не хотѣлъ повѣрять ему своихъ истинныхъ намѣреній, которыя притомъ стали-бы въ явное противорѣчіе съ вѣрой старика въ его добродѣтель и богобоязненность. Онъ хотѣлъ найти людей, готовыхъ на все, и съ ними договориться на счетъ этого дѣла такъ, чтобы они въ видахъ собственной безопасности сохранили все въ величайшей тайнѣ.

Старый Эврикій, выкупивъ сына, нанялъ одну изъ лавочекъ, которыми кишѣли окрестности Circus Maximus; въ нихъ продавались зрителямъ, пріѣзжающимъ на бѣга, оливки, бобы, прѣсное тѣсто и подслащенная медомъ вода. Хилонъ засталъ его дома. Эврикій убиралъ лавочку. Хилонъ привѣтствовалъ его именемъ Христа и сталъ говорить, по какому дѣлу пришелъ; онъ оказалъ имъ услугу и разсчитываетъ, что они съ благодарностью отплатятъ за нее. Ему нужны два или три человѣка, сильные и отважные, чтобы отвратить опасность, грозящую не только ему, но и всѣмъ христіанамъ. Онъ, правда, бѣденъ, ибо почти все, что имѣлъ, отдалъ Эврикію, и, однако, онъ готовъ заплатить этимъ людямъ за услуги, съ тѣмъ, чтобы они ввѣрились ему и честно исполнили то, что онъ имъ прикажетъ сдѣлать.

Эврикій и сынъ его, Квартъ, слушали его, какъ своего благодѣтеля, чуть не на колѣняхъ. Оба они объявили, что сами готовы исполнить все, чего онъ ни пожелаетъ, въ полномъ убѣжденіи, что столь святой мужъ не можетъ потребовать поступковъ, которые-бы не согласовались съ ученіемъ Христа.

Хилонъ увѣрилъ ихъ, что они не ошибаются, и, поднявъ глаза къ небу, притворялся, что молится, а на самомъ дѣлѣ думалъ о томъ, какъ хорошо было-бы принять ихъ предложеніе и такимъ образомъ сохранить себѣ тысячу сестерцій. Но, подумавъ, онъ отвергъ эту мысль. Эврикій былъ старикомъ, изнуреннымъ не столько возрастомъ, сколько заботами и болѣзнью. Кварту было лѣтъ шестнадцать. Хилону-же нужны были люди ловкіе и, главное, сильные. — Что касается до тысячи сестерцій, то онъ разсчитывалъ, что благодаря придуманному плану, ему во всякомъ случаѣ удастся сберечь значительную часть этой суммы.

Они еще нѣкоторое время настаивали, но, когда онъ наотрѣзъ отказался, уступили. Квартъ сказалъ тогда:

— Я, господинъ, знаю пекаря Демаса, у котораго при жерновахъ работаютъ рабы и наемники. Одинъ изъ нихъ такъ силенъ, что могъ-бы дѣйствовать не то что за двоихъ, а за четверыхъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ носилъ камни, которыхъ четыре человѣка не могли сдвинуть съ мѣста.

— Если это человѣкъ богобоязненный и способный пожертвовать собою для братьевъ,—познакомь меня съ нимъ.

— Онъ христіанинъ,—отвѣчалъ Квартъ,—такъ какъ у Демаса

по большей части работаютъ христіане. Тамъ имѣются дневные и ночные рабочіе; онъ принадлежитъ къ числу ночныхъ. Если-бы мы пошли теперь, то попали-бы къ ихъ ужину и могли-бы съ нимъ свободно переговорить. Демасъ живетъ около Эмпорія.

Хилонъ охотно согласился на это. Эмпорій находился у подножія Авентинскаго холма, значитъ не особенно далеко отъ Великаго цирка. Можно было, не обходя холма, пройти вдоль рѣки, чрезъ портикъ Эмилія, что значительно сокращало дорогу.

— Я старъ,—сказалъ Хилонъ, когда они вошли подъ колоннаду, — и иногда память мнѣ измѣняетъ. Да! вѣдь нашъ Христосъ былъ преданъ однимъ изъ своихъ учениковъ! Но имени предателя я теперь никакъ не могу вспомнить...

— Іуда, господинъ. Онъ повѣсился,—отвѣчалъ Квартъ, нѣсколько удивленный въ душѣ, какъ это можно было не помнить его имени.

— А да! Іуда! Благодарю тебя,—сказалъ Хилонъ.

Нѣкоторое время они шли молча. — Дойдя до Эмпорія, который былъ уже запертъ,—они миновали его и, обойдя житницы, изъ которыхъ народу выдавали хлѣбъ, они повернули налѣво, къ домамъ, которые тянулись вдоль via Ostiensis вплоть до пригорка Тестація и пистирійскаго форума. Тамъ они остановились передъ деревяннымъ строеніемъ, извнутри котораго слышался стукъ жерновов. Квартъ вошелъ въ домъ, а Хилонъ, не любившій показываться предъ большимъ числомъ людей и боявшійся притомъ, какъ-бы невзначай не повстрѣчаться съ Главкомъ, остался на улицѣ.

— Интересно-бы знать, что за человѣкъ этотъ Геркулесъ-мукомолъ,—говорилъ онъ про себя, смотря на ясно свѣтившій мѣсяцъ,— если онъ негодяй и уменъ, придется немного заплатить ему, если-же это добродѣтельный и глупый христіанинъ—то онъ даромъ сдѣлаетъ все, чего ни пожелаю отъ него.

Дальнѣйшія размышленія его были прерваны возвращеніемъ Кварта, который вышелъ изъ строенія съ другимъ человѣкомъ, одѣтымъ только въ тунику, называвшуюся exomis, сшитую такъ, что правое плечо и правая сторона груди оставались обнаженными. Такую одежду, оставлявшую полную свободу движеніямъ, употребляли обыкновенно рабочіе.— Хилонъ, взглянувъ на пришедшаго, вздохнулъ съ облегченіемъ: онъ никогда въ жизни не видалъ такого плеча и такой груди.

— Вотъ, господинъ,—сказалъ Квартъ,—братъ, котораго ты хотѣлъ видѣть.

— Да будетъ съ тобой миръ Христовъ,—отозвался Хилонъ,— а ты, Квартъ, скажи этому брату, можно-ли довѣрять мнѣ и положиться на меня, а затѣмъ съ богомъ возвращайся домой: не слѣдуетъ тебѣ оставлять сѣдого отца въ одиночествѣ.

— Это святой человѣкъ,—сказалъ Квартъ,—онъ отдалъ все свое достояніе, чтобы меня, неизвѣстнаго ему, выкупить изъ неволи. Да уготовитъ ему нашъ Господь, Спаситель, небесную награду.

Огромный работникъ, услышавъ это, наклонился и поцѣловалъ руку Хилона.

— Какъ тебя зовутъ, братъ?—спросилъ Грекъ.

— При святомъ крещеніи, отче, меня нарекли Урбаномъ.

— Урбанъ, братъ мой, есть-ли у тебя время, чтобы обстоятельно поговорить со мной?

— Наша работа начинается въ полночь, а теперь намъ готовятъ ужинъ.

— Ну, значитъ, у насъ времени довольно—пойдемъ къ рѣкѣ, и тамъ ты выслушаешь меня.

Они пошли и сѣли на каменной набережной, среди тишины, которую нарушалъ лишь отдаленный стукъ жерновов и плескъ катившейся внизу волны. Тамъ Хилонъ всмотрѣлся въ лицо работника, которое показалось ему добродушнымъ и искреннимъ, хотя въ этомъ лицѣ было что-то угрожающее и скорбное; выраженіемъ этимъ обыкновенно отличались лица варваровъ, поселившихся въ Римѣ.

«Да!—сказалъ онъ мысленно.—Это какъ-разъ тотъ самый добрый и глупый человѣкъ, который даромъ убьетъ Главка».

Потомъ Хилонъ спросилъ его:

— Урбанъ, любишь-ли ты Христа?

— Люблю душею и сердцемъ,—отвѣчалъ работникъ.

— А братьевъ своихъ? А сестеръ, и тѣхъ, которые отъ Христа научились истинѣ и вѣрѣ?

— И ихъ люблю, отче.

— Ну, да будетъ миръ съ тобою.

— И съ тобою, отче.

Снова настала тишина, — только вдали гудѣли жернова и внизу плескалась рѣка.

Хилонъ устремилъ взоръ въ ясный блескъ мѣсяца и спокойнымъ, тихимъ голосомъ началъ говорить о смерти Христа. Онъ говорилъ какъ-бы не для Урбана, а для самого себя, припоминалъ эту смерть, или какъ-бы повѣрялъ ея тайну этому дремлющему уголку. Въ этомъ было нѣчто возбуждающее и торжественное. Работникъ плакалъ; а когда Хилонъ началъ стонать и горевать надъ тѣмъ, что въ моментъ смерти Спасителя не было никого, кто-бы его защитилъ, если не отъ распятія на крестѣ, то, по крайней мѣрѣ, отъ оскорбленій солдатъ и іудеевъ огромные кулаки варвара начали сжиматься отъ печали и подавленной ярости. Смерть его только возмущала; но при мысли объ этой толпѣ,

издѣвавшейся надъ распятымъ Агнцемъ, — простая душа возмущалась, охваченная дикою жаждою мести.

А Хилонъ вдругъ спросилъ:

— Урбанъ, знаешь-ли ты, кто былъ Іуда?

— Знаю! знаю! Но онъ повѣсился!—воскликнулъ работникъ.

И въ голосѣ его прозвучало какъ-бы сожалѣніе, что предатель самъ себя казнилъ и не можетъ уже попасть въ его руки.

А Хилонъ продолжалъ:

— Ну, а что если-бы онъ не повѣсился и если-бы кто-нибудь изъ христіанъ встрѣтилъ его на сушѣ или на морѣ, развѣ-бы онъ не обязанъ былъ отомстить за муки, кровь и смерть Спасителя?

— Кто-бы не отомстилъ, отче!

— Миръ съ тобой, вѣрный слуга Агнца... Да! Можно прощать обиды, нанесенныя себѣ самому, но кто имѣетъ право прощать обиды, нанесенныя Богу? Но какъ змѣя плодитъ змѣю, злоба—злобу и измѣна—измѣну, такъ изъ яда Іуды родился другой предатель,—и какъ первый предалъ іудеямъ и римскимъ солдатамъ Спасителя, такъ этотъ, живущій между нами, хочетъ отдать волкамъ Его овецъ и, если никто не помѣшаетъ измѣнѣ, если никто во время не сотретъ главу змія, то всѣхъ насъ ждетъ погибель, а вмѣстѣ съ нами погибнетъ и служеніе Агнцу.

Работникъ смотрѣлъ на него съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ, какъ-бы не отдавая себѣ отчета въ томъ, что слышалъ. А грекъ, накрывъ голову краемъ плаща, началъ повторять голосомъ, который выходилъ какъ-бы изъ-подъ земли:

— Горе вамъ, слуги праведнаго Бога! Горе вамъ, христіане и христіанки!

И снова настало молчанье, снова слышался только стукъ жерноповъ, глухой напѣвъ мукомоловъ и шумъ рѣки.

— Отче,—спросилъ вдругъ работникъ,—кто этотъ предатель?

Хилонъ опустилъ голову.

— Кто этотъ предатель? Сынъ Іуды, порожденіе его яда. Онъ выдаетъ себя за христіанина и ходитъ въ молитвенные дома для того только, чтобы доносить на братьевъ цезарю, что они не хотятъ признавать цезаря за бога, отравляютъ фонтаны, убиваютъ дѣтей и хотятъ уничтожить этотъ городъ такъ, чтобы не осталось камня на камнѣ. Вотъ чрезъ нѣсколько дней будетъ отданъ приказъ преторіанцамъ, чтобы они заковали въ цѣпи старцевъ, женщинъ и дѣтей и свели ихъ на убіеніе, какъ посланы были на смерть невольники Педанія Секунда. И все это сдѣлалъ второй Іуда. Но, если перваго никто не покаралъ, если никто не отомстилъ ему, если никто не защитилъ Христа въ часъ муки,—то кто-же захочетъ покарать этого, кто сотретъ змія, котораго

слушаетъ самъ цезарь; кто устранитъ его, кто выступитъ на защиту гибнущихъ братьевъ и вѣры во Христа?

Урбанъ, который до сихъ поръ сидѣлъ на каменной глыбѣ, вдругъ всталъ и произнесъ:

— Отче, я это сдѣлаю!

Хилонъ также всталъ; съ минуту онъ смотрѣлъ на лицо работника, освѣщенное блескомъ мѣсяца, потомъ, протянувъ руку, медленно опустилъ ладонь на его голову.

— Иди къ христіанамъ,—сказалъ онъ торжественно,—иди въ молитвенные дома и спроси братьевъ, гдѣ Главкъ, и, когда они укажутъ тебѣ его, тогда ты, во имя Христа,—убей!..

— Спросить Главка?..—повторилъ работникъ, какъ-бы желая запечатлѣть въ своей памяти это имя.

— Знаешь-ли ты его?

— Нѣтъ, не знаю. Христіанъ тысячи во всемъ Римѣ и не всѣ знаютъ другъ друга. Но завтра ночью въ Остраніи соберутся братья и сестры всѣ до единой души, такъ какъ прибылъ великій апостолъ Христовъ, который тамъ будетъ учить насъ,—и тамъ братья покажутъ мнѣ Главка.

— Въ Остраніи? — спросилъ Хилонъ. — Это, кажется, за городскими воротами. Братья и всѣ сестры? — ночью? за воротами въ Остраніи?

— Да, отче. Это наше кладбище, между via Salaria и Nomentana. Развѣ тебѣ не извѣстно, что тамъ будетъ учить великій апостолъ?

— Я два дня не былъ дома и потому не получилъ его письма; а не зналъ, гдѣ находится Остраній, такъ какъ недавно только прибылъ сюда изъ Коринѳа, гдѣ управляю христіанскою общиною... Ну, такъ вотъ!— Такъ какъ тебя вдохновилъ самъ Христосъ, то ты, сынъ мой, пойдешь ночью въ Остраній, тамъ сыщешь среди братьевъ Главка и убьешь его на обратномъ пути въ городъ, — за что будутъ тебѣ отпущены всѣ грѣхи. А теперь, да будетъ съ тобой миръ...

— Отче...

— Слушаю тебя, слуга Агнца.

На лицѣ работника выразилось смущеніе.

Онъ еще недавно убилъ одного, а можетъ быть и двухъ человѣкъ, — а ученіе Христа запрещаетъ убивать. Правда, онъ убилъ ихъ не въ свою защиту, но и этого нельзя дѣлать! Онъ убилъ, спаси Христосъ, не для корысти... Самъ епископъ далъ ему братьевъ на помощь, но убивать не позволилъ, онъ-же убилъ самъ того не желая, ибо Богъ покаралъ его, давъ слишкомъ огромную силу... И теперь онъ тяжко кается... Другіе поютъ у жерноповъ, а онъ несчастный думаетъ о своемъ грѣхѣ, объ оскорбленіи, нанесенномъ Агнцу... И сколько ужъ

онъ молился и наплакался! Сколько просилъ Агнца!—и до сихъ поръ чувствуетъ, что не довольно покаялся... А теперь онъ снова далъ обѣщаніе убить предателя... Что-же дѣлать! Можно прощать только свои обиды, потому онъ убьетъ его хотя-бы даже на глазахъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, которые завтра будутъ въ Остраніи. Но сначала Главка должны осудить старшіе среди братьевъ, епископъ или апостолъ. Убить недолго, а убить предателя даже пріятно, какъ волка или медвѣдя, но что,—если Главкъ погибнетъ безвинно? какъ-же брать на совѣсть новое убійство, новый грѣхъ и новое оскорбленіе Агнца?

— На судъ нѣтъ времени, мой сынъ,—отвѣчалъ Хилонъ,—такъ какъ измѣнникъ прямо изъ Остранія пойдетъ къ цезарю въ Анцій, или спрячется въ домѣ одного патриція, которому служитъ, но я тебѣ дамъ знакъ; если ты его покажешь послѣ убійства Главка,—то и епископъ и великій апостолъ благословятъ твой поступокъ.

Сказавъ это, онъ вынулъ мелкую монету. Поискавъ за поясомъ ножъ, и найдя его, онъ выскоблилъ на сестерціи остріемъ знакъ креста—и подалъ работнику.

— Вотъ приговоръ Главку и знакъ для тебя. Когда, по устраненіи Главка, ты покажешь его епископу, то онъ проститъ тебѣ и то убійство, которое ты нечаянно совершилъ.

Работникъ какъ-бы противъ воли протянулъ руку къ монетѣ, но первое убійство было еще такъ свѣжо въ его памяти, — что онъ чувствовалъ страхъ.

— Отче. — сказалъ онъ просительнымъ голосомъ, — берешь-ли ты на свою совѣсть это дѣло — и самъ-ли ты слышалъ, что Главкъ предаетъ братьевъ?

Хилонъ понялъ, что надо дать какія-нибудь доказательства, назвать какія-нибудь имена, ибо въ противномъ случаѣ въ сердце великана можетъ вкрасться сомнѣніе. И вдругъ въ его головѣ блеснула счастливая мысль.

— Послушай, Урбанъ, — сказалъ онъ. —Я живу въ Коринѳѣ, но родомъ изъ Коса, и здѣсь, въ Римѣ, поучаю Христовой вѣрѣ одну находящуюся въ услуженіи дѣвицу съ моей родины, по имени Эвникію. Она служитъ «одѣвальщицей» въ домѣ пріятеля цезаря, нѣкоего Петронія. Вотъ въ этомъ-то домѣ я и слышалъ, какъ Главкъ предлагалъ выдать всѣхъ христіанъ, и кромѣ того, обѣщалъ другому приспѣшнику императора, Виницію, найти между христіанами дѣвицу...

Тутъ онъ остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на работника, глаза котораго вдругъ засверкали, какъ у звѣря, а лицо приняло выраженіе дикаго гнѣва и угрозы.

— Что съ тобой?— спросилъ онъ почти со страхомъ.

— Ничего, отче. Завтра я убью Главка!

Грекъ замолчалъ; взявъ за руки работника, онъ повернулъ его такъ, чтобы свѣтъ мѣсяца падалъ прямо на лицо его,—и началъ внимательно вглядываться . Видно было, что въ душѣ Хилонъ колебался, разспрашивать-ли далѣе и сразу все выяснить, или пока ограничиться тѣмъ, что узналъ или о чемъ догадался.

Въ концѣ-концовъ превозмогла врожденная его осторожность. Онъ глубоко вздохнулъ, положивъ ладонь на голову работника, спросилъ торжественнымъ выразительнымъ голосомъ:

— Итакъ при святомъ крещеніи тебя нарекли Урбаномъ?

— Да, отче.

— Ну, такъ да будетъ миръ съ тобою, Урбанъ.

XVIII.

Отъ Петронія—Виницію:

«Плохи твои дѣла, carissime! Венера, очевидно, помутила твои мысли, отняла у тебя разсудокъ, память и способность думать о чемъ-либо, кромѣ любви. Перечти когда-нибудь твой отвѣтъ на мое письмо, и ты увидишь, до какой степени сознаніе твое стало равнодушнымъ ко всему, кромѣ Лигіи: твои мысли заняты лишь ею, безпрестанно возвращаются къ ней, кружатся надъ нею, словно ястребъ надъ намѣченною добычей. Клянусь Поллуксомъ! розыщи-же ее поскорѣе, — не то, если пламя страсти не испепелитъ тебя, — ты превратишься въ египетскаго Сфинкса, который, влюбившись, какъ говорятъ, въ блѣдную Изиду, сталъ ко всему равнодушнымъ, глухимъ и ожидаетъ лишь ночи, чтобы всматриваться въ свою возлюбленную каменными очами.

«Блуждай по вечерамъ переодѣтымъ по городу,—если хочешь, посѣщай даже въ сопровожденіи твоего философа христіанскія молельни. Все, что возбуждаетъ надежду и убиваетъ время, достойно одобренія. Но, ради моей дружбы къ тебѣ, исполни одинъ совѣтъ: рабъ Лигіи, Урсъ, обладаетъ, повидимому, необычайною силой,—найми-же Кротона и продолжай поиски втроемъ. Такъ будетъ безопаснѣе и благоразумнѣе. Христіане, если къ ихъ числу принадлежатъ Помпонія Грецина и Лигія, несомнѣнно, презираются молвой несправедливо,—и, при похищеніи Лигіи, они доказали, что умѣютъ дѣйствовать не шутя, когда надо защитить одну изъ овечекъ своего стада. Я знаю, что, увидѣвъ Лигію, ты не преодолѣешь своего нетерпѣнія, захочешь тотчасъ-же овладѣть ею,—какъ-же осуществишь ты свое желаніе при помощи одного Хилонида? А Кротонъ справится, хотя-бы Лигію защищали десять такихъ силачей, какъ Урсъ. Не позволяй Хилону выманивать у тебя деньги, но не жалѣй ихъ на Кротона. Это—лучшій изъ совѣтовъ, какой я могу дать тебѣ.

«Здѣсь уже перестали говорить о маленькой августѣ и о томъ, что ее умертвили при помощи колдовства. Помпея иногда еще вспоминаетъ о дочери, но цезарь увлеченъ другими мыслями; притомъ-же, если божественная августа, дѣйствительно, снова ожидаетъ приращенія, то и она скоро совершенно забудетъ объ умершемъ ребенкѣ. Мы пребываемъ уже около десяти дней въ Неаполѣ, или, выражаясь точнѣе,—въ Байяхъ. Еслибы ты былъ способенъ думать о чемъ-либо, отголоски нашего здѣшняго пребыванія не могли-бы не коснуться твоего слуха, такъ какъ весь Римъ, навѣрно, не говоритъ ни о чемъ другомъ. Мы пріѣхали прямо въ Байи,—гдѣ сначала нами завладѣли воспоминанія о матери и угрызенія совѣсти. Представь себѣ, однако, до чего уже дошелъ нашъ Мѣднобородый? Даже матереубійство превратилось для него лишь въ сюжетъ для стиховъ и въ поводъ для разыгрыванія трагическо-шутовскихъ сценъ. Онъ и раньше, впрочемъ, испытывалъ угрызенія совѣсти лишь по своей трусости. Теперь-же, убѣдившись, что міръ ничуть не перемѣнился, что земля не обрушилась подъ его ногами и что никакой богъ не мститъ ему,—онъ притворяется только для того, чтобы потрясать людей своею участью. По ночамъ онъ вскакиваетъ иногда съ ложа, кричитъ, что его преслѣдуютъ фуріи, будитъ насъ, озирается вокругъ, ломается, какъ бездарный актеръ, играющій роль Ореста, декламируетъ греческіе стихи,—и наблюдаетъ, восхищаемся-ли мы имъ. Мы, конечно, восхищаемся!—и, вмѣсто того, чтобы сказать ему: ступай спать, глупецъ!—также настраиваемъ себя на трагическій ладъ,—и защищаемъ великаго артиста отъ фурій. Клянусь Касторомъ,—не могъ-же ты не узнать хотя о томъ, что цезарь уже выступалъ передъ публикой въ Неаполѣ. Въ театръ согнали всѣхъ греческихъ проходимцевъ изъ Неаполя и окрестностей; они наполнили арену столь противнымъ зловоніемъ чеснока и пота, что я благословлялъ боговъ за то, что не сижу въ первыхъ рядахъ вмѣстѣ съ августіанцами, а нахожусь съ Мѣднобородымъ за сценой. И, представь себѣ, — онъ боялся! Увѣряю тебя, что онъ трусилъ! Онъ бралъ мою руку и прикладывалъ къ своему сердцу, дѣйствительно, бившемуся учащенно. Дыханіе его спиралось, — а когда настало время выходить, онъ поблѣднѣлъ, какъ пергаментъ, и лобъ его оросился каплями пота. Между тѣмъ, онъ зналъ, что во всѣхъ рядахъ посажены преторіанцы, вооруженные палками—для подогрѣванія восторговъ зрителей, если окажется въ томъ потребность. Но предосторожность эта оказалась излишней. Никакое стадо обезьянъ изъ окрестностей Карѳагена не могло-бы ревѣть такъ громко, какъ этотъ сбродъ. Повторяю,—зловоніе чеснока доносилось до самой сцены. А Неронъ раскланивался, прикладывалъ руки къ сердцу, посылалъ воздушные поцѣлуи—и плакалъ. Затѣмъ онъ бросился къ намъ, ожидавшимъ за сценой, и закричалъ, точно пьяный: «какъ ничтожны всѣ тріумфы Цезаря сравнительно съ моимъ тріум-

фомъ!» А толпа продолжала ревѣть и рукоплескать, зная, что рукоплесканіями этими добудетъ милости, подачки, лоттерейные билеты и новое зрѣлище — съ цезаремъ-фигляромъ на потѣху. Я даже не удивляюсь, что они рукоплескали: до сихъ поръ не видано ничего подобнаго. Онъ-же не переставалъ повторять ежеминутно: «вотъ, каковы греки! вотъ, каковы греки!» Мнѣ кажется, что послѣ этого представленія его ненависть къ Риму еще усилилась. Въ Римъ тѣмъ не менѣе были посланы нарочные съ извѣщеніемъ о тріумфѣ,—и мы надѣемся, что на-дняхъ сенатъ совершитъ благодарственныя молебствія. Послѣ перваго-же представленія здѣсь произошелъ странный случай. Внезапно обрушилось зданіе театра,—но въ то время, когда зрители уже ушли: я былъ на мѣстѣ происшествія, и не видалъ, чтобы изъ-подъ обломковъ извлекли хоть одинъ трупъ. Многіе даже между греками смотрятъ на это, какъ на кару боговъ за поруганіе цезарской власти; Неронъ, напротивъ, увѣряетъ, что боги проявили свое благоволеніе и покровительство его пѣнію и слушателямъ. Поэтому онъ предписалъ принести жертвоприношенія во всѣхъ храмахъ и отслужить благодарственныя молебствія. Этотъ случай только усилилъ желаніе Нерона предпринять путешествіе въ Ахайю. Нѣсколько дней тому назадъ онъ говорилъ мнѣ, однако, что опасается недовольства римскаго народа: римляне, быть можетъ, возмутятся, какъ изъ любви къ нему, такъ и изъ боязни, что продолжительное отсутствіе цезаря лишитъ ихъ раздачи хлѣба и зрѣлищъ.

«Мы ѣдемъ, однако, въ Беневентъ посмотрѣть на пышныя празднества, которыми собирается блеснуть бывшій сапожникъ Ватиній; оттуда-же, напутствуемые божественными братьями Елены, направимся въ Грецію. Что касается меня, то я убѣдился, что среди безумствующихъ невольно становишься безумцемъ и, что еще хуже, начинаешь находить нѣкоторую прелесть въ безумствахъ. Греція и путешествіе среди тысячной толпы, какой-то тріумфальный поѣздъ Вакха среди нимфъ и вакханокъ, увѣнчанныхъ зеленью мирта, листьями винограда и плюща, колесницы, запряженныя тиграми, цвѣты, тирсы, вѣнки, возгласы «эвоэ!» музыка, поэзія и рукоплещущая Эллада,—все это прекрасно, но мы питаемъ еще болѣе смѣлые замыслы, намъ желательно основать сказочную восточную имперію, царство пальмъ, солнца, поэзіи и жизни, превращенной въ одно сплошное наслажденіе. Намъ хочется позабыть о Римѣ, перемѣстить центръ міра куда-то между Греціей, Азіей и Египтомъ, насладиться существованіемъ не людей, а боговъ, не знать ничего будничнаго, плавать по Архипелагу на золотыхъ галерахъ, подъ сѣнью пурпурныхъ парусовъ, совмѣстить въ одномъ лицѣ Аполлона, Озириса и Ваала, розовѣть вмѣстѣ съ зарею, разгораться золотымъ блескомъ вмѣстѣ съ солнцемъ, серебриться съ лучами мѣсяца, повелѣвать, пѣть, грезить... И повѣришь-ли? Я, сохранившій еще на сестерцій разсудка и

на ассъ здраваго смысла, позволяю увлекать себя подобнымъ мечтамъ! Онѣ прельщаютъ меня, несмотря на неосуществимость, своимъ величіемъ, и своеобразностью... Подобное сказочное царство, что ни говори, нѣкогда, по прошествіи многихъ вѣковъ, представилось-бы людямъ видѣніемъ, навѣяннымъ грезами. Жизнь сама по себѣ ничтожна и зачастую принимаетъ обезьяній обликъ,—если только сама Венера не снизойдетъ къ намъ подъ видомъ Лигіи или хотя-бы такой рабыни, какъ Эвника, и если ее не скраситъ искусство. Но Мѣднобородый не осуществитъ своихъ замысловъ, хотя-бы лишь потому, что въ пресловутомъ сказочномъ царствѣ Востока и поэзіи не должно быть мѣста лицемѣрію, низости и убійству, а въ Неронѣ подъ личиною поэта таится пустой, бездарный фигляръ, недалекій наѣздникъ и тупой тиранъ: всѣ эти затѣи не мѣшаютъ намъ, въ ожиданіи, душить людей, представляющихъ для насъ малѣйшую помѣху. Бѣдный Торкватъ Силанъ отошелъ уже въ царство тѣней. Нѣсколько дней тому назадъ, онъ вскрылъ себѣ жилы. Леканій и Лизиній трясутся отъ страха, принимая консульское званіе, старый Тразея не избѣгнетъ смерти, такъ какъ осмѣливается быть слишкомъ честнымъ. Тигеллинъ все еще не можетъ добыть приказъ, чтобы я вскрылъ себѣ жилы: я нуженъ еще, не только въ качествѣ «законодателя вкуса», но и какъ человѣкъ, безъ совѣтовъ и эстетическаго пониманія котораго путешествіе въ Ахайю могло-бы не удасться. Я нерѣдко подумываю, однако, что рано или поздно эта участь меня не минуетъ,—и, знаешь-ли, что больше всего меня занимаетъ, когда меня посѣщаютъ такія мысли: я не могу допустить, чтобы Мѣднобородый овладѣлъ моею мерренской чашей, которую ты знаешь и которою такъ восторгаешься. Если ты будешь присутствовать при моей смерти, я отдамъ эту чашу тебѣ; если-же ты будешь далеко, я разобью ее. Но до тѣхъ поръ насъ еще ждетъ сапожническій Беневентъ, олимпійская Греція и Рокъ, готовящій каждому невѣдомые и недоступные предвидѣнію пути. Будь здоровъ и найми Кротона, не то у тебя вторично вырвутъ изъ рукъ эту Лигію. Хилонида, когда у тебя минуетъ нужда въ немъ, вышли ко мнѣ, гдѣ-бы я ни находился. Я попытаюсь сдѣлать изъ него второго Ватинія и, какъ знать, быть можетъ, проконсулы и сенаторы будутъ еще трепетать передъ нимъ, какъ трепещутъ передъ тѣмъ витяземъ Дратвы. Мнѣ хотѣлось бы дождаться такого зрѣлища. Если отыщешь Лигію, сообщи мнѣ, чтобы я принесъ за васъ въ жертву пару лебедей и пару голубей въ здѣшнемъ кругломъ храмикѣ Венеры. Помнишь, тебѣ приснилось, что Лигія покоится на твоихъ колѣняхъ, ищетъ твоихъ поцѣлуевъ. Постарайся, чтобы этотъ сонъ оказался вѣщимъ: пусть на твоихъ небесахъ развѣются облака, а если они и останутся, то пусть примутъ окраску и ароматъ розы. Будь здоровъ и прощай».

XIX.

Едва Виницій окончилъ читать, какъ въ его библіотеку прокрался Хилонъ; о приходѣ его не доложили, такъ какъ слугамъ было приказано пускать грека во всякое время дня и ночи.

— Пусть божественная мать твоего великодушнаго предка Энея,— сказалъ онъ,—будетъ столь милостива къ тебѣ, господинъ, какъ милостивъ ко мнѣ божественный сынъ Майи.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ Виницій, вскакивая изъ-за стола, у котораго онъ сидѣлъ.

Хилонъ поднялъ голову и произнесъ:

— Эврика!

Молодой патрицій былъ такъ пораженъ, что отъ волненія долго не могъ произнести ни слова.

— Ты видѣлъ ее?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Я видѣлъ Урса, господинъ, и говорилъ съ нимъ.

— И знаешь, гдѣ они скрываются?

— Нѣтъ, господинъ. Другой изъ самолюбія далъ-бы понять лигійцу, что отгадалъ, кто онъ таковъ, другой старался-бы разспросить его, гдѣ онъ живетъ, и либо получилъ-бы ударъ кулакомъ, послѣ чего всѣ земныя дѣла стали-бы для него безразличными, либо возбудилъ-бы подозрѣніе великана, вслѣдствіе чего дѣвушку, быть можетъ, еще въ нынѣшнюю-же ночь припрятали-бы въ другомъ мѣстѣ. Я не сдѣлалъ ничего подобнаго, господинъ. Мнѣ достаточно знать, что Урсъ работаетъ у мельника около Эмпорія. Мельника этого зовутъ Демасомъ, какъ и твоего вольноотпущенника. Я удовлетворился этимъ открытіемъ, потому что любой изъ твоихъ довѣренныхъ рабовъ можетъ поутру прослѣдить за нимъ и обнаружить тайникъ. Я приношу тебѣ, господинъ, лишь несомнѣнное извѣстіе о томъ, что если Урсъ здѣсь, то и божественная Лигія не покинула Рима. Кромѣ того я могу сообщить тебѣ, что нынче ночью она почти навѣрное пойдетъ въ Остраній...

— Въ Остраній? Что это за мѣстность?—прервалъ его Виницій, очевидно собираясь сейчасъ-же бѣжать туда.

— Это старое кладбище между дорогами Саларійской и Нументанской. Тотъ великій жрецъ христіанъ, о которомъ я говорилъ тебѣ, господинъ, и прибытія котораго ожидали значительно позже, пріѣхалъ уже и нынче ночью будетъ проповѣдывать на этомъ кладбищѣ. Они скрываютъ свою религію, потому что, хотя до сихъ поръ не издано никакихъ воспрещающихъ ее эдиктовъ, однако, населеніе ненавидитъ ихъ и заставляетъ быть осторожными. Самъ Урсъ сказалъ мнѣ, что всѣ христіане безъ исключенія соберутся сегодня въ Остраніи, такъ какъ

каждый изъ нихъ хочетъ видѣть и послушать того, который былъ первымъ ученикомъ Христа и котораго они зовутъ апостоломъ. А такъ какъ у нихъ женщины наравнѣ съ мужчинами присутствуютъ при богослуженіи, поэтому изъ числа христіанокъ, быть можетъ, не придетъ лишь одна Помпонія: Авлъ почитаетъ прежнихъ боговъ и жена его ничѣмъ не могла-бы оправдать свое отсутствіе въ ночное время. Что касается Лигіи, пребывающей подъ опекою Урса и старѣйшинъ христіанской общины, то она несомнѣнно придетъ вмѣстѣ съ остальными женщинами.

Виницій, жившій до сихъ поръ какъ-бы въ лихорадочномъ возбужденіи, поддерживаемый лишь надеждою отыскать Лигію, теперь, когда эта надежда, повидимому, приблизилась къ осуществленію, внезапно почувствовалъ изнеможеніе, какое охватываетъ человѣка послѣ истощившаго силы путешествія у самой его цѣли. Хилонъ замѣтилъ это и рѣшилъ извлечь пользу изъ своего наблюденія.

— Твои рабы, господинъ, сторожатъ при воротахъ и христіанамъ, конечно, извѣстно объ этомъ, но они не нуждаются въ воротахъ. Тибръ также не нуждается въ нихъ и, хотя отъ рѣки до тѣхъ воротъ далеко, однако разстояніе не воспрепятствуетъ имъ собраться для лицезрѣнія «великаго апостола». При томъ-же они могутъ располагать тысячами способовъ проникнуть за стѣну и я знаю, что они располагаютъ ими. Въ Остраніи, господинъ, ты найдешь Лигію; если-же, чего я не допускаю, ея тамъ не будетъ, ты увидишь Урса, такъ какъ лигіецъ поклялся мнѣ умертвить Главка. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что пойдетъ туда и убьетъ его. Слышишь, благородный трибунъ? значитъ, ты либо пойдешь по его слѣдамъ и узнаешь, гдѣ живетъ Лигія, либо прикажешь схватить Урса своимъ рабамъ, какъ убійцу, и, захвативъ въ свои руки, заставишь его сознаться, куда онъ скрылъ Лигію. Я исполнилъ свою задачу! Другой на моемъ мѣстѣ сказалъ-бы тебѣ, господинъ, что выпилъ съ Урсомъ десять кувшиновъ самаго лучшаго вина, раньше чѣмъ добылъ отъ него тайну: другой сказалъ-бы тебѣ, что проигралъ ему тысячу сестерцій въ «scriptae duodecim» или просто, что купилъ извѣстіе за двѣ тысячи... Я знаю, что ты возвратилъ-бы мнѣ истраченное вдвойнѣ, но, несмотря на это, одинъ разъ въ жизни...: то-есть, я хотѣлъ сказать: какъ всегда въ жизни, буду честнымъ, потому льщу себя надеждой, что, какъ говорилъ великодушный Петроній, твоя щедрость превзойдетъ всѣ мои надежды и предвидѣнія.

Но Виницій, который былъ воиномъ и привыкъ не только не терять присутствія духа при всякихъ случайностяхъ, но и дѣйствовать, сразу преодолѣлъ охватившую его слабость, и сказалъ:

— Надежды твои на мою щедрость не обманутъ тебя, но раньше ты долженъ послѣдовать за мной въ Остраній.

— Я, въ Остраній?—спросилъ Хилонъ, не чувствовавшій ни малѣйшаго желанія пойти туда.—Я, благородный трибунъ, обѣщалъ лишь указать тебѣ, гдѣ находится Лигія, но вовсе не обязался похитить ее... Подумай, господинъ, что станется со мною, если этотъ лигійскій медвѣдь, разорвавши Главка, убѣдится въ то-же время, что убилъ его не вполнѣ исполнено? Развѣ онъ не счелъ-бы меня (впрочемъ неосновательно) за виновника совершеннаго имъ убійства? Вспомни, господинъ, что, чѣмъ возвышеннѣе философія мудреца, тѣмъ ему труднѣе отвѣчать на глупые вопросы невѣждъ,— что-же могъ-бы я ему отвѣтить, если-бъ онъ меня спросилъ, почему я возвелъ обвиненіе на Главка? Если ты однако подозрѣваешь, что я тебя обманываю, въ такомъ случаѣ я скажу тебѣ: заплати мнѣ лишь послѣ того, когда я укажу тебѣ домъ, въ которомъ живетъ Лигія. Сегодня-же окажи мнѣ лишь частицу твоей щедрости, чтобы я не вовсе лишился награды, если-бы и ты, господинъ, (да хранятъ тебя боги) подвергнулся какому-либо несчастію. Сердце твое никогда не вынесло-бы этого.

Виниції подошелъ къ ящику, стоявшему на мраморномъ подножіи и называвшемуся arca. Вынувъ оттуда кошелекъ, онъ бросилъ его Хилону.

— Это скрупулы,—сказалъ онъ.—Когда-же Лигія войдетъ въ мой домъ, ты получишь такой-же кошелекъ, наполненный аурами *).

— О, Юпитеръ!!—воскликнулъ Хилонъ.

Но Виницій сдвинулъ брови.

— Тебѣ дадутъ ѣсть, затѣмъ ты можешь уснуть. До вечера ты не выйдешь отсюда. Когда-же наступитъ ночь, ты пойдешь со мною въ Остраній.

На лицѣ грека мгновенно отразились страхъ и колебаніе, затѣмъ, однако, онъ успокоился и сказалъ:

— Кто можетъ противостать тебѣ, господинъ! Прими эти слова за доброе предвѣщаніе такъ-же, какъ принялъ подобныя имъ нашъ великій герой въ храмѣ Аммона. Что касается меня, то эти скрупулы (онъ тряхнулъ кошелькомъ) перевѣсили мои опасенія, не говоря уже о твоемъ сообществѣ, которое я сочту за счастье и наслажденіе...

Но Виницій нетерпѣливо прервалъ его и сталъ разспрашивать о подробностяхъ разговора съ Урсомъ. Вполнѣ выяснилось изъ словъ послѣдняго лишь одно: что либо пріютъ Лигіи будетъ обнаруженъ не далѣе, какъ въ настоящую ночь, либо дѣвушку удастся похитить на обратномъ пути изъ Остранія. При одной мысли объ этомъ Виниція охватывала безумная радость. Теперь, когда онъ почти проникся увѣ-

---

*) Scripulum или scrupulum—небольшая золотая монета, равняющаяся третьей части золотого динара, или аура.

ренностью, что отыщетъ Лигію, безслѣдно исчезли и гнѣвъ, который онъ питалъ противъ нея, и чувство обиды. За эту радость онъ готовъ былъ простить ей всѣ ея вины. Онъ думалъ о ней, какъ о дорогомъ, желанномъ существѣ; ему казалось, точно онъ ждетъ ея возвращенія изъ далекаго путешествія. Ему хотѣлось созвать рабовъ и приказать имъ убрать домъ гирляндами. Въ эту минуту онъ не досадовалъ на Урса, онъ готовъ былъ простить всѣмъ и все. Хилонъ, къ которому, несмотря на оказываемыя грекомъ услуги, онъ чувствовалъ нѣкоторое отвращеніе, впервые показался ему человѣкомъ забавнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ зауряднымъ. Глаза его прояснились, прояснилось лицо, просвѣтлѣлъ и домъ его Онъ снова сталъ чувствовать обаяніе молодости и жизни. Былое угрюмое горе не позволяло ему почувствовать въ достаточной степени, какъ горячо онъ полюбилъ Лигію; онъ понялъ это лишь теперь, когда блеснула надежда овладѣть ею. Страстное влеченіе къ ней пробудилось въ немъ, какъ весною пробуждается земля, пригрѣтая солнцемъ, но вожделѣнія его теперь стали уже менѣе слѣпыми и дикими, болѣе радостными и нѣжными. Онъ чувствовалъ въ себѣ безграничную энергію и былъ увѣренъ, что, если только увидитъ Лигію собственными глазами, тогда ее не отнимутъ у него ни всѣ христіане всего міра, ни даже самъ цезарь.

Хилонъ, ободренный радостнымъ выраженіемъ его лица, принялся давать ему совѣты: по его мнѣнію, не слѣдовало бы еще считать дѣло выиграннымъ, не мѣшаетъ поступать какъ можно осторожнѣе, не то всѣ старанія пропадутъ понапрасну. Кромѣ того онъ умолялъ Виниція не похищать Лигіи изъ Остранія. Они должны отправиться туда въ плащахъ съ капюшонами, закрывающими лицо, пріютиться въ какомъ-нибудь темномъ углу и присматриваться оттуда ко всѣмъ присутствующимъ. Когда-же они увидятъ Лигію, безопаснѣе всего прослѣдить за нею издалека, замѣтить, въ какой домъ она вошла, а на слѣдующій день на разсвѣтѣ окружить зданіе сильнымъ отрядомъ рабовъ и захватить ее среди бѣлаго дня. Такъ какъ она считается заложницей и принадлежитъ въ сущности цезарю, захватъ можно произвести, не опасаясь кары закона. Въ случаѣ-же если они не встрѣтятъ ея въ Остраніи, они прослѣдятъ за Урсомъ и въ итогѣ получится то же самое. На кладбище нельзя пойти въ сопровожденіи многихъ рабовъ, такъ какъ легко они могли-бы возбудить подозрѣніе, а христіанамъ стоитъ лишь погасить всѣ огни, какъ они сдѣлали это при первомъ похищеніи Лигіи, и никто не помѣшаетъ имъ разбѣжаться или попрятаться въ однихъ только имъ извѣстныхъ притонахъ. Не мѣшаетъ зато захватить оружіе или взять съ собою двухъ надежныхъ силачей, чтобы въ случаѣ необходимости не быть лишенными защиты.

Виницій совершенно согласился съ его доводами и, вспомнивши вмѣстѣ съ тѣмъ о совѣтѣ Петронія, приказалъ рабамъ привести

Кротона. Хилонъ, знавшій всѣхъ въ Римѣ, почти успокоился, услышавъ имя извѣстнаго атлета, нечеловѣческой силѣ котораго неоднократно удивлялся въ циркѣ, и заявилъ, что пойдетъ въ Остраній. Онъ сообразилъ, что помощь Кротона значительно облегчитъ ему пріобрѣтеніе кошелька, наполненнаго большими золотыми монетами.

Когда, спустя нѣсколько времени, смотритель атрія пригласилъ его къ столу, грекъ приступилъ къ обѣду въ отличномъ настроеніи. За обѣдомъ онъ разсказывалъ рабамъ, что принесъ ихъ господину волшебную мазь: стоитъ только помазать ею копыта самымъ плохимъ лошадямъ, чтобы онѣ легко обгоняли всѣхъ другихъ коней. Его научилъ приготовлять эту мазь одинъ христіанинъ,— старики изъ христіанъ болѣе свѣдущи въ колдовствѣ и чудесахъ, чѣмъ даже ѳессалійцы, хотя Ѳессалія славится своими волшебницами. Христіане чрезвычайно довѣряютъ ему, а почему они питаютъ къ нему такое довѣріе, легко догадается каждый, кто знаетъ, что значитъ рыба. Разговаривая такимъ образомъ, онъ внимательно разсматривалъ лица рабовъ въ надеждѣ обнаружить между ними христіанина и донести объ этомъ Виницію. Обманувшись, однако, въ этомъ ожиданіи, онъ съ жадностью набросился на пищу и напитки, не щадя похвалъ повару и увѣряя, что постарается переманить его отъ Виниція. Веселость его омрачалась лишь мыслью, что ночью придется отправиться въ Остраній, но Хилонъ утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ пойдетъ переодѣтымъ, впотьмахъ и въ сопровожденіи двухъ людей, одинъ изъ которыхъ прославился на весь Римъ своею силой, а другой—по происхожденію патрицій и занимаетъ одну изъ высшихъ должностей въ войскѣ. «Если Виниція и узнаютъ,—разсуждалъ онъ про себя,—христіане не осмѣлятся поднять на него руку; что-же касается меня, то имъ надо быть мудрецами, чтобы увидѣть хоть конецъ моего носа».

Затѣмъ онъ сталъ припоминать свой разговоръ съ работникомъ и воспоминанія эти еще болѣе порадовали его. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ работникъ и Урсъ одно и то-же лицо. По разсказамъ Виниція и рабовъ его, которые сопровождали Лигію, когда за нею были присланы носилки во дворецъ цезаря, Хилонъ зналъ о необыкновенной силѣ этого человѣка. Немудрено, что ему указали на Урса, когда онъ сталъ выпытывать у Эврикія о людяхъ съ выдающейся силой. Кромѣ того, смущеніе и негодованіе работника при упоминаніи о Виниціи и Лигіи не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти лица особенно интересуютъ его. Работникъ упоминалъ также о покаяніи въ убійствѣ: Урсъ дѣйствительно убилъ Атацина; наконецъ, примѣты работника совершенно соотвѣтствовали описанію его, сдѣланному со словъ Виниція. Нѣкоторое сомнѣніе могло возбудить лишь измѣненное имя, но Хилонъ уже зналъ, что христіане часто принимаютъ новыя имена при крещеніи.

«Если Урсъ убьетъ Главка, — ободрялъ себя Хилонъ. — Я могу лишь порадоваться; если-же не убьетъ, то это также будетъ добрымъ признакомъ, такъ какъ докажетъ, что христіане нелегко рѣшаются на убійство. Я выдалъ этого Главка за родного сына Іуды и предателя всѣхъ христіанъ. Я убѣждалъ лигійца такъ краснорѣчиво, что даже камень смягчился-бы и обѣщалъ-бы упасть на голову Главку, а между тѣмъ я едва склонилъ этого лигійскаго медвѣдя дать обѣщаніе наложить на него свою лапу... Онъ колебался, говорилъ о своемъ горѣ и покаяніи. Очевидно, между ними это не водится. Свои обиды слѣдуетъ прощать, а за чужіе обиды также не очень-то разрѣшено воздавать мщеніемъ, — ergo — сообрази-ка, Хилонъ, чѣмъ-же ты рискуешь? Главкъ не смѣетъ отомстить тебѣ... Если Урсъ не убьетъ Главка за столь великую вину, какъ предательство всѣхъ христіанъ, тѣмъ болѣе не убьетъ тебя за столь ничтожную провинность, какъ предательство одного христіанина. Впрочемъ, какъ только мнѣ удастся указать этому любострастному дикому голубю на гнѣздо горлицы, я умываю руки и переношусь обратно въ Неаполь. Христіане также говорятъ о какомъ-то умываніи рукъ; очевидно, этимъ способомъ, имѣя съ ними дѣло, можно его окончательно уладить. Что за добрые люди эти христіане,—а какъ дурно о нихъ говорятъ. О, боги! такова справедливость на землѣ. Мнѣ, право, нравится эта религія за то, что она не позволяетъ убивать; но если она не позволяетъ убивать, то, конечно, не разрѣшаетъ также ни красть, ни обманывать, ни лжесвидѣтельствовать,—поэтому я не могу признать ее легкой. Она, повидимому, учитъ не только честно умирать, какъ внушаютъ стоики, но и честно жить. Если когда-нибудь я сколочу состояніе и буду имѣть домъ вродѣ этого и столько-же рабовъ, — тогда, быть можетъ, сдѣлаюсь христіаниномъ на столько времени, на сколько мнѣ это будетъ удобно. Богачъ можетъ себѣ позволить все, даже быть добродѣтельнымъ... Да! это религія для богатыхъ. Не понимаю поэтому, какимъ образомъ между ними оказалось столько бѣдныхъ. Что имъ за польза отъ такой вѣры и почему они позволяютъ добродѣтели связывать себѣ руки? Надо будетъ когда-нибудь хорошенько обсудить это, а пока хвала тебѣ, Гермесъ, зато, что ты помогъ мнѣ отыскать этого барсука... Но если ты сдѣлалъ это ради двухъ телокъ, бѣлыхъ однолѣтокъ съ позолоченными рогами, то я тебя не узнаю. Постыдись, побѣдитель Аргуса! Ты — такой умный богъ, неужели ты не предвидѣлъ, что ничего не получишь! Зато я приношу тебѣ въ жертву мою благодарность, а если ты предпочитаешь моей благодарности двухъ скотинъ, тогда ты самъ третья и въ самомъ лучшемъ случаѣ долженъ-бы быть пастухомъ, а не богомъ. Остерегись также, чтобы я, какъ философъ, не доказалъ людямъ, что ты совсѣмъ не существуешь, потому что тогда

всѣ перестанутъ приносить тебѣ жертвы. Съ философами безопаснѣе ладить».

Разговаривая такимъ образомъ съ собою и съ Гермесомъ, Хилонъ расположился на скамьѣ, подложилъ подъ голову плащъ и, когда рабы убрали посуду, заснулъ. Онъ проснулся или, вѣрнѣе, его разбудили лишь послѣ того, какъ пришелъ Кротонъ. Грекъ вошелъ въ атрій и сталъ съ удовольствіемъ присматриваться къ могучей фигурѣ атлета, бывшаго гладіатора, своимъ тѣломъ какъ-бы наполнившаго весь покой. Кротонъ уже договорился о цѣнѣ за участіе въ предпріятіи.

— Клянусь Геркулесомъ!—говорилъ онъ Виницію,—какъ хорошо, господинъ, что ты сегодня обратился ко мнѣ: завтра я отправляюсь въ Беневентъ, куда меня пригласилъ благородный Ватиній, предлагая въ присутствіи цезаря побороться съ нѣкіимъ Сифаксомъ, наисильнѣйшимъ негромъ, какого когда-либо присылала Африка.. Ты можешь представить себѣ, господинъ, какъ хруснетъ его хребетъ въ моихъ рукахъ! но, кромѣ того, я кулакомъ сворочу ему его черную пасть.

— Клянусь Поллуксомъ, — отвѣтилъ Виницій, — я увѣренъ, что ты такъ и сдѣлаешь, Кротонъ.

— И преотмѣнно поступишь,—добавилъ Хилонъ. — Да!.. сверхъ того сокруши ему челюсть, — это прекрасная мысль и достойный тебя подвигъ. Я готовъ побиться о закладъ, что ты ему сокрушишь челюсть. А все-таки намажь тѣло масломъ, мой Геркулесъ, и опояшься, такъ какъ знай, что тебѣ, быть можетъ, придется помѣряться съ истиннымъ Какусомъ. Человѣкъ, стерегущій дѣвушку, которая нужна благородному Виницію, какъ говорятъ, обладаетъ исключительною силой.

Хилонъ говорилъ такимъ образомъ только затѣмъ, чтобы затронуть самолюбіе Кротона, но Виницій подтвердилъ:

— Это правда,—я не видѣлъ этого, но мнѣ говорили про него, что онъ можетъ схватить быка и стащить за рога куда угодно.

— Ой!—воскликнулъ Хилонъ, не предполагавшій, что Урсъ такъ силенъ.

Но Кротонъ презрительно усмѣхнулся.

— Я берусь, благородный господинъ,—сказалъ онъ,—захватить вотъ этою рукою, кого ты прикажешь, а вотъ этою другою рукой защитить себя противъ семи такихъ лигійцевъ и принести дѣвушку къ тебѣ въ домъ, хотя-бы всѣ римскіе христіане гнались за мною, какъ калабрійскіе волки. Если я не сдѣлаю этого, пусть меня высѣкутъ на этомъ имплювіи.

— Не позволяй ему дѣлать этого, господинъ!—закричалъ Хилонъ.— Они начнутъ бросать въ насъ камни, а что намъ поможетъ въ такомъ случаѣ вся его сила? Не лучше-ли захватить дѣвушку изъ дому, не подвергая ни ее, ни себя опасности?

— Такъ и надо поступить, Кротонъ,—сказалъ Виницій.

— Твои деньги, твоя и воля! Помни только, господинъ, что завтра я уѣду въ Беневентъ.

— Я имѣю пятьсотъ рабовъ въ одномъ Римѣ,—отвѣтилъ Виницій.

Затѣмъ онъ отпустилъ ихъ движеніемъ руки, а самъ пошелъ въ библіотеку и, присѣвъ къ столу, написалъ Петронію слѣдующія слова:

«Хилонъ отыскалъ Лигію. Сегодня вечеромъ я отправляюсь съ нимъ и съ Кротономъ въ Остраній и похищу ее тотчасъ-же или завтра изъ дому. Да расточатъ боги на тебя всѣ щедроты. Будь здоровъ, carissime,—я отъ радости не въ силахъ написать ничего больше».

Положивши тростникъ, Виницій сталъ быстро прохаживаться по комнатѣ, такъ какъ, несмотря на радость, охватившую его душу, онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія. Онъ говорилъ себѣ, что на слѣдующій день Лигія будетъ уже въ этомъ домѣ Онъ не зналъ, какъ поступитъ съ нею, но чувствовалъ, однако, что, если она захочетъ полюбить его, то онъ станетъ ея рабомъ. Онъ вспоминалъ увѣренія Актеи, что его любили, и умилялся до глубины души. Слѣдовательно, все дѣло сведется лишь къ тому, чтобы преодолѣть какой-то дѣвичій стыдъ и какіе-то обѣты, очевидно налагаемые христіанскимъ вѣроученіемъ. Если это такъ, значитъ, когда Лигія уже проникнетъ въ его домъ и подчинится убѣжденію или насилію, то она принуждена будетъ сказать себѣ: «свершилось!» и затѣмъ сдѣлается послушною и любящею.

Приходъ Хилона прервалъ теченіе этихъ радостныхъ мыслей.

— Мнѣ еще пришло въ голову,—сказалъ грекъ,—что, быть можетъ, христіане установили какіе-нибудь знаки, безъ которыхъ никого не пропустятъ въ Остраній? Я знаю, что такъ дѣлается у нихъ въ молитвенныхъ домахъ; такъ какъ я подобные условные знаки получилъ отъ Эврикія, то позволь мнѣ, господинъ, пойти къ нему, обстоятельно разспросить и запастись этими знаками, если окажется необходимымъ.

— Хорошо, благородный мудрецъ,—весело отвѣтилъ Виницій,—ты говоришь, какъ предусмотрительный человѣкъ и тебя слѣдуетъ похвалить за это. Ступай-же къ Эврикію или куда тебѣ угодно, но оставь на всякій случай на этомъ столѣ полученный тобою кошелекъ.

Хилонъ, всегда неохотно разстававшійся съ деньгами, поморщился; однако, передъ тѣмъ какъ выйти исполнилъ требованіе Виниція. Отъ Каринъ до цирка, возлѣ котораго находилась лавка Эврикія, было не очень далеко, поэтому грекъ вернулся значительно раньше сумерокъ.

— Вотъ знаки, господинъ. Безъ нихъ насъ не впустили-бы. Я тщательно разспросилъ о дорогѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ Эврикію, что знаки мнѣ нужны только для моихъ друзей, а самъ я не пойду, потому что для моихъ старыхъ ногъ это слишкомъ далеко и притомъ-

же я завтра увижу великаго апостола, который повторитъ мнѣ лучшія мѣста своей проповѣди.

— Какъ такъ: самъ не пойдешь? Ты долженъ идти!—сказалъ Виницій.

— Я знаю это, но пойду, хорошо закрывшись капюшономъ. Совѣтую и вамъ поступить такимъ-же образомъ, потому что въ противномъ случаѣ мы можемъ спугнуть птицъ.

Они стали собираться, такъ какъ на улицѣ уже завечерѣло; надѣли галльскіе плащи съ капюшонами, захватили съ собой фонари. Виницій кромѣ того, снабдилъ себя и товарищей короткими, закругленными ножами, а Хилонъ надѣлъ парикъ, купленный имъ по дорогѣ къ Эврикію. Они вышли, спѣша достигнуть отдаленныхъ Нументанскихъ воротъ до закрытія ихъ.

XX.

Они пошли черезъ Vicus Patricius, вдоль Виницнала, къ прежнимъ виницнальскимъ воротамъ, прилегающимъ къ незастроенному участку земли, на которомъ Діоклетіанъ позднѣе соорудилъ великолѣпныя бани. Миновавъ развалины стѣны Сервія Туллія, они дошли по еще болѣе пустынной мѣстности до нументанской дороги. Свернувши затѣмъ налѣво, къ Саларіи, они очутились среди холмовъ, откуда вывозили въ Римъ песокъ: здѣсь-же кое-гдѣ попадались и кладбища. Тѣмъ временемъ совсѣмъ стемнѣло, а мѣсяцъ еще не взошелъ, такъ что имъ было-бы трудно найти дорогу, еслибы сами христіане, какъ предвидѣлъ Хилонъ, не указывали надлежащій путь. Справа, слѣва и впереди виднѣлись темныя фигуры пѣшеходовъ, осторожно пробиравшихся къ песчанымъ оврагамъ. Нѣкоторые изъ нихъ несли фонари, закрывая огни, насколько возможно, плащами; другіе-же, знавшіе дорогу лучше, шли впотьмахъ. Привычные къ темнотѣ солдатскіе глаза Виниція отличали, по движеніямъ, молодыхъ мужчинъ отъ стариковъ, бредущихъ, опираясь на палки,—и отъ женщинъ, старательно закутанныхъ въ длинныя столы. Попадавшіеся изрѣдка прохожіе и крестьяне, выѣзжавшіе изъ города, принимали, повидимому, этихъ ночныхъ путниковъ за работниковъ, возвращающихся въ аренаріи, или за членовъ погребальныхъ братствъ, которые устраивали иногда ночью обрядовыя пиршества. По мѣрѣ того, какъ молодой патрицій и его спутники подвигались впередъ, вокругъ становилось все люднѣе и огни фонарей чаще свѣтились. Нѣкоторые изъ христіанъ вполголоса напѣвали пѣсни, исполненныя, какъ показалось Виницію, скорбнаго чувства. Иногда до слуха его доносились отдѣльныя слова или отрывки пѣсни, въ родѣ, напримѣръ: «Возстань, уснувшій» или «Воскресни изъ мертвыхъ»; иногда-же въ устахъ мужчинъ и женщинъ повторялось имя Христа. Но Виницій почти не обращалъ внима-

нія на слова, такъ какъ его тревожила мысль, что въ одной изъ мелькающихъ мимо темныхъ фигуръ скрывается Лигія. Нѣкоторыя изъ христіанокъ, проходя рядомъ, произносили: «миръ съ вами!» или: «хвала Христу!» Молодого воина охватывало волненіе. Сердце его начинало биться сильнѣе, такъ какъ ему казалось, что онъ слышитъ голосъ Лигіи. Похожія на нее очертанія тѣла и движенія то и дѣло обманывали его въ темнотѣ; онъ пересталъ довѣрять глазамъ, лишь нѣсколько разъ убѣдившись въ своей ошибкѣ.

Ему показалось, что они идутъ очень долго. Виницій хорошо зналъ окрестности Рима, но въ темнотѣ не могъ въ нихъ разобраться. Ежеминутно попадались то какіе-то узкіе проходы, то развалины стѣнъ, то зданія, которыхъ онъ никогда не замѣчалъ подъ городомъ. Наконецъ, край мѣсяца показался надъ заслонившими его громадами тучъ и освѣтилъ мѣстность лучше, чѣмъ мигающіе фонари. Вдали что-то заблестѣло, точно очагъ или пламя факела. Виницій наклонился къ Хилону и спросилъ, Остраній-ли это?

Хилонъ, на котораго ночная темнота, пустынная мѣстность и фигуры женщинъ, похожихъ на вѣдьмъ, повидимому, производили сильное впечатлѣніе, отвѣтилъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ:

— Не знаю, господинъ, я никогда не бывалъ въ Остраніи. Они могли-бы однако прославлять Христа гдѣ-нибудь поближе къ городу.

Чувствуя потребность поговорить и подкрѣпить свое мужество, онъ черезъ нѣсколько времени добавилъ:

— Они собираются, точно разбойники, а между тѣмъ имъ запрещено убивать,—если только тотъ лигіецъ не надулъ меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Виниція, думавшаго о Лигіи, также удивила осторожность и таинственность, къ которымъ прибѣгаютъ ея единовѣрцы для выслушанія проповѣди своего главнаго жреца.

— Среди насъ,—сказалъ онъ,—живутъ представители всѣхъ религій и это исповѣданіе также имѣетъ своихъ сторонниковъ. Но христіане—вѣдь это іудейская секта, почему-же они собираются здѣсь, когда за Тибромъ выстроены храмы, въ которыхъ іудеи среди бѣлаго дня приносятъ жертвы?

— Нѣтъ, господинъ, христіане считаютъ іудеевъ своими заклятыми врагами. Мнѣ разсказывали, что еще до царствованія нынѣшняго цезаря едва не возгорѣлась война между христіанами и іудеями. Цезарю Клавдію такъ надоѣли эти раздоры, что онъ изгналъ всѣхъ іудеевъ. Въ настоящее время, однако, этотъ эдиктъ отмѣненъ. Но христіане скрываются отъ іудеевъ и прочаго населенія, которое, какъ тебѣ извѣстно, приписываетъ имъ злодѣянія и ненавидитъ ихъ.

Они шли нѣкоторое время не разговаривая; затѣмъ Хилонъ, страхъ

котораго усиливался по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ воротъ, произнесъ:

— Возвращаясь отъ Эврикія, я попросилъ на время у одного брадобрѣя парикъ и вложилъ себѣ въ ноздри два зерна бобовъ; они, вѣроятно, не узнаютъ меня, но еслибы и узнали, не убьютъ. Христіане недурные люди! Могу даже сказать, что это весьма почтенные люди; я ихъ люблю и уважаю.

— Не преждевременно-ли ты подкупаешь ихъ похвалами,—отвѣтилъ Виницій.

Они вступили въ узкій оврагъ, какъ-бы огороженный по сторонамъ окопами, надъ которыми въ одномъ мѣстѣ былъ переброшенъ акведукъ. Мѣсяцъ тѣмъ временемъ выплылъ изъ-за тучъ. За оврагомъ выступила изъ мрака стѣна, обильно покрытая серебрившеюся въ лунномъ блескѣ зеленью плюща. Они пришли въ Остраній.

Сердце Виниція трепетно забилось.

У воротъ двое надсмотрщиковъ отбирали знаки. Виницій и его спутники проникли въ довольно обширное мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ стѣною. Кое-гдѣ возвышались отдѣльные надгробные памятники; кладбище собственно помѣщалось въ серединѣ. Нижнее отдѣленіе его, крипта, было расположено подъ землею. У входа въ крипту шумѣлъ фонтанъ. Не трудно было догадаться, что въ подземномъ склепѣ не помѣстится многолюдная толпа; Виницій сообразилъ, что христіане соберутся подъ открытымъ небомъ, на дворѣ, гдѣ уже толпилось множество народа. Дрожащіе огни фонарей, казалось, мигали одинъ возлѣ другого, хотя многіе изъ прибывшихъ вовсе не были снабжены свѣтильниками. За исключеніемъ немногихъ христіанъ, обнажившихъ голову, всѣ остальные, опасаясь измѣны или для защиты отъ холода, не скинули капюшоновъ. Молодой патрицій подумалъ не безъ тревоги, что, если христіане пробудутъ закрытыми до конца, онъ лишится возможности различить Лигію среди столь многолюднаго, тускло освѣщеннаго собранія.

Но вдругъ возлѣ крипты зажгли и сложили въ небольшой костеръ нѣсколько осмоленныхъ факеловъ. Стало свѣтлѣе. Собравшіеся вскорѣ запѣли, сначала тихо, а затѣмъ все громче, какой-то странный гимнъ.

Виницій никогда въ жизни не слыхалъ подобной пѣсни. Скорбное чувство, поразившее его еще на дорогѣ къ кладбищу, когда до него доносились тихіе напѣвы отдѣльныхъ путниковъ, отражалось теперь и въ этомъ гимнѣ, но несравненно сильнѣе и отчетливѣе; скорбь эта все ширилась, какъ-бы охватывая вмѣстѣ съ людьми кладбище, холмы, овраги и окрестности. Невольно казалось, что въ этихъ напѣвахъ звучитъ какой-то призывъ, какая-то мольба о спасеніи, исторгаемая изъ устъ заблудшихъ среди ночи и сумрака. Обращенныя къ небесамъ головы какъ-будто всматривались въ кого-то, высоко витающаго надъ ними,

а руки безмолвно взывали къ нему о помощи. Когда пѣсня стихала, наступала какъ-бы минута ожиданія, производившаго столь сильное впечатлѣніе, что Виницій и его спутники невольно обращали взоры къ звѣздному небу, словно опасаясь, что совершится нѣчто необыкновенное и что незримый защитникъ въ самомъ дѣлѣ снизойдетъ оттуда. Виницій видѣлъ въ Малой Азіи, въ Египтѣ и въ самомъ Римѣ множество всевозможныхъ храмовъ, ознакомился со многими религіями и слышалъ множество пѣсенъ, — здѣсь, однако, онъ впервые увидѣлъ передъ собою людей, взывающихъ къ Богу посредствомъ пѣсней не ради выполненія установленной обрядности, но отъ полноты сердечныхъ чувствъ, изливая столь-же непритворную тоску по Немъ, какую могутъ питать лишь дѣти по отцѣ или матери. Только слѣпой могъ-бы не замѣтить, что эти люди не только почитаютъ своего Бога. но и отъ всей души любятъ Его, а этого Виницій до тѣхъ поръ никогда не видѣлъ ни въ одной землѣ, ни при какихъ обрядахъ, ни въ какомъ храмѣ: въ Римѣ и въ Греціи люди, еще поклонявшіеся богамъ, дѣлали это лишь для того, чтобы пріобрѣсти ихъ помощь или изъ страха; никому не приходило и въ голову, что боговъ можно любить.

Хотя всѣ думы Виниція были устремлены къ Лигіи, а все вниманіе обращено къ высматриванію ея среди толпы, молодой трибунъ не могъ однако не замѣчать всего страннаго и необычайнаго, происходившаго вокругъ него.

На костеръ подбросили еще нѣсколько факеловъ, вспыхнувшихъ багровымъ пламенемъ и затмившихъ огни фонарей. Вслѣдъ затѣмъ тотчасъ-же изъ крипты вышелъ старецъ въ плащѣ съ клобукомъ, отброшеннымъ на плечи, и поднялся на камень, лежавшій около костра.

Увидѣвъ его, толпа заволновалась. Вокругъ Виниція стали шептать: «Петръ! Петръ!..» Нѣкоторые опустились на колѣни, другіе простирали къ нему руки. Водворилась столь невозмутимая тишина, что слышно было паденіе каждаго уголька съ костра, отдаленный стукъ колесъ на нументанской дорогѣ и шумъ вѣтра въ нѣсколькихъ соснахъ, зеленѣвшихъ около кладбища.

Хилонъ наклонился къ Виницію и прошепталъ:

— Это онъ! первый ученикъ Христа, — рыбакъ!

Старецъ поднялъ кверху руку и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ собравшихся; на этотъ разъ всѣ христіане преклонили колѣни, какъ одинъ человѣкъ. Спутники Виниція и онъ самъ, не желая выдать себя, послѣдовали примѣру окружающихъ. Молодой воинъ не успѣлъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Ему показалось, однако, что фигура старца, котораго онъ видѣлъ передъ собою, проста и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайна; больше всего поразило его, что эта необычайность происходитъ именно вслѣдствіе простоты. Старецъ не носилъ на головѣ ни

митры, ни дубоваго вѣнка, не держалъ въ рукахъ пальмы, не имѣлъ ни золотой таблицы на груди, ни бѣлыхъ или усѣянныхъ звѣздами одѣяній, — словомъ, никакихъ внѣшнихъ знаковъ, присущихъ восточнымъ, египетскимъ, греческимъ или римскимъ жрецамъ. И снова Виниція поразило то-же различіе, которое онъ почувствовалъ, прислушиваясь къ христіанской пѣснѣ: этотъ «рыбакъ» представился ему не какимъ-либо первосвященникомъ, наторѣлымъ въ религіозныхъ церемоніяхъ, но простымъ престарѣлымъ и достойнымъ безпредѣльнаго довѣрія свидѣтелемъ, пришедшимъ издалека, чтобы сообщить какую-то истину, которую онъ лицезрѣлъ, съ которою соприкасался, въ которую увѣровалъ, какъ вѣритъ въ дѣйствительность, —и полюбилъ именно потому, что увѣровалъ. Поэтому его лицо дышало могучею убѣдительностью, присущею лишь самой истинѣ. И Виницій, который, будучи отрицателемъ, не хотѣлъ поддаться очарованію, не могъ, однако, не ощутить какого-то лихорадочнаго любопытства: онъ сталъ ждать съ нетерпѣніемъ, что за рѣчи польются изъ устъ этого сотоварища таинственнаго «Христа» — и въ чемъ состоитъ вѣроученіе, которое признаютъ Лигія и Помпонія Грецина.

Тѣмъ временемъ Петръ заговорилъ. Онъ говорилъ сначала, какъ отецъ, обращающійся къ дѣтямъ и поучающій ихъ, какъ они должны жить. Онъ увѣщевалъ ихъ отказаться отъ излишествъ и роскоши, любить бѣдныхъ, чистоту нравовъ, истину, терпѣливо переносить обиды и преслѣдованія, подчиняться начальникамъ и властямъ, избѣгать измѣны, лицемѣрія и клеветы, подавать добрый примѣръ другъ другу и даже язычникамъ. Виницій, считавшій хорошимъ лишь то, что могло вернуть ему Лигію, а дурнымъ—все, что являлось между ними препятствіемъ, былъ обиженъ и разгнѣванъ нѣкоторыми изъ этихъ совѣтовъ, такъ какъ ему показалось, что старецъ, внушая соблюдать цѣломудріе и подавлять страсти, осмѣливается не только хулить этимъ его любовь, но и отвращаетъ отъ него Лигію, заставляя ее еще тверже настаивать на своемъ упорствѣ. Онъ понялъ, что, если она присутствуетъ въ числѣ собравшихся и, слыша эти поученія, воспринимаетъ ихъ своимъ сердцемъ, то въ это мгновеніе не можетъ не думать о немъ, какъ о противникѣ этого ученія и негодномъ человѣкѣ. При мысли объ этомъ, злоба охватила его сердце: «Я не услышалъ ничего новаго, — размышлялъ онъ.—Такъ вотъ каково это невѣдомое ученіе! каждый это знаетъ, каждый слышалъ объ этомъ. Нищету и сокращеніе потребностей хвалятъ и циники, а добродѣтель прославлялъ и Сократъ, считая ее хоть и старой вещью, но хорошей; однако любой стоикъ, даже такой, который, какъ Сенека, имѣетъ пятьсотъ столовъ изъ лимоннаго дерева, восхваляетъ умѣренность, учитъ правдивости, терпѣнію при преодолѣніи препятствій, стойкости въ несчастіи,—и все это представляетъ какъ бы

затхлое зерно, которое ѣдятъ лишь мыши, а люди не считаютъ съѣдобнымъ, потому что оно отъ времени загнило». Помимо гнѣва, онъ ощутилъ какъ бы нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ ожидалъ, что ему откроютъ какія-то невѣдомыя, таинственныя волшебства; онъ, во всякомъ случаѣ, полагалъ, что по меньшей мѣрѣ услышитъ поражающаго своимъ краснорѣчіемъ оратора, — а здѣсь до него доносились поразительно простыя слова, чуждыя всякихъ прикрасъ. Его удивляло лишь глубокое безмолвіе и необычайное вниманіе, съ которымъ слушала проповѣдника толпа. Но старецъ сталъ говорить далѣе, обращаясь къ этимъ заслушавшимся людямъ, что они должны быть добрыми, кроткими, справедливыми, бѣдными и цѣломудренными не для того, чтобы пользоваться при жизни покоемъ, а затѣмъ, чтобы послѣ смерти жить вѣчно во Христѣ въ такомъ веселіи, въ такой славѣ, въ такомъ блескѣ и радости, какихъ никто никогда не достигалъ на землѣ. Виницій, хотя за мгновеніе передъ тѣмъ былъ настроенъ предубѣжденно, не могъ не замѣтить, что существуетъ однако разница между ученіемъ старца и тѣмъ, что говорили циники, стоики или другіе философы. Они совѣтовали людямъ любить добро и добродѣтель, находя ихъ единственно разумными и пригодными для жизни; онъ же обѣщаетъ безсмертіе, и не какое-либо скудное безсмертіе подъ землей, въ тоскѣ, пустотѣ и ничтожествѣ, — его безсмертіе пышно, почти равно блаженству боговъ. Онъ говорилъ притомъ объ этомъ безсмертіи, какъ о чемъ-то безусловно достовѣрномъ,—слѣдовательно, при такой вѣрѣ, добродѣтель пріобрѣтала безграничную цѣнность, а житейскія страданія казались чѣмъ-то поразительно ничтожнымъ, такъ какъ страдать временно ради несказаннаго блаженства совсѣмъ не то, что страдать лишь оттого, что таковъ законъ природы. Но старецъ говорилъ далѣе, что добродѣтель и истину слѣдуетъ любить ради нихъ самихъ, такъ какъ наивысшее предвѣчное благо и предвѣчная добродѣтель — въ Богѣ, и, слѣдовательно, кто любитъ ихъ, тотъ любитъ Бога и такимъ образомъ самъ становится Его излюбленнымъ дѣтищемъ. Виницій не вполнѣ уяснилъ себѣ это, но онъ уже ранѣе узналъ изъ словъ, которыя Помпонія Грецина сказала Петронію, что христіане представляютъ себѣ Бога единымъ и всемогущимъ; услышавъ теперь, сверхъ того, что онъ олицетворяетъ высшее благо и высшую истину, молодой трибунъ невольно подумалъ, что сравнительно съ такимъ Деміургомъ, — Юпитеръ, Сатурнъ, Аполлонъ, Юнона, Веста и Венера показались бы какимъ-то жалкимъ и крикливымъ скопищемъ, въ которомъ всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности бѣсятся, какъ имъ вздумается. Но еще больше поразило Виниція, когда старецъ сталъ поучать, что Богъ есть въ то же время и высшая любовь: слѣдовательно, кто любитъ людей, тотъ исполняетъ самую главную Его заповѣдь. Но недостаточно любить людей лишь изъ своего

народа, такъ какъ Богочеловѣкъ за всѣхъ пролилъ Свою кровь, и среди язычниковъ уже отмѣтилъ такихъ избранниковъ, какъ центуріонъ Корнелій,—и недостаточно любить лишь тѣхъ, которые творятъ намъ добро, такъ какъ Христосъ простилъ и іудеевъ, которые Его приговорили къ смерти, и римскихъ воиновъ, которые Его пригвоздили къ кресту.— Итакъ слѣдуетъ тѣхъ, которые дѣлаютъ намъ зло, не только прощать, но и любить и платить имъ добромъ за зло;—и не достаточно любить добрыхъ, но слѣдуетъ любить и злыхъ, такъ какъ злобу въ нихъ искоренить можетъ лишь любовь. Хилонъ при этихъ словахъ подумалъ, что трудъ его пропалъ напрасно, и что Урсъ ни за что не рѣшится убить Главка,—ни въ эту ночь, ни въ какую-либо другую. Зато онъ порадовался другому выводу, сдѣланному также изъ поученій старца: очевидно, и Главкъ не убьетъ его, хотя бы обнаружилъ и призналъ. Виницій не думалъ уже, что въ словахъ старца нѣтъ ничего новаго. Онъ съ удивленіемъ лишь задалъ себѣ вопросъ: что это за Богъ? что это за ученіе? и что это за люди? Все, что онъ услышалъ, положительно не умѣщалось въ его головѣ. Его поражало совершенно новое, неслыханное имъ представленіе объ основахъ жизни. Онъ чувствовалъ, что если бы, напримѣръ, захотѣлъ послѣдовать этому ученію, то долженъ былъ бы сложить на костеръ свой образъ мыслей, свои привычки, характеръ, всю свою прежнюю натуру,—сжечь все это и развѣять пепелъ, замѣнивъ какою-то совершенно иною жизнью и новою душою. Ученіе, предписывающее ему любить парѳянъ, сирійцевъ, грековъ, египтянъ, галловъ и британцевъ, прощать врагамъ, платить имъ добромъ за зло и любить ихъ, показалось ему безумнымъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ, что въ самомъ безуміи этого ученія есть что-то болѣе мощное, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ философіяхъ. Ему показалось, что это ученіе по своему безумію невыполнимо и, вслѣдствіе своей неосуществимости—божественно. Онъ отринулъ его въ душѣ, но чувствовалъ, что отъ него, какъ отъ лужайки, поросшей нардомъ, распространяется какое-то упоительное благоуханіе, однажды вдохнувъ которое, всякій долженъ, какъ въ странѣ лотофаговъ, позабыть обо всемъ иномъ—и вѣчно тосковать о немъ. Ему представилось, что въ этомъ ученіи нѣтъ ничего общаго съ дѣйствительностью, и въ то же время, что дѣйствительность сравнительно съ нимъ столь ничтожна, что даже не стоитъ мысленно останавливаться надъ ней. Его окружили какія-то невообразимыя бездны, какія-то громады тучъ. Кладбище, на которомъ онъ находился, стало производить на него впечатлѣніе сборища безумцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственнаго и страшнаго мѣста, на которомъ, какъ на какомъ-то мистическомъ ложѣ, рождается нѣчто, чего не было до тѣхъ поръ въ мірѣ. Онъ вспомнилъ обо всемъ, что съ самаго начала проповѣди старецъ говорилъ о жизни, истинѣ, любви, Богѣ,—и какой-то блескъ ослѣ-

пилъ его разумъ, какъ ослѣпляютъ глаза непрерывно смѣняющіяся молніи. Какъ обыкновенно всѣ люди, посвятившіе всю свою жизнь одной страсти, онъ думалъ обо всемъ этомъ, примѣняя къ своей любви — и при отблескѣ этихъ молніеносныхъ истинъ ясно постигъ лишь одно: если Лигія присутствуетъ на кладбищѣ, если она слѣдуетъ этому ученію, слышитъ и воспринимаетъ слова старца, — въ такомъ случаѣ, она никогда не согласится стать его любовницей.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мнимые капиталы, дешевые и серебряные рубли

Талицкій (Шараповъ), Бумажный рубль.—*Тришканъ*, О бѣдствіяхъ повышенія курса бумажныхъ денегъ и о девальваціи.—*Слонимскій*, Денежныя недоумѣнія («Вѣстн. Европы», іюнь 1895 г.).—*Слонимскій*, Финансовыя задачи («Вѣстн. Европы» іюль 1895 г.).

Старый споръ о томъ, какія деньги являются наиболѣе подходящими для Россіи, снова оживился благодаря мѣропріятіямъ, разсчитаннымъ на возможность «водворенія» металлическаго обращенія въ Россіи. Въ разныхъ углахъ масса головъ силится выдумать такія деньги для Россіи, которыя сдѣлали-бы отечество счастливы и долгоденствующимъ. Всѣ эти изобрѣтатели денегъ, подходящихъ для Россіи, даютъ полный просторъ своей фантазіи Каждый изъ нихъ, какъ можетъ, такъ и рекламируетъ свое изобрѣтеніе. Одинъ говоритъ, что предлагаемыя имъ деньги—деньги прочныя, въ водѣ не тонущія и въ огнѣ не горящія. Другой оповѣщаетъ публику, что онъ изобрѣлъ нравственныя деньги. Такъ, г. Шараповъ проситъ читателя остановить свое вниманіе на «той денежной формѣ, которая *по существу своему нравственна* и, какъ таковая не поддается западной игрѣ эгоизмовъ. и западной наукой отвергается». Не правда-ли, эти нравственныя деньги г. Шарапова возбуждаютъ любопытство? Къ сожалѣнію, онъ не всю рекламу проредактировалъ съ равнымъ успѣхомъ. Въ самомъ главномъ мѣстѣ рекламы г. Шараповъ говоритъ слѣдующее: «я прошу читателя взглянуть на изложенные въ этой книгѣ законы творчества мнимыхъ капиталовъ, регуляторъ денежнаго обращенія въ государствѣ, зависимость постоянства денежной единицы отъ обстановки главнаго народнаго труда, образованіе государственныхъ запасныхъ капиталовъ и пр. и пр.». Тутъ уже у васъ невольно возникаетъ опасеніе насчетъ здраваго смысла и твердой памяти автора, но г. Шараповъ, не смущаясь продолжаетъ: «важность этихъ законовъ, независимо отъ ихъ вѣрности и научнаго значенія (!!), лежитъ по моему мнѣнію, еще въ томъ, что они раскрываютъ неизмѣримо да-

лекія перспективы, указывая на второстепенное значеніе экономическаго міра явленій и вознося передъ государствомъ высшія и величайшія цѣли бытія». Вѣрные и полные научнаго значенія законы о нравственныхъ деньгахъ и мнимыхъ капиталахъ, какъ регуляторѣ денежнаго обращенія, открывающіе широкія перспективы въ связи съ высшими цѣлями бытія... Вы подумаете, что г. Шараповъ начитался записокъ сумасшедшаго и желаетъ доказать, что онъ настолько вошелъ во вкусъ оригинала, что можетъ съ большимъ удобствомъ его имитировать. На самомъ-же дѣлѣ оказывается, что г. Шараповъ самымъ серьезнымъ образомъ писалъ «изслѣдованіе». «Настоящее изслѣдованіе,—говоритъ онъ,—представляетъ первую попытку связать славянофильское ученіе съ данными экономической науки и найти реальную опору славянофильскимъ нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ». Теперь, пожалуй, отчасти понятно, почему «изслѣдованіе» г. Шарапова напоминаетъ записки сумасшедшаго. Это «изслѣдованіе» есть опытъ построенія особой славянофильской теоріи денежнаго обращенія. Однако, при самомъ незавидномъ мнѣніи о славянофильскихъ ученіяхъ, трудно допустить мысль о томъ, чтобы лучшіе представители этихъ ученій согласились принять г. Шарапова въ свою среду и включить его «изслѣдованіе» въ число произведеній ихъ школы. Самъ г. Шараповъ, конечно, думаетъ, что онъ является гордостью, а не позоромъ для славянофильской школы и, къ сожалѣнію, нѣтъ никого въ живыхъ изъ славянофиловъ, которые съ негодованіемъ отвергли бы услуги г. Шарапова. Подумайте, какого мнѣнія г. Шараповъ о своихъ заслугахъ предъ славянофильской школой? Онъ признаетъ, что его «изслѣдованіе» представляетъ «первую попытку связать славянофильское ученіе съ данными экономической науки». Это—самозванство и ложь, и притомъ ложь чрезвычайно обидная не только для славянофиловъ, мирно покоящихся въ могилѣ, но и для всякаго, кому дорога правда, на чьей-бы сторонѣ она ни была. Славянофилы прочно и почетно связали свое имя съ данными экономической науки. Г. Шараповъ опоздалъ съ своимъ намѣреніемъ поддержать своими экономическими изслѣдованіями авторитетъ славянофиловъ. Кромѣ того, чрезвычайно загадочнымъ представляется вопросъ о томъ, какъ могъ г. Шараповъ связать славянофильское ученіе съ данными экономической науки, если самъ онъ такой науки не признаетъ и утверждаетъ, что такая наука даже не существуетъ? Г. Шараповъ говоритъ, что онъ съ уваженіемъ могъ-бы произнести имя Родбертуса (онъ слыхалъ такое имя) и Джонъ-Ло, но и Родбертусъ и Джонъ-Ло не создали экономическую науку. Однако, связавъ славянофильское ученіе съ данными несуществующей экономической науки, г. Шараповъ предполагаетъ дать этимъ реальную опору славянофильскимъ нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ. Какую-же онъ могъ дать опору этимъ воззрѣніямъ въ связи съ тѣмъ именно, что не существуетъ? Далѣе,

если г. Шараповъ заявляетъ, что для славянофильскихъ политическихъ и нравственныхъ воззрѣній необходимо подыскать реальную опору, то, значитъ, по его мнѣнію, эти воззрѣнія до сихъ поръ лишены какой-бы то ни было реальной опоры. Думали-ли Хомяковъ и Самаринъ, что у нихъ найдется такой самозванный и чванливый преемникъ? Конечно, г. Шарапова не смущаютъ тѣни этихъ людей, хотя во многомъ заблуждавшихся, но людей рѣдкой силы убѣжденій. На второй страницѣ своей рекламы онъ еще разъ повторяетъ, что его «изслѣдованіе представляетъ слабую попытку пополнить и развить основныя воззрѣнія славянофильства въ той области, до которой оно почти не касалось ранѣе. Это—область экономическая». Но если г. Шараповъ лжетъ, утверждая, что славянофилы почти не касались экономической области вообще, то онъ вдвойнѣ лжетъ, если имѣетъ въ виду частный вопросъ о деньгахъ, подходящихъ для Россіи Ему извѣстно, что покойный Н. Я. Данилевскій не разъ выступалъ въ печати со статьями о русскомъ рублѣ, и мы не станемъ отвергать даже тотъ безспорный фактъ, что при составленіи своего «изслѣдованія» о бумажномъ рублѣ г. Шараповъ усердно пользовался статьями Н. Я. Данилевскаго, хотя въ то же время категорически утверждаемъ, что его изслѣдованіе есть подражаніе Запискамъ сумасшедшаго, а не результатъ изученія воззрѣній Хомякова и Самарина.

Самаринъ и Хомяковъ были люди образованные и, при всей ихъ предубѣжденности противъ запада, не могли доходить до такихъ абсурдныхъ заключеній, будто бы господствующее на западѣ денежное обращеніе есть причина его гніенія. Г. Шараповъ слыхалъ, что славянофилы говорили о гниломъ западѣ, и ему пришла въ голову мысль развить и дополнить славянофильское ученіе, установивъ связь между гніеніемъ запада и «западнымъ» денежнымъ обращеніемъ. Не мудрствуя лукаво, онъ пишетъ: «господствующая на западѣ денежная система выражаетъ непосредственно безсиліе нынѣшней экономической науки. При всемъ относительномъ совершенствѣ денежнаго обращенія на западѣ, при безчисленномъ множествѣ всякихъ организацій, формъ, гарантій, союзовъ и соглашеній, довольно немного углубиться въ сущность западныхъ денежныхъ условій, чтобы увидать въ нихъ неизбѣжный зародышъ того страшнаго разложенія, которое съѣдаетъ западную науку, искусство, религію, философію, право, государственность, словомъ всю западную цивилизацію во всемъ ея объемѣ и проявленіяхъ». Вотъ къ какимъ разлагающимъ послѣдствіямъ привело золотое обращеніе западную Европу. О самой экономической наукѣ, отстаивающей золотое обращеніе, и говорить не стоитъ. «И сейчасъ, какъ и 30 лѣтъ назадъ,—повѣтствуетъ г. Шараповъ, финансовая наука въ лицѣ ея наиболѣе выдающихся представителей на западѣ, стоитъ все на томъ-же золотомъ основаніи. И сейчасъ еще она насквозь матеріалистична, и это ее лишаетъ всякой

глубины и всякой основательности». Будучи лишена всякой основательности, финансовая наука могла быть насквозь матеріалистичной или какой-нибудь другой лишь въ томъ случаѣ, еслибъ она вообще существовала. «Если-же мы попытаемся анализировать происхожденіе и развитіе западной финансовой науки, мы легко убѣдимся, говоритъ г. Шараповъ, что, собственно говоря, эта наука тамъ еще не зарождалась. Для нея не было вовсе почвы. Финансовая наука—законное дитя политической экономіи. А что представляетъ эта наука? Она, начиная съ Адама Смита, своего основателя, продолжая Жаномъ Баптистомъ Сэемъ и Рикардо, и кончая соціалистами, дала цѣлый рядъ школъ и остроумныхъ писателей. Текущія явленія экономической жизни были изучены въ подробностяхъ и подведены подъ извѣстные законы, довольно вѣрно выражающіе внѣшніе признаки явленій». Почувствовавъ, что тутъ рѣчь его склоняется въ пользу существованія экономическихъ наукъ, г. Шараповъ счелъ нужнымъ добавить, что экономической наукой—«на основаніяхъ простой, чисто механической повторяемости, а въ духовномъ отношеніи на основаніи одной идеи *пользы*—было признано, что экономическимъ міромъ явленій управляютъ такіе же слѣпые законы необходимости, какіе управляютъ неодушевленною природой». Безспорно было время, когда многіе экономисты писали въ такомъ духѣ; но это время было и прошло. Господствующее же теперь направленіе въ экономической наукѣ *насквозь проникнуто соціально-этическими началами* и тѣми высшими началами бытія, которыя, повидимому, такъ дороги г. Шарапову. Онъ ставитъ «высшія и вѣчныя цѣли» въ такую зависимость отъ матеріальной обстановки, которая, пожалуй, многими экономистами была-бы отвергнута: «И трудиться, и сберегать, и умствовать—говоритъ г. Шараповъ—возможно лишь во имя иныхъ, вѣчныхъ и высокихъ цѣлей, возносящихся тѣмъ ярче и виднѣе, чѣмъ лучше, понятнѣе и достижимѣе справедливость и спокойствіе временной, матеріальной обстановки человѣка». И ни одинъ изъ экономистовъ никогда не могъ утверждать, какъ то дѣлаетъ г. Шараповъ, будто «основною идеею европейской цивилизаціи въ области экономической является несомнѣнно золотая идея, т. е. идея, что золото—единственныя и истинныя деньги». Намъ уже извѣстны взгляды г. Шарапова на значеніе «золотой идеи» для всей культуры западныхъ народовъ. Теперь намъ остается ближе ознакомиться съ взглядомъ г. Шарапова на роль и значеніе той же золотой идеи для экономической структуры западныхъ государствъ. По мнѣнію г. Шарапова, золотая идея «легла въ основаніе всей банковой и финансовой системы современныхъ государствъ, породила фонды, фондовую биржу и ея спекуляціи опутала государство сѣтью неоплатныхъ долговъ, создала капиталу политическую власть и преобладаніе въ государствахъ, выдвинула къ международному господству финансовыхъ израильскихъ царей». Получается

какая-то особая теорія происхожденія и функціонированія металлическихъ денегъ. Золотое обращеніе будто-бы выдумано банкирами и евреями и установлено ими для своей собственной пользы. Биржа, фонды, спекуляція, финансовые цари—все это продуктъ золотыхъ денегъ. Между тѣмъ всякому извѣстно, что биржа и спекуляція и финансовые цари предпочитаютъ заниматься не золотомъ, а бумагами, бумажными деньгами вообще и русскими въ частности. Представьте себѣ, что этихъ разныхъ бумагъ вовсе не существовало-бы, а царило-бы всюду и вездѣ одно золото. Чѣмъ-бы тогда питались биржа и спекуляція и чѣмъ вскармливались-бы финансовые цари? Г. Шараповъ ближе стоялъ-бы къ истинѣ, если-бы онъ утверждалъ, что *бумажная* идея легла въ основаніе всей банковой и финансовой системы современныхъ государствъ, породила биржу, спекуляці, опутала государство сѣтью неоплатныхъ долговъ и т. д. И если ему такъ захотѣлось разыскать нравственныя деньги, то онъ долженъ былъ-бы признать бумажныя деньги самыми безнравственными. Но лавры Джонъ Ло соблазнили г. Шарапова. «Джонъ Ло, говоритъ онъ, былъ безспорно геніальный человѣкъ и за два съ половиною вѣка до нашей поры создалъ и осуществилъ (!) такую денежную систему, которая для насъ сейчасъ еще является почти недосягаемымъ идеаломъ. Не формулируя научно законовъ денежнаго обращенія, онъ угадалъ ихъ вдохновеніемъ генія и безошибочно понялъ ихъ основаніе въ *нравственномъ началѣ*!»... И замѣтьте, что со времени Джонъ-Ло, выдумавшаго идеальную денежную систему, основанную на нравственномъ началѣ, въ западной экономической литературѣ не было ничего сдѣлано для теоріи денежнаго обращенія. Мало того, самой теоріи денежнаго обращенія вовсе не существуетъ. «Если-бы кто-нибудь, говоритъ г. Шараповъ, вздумалъ попробовать дѣйствительно научнымъ образомъ изложить и освѣтить западныя финансовыя теоріи, онъ убѣдился-бы съ перваго шага, что на западѣ денежной теоріи *вовсе нѣтъ*, а есть теоретическія разсужденія о золотѣ, какъ о деньгахъ, и замѣняющихъ его суррогатахъ». Какъ это вамъ понравится: «дѣйствительно научнымъ образомъ»—въ устахъ человѣка, который только слыхалъ о томъ, что существуютъ экономическія науки и рѣшилъ говорить объ этихъ наукахъ, ихъ содержаніи и т. д. по наитію и требованіямъ здраваго русскаго смысла. Впрочемъ, г. Шараповъ всѣ свои разсужденіи всегда подкрѣпляетъ изрѣченіями въ родѣ «научно говоря», «дѣйствительно научнымъ образомъ» и т. д. И, право, поневолѣ возникаетъ вопросъ о томъ, существуютъ-ли какія-нибудь границы для нахальства самозваннаго представителя славянофильской школы? Повидимому, его здравый русскій смыслъ не знаетъ такихъ границъ. Возвращаясь къ вопросу о томъ, что на западѣ вовсе нѣтъ теоріи денежнаго обращенія, а существуютъ разсужденія о золотѣ какъ деньгахъ и замѣняющихъ его суррогатахъ, онъ объявляетъ, что всѣ

соображенія въ пользу золотого обращенія—«соображенія очень вѣскія, но съ наукой ничего общаго не имѣющія». Никакихъ другихъ доводовъ г. Шараповъ не приводитъ въ доказательство того, что всѣ соображенія, обычно приводимыя въ пользу золотого обращенія, не имѣютъ ничего общаго съ наукой. Очевидно, разъ г. Шараповъ, какъ высшій авторитетъ экономической науки, величественно заявилъ, что «золотая теорія» не имѣетъ ничего общаго съ наукой, то уже всѣ дальнѣйшія доказательства являются излишними. Такъ сказалъ Талицкій-Шараповъ, и этимъ все кончено.

Въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія г. Шараповъ утверждаетъ, что наука шла сначала правильнымъ путемъ, а потомъ «споткнулась». Вопросъ о споткнувшейся наукѣ имѣетъ свое значеніе въ теоріи мнимыхъ капиталовъ и нравственнаго денежнаго обращенія. Опредѣленіе понятія о деньгахъ, какъ единицѣ измѣренія цѣнностей, г. Шараповъ находитъ очень точнымъ и научнымъ. «Деньги—единица измѣренія цѣнностей, какъ метръ измѣритель длины, граммъ—вѣса, литръ—объема, говоритъ онъ. Опредѣленіе очень точное и научное. Между парой сапогъ и четвертью ржи для опредѣленія ихъ взаимной цѣнности необходимо вставить нѣкоторую *условную* и непремѣнно постоянную единицу. Мы говоримъ: пара сапогъ стоитъ 10 р., четверть ржи — 8 р. Единица для сравненія рубль. Совершенно также говоримъ мы: отъ Москвы до Петербурга 600 в., отъ Петербурга до Колпина — 18 в. Единица для сравненія верста. Казалось бы, что роль и значеніе этихъ единицъ приблизительно одинаковы. Единица мѣры цѣнностей должна бы, научно говоря, имѣть столь же отвлеченный характеръ, какъ и всякая другая единица мѣры. Если угодно придать этимъ единицамъ взаимную связь и постоянный характеръ, достаточно пріурочить одну изъ нихъ къ какой нибудь неизмѣнной величинѣ, а остальныя пріурочить къ первой. Метрическая система такъ и сдѣлала. За основаніе взяла земной меридіанъ и одну сорокамилліонную его часть назвала метромъ. Объемъ кубическаго дециметра назвала литромъ и получила точную объемную единицу; вѣсъ кубическаго сантиметра чистой воды при извѣстной температурѣ назвала граммомъ и получила точную вѣсовую единицу. А вотъ на единицѣ цѣнностей наука споткнулась... Понятіе о деньгахъ совершенно отвлеченное было привязано, воплощено въ металлическомъ кружкѣ такого-то вѣса. Такимъ оно осталось и въ наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука». Прежде всего г. Шараповъ самъ докажетъ намъ что онъ лжетъ, будто бы западная наука вовсе не пыталась освободить понятіе о деньгахъ отъ металлическаго кружка. Двумя страницами выше (8 с.) онъ говоритъ: «идеальная наилучшая форма денегъ—абсолютный знакъ, единица мѣры отвлеченная, какъ метръ, аршинъ, ведро. *Это уже высказано, теоретически обосновано* и можно считать

безспорнымъ». Другой вопросъ—можно-ли это считать безспорнымъ, но важно, что это уже было высказано и что даже теоретически обоснована идея освобожденія денегъ отъ металлическаго кружка. Мало того, на стр. 20-й г. Шараповъ говоритъ: «наше первое положеніе, т. е., что денежная единица должна представлять нѣкоторую постоянную, совершенно отвлеченную мѣру цѣнностей, доказывать теоретически едва-ли нужно. *Западная наука* и нѣкоторые изъ выдающихся ея представителей у насъ, какъ напр. Н. Х. Бунге, не отвергаютъ, что эта форма денегъ теоретически наилучшая, но она, по мнѣнію правовѣрныхъ финансистовъ, неосуществима». Дѣйствительно западная наука и нѣкоторые изъ выдающихся ея представителей давно уже были заняты вопросомъ объ «идеально» устойчивомъ денежномъ обращеніи и абсолютныхъ деньгахъ. Объ этомъ мечталъ вдохновляющій г. Шарапова Джонъ-Ло. Джемсъ Стюартъ и Глочестеръ Вильсонъ настоятельно доказывали, что для денегъ, какъ единицы соизмѣренія цѣнностей. внутренняя ихъ цѣнность не представляется необходимой. Внутреннюю цѣнность денегъ они признавали даже вредной для правильнаго денежнаго обращенія. Они раньше г. Шарапова, говорили, что всѣ мѣры представляютъ чисто абстрактныя величины и что такой же обстрактный фунтъ. франкъ и т. д. должны служить масштабомъ для измѣренія цѣнностей. Мѣсто золота и серебра по ихъ мнѣнію, должна была занять абстрактная единица, лишенная всякой внутренней цѣнности. Всѣмъ знакомымъ съ сочиненіями Рикардо извѣстно, какъ горячо онъ оспаривалъ эту идею объ абстрактныхъ деньгахъ и «идеально» устойчивомъ обращеніи. Но въ данное время возбужденіе этого спора равносильно возобновленію дебатовъ о томъ. движется-ли земля около солнца или солнце около земли. Тѣмъ не менѣе мы все-таки будемъ продолжать изученіе плановъ г. Шарапова.

По мнѣнію этого высоко-авторитетнаго экономиста, первымъ шагомъ «на пути созданія истинной финансовой науки» должно быть «отрѣшеніе отъ того взгляда, по которому драгоцѣнные металлы отождествляются съ деньгами. Какъ только этотъ шагъ сдѣланъ и, хотя бы только въ нашемъ представленіи, явились деньги, лишенныя всякаго вещнаго, товарнаго значенія, деньги—знаки, деньги—измѣритель и орудіе расчета и учета, деньги, наконецъ—представитель не реальной цѣнности, а нѣкоторой идеи, мы уже будемъ въ состояніи тотчасъ же приступить къ изученію работы этихъ знаковъ и ихъ роли въ народной и государственной экономіи. Это, повторяемъ, единственно научный путь». Г. Шараповъ, вы, слава и гордость Россіи. Вы открыли единственный научный путь для развитія финансовой науки и сдѣлали по этому пути первый шагъ! Васъ ждетъ безсмертіе и мѣсто среди «безсмертныхъ» хотя бы въ академіи наукъ «единовѣрнаго» абиссинскаго народа. Вѣдь по смѣлости вы превосходите вольнаго казака Ашинова. Вашъ первый шагъ

«на пути созданія истинной финансовой науки» есть объявленіе войны безъ всякой шашки, съ однѣми голыми руками, противъ здраваго смысла всѣхъ странъ, народовъ и вѣковъ. Вы сами въ томъ убѣдитесь, если прочитаете слѣдующее мѣсто вашего «изслѣдованія»: «въ математикѣ не остановились передъ такой логической безсмыслицей, какъ мнимая величина. Ввели ее, предположили, допустили и построили великую науку. Въ финансахъ этого не сдѣлали и потому никакой финансовой науки не получилось». Г. Шараповъ не остановился, допустилъ логическую безсмыслицу и она превратилась въ прочный фундаментъ для будущаго зданія истинной финансовой науки. Эта безсмыслица и есть допущеніе абстрактнаго денежнаго знака—мнимой величины, а изъ совокупности этихъ мнимыхъ величинъ слагается серія безсмыслицъ въ видѣ теоріи мнимыхъ капиталовъ.

Въ примѣненіи къ Россіи эта основанная на безсмыслицѣ теорія денежнаго обращенія сводится г. Шараповымъ къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) «Мѣновою, денежною единицею въ Россіи есть и долженъ быть рубль, представляющій собою нѣкоторую постоянную, совершенно отвлеченную цѣнность. 2) Эта единица на практикѣ изображается бумажнымъ знакомъ, выпускъ и истребленіе коего принадлежитъ государственной власти. 3) Золото естъ товаръ такой же, какъ и всѣ остальные металлы, но, въ виду того, что этотъ товаръ системою сосѣднихъ государствъ принятъ за монетную, денежную единицу, намъ въ нашей международной торговлѣ и сдѣланныхъ ранѣе государственныхъ долгахъ, счеты приходится вести на него. 4) Бумажный рубль, не зависящій отъ золота и выпускаемый по мѣрѣ необходимости, позволяетъ, при правильной организаціи кредитныхъ учрежденій, оживлять и оплодотворять народный трудъ и его производительность какъ-разъ до предѣла, до котораго въ данное время достигаетъ трудолюбіе народа, его предпріимчивость и техническія познанія. Онъ является *мнимымъ капиталомъ* и дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ и капиталъ реальный. 5) Существуетъ весьма простой регуляторъ, указывающій, во всякую минуту, центральному кредитному учрежденію, много или мало денегъ въ странѣ, и позволяющій, съ величайшею точностью, сжимать и расширять наличное количество знаковъ. 6) При системѣ финансовъ, основанной на абсолютныхъ деньгахъ, находящихся вполнѣ въ распоряженіи центральнаго *государственнаго* учрежденія, господство биржи въ странѣ становится совершенно невозможнымъ, и безвозвратно гибнетъ всякая спекуляція и ростовщичество. 7) Мѣсто хищныхъ биржевыхъ инстинктовъ заступаетъ государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ посредникомъ между трудомъ, знаніемъ и капиталомъ. 8) При бумажныхъ абсолютныхъ деньгахъ является возможность истиннаго государственнаго творчества и образованія всенародныхъ, мірскихъ или государственныхъ запасныхъ капиталовъ. 9) При бумажныхъ абсолютныхъ деньгахъ роль частнаго капитала измѣняется въ смыслѣ отнятія у него захватываемой имъ въ государствахъ биржево-золотыхъ *власти.* 10) При государственномъ творчествѣ и запасахъ является совершенно иной взглядъ какъ на налоги, такъ и на систему таможенную. Наконецъ: 11) Осуществленіе въ полномъ видѣ системы финансовъ, основанной на абсолютныхъ знакахъ, измѣнитъ самый характеръ современнаго русскаго государственнаго строя, совершенно освободивъ

отъ постороннихъ вліяній, усиливъ его нравственную сторону бытія и давъ возможность проведенія свободной христіанской политики».

Выставивъ рядъ такихъ положеній, г. Шараповъ, при всей его храбрости, пришелъ въ смущеніе. «*Если-бы намъ удалось* доказать эти положенія, говоритъ онъ, и обратить ихъ въ законы,—ихъ, надѣемся, было-бы достаточно, чтобы предлагаемой теоріи придать истинно научный характеръ». Къ сожалѣнію, это основательное сомнѣніе не остановило г. Шарапова, и отъ нерѣшительнаго тона онъ сразу перешелъ къ своей воинственной самоувѣренности. Онъ напередъ заявляетъ, что выставленныя положенія будутъ имъ доказаны исторически и логически. Г. Шараповъ не скрываетъ, что онъ взялъ на себя исполненіе непосильной задачи, а потому и признаетъ за собою право, по своему усмотрѣнію, упростить и облегчить ее. Но тутъ его усмотрѣніе перешло въ явный произволъ. Онъ упростилъ свою задачу, предложивъ признать, что мы уже практически почти перешли «къ прекрасной денежной системѣ». Искать для Россіи отвлеченный нравственный денежный знакъ нѣтъ надобности. «Мы уже имѣемъ, говоритъ г. Шараповъ, въ бумажномъ рублѣ цѣновую единицу, совершенно отдѣлившуюся отъ металлической своей валюты и ставшую абсолютными деньгами. Мы сжились съ ними и намъ остается лишь ихъ открыто признать и провозгласить». Какъ хотите, а это весьма плохая рекомендація для рубля, и чѣмъ сильнѣе г. Шараповъ желаетъ доказать, что рубли—абсолютныя деньги, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе онъ мараетъ ихъ репутацію. «Неужели-же можно серьезно сказать, говоритъ онъ, что нашъ бумажный рубль соотвѣтствуетъ такому-то количеству золота или серебра, если 30 или 40 лѣтъ подрядъ за этотъ рубль даютъ не то количество металла, которое на немъ прописано, а то, которое устанавливаетъ на каждый курсовый день биржа?» Говорятъ, что рубль ходитъ потому, что всѣ надѣются на исполненіе обѣщанія обмѣнять его на монету. «Но какъ-же надѣяться на это обѣщаніе, если 30 или 40 лѣтъ подрядъ казна не платитъ по этимъ мнимымъ своимъ векселямъ, и, увѣрены, никогда платить не будетъ?» Вотъ почему наши рубли являются абсолютными деньгами, эманципированными отъ металлическихъ кружковъ. Если-бы русскій рубль былъ такъ аттестованъ въ какой-либо иностранной газетѣ, то г. Шараповъ первый возмутился-бы такой «ложью» и клеветой по адресу той денежной единицы, которая циркулируетъ среди перваго славянскаго народа... Если-же самому г. Шарапову понадобилось для какой-либо цѣли выдать не совсѣмъ чистый аттестатъ русскому рублю, то это, вѣроятно, имѣетъ свое оправданіе въ «высшихъ соображеніяхъ». Однако, было-бы желательно знать, на что-же опирается рубль, чѣмъ опредѣляется его цѣнность, если кредитоспособность страны не даетъ ему никакой опоры и не обезпечиваетъ ему никакой уплаты металломъ? Вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ свой интересъ въ виду того,

что г. Шараповъ на обложкѣ своей книги пообѣщалъ изложить «научные законы бумажно-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ». До сихъ поръ о такихъ *научныхъ* законахъ никто не говорилъ и съ тѣмъ большимъ вниманіемъ нужно прослѣдить за *научными* законами, открытыми г. Шараповымъ. «Выпускъ или уничтоженіе бумажныхъ денегъ, говоритъ онъ, производимые искусственно, а не по законамъ денежнаго обращенія, могутъ совершенно измѣнить расположеніе производительныхъ силъ страны. По западному взгляду, въ такой странѣ жить нельзя, какъ нельзя жить въ странѣ, гдѣ не обезпечена жизнь, честь, собственность. А мы живемъ». И тутъ г. Шараповъ входитъ въ такія детальныя размышленія, съ которыми мы предлагаемъ читателю познакомиться по слѣдующей выпискѣ изъ его «изслѣдованія».

«Верховная власть безъ всякаго протеста и противодѣйствія, безъ всякаго парламентскаго вотума *вправѣ* завтра же выпустить или сжечь сколько угодно знаковъ, мало того, вправѣ объявить самую печальную войну, заключить самый невыгодный для Россіи трактатъ... Но то, что она *вправѣ*, еще не значитъ, что она *сдѣлаетъ*, а если случайно и *сдѣлаетъ*, то не иначе, какъ по недоразумѣнію, съ самымъ искреннимъ желаніемъ добра странѣ, или поддавшись ловко проведенному обману, предупреждать и охранять Государя отъ котораго есть первый и священнѣйшій долгъ вѣрноподданнаго. Россія добивается только одного: полной и настоящей свободы для своей единоличной верховной власти, твердо вѣруя, что эта власть абсолютно нравственна и доброжелательна, и что всѣ экономическія бѣдствія и неурядицы проистекаютъ отъ недоразумѣній или злоупотребленій исполнителей царской воли, умѣвшихъ такъ или иначе уйти отъ контроля и вызвать верховную власть на не свободное рѣшеніе. Пояснимъ только на примѣрѣ выпуска денежныхъ знаковъ. Огромность и разносторонность государственной работы въ такой колоссальной странѣ, какъ Россія, таковы, что русскому Государю нѣтъ ни малѣйшей возможности быть спеціалистомъ ни въ какой области государственнаго управленія. Его спеціальность—видѣть передъ собою безпрерывно общую картину Россіи въ самыхъ магистральныхъ ея линіяхъ, смотрѣть на русскую жизнь съ самой возвышенной точки зрѣнія. Детали если ему и доступны, то не иначе, какъ въ видѣ частныхъ примѣровъ, объясняющихъ направленіе магистралей. Отъ самодержавнаго Государя поэтому мы можемъ ожидать личной иниціативы лишь постольку, поскольку то касается обзора цѣлой Россіи, напр. въ дѣлахъ политическихъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ ему достаточно дать свое свободное и окончательное рѣшеніе по выслушаніи по меньшей мѣрѣ двухъ противоположныхъ мнѣній, подготовляющихъ и освѣщающихъ для него тотъ или другой вопросъ. Министръ Финансовъ находитъ, что для потребностей промышленности и торговли наличнаго количества денежныхъ знаковъ мало, и необходимъ ихъ новый выпускъ. На Западѣ ничего не стоитъ подготовить въ желательномъ смыслѣ парламентское голосованіе, а потому тамъ спѣшатъ оградить страну отъ самой возможности выпуска, вырывая у правительства Національный банкъ—экономическое сердце страны, создавая послѣднему независимое положеніе и обусловливая золотое обезпеченіе для банковыхъ билетовъ. Въ Россіи, наоборотъ, всѣ убѣждены, что Государь никогда не подпишетъ указа о новомъ выпускѣ денегъ, пока не будетъ совершенно убѣжденъ въ цѣлесообразности этой мѣры, и всѣ жаждутъ только того, чтобы Государю была полная возможность

не *довѣриться* лишь той или другой личности, но дѣйствительно *убѣдиться*, свѣривъ доводы за и противъ мѣропріятія. Таковъ русскій народный идеалъ, столь глубоко вкоренившійся въ русскихъ умахъ и сердцахъ, что Россія безропотно переживаетъ тяжелую и долгую полосу финансовой политики, явно нарушающей этотъ идеалъ, въ надеждѣ, что рано или поздно установится у насъ настоящая, ясная и всѣмъ понятная финансовая система, при которой Государь, подписывая тотъ или другой указъ, не будетъ болѣть сердцемъ отъ неувѣренности и сомнѣній, правъ или не правъ его министръ, авторъ даннаго мѣропріятія».

Но г. Шараповъ забываетъ, что домъ нельзя построить на гигіеническомъ началѣ, хотя его должно строить такъ, чтобы онъ не противорѣчилъ требованіямъ гигіены. Денежную систему построить на нравственномъ началѣ невозможно, но ее должно организовать такъ, чтобы она не противорѣчила соціально-этическимъ принципамъ. Во всякой власти можно усматривать извѣстную нравственную подкладку, но въ области денежнаго обращенія власть выступаетъ, какъ юридическая сила. Въ прерогативы неограниченной верховной власти монарха или парламента не входитъ и не можетъ входить сообщеніе внутренней цѣнности бумажнымъ деньгамъ, таковой цѣнности не имѣющимъ. Неограниченный монархъ точно также, какъ и парламентъ, вольны надъ жизнью и смертью подданныхъ государства, но ихъ юридическая власть не можетъ превращаться въ чудотворную силу. Г. Шараповъ заклятый врагъ какой-бы то ни было послѣдовательности, но въ данномъ случаѣ онъ почему-то довольно послѣдовательно провелъ свое нравственное начало внутренней цѣнности кредитнаго рубля. Эта послѣдовательность привела его къ слѣдующему окончательному выводу: «нравственное начало дѣйствуетъ въ томъ направленіи, что всѣ несовершенства существующей денежной системы сводитъ къ простымъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ». Какъ вамъ кажется, вѣдь это широкій просторъ для всякихъ несовершенствъ въ денежной системѣ, разъ какія-бы то ни было несовершенства должны быть признаваемы только простыми ошибками и недоразумѣніями безъ послѣдствій юридическаго характера...

Однако, какими-бы несовершенствами ни отличалась система абсолютныхъ денегъ въ формѣ бумажныхъ знаковъ, но эти бумажные знаки, по мнѣнію г. Шарапова, награждены «прочной творческой способностью». На этой способности бумажныхъ рублей построено дальнѣйшее превращеніе теоріи абсолютныхъ денегъ въ теорію «мнимыхъ капиталовъ». Г. Шараповъ, сознавая, что теорія мнимыхъ капиталовъ можетъ опираться только на новую и еще большую логическую безсмыслицу, чѣмъ та, на которую опирается теорія абсолютныхъ денегъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ самымъ нагляднымъ способамъ ея выясненія. Онъ беретъ примѣръ постройки сибирской дороги при помощи новыхъ выпусковъ кредитныхъ рублей. Представимъ себѣ, что государство выпустило 50 мил. р. на постройку сибирской до-

роги. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію г. Шарапова, «государство сдѣлало слѣдующее: оно выдало впередъ ассигновку на трудъ. Этотъ трудъ совершился, дорога создалась, *такъ сказать изъ ничего* (такъ какъ безъ этой ассигновки трудъ этотъ не былъ-бы совершенъ и пропалъ-бы даромъ), ассигновка обратилась въ нѣчто реальное, въ недвижимость, изображаемую новою желѣзною дорогой, а главное, въ новый рядъ непрерывно идущихъ сдѣлокъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ государство получило ее даромъ, такъ какъ выпущенные знаки брать назадъ не приходится. Это ужъ не тѣ фиктивные знаки, которые были выпущены, это уже оплодотворенныя народнымъ трудомъ, совершенно реальныя *деньги*, орудіе извѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, которыхъ-бы безъ этой новой дороги не было. Это и есть въ своемъ первоначальномъ видѣ *теорія мнимаго капитала*, совершенно замѣняющаго капиталъ реальный, заключающійся въ выраженныхъ золотомъ, или иными цѣнностями сбереженіяхъ».

Обратите вниманіе на то, что даже въ своемъ первоначальномъ видѣ теорія мнимыхъ капиталовъ при практическомъ ея примѣненіи разрѣшаетъ вопросъ о всѣхъ государственныхъ и общественныхъ нуждахъ. Остается печатать бумажки—абсолютныя деньги и на нихъ строить дороги, университеты, школы, музеи и т. д. «Такъ сказать, изъ ничего» выростутъ и школы, и дороги, и университеты; истощенныя родныя нивы будутъ орошены и оживлены и все насчетъ бумажекъ и «такъ сказать, изъ ничего». О, г. Шараповъ, вы славный сынъ великаго отечества, и благодарная родина увѣковѣчитъ ваше имя еще при вашей жизни. Но, что значатъ оффиціальные монументы предъ ста милліонами облагодѣтельствованныхъ вами Ивановъ Сидоровыхъ. Виноватъ, я нѣсколько поторопился и долженъ объяснить, что ликующіе Иваны Сидоровы являются продуктомъ примѣненія той-же теоріи мнимыхъ капиталовъ, но уже не въ первоначальномъ, а въ настоящемъ ея видѣ. Представьте себѣ, что въ деревнѣ сидитъ Иванъ Сидоровъ. Принялся-бы онъ за какое-нибудь дѣло, напр., построилъ-бы кирпичный заводикъ, да денегъ нѣтъ и работы нѣтъ. Случайно, поденщиной зашибетъ Иванъ копѣекъ 30—40 и, конечно, употребитъ ихъ на услажденіе души, изстрадавшейся отъ всякаго горя и нужды. Представьте-же себѣ, что «какимъ-нибудь чудомъ этотъ Иванъ Сидоровъ получитъ 300 новорожденныхъ бумажекъ на 1 лѣтъ изъ пяти процентовъ». Онъ построилъ кирпичный заводъ, сталъ работать и разбогатѣлъ. И вотъ всѣ Иваны Сидоровы, десятки милліоновъ Ивановъ Сидоровыхъ пошли брать «новорожденныя» бумажки, завели на нихъ дѣла и «такъ сказать, изъ ничего» разбогатѣли. А кто всему причиной? все тотъ-же Сергѣй Шараповъ, открывшій «научные законы денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ». Не думая оспаривать великія заслуги изобрѣтателя—Шарапова, считаемъ не лиш-

нимъ напомнить, что уже давно бродила мысль о томъ, почему-бы не снабдить каждаго русскаго обывателя доброй пачкой кредитокъ?..

Всѣ планы г. Шарапова, видимо, и направлены къ осуществленію этой простой идеи. Но по какому курсу будутъ ходить рубли, обращающіеся у каждаго обывателя и въ карманѣ и въ подвалѣ? Вы скажете, что они ничего не будутъ стоить и что за нихъ никто ничего не дастъ. Пусть будетъ такъ, но вѣдь и дорогіе бумажные рубли тоже не сулятъ особаго счастья. По крайней мѣрѣ, г. Тришканъ въ небольшой брошюркѣ поставилъ себѣ цѣлью доказывать, что «повышеніе курса вызываетъ общенародныя бѣдствія также, какъ и паденіе его, что оно обременяетъ государство и отдѣльныхъ лицъ непосильными долгами, разстраиваетъ всѣ денежныя отношенія, губитъ промышленность, уменьшаетъ капиталы и, въ суммѣ, мчитъ къ разоренію и экономической кабалѣ 75 милліонное крестьянское населеніе, стремясь развѣять по вѣтру едва созрѣвающіе плоды русской реформы». Повышеніе курса пропорціонально увеличиваетъ сумму всѣхъ государственныхъ и частныхъ долговъ, сдѣланныхъ на кредитные рубли Какія послѣдствія возникли-бы въ томъ случаѣ, если-бы бумажный рубль *вдругъ* сталъ ровенъ рублю золотому? «Если принять во вниманіе, говоритъ г. Тришканъ, что только различныхъ видовъ долгосрочнаго кредита на рубли, по долгамъ государственнымъ (около 4 милліардовъ рублей), крестьянъ и помѣщиковъ (1,2 милліарда), городовъ (0,6 милліарда), желѣзныхъ дорогъ, обществъ, по вкладамъ въ банки и проч. у насъ не менѣе 6 милліардовъ рублей, что по курсу дня представляетъ 16 милліардовъ франковъ,—то возстановленіе валюты увеличило-бы эти долги до 24 милліардовъ франковъ, обогативъ такимъ образомъ однѣ части общества на счетъ другихъ. Распространяться послѣ этого о неисчислимыхъ краткосрочныхъ долгахъ, надѣемся, лишне». Какъ видите, г. Тришканъ не обнаруживаетъ особой привычки къ перу, но какъ можетъ, такъ и подходитъ къ сути дѣла. Онъ, безспорно, правъ въ томъ, что быстрое уравненіе бумажнаго рубля съ золотымъ сопровождалось-бы неблагопріятными послѣдствіями въ сферѣ распредѣленія. Владѣльцами бумагъ по указаннымъ долгамъ, какъ и по всякимъ другимъ, являются богатые классы населенія. *Быстрое* уравненіе кредитнаго рубля съ золотымъ увеличило-бы ихъ состояніе и ихъ доходы на всю разницу между биржевой и номинальной цѣной рубля, что, въ концѣ-концовъ, пришлось-бы оплатить тѣмъ классамъ населенія, которымъ присвоено названіе «производительныхъ». Вотъ эта посылка о быстромъ уравненіи курса красной нитью проходитъ чрезъ всѣ разсужденія г. Тришкана, хотя онъ того не замѣчаетъ и признаетъ свои выводы безспорными при всякомъ уравненіи кредитнаго рубля съ золотымъ, въ силу какихъ-бы обстоятельствъ это уравненіе ни послѣдовало.

На самомъ-же дѣлѣ въ любой странѣ установленіе паритета для бумажныхъ денегъ, обращающихся весьма продолжительное время и по весьма низкому курсу, можетъ быть достигнуто только въ теченіе весьма долгаго времени. Въ теченіе длиннаго промежутка времени, необходимаго для того, чтобы кредитныя деньги нормальнымъ порядкомъ достигли паритета, можетъ произойти зачетъ и наслоеніе тысячи разныхъ условій, въ силу которыхъ установившійся паритетъ будетъ служить нагляднымъ доказательствомъ роста благосостоянія въ массахъ производительныхъ классовъ населенія. Безъ этого послѣдняго условія все равно паритетъ не будетъ ни нормальнымъ, ни продолжительнымъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени образуется разница между дѣйствительной и номинальной цѣной бумажныхъ денегъ. Этими замѣчаніями мы, однако, отнюдь не думаемъ подрывать значенія небольшой брошюрки г. Тришкана. Она является и своевременной и полезной, такъ какъ у насъ многіе считаютъ быстрое уравненіе бумажнаго рубля съ золотомъ не только крайне желательнымъ, но и вполнѣ возможнымъ. Г. Тришканъ, не отрицая гибельныхъ послѣдствій пониженія курса, желаетъ лишь обратить вниманіе на то, что и повышеніе курса сопровождается не менѣе гибельными послѣдствіями. И тутъ онъ вдвойнѣ правъ, такъ какъ у насъ вниманіе односторонне сосредоточивается лишь на одномъ паденіи курса. Въ силу односторонне сосредоточеннаго вниманія на одномъ паденіи курса, установился такой выводъ, что разъ паденіе курса пагубно, то повышеніе его всегда благотворно. Отсюда уже одинъ шагъ до того заключенія, что искуственное давленіе на курсъ рубля въ интересахъ его повышенія весьма желательно и полезно. На самомъ-же дѣлѣ повышеніе курса, прочно не опирающееся на такое-же болѣе или менѣе установившееся благосостояніе, а являющееся продуктомъ случая, т. е. урожая, смѣняется пониженіемъ, и въ результатѣ получается именно то колебаніе курса, которое при бумажныхъ деньгахъ разстраиваетъ всѣ расчеты и затрудняетъ веденіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Кромѣ того, повышеніе курса, быстро дающее о себѣ знать въ оборотахъ по внѣшней торговлѣ, не скоро отражается на «мѣстныхъ» цѣнахъ. Дѣло сводится къ тому, что у производительныхъ классовъ берутъ продукты для вывоза по возвысившемуся курсу, т. е. за каждый рубль даютъ меньше продуктовъ, а имъ отпускаютъ продукты по «мѣстнымъ цѣнамъ», основаннымъ на прежнемъ болѣе низкомъ курсѣ, т. е. за каждый рубль даютъ меньше продуктовъ. Въ результатѣ, у насъ повышеніе курса чаще всего подрываетъ покупательную способность низшихъ и среднихъ классовъ населенія. Вотъ почему такъ часто въ деревнѣ слышатся жалобы на то, что «урожай плохо—и неурожай плохо». Относительно бумажно-денежнаго обращенія та-же поговорка указываетъ на ту-же дилемму, что и паденіе курса — плохо и повышеніе курса — не лучше. Повидимому, г. Тришканъ полагаетъ, что

эта дилемма должна быть разрѣшена такъ, чтобы рубль застылъ на одномъ курсѣ и былъ застрахованъ отъ колебаній, какъ въ сторону повышенія, такъ и въ сторону пониженія; но вообще рублей должно быть не мало и они должны быть недорогими. Дешевый рубль и много-премного рублей являются идеаломъ и г. Шарапова, но въ средствахъ достиженія одной и той-же цѣли г. Тришканъ расходится съ г. Шараповымъ. Г. Тришканъ полагаетъ, что необходимо прибѣгнуть къ девальваціи, которая «является однимъ изъ величайшихъ актовъ государственной мудрости и справедливости». Къ сожалѣнію этими словами и заканчивается брошюра г Тришкана, который неожиданно для читателя прощается съ нимъ, заявивъ, что «продолженіе слѣдуетъ». Какую девальвацію имѣетъ въ виду г. Тришканъ? Она должна быть не обычной и весьма оригинальной, разъ онъ надѣется при ея помощи устранить колебаніе курса. Обычная и всѣмъ извѣстная девальвація не гарантируетъ постоянства курса. Однимъ изъ возраженій противъ девальваціи именно является указаніе на то, что она, будучи произведена сегодня, окажется вновь необходимой завтра, такъ какъ и послѣ девальваціи всегда можетъ возникнуть разница между номинальной и курсовой цѣной бумажныхъ денегъ. Значитъ, все-таки приходится съ завистью посматривать на металлъ. Неужели Россія при данномъ ея положеніи такъ и должна быть привязана разъ на всегда къ бумажнымъ деньгамъ? Въ «Вѣстникѣ Европы» напечатано цѣлыхъ двѣ статьи въ доказательство того, что въ Россіи и теперь мыслимо металлическое обращеніе, хотя не золотое, а *серебряное*... Серебро прочнѣе бумаги *) и теперь такъ дешево, что вполнѣ подходитъ для небогатой Россіи. Правда, когда-то и мѣдь была подходящей для металлическаго обращенія... Но перейдемъ къ разсмотрѣнію плановъ о «водвореніи» металлическаго серебрянаго обращенія въ Россіи.

Г. Слонимскій полагаетъ, что въ такой бѣдной странѣ, какъ Россія, золотое обращеніе немыслимо. Онъ вполнѣ солидаренъ съ г. Шараповымъ во взглядахъ на «золотую идею», т. е. золотой рубль. Онъ признаетъ золотой рубль бичомъ нашего общественнаго и государственнаго хозяйства. «Неизвѣстно откуда и на какомъ основаніи, говоритъ г. Слонимскій, выступилъ на сцену несуществующій на дѣлѣ золотой рубль, который и явился бичомъ нашего денежнаго обращенія и нашихъ государственныхъ финансовъ»... Нѣсколько странная метаморфоза. «*Несуществующій* на дѣлѣ» золотой рубль превратился въ весьма чувствительный бичъ... «Неизвѣстно откуда и на какомъ основаніи выступилъ несуществующій на дѣлѣ золотой рубль»... Несуществующій на дѣлѣ рубль, конечно, выступить не могъ и вы не думайте, что г. Сло-

---

*) При серебряномъ обращеніи «народъ имѣлъ-бы, говоритъ г. Слонимскій, настоящія деньги, которыя не рвутся, не сгораютъ, не портятся отъ сырости».

нимскому на самомъ дѣлѣ неизвѣстно, откуда и на какомъ основаніи выступилъ золотой рубль. Онъ это прекрасно знаетъ и намъ сейчасъ-же разскажетъ, какъ «законная монетная единица (серебряный рубль) была забыта и уступила первенствующую роль золоту». «Объясняется этотъ поразительный фактъ, говоритъ г. Слонимскій, преобладаніемъ болѣе дорогого металла въ международныхъ платежахъ по нашимъ долговымъ обязательствамъ. Такъ какъ внѣшніе займы заключались на металлическую и преимущественно золотую валюту, то тяжесть уплаты процентовъ звонкою монетою увеличивалась для казны по мѣрѣ паденія цѣны кредитныхъ билетовъ именно сравнительно съ золотомъ, а не съ серебромъ. Казна получала свои доходы бумажными рублями, а должна была платить иностраннымъ кредиторамъ золотомъ по курсу; поэтому правительство было заинтересовано въ поддержаніи и улучшеніи курса по отношенію къ золоту и могло совершенно не заботиться о серебрѣ». Вотъ видите, какъ просто и ясно, хотя и не совсѣмъ вѣрно, г. Слонимскій объясняетъ, откуда и на какомъ основаніи выступилъ несуществующій на дѣлѣ золотой рубль. Но это первое объясненіе, рядомъ съ которымъ существуетъ и другое. Если въ первомъ объясненіи наиболѣе заинтересованнымъ въ поддержаніи курса по отношенію къ несуществующему золотому рублю представлялся должникъ-правительство, то во второмъ объясненіи заинтересованной стороной выставлены кредиторы правительства, «дѣятели международной и отечественной биржи». «Откуда у насъ могла возникнуть мысль, говоритъ г. Слонимскій, что надо стремиться къ оплатѣ кредитныхъ билетовъ золотомъ, а не серебромъ и что основою желательнаго у насъ металлическаго денежнаго обращенія долженъ служить не серебряный, а золотой рубль? Мысль эта, *подсказанная въ 70-хъ годахъ нашими кредиторами по государственнымъ долгамъ*, дѣятелями международной и отечественной биржи, была принята у насъ безъ всякой критики, какъ готовая аксіома, не требующая доказательствъ. Само собою разумѣется, что биржевые дѣльцы, принимаемые иногда за экспертовъ по государственнымъ финансамъ, ссылались не на собственныя выгоды отъ полученія уплатъ повысившимся въ цѣнѣ металломъ, а приводили общія соображенія о необходимости держаться золотой валюты, какъ единственно признанной будто-бы во всѣхъ передовыхъ государствахъ культурнаго міра». Г. Слонимскій, очевидно, желаетъ игнорировать тотъ фактъ, что гораздо раньше 70-хъ годовъ и въ правительственныхъ сферахъ и въ печати настоятельно обсуждался вопросъ о введеніи въ Россіи металлическаго золотого обращенія. Въ 70-хъ годахъ русскіе публицисты и ученые оказались особенно плодовитыми на составленіе проектовъ о превращеніи бумажнаго денежнаго обращенія въ золотое. Неужели и имъ подсказывали и шептали на ухо сладкія рѣчи дѣятели международной и отечественной биржи? Будущій изслѣдователь вопроса о томъ, какъ исторически заро-

ждалась и развивалась въ Россіи мысль о замѣнѣ бумажнаго денежнаго обращенія золотымъ, поставитъ г. Слонимскаго рядомъ съ г. Шараповымъ. Гг. Шараповъ и Слонимскій «научнымъ путемъ» пришли къ тому выводу, что въ Россіи «золотая идея», т. е. мысль о золотомъ рублѣ была подсказана и затѣмъ энергично проповѣдывалась биржевиками и банкирами. Г. Слонимскій, видимо, старается конкурировать съ г. Шараповымъ. Если-бы вы попросили г. Шарапова объяснить происхожденіе и развитіе золотого обращенія не въ Россіи, а въ мірѣ вообще, то онъ вамъ отвѣтилъ-бы приблизительно слѣдующимъ образомъ: научно говоря (вамъ знакома страсть Шарапова къ такимъ выраженіямъ), золотая идея т. е. золотыя деньги выдуманы банкирами-евреями и существуютъ для ихъ личныхъ интересовъ. Г. Слонимскій полагаетъ, 1) что золотое обращеніе «выработано комерсантами и банкирами» *), 2) что они и теперь его отстаиваютъ во имя своихъ интересовъ. Упрекая г. Миклашевскаго въ пристрастіи къ золотому обращенію, г. Слонимскій говоритъ, что онъ «не замѣчаетъ имени Ротшильда во главѣ сторонниковъ золотой валюты» и что, по мнѣнію г. Миклашевскаго, «правъ, вѣроятно, одинъ Ротшильдъ, выражающій, будто-бы, общее настроеніе»... Точки принадлежатъ г. Слонимскому. Въ другомъ мѣстѣ г. Слонимскій уже прямо заявляетъ, что «никто въ настоящее время не сомнѣвается въ томъ, что капиталисты, представители банковъ и крупныхъ промышленныхъ предпріятій, предпочитаютъ золотую валюту и всюду хлопочутъ объ ея введеніи, при помощи услужливой журналистики. Въ Австріи золотая валюта вводится теперь при ближайшемъ участіи синдиката банкировъ, съ фирмою *Ротшильда* во главѣ, и результаты едва-ли будутъ удачны въ финансовомъ отношеніи, не говоря уже объ интересахъ общественно-хозяйственныхъ». Ну какъ послѣ этого не ликовать гг. Шараповымъ! Они теперь смѣло будутъ говорить, что вотъ даже такія изданія, какъ

*) Въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній, считаемъ не лишнимъ привести относящееся сюда мѣсто изъ статьи «Финансовыя задачи» полностью. «Подражаніе чужимъ примѣрамъ, говоритъ г. Слонимскій, приводитъ часто къ печальнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Если бы кто-нибудь вздумалъ рекомендовать крестьянамъ заграничные смокинги, когда на ногахъ у нихъ первобытные лапти, то это было-бы только смѣшно; но многія подражательныя дѣйствія далеко не столь забавны, хотя по существу они ничѣмъ не отличаются отъ попытки пріурочить смокинги къ лаптямъ. *То, что выработано комерсантами и банкирами* примѣняется прямо къ земледѣльцамъ; правила, пригодныя для богатаго промышленнаго класса, считаются обязательными для темнаго сельскаго населенія, для котораго они, быть можетъ, разорительны. На подобные qui pro quo мы наталкиваемся на каждомъ шагу въ разсужденіяхъ нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, особенно по финансовымъ вопросамъ. Повсюду въ Европѣ принята будто-бы золотая валюта, а потому и мы должны расплачиваться вздорожавшимъ золотомъ за долги, заключенные на серебро; и намъ нужно имѣть золотое денежное обращеніе, вмѣсто серебрянаго и бумажнаго». Очевидно, въ фразѣ напечатанной курсивомъ, рѣчь идетъ о золотомъ обращеніи.

«Вѣстн. Европы», признаютъ, что золотое обращеніе—жидовское изобрѣтеніе и что около него жиды грѣютъ руки.

Оставляя въ сторонѣ тактичность (не говоря уже о научности) такихъ разсужденій, было-бы желательно знать, какъ г. Слонимскій обезпечитъ полное презрѣніе банкировъ и биржи къ тому серебряному обращенію, которое онъ считаетъ для Россіи не только возможнымъ, но и весьма благодѣтельнымъ? Биржа и банкиры не любятъ цѣнностей, не подвергающихся колебаніямъ, къ которымъ принадлежитъ и золотая монета. На такія цѣнности играть нельзя. Вотъ на бумажныя деньги и серебро, курсъ котораго въ послѣдніе годы сильно колеблется, играть можно, и всѣ биржи и банкиры любятъ такія игривыя цѣнности. Неужели же вся агитація, направленная къ тому, чтобы демонетизированное серебро снова заняло свое мѣсто въ системахъ денежнаго обращенія, не имѣетъ за собою никакой биржевой, спекулятивной подкладки? Тутъ спекулируютъ разные игроки и, главнымъ образомъ, владѣльцы серебряныхъ копей. Въ теченіе долгаго времени цѣнность золота и серебра въ слиткахъ приблизительно выражалась отношеніемъ 15½ къ 1. Такое отношеніе было принято для золота и серебра въ монетѣ. Серебро въ слиткахъ тогда стоило болѣе 60 пенсовъ за унцію, а въ 1894 г. оно стоило менѣе 28 пенсовъ за унцію. «Это свидѣтельствуетъ, говоритъ Пуансаръ, что если бы серебру, при помощи какихъ-бы то ни было средствъ, могло быть возвращено прежнее процентное отношеніе къ золоту, то барыши производителей серебра были-бы громадны и добываніе серебра получило-бы сильный толчекъ для своего дальнѣйшаго развитія» *). Въ числѣ этихъ средствъ прекращеніе гоненій противъ серебряной монеты, въ которую такъ выгодно помѣщались серебряные слитки, грезится всѣмъ заинтересованнымъ и днемъ и ночью. И если г. Слонимскій удивляется наивности г. Миклашевскаго, увлекающагося золотымъ обращеніемъ и не замѣчающаго, что въ рядахъ его сторонниковъ стоитъ Ротшильдъ, то не мѣшаетъ и самому г. Слонимскому присмотрѣться къ сторонникамъ биметаллизма, въ рядахъ которыхъ онъ увидѣлъ-бы не одного, а нѣсколькихъ серебряныхъ королей и промышленниковъ меньшаго ранга.

Мы, конечно, не думаемъ подозрѣвать г. Слонимскаго въ дружескихъ сношеніяхъ съ серебряными королями. Онъ, навѣрно, совершенно чистосердечно и по искреннему убѣжденію стоитъ за серебряное обращеніе въ Россіи. Наивный характеръ доводовъ, приведенныхъ имъ въ пользу серебряныхъ рублей, служитъ нагляднымъ доказательствомъ его чистосердечности. «На каждомъ рублевомъ кредитномъ билетѣ, говоритъ г. Слонимскій, напечатано, что «кредитнымъ билетамъ присвояется хожденіе во всей

---

*) См. статью Пуансара «La crise monétaire» въ «Revue de Paris» 15 іюня 1895 г.

Имперіи наравнѣ съ *серебряною* монетою». Это правило, извлеченное изъ Высочайшаго манифеста 1 іюля 1841 года, значится и на рублевыхъ бумажкахъ самыхъ послѣднихъ выпусковъ. Серебряный рубль до сихъ поръ остается у насъ по закону главною, оффиціально признанною мѣрою обращающихся въ государствѣ денегъ; золотая-же монета имѣетъ лишь второстепенное, вспомогательное значеніе. Всѣ денежные счеты и сдѣлки совершаются номинально въ рубляхъ серебромъ. Законъ о серебряномъ рублѣ, какъ объ обязательной монетной единицѣ, до сихъ поръ не былъ отмѣненъ и, слѣдовательно, сохраняетъ понынѣ полную силу. Для обезпеченія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую (т.-е. главнымъ образомъ серебряную) монету установленъ размѣнный фондъ, въ которомъ естественно должно было преобладать серебро. Свободный размѣнъ бумажныхъ рублей на серебряные былъ тѣмъ нормальнымъ порядкомъ денежнаго обращенія, къ которому долго стремилось правительство. Этотъ нормальный порядокъ самъ давался намъ въ руки, благодаря сильному упадку цѣнности серебра въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Кредитные билеты не только достигли равной цѣны съ серебромъ, но стали цѣниться выше этого металла. Обстоятельства складывались въ высшей степени благопріятно для нашего финансоваго управленія, и намъ ничего не стоило-бы возстановить постоянный размѣнъ бумажекъ на полновѣсные серебряные рубли. Но серебряный рубль все-таки упорно не показывался, когда сравнялся съ нимъ рубль кредитный, и серебро было почему-то совершенно забыто и заброшено, въ качествѣ законной основы нашей монетной системы. Чеканка серебряныхъ рублей не возобновлялась и послѣ того, какъ сдѣлалось чрезвычайно выгоднымъ пускать ихъ въ оборотъ взамѣнъ бумажныхъ денегъ».

Такія соображенія высказаны г. Слонимскимъ въ статьѣ «денежныя недоумѣнія», помѣщенной въ іюньской книжкѣ «Вѣстн. Европы». На всѣ эти соображенія, не исключая и возможной теперь выгодной замѣны бумажныхъ рублей серебряными, г. Слонимскій можетъ найти рядъ возраженій въ той же іюньской книгѣ «Вѣстника Европы» и при томъ въ статьѣ, непосредственно слѣдующей за его «денежными недоумѣніями». На стр. 831-й г. О. въ статьѣ «по исполненію государственной росписи на 1894 г.» ведетъ рѣчь о девальваціи. «Усердствующіе органы, говоритъ г. О., доказывали, что если подъ девальваціей разумѣть неполную оплату кредитныхъ билетовъ металлической валютой. то въ такой неполной оплатѣ нѣтъ никакой надобности. Казна готова оплатить вполнѣ и сдѣлаетъ это, молъ, съ большою готовностью. На билетѣ написано: по предъявленіи выдается серебряною или золотою монетой. Платить по номинальной цѣнѣ золотомъ, конечно, невыгодно, но казна вправѣ платить и серебромъ; а такъ какъ курсъ серебрянаго рубля въ настоящее время ниже курса бумажнаго почти на 25%, то и уплативъ съ этой сбавкой слиш-

комъ милліардъ кредитныхъ билетовъ, казна выигрываетъ 250—300 милл. руб. Если она этого не дѣлаетъ, то лишь потому, что не хочетъ пользоваться своимъ полнымъ правомъ. Полемизирующимъ не пришелъ въ голову, повидимому, ни одинъ изъ вопросовъ, которые, однако, представляются цѣлымъ роемъ. Такъ напримѣръ: прекративъ, вопреки обязательства, размѣнъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ основная металлическая валюта, серебряная, понизилась и замѣнилась золотою, имѣетъ-ли право казна теперь уплачивать по своимъ обязательствамъ этою неполноцѣнною валютой? Если казна имѣетъ это право, то не имѣютъ-ли права и частныя лица, по своимъ долговымъ обязательствамъ, написаннымъ притомъ по требованію закона *на серебро*, безъ всякаго упоминанія о золотой валютѣ, также уплатить серебряными рублями, т.-е. по оцѣнкѣ, сдѣланной министерствомъ финансовъ, на 25% ниже стоимости кредитныхъ билетовъ? Положимъ, что все это возможно. Чего достигла бы этимъ казна? Во-первыхъ, серебряные рубли ей пришлось бы получить обратно въ видѣ податей и налоговъ; во-вторыхъ, при серебряныхъ рубляхъ, какъ единственной ходячей монетѣ для внутреннихъ оборотовъ, остаться было бы невозможно; нужно было бы выпустить билеты, хотя и размѣнные (на серебро), но все-таки подверженные колебанію, какъ всякія бумажныя деньги; къ этому присоединялось бы колебаніе цѣнности металла, который представляли бы эти билеты. Для заграничныхъ платежей по торговымъ сношеніямъ, по долговымъ обязательствамъ пришлось бы произвести перечисленіе: теперь нашъ кредитный рубль цѣнится въ 67½ коп. золотомъ; новый кредитный рубль (какъ и серебряный) пришлось бы тотчасъ переоцѣнить въ 45 коп. золотомъ. Затѣмъ остаются еще цѣнныя бумаги въ кредитныхъ рубляхъ: казенныя, желѣзнодорожныя разныхъ обществъ. Ихъ цѣнность также пришлось бы понизить на 25%. И такъ далѣе, и такъ далѣе».

Такимъ образомъ, «Вѣстникъ Европы» въ двухъ рядомъ помѣщенныхъ статьяхъ высказываетъ діаметрально противуположные взгляды на возможность введенія металлическаго *середрянаго* обращенія въ Россіи. Если г. Слонимскій считаетъ правильнымъ, законнымъ и нормальнымъ обмѣнъ кредитныхъ рублей на серебряные при теперешней дешевизнѣ серебра, то г. О. противъ этого протестуетъ. Г. О. признаетъ обмѣнъ кредитныхъ рублей на серебряные *фиктивнымъ* возстановленіемъ достоинства бумажнаго рубля. Если г. Слонимскій въ первой и второй статьѣ стоитъ за биметаллизмъ и склоненъ даже иронизировать на счетъ того, что «повсюду въ Европѣ принята будто бы золотая валюта», доказывая, что серебро наряду съ золотомъ играетъ важную роль въ денежномъ обращеніи Европы, то г. О. въ равной мѣрѣ склоненъ иронизировать надъ биметаллизмомъ. «Въ данное время, въ данной странѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ данномъ районѣ, говоритъ г. О., денежная еди-

ница, въ смыслѣ мѣры цѣнности вещей, можетъ быть *только одна*. Даже такъ называемый биметаллизмъ—фикція. При металлическомъ обращеніи, деньгами, въ нормальномъ порядкѣ, можетъ быть только одинъ металлъ; другой (или даже третій, какъ было у насъ съ платиной) является *товаромъ* пригоднымъ, впрочемъ, служить до нѣкоторой степени суррогатомъ денегъ. Для Европы еще недавно деньгами было серебро (для Азіи оно, какъ кажется, остается деньгами и до сихъ поръ, — разумѣется, не надолго); затѣмъ явилось колебаніе, при чемъ приходилось постоянно регулировать отношеніе серебра къ золоту: наконецъ, золото не только заняло первенствующее мѣсто, но и совершенно вытѣснило серебро, въ смыслѣ денегъ, для европейскаго обращенія, и сохранило за нимъ лишь значеніе биллона».

Такое разногласіе на страницахъ «Вѣстн. Европы» по такому важному вопросу нельзя признать весьма отраднымъ явленіемъ. Читатель, болѣе или менѣе знакомый съ вопросами денежнаго обращенія, конечно, пойметъ, что правда на сторонѣ г. О., а не г. Слонимскаго. Г. Слонимскій питаетъ слишкомъ большое уваженіе къ заднимъ надписямъ кредитнаго рубля и совершенно игнорируетъ надписи на лицевой сторонѣ кредитокъ. На задней сторонѣ рубля дѣйствительно написано: «кредитнымъ билетамъ присваивается хожденіе во всей Имперіи наравнѣ съ серебряною монетою», но зато на лицевой сторонѣ написано; «по предъявленіи выдается изъ размѣнной кассы государственнаго банка три рубля [1 рубль, 5 рублей и т. д.] серебряною или золотою монетою». «Хожденіе» рубля одно, а обмѣнъ рубля другое. Къ обмѣну рубля относится только надпись на лицевой сторонѣ. Въ этой надписи серебро поставлено наряду съ золотомъ, принимая во вниманіе ту цѣну серебра, которая на него стояла въ моментъ редактированія надписи, при чемъ законодатель тогда, очевидно, и не предполагалъ, что серебро со временемъ падетъ въ своей цѣнѣ болѣе, чѣмъ на половину. Теперь же серебро на самомъ дѣлѣ пало въ своей цѣнѣ, по отношенію къ золоту, болѣе чѣмъ на половину. Слѣдовательно, если бы теперь кто-либо вздумалъ примѣнить буквально лицевую сторону надписи и доказывалъ бы полное законное право казны обмѣнить рубли на серебро, то онъ, очевидно, настаивалъ бы на примѣненіи закона къ условіямъ и событіямъ не только въ немъ не предусмотрѣннымъ, но и явно не соотвѣтствующимъ истинному намѣренію законодателя. Странно, что во многихъ другихъ случаяхъ г. Слонимскій очень охотно говорилъ о ветхости, отсталости и несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью многихъ формально неотмѣненныхъ законовъ, но вотъ по отношенію къ надписи, извлеченной изъ манифеста 1 іюля 1841 г., онъ утратилъ эту счастливую склонность. Онъ категорически твердитъ: законъ формально не отмѣненъ, и потому онъ дѣйствуетъ, хотя условія и обстоятельства, на которыя онъ былъ разсчитанъ, уже

давно исчезли. Опираясь на то, что формально не отмѣненный законъ дѣйствуетъ, г. Слонимскій въ лучшемъ случаѣ могъ дать только чисто формальное, а не принципіальное рѣшеніе вопроса.

Мы остановились на этой чисто юридической сторонѣ вопроса въ виду того, что она въ соображеніяхъ г. Слонимскаго о замѣнѣ бумажныхъ рублей серебряными играетъ самую главную роль. Въ соображеніяхъ-же не юридическаго характера г. Слонимскій такъ увлекается серебрянымъ обращеніемъ, что вовсе не обращаетъ вниманія на то, что обмѣнъ бумажныхъ рублей на серебряные, при теперешней цѣнѣ серебра, представлялъ-бы собою, пожалуй, нѣчто худшее, чѣмъ девальвація, которую онъ признаетъ *частичной несостоятельностью государства*. Мало того, восторгаясь серебряными рублями, г. Слонимскій говоритъ: «правильное денежное обращеніе было-бы вполнѣ возстановлено у насъ, если-бы рублевыя и трехрублевыя бумажки были замѣнены полновѣсною металлическою, т. е. серебряною монетою соотвѣтственнаго достоинства; народъ имѣлъ-бы тогда настоящія деньги, которыя не рвутся, не сгораютъ, не портятся отъ сырости и не теряютъ своей цѣны при простой перемѣнѣ формы или образца, какъ это бываетъ съ кредитными билетами. Каковъ-бы ни былъ упадокъ цѣнности серебра на всемірномъ рынкѣ, онъ никогда не могъ-бы дойти до того обезцѣненія, какое легко выпадаетъ на долю кредитныхъ рублей. Серебро въ видѣ полновѣсной монеты сохраняло-бы всегда свою самостоятельную цѣну, которая не зависѣла-бы ни отъ колебаній курса и кредита, ни отъ международныхъ политическихъ обстоятельствъ и усложненій. Сколько-бы ни было выпущено серебряныхъ полновѣсныхъ рублей, никакого вопроса объ ихъ излишествѣ и объ изъятіи части ихъ изъ обращенія не возникало-бы, и финансовое вѣдомство освободилось-бы отъ цѣлаго ряда сложныхъ заботъ, обходящихся нынѣ очень дорого государственному казначейству». Очевидно, г. Слонимскій, ослѣпленный «серебряной идеей», самъ того не замѣчая обрекаетъ на погибель дорогіе ему серебряные рубли. «Если-бы всѣ монеты (серебряныя), вновь отчеканенныя въ неограниченномъ количествѣ, — говоритъ Пуансаръ, — стали циркулировать, то, конечно, обиліе монетныхъ знаковъ вызвало-бы ихъ обезцѣненіе. Это не предположеніе, а фактъ, доказанный на опытѣ». Въ подтвержденіе этого Паунсаръ въ примѣчаніи говоритъ, что «въ 1892 г. правительству Урагвая была послана петиція, въ которой его просили не чеканить серебряныхъ pesos (въ родѣ пятифранковика), которые начинаютъ падать въ своей цѣнѣ вслѣдствіе ихъ изобилія» *).

П. Кузнецовъ.

---

*) La crise monetaire, ibid., стр. 883.

Чаладиди.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Прокофію Семенову нужно было жениться. Ему необходимо было жениться. А между тѣмъ это его крайне затрудняло: онъ не зналъ, какъ ему взяться за дѣло, не зналъ даже, на комъ ему жениться. Дѣло было въ томъ, что Семенову предложили мѣсто будочника на Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ. На это мѣсто холостыхъ не берутъ, и онъ могъ занять его, только будучи женатымъ. Когда начальникъ дистанціи его спросилъ, женатъ-ли онъ, то изъ боязни потерять мѣсто Семеновъ совралъ, что имѣетъ уже невѣсту и послѣ свадьбы немедленно явится съ женою на мѣсто новаго своего назначенія. Это обстоятельство ставило его теперь въ безвыходное положеніе. Съ одной стороны, не жениться, все равно что отказаться отъ мѣста, а этого онъ не могъ никакъ допустить, такъ-какъ второй разъ въ жизни такого благополучія не дождешься; съ другой стороны, онъ положительно не зналъ, какъ жениться.

Личность Прокофія Семенова была незамысловатая, исторія его жизни не сложная. Такіе люди часто встрѣчаются на Кавказѣ. Оторванные отъ своей почвы, они живутъ однообразною жизнью, которую, повидимому, не стоило-бы разсказывать, въ особенности принимая въ расчетъ, что Семеновъ былъ очень недалекій малый. Но если вглядѣться внимательнѣе въ жизнь этихъ людей, то подъ наружною ничтожностью можно замѣтить кое что, достойное вниманія.

Семеновъ былъ крестьянинъ, родомъ изъ К. губерніи. Дома у него былъ женатый старшій братъ, домохозяинъ и глава въ домѣ и въ полѣ. Этотъ братъ былъ умнѣй и смѣтливѣй его, поэтому, въ силу жизнен-

ныхъ условій, Прокофій превратился въ безотвѣтнаго работника на семью брата. Прокофій былъ тихій и исполнительный малый, никогда не перечилъ брату и не ссорился съ нимъ. Любить его никто не любилъ, но и не обижалъ. Никакихъ привязанностей ни къ семьѣ брата, ни къ другимъ лицамъ въ деревнѣ онъ не имѣлъ; любилъ онъ только маленькаго двухлѣтняго племянника, съ которымъ игралъ и возился въ праздничное и свободное время. Въ 1876 году онъ долженъ былъ идти въ солдаты. Перемѣну въ своей жизни онъ перенесъ самымъ хладнокровнымъ образомъ. Прокофія Семенова отправили въ Закавказье, въ пѣхотный Ч—скій полкъ.

Первое время служба показалась ему нестерпимо тяжелой. Неуклюжій и неловкій отъ природы, онъ долженъ былъ дѣлать гимнастику, шагистику и учиться грамотѣ. Отъ гимнастики у него страшно болѣли всѣ члены, но, несмотря на это, онъ долженъ былъ ежедневно дѣлать присѣданія, сгибать колѣни и прыгать впередъ. Онъ падалъ, испытывалъ физическія страданія, а фельдфебель зачастую давалъ ему въ зубы. Обученіе грамотѣ шло не лучше. Послѣ долгихъ ученій прапорщикъ Кучкинъ обучилъ его слогамъ, но одолѣть сложеніе слоговъ въ одно слово онъ никакъ не могъ. Такъ, напримѣръ, когда являлось въ азбукѣ слово во-ро-на, то соглашаясь вполнѣ съ прапорщикомъ Кучкинымъ, что в-о будетъ во, что р-о—ро, н-а—на, Семеновъ долго думалъ, пыхтѣлъ, сопѣлъ и все-таки произносилъ вмѣсто слова «ворона»—«птица». Вначалѣ прапорщикъ Кучкинъ былъ терпѣливъ, говорилъ даже: «да пойми, мой другъ (фамильярность допускалась только при обученіи грамотѣ), что это будетъ такъ и такъ». Семеновъ начиналъ вновь складывать слово, но голова его переставала совершенно работать. Темные и красные круги вертѣлись у него передъ глазами, онъ забывалъ все и послѣ долгихъ усилій отвѣчалъ вновь: «птица». Прапорщикъ Кучкинъ, бывало, не вытерпитъ, плюнетъ и уйдетъ; кругомъ всѣ засмѣются, а фельдфебель Фроловъ, съ утра немного выпившій, подойдетъ и, проговоривъ: «экая скотина безмозглая», дастъ ему затрещину. Тѣмъ и кончался урокъ. Такимъ образомъ мытарства Прокофія продолжались цѣлый годъ, пока, наконецъ, между ротнымъ командиромъ и фельдфебелемъ не было рѣшено окончательно, что обучить этого болвана чему-нибудь путному невозможно. Рѣшено было ставить Семенова дневальнымъ къ ротнымъ воротамъ да на кухню, заставлять чистить казармы, дворъ и проч. и никогда не пускать ни на одинъ смотръ. Какъ ни обидно было такое положеніе по существу, но Прокофію стало легче. Онъ ожилъ, колѣни его перестали болѣть отъ гимнастики, исчезъ и постоянный страхъ и идіотское затмѣніе, которые онъ ощущалъ при обученіи его грамотѣ. Прокофій старательно работалъ все, что только ему поручалось и въ этомъ смыслѣ оказался вполнѣ полезнымъ человѣкомъ, даже фельдфе-

бель не всегда называлъ его скотиной и болваномъ, а иногда называлъ его и Семеновымъ.

Наступило время турецкой кампаніи въ 1877 году. Ч—скій полкъ долженъ былъ сдѣлать большое передвиженіе и поступить въ составъ Приріонскаго отряда. Семеновъ попалъ опять во фронтъ. Но теперь ему не нужно было ни грамоты, ни гимнастики, все отступило на задній планъ; теперь требовалось терпѣливо переносить походъ, не отставать отъ строя, держать въ исправности ранецъ, одежду, чистить свое ружье и т. п. На привалѣ или дневкѣ Семеновъ первый былъ на мѣстѣ, устанавливалъ палатку ротному, пособлялъ въ обозѣ, однимъ словомъ, былъ вполнѣ полезенъ ротѣ.

Въ началѣ войны дѣла Приріонскаго отряда шли довольно оживленно. Въ іюлѣ мѣсяцѣ предполагалось движеніе на старую крѣпость Цихиндзири, въ томъ разсужденіи, что если эта позиція и приморскій городокъ Кобулеты будутъ заняты, то войска наши легко займутъ и самый городъ Батумъ. Но время атаки было пропущено, и турки, благодаря англійскимъ инженерамъ, успѣли отлично укрѣпить впереди лежащія высоты. Кромѣ того, гористая и покрытая лѣсами мѣстность оказалась положительно неприступною. Атака была отбита турками съ большимъ урономъ для насъ, и движеніе впередъ было пріостановлено; часть войскъ Приріонскаго отряда была оттянута къ Карскому отряду, а остальной отрядъ отступилъ обратно на Мухоэстатскія высоты, какъ на болѣе удобную позицію; отрядъ оборонялъ только свои позиціи и оставался такъ до объявленія перемирія.

Ч—скій полкъ не покидалъ своего отряда и, послѣ заключенія мирнаго трактата, вступилъ вмѣстѣ съ отрядомъ въ городъ Батумъ и занялъ его безъ военныхъ дѣйствій.

Прокофій оставался все время во фронтѣ. Съ товарищами онъ не особенно сходился, а былъ всегда занятъ какою-нибудь мелкою работой. Но вотъ однажды фельдфебель Фроловъ объявляетъ ему, что онъ зачисленъ деньщикомъ къ батальонному командиру, майору Теръ-Асанурову. Это обстоятельство его смутило: онъ зналъ батальоннаго за человѣка суроваго и неспокойнаго. Однако, разсужденій и протеста быть не могло. Черезъ часъ времени онъ очутился въ деньщичьей палаткѣ батальоннаго командира, перенесъ туда свои пожитки и размѣстился тамъ съ батальоннымъ горнистомъ и барабанщикомъ.

Майоръ, Мирзабекъ Абрамовичъ Теръ-Асануровъ, былъ изъ армянъ. Повидимому очень взыскательный и грубый человѣкъ, въ сущности онъ былъ скорѣе добръ, чѣмъ золъ. Его смуглая физіономія и черная голова наводили панику на Прокофія, неловкость и плохая сообразительность котораго часто приводили майора въ ярость. По свойственной ему грубости майоръ никогда не называлъ Семенова по фамиліи. Давая ему

порученія, отдавая приказанія, онъ обращался къ нему съ такими словами: «Что ты тамъ, скотина, заснулъ что-ли?» Отдавая ему чистить платье, онъ непремѣнно прибавлялъ: «да ты не измажь мнѣ своими лапами воротника».

Изъ палатки майора Прокофій выходилъ всегда подавленный и весь въ поту отъ страха и волненія.

II.

Послѣ вступленія полка въ Батумъ, майоръ Теръ-Асануровъ былъ назначенъ окружнымъ начальникомъ. Мирзабекъ Абрамовичъ былъ совершенно счастливъ этимъ назначеніемъ. Онъ почувствовалъ себя начальникомъ края. Манеры его немного смягчились. Грубыя выраженія и слова онъ сохранилъ только для одного Прокофія и то наединѣ. Занявъ довольно удобную квартиру, онъ передѣлалъ турецкое помѣщеніе на европейскій образецъ. Батумъ въ это время былъ объявленъ порто-франко. На пароходахъ французскихъ, австрійскихъ и турецкихъ привозили самые разнообразные товары. Предметы роскоши и комнатнаго убранства можно было пріобрѣтать весьма дешево. Пользуясь своими сбереженіями за военное время, Мирзабекъ Абрамовичъ накупилъ мебели, всякихъ занавѣсочекъ, салфеточекъ, лампъ, подсвѣчниковъ, посуды и всего, что нужно было для хозяйства и приличной обстановки начальника.

Потомъ Теръ-Асануровъ нанялъ себѣ повара изъ Кутаиса, имеретина, Бохву Хотерія, который готовилъ ему, кромѣ обыкновенныхъ блюдъ, еще грузинскія и армянскія.

Теръ-Асануровъ жилъ на холостую ногу и не ожидалъ скораго пріѣзда своей семьи, остававшейся въ Тифлисѣ. Къ обѣду онъ всегда приглашалъ кого-нибудь изъ подчиненныхъ—наиболѣе часто своего помощника, грузинскаго князя Амирамиби, человѣка бывалаго. Князь прежде долго жилъ въ Петербургѣ, былъ женатъ на русской и много понималъ во всемъ, что касалось приличной обстановки дома, вслѣдствіе чего былъ полезенъ Теръ-Асанурову въ описываемое время.

Однажды, сидя съ княземъ Амирамиби послѣ хорошаго обѣда и попивая дешевые марсельскіе ликеры, Мирзабекъ Абрамовичъ подумалъ, что, имѣя такую прекрасную домашнюю обстановку, онъ могъ-бы легко задать обѣдъ своимъ знакомымъ. Эту мысль онъ поспѣшилъ сообщить Амирамиби, который ухватился за нее, сталъ развивать идею майора, утверждать, что на немъ, какъ на лицѣ оффиціальномъ, лежитъ прямая обязанность заботиться о сближеніи и объединеніи общества. Обѣдъ было рѣшено устроить черезъ недѣлю. Составили меню, списокъ приглашенныхъ: командиръ полка съ женою, три батальонныхъ, изъ нихъ двое

съ женами, управляющій таможнею, агентъ общества нароходства, участковый начальникъ Аваловъ съ женою, за которою майоръ, въ качествѣ начальника, немного пріударялъ. Всѣхъ приглашенныхъ насчитывалось до четырнадцати человѣкъ. Губернатора рѣшили не приглашать, хотя Амирамиби доказывалъ, что было-бы очень умѣстно и хорошо пригласить и что онъ такой-же человѣкъ, какъ и всѣ; майоръ робѣлъ и не рѣшался увидѣть у себя за обѣдомъ такую особу.

На другой день майоръ въ новомъ сюртукѣ съ густыми эполетами ходилъ по городу и дѣлалъ приглашенія къ обѣду. Всѣ приготовленія, покупка провизіи дѣлались княземъ. Онъ пересталъ даже ходить на службу въ Окружное Управленіе, бѣгалъ по магазинамъ, искалъ цвѣтную капусту изъ Константинополя, заказывалъ необыкновенной величины ростбифъ и суфле-банке у кондитера, выбиралъ разные привозные консервы для закуски и салатъ. Работа кипѣла.

Наконецъ, ожидаемый съ такимъ волненіемъ день насталъ. Самъ майоръ не пошелъ въ окружное управленіе и вмѣстѣ съ княземъ Амирамиби и съ лакеемъ князя ставилъ и пригонялъ столы, взятые имъ изъ канцеляріи, накрывалъ ихъ скатертями и разставлялъ приборы. Теперь болѣе всѣхъ доставалось Прокофію. Самъ князь училъ его, какъ подавать блюдо съ лѣвой стороны персоны. Рѣшено было, что онъ будетъ разносить только блюдо съ ростбифомъ, потому что съ подносомъ, гдѣ будетъ разставлена подливка, горчица и соль, ему не совладать. Нѣсколько разъ Прокофій долженъ былъ продѣлывать маневръ съ пустымъ блюдомъ, поднося его съ лѣвой стороны князя. Наконецъ, когда онъ преодолѣлъ эту премудрость, ему приказали надѣть новый мундиръ и напялить на лапы нитяныя перчатки. Когда онъ пришелъ показаться, князя смутили его торчащіе вихры на головѣ, и онъ приказалъ примочить и пригладить ихъ, что Прокофій и попытался сдѣлать посредствомъ сапожной щетки. Наконецъ, было рѣшено между княземъ и майоромъ, что Прокофій ничего — сойдетъ. Все было установлено и закуска разставлена на особомъ столѣ. Князь побѣжалъ на короткое время домой, чтобы переодѣться, и вернулся одѣтымъ во фракъ. Этотъ костюмъ очень удивилъ Прокофія: ему еще не случалось видѣть фрака. Но еще болѣе его поразила какая-то складная высокая шапка, которую князь держалъ подъ мышкою. Фигура оттопыреннаго локтя лѣвой руки со шляпою подъ мышкой напоминала ему фигуру цыплятъ, которыхъ Бахва жарилъ на кухнѣ, вставивъ имъ подъ оттопыренное крылышко пупки.

Между тѣмъ майоръ поминутно выскакивалъ безъ сюртука въ столовую и съ волненіемъ слѣдилъ за княземъ. который собственноручно подправлялъ кое-что въ сервировкѣ. Майору необыкновенно пріятно было видѣть у себя такой торжественный столъ, онъ понималъ, что у него все такъ же, какъ у другихъ... быть можетъ даже лучше, думалось

ему. Салфетки, совсѣмъ новыя, торчали, какъ за обѣдомъ у новобрачныхъ; цвѣты, вазы, фрукты и красиво разставленная закуска приводили его въ восторгъ; къ довершенію всего, полковой командиръ прислалъ ему хоръ музыкантовъ, которыхъ размѣстили подъ окнами въ саду.

— Благодарю, очень благодарю васъ, князь, за ваши труды и хлопоты, сказалъ Теръ-Асануровъ, пожимая руку князя.

— Помилуйте, Мирзабекъ Абрамовичъ, я такъ радъ быть вамъ полезнымъ,—отвѣтилъ князь и заговорилъ что-то скороговоркою по грузински, указывая на Прокофія. Майоръ засмѣялся; оба перешли въ кабинетъ и закурили папиросы въ ожиданіи пріѣзда гостей.

Первыми пріѣхали супруги Аваловы. Гости стали постепенно съѣзжаться. Послѣдними пріѣхали командиръ полка съ женою. Пока они раздѣвались и оправлялись, вышли имъ навстрѣчу, музыка заиграла полковой маршъ и командиръ съ женою вошли. Хозяинъ привѣтливо пригласилъ всѣхъ къ закускѣ. Князь безпрерывно выбѣгалъ смотрѣть, какъ разливаютъ супъ. Пирожки обнесли благополучно и майоръ таялъ отъ удовольствія.

Наконецъ, показался Прокофій съ громаднымъ блюдомъ ростбифа, вокругъ котораго были разложены картофель и каштаны; хрѣнъ завитками красиво бѣлѣлъ съ боку. Прокофій держалъ почему-то вилку въ правой рукѣ. Какъ училъ его князь, онъ поднесъ блюдо съ лѣвой стороны командирши полка. Но тутъ произошло нѣчто необычайное и совершенно непредвидѣнное. Прокофій самъ взялъ вилкой кусокъ ростбифа и положилъ командиршѣ на тарелку. Всѣ посмотрѣли съ удивленіемъ на Прокофія. У майора даже усы взъерошились и поднялись кверху, а глаза смотрѣли звѣремъ. Командирша съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Прокофія. Произошла нѣмая сцена. Прокофій растерялся и почувствовалъ, что сдѣлалъ что-то не то, и чтобы поправить свою неловкость, спросилъ командиршу: «картошки и хрѣна хочешь?». Всѣ разразились хохотомъ...

Этому необыкновенному случаю на обѣдѣ майора Теръ-Асанурова суждено было имѣть серьезное значеніе въ жизни Прокофія. Майоръ понялъ, что онъ не могъ ограничиться такою прислугою; ему нуженъ былъ кто нибудь, кто могъ бы завѣдывать хозяйствомъ и ввелъ бы въ домѣ порядокъ. Майоръ рѣшилъ нанять подходящую женскую прислугу.

III.

Всякій спѣшилъ пріѣхать въ Батумъ послѣ того, какъ онъ былъ занятъ русскими войсками. Пароходы, приходившіе изъ портовыхъ городовъ Чернаго моря, привозили съ собою толпы разнообразнаго народа. Батумъ не похожъ былъ на другіе русскіе города, гдѣ все было уже

устроено и занято, гдѣ на всякую должность готовъ свой кандидатъ, гдѣ торговля взята уже въ руки кѣмъ-либо изъ купцовъ съ его наслѣдниками, гдѣ всякій клочекъ земли закрѣпленъ документами и т. д. Все должно было организоваться заново. Толпа искателей приключеній, съ желаніемъ захватить землю, пріобрѣсти служебную должность или найти торговую сдѣлку, наводняла возникающій русскій городъ. Всякій, кто потерпѣлъ какую-либо неудачу у себя дома, отъ какихъ-либо причинъ, даже отъ пьянства и любви, стремился въ Батумъ, лаская себя надеждою устроиться тамъ. Паспорта требовались таможнею только отъ прибывающихъ изъ за-границы; всѣ же остальные могли не стѣсняться видами на жительство, да и некому было ихъ провѣрять, — полиція не была еще вполнѣ сформирована. Плохіе домики Батума не могли вмѣщать въ себѣ все пребывающую толпу и масса простонародія всякой націи помѣщалась въ бухтѣ на фелюгахъ и баркасахъ.

Среди этой многолюдной толпы пріѣхала въ Батумъ одна дѣвушка, полька, по имени Полонія Кржевецкая; она была двадцати лѣтъ отъ роду, не дурна собою. Лицо ея было круглое, блѣдное, съ нѣсколько усталымъ выраженіемъ; ея синіе глаза смотрѣли необыкновенно кротко и привлекательно. Одѣта она была болѣе чѣмъ просто: изношенное шерстяное платье и платокъ, который покрывалъ ея голову и плечи, составляли весь ея туалетъ, а маленькій узелокъ заключалъ въ себѣ весь ея багажъ. Ѣхала она изъ Одессы; что она дѣлала тамъ, и какія неудачи и приключенія направили ее въ Батумъ, осталось тайной для всѣхъ, даже и впослѣдствіи. Изъ документа ея видно было, что она уроженка Радомской губерніи, дочь одного шляхтича. Образованія почти не получила и по-русски хотя и говорила, но съ большимъ акцентомъ.

Подъѣхавъ на пароходѣ къ Батуму, Полонія не знала, что ей дѣлать; никого изъ знакомыхъ у нея тамъ не было. На маленькой фелюгѣ она высадилась на берегъ. Денегъ у нея почти не было.

Было раннее утро въ мартѣ мѣсяцѣ. Весна была въ полной своей красотѣ и все въ полномъ цвѣту. Скаты горъ, окаймляющіе городъ Батумъ, были покрыты цвѣтущими фруктовыми деревьями. Воздухъ былъ совсѣмъ прозрачный и весь главный хребетъ, покрытый сверху снѣгомъ, блестѣлъ на солнцѣ. Тихая спокойная бухта съ зеркальною поверхностью довершала красоту картины. Фелюги, ловко направляемыя турками въ фескахъ, лавировали по всѣмъ направленіямъ бухты, спѣша высадить пріѣзжихъ пассажировъ. На берегу тѣснилась толпа разноплеменнаго народа. Пріѣзжій свѣжій пассажиръ могъ легко потеряться въ этой праздной толпѣ, которая неизвѣстно зачѣмъ кричала и ругалась. Въ такомъ положеніи очутилась и Полонія. Вступивъ на берегъ, она не знала, какъ ей пробраться сквозь толпу. Она слышала вокругъ себя говоръ и крики на неизвѣстномъ ей языкѣ и не знала, куда ей напра-

виться и кого ей спросить. Съ трудомъ добралась она до магазина на берегу бухты, чтобы добиться какихъ-нибудь указаній, гдѣ ей остановиться. Ее направили въ гостинницу или, лучше сказать, простой деревянный баракъ. Комната, которую она заняла, походила скорѣй на карцеръ. Полонія достала подушку и прилегла отдохнуть. Но спать ей не хотѣлось, и она долго сидѣла, не шевелясь, глядя куда-то вдаль растеряннымъ и болѣзненно тоскливымъ взглядомъ. О чемъ она думала и что ее тревожило—осталось навсегда темнымъ и тайнымъ для всѣхъ.

Къ полудню солнце довольно сильно припекало на дворѣ. Полонія встала, умылась, оправила волосы, накинула платокъ на голову и пошла на поиски.

Пароходъ, который привезъ ее, стоялъ спокойно на рейдѣ, притянутый цѣпью къ баку. На берегу толпы уже не было. Входя въ нѣкоторые магазины и лавки, она справлялась, не проживаетъ-ли въ городѣ кто-нибудь изъ ея земляковъ. Ей указали на сапожника-поляка, къ которому она тотчасъ-же и направилась. Сапожникъ жилъ у самаго выѣзда изъ города. Ей пришлось проходить черезъ пустыя, не застроенныя улицы, или вѣрнѣе дороги, посреди которыхъ стояли палатки съ нашими войсками. Идя дальше, она зашла въ такую странную мѣстность, что положительно не могла дать себѣ отчета, куда она попала. Простыя лачужки и землянки, гдѣ жили абхазцы, рьяные мусульмане со своими работниками-неграми. Наконецъ, проходящіе солдатики указали ей домикъ, гдѣ проживалъ полякъ-сапожникъ. Очевидно, землякъ принялъ ее радушно и привѣтливо. Отъ него она узнала, что въ Батумѣ большой недостатокъ въ женской прислугѣ, что жалованье она можетъ получить хорошее и что въ такой прислугѣ нуждается самъ окружной начальникъ Теръ-Асануровъ, которому онъ шилъ сапоги.

Наговорившись вдоволь на своемъ родномъ польскомъ языкѣ съ сапожникомъ и его женою, Полонія поспѣшила идти къ окружному начальнику. Ей недолго пришлось разыскивать его. На дворѣ его дома она увидала небольшую кухню, куда она и вошла. Въ кухнѣ она нашла молодого имеретина, который, задравши ноги, лежалъ на своей койкѣ и курилъ. Это и былъ поваръ начальника — Бохва Хотерій, который только-что успѣлъ вымыть и убрать посуду и теперь наслаждался отдыхомъ. Увидѣвъ вошедшую молодую дѣвушку, онъ лѣниво привсталъ и спросилъ, что ей нужно. Полонія немного пріостановилась, — такихъ лицъ, какъ Бохва, она до сихъ поръ не видѣла. Красота его внѣшности ее невольно поразила. Бохва вторично спросилъ, что ей нужно. И когда, путаясь немного въ словахъ, она объяснила причину своего посѣщенія, Бохва просилъ ее обождать, потому что начальника не было дома. Полонія осталась обождать въ кухнѣ.

Бохва Хотерій былъ родомъ изъ Имеретіи, Кутаисской губерніи.

Ему было всего двадцать два года, и онъ былъ дѣйствительно необыкновенно красивъ. Молодая, черная бородка и густые, волнистые, черные волосы окаймляли правильный овалъ лица. Цвѣтъ его былъ нѣжный, чистый, но немного смугловатый, съ ровнымъ румянцемъ во всю щеку; носъ прямой и тонкій. Но что въ особенности было въ немъ привлекательно, такъ это черные глаза и бѣлые зубы. Когда онъ смѣялся, ротъ его какъ-то наивно дѣтски раскрывался, и бѣлые зубы ярко свѣтились, а глаза получали особенный блескъ и нѣкоторую непривычную для насъ дикость выраженія. Полонія нѣсколько разъ взглядывала на него, и всякій разъ ее поражало это красивое лицо. Бохва былъ уже одѣтъ, чтобы идти шататься по набережной бухты. На немъ былъ черный бешметъ и сѣраго сукна черкеска съ серебряными хозырями. Онъ былъ граціозно и ловко подпоясанъ ремневымъ поясомъ съ серебряными украшеніями, на которомъ спереди висѣлъ кинжалъ. На головѣ была надѣта шапка изъ мелкой мерлушки. Этотъ красивый національный костюмъ какъ нельзя болѣе шелъ къ нему. Въ жестахъ и въ движеніяхъ его замѣтна была азіатская лѣнь. Округленность и грація его лѣнивыхъ движеній вполнѣ соотвѣтствовали его характерной фигурѣ. Полонія, сидя въ его комнатѣ, невольно любовалась имъ и рѣшительно не знала, съ чего начать разговоръ. Бохва развалился довольно небрежно на табуреткѣ, вынулъ папиросу и сталъ курить, приглядываясь въ свою очередь къ привлекательному молодому лицу Полоніи.

— Позвольте узнать,—спросила робко Полонія, правда-ли, что господину начальнику нужна женская прислуга?

— Не знаю, вѣдь жены у него тутъ нѣтъ, можетъ быть ему на время и другая «батона» нужна.

Полонія не знала, что «батона» значитъ по-грузински — госпожа или барыня, и поэтому не могла понять намека Бохвы. Но самъ онъ былъ очень доволенъ отвѣтомъ и сталъ улыбаться своею дѣтскою красивою улыбкою, показывая рядъ чудныхъ зубовъ. Полонія еще разъ взглянула на него и уже не могла оторваться отъ этого наивнаго красиваго лица. Бохва въ своемъ нарядѣ, видимо, передъ ней важничалъ. Въ его туземныя привычки не входило любезничать и ухаживать за женщинами. Онъ понималъ дѣло иначе,—такъ, что женщины должны ухаживать за мужчиною, а онъ могъ только дарить и поощрять ихъ своимъ вниманіемъ. Ему казалось унизительнымъ для достоинства мужчины позволять себѣ какую-нибудь нѣжность. Женщина была для него существомъ, стоящимъ гораздо ниже мужчины. Такъ смотрѣли на женщину у него на родинѣ, гдѣ рожденіе мальчика составляетъ всегда радость и гордость матери, рожденіе-же дѣвочки — стыдъ и горе, гдѣ

мужчина съ дѣтства получаетъ превосходство надъ женщиною, которая съ дѣтства старается угождать и нравиться ему. Бохва совершенно безсознательно, по привычкѣ, думалъ, что не онъ, а женщина должна за нимъ ухаживать.

Съ такимъ дикаремъ; съ такимъ красивымъ дикаремъ судьба свела теперь Полонію. Она любовалась имъ, но еще не понимала его. Вообще все, что она видѣла за послѣдніе дни, было для нея ново, красиво, но непонятно и жутко.

Въ домѣ зашумѣли. Бохва догадался, что это вернулся его хозяинъ и поспѣшилъ проводить къ нему Полонію.

Майоръ, приглядѣвшись немного къ Полоніи, рѣшилъ про себя, что это экземпляръ не вредный и сталъ ласковымъ голосомъ разспрашивать ее: зачѣмъ она пріѣхала, откуда она родомъ, умѣетъ-ли служить, а также и на счетъ условій найма. Одно, что ему не понравилось, это маленькая неряшливость ея изношеннаго платья.

— Ну да ничего,—думалъ майоръ,—откормится тутъ, каналья, и будетъ, какъ слѣдуетъ. Въ условіяхъ найма они сошлись; майоръ указалъ ей небольшую порожнюю комнату и самъ даже принялъ участіе въ снабженіи ея необходимой обстановкой.

IV.

На другой-же день Полонія вступила въ отправленіе своихъ обязанностей, съ ревностью и стараніемъ. Она указывала Прокофію, что и какъ ему нужно дѣлать; прибрала буфетный шкафъ и посуду, сложила и сосчитала всѣ салфетки и скатерти, прибрала къ мѣсту все платье и бѣлье барина, установила и вычистила его комнату. О всякой тяжелой работѣ, ей не по силамъ, какъ напр. перестановка мебели и проч., которую исполнялъ за нее Прокофій, она ласково его просила и всегда потомъ благодарила за это. Непривычный къ ласковому обращенію, Прокофій исполнялъ ея желанія съ необыкновенною легкостью на душѣ и удовольствіемъ; ему даже съ непривычки неловко было, что его благодарятъ и просятъ. Теръ-Асануровъ самъ удивлялся, увидя, какъ въ нѣсколько дней его квартира приняла совсѣмъ другой видъ; онъ не понималъ, что случилось съ его болваномъ, который сохраняя все ту-же медвѣжью неловкость, исполнялъ, однако, все аккуратно и чисто. Полонія нравилась Теръ-Асанурову, онъ сталъ даже пріударять за нею. Но, къ счастію Полоніи, это продолжалось недолго, онъ самъ бросилъ свои преслѣдованія. Отчего такъ посчастливилось Полоніи — неизвѣстно; говорили въ Батумѣ, что ухаживанія майора за супругою г-на Авалова увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Впрочемъ, вѣрить этому вполнѣ — трудно, потому что Батумъ уже началъ принимать нравы провинціаль-

ныхъ городовъ и уже начиналъ немного сплетничать. Однимъ словомъ, майоръ пользовался лишь умными услугами этой способной и аккуратной польки, но не болѣе.

Любимымъ для Полоніи развлеченіемъ было придти къ Бохвѣ на кухню и помочь ему въ его работѣ. Послѣ обѣда, убравъ со стола, она спѣшила туда, мыла, убирала и все дѣлала за Бохву. Въ короткое время Бохва такъ къ этому привыкъ, что сталъ принимать это за должное. Не стѣсняясь тѣмъ, что Полонія за него работала, онъ лежалъ на своей койкѣ или, сидя на ней, преважно курилъ. Правда, Полонію тянуло туда, ей нравилась близость Бохвы, она любила его наивную болтовню и его красивую улыбку. Бохва это видѣлъ и важничалъ; взамѣнъ ея труда онъ дарилъ ее своимъ вниманіемъ, немилосердно вралъ и хвастался, поддерживая этимъ свой авторитетъ и свое превосходство. Онъ не ухаживалъ за ней и не трогалъ ее, несмотря на то, что она ему немного нравилась. Иногда, когда ему надоѣдало врать, онъ бывало, встанетъ, чтобы идти гулять, и, проходя мимо, потреплетъ ее по плечу или по груди, подмигнетъ глазомъ и кивнетъ головою, какъ-бы говоря этимъ: «вотъ, молъ, какъ я тебя подарилъ своимъ вниманіемъ». И этотъ наивный жестъ, и все нравилось въ немъ Полоніи. Она чувствовала, что въ головѣ у нея творилось что-то неладное. Она удивлялась иногда несообразности и странности его разсказовъ, но вѣрила имъ и видѣла во всемъ что-то особенное и красивое, хотя и не совсѣмъ понятное для себя.

Когда Бохва уходилъ и баринъ не оставался дома, Полонія проводила вечеръ съ Прокофіемъ—ласково разспрашивая его обо всемъ. Часто она жалѣла Прокофія, ее возмущали обращеніе съ нимъ майора и, въ большинствѣ случаевъ, несправедливыя притѣсненія. Она утѣшала его, называя его «мой бѣдный Прокоша». Иногда она оставляла Прокофію остатки отъ обѣда и ей пріятно было видѣть, какъ ея Прокоша съ благодарностью уплеталъ эти остатки.

Вообще надо сказать, что присутствіе Полоніи въ домѣ измѣнило обыденную домашнюю жизнь всѣхъ, и всѣ по своему полюбили ее. Странно было смотрѣть на разноплеменность всѣхъ обитателей этого дома. Самъ баринъ—армянинъ, два его конвойныхъ—аджарцы, деньщикъ—русскій, поваръ — имеретинъ, горничная — полька; но въ совмѣстной жизни этихъ людей никогда не возбуждался національчый антагонизмъ: всѣ они жили интересами и чувствами общечеловѣческими и обыденными.

Такимъ образомъ прошелъ мѣсяцъ. Однажды Прокофій узналъ въ ротѣ, куда забѣгалъ иногда къ своимъ товарищамъ, что пришелъ приказъ объ увольненіи въ безсрочный отпускъ рекрутовъ 1876 года. Прежде онъ отнесся-бы къ этому равнодушно, но теперь онъ очень обрадовался и мечталъ, какъ онъ заведетъ себѣ лошадку и дроги и на

Батумской пристани займется извозомъ товаровъ съ пароходовъ. Домой ѣхать онъ и не предполагалъ, считая работу здѣсь выгодной. Мечталъ жениться, обзавестись домкомъ и т. д. Полонія ему сочувствовала, онъ чистосердечно посвящалъ ее во всѣ свои мечты и планы будущаго. Никогда Прокофію такъ легко не дышалось, такъ хорошо не жилось, какъ теперь.

V.

На дворѣ былъ жаркій майскій день; воздухъ былъ влажный, оранжерейный и поры на тѣлѣ какъ-бы разбухли отъ жары и влаги.

Послѣ обѣда Полонія поспѣшила по своему обыкновенію на кухню, чтобы помочь Бохвѣ убраться. Онъ, какъ и всегда, лежалъ на своей койкѣ и курилъ. Полонія молча дѣлала свое дѣло. Бохва тоже молчалъ и смотрѣлъ на нее какимъ-то особенно страннымъ, непривычнымъ взглядомъ, какъ будто что-то замышляя; наконецъ, онъ всталъ и, подойдя къ ней, слегка обнялъ ее. Полонія продолжала мыть кострюли и, граціозно повернувшись въ его сторону, улыбнулась ему. Бохва обнялъ ее крѣпче, сильнымъ движеніемъ привлекъ къ себѣ и посадилъ возлѣ себя на койку...

— Какой ты странный сегодня,— сказала ему Полонія,—ты такъ странно на меня смотришь.

Бохва ничего не отвѣтилъ, онъ охватывалъ, обнималъ и нетерпѣливыми движеніями рвалъ верхъ ея платья.

Полонія испугалась и рванулась отъ него назадъ, Бохва вцѣпился въ нее сильнѣе.

Полонія чувствовала, какъ его руки и пальцы превратились въ стальныя клещи, какъ всякое прикосновеніе ихъ причиняло ей сильную боль; она видѣла, какъ его красивое лицо безсознательно съ дикимъ взглядомъ и звѣрскимъ выраженіемъ глазъ скользило по ея груди и плечамъ и слышала какой-то ласковый, но непонятный ей говоръ на чужомъ языкѣ...

Когда она пришла въ себя, то увидѣла, что въ кухнѣ никого нѣтъ. Бохва ушелъ, ускользнулъ отъ нея, какъ будто устыдился за оказанную ей, по его понятіямъ, ласку и нѣжность.

Полонія съ ужасомъ замѣтила, что все платье ея было изодрано.

Она вскочила и побѣжала въ свою комнату, боясь попасться комунибудь на глаза, но въ дверяхъ дома наткнулась на Прокофія.

— Полася? что съ тобою?—крикнулъ онъ ей.

— Не спрашивай, ради Бога, — могла она только отвѣтить и быстро скрылась въ свою комнату.

Прокофій сразу ничего не понялъ и пошелъ въ кухню, откуда, онъ видѣлъ, выскочила Полонія. Что-то больно кольнуло его внутри;

этого чувства боли онъ еще никогда не испытывалъ. Съ непривычною для него быстротою онъ вбѣжалъ въ кухню и, не сознавая ничего, блуждалъ по ней глазами. Вдругъ онъ все понялъ; онъ почувствовалъ, какъ будто его кто-то сильно ударилъ, и этотъ ударъ его ошеломилъ. Что-то грызло его внутри. Онъ медленно поплелся въ свою каморку, улегся на свои нары и долго ворочался, скрипя досками. Какой-то неопредѣленный хрипъ, сморканіе и сопѣніе доносилось въ этотъ вечеръ до комнаты Полоніи.

VI.

Время незамѣтно двигалось впередъ. Прошло еще четыре мѣсяца, и въ Батумѣ наступила прекрасная осень, лучшее время въ году, когда нѣтъ палящей жары; въ садахъ и поляхъ обиліе фруктовъ, вина и хлѣба, и во всѣхъ уголкахъ виденъ созрѣвшій виноградъ. Въ торговлѣ замѣтно оживленіе, всѣ заняты, всѣ веселы.

Въ домѣ Теръ-Асанурова не произошло ничего особеннаго — всѣ жили, какъ и прежде, обыденною своею жизнью. Прокофій получилъ свой безсрочный отпускъ и только временно доживалъ и дослуживалъ у майора.

Только съ Полоніею произошла большая перемѣна: она была неузнаваема; трудно было узнать въ ней прежнюю красивую свѣжую дѣвушку: кругленькія щечки ея впали, глаза сдѣлались мутными, безпокойными. Стройная талія ея настолько увеличилась въ объемѣ, что положеніе ея стало слишкомъ очевиднымъ. Въ головѣ ея все мутилось, и едва-ли она сознавала тотъ путь, по которому шла, привязавшись къ такому человѣку, какъ Бохва. Часто она думала о немъ. Теперь она узнала его вполнѣ, но чѣмъ болѣе бранила его и возмущалась въ душѣ, тѣмъ болѣе ее тянуло къ нему.

Часто она жаловалась ему на свое положеніе, указывая на невозможность оставаться въ домѣ, упрекала его за холодность и равнодушіе къ ней и къ ея положенію, но, несмотря на самые грубые отвѣты Бохвы, на его равнодушіе, а иногда и дерзкое обращеніе, она не могла отъ него отвязаться. Случалось, что Бохва послѣ горькихъ слезъ и докучливыхъ жалобъ вытолкнетъ ее дерзко изъ кухни, и самъ, припѣвая мотивъ лезгинки, пойдетъ себѣ шляться по городу. Вся эта исторія и связь начинали серьезно надоѣдать Бохвѣ, и онъ помышлялъ, какъ-бы отвязаться отъ Полоніи.

Однажды, когда Полонія въ порывѣ отчаянія осыпала его упреками и, вцѣпившись въ его черкеску, не выпускала идти гулять, онъ сильнымъ толчкомъ вышвырнулъ ее изъ кухни.

На другой день, покупая провизію на базарѣ, онъ купилъ хорошую черкескую нагайку и повѣсилъ ее у себя въ кухнѣ на видномъ мѣстѣ:

«Этихъ маладрахли учить надо,—думалъ онъ,—а не то нашему брату жрать не дадутъ: вѣдь, какъ она вцѣпилась, сволочь,—какъ кошка!— Кто просилъ ее, сама на шею вѣшалась, а теперь лѣзетъ, не знаетъ сама, чего хочетъ. Только попробуй еще разъ, такъ я тебя такъ угощу, что своихъ не узнаешь.—Кто я?—не польская какая-нибудь крыса, а имеретинъ»—такъ разсуждалъ про себя Бохва—приготовляя обѣдъ и посматривая на свое пріобрѣтеніе, которое висѣло у него на глазахъ. Послѣ обѣда вошла Полонія. Бохва лежалъ и курилъ, выпуская громадныя облака дыма. Оба молчали. Полонія прибирала посуду, а по лицу ея ручьемъ лились слезы.

— Послушай, Бохва, за что ты меня мучаешь? за то, что я, какъ дура, полюбила тебя? Вѣдь у насъ скоро ребенокъ будетъ, сказала она кротко и тихо.

Бохва молчалъ.

— Да неужели-же въ тебѣ даже и жалости нѣтъ. Да ты посмотри на меня,—куда-же я дѣнусь? Я ничего отъ тебя не прошу, будь хоть ласковъ со мною. Не звѣрь-же ты.

— Ну, ну не ругаться, мамадзахли, а не то я тебѣ покажу, кто я! закричалъ Бохва, указывая на нагайку.—Всю шкуру съ тебя сдеру. У насъ, ты знаешь, какъ учатъ такихъ, какъ ты?

Полонія посмотрѣла на стѣну и остолбенѣла отъ ужаса и стыда. Она взглянула на Бохву и, увидѣвъ его хищное и наглое лицо, молча выбѣжала изъ кухни.

Въ это время въ окно кухни смотрѣлъ Прокофій, который въ послѣднее время безпокойно и зорко слѣдилъ за Полоніей. Онъ слышалъ, какъ Бохва угрожалъ Полоніи нагайкою, и вся душа его кипѣла отъ негодованія.

VII.

Вечеромъ къ майору зашелъ князь Амирамиби, одѣтый во фракъ и со шляпою подъ мышкою. Майоръ тоже одѣвался въ эполеты,— они собирались къ губернатору на вечеринку. Уходя, майоръ приказалъ его ждать вечеромъ съ самоваромъ. Онъ любилъ, придя домой, какъ слѣдуетъ напиться чаю.

Проводивъ барина, Прокофій пошелъ и прилегъ въ своей каморкѣ.

Прежде онъ воспользовался-бы вечеромъ, чтобы заснуть, но теперь ему не спалось и онъ вертѣлся съ боку на бокъ. Онъ думалъ о томъ, что вскорѣ его ожидаетъ полная свобода, такъ какъ онъ долженъ идти въ запасъ. Ему въ голову не приходило идти обратно въ деревню, въ работники къ брату. Онъ мечталъ, что на свои маленькія сбереженія, источникомъ которыхъ были проценты, получаемые имъ съ лавочника и булочника за забранные у нихъ для барина товары, онъ купитъ ло-

шадь и дроги, чтобы заняться извозомъ, и другія мечты шевелились въ его воображеніи. Онъ чувствовалъ, что готовъ былъ-бы всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, если-бы Полонія пошла за него замужъ. Его не стѣснило-бы и то положеніе, въ которомъ она теперь находилась. Онъ помирился-бы съ этимъ, онъ могъ-бы любить ее и работать для общаго счастія. Правда, его мучила мысль: зачѣмъ она занята этимъ негодяемъ? Неужели она не видитъ, какой онъ скверный человѣкъ? Но мечта о счастьѣ, боролась въ немъ съ этими тяжелыми чувствами, и ему все казалось, что дѣло какъ-нибудь само-собою обойдется и устроится. Ему вспоминался его маленькій племянникъ, съ которымъ онъ игралъ дома, вспоминалось, какъ онъ цапалъ его маленькими ручонками и какъ онъ самъ на четверинкахъ изображалъ ему собаку или страшнаго волчищу. Ему самому захотѣлось имѣть такого мальчишку и возиться съ нимъ, тогда онъ устроится домомъ и будетъ самъ по себѣ свободенъ, работать и трудиться на себя и на свою будущую семью... Мечты росли, расплывались и переходили въ крѣпкій сонъ.

Вдругъ Прокопій съ ужасомъ проснулся отъ жалкаго, пронзительнаго человѣческаго крика. Онъ вскочилъ и, не помня себя, побѣжалъ на этотъ крикъ въ кухню. То, что онъ увидѣлъ тамъ совершенно помутило его разсудокъ: Бохва, съ налившимися кровью глазами, билъ нагайкой Полонію, которая дрожа и корчась, жалась лицомъ къ стѣнѣ. Прокофій вбѣжалъ и, весь блѣдный отъ напряженія, схватилъ Бохву за горло. Полонія едва успѣла выскочить. Прокофій самъ не зналъ до сихъ поръ своей физической силы. Растерявшійся Бохва безсильно задыхался подъ его желѣзными пальцами. Лицо его вдругъ посинѣло. Прокофію стало жутко. Ему показалось, что Бохва умираетъ. Онъ раздраженно отшвырнулъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ спѣшилъ въ комнату Полоніи, чтобы узнать, что съ ней. Онъ засталъ ее, всю блѣдную, за тревожною и спѣшною работой: она собирала въ узелъ свои пожитки.

— Что ты дѣлаешь, Полося?—безпокойно спросилъ онъ.

— Ухожу—видишь...

— Подожди, милая ты моя... Посмотри, какъ этотъ анаѳема тебя исполосовалъ, куда ты такая пойдешь? дай хоть провожу тебя...

— Не надо, не надо, Прокоша,—говорила она,—только приведи мнѣ скорѣе дроги; ноги дрожатъ, идти не могу, говорила Полонія заливаясь слезами.

Прокофій самъ едва могъ удерживаться. Онъ чувствовалъ какой-то приливъ къ глазамъ, вѣки его дрожали, и сердце замирало.

Дроги онъ привелъ и положилъ на нихъ пожитки Полоніи. Волненіе душило его, и онъ молча смотрѣлъ на дрожащую Полонію.

Полонія подошла къ нему и обняла его:—«Прощай, Прокоша, будь

счастливъ, никогда не забуду твоей доброты... Если что нужно будетъ, скажи барину, что я буду у сапожника. А здѣсь — самъ видишь»...

Дроги тронулись и Полонія уѣхала.

Когда майоръ вернулся домой, Прокофій доложилъ ему объ отъѣздѣ Полоніи и о поведеніи Бохвы; майоръ не на шутку разсердился и на другое-же утро расчиталъ и выгналъ Бохву. Прокофій сталъ настоятельно просить майора отпустить и его.

— Куда тебѣ, дураку, одному жить?—говорилъ майоръ, подожди я мѣсто тебѣ найду.

Но Прокофій настаивалъ на своемъ; жизнь въ этомъ домѣ одному стала ему тяжела. Черезъ недѣлю онъ получилъ свой билетъ и сталъ свободнымъ работникомъ въ Батумѣ.

Нѣсколько разъ Прокофій посѣщалъ сапожника, чтобы узнать, что дѣлаетъ Полонія, но видѣть ее не могъ, ему говорили, что она очень больна. Въ послѣдній разъ, когда Прокофій пришелъ освѣдомиться о ней, ему сказали, что она уѣхала неизвѣстно куда: это извѣстіе совсѣмъ поразило Прокофія, и онъ долго не могъ придти въ себя.

VIII.

Батумъ быстро застраивался домами и не по днямъ, а по часамъ превращался въ большой торговый портовый городъ. Производились уже работы по постройкѣ желѣзной дороги для соединенія съ Поти-Тифлисской линіей. На пристани всегда было большое оживленіе. Какъ въ порто-франко, туда свозился даже строительный матеріалъ изъ за-границы. Всѣ склады, сараи и пустопорожнія мѣста были завалены иностранными матеріалами и произведеніями. Мелкій каботажъ работаетъ усиленно, перевозя въ Мингрелію и Гурію контрабанду, а оттуда перевозилась контрабанда и въ большіе города Закавказья. Кордонная цѣпь, разставленная по берегу Чернаго моря до Поти, не могла бороться съ наплывомъ привозимой контрабанды; стычки и убійства на постахъ были случаями заурядными.

Стоялъ октябрь. Природа предвѣщала зиму, нѣкоторыя деревья уже начинали терять свой листъ. Дни стояли прекрасные, не ощущалось ни жары, ни холоду, хоть дожди набѣгали болѣе часто.

Въ ожиданіи работы, на пристани сидѣло много людей, называемыхъ нуши или носильщики; ихъ нанимали и поденно и задѣльно для выгрузки товара съ приходящихъ судовъ. Въ числѣ этихъ рабочихъ находился и нашъ Прокофій; онъ былъ хорошій рабочій и вырабатывалъ иногда болѣе рубля въ день; конечно, этихъ денегъ онъ не проживалъ на себя и дѣлалъ маленькія сбереженія.—Жизнь его была тяжелая рабочая и суровая, но свободная, а онъ не жаловался. Около

мѣсяца онъ занимался своимъ дѣломъ и съ ранняго утра приходилъ на пристань. Все старое, прожитое въ домѣ Теръ-Асанурова, вспоминалось ему иногда, но все рѣже и рѣже.

Про судьбу Полоніи онъ ничего не зналъ. Послѣ того, какъ сапожникъ объявилъ ему, что она уѣхала неизвѣстно куда, онъ былъ увѣренъ, что ея въ городѣ нѣтъ, а слѣдовательно для него не было никакой надежды ее увидѣть. Всѣ мечты его лопнули, какъ мыльный пузырь. Онъ и не помышлялъ теперь пріобрѣтать на свои денежныя сбереженія лошадь и дроги, особенно стараться теперь было не для кого и не для чего.

Масса народу суетилась на пристани около пришедшаго парохода. Носильщики толпились, ругались и безъ церемоніи сбивали съ ногъ того, кто подвертывался имъ на пути. Прокофій несъ товаръ на спинѣ, пересѣкая набережную; вдругъ онъ замѣтилъ па берегу нѣкоторую суету, и народъ разступался, освобождая кому-то дорогу. Онъ увидалъ окружнаго начальника Теръ-Асанурова, который шелъ по набережной, прямо навстрѣчу ему, сопровождаемый своими двумя конвойными аджарцами.

— Вотъ, дуракъ, чѣмъ занимается,—крикнулъ онъ ему. – Ну что ты, дурень! развѣ чище работы не нашелъ?

— Здравіе желаю, ваше высокоблагородіе!—закричалъ Прокофій, увидѣвъ майора

— Здравствуй! ну что ты, болванъ, спину себѣ ломаешь?

— Ничего не подѣлаешь, ваше высокоблагородіе! надоть работать, не сидѣть-же не жравши.

— Не про это, тебѣ дураку, толкуютъ. Конечно не такъ тебѣ сидѣть, да зачѣмъ работу-то такую подлую себѣ выбралъ.—Сказавъ это, майоръ немного задумался и спросилъ:

— А ты къ вечеру свободенъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

Уходя майоръ продолжалъ добродушно ругаться.

Къ вечеру Прокофій пріодѣлся и отправился на квартиру къ майору.

Его позвали въ кабинетъ; тамъ онъ увидалъ другого инженернаго полковника, съ которымъ майоръ пилъ чай и разговаривалъ.

— Ну вотъ тотъ дурень, о которомъ я тебѣ говорилъ,—обратился майоръ къ полковнику.—Хоть я его и ругаю, но онъ себѣ ничего, добрый малый и, если можешь, то пристрой его какъ-нибудь.

– Хорошо, съ удовольствіемъ. Я могу его помѣстить будочникомъ па желѣзной дорогѣ. Не знаю только, женатъ-ли онъ,—вѣдь холостыхъ. одинокихъ, у насъ на эти мѣста не берутъ,—сказалъ инженерный полковникъ.

— Ну сдѣлай что-нибудь, пристрой его куда-нибудь. Да что-жъ ты,

свинья этакая, не женился до сихъ поръ? видишь, счастіе свое проморгаешь?—обратился онъ къ Прокофію.

У Прокофія даже подъ колѣнами тряслось отъ волненія; онъ едва вѣрилъ тому, что слышалъ. Быть будочникомъ, имѣть свой домикъ, свое хозяйство, это казалось ему чѣмъ-то несбыточно прекраснымъ, и сознаніе, что это счастье можетъ сейчасъ-же ускользнуть отъ него, совершенно отуманило его мозгъ..

— Ваше высокоблагородіе, у меня невѣста есть, я женюсь,—вдругъ, неожиданно для себя, совралъ Прокофій.

— Видишь-ли, какъ не глупъ, а дѣло знаетъ! Такая морда, а тоже женится! Ну и прекрасно,—смѣялся майоръ.

— Хорошо! какъ женишься, приходи ко мнѣ въ полкъ и тогда я тебя помѣщу на мѣсто будочника,—обѣщалъ полковникъ.

— Ну, а теперь благодари полковника и проваливай къ чорту.

— Покорнѣйше благодарю,—крикнулъ весело Прокофій. Не чувствуя ногъ подъ собою, выскочилъ онъ изъ кабинета майора.

Но придя домой, Прокофій вспомнилъ, однако, что радоваться ему было еще нечего. Насчетъ невѣсты онъ совралъ, а между тѣмъ не найти жены, значило оказаться въ самомъ невозможномъ положеніи передъ майоромъ и полковникомъ и лишиться обѣщаннаго благополучія.

Именно въ этомъ тяжеломъ, безвыходномъ положеніи застаетъ его начало нашего разсказа.

IX.

Дня три проходилъ Прокофій въ этомъ тяжеломъ раздумьѣ. Даже работа у него не клеилась; онъ безпрестанно садился, отдыхалъ и задумывался, какъ быть.

Рано утромъ онъ пришелъ на пристань, усѣлся на рядъ сложенныхъ досокъ и ожидалъ найма на работу. Солнце едва показалось изъ-за горъ. Тишина была полная, оживленное портовое движеніе еще не началось; эта тишина нарушалась иногда плескомъ веселъ проходящихъ фелюгъ и шумнымъ кувырканьемъ дельфиновъ на морской поверхности.

Къ нему подошли два рабочихъ звать его на выгрузку лѣсного матеріала съ греческаго паруснаго судна; онъ лѣниво отвѣтилъ, что сейчасъ придетъ, а самъ остался все-таки сидѣть.

— Нѣтъ, придется идти въ Поти,—рѣшилъ онъ,—и сказать полковнику, что невѣсты у меня нѣтъ, придется тогда одному оставаться тутъ и ломать свою спину, таскать грузы,—думалъ Прокофій и собирался уже идти къ греческому судну.

Вдругъ глаза его случайно упали на фигуру проходившей мимо женщины, при видѣ которой что-то вдругъ зашевелилось у него въ сердцѣ.

Когда женщина подошла ближе, для Прокофія не оставалось болѣе никакого сомнѣнія и онъ громко крикнулъ: «Полося!»

Дѣйствительно это была Полонія. Она быстро обратилась къ нему:

— Прокоша, это ты?—спросила она радостно.

— Да развѣ ты не уѣхала? Да развѣ ты тутъ? Какъ тебѣ не стыдно, что ты мнѣ этого не сказала?.. Посмотрика-сь, какая ты дохлая стала, да больная.

Дѣйствительно на Полоніи лица не было, она была худа и блѣдна, какъ смерть. Глаза ея ушли куда-то совсѣмъ внутрь, и подъ глазами образовались темныя пятна. По всему замѣтно было, что она прошла чрезъ тяжелую болѣзнь.

Полонія сѣла рядомъ съ Прокофіемъ и понемногу съ нимъ разговорилась. Нѣсколько разъ приходили рабочіе и звали Прокофія на выгрузку товара, но оторвать его теперь отъ Полоси не представлялось возможнымъ.

— Ну, а какъ-же ребенокъ у тебя есть?

— Нѣту, нѣтъ. Не спрашивай, Прокоша, надо все это забыть,—прервала его быстро Полонія.—Мнѣ тяжело, стыдно обо всемъ этомъ вспоминать и говорить. Поэтому я и просила сапожничиху сказать и тебѣ и другимъ, что я уѣхала и меня въ городѣ нѣтъ.

— Что ты, Полося, чего тебѣ меня стыдиться? я объ тебѣ измучился совсѣмъ.

— Ну а ты мнѣ разскажи про себя: когда ты ушелъ отъ Мирзабекъ Абрамовича?—спросила Полонія.

Прокофій разсказалъ, какъ онъ отпросился уйти отъ майора, сталъ работать на пристани и какъ встрѣтился впослѣдствіи съ майоромъ, устроившемъ ему мѣсто будочника, котораго онъ не могъ принять, не будучи женатымъ.

Полонія слушала его со вниманіемъ, грустно и задумчиво.

Нѣсколько разъ Прокофій принимался говорить что-то путанное, но ничего понятнаго изъ его рѣчи не выходило.

Полонія молча размышляла.

Наконецъ Прокофій собрался съ духомъ и разомъ спросилъ:

— Полося, ну а ты что про это скажешь—ты-бъ за меня не пошла?

— На что тебѣ нужна такая дохлая жена, какъ я?—сказала съ грустью Полонія.

— Да ты только скажи, что хочешь, а тамъ видно будетъ, какъ дѣло.

— Прокоша, ты добрый, ты хорошій, съ тобою жить я могу. Мнѣ бы только уѣхать, никого-бы тутъ не видѣть. Душа моя вся изныла и измучилась. Хоть съ тобою въ жизни отдохну. Я согласна, Прокоша, только скорѣе уѣдемъ отсюда.

— Да это—небось. Попу завтра скажемъ насчетъ свадьбы, а тамъ съ первымъ пароходомъ въ Поти уѣдемъ. Ты, Полося, небось! все дѣло обдѣлаемъ начисто,—заговорилъ весело Прокофій.—Знаешь, какъ явлюсь къ начальнику въ Поти, да объявлюсь женатымъ, такъ меня сейчасъ на мѣсто зачислятъ и будку укажутъ.

На другой день, безъ всякихъ затѣй, состоялась свадьба Прокофія и Полоніи въ греческой церкви, потому что русской въ Батумѣ еще не было. На третій день они уже шли на пароходъ въ Поти. Черезъ короткое время исполнилась завѣтная мечта Прокофія; онъ получилъ мѣсто будочника около станціи Чаладиди на Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ.

X.

Прошло три года мирной и благополучной жизни Прокофія съ женой. У нихъ былъ сынишка двухъ лѣтъ, Николка. Все свое время и сердце Полонія отдавала этому ребенку. Теперь жизнь ея была спокойна и полна. Рожденье ребенка окончательно примирило ее съ судьбою. Прокофій былъ болѣе чѣмъ счастливъ и доволенъ своимъ существованіемъ.

Сторожевая будка Прокофія, расположенная въ верстѣ отъ станціи Чаладиди, стояла въ мертвой глуши. За нею разстилались безбрежные, великолѣпные лѣса, перемежающіеся болотами. Глубокая тишина нарушалась только гуломъ и грохотомъ проносившихся поѣздовъ, далекимъ свистомъ локомотива. Самая будка, въ которой они жили, была довольно удобно расположена. У входной двери былъ навѣсъ вродѣ балкона. Затѣмъ шла довольно помѣстительная комната съ печью посрединѣ. Изъ этой комнаты шла дверь въ довольно обширную кладовую безъ дверей и оконъ. Тамъ помѣщались широкія нары, на которыхъ была послана чистая постель, гдѣ спали всѣ трое.

День шелъ за днемъ, не принося съ собою ничего особенно новаго. Время свое Прокофій съ женою считали по поѣздамъ, которые проходили мимо и которые они встрѣчали исправно съ флагами и фонаремъ.

Одно только значительное событіе нарушило за все это время мирную жизнь будочника. Однажды вечеромъ Прокофій вышелъ съ фонаремъ, чтобы встрѣтить проходящій товарный поѣздъ и сталъ на свою позицію. На открытыхъ платформахъ везли изъ Поти на линію шпалы. Изъ средины положенныхъ въ порядкѣ шпалъ одна постепенно высовывалась отъ тряски. По несчастной случайности, она пришлась какъ разъ на такой высотѣ, что, проѣзжая мимо, ударила съ страшною силою Прокофія по головѣ. Онъ замертво упалъ на землю.

Долго проболѣлъ Прокофій, лежа въ кутаисской больницѣ. У него были большія поврежденія наружныхъ покрововъ головы и верхнихъ наслоеній черепныхъ костей. Полонія съ ребенкомъ помѣстилась въ

Кутаисѣ близъ больницы и во все время болѣзни мужа не покидала его. Когда Прокофій уже сталъ выздоравливать, начальникъ дистанціи посѣтилъ его въ больницѣ и сказалъ ему, чтобы онъ не смѣлъ заявлять и подавать какія либо прошенія по поводу того, что съ нимъ случилось,—иначе онъ потеряетъ свое мѣсто. Полковникъ убѣдилъ Прокофія, что онъ круглый дуракъ: считаетъ воронъ въ то время, когда проходитъ поѣздъ и потому не могъ замѣтить, какъ шпала высунулась наружу! Однимъ словомъ, полковникъ порядочно выругалъ Прокофія, но потомъ смилостивился и даже обѣщалъ выдать ему вознагражденіе въ пятьдесятъ рублей и жалованье эа прогульный мѣсяцъ. Прокофій не только успокоился, но и страшно обрадовался; шутка сказать—пятьдесятъ рублей награды!

Черезъ нѣкоторое время, ему дѣйствительно выдали пятьдесятъ рублей. Прокофій не зналъ, что могъ искать съ управленія дороги за увѣчье судебнымъ порядкомъ, что ему могли-бы присудить довольно значительную сумму или пожизненную пенсію. Онъ забылъ всѣ свои страданія и мучительную болѣзнь и, какъ ребенокъ, обрадовался этимъ деньгамъ, мечтая о томъ, что у нихъ вмѣстѣ съ прежнимъ сбереженіемъ образуется цѣлый капиталъ—около ста рублей. Почти каждый вечеръ Полонія открывала свой сундучекъ и повѣряла деньги и потомъ бережно складывала ихъ на мѣсто.

Вся радость, всѣ мечты Полоніи сосредоточивались въ сынѣ. Это былъ единственный свѣтъ ея жизни. Она мечтала воспитать его и вывести изъ той среды, въ которой ей самой суждено было проводить свою дальнѣйшую жизнь. Но для этого нужны были средства и вотъ эти средства она копила и берегла пуще глаза. Потерять эти деньги значило для нея потерять все свое будущее.

Дѣйствительно, миловидный мальчикъ своею наружностью напоминалъ немного мать: въ немъ видна была нѣкоторая изнѣженность, черты лица были тонки, кожа прозрачна. Онъ напоминалъ Полоніи дѣтей ея дорогой родины, Польши, и это еще болѣе привязывало Полонію къ сыну. Прокофій любилъ сына страстно и посвящалъ ему все свободное время, но онъ скорѣе имѣлъ видъ дядьки, приставленнаго къ барчуку, чѣмъ отца. Иногда, сидя за обѣдомъ и выпивая рюмку сивухи, онъ нарочно, шутя, подносилъ къ носу ребенка свою рюмку, и когда тотъ дѣлалъ гримасу, морщился, Прокофій приходилъ въ восторгъ и съ гордостью говорилъ женѣ:—«Вотъ сейчасъ видно, что барчукъ, вишь его какъ отъ нашей сивухи-то коробитъ!»—Полонія смѣялась, ласково смотрѣла на ребенка и еще крѣпче прижимала его къ себѣ.

XI.

Однажды, въ теплый лѣтній вечеръ, къ Прокофію зашелъ товарищъ и сосѣдъ его по сторожевй будкѣ—грузинъ Арчилъ Лолуа, чтобы вмѣстѣ идти смотрѣть на оплакиванье умершаго князя Коченидзе. Князья Коченидзе были богатые уважаемые въ округѣ помѣщики, и «оплакиванье» стараго князя, по мѣстному обычаю, должно было представлять зрѣлище довольно рѣдкое и очень любопытное. Прокофій и Лолуа, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, весело пустились въ путь, передавъ свои обязанности женамъ.

Все, что Прокофій увидѣлъ за этотъ день, было для него такъ ново и такъ удивительно, что онъ чувствовалъ себя, какъ во снѣ. Толпы народа на дворѣ, духовенство вокругъ гроба, стоявшаго въ полутемной комнатѣ, женщины въ оригинальныхъ траурныхъ уборахъ и подъѣзжающія кавалькады князей и дворянъ-сосѣдей со свитами, плачъ и громкое причитаніе вдовы при встрѣчѣ гостей, высокопарные рѣчи надъ гробомъ — все это казалось Прокофію сказочно-интереснымъ и занимательнымъ. Онъ долго шатался между пріѣзжими, то робко заглядывая въ княжескіе покои, то приставая къ кучкамъ народа, толпившагося на дворѣ.

Уже смеркалось, когда Прокофій съ своимъ товарищемъ, наглядѣвшись вдоволь на князей и дворянъ, пошли осматривать приготовленія, которыя дѣлались для обѣда всему прибывшему на отпѣваніе народу.

По всему двору были поставлены наскоро сдѣланные столы и скамейки. На задней половинѣ двора стояли котлы, гдѣ варилось мясо и были приспособлены треножники, чтобы вертѣть и жарить шашлыки изъ мяса, баранины и разныхъ птицъ. Нѣсколько поваровъ суетились и приготовляли роскошный обѣдъ для князей и болѣе простую пищу для народа. Нѣсколько бурдюковъ съ винами лежало тутъ-же на землѣ.

— Эге! никакъ—Прокофій!—крикнулъ вдругъ кто-то за спиною Прокофія.

Онъ обернулся и увидѣлъ въ числѣ поваровъ Бохву Хотерія.

Время, очевидно, изгладило всякое недоразумѣніе между ними и Прокофій добродушно подошелъ къ Бохвѣ.

— Здравствуй, дружище! Ну какъ поживаешь? Что ты тутъ дѣлаешь?—спрашивалъ Прокофій.

— Да вотъ, пригласили готовить на оплакиванія, нарочно даже изъ Кутаиса меня выписали,—отвѣтилъ Бохва.—А ты какъ сюда попалъ?

Прокофій разсказалъ, что служитъ тутъ будочникомъ на желѣзной дорогѣ, что женатъ на Полоніи и имѣетъ сына.

— Я слышалъ, тебѣ поѣздомъ расшибло голову и ты былъ сильно боленъ. Ну, а теперь какъ? ничего?—спрашивалъ Бохва, глядя на Прокофія своими большими, прищуренными глазами.

— Ничего-то ничего! но когда треснуло меня по башкѣ, такъ не думалъ, что когда-нибудь на ноги встану, всю голову проломило. Меня ужъ лѣчили, лѣчили въ больницѣ, просто смерть, одно наказаніе. Да вотъ спасибо, что заплатили за рану мою.

— Какъ заплатили?—спросилъ Бохва.

— Да такъ, по-благородному. Какъ всталъ на ноги, такъ и выложили пятьдесятъ рублей! Раньше не давали, извѣстно думали, что умру, а тогда деньги, вѣдь, даромъ-бы пропали.

— А ты, я думаю, какъ деньги получилъ, такъ ихъ и расшвырялъ сейчасъ?—спросилъ Бохва.

— Ну, нѣтъ. Полося у меня не такая,—съ гордостью сказалъ Прокофій,—она деньги каждый день считаетъ и въ сундучекъ къ старымъ деньгамъ прячетъ. Нѣтъ, она не потеряетъ, она у меня не такая,—разболтался добродушно Прокофій.

— Разсказывай!— подзадоривалъ его Бохва,—ну, какъ тамъ прятать деньги, долго-ли сундучекъ украсть.

— Этого никакъ нельзя,—настаивалъ наивно Прокофій.—Ну, какъ ихъ взять, посуди самъ: за комнатою у насъ кладовая, тамъ мы и спимъ, а подъ нарами сундучекъ прячемъ: днемъ кладовая заперта крѣпко, да Полося моя никуда и не отлучается, развѣ только поѣздъ встрѣтить.

Бохва задумался, и оба замолчали.

— Ну, прощай, Бохва, мнѣ пора домой.

— Прощай, прощай, Прокофій; смотри, собирай побольше денегъ. дѣло хорошее, богачемъ будешь,—смѣялся Бохва, скаля бѣлые зубы. Они подали другъ другу руки и дружески разстались.

Бохва, видимо, остался доволенъ свѣдѣніями, полученными отъ Прокофія. Опредѣленнаго мѣста онъ не имѣлъ въ Кутаисѣ, а зарабатывалъ кое-что по приглашеніямъ и въ городѣ и за городомъ: на свадьбахъ, на оплакиваніяхъ и другихъ торжествахъ. У князей Коченидзе на оплакиваніи нужно было три дня кормить гостей и народъ и поэтому ему приходилось оставаться тутъ еще нѣсколько дней. Бахва былъ все такъ-же лѣнивъ, какъ и прежде и поэтому предпочиталъ гулять изъ одного дома въ другой, чѣмъ служить на одномъ мѣстѣ. Послѣ оплакиванія онъ собирался пошляться у знакомыхъ въ Мингреліи и уже потомъ вернуться въ Кутаисъ.

Разговоръ съ Прокофіемъ вдругъ зародилъ въ немъ безпокойную и неотвязчивую мысль. Ему досадно было, что этотъ дуракъ могъ такъ глупо благодушествовать въ своемъ счастіи вмѣстѣ съ Полоніей, да еще

копить деньги. И зачѣмъ этимъ мамадзахли деньги, думаетъ онъ, они и проживать ихъ не умѣютъ, а тутъ сиди у огня три дня, да еще хорошо если пять рублей заплатятъ. Каковъ дурень, вспомнилъ онъ про себя, говоритъ, что около ста рублей накопилъ! А эта дура,—продолжалъ онъ размышлять,—я былъ такъ глупъ, еще любилъ и ласкалъ ее, а она мнѣ цѣлую исторію сдѣлала; стоила она того, чтобы ей такое вниманіе оказывать.

Такъ думалъ Бохва, лежа на дворѣ, подъ орѣховымъ деревомъ и завертываясь въ бурку. Сонъ не приходилъ къ нему,—его замыселъ все болѣе и болѣе волновалъ и безпокоилъ его.

Вернувшись домой, Прокофій разсказалъ своей женѣ попорядку все, что видѣлъ на оплакиваніи. Разсказывая о встрѣчѣ съ Бохвою, онъ добродушно ухмылялся—точно дѣло шло о встрѣчѣ съ старымъ пріятелемъ. Но Полонія, услышавъ имя Бохвы, вдругъ поблѣднѣла, и сердце ея забилось сильно и тревожно. Все прошлое встало въ ея воображеніи. Но она промолчала. Ей не хотѣлось мучить мужа своими тревогами, да къ тому-же это было-бы безполезно—при всей своей любви къ ней, онъ никогда не способенъ былъ понять того, что творилось въ ея болѣе сложной и тонкой душѣ.

Вечеромъ, Полонія нѣсколько разъ подходила къ ребенку, нѣсколько разъ цѣловала его и съ грустью и тяжестью на сердцѣ легла спать. Красивое лицо Бохвы неотвязчиво преслѣдовало ее. Одна сцена за другой изъ жизни ея въ Батумѣ назойливо смѣнялись въ ея памяти, и сонъ бѣжалъ отъ нея.

XII.

Прошло нѣсколько дней, Полонія вошла въ обычную колею. Она выбѣгала по временамъ встрѣтить поѣздъ, занималась домомъ и ребенкомъ; дѣла всегда было много и задумываться и скучать было некогда.

Однажды, вечеромъ, Прокофій ушелъ на осмотръ пути, вооружившись всѣми нужными инструментами и фонаремъ. Въ одномъ мѣстѣ производились ночныя поправки,—поэтому онъ не могъ рано вернуться домой. Былъ уже десятый часъ вечера. Полонія уложила спать ребенка въ кладовой и сама, пріотворя немного дверь, чтобы слѣдить за нимъ, стала у открытой входной двери. Уставъ отъ дневной работы, она немного задумалась. Мертвая тишина царила кругомъ. Вечеръ былъ теплый, тихій,—небо заволокло, какъ передъ дождемъ. Тишина во время сумерекъ, когда и глазъ не можетъ провѣрить все окружающее, какъ-то особенно нервно настраиваетъ воображеніе и располагаетъ къ безотчетному страху. Въ этомъ состояніи духа сидѣла теперь Полонія. Чтобы развлечь себя, она нѣсколько разъ подходила къ тихо спавшему ребенку, потомъ она вспо-

мнила, что въ десять часовъ долженъ придти пассажирскій поѣздъ, и пошла зажечь фонарь, съ которымъ должна была выйти на путь. Фонарь тускло горѣлъ среди окружающаго мрака. До прихода поѣзда оставалось мало времени, послѣ проѣзда его она разсчитывала запереться и заснуть. Вдругъ, взглянувъ на входную дверь, Полонія увидѣла передъ собой какую-то странную фигуру. Это былъ человѣкъ, у котораго вся голова и лицо были завязаны башлыкомъ; черезъ маленькое отверстіе блестѣлъ большой черный глазъ. Полонія вскочила, какъ ужаленная, и откинулась къ стѣнѣ, холодная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, языкъ онѣмѣлъ.

Сначала она подумала, что все это создало ея разстроенное воображеніе, но человѣкъ все стоялъ, осторожно оглядывался и, наконецъ, быстрымъ прыжкомъ подскочилъ къ ней и, схвативъ ее за воротъ, хриплымъ шепотомъ спросилъ:

— Гдѣ деньги, показывай сейчасъ!

— Ради Бога!—едва могла выговорить Полонія.

— Гдѣ деньги? или я тебѣ всѣ кишки выпущу...

Полонія потеряла всякую силу, у нея подкосились ноги... но вдругъ чувство самосохраненія сказалось въ ней, она позабыла въ эту минуту все, что было связано въ ея представленіи съ драгоцѣнными деньгами и, отдернувъ руку разбойника, указала ему дверь въ кладовую:

— Тамъ, подъ постелью все лежитъ,—иди,—проговорила она.

Разбойникъ рванулся къ двери и шмыгнулъ въ кладовую.

Едва онъ вошелъ туда, какъ Полонія, подъ вліяніемъ того-же чувства самосохраненія, быстро закрыла за нимъ дверь и задвинула здоровый желѣзный запоръ. Разбойникъ попался въ ловушку: ни дверей, ни оконъ въ кладовой не было и выскочить оттуда не было возможности.

— Ахѣ, мамадзахли! отворяй сейчасъ-же, польская крыса!—закричалъ разбойникъ.

Полонія застыла отъ ужаса: этотъ голосъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ ей.

— Бохва! Господи Боже мой...—слабо проговорила она.

— Отворяй, я тебѣ говорю, отворяй, негодная! я тебя какъ собаку зарѣжу! — кричалъ онъ задыхающимся голосомъ и колотилъ въ дверь рукояткою кинжала.

Полонія, помертвѣвъ отъ ужаса, неподвижно стояла передъ дверью.

Вдругъ, вмѣстѣ съ грубымъ крикомъ разбойника, раздался плачъ ребенка.

— Ага! это твое поганое отродіе! подожди, мамадзахли!—отворяй сейчасъ или я этому щенку буду руку рѣзать...—кричалъ Бохва.

Но Полонія едва понимала, что онъ кричитъ ей. Одна мысль ра-

ботала въ ея мозгу: дождаться людей, призвать кого-нибудь на помощь. Вдругъ раздался гулъ приближающагося поѣзда. «Остановить его...» — подумала Полонія, и схвативъ фонарь, быстро выдвинула красное сигнальное стекло.

— Слышишь ты, что я тебѣ говорю, мамадзахли!..—кричалъ Бохва, заглушая испуганный визгъ ребенка.

Полонія почти теряла сознаніе отъ ужаса. Шумъ и гулъ приближающагося поѣзда усиливался. Еще одна минута,—и онъ могъ пронестись мимо. Не помня себя, она рванулась къ выходу. Нечеловѣческій, страшный крикъ раздался ей вслѣдъ, но она безъ оглядки бѣжала къ полотну желѣзной дороги, судорожно сжимая въ рукѣ ручку сигнальнаго фонаря. Послышался усиленный свистъ локомотива: — знакъ тревоги. Локомотивъ страшно и сильно шипѣлъ, давая задній ходъ и останавливая поѣздъ. Казалось, это было какое-то трехглазое чудовище, которое пыхтѣло, съ громадною силой выпуская пары...

Поѣздъ остановился на короткомъ разстояніи отъ будки, въ темнотѣ видно было, какъ люди выскакивали изъ вагоновъ. Фонарики мелькали по всѣмъ направленіямъ. Полонія бѣжала имъ навстрѣчу.

Кондукторы съ фонарями и толпы пассажировъ шли быстро къ будкѣ.

— Помогите! помогите!—кричала Полонія.

— Что случилось?—кричали всѣ разомъ.

— Рѣжутъ! рѣжутъ!..—стонала Полонія.

— Кто рѣжетъ? Говори толкомъ!—строго сказалъ оберъ-кондукторъ.

— Разбойникъ рѣжетъ, я заперла его въ будкѣ,—говорила, вся дрожа, Полонія.

Кондукторы и пассажиры немного пріостановились и стали обсуждать положеніе. Нѣсколько человѣкъ говорили между собою по-грузински. Какая-то русская пассажирка въ буркѣ и папахѣ подошла къ оберъ-кондуктору и предложила свой заряженный револьверъ.

Нѣсколько туземцевъ въ національномъ вооруженіи вызвались тоже идти вмѣстѣ, чтобы взять разбойника изъ его ловушки.

Комната разомъ наполнилась народомъ и освѣтилась фонарями.

Оберъ-кондукторъ приказалъ Бохвѣ отдать свое оружіе, потомъ отперъ дверь и пріоткрылъ ее, чтобы Бохва могъ просунуть свой кинжалъ. Всѣ невольно вскрикнули: кинжалъ былъ измазанъ кровью... Оберъ-кондукторъ отворилъ дверь въ кладовую: свѣтъ фонарей разомъ проникъ въ эту комнату и глазамъ присутствующихъ представилась потрясающая картина. Бохва стоялъ не трогаясь съ мѣста: руки и платье его были залиты кровью; красивое лицо его было блѣдно. На постелѣ лежалъ трупъ мальчика, одна рука и нога висѣли наполовину отрѣзанныя отъ туловища; все было такъ измазано и облито кровью, что трудно было что-нибудь различить...

Полонія рванулась съ крикомъ черезъ толпу, бросилась къ своему ребенку и схватила его на руки.

Въ это время вошелъ въ будку Прокофій. Онъ услышалъ на пути тревожный свистотъ локомотива и поспѣшилъ по направленію къ будкѣ. Ничего не понимая, онъ вошелъ въ комнату и наткнулся на всю эту сцену. Онъ увидѣлъ обезображенный трупъ ребенка, увидѣлъ жену свою, которая металась, какъ сумасшедшая изъ стороны въ сторону съ окровавленнымъ трупомъ. Въ головѣ его все помутилось.

Замѣтивъ Прокофія, Полонія кинулась къ нему:

— Да спасай-же, наконецъ, его отъ этого злодѣя!—кричала она— Да что-же ты стоишь, не трогаешься съ мѣста? Развѣ ты не видишь, что онъ рѣжетъ его...

Рѣчь Полоніи стала путаться, никто не понималъ, что она говоритъ и чего она хочетъ. Ясно было, что она теряла разсудокъ.

Оберъ-кондукторъ распорядился связать руки Бохвѣ, который упорно молчалъ и не оказывалъ никакого сопротивленія.

Рѣшено было взять на поѣздъ Бохву, безумную Полонію и трупъ ребенка, для передачи ихъ въ руки властямъ. Прокофія оставили при будкѣ, обѣщая немедленно прислать ему на смѣну со станціи Чаладиди другого человѣка.

Большихъ усилій стоило вырвать изъ рукъ Полоніи трупъ ребенка: она кричала, просила у всѣхъ защиты, бросалась на колѣни, рыдала надрывающими душу рыданіями... Наконецъ, всѣ пассажиры размѣстились по своимъ вагонамъ. Поѣздъ засвистѣлъ и тронулся дальше... И мѣсто это, гдѣ было сейчасъ такъ людно, гдѣ шумѣла, говорила и волновалась толпа и гдѣ только-что разыгралась такая потрясающая драма, разомъ, въ одну минуту, опустѣло и затихло.

Прокофій остался одинъ. Онъ сидѣлъ и ждалъ человѣка, котораго должны были прислать ему на смѣну со станціи Чаладиди. Онъ сидѣлъ неподвижно и молча. Что онъ думалъ и что дѣлалось у него на душѣ въ эту минуту—трудно сказать.

Г. Берсъ.

КОНЕЦЪ.

На Западѣ.

Трогательная заботливость русскихъ газетъ о единовѣрной Болгаріи извѣстна всему міру. Сегодня однѣ петербургскія газеты предложили Фердинанду I подать въ отставку, другія—прямо уволили его въ отставку и всѣ въ совокупности обрѣли для Болгаріи новаго князя. Фердинандъ можетъ воспользоваться случаемъ и закрѣпить свое повышеніе въ чинѣ, пославъ прошеніе объ отставкѣ въ редакціи петербургскихъ газетъ. Вѣдь «узурпаторовъ» прямо прогоняютъ, а въ отставку увольняютъ нормальныхъ служащихъ. Если теперь Фердинандъ пошлетъ прошеніе объ отставкѣ въ редакціи петербургскихъ газетъ, то онѣ ее непремѣнно примутъ. У Фердинанда вмѣсто волчьяго паспорта—«узурпаторъ» окажется надлежащій видъ на жительство, въ которомъ будетъ прописано, что онъ есть такой-то Фердинандъ, увольненный редакціями петербургскихъ газетъ отъ службы на болгарскомъ престолѣ. Но пожелаетъ-ли Фердинандъ I получить такой приличный видъ на жительство или онъ предпочтетъ оставаться на тронѣ болгарскомъ,—болгарскія дѣла отъ той или другой комбинаціи не улучшатся и не ухудшатся. Будетъ-ли на Болгарскомъ престолѣ сидѣть князь, надѣленный замѣчательною физическою силою, или князь-любитель велосипеднаго спорта—его дѣла и дѣла Болгаріи не будутъ двинуты впередъ ни сильно, ни быстро. Если до сихъ поръ дѣла въ Болгаріи шли хуже, чѣмъ слѣдовало, то Болгарія и князь въ томъ всего менѣе повинны.

Эти болгарскія дѣла на ряду съ другими балканскими событіями являются довольно невыгодной аттестаціей для культурной Европы накапунѣ XX столѣтія. Европа по берлинскому трактату приняла на себя много обязанностей по отношенію къ Болгаріи и европейскимъ вилайетамъ Турціи, но ни одной изъ этихъ обязанностей, вполнѣ отвѣчающихъ ея культурной миссіи, она не исполнила. Прошлый разъ, бесѣдуя о западныхъ дѣлахъ, мы старались оттѣнить идею, лежащую въ основѣ вмѣ-

шательства Европы въ армянскія дѣла, и должны снова возвратиться къ этой идеѣ для того, чтобы освѣтить поведеніе Европы на Балканскомъ полуостровѣ въ связи съ принятыми ею обязанностями по берлинскому трактату.

Коалиція европейскихъ державъ предъявила къ Турціи требованіе о введеніи разныхъ реформъ въ Арменіи. Фактъ не сложный и въ основѣ его лежитъ самая простая идея. Культурнымъ государствамъ Европы накануне XX столѣтія подобаетъ образовать коалицію, которая должна заботиться о томъ, чтобы въ разныхъ странахъ внутренняя политика не являлась нарушеніемъ основныхъ началъ культуры. Само собою понятно, что такая миссія культурныхъ государствъ Европы требуетъ, чтобы они прежде всего сами отказались отъ политики грубыхъ коммерческихъ соображеній и разныхъ «интересовъ» въ своихъ отношеніяхъ къ странамъ, нуждающимся въ ихъ *культурной* опекѣ. Эта политика въ достаточной мѣрѣ испортила аттестатъ Европы въ глазахъ будущихъ историковъ, которые въ судьбѣ Болгаріи найдутъ немало матеріаловъ весьма нелестныхъ для Европы. Европа дѣлала все возможное для того, чтобы политически деморализировать Болгарію и не давала ей возможности заняться спокойно и независимо своими собственными дѣлами.

По берлинскому трактату государства Европы обязались охранять мирное и культурное развитіе Болгарскаго государства и болгарскаго народа. Болгаріи было дано, необходимое для ея культурнаго развитія культурное политическое устройство. Все, повидимому, было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но, быть можетъ, не прошло и трехъ дней въ жизни Болгаріи, какъ ее поставили подъ перекрестные выстрѣлы разыгравшейся политики интересовъ. Дипломатическіе агенты стали играть въ Болгарію, какъ въ карты. Одни требовали, чтобы она жила по-русски, другіе, чтобы она жила по-австрійски, третьи—по-нѣмецки и т. д. и т. д. Сегодня выигрывалъ австрійскій агентъ—вѣшали и сажали въ тюрьму однихъ; завтра выигрывалъ агентъ другой державы—сажали въ тюрьмы другихъ, мѣняли префектовъ, кметовъ и т. д. Словомъ, царилъ такой терроръ, который могъ только вести къ диктатурѣ. Французскій терроръ возвелъ въ диктаторы Наполеона, болгарскій—Стамбулова. Но если вообще баловство властью не воспитываетъ людей, то диктаторская власть облеченныхъ ею прямо деморализируетъ. Что Стамбуловъ былъ человѣкъ рѣдкаго ума, энергіи и способностей, объ этомъ единогласно свидѣтельствовали даже корреспонденты русскихъ періодическихъ изданій, видѣвшіе его уже на вершинѣ диктаторскаго могущества, т. е. въ моментъ моральнаго упадка. Стамбуловъ въ роли диктатора, въ особенности въ первые годы, вовсе не пользовался общей ненавистью болгарскаго народа. Наоборотъ, въ первые годы своей диктатуры онъ пользовался даже завидной популярностью. Сотрудникъ «Figaro» Эмиль Берръ въ № отъ 17 іюня,

по поводу смерти Стамбулова, вспомнилъ свою съ нимъ встрѣчу и разговоры въ 1892 г. Конечно, Эмиль Берръ, какъ сотрудникъ французской газеты, не благоволитъ къ «врагу Россіи», но говоритъ, что онъ видѣлъ Стамбулова спокойно «завтракающимъ на вокзалѣ среди пассажировъ; онъ былъ тогда всемогущимъ и популярнымъ: онъ пожималъ всѣмъ руки и добродушно отвѣчалъ на комплименты праздныхъ зѣвакъ». Такая популярность Стамбулова-диктатора не является особенно странной. Жизнь Болгаріи пошла ровнѣе и покойнѣе при одномъ диктаторѣ, чѣмъ при многихъ, ежедневно или помѣсячно мѣнявшихся, давящихъ всѣхъ и все и создавшихъ буквально bellum omnium contra omnes. Стамбуловъ все-таки былъ свой человѣкъ и человѣкъ демократической души. Диктаторствовалъ онъ надъ Болгаріей для Болгаріи, а не для Австріи, Турціи и т. д. Съ замиреніемъ внутренней жизни въ Болгаріи, диктатура Стамбулова весьма скоро утратила-бы свой суровый характеръ и затѣмъ оказалась-бы совершенно излишней. Но дипломатическія подстрекательства доставляли новыя и новыя жертвы для диктаторскаго режима, и, поддерживая смуту, тѣмъ самымъ давали поводъ для продолженія диктатуры. Большая-же часть государствъ Европы такъ прямо и признавали, что диктатура Стамбулова является самымъ нормальнымъ режимомъ для Болгаріи, такъ какъ она полезна для ихъ собственныхъ интересовъ хотя-бы только потому, что Стамбуловъ не ставилъ впереди всего русскіе интересы. И на самомъ дѣлѣ Стамбуловъ не сдавалъ никому Болгарію, а насколько обстоятельства и умѣніе позволяли, диктаторствовалъ надъ Болгаріей для Болгаріи. Самые отчаянные враги Стамбулова едва ли успѣли-бы доказать, что онъ пользовался диктаторской властью для открытаго казнокрадства и личной наживы. Было-бы трудно доказать, что и внутренняя жизнь Болгаріи въ правленіе Стамбулова пришла въ крайній упадокъ и нисколько не подвинулась впередъ. Народное образованіе, безспорно, сильно подвинулось. Печать, несмотря на всѣ неизбѣжно связанныя съ диктатурой стѣсненія, все-таки и при Стамбуловѣ развивалась и завоевала себѣ—какъ по количеству, такъ и по разнообразію направленія органовъ, — весьма важное мѣсто. Нѣтъ спора, Болгарія безъ диктатуры пошла-бы еще быстрѣе по пути прогресса, но вѣдь диктатура для Болгаріи оказалась неизбѣжной. Болгарія вынуждена была изъ двухъ золъ выбирать меньшее. За диктатуру несетъ отвѣтственность та самая Европа, которая обязалась гарантировать мирное, культурное развитіе Болгаріи для Болгаріи. Европа отвѣчаетъ и за послѣдствія суроваго диктаторскаго режима. Будь на мѣстѣ Стамбулова другой человѣкъ, онъ, быть можетъ, былъ-бы большимъ или меньшимъ «тираномъ», но все-же диктаторомъ, и его пребываніе у власти увѣнчалось-бы большимъ или меньшимъ числомъ жертвъ диктаторскаго самовластія. Слѣдовательно, кто вынудилъ Болгарію искать защиты подъ

диктатурой, тотъ несетъ главную и наибольшую отвѣтственность за жертвы диктаторскаго режима. Стамбулову не разъ приходилось давать корреспондентамъ разныхъ газетъ объясненія насчетъ обвиненій его въ крайнихъ жестокостяхъ. Возбудилъ такой вопросъ о жестокостяхъ и Эмиль Берръ при своемъ свиданіи со Стамбуловымъ. Передавая объясненія Стамбулова, Эмиль Берръ пишетъ: «Поднявъ руку, какъ бы для принесенія присяги, онъ мнѣ сказалъ: я казнилъ только враговъ отечества. Вашъ Галиффе разстрѣлялъ 30,000 инсургентовъ во имя отечества и его почитаютъ; я повѣсилъ полдюжины по тѣмъ-же самымъ мотивамъ и меня называютъ убійцей. Видите, милостивый государь, il ne faut être ni un petit pays, ni un petit poisson...» Сколько тутъ горькой правды! Однако если въ другихъ странахъ, играя словомъ «враги отечества», вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, ссылаютъ, гноятъ въ тюрьмахъ сотни, тысячи, десятки тысячъ, то отсюда все-таки Стамбуловъ не могъ извлечь принципіальнаго оправданія для повѣшенія полдюжины «враговъ отечества». Но опять-таки не слѣдуетъ забывать вопроса о томъ, насколько жестокости стамбуловской диктатуры являлись продуктомъ личнаго характера Стамбулова и насколько онѣ являлись продуктомъ самой диктатуры и дипломатической игры. Исторія современемъ прольетъ свѣтъ на всѣ эти грустные дни болгарской жизни. Говорятъ, что болгарская депутація «многое» освѣтила въ Петербургѣ, но освѣтила-ли она это многое съ принципіальной точки зрѣнія или съ точекъ зрѣнія, присущихъ всякой такой депутаціи, какъ бывшая въ Петербургѣ болгарская депутація? Русскія газеты особенно ставили на видъ болгарской депутаціи нарушеніе Стамбуловымъ болгарской конституціи. Въ болгарской конституціи установлено начало полной религіозной свободы. Относительно князя было сказано, что первый выборный князь можетъ принадлежать къ любому христіанскому вѣроисповѣданію, но его наслѣдникъ долженъ быть крещенъ въ православную вѣру и затѣмъ уже вся династія должна быть православной. Стамбуловъ внесъ въ собраніе законопроектъ о томъ, что свобода вѣроисповѣданія, которой пользуются по конституціи всѣ граждане Болгаріи, должна быть распространена и на князя и его семейство. Собраніе приняло законопроектъ и вотъ почему первый сынъ Фердинанда I, Борисъ, будущій наслѣдникъ болгарскаго трона, не подлежалъ обязательному крещенію въ православное вѣроисповѣданіе. Вопросъ о вѣрѣ главы государства съ принципіально-конституціонной точки зрѣнія не принадлежитъ къ числу спорныхъ. Теорія его рѣшаетъ послѣдовательно, ясно и просто. Теорія основнымъ правомъ гражданъ въ конституціонномъ государствѣ признаетъ свободу вѣроисповѣдыванія. Было-бы странно, если-бы глава государства—первый его гражданинъ—былъ лишенъ того самого основного права, которымъ пользуются всѣ прочіе граждане. Въ виду этого теорія отвергаетъ обязательную принадлежность главы государства въ конституціон-

номъ государствѣ къ одному извѣстному вѣроисповѣданію. Такимъ образомъ, болгарское собраніе, распространивъ свободу вѣроисповѣданія на князя и его династію, придало болгарской конституціи большую принципіальную послѣдовательность и выдержанность. Конечно, это чисто принципіальная, теоретическая точка зрѣнія, но если-бы въ политикѣ почаще придерживались чисто принципіальныхъ, культурныхъ точекъ зрѣнія, то такая политика не служила-бы позоромъ для культурной Европы наканунѣ XX столѣтія. Для такой политики, въ сущности, является безразличнымъ вопросъ о томъ, кто будетъ княземъ въ Болгаріи, а важно, чтобы онъ былъ любъ Болгаріи. Вѣдь, онъ долженъ быть княземъ болгарскимъ, а не австрійскимъ и не русскимъ и не нѣмецкимъ; онъ долженъ служить Болгаріи, а не Австріи, и не Россіи, и не Германіи, и не Англіи. Русскія газеты, повидимому, не склонны такъ думать. Онѣ, и послѣ весьма поучительнаго опыта, склонны и къ Болгаріи и къ ея князю предъявлять особыя требованія. Конечно, освобожденному не можетъ нравиться, если ему постоянно будутъ напоминать, что его освободили и что онъ къ своему освободителю долженъ питать чувства преданности, уваженія и послушанія. Такія частыя напоминанія могутъ лишь вытравлять у освобожденнаго всѣ тѣ чувства, на которыя претендуетъ освободитель. Газеты забываютъ, что для Россіи такая политика является наименѣе подходящей. Если Россія безкорыстно, по чисто гуманнымъ побужденіямъ освободила болгаръ, то она по отношенію къ Болгаріи можетъ держаться лишь девиза — «руки прочь», чьи-бы тамъ руки не протягивались надъ Болгаріей. Вотъ эта политика должна составлять задачу всѣхъ государствъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ, и обязавшихся гарантировать Болгаріи свободное, мирное культурное развитіе. Если они забыли о своихъ обязательствахъ, то теперь пора о нихъ вспомнить. Если они забыли о подписяхъ, связавшихъ ихъ для единообразнаго дѣйствія по отношенію къ Болгаріи, и стали вести политику «интересовъ», то теперь культурныя государства на новыхъ началахъ должны сдержать свое обѣщаніе. Мирная культурная коалиція, поставившая себѣ задачей слѣдить за тѣмъ, чтобы внутренняя политика не являлась нарушеніемъ основныхъ началъ гуманности и культуры, должна слѣдить за тѣмъ, чтобы большія государства въ своихъ отношеніяхъ къ малымъ государствамъ держали подальше руки. Въ особенности-же нужно подальше держать руки на случай, если-бы и на самомъ дѣлѣ пришлось Болгаріи избрать новаго князя. Россія, конечно, первая должна была бы позаботиться о томъ, чтобы всѣ государства предоставили полную свободу Болгаріи, но, какъ мы выше сказали, русскія газеты уже обрѣли для Болгаріи князя. Цанковъ сказалъ, что на болгарскомъ престолѣ было-бы прилично сидѣть греческому принцу Георгу. И вотъ русскія газеты вдругъ оказались прекрасно освѣдомленными о личности

молодаго принца. Достоинствъ у принца Георга нашлось очень много и заслугъ предъ Россіей не мало. Ergo, принцъ Георгъ самый подходящій князь для Болгаріи. Молодой принцъ, навѣрно, болѣе трезво смотритъ на вещи и знаетъ, почему онъ не добьется признанія его княземъ со стороны Россіи. Принцъ находится въ близкомъ родствѣ съ русской династіей, и Россія не допуститъ, чтобы принцъ, связанный столь близкимъ родствомъ съ русскимъ дворомъ, оказался подданнымъ султана. Мотивы и обстоятельства тѣ-же самыя, въ силу которыхъ датскій принцъ Вальдемаръ долженъ былъ отклонить предложенную ему кандидатуру на мѣсто болгарскаго князя, ставшее вакантнымъ послѣ удаленія Александра I. Кромѣ того, до тѣхъ поръ, пока указанная культурная коалиція не возьметъ подъ свою защиту мелкія государства, до тѣхъ поръ болгарскій тронъ будетъ оставаться самымъ невыгоднымъ по своей шаткости. Да и съ точки зрѣнія простой логики кандидатура принца Георга далеко не является такой естественной, какъ это кажется газетамъ. Человѣкъ, оказавшій какія-либо услуги Россіи, оказалъ ихъ именно Россіи, а не Болгаріи. Принцъ, надѣленный самыми выдающимися достоинствами, не можетъ быть любъ Болгаріи только въ силу этихъ достоинствъ. Мало-ли принцевъ, не лишенныхъ ума, энергіи и такта, но не для всѣхъ же этихъ принцевъ Болгарія должна доставлять тронъ. «Новое Время» сочло необходимымъ указать и на то, что принцъ Георгъ надѣленъ «замѣчательной физической силой». Быть можетъ, по мнѣнію газеты, это весьма важное достоинство для болгарскаге правителя, но принцъ Георгъ никогда не согласится идти противъ собственнаго отца. Вѣдь интересы Болгаріи и Греціи во многихъ пунктахъ перекрещиваются. Будучи болгарскимъ княземъ, принцъ Георгъ долженъ будетъ весьма часто идти противъ своего отца, какъ короля Греціи. Возьмемъ, напр., хотя-бы обострившійся македонскій вопросъ. Болгарія считаетъ его своимъ, но и Греція не признаетъ его себѣ чужимъ. Этотъ непріятный споръ обостряетъ и безъ того удручающее положеніе несчастной Македоніи, рвущейся на свободу, на что турки отвѣчаютъ тюрьмами, штыками и пулями.

Правда, одна изъ русскихъ газетъ договорилась до послѣднихъ крайностей и основную причину печальнаго положенія Македоніи видитъ во взаимныхъ спорахъ и несогласіяхъ народностей ее населяющихъ. Всѣ эти народы Македоніи не страдаютъ, а благоденствуютъ подъ владычествомъ Турціи, и врутъ, что имъ тяжело живется. «Въ сущности, македонцамъ, повѣтствуютъ «Новости», будутъ-ли они греки, сербы и болгары, живется *далеко не такъ плохо, какъ они утверждаютъ.* Македонскіе славяне и греки — народъ богатый и зажиточный. Ихъ ненависть къ Портѣ не настолько велика, чтобы могла ихъ побудить на общее македонское возстаніе. О такомъ возстаніи не можетъ быть

и рѣчи. Главную-же причину македонскихъ безпорядковъ составляютъ безпрестанныя ссоры между македонскими народностями. Греки въ Македоніи ненавидятъ болгаръ, болгары ненавидятъ грековъ и сербовъ, всѣ они ненавидятъ валаховъ и т. д. Въ этомъ взаимномъ соперничествѣ и борьбѣ македонскихъ народностей заключается главная причина господства Турціи надъ этой провинціей. Если-бы Македонія была населена какимъ-нибудь однимъ народомъ, то она давно-бы имѣла участь Восточной Румеліи. Если-бы Болгарія овладѣла Македоніей, то не на радость себѣ, а на горе, такъ какъ ассимилировать разныя македонскія народности болгарамъ будетъ такъ-же невозможно, какъ невозможно, напримѣръ, австрійскимъ нѣмцамъ онѣмечивать чеховъ. Порта всегда очень ловко пользовалась враждой македонскихъ народностей между собою, чтобы поддерживать свое господство надъ Македоніей. Европейскимъ державамъ относительно македонскаго вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду это двоякое его основаніе. Въ Македоніи происходитъ та-же борьба національностей, что и въ Австріи, только въ формахъ болѣе грубыхъ. Разрѣшеніе этого вопроса въ настоящее время врядъ-ли возможно» *).

Странно, что рядомъ съ этими заявленіями о благоденствіи народностей, населяющихъ Македонію, о возможности подождать съ македонскимъ вопросомъ, въ томъ же самомъ номерѣ «Новостей» напечатано слѣдующее: «германскій офицеръ Рихардъ фонъ-Мескъ, пишущій изъ Софіи корреспонденціи въ разныя европейскія газеты, издалъ на-дняхъ брошюру по македонскому вопросу. Онъ полагаетъ, что подданные турецкаго султана управляются очень дурно, и что рано или поздно Турціи придется вести войну съ Болгаріей изъ-за Македоніи. Въ этой войнѣ Болгарія одержитъ побѣду, если только Сербія останется нейтральной (что очень сомнительно), а Англія отвлечетъ своимъ флотомъ турецкія войска въ Азію. Въ случаѣ пораженія Болгарія можетъ надѣяться на вмѣшательство Австріи или Россіи, если Россія возстановитъ свое вліяніе среди болгаръ. Авторъ брошюры увѣряетъ, что если принцъ Кобургскій не примкнетъ къ македонскому движенію, то ему придется навсегда разстаться съ Болгаріей. Македонія возлагаетъ всѣ надежды на Россію и увѣрена, что русское правительство не дастъ македонцевъ въ обиду».

Конечно, «Новости» поступили весьма благоразумно, напечатавъ въ томъ же самомъ номерѣ на 2-й страницѣ опроверженіе того обвиненія, которое они возвели на македонцевъ на 1-й страницѣ. Народности, населяющія Македонію, не врутъ, жалуясь на то, что имъ плохо живется подъ владычествомъ Турціи. И если страданія македонцевъ отъ турецкаго режима обостряются еще ихъ взаимными распрями, то такое по-

*) «Новости», № 192, отъ 15 іюля.

ложеніе дѣлъ должно вызвать у культурныхъ государствъ Европы еще большую готовность поспѣшить на помощь Македоніи и помочь ей устроиться. Та же коалиція державъ, которая такъ энергично тѣснитъ Турцію по армянскому вопросу, вспомнивъ обѣщанія Европы, должна немедленно заняться македонскимъ вопросомъ. Пока же—Европа дала возставшимъ македонцамъ отвѣтъ, недостойный ея культурной миссіи. Болгарамъ, поддержавшимъ своихъ собратій, и самимъ македонцамъ напомнили, что, согласно 23 статьѣ берлинскаго трактата, положеніе Македоніи есть дѣло Турціи и Европы. Турція имѣетъ право расправиться съ своими македонцами, а Болгаріи Европа запрещаетъ вмѣшиваться въ македонскія дѣла. Все это, быть можетъ, и такъ, но если ужъ ссылаются на 23 статью берлинскаго трактата, то не мѣшаетъ освѣжить въ памяти исторію этой статьи. Быть можетъ, эта исторія вызоветъ краску стыда и возбудитъ тѣ чувства гуманности, которыя, говорятъ, присущи культурной Европѣ.

Въ ст. 23-й берлинскаго трактата сказано: «Блистательная Порта обязуется ввести добровольно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 г., съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми. Подобные же уставы, примѣненные къ мѣстнымъ потребностямъ, за исключеніемъ, однако, изъ нихъ льготъ въ податяхъ, предоставленныхъ Криту, будутъ также введены и въ другихъ частяхъ европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не было предусмотрѣно настоящимъ трактатомъ. Разработка подробностей этихъ новыхъ уставовъ будетъ поручена Блистательною Портою въ каждой области особымъ комиссіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе. Проекты организацій, которые будутъ результатомъ этихъ трудовъ, будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты. Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта совѣтуется съ европейскою комиссіею, назначенною для Восточной Румеліи». Статья сравнительно не дурная, и вообще въ берлинскомъ трактатѣ есть не мало статей не дурныхъ, но пользы отъ нихъ никто не ощутилъ. Турки къ Европѣ присмотрѣлись и свыклись съ тѣмъ, что хорошія статьи въ трактатахъ пишутся для упражненія редакціонныхъ способностей чиновниковъ дипломатическаго корпуса. Турція съ своей стороны на ст. 23-й берлинскаго трактата отвѣтила такимъ циркуляромъ, въ которомъ доказала, что и въ ея канцеляріяхъ наловчились редактировать бумаги, подлежащія двусмысленному исполненію. Въ концѣ 1879 г. Саидъ-паша послалъ губернаторамъ европейскихъ вилайетовъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: «23-й ст. берлинскаго трактата предписывается составленіе особыхъ уставовъ для вилайетовъ Европейской Турціи примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, образованнымъ для сего по преимуществу изъ мѣстныхъ жителей комиссіями, работы коихъ должны быть

представлены на усмотрѣніе Блистательной Порты, имѣющей затѣмъ испросить на сей счетъ мнѣніе европейской восточно-румелійской комиссіи. Выработанный на семъ основаніи комиссіею по введеніи преобразованій въ помянутыхъ вилайетахъ проектъ устава, согласно рѣшенію совѣта министровъ былъ подвергнутъ на утвержденіе его императорскаго величества султана, по высочайшему повелѣнію коего отпечатанные экземпляры сего проекта нынѣ разосланы по принадлежности. Препровождая къ вамъ нѣсколько экземпляровъ таковаго проекта, прошу васъ созвать въ возможно скорѣйшемъ времени комиссію, имѣющую быть составленною изъ чиновниковъ и преимущественно изъ такихъ мѣстныхъ жителей, которые пользуются общимъ довѣріемъ и доказали своими дѣйствіями, что они заботятся объ интересахъ правительства и отечества, причемъ число членовъ комиссіи не должно превышать 20: представить на разсмотрѣніе комиссіи означенный проектъ и поспѣшить доставить въ Блистательную Порту тѣ замѣчанія и соображенія, которыя при этомъ будутъ сдѣланы комиссіею въ дополненіе къ проекту» *).

Вотъ какъ бойко, прямо по европейски, пишутъ циркуляры въ Турціи. Въ константинопольскихъ посольскихъ канцеляріяхъ, очевидно, пришли въ такой восторгъ отъ европейской редакціи циркуляра, что сочли излишнимъ безпокоить Порту запросами на счетъ самого содержанія циркуляра. На самомъ-же дѣлѣ циркуляръ Саида-паши слишкомъ свободно толкуетъ ст. 23-ю берлинскаго трактата. Въ этой статьѣ ясно сказано, что подробности уставовъ обсуждаются особыми комиссіями, «въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе». Саидъ-паша въ циркулярѣ истолковалъ это требованіе трактата въ томъ смыслѣ, что комиссіи должны состоять: 1) изъ чиновниковъ, 2) изъ такихъ мѣстныхъ жителей, которые доказали своими дѣйствіями, что они заботятся объ интересахъ правительства и отечества. Губернаторы прекрасно поняли, что требуется циркуляромъ, и составили комиссіи изъ турецкихъ чиновниковъ и «преданныхъ людей». Такой составъ комиссій былъ поставленъ Европѣ на видъ мѣстнымъ населеніемъ немедленно-же послѣ ихъ образованія. Населеніе Битоліи послало жалобу на дѣйствія турецкихъ губернаторовъ въ ту самую румелійскую комиссію, о которой говорится въ ст. 23 берлинскаго трактата. «Правительство Блистательной Порты, сказано въ жалобѣ, въ видахъ выполненія ст. 23 берлинскаго трактата, прислало въ монастырскій вилайетъ выработанный имъ проектъ реформъ, для просмотра спеціальною комиссіею, въ которой туземный элементъ долженъ быть широко представленъ. Но мѣстныя власти, вмѣсто того, чтобы посовѣтоваться съ населеніемъ объ этомъ проектѣ реформъ, сами назна-

*) Текстъ этого циркуляра приведенъ въ той редакціи, въ какой онъ напечатанъ въ іюньской книгѣ «Русской Мысли» за 1880 г., стр. 44.

чили членовъ комиссіи, большая часть которыхъ оказались турками, занимающими административныя должности, или членами совѣта и судовъ. Населеніе вилайета, не имѣя своихъ представителей въ этой комиссіи, находится, слѣдовательно, въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что говорилось и какое рѣшеніе принято относительно этого проекта реформъ, назначеніе котораго обезпечитъ здѣшнему христіанскому населенію будущность, отвѣчающую какъ желаніямъ великихъ державъ, такъ и нуждамъ страны». Это заявленіе осталось гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ и европейская румелійская комиссія не опротестовала состава комиссій, образованныхъ турецкими губернаторами. Такимъ образомъ, съ перваго-же шага Европа потворствовала нарушенію Портою тѣхъ самыхъ статей берлинскаго трактата, въ которыхъ она приняла на себя обязательства позаботиться о судьбѣ населенія въ европейскихъ вилайетахъ, а въ томъ числѣ и въ Македоніи. Комиссіи, составленныя вопреки смыслу ст. 23 берлинскаго трактата, приступили къ своимъ занятіямъ. Занятія комиссій Саидъ-паша слишкомъ облегчилъ и упростилъ до того, что отъ ихъ компетенціи, предусмотрѣнной ст. 23 берлинскаго трактата, не осталось почти никакого слѣда. Въ ст. 23 сказано, что для каждаго изъ тѣхъ вилайетовъ Европейской Турціи, для которыхъ въ самомъ берлинскомъ трактатѣ не предусмотрѣно особое административное устройство, будутъ выработаны уставы, подобные основному критскому уставу 1868 г., и приспособленные къ мѣстнымъ потребностямъ, причемъ подробности этихъ уставовъ должны быть разработаны мѣстными комиссіями. Саидъ—паша разослалъ чрезъ губернаторовъ готовый проектъ устава для всѣхъ вилайетовъ, который мѣстныя комиссіи не могли-бы приспособить къ мѣстнымъ потребностямъ, если-бы того и желали, такъ какъ проектъ предусматривалъ всѣ подробности административнаго устройства. Въ этомъ проектѣ устанавливалась пародія на самоуправленіе, предоставленное Криту основнымъ уставомъ 1868 г., которому по ст. 23 берлинскаго трактата должны быть подобны новые уставы административнаго устройства вилаейтовъ балканскаго полуострова. Хотя въ проектѣ Саида-паши и предусматривалась организація земскихъ собраній (генеральныхъ совѣтовъ), ежегодно собирающихся для обсужденія мѣстныхъ вопросовъ, но этимъ собраніямъ предоставлялись такія ничтожныя права, что дѣло явно сводилось къ простой комедіи. Однако, мѣстныя комиссіи все-таки засѣдали, обсуждали проектъ Саида-паши и высказали на него свои «замѣчанія». Проектъ съ «замѣчаніями комиссій» былъ отправленъ на разсмотрѣніе европейской румелійской комиссіи, которая бездѣйствовала, а населенія вилайетовъ балканскаго полуострова продолжало страдать подъ игомъ турецкаго режима.

Едва ли не въ самомъ худшемъ положеніи оказалось населеніе Македоніи. Турки не безъ основаній считали погребенной ст. 23 берлинскаго

трактата и неистовствовали въ Македоніи такъ-же, какъ они «управляли» ею до берлинскаго трактата. Въ концѣ 1884 г. столбцы болгарскихъ газетъ заполняются описаніями турецкихъ звѣрствъ въ Македоніи. Европа молчитъ. Въ Македоніи появляется Эмиль Лавеле. Его письма о турецкихъ порядкахъ въ Македоніи вызвали взрывъ негодованія противъ Турціи среди просвѣщеннаго европейскаго общества. Общество взволновалось, но въ дипломатическихъ канцеляріяхъ продолжали «безпристрастно» относиться къ дѣлу. Турція поняла, что отъ негодованій европейскаго общества она защищена европейскими правительствами и продолжала свою прежнюю политику въ Македоніи. Болгарія не могла оставаться спокойной. Отъ турецкихъ неистовствъ въ Македоніи страдали, прежде всего, болгаре, составляющіе главную массу македонскаго населенія. Македонскіе болгаре тысячами бѣжали изъ Македоніи въ предѣлы освобожденной Болгаріи. Видъ несчастныхъ бѣглецовъ, стоны собратьевъ, слышные тутъ-же на границѣ, взволновали все населеніе Болгаріи и Румеліи. Во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ поселкахъ Румеліи и Болгаріи, не говоря уже о городахъ, собирались шумные митинги. На этихъ митингахъ единогласно принимались резолюціи, въ которыхъ Европа приглашалась вспомнить о статьѣ 23 берлинскаго трактата и необходимости примѣнить ее къ несчастной Македоніи; одновременно-же вотировались благодарственные адресы Эмилю Лавеле, который, какъ очевидецъ турецкихъ звѣрствъ, въ глазахъ европейскаго общества имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ дипломатическія канцеляріи. Европа все-таки оставалась спокойной и трезвой. Тогда въ Болгаріи и, главнымъ образомъ, въ Румеліи было рѣшено испробовать послѣднее средство для пробужденія господъ дипломатовъ. Если ихъ не разбудили краснорѣчивыя воззванія Эмиля Лавеле и шумные митинги въ Болгаріи и Румеліи, то, быть можетъ, они проснутся подъ трескъ ружейной перестрѣлки въ македонскихъ горахъ, и потоки льющейся крови пробудятъ у нихъ состраданіе. Образовался центральный революціонный комитетъ, агенты котораго пошли по всей Болгаріи и Румеліи вербовать добровольцевъ, организовывали четы (вооруженные отряды) и направляли ихъ въ Македонію. Конечно, на освобожденіе Македоніи никто не надѣялся. Руководители комитета разсчитывали только на то, что возстаніе и потоки крови заставятъ европейскую дипломатію обратить вниманіе на македонскій вопросъ. Однако, у комитета не было средствъ для организаціи настоящаго возстанія. Нѣсколько малочисленныхъ четъ, перебравшихся въ Македонію, были разсѣяны турками. Въ то-же самое время движеніе въ пользу Македоніи приняло иной характеръ, и преобразовалось въ движеніе въ пользу соединенія Румеліи съ Болгаріей.

Болгарія и Румелія объединились. Съ тѣхъ поръ прошло почти 9 лѣтъ. Объединенной Болгаріи въ эти 9 лѣтъ, пришлось самой страдать

отъ внутреннихъ неурядицъ, а Европа попрежнему сохраняла «объективное» отношеніе къ дѣлу. Но вотъ въ данное время опять завязалась перестрѣлка въ Македонскихъ горахъ, и льется кровь населенія, изстрадавшагося въ ожиданіи реформъ, обѣщанныхъ Европой въ ст. 23 берлинскаго трактата. Опять болгаре—добровольцы двинулись на защиту своихъ собратьевъ въ Македоніи. ТогдаЕвропа поставила Болгаріи на видъ, что она обязана всѣми средствами и мѣрами противиться тому, чтобы ея подданные болгаре протягивали руку помощи такимъ-же болгарамъ, страдающимъ подъ турецкимъ игомъ въ Македоніи. Конечно, это требованіе выше силъ человѣческихъ. Стоиловъ попытался исполнить требованіе Европы, и разослалъ префектамъ циркуляръ, въ которомъ онъ старается такъ или иначе примирить требованіе Европы съ достоинствомъ Болгаріи.

«Безъ сомнѣнія, участь нашихъ соотечественниковъ въ другихъ оттоманскихъ вилайетахъ интересуетъ всю Болгарію, но наше національное чувство, говоритъ Стоиловъ въ циркулярѣ, должно съ одной стороны, считаться съ обязанностями Болгаріи, какъ автономнаго и конституціоннаго государства, а съ другой стороны, съ международнымъ положеніемъ. Княжество, охраняющее права и свободу своихъ гражданъ, не можетъ пренебрегать своими обязанностями добраго сосѣдства. Поэтому вамъ надлежитъ строго заботиться о томъ, чтобы болгарская страна не сдѣлалась центромъ покушеній противъ сосѣдей дружественныхъ намъ государствъ».

Конечно, г. Стоиловъ такимъ оборотомъ дѣла не могъ заглушить въ самомъ себѣ того, что «безъ сомнѣнія участь соотечественниковъ въ другихъ оттоманскихъ вилайетахъ интересуетъ всю Болгарію». Но подчиняясь силѣ Европы, онъ поучаетъ болгаръ тѣмъ началамъ международнаго права, которыя не всегда бываютъ понятны самой Европѣ, забывшей ст. 23 берлинскаго трактата. Во имя началъ международнаго права, г. Стоиловъ предлагаетъ префектамъ и всѣмъ болгарамъ принять во вниманіе слѣдующія соображенія. «Образованіе обществъ и созваніе сходокъ съ цѣлью возбуждать наше населеніе къ враждебнымъ актамъ противъ сосѣднихъ и дружественныхъ государствъ, собираніе пожертвованій въ пользу инсургентовъ сосѣдняго государства, вербовка добровольцевъ и составленіе отрядовъ для дѣйствія внѣ нашихъ границъ и закупка оружія для этихъ отрядовъ,—все это дѣйствія, которыя могутъ быть терпимы только во время войны. Эти дѣйствія осуждаются международнымъ правомъ; кромѣ того, послѣдствія ихъ могутъ быть опасны для интересовъ нашего отечества. Поэтому, если такія дѣйствія будутъ совершены, то они составятъ покушеніе на безопасность государства внутреннюю и внѣшнюю, каковыя преступленія предусмотрѣны въ конституціи и въ уголовныхъ законахъ». Безспорно, «эти дѣйствія» осуждаются международнымъ правомъ, но когда-же бездѣйствіе Европы будетъ

осуждено международнымъ правомъ? Конечно, г Стоиловъ исполнилъ свой долгъ министра по отношенію къ требованіямъ, предъявленнымъ Европой. Но Европа, бездѣйствующая со времени редактированія 23-й статьи берлинскаго трактата, не можетъ вытравить у болгаръ чувство родственной связи съ такими-же болгарами, которые теперь за обѣщанную Европой свободу подставляютъ свою грудь подъ турецкія пули. Манифестаціи въ пользу македонскихъ болгаръ продолжаются, несмотря на стоиловскій циркуляръ. «Агентство Рейтера» сообщало изъ Софіи, что тамъ «въ соборѣ была отслужена панихида по двумъ болгарскимъ офицерамъ, убитымъ недавно въ сраженіи между македонскими повстанцами и турецкими войсками. Въ соборѣ были выставлены портреты обоихъ офицеровъ. Соборъ былъ переполненъ молящимися; на панихидѣ присутствовало много офицеровъ, чиновниковъ и политическихъ дѣятелей, принадлежащихъ къ различнымъ партіямъ. Предсѣдатель македонскаго комитета произнесъ рѣчь, которую завершилъ возгласомъ: «да здравствуетъ Македонія!». По выходѣ изъ собора, была устроена овація нѣсколькимъ македонцамъ, принимавшимъ участіе въ послѣднемъ сраженіи съ турками и отступившимъ въ Болгарію; македонцевъ обнимали и несли на рукахъ. Образовалась процессія, въ которой приняло участіе нѣсколько тысячъ, прошедшихъ по главнымъ улицамъ, распѣвая македонскую военную пѣсню. Во главѣ шествія манифестанты несли портреты двухъ офицеровъ. Находившаяся на улицахъ публика восторженно привѣтствовала шествіе».

Эта манифестація быть можетъ и оскорбительна для Европы, такъ долго не вспоминавшей объ обѣщаніяхъ, данныхъ ею Македоніи на ряду съ другими вилайетами Балканскаго полуострова въ ст. 23 берлинскаго трактата. Она можетъ смыть это оскорбленіе, придавъ коалиціи образовавшейся по армянскому вопросу болѣе общій и постоянный характеръ. Безспорно, эта коалиція должна взять подъ свою защиту Македонію. И не одна Македонія ждетъ отъ нея защиты. Разъ уже эта коалиція образована для побужденія нѣкоторыхъ государствъ къ болѣе культурному направленію ихъ внутренней политики, то она не можетъ оставаться глухой къ стонамъ, доносящимся изъ-за океана съ несчастнаго острова Кубы.

Испанія оказалась совершенно неспособной вести сколько-нибудь культурную политику на островѣ Кубѣ. Куба это тотъ-же Критъ. Но Критомъ владѣютъ турки, и за ними, какъ азіатами, Европа хотя слабо, а все-таки наблюдала. Кубой владѣютъ испанцы—народъ европейскій, а потому хотя они и управляютъ ею по-турецки, но Европа это считала дѣломъ личнаго культурнаго вкуса испанцевъ. Съ 1823 г. возстанія на Кубѣ повторялись почти такъ-же часто, какъ на Критѣ, и закончились грандіозной революціей, длившейся съ 1868 по 1878 годъ. При замиреніи

Испанія пообѣщала населенію Кубы массу реформъ, улучшеніе администраціи, введенія самаго широкаго самоуправленія и т. д., но такъ и ограничилась одними обѣщаніями. Обошлась Испаніи эта великая кубская революція очень дорого: полегло до 100,000 солдатъ и истрачено было около 1 милліарда фр. И все-таки такой дорого оплаченный урокъ не принесъ никакой пользы испанскому правительству. По прежнему хозяиномъ Кубы является губернаторъ, назначаемый Испаніею изъ военныхъ генераловъ. Онъ пользуется такими широкими полномочіями, которыя открываютъ ему полную возможность управлять Кубой по военному. Полиція и жандармерія, комплектуемыя изъ испанцевъ, подъ начальствомъ военнаго губернатора, тоже ведутъ себя по военному; не зная границъ своему произволу, они открыто практикуютъ политику грабежа. Что-же касается гражданскихъ чиновниковъ, то ихъ несмѣтное число теперь разбивается на двѣ арміи, по-очереди являющихся въ Кубу изъ Испаніи. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы въ Испаніи мѣняются только два министерства Кановаса и Сагасты. Министерство Кановаса падаетъ, его смѣняетъ министерство Сагасты; падаетъ министерство Сагасты, его смѣняетъ министерство Кановаса и т. д. Когда бываетъ у власти Сагаста, всѣ его креатуры отправляются чиновниками въ Кубу; падаетъ министерство Сагасты, и всѣ поставленные имъ въ Кубу чиновники отзываются со своихъ мѣстъ и замѣняются креатурами Кановаса; падаетъ Кановасъ—его креатуры отзываются съ Кубы и снова замѣняются креатурами Сагасты, и т. д. Продажность и взяточничество среди этихъ смѣняющихся армій чиновничества развились до чудовищныхъ размѣровъ. Каждый чиновникъ, уличенный во взяточничествѣ, преспокойно и даже съ улыбкой объясняетъ, что онъ долженъ принять «мѣры предосторожности». Вѣдь назначившій его министръ можетъ пасть въ любой день и нужно-же ему позаботиться о средствахъ для прожитія въ теченіе того времени, пока покровительствующій министръ снова не возвратится къ власти. И вся эта несмѣтная армія постоянно освѣжаемыхъ чиновниковъ почему-то страдаетъ безсиліемъ и переутомленіемъ. Вороха разныхъ дѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ остаются нерѣшенными. Просьбы о разрѣшеніи открыть школы и тѣ по годамъ остаются безъ движенія. Разрѣшенія на производство какихъ-нибудь сложныхъ работъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ и т. д. приходится ожидать, какъ особой милости, чрезъ долгіе годы. Словомъ, испанская армія чиновниковъ дѣлаетъ все возможное для того, чтобы задерживать культурное и экономическое развитіе Кубы. Торговля убивается непроходимою сѣтью преградъ и стѣсненій. Обострившійся экономическій кризисъ, благодаря отчаянной администраціи, усложнился полнымъ разстройствомъ финансовъ о-ва Кубы. Хозяйничающіе испанцы загнали Кубу въ неоплатные долги, достигающіе почти 1 милліарда фр. Ежегодный расходъ на уплату процентовъ и пога-

шенія по долгамъ достигаетъ 130 мил. фр. Все-же населеніе Кубы равняется $1^{1}/_{2}$ милл., а весь годовой бюджетъ ея не превосходитъ 200 м. фр.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что населеніе Кубы при такихъ условіяхъ потеряло терпѣніе и утратило всякую надежду на то, что Испанія когда-либо сдержитъ свои обѣщанія, данныя при замиреніи великой революціи въ 1878 г. Повидимому, испанская администрація не ожидала никакого взрыва страстей угнетеннаго народа. Въ столицѣ острова—Гаваннѣ чиновная аристократія и сытое купечество весело готовились къ карнавалу. Въ самое карнавальное воскресенье, 24 февраля, населеніе Гаванны было поражено сообщеніями мѣстныхъ газетъ, доводившихъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ трехъ провинціяхъ появились отряды инсургентовъ. Генералъ-губернаторъ объявилъ эти три провинціи находящимися въ осадномъ положеніи. Въ то-же самое время онъ издалъ воззваніе, въ которомъ обѣщалась полная амнистія всѣмъ тѣмъ инсургентамъ и ихъ вождямъ, которые явятся къ чиновникамъ въ теченіе извѣстнаго промежутка времени. Нѣкоторые вожди инсургентовъ (cabecillas), не рѣшаясь принять на себя отвѣтственность за послѣдующія кровопролитія, рѣшились явиться къ чиновникамъ въ указанный срокъ, надѣясь, что начинавшееся возстаніе нѣсколько отрезвитъ Испанію и освѣжитъ ея память. Губернаторъ поступилъ по-рыцарски и сдержалъ свое слово: одни изъ вождей были имъ заперты въ казематахъ крѣпостей Морро и Кабана, другіе высланы подъ присмотръ въ Испанію. Возстаніе считалось погашеннымъ, хотя, наоборотъ, слѣдовало ожидать, что поступокъ губернатора могъ лишь подлить масла въ огонь. Такъ оно и произошло на самомъ дѣлѣ. Отряды инсургентовъ, въ періодъ мнимаго затишья, т. е. затаеннаго озлобленія противъ безсовѣстнаго губернатора, подкрѣпились, сплотились и въ громадномъ числѣ объявились въ провинціи Сантъ-Яго-де-Куба. Первыя схватки испанскихъ войскъ съ инсургентами обнаружили, что возстаніе приняло весьма серьезный оборотъ и что приходится вести серьезную войну. 4-го апрѣля новаго стиля изъ Кадикса выѣхалъ въ Кубу съ 6,000 войска маршалъ Мартинезъ-Кампосъ, который замирилъ въ 1878 г. великую кубскую революцію. Маршалъ теперь въ Кубѣ является и главнокомандующимъ испанскими войсками и губернаторомъ съ неограниченными правами. Испанское правительство возлагало большія надежды на маршала, который въ 1878 г. замирилъ революцію не столько при помощи войскъ, сколько разными обѣщаніями на лучшее будущее и дѣйствительными улучшеніями административныхъ порядковъ на островѣ Кубѣ. Появившись на Кубѣ, онъ снова попытался оправдать присвоенное ему названіе pacificador (миротворецъ) и изъ всѣхъ силъ принялся за улучшеніе администраціи. Около 60 чиновниковъ, главнымъ образомъ, таможеннаго вѣдомства были имъ представлены къ увольненію. Найденныя имъ подъ сукномъ 60 прошеній

о разрѣшеніи открыть школы удовлетворены немедленно. Разрѣшена постройка двухъ желѣзныхъ дорогъ, весьма необходимыхъ, но не встрѣчавшихъ сочувствія у прежней администраціи, вѣроятно, по разногласіямъ о размѣрѣ взятки. Словомъ, pacificador желаетъ мирнымъ путемъ подорвать престижъ инсургентовъ и склонить ихъ вождей на свою сторону. Но къ его большому несчастью, онъ встрѣтился съ ветеранами революціи 1868—1878 годовъ, которые его прекрасно знаютъ и знаютъ цѣну обѣщаніямъ pacificador'а. Максимо Гомезъ, Мацео, Варона, Эстрада, маркизъ Люціа—всѣ эти вожди инсургентовъ—старые знакомые Мартинезъ-Кампоса. Правда, ряды вождей кубскаго движенія съ прибытіемъ маршала порѣдѣли, но ни одинъ изъ нихъ не перешелъ на сторону pacificador'а. Одни изъ нихъ пали на полѣ сраженія, другіе были предательски выданы. Флоръ Кромбетъ палъ въ стычкѣ съ отрядомъ гражданской гвардіи и палъ отъ руки десятилѣтняго мальчика! Онъ съ небольшимъ отрядомъ инсургентовъ напалъ на постъ гражданской гвардіи съ цѣлью захватить оружіе и снаряды, которые пригодились-бы инсургентамъ. Постъ защищался всего пятью человѣками подъ начальствомъ сержанта и, конечно, былъ смятъ инсургентами. Въ окнѣ постовой сторожки инсургенты не замѣтили десятилѣтняго сына сержанта съ револьверомъ въ рукѣ. Мальчикъ прямо мѣтилъ въ Кромбета и уложилъ его на мѣстѣ; теперь этотъ десятилѣтній герой уже пожинаетъ лавры въ Испаніи и будетъ воспитываться на казенный счетъ въ кадетскомъ корпусѣ. Но самую крупную утрату инсургенты понесли въ лицѣ Марти. Марти былъ, такъ сказать, министромъ иностранныхъ дѣлъ у инсургентовъ и однимъ изъ главныхъ организаторовъ возстанія. Онъ собрался проскользнуть изъ Кубы въ Америку, чтобы тамъ хлопотать о признаніи инсургентовъ воюющей стороной. Обстоятельство, какъ увидимъ ниже, весьма важное. Въ моментъ своихъ приготовленій къ отплытію въ Америку онъ былъ выданъ однимъ крестьяниномъ и немедленно казненъ. Вы, навѣрно, помните страсть дикихъ вождей увѣшивать себя черепами убитыхъ враговъ. Представьте себѣ, что эта страсть, въ извѣстной мѣрѣ, сохранилась у испанскихъ министровъ и генераловъ. Съ казненнаго Марти были сняты часы и револьверъ. Револьверомъ Марти украсилъ себя самъ Мартинезъ-Кампосъ, а часы отослалъ военному министру. На совѣтѣ всѣхъ испанскихъ министровъ разбиралось дѣло объ этихъ часахъ, и всѣ министры единогласно рѣшили, что они могутъ служить прекраснымъ украшеніемъ для военнаго министра. Но спрашивается, какой же министръ или генералъ будетъ украшать себя часами и револьверомъ, снятыми съ казненнаго бандита? Принявъ эти украшенія, военный министръ и Мартинезъ-Кампосъ признали Марти кубскимъ національнымъ героемъ. Украсивъ себя оружіемъ и часами убитаго Марти, испанское правительство признало его не предводителемъ шайки бандитовъ, а начальникомъ враж-

дебной воюющей стороны. Вотъ цѣль, стремясь къ которой погибъ Марти и которой достигъ если не оффиціально, то принципіально и за дешевую цѣну: за часы и револьверъ. Однако, испанское правительство, расписавшееся въ признаніи кубскихъ инсургентовъ воюющей стороной, всячески старается убѣдить правительство сѣверо-американскихъ штатовъ, что кубскіе инсургенты должны быть признаваемы ими не воюющей стороной, а бандитами. Вызвать такое признаніе для Испаніи весьма важно. Если Сѣверо-американскіе штаты признаютъ кубскихъ инсургентовъ бандитами, то они должны будутъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобъ бандиты не снабжались изъ Америки оружіемъ, патронами и припасами. Сѣверо-американскіе штаты, полагая, что Кубѣ всего приличнѣе примкнуть къ ихъ федераціи на правахъ особаго штата, даютъ Испаніи весьма уклончивые отвѣты. Инсургенты, несмотря на всю бдительность испанскихъ судовъ, крейсирующихъ вокругъ Кубы, въ изобиліи получаютъ изъ Америки оружіе, патроны и провіантъ. Наоборотъ, испанскія войска на Кубѣ терпятъ массу лишеній. Главный предводитель инсургентовъ или, какъ онъ себя именуетъ, генералъ-аншефъ Максимо Гомезъ, разослалъ жителямъ Кубы слѣдующій циркуляръ: «принимая во вниманіе интересы революціи за независимость страны, ради которыхъ мы взялись за оружіе, и принимая во вниманіе, что всякое производство какихъ-бы то ни было продуктовъ будетъ явной помощью для того правительства, противъ котораго мы сражаемся, главная квартира устанавливаетъ общее правило для всего острова, въ силу котораго самымъ категорическимъ образомъ воспрещается во всѣ мѣста, занятыя непріятелемъ подвозить продукты, мясо и подгонять живой скотъ. Работы на сахарныхъ плантаціяхъ должны быть прекращены; предупреждаются тѣ, которые попытаются собирать урожай, что ихъ поля будутъ сожжены. Тѣ лица, которыя не подчинятся этимъ правиламъ или пожелаютъ извлечь для себя какую-либо выгоду изъ настоящаго положенія, будутъ признаваться измѣнниками и будутъ судимы какъ таковые». Не находя на мѣстѣ достаточнаго запаса провіанта, испанскіе солдаты мрутъ, какъ мухи, отъ желтой лихорадки. Въ тоже самое время инсургенты, отказываясь отъ большого сраженія на открытомъ полѣ, ведутъ партизанскую войну, уничтожая мелкіе испанскіе отряды, отбивая у конвоевъ фуражъ и оружіе и т. д. Вообще инсургенты окончательно истомили испанскихъ солдатъ, не привыкшихъ къ климату и не знающихъ мѣстности, своими неожиданными, быстрыми нападеніями и днемъ и ночью и такимъ-же быстрымъ исчезновеніемъ въ горахъ и лѣсахъ. 50 тысячный корпусъ уже ослабѣлъ и скоро явится новыхъ 20,000 солдатъ. Инсургенты надѣются, что ихъ могущественный союзникъ-климатъ справится съ этими свѣжими силами. Осенью Испанія предполагаетъ довести численность своихъ войскъ до 100,000, при чемъ предполагается, что изъ указан-

ныхъ 50,000 и находящихся въ дорогѣ 20,000 всѣ будутъ цѣлы къ тому времени, когда будутъ подведены новыя 30,000. Но желтая лихорадка и другіе болѣзни ведутъ свою статистику въ 50 тысячномъ отрядѣ, и произведутъ ее и надъ ѣдущими 20,000. 30,000 явится осенью собственно для пополненія тѣхъ, которые выбудутъ изъ строя къ тому времени. Но если-бы Испаніи и удалось довести численность своихъ войскъ до 100,000, то вѣдь за это время и инсургенты увеличатъ свои силы. Теперь ихъ около 20,000, а къ зимѣ станетъ 40,000. Кромѣ того, Испанія уже израсходовала болѣе сотни милліоновъ франковъ, и каждый день ей теперь на Кубѣ обходится въ 500,000 франковъ. Когда численность арміи достигнетъ 100,000 человѣкъ, каждый день будетъ стоить 1 мил. франковъ, что для Испаніи равносильно банкротству. Европа должна была-бы указать Испаніи, что теперь собственные ея интересы указываютъ на необходимость прекратить рѣзню на островѣ Кубѣ и отказаться отъ нея разъ навсегда. Въ случаѣ упорства Испаніи, Европа могла-бы, сославшись на исторію, доказать Испаніи, что она неспособна и не желаетъ сколько-нибудь культурно относиться къ потребностямъ кубскаго населенія и управляла Кубой по-турецки.

Однако, какъ-бы тамъ ни было, но рѣзня на Кубѣ, оставаясь рѣзней, все-таки является болѣе или менѣе понятной. Мадагаскарская-же рѣзня, кажется, у всякаго должна вызвать не только негодованіе, но и недоумѣніе. Руководящіе классы Франціи говорятъ, что они послали на Мадагаскаръ солдатъ сражаться за отечество и честь національнаго знамени. Говасы оскорбили французское отечество и съ неуваженіемъ отнеслись къ французскому флагу, а потому ихъ нужно рѣзать, разстрѣливать и колоть штыками. Нечего сказать, Франція умѣетъ уважать свой культурный флагъ и свой престижъ культурной страны. Но въ чемъ-же, собственно, проявилось непочтительное отношеніе говасовъ къ французскому флагу и отечеству? Кажется, только въ томъ, что они считаютъ для Мадагаскара независимость болѣе почетной, чѣмъ протекторатъ Франціи. Франція, такъ много послужившая дѣлу личной и политической свободы въ началѣ столѣтія, могла-бы отнестись съ уваженіемъ ко всякому стремленію къ свободѣ, даже если-бы это стремленіе проявляли говасы. Но нѣтъ, по мнѣнію руководящихъ французскихъ классовъ населенія, на Мадагаскарѣ долженъ развиваться французскій флагъ и царить французскій жандармъ. Право, пора-бы поставить на иную точку зрѣнія вопросъ о протекторатѣ надъ несчастными полудикими народами въ связи съ вопросомъ о раздѣлѣ «чернаго материка». Трудно допустить мысль о томъ, что черный материкъ долженъ служить торговымъ интересамъ европейскихъ государствъ, а не интересамъ народностей, искони его населявшихъ. Европейскія государства, сражавшіяся съ мѣстными королями подъ предлогомъ прекращенія торговли невольниками, стали

сами между собою торговать не отдѣльными невольниками, а цѣлыми королевствами, въ которыхъ они ведутъ политику, направленную къ вырожденію туземнаго населенія. Англія стяжала себѣ на этомъ поприщѣ особую репутацію и съ появленіемъ у власти министерства Сольсбери навѣрно поведетъ агрессивную, такъ называемую колоніальную политику. Объ этой перемѣнѣ министерства въ Англіи и новыхъ выборахъ въ парламентъ—намъ придется побесѣдовать въ слѣдующій разъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

«Одесскія Новости» о «выморочныхъ» вопросахъ. — «Жизнь и Искусство»: о чемъ говорятъ газеты. — Газеты ученыхъ учрежденій. — «Самарская Газета» о казенномъ сборѣ, 4/5 котораго пропадаютъ. — Экзаменъ въ кунгурской школѣ — «Саратовскій Листокъ» о судьбѣ учительницы. — Дѣло объ убійствѣ и сопротивленіи властямъ. — Нѣсколько убійствъ и покушеній.—Пожарная паника въ Твери.—Удешевленіе страхованія.—Двѣ интеллигентныя колоніи.—Земледѣльческіе артели.

«Мелко, плоско, ничтожно все, къ чему ни присмотришься; съ такимъ утомительнымъ однообразіемъ протекаетъ жизнь, что писать о ней дѣлается все скучнѣе и скучнѣе; сонно все, вяло; и отраженіе самой жизни—журналистика тоже охвачена скукой и вялостью». Такъ жалуется фельетонистъ «Одесскихъ Новостей» и жалуется не безъ основанія. «Возьмите не только провинціальныя газеты, но хоть и столичные органы, тѣ, у которыхъ и силъ много и языкъ посвободнѣе—о чемъ тамъ говорятъ: о трухѣ, выѣденныхъ яйцахъ и прошлогоднемъ снѣгѣ». По отзыву одесскаго фельетониста, наши газеты, вслѣдствіе бѣдности самой жизни, придумываютъ «выморочные» вопросы, одна за другой теребятъ такой вопросъ нѣкоторое время, пока онъ надоѣстъ; тогда сдаютъ его въ архивъ и переходятъ къ новому «выморочному» вопросу.

Въ видѣ иллюстраціи, фельетонистъ указываетъ на обсуждавшійся недавно газетами «вопросъ» о каникулярныхъ работахъ учениковъ. Данныя къ этому вопросу авторъ излагаетъ такъ: большинство учителей ровно ничего ученикамъ на каникулы не задаютъ, нѣкоторые же задаютъ, но такія крупицы, что ученикъ вовсе не занимается ими во время каникулъ, а приготовляетъ заданное по возобновленіи классовъ, вечеромъ наканунѣ урока такого-то преподавателя; опытный же ученикъ и тогда не приготовляетъ, такъ какъ знаетъ, что не спросятъ. Вотъ, по тому же отзыву, вся суть каникулярныхъ работъ. А между тѣмъ газеты, которыя тому же фельетонисту симпатичны, тормошили этотъ вопросъ «съ серьезностью, дѣловитостью и убѣжденностью». «Русскія Вѣдомости» — гово-

ритъ авторъ—посвящаютъ ему статью серьезную, какъ дифференціалъ, и скучную, какъ геморроидальный чиновникъ. Какія-нибудь, скажемъ, «Харьковск. Вѣдомости» перетаскиваютъ этого чиновника на свои столбцы, рекомендуя его приблизительно такъ: давно уже назрѣла необходимость во всестороннемъ разсмотрѣніи весьма важнаго вопроса... По этому животрепещущему дѣлу «Русск. Вѣд.» высказываютъ рядъ вѣскихъ соображеній». «Новое Обозрѣніе» въ свою очередь передаетъ вѣскія соображенія «Харьк. Вѣд.»; затѣмъ откликается «Жизнь и Искусство», потомъ «Приазовскій Край» и т. д. Пошла писать вся газетная губернія. Топчутся двѣ—три недѣли около выѣденнаго яйца, потому что никакихъ каникулярныхъ работъ въ сущности нѣтъ, *а есть только отсутствіе общественныхъ интересовъ...* Разговаривали много, а о чемъ—неизвѣстно и для чего — тоже неизвѣстно; такъ, для проформы, для того, чтобы «стоять на стражѣ» и «разрабатывать по мѣрѣ силъ».

Въ этой характеристикѣ есть правда. Только слова «отсутствіе общественныхъ интересовъ» употреблены авторомъ, вѣроятно взамѣнъ другихъ, болѣе точныхъ.

Къ затронутой «Одесскими Новостями» темѣ о нѣкоторой произвольности «вопросовъ», чередующихся на столбцахъ нашихъ газетъ, при чемъ существеннѣйшіе-то наши вопросы никакъ на очередь попасть не могутъ, присоединю интересную фактическую справку «Жизни и Искусства» подъ заглавіемъ: «О чемъ говорятъ русскія газеты въ своихъ передовыхъ статьяхъ». Авторъ собралъ «сколько было подъ руками» газетъ столичныхъ и провинціальныхъ за одинъ и тотъ-же день и представилъ перечисленіе темъ статей, а отчасти и смыслъ послѣднихъ, въ краткихъ словахъ. Вышло нѣчто на подобіе всеобщей однодневной переписи, при которой каждый «вопросъ» записанъ тамъ, гдѣ онъ въ тотъ день находился. Я приведу только названія газетъ и вопросовъ. «*Новое Время*»— три передовыя статьи: «по русскимъ хозяйствамъ», о шампиньонномъ дѣлѣ и о праздникѣ царскосельскихъ кирасиръ. «*Биржев. Вѣдомости*»— по поводу пріѣзда въ Петербургъ «нѣсколькихъ болгаръ». «*Новости*»— о мелкомъ кредитѣ. «*С.-Петерб. Вѣдомости*» — объ обществѣ русскаго перестрахованія. «*Новости Дня*»—о всероссійской выставкѣ 1895 года. «*Гражданинъ*»—о сберегательныхъ кассахъ и о новомъ, одобрительномъ духѣ въ Петровскомъ земледѣльческомъ институтѣ. «*Русскія Вѣдомости*»— о церковно-приходской школѣ и особомъ ея значеніи въ Сибири. «*Московскія Вѣд.*»—о необходимости казенныхъ мѣстныхъ газетъ, которыя-бы издавались на счетъ земствъ. «*Сынъ Отечества*»—о годовомъ отчетѣ министерства земледѣлія. «*Виленскій Вѣстникъ*»—о сплавныхъ рѣкахъ. «*Минскій Вѣстникъ*»—о новомъ уставѣ сберегательныхъ кассъ. «*Смоленскій Вѣстникъ*» — о казанскомъ циркулярѣ относительно школьныхъ квартиръ и регламентація внѣ-школьнаго времени учениковъ. «*Таганрогскій Вѣстн.*»—о мелкомъ кредитѣ и нѣкоторыхъ чертахъ нашей торговли. «*Терскія Вѣдомости*» — городскія дѣла гор. Георгіевска. «*При-*

азовскій Край»—«новый фокусъ Нарзана». «*Донская Рѣчь*»—по поводу гибели воздухоплавателя Красинскаго. «*Воронежскій Телеграфъ*»—«къ юбилею Воронежскаго кадетскаго корпуса». «*Саратовскій Листокъ*» — «Курляндія и ея прошлое». «*Самарская Газета*»—объ условіяхъ аренды въ Самарской губерніи. «*Самарскій Вѣстникъ*»—о сокращеніи земскихъ расходовъ. «*Волжскій Край*» — о денежныхъ операціяхъ уѣздныхъ управъ. «*Волгарь*»—о безполезности инспектора охоты для Нижегородской губерніи. «*Полтавск. Губ. Вѣд.*»—«въ защиту законовъ органическихъ». «*Екатериносл. Губ. Вѣд.*»—объ урегулированіи мѣстнаго движенія рабочихъ. «*Южанинъ*»—о тарифахъ на перевозку угля. «*Орловскій Вѣстникъ*»—о борьбѣ съ пожарами. «*Курскій Листокъ*»—о поднятіи сельскаго хозяйства. «*Курскія Губ. Вѣд.*»—объ отчетѣ мѣстнаго протестантскаго исправительнаго отдѣленія. «*Харьк. Губ. Вѣд.*—о преобразованіи крестьянскаго банка. «*Южный Край*»—противъ сельскохозяйственнаго обученія въ народныхъ школахъ. «*Одесскія Новости*»—о способахъ для расхожденія судовъ въ морѣ. «*Одесскій Листокъ*»—винокуренное производство въ районѣ Ю.-З. жел. дорогъ; упорядоченіе торговли молочными продуктами. «*Новоросс. Телеграфъ*»—дорожный вопросъ и земство.

Я принялъ на себя скучный трудъ выписать вкратцѣ всѣ темы одного дня, такъ какъ и разнообразіе ихъ, и уровень крайне любопытны. «Жизнь и Искусство» ограничивается замѣчаніемъ, что «въ общемъ, вопросы, трактуемые провинціальными газетами, имѣютъ жизненное значеніе и притомъ преобладаетъ вниманіе къ мѣстнымъ интересамъ». Ну еще-бы! Прибавлю, что провинціальная статья о торговлѣ молочными продуктами, я увѣренъ, дѣльнѣе, чѣмъ столичная—о пріѣздѣ въ Петербургъ «нѣсколькихъ болгаръ»; увѣренъ потому, что не прочитавъ первой — по непростительной моей оплошности,—я и не знаю, что въ ней было; а не читавъ второй—слѣдуя правилу Чацкаго,—я отлично знаю, что въ ней были глупости.

Но, думается мнѣ, наши газеты, и въ особенности провинціальныя, не всегда пишутъ то, о чемъ думаютъ, а иногда думаютъ нѣсколько иное, чѣмъ то, что говорятъ. Не можетъ быть, чтобы послѣ того списка, который изложенъ въ «Жизни и Искусствѣ», подробнѣе и мотивированнѣе, чѣмъ у меня, кіевская газета не подумала «про себя»: какое разнообразіе «злобъ дня» и наиболѣе жгучихъ вопросовъ! Въ самомъ Петербургѣ одной газетѣ показалось, что въ данный день общество наиболѣе занято мелкимъ кредитомъ, другой — что самой животрепещущей темой минуты представляется пріѣздъ нѣсколькихъ болгаръ, а третьей — кирасирскій праздникъ. О выборѣ темъ провинціальными газетами достаточно сказать теперь, что онѣ даютъ— что могутъ.

Однажды въ близкой къ Петербургу деревнѣ бабы и ребятишки не носили, по обычаю, корзинокъ съ грибами и не предлагали дачникамъ этого продукта. Несмотря на дождливое лѣто, замѣчалось полное «отсутствіе грибовъ». Такое явленіе или, точнѣе сказать,

неявленіе было мнѣ объяснено лѣсникомъ въ томъ смыслѣ, что крестьяне и въ прежнее время въ сущности не имѣли права собирать грибовъ въ томъ лѣсѣ. Было отсутствіе грибовъ, ну, бабы и ребятишки и не носили ихъ, потому что имѣли еще иныя занятія. Читатель можетъ сказать, что это вторая причина излишня послѣ первой, то есть той, что самыхъ грибовъ не собиралось. Но выходитъ не совсѣмъ такъ. Допустимъ на минуту, что бабы и ребятишки существовали бы только для разноса лѣсныхъ продуктовъ. Въ такомъ случаѣ, если бы грибовъ и ягодъ не оказалось, то бабы и ребятишки, очевидно, стали бы разносить мохъ, еловыя шишки и тому подобное. Это было бы печально, а не смѣшно. Но если бы бабы стали выдавать еловыя шишки за боровики, то такая фальшь внесла бы въ дѣло серьезное нѣкоторый элементъ комическій.

А такъ именно бываетъ съ нашими газетами. Но и это еще не все. Что вмѣсто жизненныхъ, дѣйствительно важныхъ вопросовъ, имъ приходится иногда пробавляться суррогатами вопросовъ—это не ново, такъ водится у насъ изстари. Но ближайшій къ намъ періодъ — въ теченіе котораго народилось большинство газетъ провинціальныхъ — отличался тѣмъ, что въ газетахъ стали появляться вопросы совершенно неожиданные. Къ числу ихъ принадлежитъ и вопросъ — абиссинскій. Вдругъ оказалась какая-то никѣмъ доселѣ нечаянная солидарность наша съ эфіопами. И какъ это случилось? Для всѣхъ вполнѣ неожиданно, но очень просто. Нашелся «вольный казакъ» Ашиновъ, отправился онъ въ Эфіопію немилосердно тамъ пьянствовалъ съ своей компаніею, по сказанію спутниковъ; наконецъ, былъ «удаленъ» французами, причемъ «Новое Время» чуть не объявило Франціи войны, то есть едва не промѣняло сердечныхъ союзниковъ—французовъ на сердечныхъ союзниковъ—абиссинцевъ.

Какъ извѣстно, есть у насъ немало вопросовъ весьма существенныхъ и доселѣ не разрѣшенныхъ, напр. о голодовкахъ, о податяхъ, да хотя бы о положеніи тѣхъ же провинціальныхъ газетъ. Не легко понять, почему бы настоятельнѣе ихъ могъ быть для насъ вопросъ абиссинскій. Но его я только слегка касаюсь, оставаясь въ своей рамкѣ. Укажу на другой столь же неожиданный и не менѣе безплодный вопросъ, поднятый нынѣ «Моск. Вѣдомостями» — прилично-ли класть на гробъ или на могилу вѣнки? Въ старину смѣялись надъ «изувѣромъ» Аскоченскимъ. Но онъ былъ и умнѣе, и сдержаннѣе нынѣшнихъ. Кому какое дѣло до того, что я украшаю могилу дорогого мнѣ человѣка и что на мой взглядъ цвѣты составляютъ украшеніе? А между тѣмъ, это въ періодѣ окоченѣнія обращено было въ «вопросъ».

«Данныя» къ этому вопросу таковы. Передъ гробомъ Тургенева несли вѣнки на протяженіи версты; то былъ лѣсъ вѣнковъ. Затѣмъ, вѣнки впереди процессіи устранились и гробовщики должны были придумать новый, довольно безобразный экипажъ для везенія ихъ позади процессіи, экипажъ, который они, въ своихъ похоронныхъ счетахъ, называютъ «горкою». Теперь «Моск. Вѣдомости» ратуютъ за совершенное устра-

неніе вѣнковъ изъ погребальныхъ процессій. Это также — «вопросъ», и именно изъ категоріи неожиданныхъ, никѣмъ нечаянныхъ вопросовъ послѣдняго періода.

«Люди свѣтскіе—говорится въ письмѣ, которое помѣщено въ «Моск. Вѣдомостяхъ», — чтобы почтить заслуги покойника или извѣстныя имъ его добрыя качества, награждаютъ его своими вѣнками и такимъ образомъ сами дѣлаются подобны язычникамъ, неимѣвшимъ упованія жизни вѣчной, которые, усиливаясь обезсмертить умершаго, увѣнчивали его лавровыми вѣнками, какъ борца противъ трудностей и непріятностей жизни (ибо жизнь есть борьба), какъ героя и побѣдителя — что̀ и составляло сущность такъ называемаго апоѳеоза».

Итакъ, дочь, которая кладетъ на гробъ отца цвѣты, виновна въ язычествѣ и въ желаніи устроить для покойнаго противный духу христіанства «апоѳеозъ!» Есть направленіе мысли сухое, чисто реалистическое, грубое, которое природно ненавидитъ цвѣты, музыку, вообще искусство. Положимъ, о вкусахъ не спорятъ. Но московская газета преподноситъ письмо, въ которомъ—какъ всегда въ этомъ направленіи — указывается на необходимость «мѣръ». «Обычай погребальныхъ вѣнковъ—пишутъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ»—былъ-бы, конечно, безвреденъ, если-бы онъ былъ безсмысленнымъ обычаемъ; но разъ онъ есть выраженіе *языческаго* понятія *апоѳеоза* (курсивъ оригинала), онъ *не можетъ быть терпимъ* (мой курсивъ) въ христіанскомъ обществѣ».

Что-же объ этомъ сказать? Только то, что этотъ «вопросъ» еще болѣе безсодержателенъ и излишенъ, чѣмъ многіе другіе случайные, мелкіе, никого не интересующіе. Гораздо серьезнѣе могъ-бы быть вопросъ такого рода: удобно-ли, чтобы такія учрежденія, какъ московскій университетъ и академія наукъ, имѣли въ собственности газеты, которыя они отдаютъ, безъ соисканія и за дешевую цѣну, нѣкоторымъ предпринимателямъ, въ награду за мнимое «благомысліе»? Не лучше-ли было бы тѣмъ учрежденіямъ отказаться отъ изданій, въ которыхъ благомыслящими арендаторами могутъ приводиться мысли, неимѣющія ничего общаго съ дѣятельностью и авторитетомъ, какъ академіи наукъ, такъ и университета? Не лучше-ли было-бы разъ навсегда продать эти изданія съ торговъ и получить за нихъ значительныя деньги, которыя можно-бы обратить на научныя цѣли, чѣмъ отдавать ихъ какимъ-то фаворитамъ и потомъ «прощать» недоимки въ 180 тысячъ рублей, какъ было сдѣлано для покойнаго Каткова, патріота, оставившаго большое состояніе?

Г. Петровскій—нынѣшній арендаторъ «Моск. Вѣдомостей»—патріотъ, положимъ, неменьшій, чѣмъ Катковъ, но—отдадимъ ему и эту справедливость — талантъ его никому неизвѣстенъ. Вопросъ объ этихъ казенныхъ газетахъ, набрасывающихъ, при тѣхъ или другихъ арендаторахъ, тѣнь солидарности ученыхъ учрежденій съ мнѣніями иногда совсѣмъ странными—вопросъ, конечно, не первостепенный. Но все-таки онъ важнѣе вопроса о томъ, что вѣнки для покойниковъ «не могутъ быть терпимы».

Своихъ собственныхъ вопросовъ у насъ еще много. Я уже не говорю объ очень крупныхъ вопросахъ или очень сложныхъ, но о множествѣ самыхъ простыхъ, которымъ собственно и не слѣдовало-бы считаться вопросами. Такъ, напр., доселѣ у насъ въ самыхъ столицахъ остается нерѣшеннымъ даже вопросъ, какая каменная мостовая лучше. Дѣлались опыты, мостили и тамъ и сямъ различно кусочки разныхъ улицъ; въ Петербургѣ на двухъ большихъ улицахъ одну половину нѣсколько лѣтъ назадъ вымостили плитами (брусьями), а на другой оставили булыжникъ. И «вопросъ» все-таки остается нерѣшеннымъ, такъ какъ чинятъ ту мостовую, гдѣ плиты—плитами, а гдѣ булыжникъ—булыжникомъ. Это только мелкій примѣръ того, что, какъ внѣшняя городская, такъ и общественная жизнь наша еще вовсе не устроены. Есть у насъ и вопросы сезонные. Какъ только лѣто, пойдетъ цѣлая эпидемія пожаровъ, раздаются жалобы на плохое устройство всякихъ лѣчебныхъ пунктовъ, на столкновенія между пароходами, на грубость и произволъ ихъ капитановъ и т. д. Всѣ эти воросы къ зимѣ сдаются временно въ архивъ, а къ лѣту они возникаютъ вновь, безъ всякой, повидимому, надежды на ихъ разрѣшеніе.

По поводу тѣхъ-же пароходовъ, вотъ еще вопросъ, также давно уже заявлявшійся и до сихъ поръ нерѣшенный, несмотря на всю кажущуюся простоту его. Съ отправителей грузовъ на пароходахъ, какъ и на другихъ судахъ, взимается извѣстная пошлина на улучшеніе водяныхъ сообщеній и на содержаніе судоходной инспекціи. Давно извѣстно, что только малая часть огромныхъ суммъ этой пошлины въ каждомъ году сдается пароходовладѣльцами и судохозяевами въ казну, а остальная удерживается ими въ собственную пользу, съ выплатою, конечно, нѣкоторой части наблюдающимъ, за снисхожденіе. Неразрѣшеннымъ остается вопросъ: если изъ 1 рубля пошлины въ казну дѣйствительно поступаютъ только 20 копѣекъ, то слѣдуетъ-ли и далѣе взимать съ грузоотправителей рубль, или лучше было-бы брать съ нихъ только тѣже 20 копѣекъ, съ тѣмъ, чтобы пошлина цѣликомъ шла въ казну? Вопросъ, кажется, немудреный и касающійся прямо русской публики и русской казны. А вотъ, лѣтъ уже 15, помнится, какъ было впервые заявлено о немъ въ печати и все-таки онъ остается нерѣшеннымъ.

Новое заявленіе о немъ нахожу въ «Самарской Газетѣ» (№ 135), въ статьѣ «Пароходныя дѣла». Начать съ того, что пошлина взимается не вездѣ въ равномъ размѣрѣ: въ Нижнемъ, Казани и Астрахани — по 35 коп. со 100 рублей объявленной цѣнности груза, а въ другихъ городахъ— по 25 коп. Пароходныя общества требуютъ отъ своихъ служащихъ, чтобы на всѣхъ промежуточныхъ станціяхъ въ квитанціяхъ, выдаваемыхъ отправителямъ, выставлялся высшій размѣръ пошлины. Положимъ, отправитель, сдавая свою кладь, тутъ-же платитъ капитану парохода 1 р. 50 к. за провозъ и 3 р. 50 к. пошлины. И вотъ, изъ этихъ 3 р. 50 к. вносится въ казну только небольшая часть. Авторъ статьи говоритъ, что есть пароходы, берущіе изъ Нижняго до 4,000 пудовъ товара, стоимостью

въ 2 милл. рублей, съ которыхъ пошлины слѣдуетъ 7,000 рублей; но въ дѣйствительности пароходная администрація вноситъ въ казну пошлину только за какіе-нибудь 200—300 тысячъ р. (изъ 2 милл. р.) стоимости, а остальныя липнутъ къ разнымъ рукамъ. И это — продолжаетъ онъ — происходитъ въ каждомъ обществѣ и у частныхъ пароходовладѣльцевъ занимающихся перевозкою груза; если-бы только подсчитать, хотя за послѣднія 10 лѣтъ, сумму, которую пароходства утаили отъ казны и присвоили себѣ, то получатся десятки милліоновъ рублей, полученныхъ съ грузоотправителей и не внесенныхъ въ казну».

А начальники судоходныхъ дистанцій? На это авторъ отвѣчаетъ, что если мужикъ везетъ покупку на нѣсколько рублей, то съ него на пароходной пристани пошлину возьмутъ сполна: «тамъ, гдѣ копѣечные интересы, гг. начальники строго придерживаются правила, а гдѣ тысячи летятъ, то тутъ существуетъ механика». Простые десятники, служащіе у начальниковъ, и тѣ наживаютъ на службѣ по 10 и 20 тысячъ рублей. При такой «системѣ», пароходъ, который обошелся обществу въ 202 т. р., зарабатываетъ въ одну навигацію 190—210 тысячъ. Изъ нихъ 40—50 тысячъ идутъ на содержаніе команды, на отопленіе и другіе расходы, а остальное составляетъ чистую прибыль. По отзыву статьи, примѣрно 80 процентовъ собираемой пошлины остаются въ кассахъ пароходныхъ обществъ, и за 30 лѣтъ, впродолженіе которыхъ та пошлина взимается, если-бы она вся поступала въ казну, то могли быть накоплены десятки милліоновъ, на которые можно было-бы устранить перекаты и вообще урегулировать фарватеръ Волги. Такъ вотъ какіе у насъ отчасти еще держатся порядки.

Изъ другого нумера той-же газеты привожу еще образчикъ «порядковъ», уже не пароходныхъ, но учебныхъ. Въ селѣ Кунгурскомъ, Пермской губерніи, 13 мая къ учительницѣ народной школы пріѣхалъ гонецъ изъ сосѣдней деревни съ требованіемъ, чтобы учительница немедленно явилась въ школу той деревни «на экзаменъ». Хотя было уже 9 часовъ вечера, учительница всетаки поѣхала и въ квартирѣ мѣстнаго учителя застала его самого полупьянымъ и члена училищнаго совѣта—совсѣмъ пьянымъ. Никакого экзамена, конечно, не было, а только пьяные предупредили учительницу, что пріѣдутъ завтра въ ея школу и, продержавъ учительницу три часа пьяными разговорами, продолжая пить, отпустили ее въ другую комнату, откуда она на разсвѣтѣ и выѣхала домой. Съ утра она собрала дѣтей и ждетъ со страхомъ экзаменаторовъ. Тѣ, пріѣхавъ, сперва напиваются на похмѣлье у крестьянина, который послѣ съ удивленіемъ разсказывалъ, что господа подъ конецъ пили водку чайнымъ стаканомъ; Наконецъ, экзаменаторы, поддерживая другъ друга, вошли въ школу и начали экзаменъ съ вопроса: почему учительница вчера была блондинкой, а сегодня стала брюнеткой. «Непорядокъ, очень непорядокъ». Пьяные ничего не понимали, брали тетрадки и держали ихъ кверху ногами, требовали, чтобы ученикъ указалъ Москву на стѣнной картѣ, но

то былъ портретъ, а не карта; наконецъ, стали обращаться къ учительницѣ съ неприличными и оскорбительными придирками, такъ, что она расплакалась. «Картина въ истинно русскомъ стилѣ», говоритъ авторъ, который прямо называетъ и учителя—г. Дергачева и члена училищнаго совѣта—Андрея Афанасьевича Григорьева.

Я охотно содѣйствую прославленію на всю Россію столь примѣчательнаго столпа просвѣщенія. Нигдѣ, ни на западѣ, ни на востокѣ «начальство» не ходитъ пьянымъ къ подчиненнымъ, а явиться такимъ въ школу, къ дѣтямъ и обижать ихъ учительницу — гдѣ-же это мыслимо? Развѣ тамъ, гдѣ многое извиняется «широкимъ натурамъ», «теплымъ ребятамъ» и гдѣ «формальнымъ отношеніямъ» предпочитаются «сердечныя отношенія». Впрочемъ, и формальность отношеній у насъ иногда все-таки проявляется. Идетъ пьяный, раскачиваясь во всю ширину тротуара и громко оретъ. Но мимо городового онъ проходитъ молча и, что замѣчательно — почти прямо. Весьма вѣроятно, что и пьяный членъ училищнаго совѣта, если-бы предсталъ предъ попечителемъ округа, то отличилъ-бы портретъ отъ географической карты. Какъ ни широка у насъ натура, но она моментально и даже слишкомъ съуживается при появленіи хотя-бы и низшаго представителя власти, а въ присутствіи, скажемъ, средняго представителя ея, сердечныя отношенія тотчасъ замѣняются держаніемъ рукъ по швамъ. Самъ Китъ Китычъ требуетъ, чтобы нраву его не препятствовали только люди отъ него зависящіе или получающіе отъ него подачку. Но въ присутствіи сколько-нибудь властнаго лица, онъ самъ такъ сожметъ свой «нравъ», что прекрасно стерпитъ даже и незаслуженное.

Я говорилъ не разъ о преступленіяхъ, которыя наказуются слабо и о многихъ такихъ, которыя совсѣмъ не наказуются. Въ «Саратовскомъ Листкѣ» нахожу печальную исторію, которую изложу кратко. Въ Ленкорань нѣсколько времени тому назадъ, прибыла изъ Петербурга дѣвушка, окончившая здѣсь курсъ института, поступила тамъ гувернанткой въ одно семейство и годъ работала прилежно и счастливо, уча маленькихъ дѣвочекъ, которыя сильно къ ней привязались. Но выгнанный изъ гимназіи сынъ хозяина сталъ ухаживать за ней такъ нагло, что она рѣшилась уѣхать. Достойная мать этого негодяя умолила ее остаться для того, чтобы Митрофанушка не наложилъ на себя руку и увѣрила ее, что только бракъ дѣвушки съ нимъ можетъ спасти его. Гувернантка осталась. Помолвка была объявлена знакомымъ. Дѣвушка «всѣми силами стремилась къ тому, чтобы развить своего жениха, для чего проходила съ нимъ древнюю и новую исторію и литературу. Въ надеждѣ, что свадьба состоится въ самое короткое время, она, по своей неопытности и незнанію жизни, отдалась вполнѣ своему жениху...» Пришло для нея время просить мать жениха объ ускореніи свадьбы. Тогда мать сказала ей: «охота вамъ было вѣрить моимъ словамъ: я сдѣлала это съ той цѣлью, чтобы заставить васъ отвѣчать взаимностью моему сыну — и только». Сыну она рѣшительно

отказала въ согласіи на женитьбу и Митрофанушка «подъ сильнымъ вліяніемъ своей матушки-сводницы—говорю словами газеты—отказался отъ своей невѣсты». Она уѣхала на родину и отравилась. Вѣроятно, мать найдетъ современемъ для своего сына богатую «партію», и всѣ они заживутъ припѣваючи. Какое ей дѣло, что, во-первыхъ, она была сводницей, а во-вторыхъ, совершила убійство? Это ненаказуемо.

За прошлый мѣсяцъ провинціальныя газеты принесли извѣстія о нѣсколькихъ примѣчательныхъ уголовныхъ процессахъ. Отдѣленіемъ харьковской палаты въ Изюмѣ разсмотрѣно было дѣло о безпорядкахъ въ имѣніи гр. Рибопьеръ, при которыхъ крестьянами были убиты объѣздчики графа—осетины. Въ обвинительномъ актѣ констатировалось, что первой причиной злобы крестьянъ на объѣздчиковъ было прекращеніе ими лѣсныхъ порубокъ. «Черкесы» имѣли кинжалы, и крестьяне ихъ боялись, а сверхъ того ненавидѣли ихъ за жестокое обращеніе. Надо очень много, чтобы вывесть крестьянъ изъ терпѣнія и побудить ихъ къ сопротивленію какимъ-либо агентамъ власти. Но позволительно также предположить, что толпа не настаивала-бы такъ неистово на умерщвленіи всѣхъ объѣздчиковъ, еслибы враждебное къ нимъ чувство не усиливалось еще тѣмъ, что они были нехристи. Свалка началась на ярмаркѣ, гдѣ распорядителями были тѣ-же объѣздчики. Крестьянинъ Ребровъ ударилъ кнутомъ лошадь осетина; та «подхватила» всадника, но осетинъ скоро сдержалъ ее и, прискакавъ назадъ, ударилъ нагайкой Реброва по спинѣ. Тогда Ребровъ сталъ показывать сбѣжавшемуся народу красную полосу на своей спинѣ, и толпа бросилась на осетинъ и на полицію, которая хотѣла защитить ихъ. Объѣздчики были перебиты всѣ, кромѣ одного, котораго молодая дѣвушка спрятала на чердакѣ и, несмотря на угрозы толпы, твердо отрицала его присутствіе въ домѣ. При этомъ разбивались, а отчасти и похищались разныя вещи въ экономіи, въ аптекѣ и во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ осетины искали спасенія. Изъ приговора, сообщеннаго «Южнымъ Краемъ», видно, что нѣсколько крестьянъ присуждены къ каторжнымъ работамъ на 5, а одинъ на 4 года, какъ подстрекатели; но Ребровъ находится въ категоріи осужденныхъ на поселеніе; другіе—къ отдачѣ въ исправительное заведеніе на разные сроки. Изъ 69 обвинявшихся осуждены были 38. Строгости приговора, конечно, способствовало оказанное при этомъ толпою сопротивленіе полиціи.

Безъ всякаго сравненія снисходительнѣе отнеслось отдѣленіе симбирскаго суда въ Сызрани къ крестьянину Малышеву, дѣло котораго передаетъ «Волгарь». Докторъ медицины Джорджъ Каррикъ ѣхалъ по Волгѣ на пароходѣ общества «Самолетъ» въ отдѣльной каютѣ, и ночью, проснувшись, увидѣлъ въ полутемнотѣ стоявшаго у самой его постели человѣка съ кинжаломъ въ рукѣ и съ маской на лицѣ. Это былъ крестьянинъ Малышевъ, сынъ подрядчика, пробравшійся въ каюту сквозь открытое окно. Замѣтивъ, что докторъ проснулся, онъ занесъ надъ нимъ кинжалъ, но докторъ бросился на него, повалилъ его и держалъ подъ собою, пока

явилась помощь. Наиболѣе замѣчательно то, что среди вещей Малышева оказались: стклянки съ опіемъ, порошки опія, порошокъ толченыхъ шпанскихъ мухъ, нѣсколько зеренъ дурмана и пузырекъ съ хлороформомъ, «вызывающимъ при вдыханіи его нечувствительность и глубокій сонъ». И такъ, Малышевъ имѣлъ полное вооруженіе грабителей, разъѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ, а какъ теперь оказывается, и на пароходахъ. Малышевъ обвинялся въ покушеніи на жизнь доктора Каррика, да и невозможно было предположить, что онъ-бы не пустилъ въ ходъ свой кинжалъ, еслибы докторъ не схватилъ его быстро за горло и не повалилъ на диванъ. Если бы это происходило въ вагонѣ, то можно было-бы допустить, что нападавшій хотѣлъ только испугать пассажира кинжаломъ и, захвативъ вещи, выскочилъ-бы изъ вагона. Но съ парохода некуда уйти, и разъ кинжалъ былъ поднятъ, виновникъ могъ спастись только убійствомъ. Не могло быть рѣчи и о непредумышленности — въ виду кинжала, ядовъ и пузырька съ хлороформомъ. Но Малышева признали виновнымъ только въ покушеніи на грабежъ и приговорили къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца, безъ ограниченія правъ. Затѣмъ, Малышевъ внесъ залогъ въ 100 рублей и освобожденъ до срока вступленія приговора въ дѣйствіе. Снисходительность объясняется тѣмъ, что Малышеву—18 лѣтъ. Но въ виду все болѣе частыхъ убійствъ и покушеній на убійство, совершаемымъ именно молодцами этого возраста, состраданіе къ нимъ положительно ослабѣваетъ. Малышевъ учился въ реальномъ училищѣ, но вышелъ изъ 2 класса. Каково-же нравственное паденіе молодого человѣка, который, хотя и немного, но все-таки побывалъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, и по показанію матери, любилъ читать книги, читалъ даже за обѣдомъ, зарабатывалъ по 40 р. въ мѣсяцъ, изъ любознательности пускался въ дальнія поѣздки на велосипедѣ, а теперь разъѣзжалъ съ ядами и ножомъ?

Кстати, по поводу покушенія на пароходѣ упомянемъ о такомъ-же покушеніи въ вагонѣ на самаро-златоустовской дорогѣ. Инспекторъ кіевской 1 гимназіи Старковъ имѣлъ сосѣдомъ въ вагонѣ молодого-же человѣка въ пиджакѣ, фуражкѣ и сапогахъ «съ наборомъ». Въ полночь пассажиры легли спать, и г. Старковъ, уже уснувшій было, пробудился отъ громкаго кашля своего визави и узналъ отъ него, что кто-то только что унесъ шляпу г. Старкова. Этотъ сходилъ сперва на площадку, затѣмъ въ слѣдующій вагонъ и возвращаясь оттуда, на переходныхъ ступняхъ между обоими вагонами встрѣтился со своимъ сосѣдомъ, который сильно схватилъ его одной рукой за горло, а другой сталъ искать бумажника своей жертвы. Нападающій былъ силенъ, г. Старковъ сперва не могъ кричать, затѣмъ, въ борьбѣ, онъ освободился на минуту и крикнулъ, а нападающій вынулъ складной ножъ и взявъ Старкова снова за горло, втолкнулъ его въ уборную. Наконецъ, явились другіе пассажиры, но грабитель успѣлъ выскочить на рельсы, предварительно закинувъ сиг-

нальную веревку далеко на крышу вагона, такъ что поѣзда долго не могли остановить, и грабитель скрылся.

Нельзя не пожелать, чтобы озаботились охраненіемъ пассажировъ отъ кражъ и грабежа. Случаи, подобные бывшему съ г. Старковымъ, происходятъ и на западѣ, но крайне рѣдко, и каждый изъ нихъ вызываетъ въ печати цѣлую бурю, а у насъ они какъ-то мелькаютъ незамѣтно. Нѣсколько лѣтъ тому, одинъ кіевскій адвокатъ необъяснимымъ образомъ сгорѣлъ въ купе петербурго-варшавской дороги; обугленный трупъ его лежалъ на полу между двумя скамейками; нельзя было понять, почему онъ не отворилъ двери. Другой, виленскій адвокатъ былъ найденъ въ вагонѣ той-же дороги застрѣленнымъ или застрѣлившимся—рѣшить нельзя было съ достовѣрностью, такъ какъ револьверъ лежалъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ трупа.

Я слышалъ и о такомъ случаѣ, что антрепренеръ провинціальнаго театра, ѣхавшій на той-же дорогѣ, застегнувъ сюртукъ, спалъ на томъ боку, гдѣ у него находился бумажникъ съ значительной суммой и проснулся—съ бумажникомъ и съ головной болью, но—безъ денегъ: онѣ были вынуты изъ бумажника.

Съ переходомъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, надо-же ожидать, что администрація не будетъ долѣе слагать съ себя всякой отвѣтственности вывѣшеннымъ въ вагонахъ объявленіемъ, что пассажиры приглашаются сами наблюдать «за сохранностью своихъ вещей». При «быстротѣ» нашихъ поѣздовъ, которыя не дѣлаютъ и 50 верстъ въ часъ, а часто (пассажирскіе) проходятъ 600 верстъ почти въ сутки, на далекую поѣздку требуется три дня и три ночи. Значитъ пассажиры, приглашаемые «сами наблюдать» за вещами, для полной безопасности, должны не выходить трое сутокъ ни на одной станціи или выходить съ чемоданомъ на головѣ и саквояжемъ въ рукѣ, и три ночи не вздремнуть ни на пять минутъ. Возможно-ли точное соблюденіе того, къ чему приглашаетъ объявленіе?

Въ видахъ безопасности пассажировъ и ихъ вещей, слѣдуетъ отдать рѣшительное предпочтеніе вагонамъ сквознымъ съ проходомъ по срединѣ—передъ вагонами, раздѣленными на купэ для шести человѣкъ, купэ, въ которомъ могутъ оказаться два пассажира, одинъ безъ защиты отъ другого. Затѣмъ, особый кондукторъ долженъ быть при *каждомъ* вагонѣ; онъ примѣтитъ всѣхъ пассажировъ, показавшихъ ему билеты, и будетъ наблюдать за каждымъ постороннимъ. На пути вагоны должны быть запираемы, такъ, чтобы кочеваніе изъ заднихъ въ передніе во время пути прекратилось. Наконецъ, при остановкахъ на станціяхъ, гдѣ полагаются завтракъ или обѣдъ, вагоны также должны быть запираемы, хотя-бы въ нихъ и оставались нѣкоторые пассажиры. Теперь-же не при каждомъ вагонѣ состоитъ кондукторъ и вдобавокъ—не знаю этого навѣрное, но слышалъ—гг. кондукторы во время хода поѣзда собираются въ какомъ-нибудь отдѣленіи, всѣ вмѣстѣ, и занимаются тамъ игрою или

бесѣдою. При такихъ порядкахъ, вполнѣ возможны покража вещей изъ вагоновъ при остановкѣ на большихъ станціяхъ и даже покушенія на жизнь пассажировъ.

Кстати, когда у насъ уже введены—такіе «скорые» поѣзды (менѣе 50 в. въ часъ), которые ходятъ въ полтора раза тише иностранныхъ «курьеровъ», и имѣются поѣзды почтовые, идущіе черепашьимъ шагомъ по 30 верстъ въ часъ, для чего-же еще сохраняются поѣзды «пассажирскіе», ползущіе по 20—25 верстъ въ часъ? Развѣ для благоденствія станціонныхъ буфетовъ, при которыхъ они стоятъ отъ 10 до 60 минутъ.

Еще случай покушенія на убійство переданъ въ отчетѣ «Южнаго Края»—о разсмотрѣніи отдѣленіемъ кіевскаго военно-окружнаго суда въ Харьковѣ дѣла корнета драгунскаго полка Экмана, который тяжело ранилъ выстрѣломъ изъ револьвера учителя ахтырскаго приходскаго училища Стеценко. Хотя отчетъ харьковской газеты занимаетъ почти два столбца, но онъ не вполнѣ выясняетъ причину этого покушенія. «По словамъ самаго Экмана, Стеценко былъ ему весьма симпатиченъ и въ обращеніи съ нимъ, Экманомъ, всегда любезенъ». Между тѣмъ, когда Стеценко сталъ просить Экмана дать ему денегъ въ долгъ и, несмотря на отказъ, повторилъ свою просьбу, то Экманъ выстрѣлилъ въ него и нанесъ ему рану, «которая должна быть отнесена къ разряду тяжкихъ и надолго сдѣлаетъ Стеценко неспособнымъ къ его профессіональному занятію». Въ этомъ видѣ преступленіе Экмана является совсѣмъ неестественнымъ и непонятнымъ и остается такимъ даже при объясненіяхъ, что онъ уже съ 14 лѣтъ пилъ много водки, что его денежныя дѣла были крайне разстроены, и что онъ вообще крайне вспыльчивъ. Въ обвинительномъ актѣ дѣло разъясняется тѣмъ, что Стеценко дразнилъ Экмана. Офицеръ этотъ вошелъ въ читальню ахтырскаго городскаго клуба, въ которой находились Стеценко и другія лица, и, взявъ «Южный Край», сказалъ первому, что въ газетѣ есть статья о мелкомъ кредитѣ. Тогда Стеценко спросилъ: «а вотъ не дадите-ли вы намъ сегодня въ кредитъ, подъ проценты», говоря это въ шутливомъ тонѣ. Бывшая при этомъ жена штабъ-ротмистра Сабо прибавила: «дайте ему подъ жидовскіе проценты». Экманъ отвѣтилъ, что онъ денегъ подъ проценты не даетъ; тогда Стеценко сказалъ: «а я думалъ, что вы даете»—и Экманъ выстрѣлилъ въ него. Самъ Экманъ объяснялъ дѣло такъ, что Стеценко нанесъ ему оскорбленіе въ выраженіяхъ: «вы отдаете деньги подъ проценты, вы этимъ занимаетесь, вотъ займите (т. е. ссудите) мнѣ подъ проценты»; что онъ, подсудимый, находилъ эти выходки неумѣстными и просилъ Стеценко прекратить разговоръ, но тотъ продолжалъ говорить о займѣ, въ чемъ, онъ, Экманъ, усмотрѣлъ «настойчивыя оскорбленія» и «импульсивно выстрѣлилъ по направленіи къ Стеценко изъ револьвера, который всегда носилъ при себѣ».

Мнѣ кажется, однако, что и въ этихъ объясненіяхъ нѣчто осталось еще недоказаннымъ. Просить серьезно ссуды у человѣка по такому по-

воду, что тотъ упомянулъ о газетной статьѣ, посвященной мелкому кредиту никто не станетъ, да Стеценко и говорилъ шутливо, а г-жа Сабо еще прибавила о «жидовскихъ» процентахъ. Допустить, что Экманъ въ самомъ дѣлѣ занимался ссудами подъ проценты, и что собесѣдники могли имѣть намѣреніе попрекнуть его этимъ, будто-бы въ шутку (у насъ пріятели любятъ такого рода шутки, которыя задѣваютъ честь)—кажется—нѣтъ основанія, такъ какъ дѣла Экмана были крайне разстроены, а стало быть ему скорѣе приходилось самому занимать деньги, чѣмъ ссужать ихъ, а у людей занимающихся ростовщичествомъ дѣла, обыкновенно, не бываютъ разстроенными.

И такъ, тутъ что-то осталось недоказаннымъ. Экманъ призначъ виновнымъ въ покушеніи на убійство, совершенномъ въ запальчивости и раздраженіи, и приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію. Итакъ, въ данномъ случаѣ военный судъ вовсе не послѣдовалъ тѣмъ примѣрамъ, когда насиліе или рана, нанесенныя лицомъ военнымъ оправдываются «честью мундира». Экманъ нанесъ рану, онъ и наказанъ справедливо. Хотя онъ и офицеръ и стрѣлялъ онъ въ учителя, а путешествующій съ ядами и хлороформомъ Малышевъ—крестьянинъ, но мой либерализмъ нисколько мнѣ не препятствуетъ признать молодого Экмана менѣе антипатичнымъ, чѣмъ молодой Малышевъ, который отсидѣвъ въ тюрьмѣ 4 мѣсяца, по всей вѣроятности, возобновитъ свои интересныя путешествія. А есть такія шаблонисты, которые изъ усердія къ проведенію принципа о равенствѣ сословій, сами всегда разно относятся къ сходнымъ дѣламъ, смотря именно по тому, къ какимъ сословіямъ принадлежатъ люди ихъ совершающія. Характерной чертой шаблонистовъ и представляются—пристрастіе къ этикетамъ и игнорированіе сущности дѣлъ.

Мною отмѣчено выше выраженіе «займите» мнѣ денегъ, вмѣсто «ссудите»; это одна изъ неправильностей южной рѣчи, и харьковская газета не устранила изъ отчета этой небольшой ошибки. «Казанскій Телеграфъ» приводитъ слѣдующій «примѣръ образцоваго слога».—«Шли дождь и два студента. Одинъ въ университетъ, другой въ пальто. Они повстрѣчали двухъ барышень; одна выходила изъ поѣзда, другая изъ себя. Одинъ студентъ заговорилъ съ барышней, другой съ апломбомъ».

Иностранцу могли-бы показаться удивительными въ дѣлѣ Экмана и Стеценко такія противорѣчія, что, по заявленію свидѣтелей, г. Стеценко—человѣкъ скромный, деликатный и обходительный, котораго самъ Экманъ признавалъ симпатичнымъ себѣ и любезнымъ въ обращеніи съ нимъ, а между тѣмъ, вотъ были шутки о процентахъ. Затѣмъ, когда Экманъ выстрѣлилъ,, то Стеценко воскликнулъ: «за что это, Богъ съ вами»! Но это—противорѣчіе только для иностранца, который не понимаетъ, что можно быть скромнымъ, добрымъ и даже деликатнымъ въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ человѣкомъ, а между тѣмъ, позволять себѣ ядовитыя шутки и даже позволять ихъ себѣ именно добродушно.

въ ожиданіи, что знакомый, надъ которымъ шутитъ, не приметъ и злой шутки за намѣренное оскорбленіе, но только надуется, сконфузится или выругается, и то не въ серьезъ, а это-то и смѣшно. Иностранецъ не понимаетъ, а мы это отлично знаемъ. Иностранецъ, пожалуй, не допускаетъ и того, что считая кого-нибудь нечестнымъ, можно все-таки не только водить съ нимъ компанію, но даже иногда и намекнуть ему кое-что, все въ шутку; далѣе, что испытавъ крупную обиду и имѣя злобу на человѣка, можно однако же весело проводить съ нимъ время. А у насъ нисколько не уменьшилось со временъ Грибоѣдова та, не скажу мягкость, но размазня въ отношеніяхъ, въ силу которой, напримѣръ, иногда не отварачиваются рѣшительно отъ людей весьма сомнительныхъ, которыхъ «всѣ ругаютъ и повсюду принимаютъ».

Вотъ драма въ судейской сферѣ, случившаяся въ Астрахани и разсказанная тамошнимъ «Вѣстникомъ» (цитирую по «Каз. Телеграфу»). Сцена и здѣсь въ городскомъ общественномъ собраніи. На террасѣ клуба сидѣли бывшій судебный слѣдователь Черняковъ, товарищъ прокурора астраханскаго окружнаго суда Быстровъ, еще одинъ мужчина и г-жа Чернякова. «Разговоръ шелъ о совершенно постороннихъ вещахъ, причемъ *компанія была очень весела*». Вдругъ бывшій судебный слѣдователь, со словами: «а вотъ я сейчасъ вамъ скажу», подошелъ къ товарищу прокурора, наклонился къ нему и въ упоръ выстрѣлилъ ему въ високъ изъ револьвера. Исходъ раны опредѣлить еще нельзя. Неизвѣстна пока и причина покушенія. Но что̀ здѣсь несомнѣнно, это— что съ человѣкомъ, на котораго имѣешь смертельную злобу, можно водить компанію и весело проводитъ съ нимъ время. Все это—черты нравовъ, заслуживающія отмѣтки.

Среди примѣровъ множества еще нерѣшенныхъ у насъ вопросовъ, я указалъ и на вопросъ о пожарной эпидеміи. Пожары случаются повсемѣстно, но нигдѣ въ Европѣ не слышно о цѣлой эпидеміи пожаровъ и о паникѣ, возбуждаемой ими въ населеніи. У насъ-же то и другое является поочередно въ разныхъ городахъ, въ теченіе одного лѣта. Такъ, въ іюнѣ, вслѣдствіе ряда пожаровъ, въ Твери, по словамъ «Моск. Листка», произошла «всеобщая паника». Пожары приписывали поджогамъ «золоторотцевъ» съ цѣлью грабежа, говорили и о подметныхъ письмахъ; полицейскіе ходили по домамъ, приглашая жителей къ бдительности. Въ ночь на 11 іюня многія улицы совершенно не спали, и лавки не запирались въ продолженіе цѣлой ночи... въ эту ночь немало было побито разныхъ оборванцевъ и немало людей безвинныхъ воспользовались безплатнымъ ночлегомъ въ части... Многіе дачники вернулись въ пыльный городъ изъ боязни пожаровъ. Замѣчательно, что число пожаровъ у насъ не только не уменьшилось, вслѣдствіе распространенія страхованія, но возрасло. Значительно уменьшить число пожаровъ какими-либо мѣрами едва-ли возможно: этому могутъ способствовать только постепенное вздо-

рожаніе лѣса, удешевленіе кровельнаго желѣза, уменьшеніе пьянства и зависящаго отъ него неосторожнаго обращенія съ огнемъ.

Но хотя распространеніе страхованія не сокращаетъ числа пожарныхъ случаевъ, одно только страхованіе спасаетъ погорѣвшихъ отъ разоренія, а удешевленіе страхованія можетъ быть достигнуто мѣрами. Съ 1 іюля вступилъ въ дѣйствіе законъ, понизившій пошлину съ застрахованія имуществъ на одну треть (33%); по этому закону пошлина ни въ какомъ случаѣ не должна превышать 20-ти проц. съ суммы страхового платежа. Но и этотъ максимумъ еще слишкомъ высокъ. Собственно говоря, налогъ на страхованіе имуществъ слѣдовало-бы совершенно отмѣнить, какъ новымъ закономъ совсѣмъ отмѣнено взиманіе пошлины съ страхованія капиталовъ и доходовъ. Самое страхованіе уже представляетъ налогъ на значительное число строеній для возмѣщенія потерь на тѣхъ, которыя сгорятъ. Правда, налогъ этотъ идетъ не въ пользу казны, а въ кассы паевыхъ или акціонерныхъ страховыхъ обществъ, къ чему слѣдуетъ еще прибавить, что большинство этихъ обществъ имѣютъ взаимную конвенцію, то-есть находятся въ постоянной стачкѣ противъ пониженія цѣнъ страхованія. Но съ этимъ зломъ государство должно бороться посредствомъ всякихъ поощреній дѣлу взаимнаго страхованія, которое основано на постепенномъ пониженіи платежей для участниковъ въ такихъ обществахъ. Покровительство имъ могло-бы быть оказываемо не только совершенной отмѣной пошлины съ страхованія взаимнаго, но и нѣкоторымъ участіемъ казенныхъ банковъ въ образованіи основныхъ капиталовъ для этихъ обществъ.

А пока еще не признано возможнымъ совсѣмъ отмѣнить налогъ со всякаго страхованія, слѣдовало бы къ этому казенному доходу примѣнять тотъ-же взглядъ, въ силу котораго понижались цѣны почтовой пересылки писемъ и телеграфной корреспонденціи, а недавно удешевленъ и проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ на значительныя разстоянія. Соображеніе здѣсь двоякое: во-первыхъ, то, что казенный интересъ въ такихъ общеполезныхъ операціяхъ, какъ страхованіе, почтовыя пересылки и путевыя сообщенія, долженъ стоять на второмъ планѣ; а во-вторыхъ,—что дѣлая каждую изъ этихъ операцій болѣе доступною для населенія, можно, до извѣстной степени, даже и не уменьшить дохода казны, вслѣдствіе большаго развитія ихъ. Зато, при пониженіи самаго размѣра сборовъ, слѣдуетъ уже отмѣнить всякія сословныя и личныя изъятія отъ нихъ, какъ напримѣръ, сократить слишкомъ еще большое число безплатныхъ билетовъ на желѣзныхъ дорогахъ, выдаваемое лицамъ казенной администраціи, отмѣнить право военно-служащихъ платить за билеты 2 класса цѣну, установленную для 3 класса, совершенно вывесть тотъ обычай, что каждый инженеръ и каждый офицеръ полицейскаго желѣзнодорожнаго надзора, проѣзжая даромъ, непремѣнно еще требуютъ для себя отдѣльное купэ и т. п.

Въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» разсказывается о распаденіи интеллигентной Шакѣевской общины и о запустѣніи ея, происшедшемъ тому уже пять лѣтъ... Дѣйствительный хозяинъ хутора и иниціаторъ общины, видя «духовную смуту и разногласіе» среди общинниковъ и полагая, что ихъ стѣсняло присутствіе собственника, ушелъ изъ колоніи, отказавшись отъ своей собственности, въ надеждѣ, что единомысліе возстановится. Между тѣмъ, послѣ того и разномысліе среди общинниковъ усилилось, и взаимныя отношенія обострились. Любопытно, что однимъ изъ поводовъ къ распаденію колоніи, по словамъ газеты, послужило принятое общинниками правило о безбрачной жизни и объ отношеніи къ женщинѣ «только, какъ къ сестрѣ и товарищу». Любовь все-таки явилась, а съ ней и безвыходное положеніе. Возникли споры о раціональности самаго правила—«что не замедлило сказаться въ заключеніи брачнаго союза между молодыми людьми, такъ что изъ Шакѣева стали разъѣзжаться уже парами». Но вѣдь это показываетъ только, что шакѣевцы «не могли вмѣстить» правила, а не свидѣтельствуетъ противъ самаго правила, какъ нравственнаго идеала, поставленнаго первоначально несравненно болѣе высокимъ авторитетомъ, а вовсе не произвольно придуманнаго иниціаторомъ шакѣевской общины.

Одновременно, въ газетѣ «Кавказъ» сообщаются свѣдѣнія о полномъ успѣхѣ и процвѣтаніи другой земледѣльческой интеллигентной колоніи «Криницы», находящейся въ 70 верстахъ отъ Новороссійска. Усадьба криничанъ состоитъ изъ разбросанныхъ, красивыхъ домиковъ; имѣется общая столовая и нѣчто вродѣ пріемной съ прекраснымъ роялемъ. «Все что имѣется въ колоніи—достояніе всѣхъ колонистовъ». Столъ и помѣщеніе даются безвозмездно за исполненіе работъ, соотвѣтствующихъ силамъ каждаго. Въ колоніи есть библіотека изъ 1,000 томовъ произведеній классическихъ писателей четырехъ новыхъ литературъ. Есть магазинъ, гдѣ каждый беретъ безплатно по мѣрѣ личной надобности, есть и мастерскія для нуждъ колонистовъ. Авторъ статьи утверждаетъ, что веденіе хозяйства въ «Криницѣ» способствовало улучшенію хозяйства у сосѣднихъ крестьянъ.

Возвращаюсь къ земледѣльческимъ артелямъ крестьянскимъ, о которыхъ я уже однажды говорилъ. Нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ появилось въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Первая такая артель образовалась въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, и число ихъ достигло уже до 60-ти, но изъ нихъ только 10 могли приступить къ работамъ, а прочіе, заключивъ договоръ, не могутъ начать работъ, по неимѣнію первоначальныхъ средствъ. Въ томъ же положеніи находятся и 20 земледѣльческихъ артелей, образовавшихся въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Для обзаведенія необходимо среднимъ числомъ по 50 р. на человѣка. Организаторомъ этого дѣла, какъ я уже упоминалъ, является присяжный повѣренный Н. В. Левитскій: имъ на-

писанъ образцовый «артельный договоръ». онъ-же добровольно взялъ на себя роль совѣтника, ходатая и какъ-бы опекуна этихъ мелкихъ крестьянскихъ союзовъ. Московская газета сообщаетъ, что недавнее распоряженіе банка объ отмѣнѣ выдачи мелкихъ ссудъ на хозяйственныя нужды отдѣльныхъ крестьянъ, впредь до выясненія дѣла, примѣняется и къ земледѣльческимъ артелямъ. Одесская газета передаетъ, что экземпляры активнаго договора были представлены г. Левитскимъ министрамъ финансовъ и земледѣлія, и приводитъ отвѣты министровъ, упоминающихъ о договорѣ, какъ о заслуживающемъ большого интереса, почтенномъ трудѣ. Быть можетъ, личное ознакомленіе министровъ съ договорами облегчитъ доступъ артелямъ къ небольшому нужному имъ кредиту.

Безъ средствъ на первоначальное обзаведеніе онѣ приступить къ работамъ не могутъ, потому что къ сплоченію въ артели, съ общимъ производствомъ и равнымъ дѣлежомъ, прибѣгаютъ именно крестьяне, сильно пострадавшіе отъ неурожая и лишившіеся скота и лошадей. Вотъ какъ, между прочимъ, описывается положеніе тѣхъ крестьянъ въ четырехъ удостовѣреніяхъ, копіи которыхъ мнѣ присланы г. Левитскимъ и которыя выданы ему предсѣдателемъ александрійской земской управы и земскимъ начальникомъ. «Безкормица, бывшая всю зиму и весну 1893 года, заставила крестьянъ сѣверо-западной части уѣзда распродать не только весь гулевой скотъ, но и значительную часть скота рабочаго, вслѣдствіе чего въ этой мѣстности образовалось много пѣшихъ дворовъ»... «Составляются артели главнымъ образомъ изъ бѣднѣйшихъ, безлошадныхъ крестьянъ; онѣ являются цѣлесообразнѣйшимъ средствомъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и нуждаются въ кредитѣ для пріобрѣтенія какъ рабочаго скота, такъ и мертваго хозяйственнаго инвентаря»... $^2/_3$ домохозяевъ (пишетъ земскій начальникъ объ одномъ большомъ селѣ) оказалось безлошадными и при достаточномъ земельномъ надѣлѣ, въ 5 дес. на ревизскую душу, они не въ состояніи обрабатывать и по одной десятинѣ... А между тѣмъ, крестьяне этого села люди хорошіе и трудолюбивые... Единственная возможность поднять ихъ благосостояніе «это—учрежденіе мелкихъ хозяйственныхъ артелей» и проч. Тотъ-же земскій начальникъ свидѣтельствуетъ, что г. Левитскій «неослабно ратуетъ за развитіе артельнаго дѣла, не оставляя крестьянъ ни въ одномъ случаѣ безъ наставленія и совѣта».

Въ своемъ письмѣ ко мнѣ, вызванномъ моимъ сочувствіемъ къ столь полезному дѣлу, г. Левитскій жалуется на недостатокъ поддержки, на равнодушіе къ этому предпріятію лицъ, которые бы могли что-нибудь сдѣлать, пишетъ, что онъ самъ почти изнемогаетъ, такъ какъ рѣшительно все: и переписка, и личные совѣты, и осмотръ лежитъ на немъ одномъ, что онъ, вѣроятно, принужденъ будетъ оставить адвокатуру, по неимѣнію времени, но артельнаго дѣла не оставитъ, пока хватитъ силъ и пока придутъ на помощь; «а если нѣтъ, то пусть люди не осудятъ:

я отдалъ и сдѣлалъ все, что только позволяютъ сдѣлать силы одного человѣка»... Неужели, когда иной разъ милліоны идутъ на предпріятія далекія и которыхъ результата нельзя предвидѣть, не найдетъ поддержки дѣло столь близкое и несомнѣнно полезное, какъ предоставленіе крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожаевъ и лишеннымъ скота, возможности остаться хозяевами при взаимной помощи и общей работѣ? Неужели не будетъ поддержана возникающая у насъ наиболѣе раціональная организація земледѣльческаго труда?

Л. Прозоровъ.

По поводу отчета о дѣятельности министерства земледѣлія.

На-дняхъ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ опубликовало отчетъ за первый годъ своей дѣятельности *). Отчетъ характеризуетъ дѣятельность министерства по управленію государственными имуществами и по завѣдыванію нуждами сельскаго хозяйства Россіи. Общее вниманіе. конечно, должно остановиться на послѣднемъ родѣ дѣятельности министерства, гдѣ оно выступаетъ именно, какъ министерство земледѣлія. Вѣдь еще не такъ давно эти два слова—«министерство земледѣлія»—являлись синонимами будущаго величія, процвѣтанія, славы и могущества. Столбцы повседневной печати заполнялись статьями, надъ которыми красовались заглавія: министерство земледѣлія и будущность Россіи; министерство земледѣлія, какъ залогъ будущаго развитія страны; главное министерство въ Россіи и т. п. Теперь, кажется, такія статьи уже не появляются, и одно время даже самая польза «главнаго министерства» подвергалась сомнѣнію **). Причина такого охлажденія, однако, лежитъ не въ самомъ министерствѣ земледѣлія, а въ преднамѣренномъ или непреднамѣренномъ, но все-же неправильномъ пониманіи причинъ такъ называемаго сельско-хозяйственнаго кризиса съ одной стороны, а съ другой—въ тщетномъ стремленіи обнять однимъ терминомъ «сельско-хозяйственный кризисъ» рядъ причинъ и слѣдствій далеко не сельско-

*) Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за первый годъ его существованія (30 марта 1894—30 марта 1895 года). Спб. 1895 г.

**) Вслѣдъ за бѣдствіями голоднаго года былъ возбужденъ вопросъ о томъ, является-ли урожай для Россіи полезнымъ или вреднымъ? Такой вопросъ былъ возбужденъ вслѣдствіе наступившей сравнительной дешевизны хлѣба. Многимъ казалось, что министерство земледѣлія, призванное возродить урожаи, въ случаѣ успѣшнаго выполненія своей задачи, будетъ способствовать лишь дальнѣйшему паденію хлѣбныхъ цѣнъ, т.-е. дальнѣйшему разоренію Россіи!.. При министерствѣ финансовъ была образована особая комиссія, которая обсуждала вопросъ о значеніи высоты урожая въ Россіи. Интересныя разъясненія по этому вопросу представлены въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1895 годъ.

хозяйственнаго характера. Исторія происхожденія русскаго министерства земледѣлія является въ данномъ случаѣ наиболѣе подходящимъ доказательствомъ.

Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію министерства земледѣлія послужили тѣ бѣдствія, которыя пережила Россія въ 1891—1892 гг. Испытанія, выпадающія на долю государствъ, по общему мнѣнію, имѣютъ и свое весьма благотворное значеніе. Франко-прусская война, пожалуй, принесла больше пользы побитой Франціи, чѣмъ побѣдившей Германіи. Крымская война занимаетъ весьма важное мѣсто въ ряду причинъ, вызвавшихъ эпоху великихъ реформъ. Конечно, можно сожалѣть о томъ, что только тяжелыя испытанія побуждаютъ государства къ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ поступательному движенію, но тутъ обнаруживаются поводы къ еще менѣе утѣшительнымъ размышленіямъ о судьбѣ прогресса. Повидимому, степень тяжести испытаній теперь требуется уже иная, чѣмъ то бывало раньше. Крымская война оказалась испытаніемъ, вполнѣ достаточнымъ для побужденія къ «великимъ реформамъ». Было-бы весьма интересно на какихъ-нибудь цифрахъ показать степень тяжести крымской войны и степень тяжести того испытанія, которое пережила Россія въ 1891—92 гг. Однако, и безъ цифръ можно утверждать, что крымская война по сравненію съ 1891—92 гг. является случайнымъ и весьма скромнымъ эпизодомъ. Уголокъ Крыма, занятый непріятелемъ, разрушеніе Севастополя, 100,000 убитыхъ и раненыхъ — съ одной стороны, а съ другой — 20 губерній, не занятыхъ непріятелемъ, но голодающихъ, дающихъ громадный матеріалъ для статистики смертности и почти никакого матеріала для статистики хлѣбныхъ запасовъ и сельско-хозяйственнаго инвентаря. Уполномоченные особаго комитета, проѣзжавшіе по голодавшимъ губерніямъ, описали ихъ положеніе на столбцахъ «Прав. Вѣстн.» съ неизбѣжной оффиціальной сдержанностью, но все-же картина получилась такая, какъбудто 20 губерній служили театромъ для военныхъ дѣйствій и притомъ не въ наше «гуманное» время, а въ то время, когда непріятель не признавалъ никакого различія между мирными обывателями и войсками. Тѣмъ не менѣе, по силѣ импульса, по своему значенію для внутренней политики первенство остается за крымской войной. Мало того, 1891—92 гг. прямо прошли безслѣдно,—конечно, только въ смыслѣ реформъ, а не въ смыслѣ потерь. Такой результатъ «тяжелаго испытанія» тѣмъ болѣе является интереснымъ, что причина голода 1891—92 гг. и пораженія подъ Севастополемъ въ сущности были признаны одинаковыми. Крымская война не сопровождалась-бы такими благотворными послѣдствіями въ дѣлахъ внутренней политики, еслибы пораженіе русскихъ войскъ являлось простой случайностью и было признано результатомъ однихъ несовершенствъ и непорядковъ въ одномъ военномъ вѣдомствѣ. Тяжелыя испытанія 1891—92 гг. также не были признаны простой случайностью или продуктомъ ряда неблагопріятныхъ условій въ одной сельско-хозяйствен-

ной области. Голодъ 1891—92 гг. всѣми (не исключая и оффиціальныхъ сферъ) былъ признанъ лишь обостреніемъ такого положенія деревенскихъ массъ населенія, которое давно уже превратилось въ обычное и нормальное. Разстройство сельскаго хозяйства также оказалось невозможнымъ свести къ какимъ-либо чисто сельско-хозяйственнымъ неблагопріятнымъ условіямъ. Было ясно, что эти неблагопріятныя условія въ области сельскаго хозяйства вызваны и поддерживаются рядомъ могучихъ причинъ общаго характера, красной нитью проходящихъ и чрезъ всѣ другія области и сферы жизни. Тѣмъ не менѣе, все дѣло было сведено къ старой тактикѣ, придерживающейся въ такихъ случаяхъ извѣстнаго правила: «il faut faire quelque chose». Такимъ quelque chose и было признано министерство земледѣлія тѣмъ болѣе, что на учрежденіи этого министерства единогласно настаивали съ особымъ рвеніемъ и печать и разныя ученыя общества. Отвѣчая однимъ министерствомъ земледѣлія на тяжелое испытаніе 1891—92 гг., тѣмъ самымъ сводили все это испытаніе къ одному сельско-хозяйственному кризису и притомъ кризису, въ свою очередь сведенному къ однимъ недостаткамъ въ техникѣ сельскаго хозяйства вообще и земледѣлія въ особенности. Само собою понятно, что тутъ все загонялось въ слишкомъ тѣсныя рамки, и роль самого министерства земледѣлія, оказалась весьма неблагодарной. Отвѣчая на тяжелое испытаніе 1891 — 92 гг. однимъ министерствомъ земледѣлія, на него переносили и всю отвѣтственность по устраненію сельско-хозяйственнаго неблагоустройства, основныя причины котораго находятся внѣ предѣловъ компетенціи министерства земледѣлія, такъ какъ нашъ сельско-хозяйственный кризисъ есть завѣдомо продуктъ причинъ и условій не сельско-хозяйственнаго характера. Искусственно созданная отвѣтственность министерства земледѣлія осложнялась искусственно раздутыми надеждами на его чуть не чудотворную силу.

При первыхъ достовѣрныхъ слухахъ о предстоящемъ преобразованіи министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ печати появились восторженныя статьи, въ которыхъ общество увѣряли, что «нашему сельскому хозяйству улыбается заря возрожденія при обстановкѣ, располагающей вѣрить въ близость новой для него жизни» *). 30 марта 1894 г. оффиціально состоялось открытіе преобразованнаго министерства и на другой день распространенная газета оповѣщала общество, что «30 марта 1894 г. нѣкоторымъ образомъ стало историческимъ днемъ, какъ день открытія министерства земледѣлія. Это прежде всего крупная побѣда прогресса надъ рутиной... Для нашего сельскаго хозяйства это большой праздникъ— праздникъ потому, что нуждамъ земледѣлія отведено подобающее мѣсто въ строѣ нашего высшаго государственнаго управленія, что учрежденіе министерства земледѣлія знаменуетъ и закрѣпляетъ коренной поворотъ

*) См. статью „Новое назначеніе“ въ „Нов. Времени“ отъ 28 марта 1893 г.

въ отношеніи къ сельскому хозяйству, въ оцѣнкѣ его мѣста въ народно-хозяйственной жизни, его значенія въ ряду отраслей экономической дѣятельности. Учрежденіемъ министерства земледѣлія нашему сельскому хозяйству принципіально дано первенствующее положеніе среди всѣхъ другихъ отраслей промышленности, составляющихъ для государства предметъ попеченія. Это, конечно, сулитъ нашему сельскому хозяйству лучшіе дни и должно поднять духъ у всѣхъ практическихъ дѣятелей земледѣлія... Вообще, во всякомъ положеніи нравственный моментъ играетъ важную, если не сказать первенствующую роль. Министерство земледѣлія вступаетъ въ жизнь при наилучшихъ условіяхъ, какъ давно желанный покровитель нашего земледѣлія и сильный руководитель его на пути къ преуспѣянію. Надобно, чтобы этотъ нравственный моментъ сталъ общимъ достояніемъ земледѣльческой среды, а это въ рукахъ самого министерства земледѣлія. Первые шаги его въ этомъ отношеніи будутъ имѣть рѣшающее значеніе» *).

Такія преувеличенныя надежды и напередъ формулированныя обвиненія на случай, если министерство съ первыхъ же своихъ шаговъ не дастъ имъ оправданія, не могли не привести въ смущеніе юное министерство земледѣлія. Въ двухъ первыхъ номерахъ «Извѣстій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ» было напечатано подробное разъясненіе предстоящей *возможной* дѣятельности министерства земледѣлія. Въ этомъ разъясненіи обращается общее вниманіе на крайне ограниченный кругъ компетенціи министерства земледѣлія. Въ подтвержденіе этого въ разъясненіи сказано: «сельскохозяйственное управленіе, задачами котораго служитъ подъемъ производительности земледѣлія и созданіе благопріятной экономической обстановки для сельскохозяйственной промышленности, должно было-бы сосредоточивать въ себѣ всѣ правительственныя мѣропріятія, затрогивающія интересы этой промышленности. При такомъ условіи въ составъ министерства, вѣдающаго указанные интересы, надлежало-бы включить и многія такія отрасли, которыя въ настоящее время состоятъ въ вѣдѣніи различныхъ министерствъ, какъ-то: сельскохозяйственный, въ томъ числѣ и земельный кредитъ; желѣзнодорожные тарифы и условія сухопутной и водяной перевозки сельскохозяйственныхъ произведеній и скота; торговлю сельскохозяйственными продуктами и хлѣбную инспекцію» и т. д., но всѣ эти отрасли такъ и остались въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Это разъясненіе границъ компетенціи министерства, въ предѣлахъ которыхъ трудно сдѣлать что-либо серьезное, осталось незамѣченнымъ. На сколько-нибудь внимательное прочтеніе самого Положенія о министерствѣ земледѣлія трудно было разсчитывать, принимая во вниманіе ту неохоту, съ какой обычная читающая публика прочитываетъ длинные законы съ массой параграфовъ и подраздѣленій. Всѣ помнили краткій Высочайшій указъ отъ

*) „Новое Время“ 31 марта 1894 г.

31 мая 1893 г., которымъ поручалось управляющему министерствомъ государственныхъ имуществъ, А. С. Ермолову, выработать проектъ преобразованія этого министерства въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ указѣ было сказано: «признавъ за благо, соотвѣтственно возрастающимъ нуждамъ отечественнаго сельскаго хозяйства, составляющаго основу народнаго благосостоянія, преобразовать министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ нынѣ сосредоточено управленіе сельскохозяйственной частью, въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, съ *надлежащимъ расширеніемъ круга его дѣятельности* и усиленіемъ его полезнаго воздѣйствія на развитіе въ Имперіи сельскохозяйственной промышленности» и т. д. Всякій обязанъ былъ думать, что этотъ указъ подлежитъ исполненію и что, согласно смыслу этого указа, въ Положеніи о министерствѣ земледѣлія будутъ опредѣлены и предѣлы его компетенціи. Однако министерство земледѣлія, уже приступая къ своей дѣятельности на основаніи изданнаго для него Положенія, обращало, какъ выше было указано, общее вниманіе на крайнюю ограниченность своей компетенціи. Проработавъ годъ на основаніи Положенія 21 марта 1894 г., министерство въ своемъ отчетѣ заявляетъ: «задачи, возложенныя на министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, раздѣляются на двѣ категоріи: задачи, касающіяся нуждъ сельскаго хозяйства, т. е. все то, что должно входить въ кругъ дѣйствій сего министерства собственно какъ министерства земледѣлія, и задачи, имѣющія цѣлью развитіе и улучшеніе государственныхъ имуществъ. Что касается до первой изъ этихъ категорій, то слѣдуетъ сказать, что *преобразованіе министерства по существу не расширило круга его компетенціи.* Все, что составляетъ административную часть завѣдыванія сельскимъ хозяйствомъ, насколько послѣднее можетъ быть предметомъ управленія, принадлежало и прежнему министерству государственныхъ имуществъ» *). Въ указѣ-же отъ 31 мая 1893 г. категорически повелѣвалось преобразовать министерство «съ надлежащимъ расширеніемъ круга его дѣятельности». Эти слова указа ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что образуемое министерство земледѣлія должно остаться при тѣхъ-же предѣлахъ компетенціи въ области сельскаго хозяйства, какіе принадлежали министерству государственныхъ имуществъ. Но разъ образованное министерство земледѣлія осталось при тѣхъ-же самыхъ функціяхъ въ области сельскаго хозяйства, какія принадлежали министерству государственныхъ имуществъ, то значитъ и прежнее министерство государственныхъ имуществъ съ такимъ-же правомъ могло быть названо министерствомъ земледѣлія, съ какимъ это названіе было присвоено вновь образованному министерству.

Такимъ образомъ, на основаніи собственныхъ словъ отчета министерства земледѣлія приходится пожелать, чтобы присвоенное ему названіе

---

*) Краткій обзоръ и т. д. стр. 3.

отвѣчало и его функціямъ. Въ Россіи только тогда будетъ настоящее министерство земледѣлія, когда въ точности будетъ исполненъ указъ 31 мая 1893 года, т. е. послѣдуетъ надлежащее расширеніе круга дѣятельности того министерства, которое теперь называется министерствомъ земледѣлія. Въ приведенной выше цитатѣ изъ «Извѣстій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», перечислены весьма многія (хотя и не всѣ) отрасли дѣятельности, явно относящіяся къ компетенціи министерства земледѣлія, но до сихъ поръ остающіяся въ числѣ другихъ необъятныхъ функцій министерства финансовъ. Министерству земледѣлія необходимо стремиться къ расширенію своей компетенціи, къ собиранію своихъ правъ, обязанностей и видовъ дѣятельности, теперь разсѣянныхъ по разнымъ министерствамъ, но главнымъ образомъ сосредоточенныхъ въ министерствѣ финансовъ. Это крайне необходимо не только ради того, чтобы въ Россіи было настоящее министерство земледѣлія, но въ интересахъ облегченія министерства финансовъ отъ его многочисленныхъ обязанностей и видовъ дѣятельности. Считаемъ совершенно умѣстнымъ напомнить, что мы своевременно обращали вниманіе на этотъ вопросъ. Въ прошломъ году въ декабрьской книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника» мы высказали рядъ слѣдующихъ соображеній:

«Министерство финансовъ имѣетъ свое опредѣленное назначеніе, и мы всѣ, требуя отъ него хорошихъ финансовъ, въ то же самое время отвлекаемъ его отъ прямыхъ обязанностей. Къ сожалѣнію, при всѣхъ преобразованіяхъ разныхъ частей и отдѣловъ министерства, всегда забывается вопросъ о необходимости и намъ имѣть министерство финансовъ въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. министерство, занятое лишь своими прямыми обязанностями. Министерство финансовъ имѣетъ своей прямой обязанностью вѣдать государственные доходы и расходы. Что-же оно у насъ вѣдаетъ?—*Все:* и финансы, и торговлю, и промышленность, и желѣзнодорожное дѣло, и землевладѣніе, и сельское хозяйство. Возьмите любой вопросъ въ области желѣзнодорожной, сельскохозяйственной, аграрной политики т. д. Вездѣ и во всемъ нужно ждать или иниціативы министерства финансовъ, или предоставить дѣло на окончательное его разрѣшеніе. Возьмемъ для примѣра самый новѣйшій изъ вопросовъ—вопросъ о такъ называемъ хлѣботорговомъ кризисѣ. При министерствѣ финансовъ существуетъ желѣзнодорожный тарифный департаментъ, который, собственно, долженъ состоять при министерствѣ путей сообщенія и вѣдать технику тарифовъ. Тарифная-же политика, положимъ, для продуктовъ сельскаго хозяйства должна-бы зависѣть по принципіальнымъ соображеніямъ отъ министерства земледѣлія. Что-же мудренаго, что тарифный департаментъ министерства финансовъ съ трудомъ справляется съ техникой тарифовъ и съ тарифной политикой вообще, а въ частности и съ хлѣбными тарифами, ему подвѣдомственными. Кромѣ того, у министерства финансовъ имѣется свое хлѣботорговое отдѣленіе, играющее роль министерства земледѣлія въ

миніатюрѣ. И вотъ при министерствѣ финансовъ и созывается съѣздъ о мѣрахъ противъ хлѣбо-торговаго кризиса, названный съѣздомъ о хлѣбныхъ тарифахъ. На съѣздѣ разсуждали, какъ и слѣдовало, не столько о вліяніи тарифовъ на ходъ хлѣбной торговли, сколько о хлѣботорговомъ кризисѣ вообще».

Не имѣя въ виду подбирать всѣ факты подобнаго рода, мы считаемъ нужнымъ указать на одинъ фактъ, особенно рѣзкій по своему значенію. Въ то самое время, какъ при министерствѣ земледѣлія былъ созванъ сельско-хозяйственный совѣтъ, министерство финансовъ отвѣтило созывомъ многолюднаго съѣзда мукомоловъ, на которомъ обсуждались самые разнообразные сельско-хозяйственные вопросы. Вольно-экономическое общество уже возбудило ходатайство о передачѣ крестьянскаго банка министерству земледѣлія. Это ходатайство не нуждается въ особыхъ поясненіяхъ, но для каждаго ясно, что передача должна распространиться и на другія сельско-хозяйственныя дѣла. Одно названіе «хлѣбо-торговое отдѣленіе» ясно говоритъ, что всѣ дѣла этого отдѣленія должны перейти къ министерству земледѣлія.

Передача сельско-хозяйственныхъ дѣлъ министерству земледѣлія, конечно, должна сопровождаться и увеличеніемъ его бюджета. Въ отчетѣ министерства за первый годъ его существованія приведены такія цифры объ ассигнуемыхъ въ его распоряженіе средствахъ, которыя поражаютъ своей скромностью. Министерство земледѣлія собственно состоитъ изъ слѣдующихъ учрежденій: 1) департаментъ земледѣлія, 2) отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики, 3) отдѣлъ земельныхъ улучшеній. На всѣ эти учрежденія въ 1894 г. было ассигновано 2.798,533 р., а въ 1895 г.—3.161,998 р. Смѣло можно сказать, что земства расходуютъ на нужды сельскаго хозяйства не менѣе, чѣмъ государственное казначейство. Всякій можетъ себѣ представить, что можно сдѣлать на 3 м. р. для сельскаго хозяйства такой громадной земледѣльческой страны, какъ Россія, даже въ томъ случаѣ, если-бы сельское хозяйство такой страны находилось въ удовлетворительномъ состояніи. 3 м. р. являются весьма скудной цифрой для нуждъ одного высшаго сельско-хозяйственнаго образованія, а у насъ на эти-же 3 м. р. приходится удовлетворять всѣ нужды сельскаго хозяйства, находящагося въ крайнемъ упадкѣ. При такихъ средствахъ министерству земледѣлія остается заниматься составленіемъ разныхъ проектовъ въ надеждѣ, что когда-либо оно получитъ средства, необходимыя для ихъ осуществленія. Въ самомъ отчетѣ министерства сказано, что оно «въ теченіе перваго года своего существованія намѣтило и до извѣстной степени облекло въ форму подготовительныхъ проектовъ различныя, вытекающія изъ насущныхъ потребностей сельскаго хозяйства предположенія, кои должны подлежать осуществленію, коль скоро министерство получитъ необходимыя на то средства» *).

*) Краткій обзоръ и т. д., стр. 193.

Какимъ образомъ и когда именно удастся министерству получить необходимыя для него средства,—сказать трудно. Суть дѣла, быть можетъ, состоитъ и не въ недостаткѣ средствъ у казны, о богатствахъ которой такъ часто, по разнымъ поводамъ, оффиціально публикуются цифры грандіозныхъ размѣровъ, а въ указанной выше конкурренціи. Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно надѣяться на то, чтобы министерство земледѣлія въ самомъ ближайшемъ будущемъ получило средства, необходимыя для его дѣятельности. Впрочемъ, это обстоятельство имѣетъ, пожалуй, и свою выгодную сторону. Тѣ «предположенія, кои должны подлежать осуществленію, коль скоро министерство получитъ необходимыя на то средства», могутъ быть провѣрены и хладнокровно, не торопясь, обсужены съ разныхъ сторонъ.

Разработывая тѣ или иные проекты разныхъ будущихъ мѣропріятій, министерство, по словамъ отчета, «имѣло прежде всего въ виду, что первенствующее значеніе въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства должно принадлежать мѣстной инициативѣ». Безспорно, мѣстная инициатива и общественная самодѣятельность, если онѣ существуютъ въ какой-либо странѣ, представляютъ собою громадную плодотворную силу. Однако, самая развитая мѣстная инициатива имѣетъ свой опредѣленный характеръ и свое опредѣленное назначеніе. Если-бы такъ называемый сельско-хозяйственный кризисъ носилъ мѣстный характеръ и въ разныхъ мѣстностяхъ поддерживался мѣстными причинами, то въ борьбѣ съ такимъ кризисомъ мѣстная инициатива могла-бы имѣть первенствующее значеніе. Къ сожалѣнію, то положеніе, въ которомъ находится сельское хозяйство Россіи, не можетъ быть признано имѣющимъ мѣстное значеніе и вызывается вовсе не мѣстными причинами. Министерство-же земледѣлія, видимо, признаетъ, что сельско-хозяйственный кризисъ вызывается мѣстными причинами и имѣетъ не столько общій, сколько мѣстный характеръ. Только при такомъ взглядѣ министерства на сельско-хозяйственный кризисъ, до извѣстной степени становится понятнымъ тотъ циркуляръ, съ которымъ оно обратилось къ земскимъ собраніямъ. Въ этомъ циркулярѣ министерство предложило земствамъ, послѣ надлежащаго обсужденія, прислать отвѣты на слѣдующіе вопросы: «1) какія нужды земледѣлія представляются въ данной губерніи настолько назрѣвшими и неотложными, что требуютъ возможно скорѣйшаго ихъ удовлетворенія? 2) какія именно мѣры признаются въ настоящее время наиболѣе, по мѣстнымъ условіямъ, цѣлесообразными для удовлетворенія указанныхъ нуждъ? 3) удовлетвореніе какихъ именно сельско-хозяйственныхъ нуждъ представляется, по мѣстнымъ условіямъ, нынѣ наиболѣе осуществимымъ? 4) какія, затѣмъ, требованія сельскаго хозяйства, не имѣющія характера неотложности или-же встрѣчающіяся съ болѣе или менѣе важными трудностями въ ихъ разрѣшеніи, должны составлять задачу будущаго? и 5) какія мѣры на пользу мѣстнаго земледѣлія могутъ быть

приведены въ исполненіе самимъ земствомъ и какія изъ нихъ потребуютъ участія или содѣйствія со стороны министерства земледѣлія?» *).

Въ принципѣ, конечно, нельзя не признать отраднымъ тотъ фактъ, что министерство считаетъ необходимымъ запрашивать отзывы земства по разнымъ вопросамъ сельскохозяйственной политики. Но спрашивается, что могло земство отвѣтить на приведенные вопросные пункты? Оно могло придти въ смущеніе отъ перваго-же вопроса: «какія нужды земледѣлія представляются въ данной губерніи настолько назрѣвшими и неотложными, что требуютъ ихъ скорѣйшаго удовлетворенія?» На этотъ вопросъ можно было отвѣтить однимъ словомъ: *всѣ*, съ добавленіемъ, что эти всѣ нужды, по существу, одинаковы во всѣхъ губерніяхъ. Но особенное вниманіе земства долженъ былъ остановить на себѣ четвертый вопросъ. Всякому извѣстно, что всѣ существенныя требованія сельскаго хозяйства встрѣчаются съ чрезвычайными трудностями и въ то-же самое время являются безотлагательно необходимыми. Само собою понятно, что никакія «мѣстныя» нужды сельскаго хозяйства до тѣхъ поръ не получатъ надлежащаго удовлетворенія, пока общія причины, вызывающія критическое положеніе сельскаго хозяйства, не будутъ устранены. Борьба съ этими причинами, несомнѣнно, сопряжена съ большими трудностями, но неужели поэтому она должна составлять задачу будущаго? Въ такомъ случаѣ, пожалуй, пришлось-бы признать, что само министерство земледѣлія имѣетъ опредѣленное призваніе не въ настоящемъ, а въ крайне отдаленномъ будущемъ. Конечно, это благопріятное будущее наступитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большей настоятельностью министерство земледѣлія будетъ отстаивать болѣе широкую постановку вопроса о такъ называемомъ сельскохозяйственномъ кризисѣ, указывая, что корень этого кризиса таится далеко за предѣлами сельскаго хозяйства. Теперь-же министерство, какъ видно изъ опубликованнаго отчета, стремится къ такой дѣятельности, какая оказывается возможной при данныхъ условіяхъ, не останавливаясь надъ вопросомъ о результатахъ. Всѣ эти агрикультурныя мѣропріятія, которыми теперь занято министерство, не могутъ принести положительныхъ результатовъ. Вопросъ о результатахъ агрикультурныхъ начинаній серьезно обсуждался еще при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Лорисъ-Меликовѣ. Самъ министръ составилъ большую записку по вопросу объ улучшеніи сельскаго хозяйства. Изъ этой записки въ XI выпускѣ Трудовъ московскаго общества сельскаго хозяйства (8—9 стр.) приведенъ слѣдующій достойный вниманія отрывокъ.

«Причины упадка крестьянскаго хозяйства (возражаютъ противники расширенія крестьянскаго землевладѣнія) кроются вовсе не въ условіяхъ землевладѣнія, а въ дурныхъ способахъ обработки земли; единственнымъ средствомъ для его улучшенія можетъ быть только введеніе улучшенныхъ культуръ. Отдавая полную справедливость значенію введенія улуч-

*) Краткій обзоръ и т. д., стр. 6—7.

шенныхъ культуръ, нельзя, однако-же, забывать, что введеніе ихъ не можетъ совершиться быстро и притомъ безъ затратъ, можетъ быть, бо́льшихъ, чѣмъ это необходимо для приведенія въ исполненіе мѣръ по расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Распространяясь медленно, введеніе улучшенныхъ культуръ поэтому и не можетъ быть мѣрою для устраненія тѣхъ въ высшей степени прискорбныхъ явленій, которыя уже въ настоящее время такъ тяжело отзываются на развитіи экономическихъ и нравственныхъ силъ страны. *Улучшеніе культуръ всегда было результатомъ общаго подъема, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ силъ*; оно является только тогда, когда прежніе способы культуръ, доведенные до совершенства, оказываются несостоятельными. Для перехода къ улучшеннымъ культурамъ необходимо накопленіе знанія, энергіи и матеріальныхъ запасовъ. Къ сожалѣнію, въ крестьянскомъ сословіи нѣтъ въ настоящее время ни того, ни другого, ни третьяго. Поэтому, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ полезной дѣятельности по распространенію свѣдѣній объ улучшенныхъ культурахъ, нельзя, однако-же, въ виду крайнихъ явленій, свидѣтельствующихъ о разстройствѣ крестьянскаго хозяйства, ограничиваться однѣми надеждами на будущее. Для скораго достиженія цѣли нужны и болѣе рѣшительныя средства. Въ настоящую минуту улучшеніе сельскаго хозяйства въ средѣ крестьянъ зависитъ не столько отъ тѣхъ или другихъ способовъ воздѣлыванія земли, сколько отъ условій ихъ личнаго положенія. Мѣрами наиболѣе существенными и наиболѣе способными оказать благотворное вліяніе въ этомъ отношеніи могутъ быть признаны только такія, которыя поставили бы крестьянина въ лучшія условія къ существующимъ уже формамъ культуръ».

Высказанные въ этомъ отрывкѣ взгляды не устарѣли. Наоборотъ, послѣдующія событія въ крестьянскомъ хозяйствѣ привели теперь его въ такое положеніе, при которомъ разсужденія графа Лорисъ-Меликова оказываются наиболѣе вѣскими и вполнѣ своевременными. Было-бъ весьма грустно, еслибы всѣ разсужденія графа Лорисъ-Меликова были окончательно забыты въ руководящихъ сферахъ. Что они не должны быть забываемы, объ этомъ свидѣтельствуютъ статьи А. С. Ермолова «Задачи землевладѣнія», помѣщенныя въ первыхъ двухъ номерахъ «Голоса Землевладѣльцевъ» за 1892 г. Въ этихъ статьяхъ А. С. Ермоловъ оказывается вполнѣ солидарнымъ съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Отмѣтивъ разныя задачи землевладѣнія, А. С. Ермоловъ говоритъ: «рядомъ со всѣмъ этимъ на насъ, землевладѣльцахъ-помѣщикахъ, лежитъ другая не менѣе важная задача—улучшеніе хозяйства, поднятіе благосостоянія нашей меньшей братіи крестьянъ, такихъ-же землевладѣльцевъ, какъ и мы. Пока народъ бѣденъ, пока уровень его хозяйства такъ низокъ, какъ теперь, пока въ рукахъ крестьянъ—нашей главной рабочей силы—нѣтъ ни порядочныхъ орудій, ни крѣпкаго рабочаго скота,—не можетъ стать на твердую почву ни помѣщичье, ни крестьянское хозяйство. До тѣхъ поръ пока главная масса нашего населенія будетъ лишена возможности

удовлетворенія самыхъ насущныхъ своихъ потребностей, пока эти потребности будутъ такъ ограничены, какъ теперь, даже развитіе и поднятіе нашего производства не будетъ намъ идти въ прокъ,—все равно намъ придется отдавать иностранцамъ за безцѣнокъ, въ прямой убытокъ себѣ, тотъ избытокъ производства, который не можетъ найти себѣ потребленія дома. Только при условіи поднятія народнаго благосостоянія, при широкомъ удовлетвореніи потребностей нашего собственнаго населенія и повышеніи этихъ потребностей, увеличеніе производительности нашего земледѣлія можетъ сулить намъ дѣйствительныя и прочныя, а не призрачныя и случайныя выгоды, какъ теперь. Будетъ обезпеченъ земледѣлецъ — будетъ богатъ и землевладѣлецъ». Эта послѣдняя добавка ясно свидѣтельствуетъ, что А. С. Ермоловъ, какъ и графъ Лорисъ-Меликовъ, не придаютъ никакого самостоятельнаго значенія помѣщичьему хозяйству въ разрѣшеніи вопроса о сельскохозяйственномъ кризисѣ. Никакія мѣры правительства, принимаемыя непосредственно и прямо въ интересахъ помѣщичьяго хозяйства, не принесутъ никакой пользы этому хозяйству, не говоря уже о хозяйствѣ цѣлой страны. Землевладѣлецъ можетъ благоденствовать лишь тогда, когда будетъ обезпеченъ земледѣлецъ. Это настоящая и горькая правда. Крупный землевладѣлецъ является тѣмъ баловнемъ счастья, который въ концѣ концовъ наиболѣе богатѣетъ отъ тѣхъ мѣропріятій, которыя предпринимаются въ интересахъ земледѣльцевъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Пропорція въ данномъ случаѣ не лишена нѣкоторой ироніи. Если отъ извѣстныхъ мѣропріятій, направленныхъ прямо на пользу крестьянъ, послѣдніе, допустимъ, будутъ только обезпечены, то землевладѣльцы уже будутъ богаты. Это есть неизбѣжный результатъ института права частной собственности на землю при данной стадіи его развитія. Слѣдовательно, при разрѣшеніи вопроса о тѣхъ или иныхъ мѣропріятіяхъ, направляемыхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ Россіи, нужно совсѣмъ забывать частно-владѣльческое хозяйство прямо въ интересахъ этого хозяйства. Нужно помнить, что существуетъ одно крестьянское хозяйство, въ которомъ таятся и причины настоящаго кризиса и — при извѣстныхъ политическихъ и административныхъ условіяхъ—залогъ будущаго развитія сельскаго хозяйства страны. Если же мы признаемъ, что всѣ мѣры, направленныя къ устраненію такъ называемаго сельско-хозяйственнаго кризиса, должны быть сосредоточены на крестьянскомъ хозяйствѣ, то уже отсюда послѣдовательно вытекаетъ весьма неблагопріятный выводъ для агрикультурныхъ начинаній. Масса крестьянскаго населенія, по словамъ А. С. Ермолова, находится въ такомъ положеніи, при которомъ всѣ мѣры, направленныя непосредственно къ улучшенію техники земледѣлія, не имѣютъ подъ собой почвы. Нельзя же крестьянство снабдить инвентаремъ и вообще поставить его въ лучшія условія жизни при помощи кредита. Если бы это было возможно, то въ такомъ случаѣ, какъ мы не разъ говорили, всѣ страны давно бы уже устранили у себя бѣдность при помощи кредита. Допустимъ, однако, что агрикультурныя на-

чинанія на самомъ дѣлѣ получили бы широкое развитіе и примѣненіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ результатѣ получилось бы увеличеніе производства, которое все равно, какъ справедливо замѣтилъ А. С. Ермоловъ, намъ не пошло бы въ прокъ при данномъ положеніи массъ крестьянскаго населенія. Поэтому нельзя не согласиться съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, что улучшеніе сельскаго хозяйства зависитъ не столько отъ тѣхъ или иныхъ способовъ обработки земли, практикуемыхъ крестьянами, сколько отъ условій ихъ личнаго положенія. При такой постановкѣ вопроса о такъ называемомъ сельскохозяйственномъ кризисѣ всѣ принимаемыя противъ него теперь мѣры нельзя не признать, по меньшей мѣрѣ, палліативами. Такое значеніе за этими мѣрами признано и въ оффиціальномъ порядкѣ. Министръ земледѣлія въ своей рѣчи *), при открытіи засѣданій сельскохозяйственнаго совѣта, сказалъ: «изысканіе мѣръ къ устраненію настоящаго кризиса составляетъ въ настоящую минуту первѣйшую заботу всѣхъ органовъ правительства. Но по самому существу этихъ мѣръ, онѣ несомнѣнно могутъ имѣть характеръ только палліативный, именно въ виду тѣхъ глубокихъ причинъ, которыя обусловливаютъ настоящій кризисъ. Это—мѣры палліативныя, болѣе или менѣе искусственныя, а слѣдовательно обоюдоострыя. Но настоящая злоба дня не должна отвлекать нашего вниманія отъ мѣръ коренныхъ».

Въ чемъ же состоятъ эти коренныя мѣры? На этотъ вопросъ мы прямо можемъ отвѣтить только словами А. С. Ермолова, которыя имъ сказаны въ началѣ первой статьи «О задачахъ землевладѣнія». А. С. Ермоловъ писалъ свои статьи въ голодное время 1891—92 г. и признавалъ, что въ то время была выдвинута «трудная задача созданія *такого строя жизни* и такихъ условій, при которыхъ повторенія переживаемаго нынѣ бѣдствія было-бы невозможно». Вотъ и устраненіе такъ называемаго сельско-хозяйственнаго кризиса есть именно «трудная задача созданія *такого строя жизни*», при которомъ были-бы немыслимы причины его вызвавшія и поддерживающія «Строй жизни»—понятіе неизмѣримо болѣе широкое, чѣмъ агрикультурныя начинанія, и вызываетъ представленіе о мѣрахъ не сельскохозяйственнаго характера, но болѣе полезныхъ и для сельскаго хозяйства, чѣмъ прямыя сельскохозяйственныя мѣропріятія. Такая точка зрѣнія отчасти признается основательной и въ опубликованномъ отчетѣ министерства земледѣлія. Въ этомъ отчетѣ, между прочимъ, сказано: «подъемъ производительности земледѣлія и созданіе *благопріятной экономической обстановки* для сельскохозяйственной промышленности, составляющіе цѣль сельскохозяйственнаго управленія, находятся въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій». Созданіе благопріятной обстановки для сельскаго хозяйства, во всякомъ случаѣ, должно предшествовать прямымъ мѣрамъ, направленнымъ къ подъему произво-

*) Эта рѣчь напечатана во 2-мъ № «Извѣстій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ» за 1895 г.

дительности земледѣлія. При отсутствіи благопріятной обстановки эти мѣры не привьются и не принесутъ результатовъ. Въ чемъ-же собственно должно выражаться созданіе благопріятной экономической обстановки. на этотъ счетъ мы имѣемъ довольно ясныя офиціальныя указанія. Въ объяснительной запискѣ къ росписи на текущій годъ, между прочимъ, сказано: «сельскохозяйственный промыселъ, представляя для громадной массы русскаго населенія основной источникъ существованія, всего менѣе поддается быстрому воздѣйствію, будучи связанъ въ своихъ основахъ съ самыми разнообразными сторонами исторически сложившагося народнаго быта. Постепенному усовершенствованію этой отрасли народнаго хозяйства въ одинаковой степени служатъ какъ *общія мѣропріятія*, направленныя на развитіе производительныхъ силъ страны и улучшеніе административнаго устройства, такъ и мѣропріятія спеціальныя—въ цѣляхъ улучшенія внутреннихъ условій сельскохозяйственнаго промысла». Если-бы даже только въ одинаковой степени было обращено вниманіе на мѣропріятія того и другого характера, то и въ такомъ случаѣ,—какъ мы уже раньше говорили *)—наша сельскохозяйственная политика была-бы ближе къ истинѣ, чѣмъ теперь—при одномъ сельскохозяйственномъ лѣченіи кризиса. Однако, позволительно думать, что для постепеннаго усовершенствованія въ любой категоріи явленій общественной жизни, а въ томъ числѣ и въ области сельскаго хозяйства, первенствующее значеніе принадлежитъ общимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ на развитіе моральныхъ и матеріальныхъ силъ страны, и улучшеніе ея административнаго устройства. Эти общія мѣропріятія создаютъ фундаментъ, почву, которая оплодотворяетъ мѣропріятія, направленныя на улучшеніе внутреннихъ условій въ каждой отдѣльной категоріи явленій общественной жизни.

М. Стиваль.

---

*) См. статью „Наши земельныя дѣла“ въ 4-й кн. „Сѣв. Вѣстн.“ за 1895 г.

ПИСЬМО ИЗЪ АНГЛІИ.

Бѣдность и благотворительность.—Въ рабочемъ домѣ.—На засѣданіи попечительства.

Какъ извѣстно, въ Англіи существуетъ особый законъ poor-law, на основаніи котораго государство обязано содержать своихъ бѣдныхъ. Согласно этому закону, Англія и Уэльсъ раздѣляются на участки (union); въ каждомъ изъ участковъ мѣстное населеніе ежегодно избираетъ попечителей, составляющихъ «правленіе попечителей» или попечительство (Board of Guardians), куда можетъ обратиться всякій нуждающійся. Для провѣрки заявленій просителей назначаются особыя должностныя лица, такъ называемые relieving officers, полномочія которыхъ довольно широки. При этомъ населеніе обязано, конечно, платить особый налогъ, poor-rate, размѣры котораго зависятъ отъ мѣстныхъ условій и опредѣляются попечительствомъ. Первый законъ о бѣдныхъ былъ изданъ въ 1601 году. Онъ различалъ троякаго рода нуждающихся: 1) неспособныхъ къ труду, 2) не имѣющихъ работы и 3) нерадивыхъ и бродягъ. Первымъ предписывалось помогать деньгами или натурой, вторымъ—предоставлять работу, а третьихъ—отправлять въ тюрьмы и исправительные дома. Съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями законъ этотъ просуществовалъ до 1834 года, когда были основаны попечительства о бѣдныхъ. На основаніи закона 1834 г., лѣнивыхъ и бродягъ, обращающихся за помощью, нельзя больше наказывать тюремнымъ заключеніемъ, а слѣдуетъ кормить и одѣвать не хуже другихъ бѣдныхъ, заставляя ихъ впрочемъ работать въ рабочихъ домахъ, основанныхъ въ каждомъ union'ѣ отдѣльно.

Чтобы, однако, отбить охоту слишкомъ часто пользоваться рабочимъ домомъ и вообще общественной помощью, было установлено: во-первыхъ, чтобы бѣдные, на языкѣ закона «pauper'ы», были лишены избирательнаго права впродолженіе того года, въ которомъ они пользовались казеннымъ пособіемъ, и во-вторыхъ, чтобы работа для способныхъ къ

труду назначалась тяжелая. Само собою разумѣется, что попечители могли изобрѣтать и дѣйствительно изобрѣтали разные другіе способы для отваживанія бѣдныхъ отъ общественной помощи вообще и рабочаго дома въ особенности.

Попечительства пользуются большой самостоятельностью, находясь лишь подъ номинальнымъ контролемъ министерства по дѣламъ мѣстнаго управленія (Local Government Board), а потому примѣненіе закона о бѣдныхъ на практикѣ очень неодинаково и находится въ зависимости отъ мѣстности, личнаго состава попечительства и служащихъ. Законъ 1834 г. устанавливаетъ два способа помощи: внѣшній и внутренній, т.-е внѣ рабочаго дома и внутри его. Первый состоитъ въ томъ, что нуждающимся выдаютъ помощь на домъ деньгами, лѣкарствами и другими необходимыми предметами потребленія, какъ хлѣбъ, сахаръ, чай. Второй способъ, это—помѣщеніе нуждающагося въ рабочій домъ. Одни попечительства склоняются больше въ сторону перваго вида помощи, другія же находятъ болѣе удобнымъ предложить просителямъ мѣсто въ рабочемъ домѣ. Все зависитъ отъ степени щедроты попечительства и отъ взглядовъ его на бѣдность.

Съ 1834 года, т.-е. со времени изданія послѣдняго poor law, прошло шестьдесятъ лѣтъ. За это время понятія о бѣдныхъ и бѣдности настолько измѣнились къ лучшему, что казавшееся идеально хорошимъ и справедливымъ полстолѣтія тому назадъ далеко ужъ не кажется такимъ теперь. Сильно развилось за это время и чувство собственнаго достоинства въ англійскомъ рабочемъ. Благотворительность стала ему претить; государственная подачка такъ-же несносна, какъ и частная, и униженіе себя передъ кѣмъ-бы то ни было стало казаться хуже голодной смерти. Полученное образованіе, прослушанныя многочисленныя рѣчи, прочитанныя брошюры и листки мало-по-малу превратили общественную «благотворительность» въ общественную «несправедливость» и притомъ еще жестокую. На основаніи отчета, изданнаго по распоряженію палаты общинъ, въ одномъ 1892 г. коронеры засвидѣтельствовали 31 смертный случай отъ голоднаго истощенія, при чемъ въ 13 случаяхъ умершіе имѣли 50 лѣтъ и выше отъ роду. И во всѣхъ этихъ случаяхъ было дознано собранными справками, что ни одинъ человѣкъ изъ этихъ 31 несчастныхъ ни разу не обращался за помощью ни въ попечительства, ни въ благотворительныя общества, ни къ частнымъ лицамъ. Само собою разумѣется, что не мало случаевъ вовсе и не доходитъ до суда коронера, да и не всѣ изъ дошедшихъ признаются присяжными именно тѣмъ, чѣмъ они есть, т.-е. голодными смертями; большею частью они покрываются приговорами: «умеръ отъ естественныхъ причинъ».

Несмотря, однако, на это отвращеніе къ государственной помощи, число лицъ, пользующихся ею, громадно. Перваго января 1893 г., напр., въ Англіи и Уэльсѣ состояло по спискамъ попечительствъ 783,597 «пауперовъ», изъ которыхъ около 206,000 человѣкъ находилось въ рабочемъ

домѣ и около 576,000 внѣ его. Дальнѣйшій анализъ этихъ цифръ обнаруживаетъ, однако, что способныхъ къ труду обращалось за помощью сравнительно очень мало: всего 34,210 мужчинъ и около 73,000 женщинъ. Главную-же часть, около половины, составляли старики, достигшіе 65-ти-лѣтняго возраста и выше, больше одной трети было дѣтей и одна десятая часть изъ всего числа нуждающихся было слабоумныхъ. Такимъ образомъ, государственная помощь въ Англіи ограничивается лишь заботами о слабыхъ, старыхъ и дѣтяхъ и очень мало распространяется на тѣхъ изъ нуждающихся, которые способны къ труду. Но и старикамъ или дѣтямъ тоже не совсѣмъ сладко приходится эта помощь, и вопросъ о правильной постановкѣ попеченія о бѣдныхъ, о согласованіи его съ новыми понятіями и потребностями дѣлается все болѣе и болѣе жгучимъ. Необходимость измѣненія закона о бѣдныхъ настолько живо почувствовалась всѣми, что въ 1893 г. была даже назначена особая королевская коммиссія для изслѣдованія вопроса попеченія о старикахъ и неспособныхъ къ труду. Коммиссія эта, однако, не торопится своимъ докладомъ. Но разъ старыя формы отжили свой вѣкъ, то жизнь не ждетъ, а начинаетъ сама вырабатывать новыя; а частный починъ и правительство выдвигаютъ болѣе гуманныя, болѣе цѣлесообразныя и удобныя формы попеченія о бѣдныхъ. Партія уніонистская внесла въ свои программы государственную пенсію старикамъ; основаны общества съ цѣлью устройства земледѣльческихъ колоній для безработныхъ; нѣкоторыя изъ попечительствъ открываютъ въ своихъ рабочихъ домахъ мастерскія: другія изъ нихъ стали отводить женатымъ старикамъ особые котеджи. Такъ напр., въ Вестъ-Дебри семейные старики свыше 60 лѣтъ, обращающіеся за общественной помощью, получаютъ, если только прилично ведутъ себя, по домику, мило обставленному и расположенному на «лонѣ природы», за городомъ.

Особенно крутой поворотъ къ лучшему былъ сдѣланъ въ прошломъ году, когда отчасти личнымъ распоряженіемъ министра, отчасти законодательнымъ актомъ былъ пониженъ имущественный цензъ для избирателей и избираемыхъ въ члены попечительства и устранены нѣкоторыя другія отжившія ограниченія. Попеченіе о бѣдныхъ было, такимъ образомъ, сразу поставлено на совершенно новую почву. Засѣдавшія раньше въ попечительствѣ духовенство и купечество должны были уступить свое мѣсто тому самому классу людей, ряды которыхъ выдѣляютъ изъ себя главный составъ нуждающихся. Конечно, сейчасъ-же сказался новый духъ и въ примѣненіи закона о бѣдныхъ: попечительства сдѣлались болѣе участливыми, и стоящее надъ ними министерство—болѣе отзывчивымъ.

На ряду съ государственной растетъ и частная благотворительность, но безсиліе той и другой остается неизмѣннымъ. Я имѣлъ возможность ознакомиться съ попларскимъ участкомъ въ Лондонѣ и съ находящимся въ этомъ участкѣ рабочимъ домомъ. Ознакомившись болѣе близко съ участкомъ, вы поражаетесь тѣмъ множествомъ благотво-

рительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, какими онъ усѣянъ. Вотъ пріютъ для матросовъ, «миссія» для судовыхъ рабочихъ, публичная библіотека, зала для народныхъ чтеній, банкъ для бѣдныхъ, убѣжище для уличныхъ женщинъ, сиротскій домъ, столовая такой-то конгрегаціи, столовая такого-то общества, домъ арміи спасенія, школа для слѣпыхъ, безплатная контора для ищущихъ работы. справочная контора для моряковъ, однимъ словомъ, десятки и сотни учрежденій, основанныхъ на средства частныхъ благотворителей. Эта широкая частная благотворительность, конечно, безсильна смыть настоящую нужду, которая воромъ забирается въ скромныя и трудящіяся семьи и прячется за чистенькими оконными занавѣсками, за расписными цвѣточными горшками, изъ-за которыхъ грустно смотритъ на улицу блѣдное личико ребенка... Въ тотъ самый день, когда я осматривалъ рабочій домъ въ Попларѣ, я имѣлъ случай убѣдиться въ совершенномъ безсиліи благотворительности, хотя-бы самой широкой и щедрой, справиться съ нуждой. Я проходилъ съ помощникомъ секретаря мѣстнаго попечительства по нѣкоторымъ улицамъ. Вдругъ на одной изъ нихъ, у дверей какого-то стараго дома, я замѣтилъ толпу женщинъ и дѣтей. Оказалось, что это ждутъ раздачи хлѣба изъ католической церкви. Мой спутникъ, служащій въ попечительствѣ десять лѣтъ и знающій всѣхъ тамошнихъ нищихъ и бѣдныхъ въ лицо, перекинулся нѣсколькими словами съ стоявшимъ въ толпѣ мальчикомъ, веселымъ и беззаботнымъ, словно птица небесная.

— Будетъ воромъ, — спокойно произнесъ мой спутникъ, когда мы отошли немного подальше.—Отецъ пьянствуетъ, а мальчишка предоставленъ самому себѣ: промышляй, какъ знаешь. Сегодня ему даютъ, а завтра самъ возьметъ, — резонировалъ мой спутникъ, который вообще мало вѣрилъ въ человѣческую натуру.

— А все-таки бѣдность, должно быть, у васъ тутъ страшная, коли приходится хлѣбъ раздавать, — не то спросилъ, не то произнесъ я про себя.

— Гордости много у насъ, а бѣдности нѣтъ въ Попларѣ,—отвѣтилъ онъ.—Какая-же это бѣдность. если вы всегда можете быть сытымъ и одѣтымъ. стоитъ только руку протянуть. У насъ тутъ благотворительныхъ учрежденій сколько угодно. Я ежедневно получаю письма отъ богатыхъ людей съ просьбами указать имъ настоящихъ нуждающихся, которымъ они рады были-бы помочь. Малѣйшій случай подлинной нужды, доходящій до свѣдѣнія общества, вызываетъ десятки и сотни фунтовъ пожертвованій. Какое нибудь дѣло въ полицейскомъ судѣ, какое-нибудь показаніе передъ коронеромъ, обнаруживающее острую нужду и попадающее въ печать, влечетъ всегда за собою золотой (?) дождь на голову тѣхъ, которые сумѣли обратить на себя вниманіе. Но вѣдь мы – горды!—произнесъ мой спутникъ презрительно.—Пьяница, бездѣльникъ, воришка, тотъ, небось, не гордъ, проситъ — ну и сытъ бываетъ, — закончилъ сердито мой спутникъ.

— Да вотъ не угодно-ли!—произнесъ онъ вдругъ, вынувъ изъ кармана вечернюю газету. Вотъ, прочтите, это сегодня-же утромъ обнаружилось!—указалъ онъ на замѣтку, озаглавленную «На днѣ жизни».

Замѣтка была слѣдующаго содержанія: «Во истину печальное открытіе въ лѣтописяхъ бѣдности. Вильямъ Робинсонъ, проживающій въ № 16 Cold Harbour street, въ Попларѣ, находилъ, что улица «Cold» (холодная), въ которой онъ жилъ, вполнѣ отвѣчаетъ его положенію. Сидя безъ работы мѣсяцами, онъ и жена его испытывали всю тяжесть несчастныхъ обстоятельствъ. Когда дня два тому назадъ родился у нихъ ребенокъ, пришлось заложить половину домашняго скарба, чтобы купить что-нибудь поѣсть для матери. Было заложено даже одѣяло, а между тѣмъ въ комнатѣ не было ни уголька, а на улицѣ завывалъ холодный вѣтеръ, и ребенокъ умеръ не дождавшись доктора. Чиновникъ коронера на слѣдствіи заявилъ, что бѣдный народъ всѣми силами старается скрывать свою бѣдность. «Это всегда такъ бываетъ съ тѣми нуждающимися, которые какъ разъ и заслуживаютъ помощи,»—замѣтилъ съ своей стороны коронеръ.

Среди множества благотворительныхъ учрежденій, среди всѣхъ этихъ сотенъ щедрыхъ богачей, готовыхъ на извѣстныя жертвы, лишь-бы натолкнуться на настоящую, а не крикливую бѣдность, — новорожденный ребенокъ встрѣчаетъ уже на порогѣ жизни такія лишенія, что предпочитаетъ немедленно возвратиться въ тотъ невѣдомый міръ, откуда только что явился. Настоящая бѣдность была и будетъ гордой. Она, конечно, не пойдетъ въ этотъ громадный, многоэтажный, съ безчисленными флигелями, попларскій рабочій домъ. Сюда стекается все безнадежное, все слабое и униженное. До тѣхъ поръ, пока у человѣка есть еще достаточно энергіи, здоровья, онъ все еще бьется гдѣ-то тамъ, въ своей каморкѣ или на улицѣ. Но разъ онъ настолько измятъ, изувѣченъ жизнью, что впереди ужъ ничего не предвидится, онъ идетъ сюда и здѣсь кончаетъ свой жизненный путь или же, отдохнувъ отъ треволненій, заботъ о хлѣбѣ насущномъ, опять пускается въ открытое море, пока новая волна еще разъ не прибьетъ его къ рабочему дому.

Снаружи этотъ домъ совершенно ничѣмъ не выдается. Небольшой и старый фасадъ его въ ряду смежныхъ съ нимъ домовъ отличается лишь своей надписью: «Рабочій домъ попларскаго уніона». О размѣрахъ его можно только получить понятіе, войдя во дворъ. Когда вы войдете во дворъ, то васъ прежде всего поражаетъ абсолютная тишина. Вы знаете, что въ домѣ находится «пауперовъ» 1533 человѣка и около пятидесяти человѣкъ служащихъ, а между тѣмъ словно все замерло. Тихо раскрываются двери въ длинныхъ корридорахъ, тихо ступаютъ ноги по цементному или деревянному полу, тихо распоряжается начальство. Въ громадныхъ столовыхъ обѣдаютъ постояльцы дома: женщины въ одной залѣ, мужчины—въ другой; но не слышно ни стука посуды, ни звона тарелокъ. Вы видите передъ собою какую-то сложную машину, въ

которой каждое колесико на диво смазано и прилажено. Всѣ постояльцы разбиваются на отдѣльныя группы: мужчины и женщины, старые и молодые, дѣти разныхъ возрастовъ, здоровые и больные, нормальные и слабоумные. Каждая группа имѣетъ свою столовую, свои спальни, свои права и обязанности, свою пищу и платье. Кушанье полагается три раза въ день: утромъ — хлѣбъ съ маргариномъ и кофе или чай, или какао. Два раза въ недѣлю вмѣсто этого даютъ на завтракъ кашу изъ какой-нибудь крупы съ патокой. Конечно, для дѣтей и больныхъ существуетъ другой режимъ. На обѣдъ полагается три раза въ недѣлю мясо, по 5 унцій, съ картофелемъ и другими овощами и съ хлѣбомъ, три раза супъ или похлебка съ хлѣбомъ и одинъ разъ—пирогъ на жиру. Кромѣ этого, два раза въ недѣлю отпускается еще къ обѣду лукъ и сыръ. Къ ужину подается хлѣбъ съ сыромъ или съ маргариномъ и чай, кофе или какао. Я долженъ сказать, что пробовалъ подаваемую на обѣдъ похлебку и нашелъ ее довольно вкусной. Она состояла изъ моркови, гороха и другихъ специй и была сварена вмѣстѣ съ мясомъ, которымъ начинены были потомъ пироги для стариковъ. Вся работа по дому дѣлается самими постояльцами. Они моютъ полы, чистятъ посуду, топятъ камины, стираютъ бѣлье, убираютъ комнаты и услуживаютъ въ столовой, разнося порціи.

Мужчины въ попларскомъ рабочемъ домѣ, хоть и пользуются казенной одеждой, но формы не носятъ; женщины же всѣ одѣты въ одинаковаго покроя и одинаковой матеріи платья и чепцы. Обыкновенно женщины исполняютъ женскія работы: стирка бѣлья, ухаживанье за дѣтьми, уборка комнатъ (спаленъ); а мужчины распредѣляются по мастерскимъ и по такъ называемымъ «тяжелымъ» работамъ. Мастерскія, помѣщающіяся въ разныхъ флигеляхъ, недавно заведены въ попларскомъ домѣ. Пока открыты лишь сапожная, портняжная и обойная мастерскія; начинаютъ заводить и другія. Во главѣ каждой мастерской стоитъ старшій мастеръ, наемный, къ которому прикомандировывается по нѣсколько человѣкъ изъ постояльцевъ. Самыя, однако, обширныя и богато обставленныя мастерскія, это—хлѣбопекарня и прачешная, существующія уже нѣсколько лѣтъ. Здѣсь вы поражаетесь размѣрами и сложностью машинъ. Въ хлѣбопекарнѣ, напр., настолько все приспособлено, что требующееся ежедневно количество хлѣба приблизительно для 1600 человѣкъ, считая и дѣтей, изготовляется въ какіе-нибудь три часа. Одна машина мѣситъ тѣсто, другая разрѣзываетъ его на порціи требуемыхъ вѣса и формы, а третья сажаетъ въ печь. Въ прачешной егозитъ цѣлая сѣть какихъ-то безконечныхъ ремней, вертятся тамбуры, двигаются вѣшалки, и смотришь—сотни рубахъ, только что брошенныхъ грязными въ громадное корыто, вынимаются чистенькими изъ паровой сушильни. Только здѣсь и замѣтна жизнь, правда, какая-то неладная, бездушная жизнь, но все-таки жизнь. Весь-же рабочій домъ—настоящая могила. Люди устали, опустились, измаялись. Никто не заставляетъ

ихъ молчать; они могутъ разговаривать между собою, сколько угодно и когда имъ угодно. Но изсякъ въ нихъ интересъ къ бесѣдѣ. И давитъ, и щемитъ свѣжаго человѣка это отсутствіе смѣха и слезъ, шума и говора.

Тихо и на каменно-битномъ дворѣ, гдѣ мѣрно раздаются лишь удары двухъ-трехъ ломовъ; тихо и въ отдѣленіи, гдѣ раздергиваютъ канаты. Камни бьютъ и веревки раздергиваютъ способныя къ труду, за исключеніемъ женщинъ. Каждому изъ нихъ задается урокъ въ день: разбить отъ семи до десяти бушелей камня на щебень или раздернуть и размочалить 4—6 фунтовъ старыхъ веревокъ. Родъ и количество работы назначаются по усмотрѣнію врача. Пользы отъ этихъ работъ почти никакой не бываетъ. Щебень еще можно продавать для мощенія улицъ, но размочаленные канаты почти никому не нужны; они поступаютъ на конопать для судовъ, но платятъ за нее дешевле, чѣмъ рабочему дому обходятся веревки. И вотъ сидятъ за низкими столами другъ около друга сотни людей и занимаются совершенно безсмысленной работой за право влачить жалкую жизнь.

Бѣдные въ этомъ отдѣленіи производятъ непріятное впечатлѣніе: лица большей частью испитыя, зазорныя, грубыя. Лишь изрѣдка попадается блѣдно-страдальческое лицо, очеловѣченное внутреннимъ свѣтомъ. Слѣдуетъ вообще сказать, что ремесленниковъ, особенно хорошихъ мастеровъ, совершенно не встрѣчается среди кліентовъ рабочаго дома. Всякій знающій въ Англіи ремесло принадлежитъ къ аристократіи труда и скорѣе помретъ голодною смертью, нежели пойдетъ въ рабочій домъ. Это именно тотъ классъ людей, которыхъ мой вышеупомянутый спутникъ находилъ столь гордыми. Много бѣдныхъ занимается также въ «домѣ» распилкой дровъ и расколкой ихъ на растопки, поступающія въ продажу.

Отъ работы, какъ сказано уже выше, освобождаются лишь старики. Они пользуются особыми льготами. Иные изъ нихъ, привыкшіе всю жизнь къ труду, сами, однако, напрашиваются на какую-нибудь работу, а другіе сидятъ въ «клубѣ».

О, да! тутъ есть и клубъ. Громадныя три залы, уставленныя скамейками и деревянными диванами, почти всегда полны народа. На высокихъ подставкахъ лежатъ вечернія и утреннія газеты; въ каминахъ горитъ огонь и, попыхивая изъ своихъ трубокъ, старики и тѣ, которые освободились отъ работы, а вечеромъ почти всѣ постояльцы разваливаются на скамейкахъ, расхаживаютъ или читаютъ. Кромѣ нѣсколькихъ газетъ, пріобрѣтаемыхъ администраціей дома, многія періодическія изданія присылаются доброхотными читателями, которые вмѣсто того, чтобы зря бросить газетный листъ или журналъ, складываютъ его и опускаютъ въ спеціальные ящики, откуда они и попадаютъ въ рабочіе дома и госпитали. Видъ стариковъ въ общемъ очень симпатичный. Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ и просятся на холстъ своимъ спокойнымъ и даже вели-

чавымъ видомъ. Многіе изъ нихъ работали всю жизнь въ докахъ, вели приличное хозяйство, пользовались уваженіемъ сосѣдей, пока не подступила старость необезпеченная, безсильная и хворая!.. И честный труженикъ, безупречный гражданинъ идетъ въ рабочій домъ закончить свое существованіе, иногда съ женой и дѣтьми, но въ большинствѣ случаевъ совершенно одинокимъ.

Часто въ помѣщеніи «клуба» или же въ одной изъ другихъ залъ даются представленія или играетъ оркестръ. Такого рода развлеченія вошли въ обычай особенно въ послѣднее время. Конечно, все это дѣлается частной благотворительностью.

Въ домѣ имѣется еще отдѣленіе для особенно достойныхъ и почтенныхъ стариковъ, перешедшихъ на содержаніе общества вмѣстѣ со своими женами. Отдѣленіе это очень небольшое и состоитъ всего изъ восьми комнатъ, въ каждой изъ которыхъ помѣщаются «дѣдъ да баба». Широкая двуспальная кровать, два стула, шкафчикъ и комодъ—вотъ меблировка комнаты; но постояльцы стараются убрать свои помѣщенія разными бездѣлушками, которыми и уставлены камины и комоды, и увѣшаны стѣны, такъ что въ общемъ комнаты кажутся довольно уютными. Есть особое отдѣленіе для слабоумныхъ; есть церковь—англиканская и католическая; есть и больница. Не желая, однако, слишкомъ растянуть статью, спѣшу перейти къ другимъ отдѣленіямъ. Вотъ спальня. Каждому постояльцу полагается особая кровать. Постели мягки, чисты, помѣстительны. Снизу пухлый матрацъ, сверху—теплыя одѣяла, а между ними по парѣ бѣлоснѣжныхъ простынь. Дѣтское отдѣленіе еще болѣе чисто и комфортабельно. На рукахъ попларскаго попечительства во время моего осмотра было 752 дѣтей, многіе изъ которыхъ имѣли тутъ-же и своихъ родителей, но въ другихъ отдѣленіяхъ. Въ рабочемъ домѣ, однако, содержалось очень незначительное число дѣтей. Для послѣднихъ попларскій участокъ имѣетъ особую школу за городомъ, въ Форестъ-Гейтѣ, гдѣ теперь находится около 600 человѣкъ, да на учебномъ суднѣ «Exmouth» содержится, на счетъ Поплара, около 50 мальчиковъ. Лишь за переполненіемъ школы въ Форестъ-Гейтѣ, часть дѣтей приходится держать въ городѣ. Обыкновенно дѣтей школьнаго возраста попечительство посылаетъ въ школу и затѣмъ пристраиваетъ мальчиковъ въ ремесла, въ посыльные при конторахъ, въ армію и флотъ, а дѣвочекъ—въ домашнюю прислугу; дѣтей-же до школьнаго возраста частью отдаетъ въ деревни на содержаніе, а частью содержитъ въ рабочемъ домѣ.

При моемъ посѣщеніи отдѣленія дѣтей до-школьнаго возраста тамъ было около двѣнадцати воспитанниковъ и воспитанницъ. Нѣсколько дѣтей сидѣло за длиннымъ низкимъ столомъ, одни жевали какія-то хлѣбныя корки; другія, завидя вошедшихъ гостей, окружили насъ и что-то залопотали на своемъ дѣтскомъ языкѣ, ласкаясь и радуясь чужой ласкѣ; а иныя изъ нихъ держались особнячкомъ, исподлобья пронизывая насъ своими умными глазенками. Старушка-няня, изъ «pauper'овъ», поправ-

ляла имъ казенныя платьица, поверхъ которыхъ были надѣты бѣлые передничкп. Въ комнатѣ очень чисто. Каждый ребенокъ имѣетъ свою кроватку. Кромѣ старушки, за ними смотритъ еще молодая барышня, изъ дипломированныхъ нянекъ. Видно, что чей-то зоркій глазъ не упускаетъ изъ виду «младенцевъ сихъ»; но дѣтки всетаки невольно производятъ впечатлѣніе утятъ, высиженныхъ курицей. Есть отношенія, есть чувства, которыхъ ничѣмъ не замѣнишь, и больше всего—материнскія отношенія и материнскія чувства. Тутъ государство безсильно и частная благотворительность недостаточна. Глядя на эти невинныя дѣтскія личики, покрытыя несовсѣмъ здоровымъ румянцемъ, на эти маленькія существа, чинно сидящія за низенькимъ столомъ, по тому или иному случаю оторванныя отъ матерей и занесенныя сюда, на третій этажъ рабочаго дома, я не сомнѣвался, что вижу передъ собою не одного, а нѣсколькихъ Оливеръ Твистовъ. Изъ пищевого росписанія, бывшаго у меня въ рукахъ, я зналъ, что каждому изъ этихъ маленькихъ «pauper'овъ» полагается столько-то хлѣба, столько-то молока, столько-то мяса и т. д., и мнѣ живо представилась сцена изъ извѣстнаго романа Диккенса, гдѣ описывается суматоха, надѣланная голоднымъ Твистомъ, попросившимъ *еще*. Если вы помните, читатель, надзиратель Бамбль сейчасъ же доложилъ объ этомъ предсѣдателю Лимкинсу.

— Мистеръ Лимкинсъ!—прошу, серъ, извиненія! Оливеръ Твистъ просилъ еще.

— Еще!—воскликнулъ Лимкинсъ,—Бамбль! успокойтесь и повторите еще разъ; вы хотите сказать, что онъ спросилъ еще, съѣвъ свою порцію по расписанію?

— Да, серъ.

— Вспомните мое слово: этотъ мальчикъ попадетъ на висѣлицу,—произнесъ господинъ въ бѣломъ жилетѣ.

Конечно, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ была написана Диккенсомъ эта сцена. Но все-таки многое еще осталось; и сироты, и другія дѣти, которыя осуждены на чужое попеченіе, всегда останутся болѣе или менѣе Оливеръ Твистами. Ознакомившись съ рабочимъ домомъ, познакомимся и съ его «начальствомъ» и съ тѣмъ учрежденіемъ, отъ котораго онъ всецѣло зависитъ. Въ этихъ видахъ направимся въ Board of guardians, гдѣ помѣщаются и канцеляріи и гдѣ происходятъ засѣданія комитетовъ и попечителей.

II.

Восемь часовъ вечера. На одной изъ тихихъ улицъ Поплара, среди темныхъ и невзрачныхъ домовъ, ваше вниманіе привлекаетъ ярко-освѣщенный подъѣздъ. Огромныя дубовыя двери растворены настежъ, и зрителю открывается съ улицы видъ широкой мраморной лѣстницы, красныхъ ковровъ и ярко-блестящихъ мѣдныхъ украшеній на перилахъ ея. У входа стоитъ нѣсколько высокихъ, на-диво откормленныхъ констеблей,

которые вѣжливо пропускаютъ васъ, не спрашивая ни вашего имени, ни цѣли посѣщенія. Наоборотъ, съ отмѣнной деликатностью прикладывая руку къ козырю шлема, они отвѣчаютъ на ваши вопросы и указываютъ дорогу.

Не каждый вечеръ стоятъ здѣсь констебли; лишь разъ въ двѣ недѣли, когда происходятъ засѣданія попечительства, у дверей становится нѣчто въ родѣ почетнаго караула. Одинъ за другимъ собираются попечители; другъ за другомъ сходятся и мѣстные плательщики налоговъ, имѣющіе право присутствовать на засѣданіяхъ правленія.

Попечители собираются внизу, а плательщики налоговъ, «публика», наверху, на хорахъ. Послѣдніе имѣются только на одной сторонѣ зала, и къ тому узки и малы. Очевидно, строители не разсчитывали на то, что публика будетъ интересоваться собраніями попечителей, и ошиблись: времена измѣнились—и на хорахъ собирается столько «плательщиковъ», что становится тѣсно и крайне неудобно. За то зала засѣданій по своей роскоши ничѣмъ не напоминаетъ, что въ стѣнахъ ея дѣло идетъ всегда о бѣдности. Высокія стѣны покрыты рѣзнымъ дубомъ; съ лѣпнаго потолка виситъ пара сверкающихъ люстръ; полъ устланъ мягкимъ ковромъ. Посрединѣ—подковообразный столъ для членовъ попечительства. Въ углу залы изящный, хитро-изогнутый столъ для представителей печати, которые въ данную минуту олицетворяются двумя репортерами отъ двухъ мѣстныхъ истъ-эндскихъ газетъ. Тамъ столикъ для секретаря, тутъ—для помощника его. Передъ широкимъ каминомъ еще болѣе широкій экранъ съ дивными фигурами цвѣтовъ и птицъ. Стулья и кресла—широкія, съ высокими спинками, на колесикахъ. Вездѣ дубъ, сафьянъ, бархатъ. Все солидно, внушительно, изящно.

Часы пробили восемь; члены заняли свои мѣста; предсѣдатель опустился въ кресло. Вотъ они тутъ всѣ, отъ рѣшенія и слова которыхъ зависитъ участь многихъ тысячъ бѣдняковъ и въ рукахъ которыхъ воспитаніе бѣдныхъ дѣтей, прививка оспы, содержаніе больныхъ и пріютовъ для умалишенныхъ, возвышеніе или уменьшеніе налога, извѣстнаго подъ именемъ poor-rate, устройство земледѣльческихъ колоній и матеріальное содѣйствіе эмиграціи, принятіе и увольненіе сотенъ служащихъ, привлеченіе къ суду дѣтей, отказавшихся отъ содержанія родителей, и родителей, не желающихъ содержать дѣтей или отказывающихъ привить имъ оспу. Словомъ, права у нихъ—широкія. Въ Попларѣ 21 попечитель. По первому же вопросу, разсматриваемому собраніемъ, вы видите, что тутъ засѣдаютъ двѣ партіи: одна болѣе склонна принимать во вниманіе интересы плательщиковъ налога, а другая—охраняетъ больше тѣхъ, въ пользу которыхъ взимается этотъ налогъ. Партіи почти равны по своей численности. Первые занимаютъ одно крыло стола, другіе—другое; первые принадлежатъ къ среднему классу—тутъ и докторъ, и купецъ, и адвокатъ; вторые почти всѣ—рабочіе. Самъ предсѣдатель, Джорджъ Лэнсбюри—рабочій и соціалистъ. И присутствіе его на предсѣдательскомъ

креслѣ попечительства одно изъ характернѣйшихъ явленій современной Англіи. Еще три года тому назадъ это казалось-бы совершенно невозможною вещью. Мировые судьи были тогда членами попечительства ex officio, а остальные члены были избираемы очень ограниченнымъ кругомъ избирателей, такъ что рабочему было очень трудно попасть не только въ предсѣдатели, но и въ простые члены. Теперь же, кромѣ предсѣдателя, между членами попечительства насчитывается еще человѣкъ пять рабочихъ. Они всѣ сидятъ рядомъ, и къ ихъ же партіи принадлежитъ и сидящая тутъ попечительница, единственная женщина, попавшая въ попларскій Board of Guardians.

Самая, однако, интересная личность здѣсь, это предсѣдатель, одѣтый просто и чисто, но безъ галстука, котораго онъ не носитъ по принципу. Теперь ему лѣтъ 35, но началъ онъ свою карьеру рано, съ 11-лѣтняго возраста, поступивъ мальчикомъ въ какую-то контору. Съ тѣхъ поръ онъ работалъ, не покладая рукъ: торговалъ, былъ ремесленникомъ, жилъ въ Австраліи, а теперь управляетъ какою-то слесарной и механической мастерской. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и убѣдиться, что этотъ человѣкъ находилъ время изучить такихъ авторовъ, какъ К. Марксъ, Мацципи, Рескинъ, Карлейль и другіе. По натурѣ это—прямой, безхитростный и мягкій человѣкъ, вѣчно занятый этическими вопросами. Его вліяніе въ истъ-эндѣ Лондона быстро растетъ, какъ можно судить потому, что онъ получилъ на выборахъ въ попечительство самое большое число голосовъ. Избраніе его сейчасъ же ознаменовалось цѣлымъ рядомъ реформъ. Все то хорошее, что мы видѣли въ рабочемъ домѣ, появилось благодаря его вліянію, которому одинаково какъ-то поддаются обѣ партіи. Онъ уничтожилъ форму и вообще всякіе отличительные знаки для «pauper'овъ», завелъ мастерскія, улучшилъ пищу, поставилъ къ дѣтямъ дипломированныхъ нянь и наставницъ, и т. д. — Засѣданіе началось чтеніемъ отчета о прошломъ засѣданіи; потомъ были доложены отчеты разныхъ комитетовъ, составленныхъ изъ членовъ же попечительства; читали письма и отношенія другихъ учрежденій; разсмотрѣли смѣты на слѣдующія двѣ недѣли. Всѣ эти отчеты и смѣты быстро прочитываются секретаремъ и единогласно принимаются. Все это было провѣрено въ надлежащихъ комитетахъ, обо всемъ этомъ сговорились давно и тутъ ничего нѣтъ спорнаго и неизвѣстнаго. Пренія и голосованія наступаютъ лишь тогда, когда переходятъ къ другимъ пунктамъ программы, поднимающимъ новые вопросы. Тутъ сейчасъ же сказываются разныя направленія и раскрывается поддонная жизнь Поплара.

Вотъ явилась депутація отъ мѣстнаго союза красильщиковъ. Въ залу входятъ шесть человѣкъ. Первымъ говоритъ секретарь союза. Своей манерой говорить, онъ сейчасъ же обнаруживаетъ навострившагося въ стереотипномъ краснорѣчіи уличнаго оратора и произноситъ свои шаблоны полу-патетическимъ, полу-торжественнымъ голосомъ, совершенно

такъ, какъ произносятъ рѣчи въ Гайдпаркѣ или на площадкѣ. Попечительство, видите-ли, обижаетъ красильщиковъ. Оно нанимаетъ одного человѣка для красильныхъ работъ въ рабочемъ домѣ и даетъ ему на подмогу десять «pauper'овъ» вмѣсто того, чтобы нанять пять красильщиковъ. На эту же тему другъ за другомъ говорили и всѣ остальные депутаты. Иные мягко просили, другіе строго требовали, а одинъ даже такъ разошелся, что прочелъ нѣчто въ родѣ лекціи членамъ попечительства объ ихъ обязанностяхъ.

«*Мы* васъ посадили сюда; благодаря *нашимъ* голосамъ, вы добились этого почета; такъ позвольте же теперь разсчитаться и сдѣлать что-нибудь и для насъ»,—говорилъ онъ. Послѣ этого депутацію просили удалиться на минутку; депутаты вышли и попечители остались лицомъ къ лицу съ чрезвычайно трудной дилеммой: съ одной стороны—здравый смыслъ и гуманное чувство говорятъ, что лучше употребить pauper'овъ на полезную работу, чѣмъ на безсмысленное раздергиванье веревокъ, а съ другой стороны—здравый смыслъ и гуманное чувство говорятъ, что необходимо поддержать и красильщиковъ и не дать имъ дойти до положенія «pauper'овъ». Началось обсужденіе дилеммы. Поднялся вопросъ, будетъ-ли согласно закону не пользоваться трудомъ «pauper'овъ»; было указано на то, что завтра можетъ явиться депутація и отъ сапожниковъ, а тамъ придутъ съ жалобой и портные, и пекаря, и другіе ремесленные союзы. Рабочая партія, однако, стояла на томъ, что красильщики, въ виду зимняго времени, находятся въ исключительномъ положеніи, и поэтому нужно удовлетворить ихъ ходатайство. Большинство оказалось на сторонѣ этого мнѣнія, и приглашеннымъ депутатамъ объявили рѣшеніе. Депутація торжествовала и устами того самаго депутата, который прежде былъ такъ строгъ, разсыпалась теперь въ благодарностяхъ, а затѣмъ, откланявшись, вышла. Доложили о просительницѣ. Предсѣдатель велитъ впустить ее въ залу, и къ столу подходитъ бѣдно одѣтая женщина въ сопровожденіи рабочаго — ея мужа. Усѣвшись противъ предсѣдателя, женщина стала излагать ему свою просьбу. Дѣло въ томъ, что она нѣсколько лѣтъ тому назадъ овдовѣла и на рукахъ у ней остались четверо дѣтей, трое изъ которыхъ были отданы на содержаніе попечительству. Теперь же дѣла ея поправились, она вышла замужъ. Мужъ служитъ при вульвичской переправѣ на Темзѣ и готовъ принять дѣтей ея въ свой домъ. Двоихъ изъ дѣтей, воспитывавшихся въ форестъ-гетской школѣ, она получила обратно, а вотъ третьяго не выдаютъ. Мальчику 13 лѣтъ, онъ содержится на учебномъ суднѣ «Esmouth» и изъ него собираются сдѣлать матроса, а между тѣмъ ей хочется имѣть его при себѣ. Мужъ ея подтверждаетъ слова жены. «У меня собственныхъ дѣтей нѣтъ»,—говоритъ онъ, «и я радъ видѣть всѣхъ дѣтей ея кругомъ себя. Тѣмъ болѣе, что парнишка (chap) славный».

Опять дилемма. Просительница съ мужемъ выходятъ на минутку, и начинаются дебаты. Оптимисты находятъ, что это очень мило со сто-

роны мужа просительницы и нечего тутъ думать—взять и отдать мальчика. Скептики же предлагаютъ раньше навести болѣе точныя справки, какая обстановка ждетъ мальчика; можетъ быть, онъ попадетъ въ пьяную и развратную среду; выражаютъ сомнѣніе въ намѣреніяхъ мужа и указываютъ на множество примѣровъ, гдѣ главнымъ побужденіемъ къ полученію обратно дѣтей была безсовѣстная эксплоатація ихъ. Оптимисты, однако, берутъ верхъ и просительницѣ объявляютъ, что завтра мальчикъ будетъ доставленъ въ ея домъ.

Собраніе приступаетъ къ дальнѣйшимъ пунктамъ занятій. Одинъ изъ членовъ-рабочихъ вноситъ предложеніе о выдачѣ еженедѣльно по унціи табаку тѣмъ изъ способныхъ къ труду, которые, по мнѣнію смотрителя рабочаго дома, будутъ того заслуживать; другой желалъ бы давать по средамъ мясо; третій поднимаетъ вопросъ о дѣтяхъ. Рѣшается вопросъ объ осмотрѣ членами тѣхъ фермъ, которыя попечительство собирается купить для земледѣльческихъ работъ. Обсуждается еще нѣсколько вопросовъ. Засѣданіе носитъ удивительно жизненный характеръ. «Бумага» здѣсь совершенно отсутствуетъ. Все дѣлается устно,—«на вѣру»; не требуется прошеній, документовъ, излишнихъ справокъ; не заводятся «дѣла», не проставляются нумера, не приклеиваются марки. Сами попечители, рабочіе и «интеллигенты», ухитряются въ минутной рѣчи ясно и толково изложить свою мысль, не перебивая и не повторяя другъ друга. Засѣданіе продолжается 2½ часа и въ теченіе этого времени вся программа занятій разсмотрѣна и, какъ мы видѣли, остается еще время для пріема депутацій и другихъ вопросовъ, въ программѣ не обозначенныхъ.

С. Рыбаковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пріѣздъ болгарской депутаціи, наши газеты и дѣйствительное настроеніе русскаго общества.—Мнѣнія И. Аксакова и Фадѣева.—Разъясненіе соед. департаментами одного пункта въ «положеніи» 1881 г. объ охранѣ.—Продажа и покупка золота государственнымъ банкомъ.—Депозитныя квитанціи.—Китайскій заемъ.

Въ самомъ-ли дѣлѣ въ обществѣ нашемъ, хотя-бы и въ средне-образованномъ только, такъ силенъ духъ національно-завоевательный и столь распространено стремленіе къ дальнѣйшему расширенію границъ Россіи, какъ то можно-бы заключить изъ многихъ газетныхъ статей? Въ этомъ позволительно усомниться. Венгерской кампаніи и крымской войны въ обществѣ не хотѣлъ никто. Правда, нельзя сказать того-же о войнѣ 1877 года. Тогда на общество сильно подѣйствовали разсказы о жестокостяхъ турокъ въ Болгаріи; вдобавокъ, то было время, когда движеніе внутреннихъ реформъ у насъ пріостановилось, и нервы общества находились въ состояніи напряженія. Но несомнѣнно проявившееся тогда въ русскомъ обществѣ «славянско-воинственное» увлеченіе было кратковременно. Еще передъ началомъ нашей войны съ турками разочарованіе и въ сербахъ, понесшихъ пораженіе, и въ нашихъ «добровольцахъ» значительно охладило проявившійся пылъ. Три Плевны, огромныя жертвы, которыя потребовались, чтобы одолѣть одну Турцію, наконецъ берлинскій трактатъ, который значительно уменьшилъ то, что уже было добыто военнымъ успѣхомъ, вызвали въ обществѣ несомнѣнное сожалѣніе о дорогихъ потеряхъ, какими было оплачено освобожденіе Болгаріи. Тѣмъ болѣе, что къ концу войны мы рѣшительно разочаровались и въ самихъ болгарахъ. Дальнѣйшія событія въ Болгаріи еще усилили это разочарованіе и В. И. Ламанскій въ своей рѣчи въ славянскомъ обществѣ вполнѣ вѣрно выразилъ то впечатлѣніе, которое осталось въ русскомъ обществѣ отъ войны за болгаръ и отъ самого ихъ освобожденія. Впечатлѣніе это сводится на то, что пусть себѣ болгары дѣлаютъ—что хотятъ, но ни однимъ русскимъ солдатомъ изъ-за нихъ жертвовать не стоитъ.

Подобнаго настроенія нельзя, понятно, признать ни завоевательнымъ, ни славянолюбивымъ. Какъ сперва сербы, такъ за ними и болгары стали

у насъ прямо непопулярны. Это нерасположеніе русскаго общества къ дальнѣйшему вмѣшательству въ дѣла южныхъ славянъ было столь очевидно, что съ нимъ должны были сообразоваться и самыя тѣ наши газеты, которыхъ всѣ усилія направлены къ тому, чтобы *привить* обществу чуждый ему духъ національнаго задора и стремленія къ захватамъ новыхъ областей. Газеты эти твердили, вслѣдъ за общественнымъ мнѣніемъ, что намъ нѣтъ дѣла до болгаръ, что Россія предоставляетъ ихъ—ихъ судьбѣ. Но на столбцахъ газетъ эти слова означали не отказъ отъ вмѣшательства въ болгарскія дѣла, а наоборотъ—усиліе разжечь въ русскомъ обществѣ вражду ко всѣмъ смѣнявшимся въ Болгаріи правительствамъ и подготовить новую интервенцію въ дѣлѣ балканскихъ государствъ. Правда, газеты при этомъ постоянно повторяли, что Россія, которая уже представила столько залоговъ миролюбиваго настроенія, и впредь хочетъ только мира. Но при этомъ онѣ постоянно метали громы на Болгарію, представляя все, что̀ тамъ ни происходило, какъ рядъ явныхъ оскорбленій для Россіи, и не было такихъ оскорбительныхъ эпитетовъ, которыми-бы онѣ сами не осыпали болгарскихъ правителей. Такіе пріемы, очевидно, мало согласовались съ провозглашаемыми тѣми-же газетами миролюбивыми видами.

Недавній неожиданный пріѣздъ въ Петербургъ болгарской депутаціи засталъ наши газеты нѣсколько врасплохъ. Однѣ изъ нихъ, какъ «Новости» и «Свѣтъ», нѣсколько поддались этому примирительному со стороны болгарскихъ политическихъ дѣятелей шагу. Другіе, какъ «Гражданинъ» и «Моск. Вѣдомости», и слышать не хотятъ ни о какомъ примиреніи, отрицаютъ самую мысль, чтобы Россія могла когда-либо «ссориться» съ такимъ ничтожествомъ, какъ Болгарія, и требуютъ, чтобы Болгарія просто сдалась намъ на капитуляцію безъ всякихъ условій, чтобы она только молила насъ о «прощеніи», и тогда мы будемъ готовы простить ее. Среди «читающей публики», конечно, немало людей, лишенныхъ собственнаго убѣжденія и того чутья, которое для человѣка неимѣющаго знанія замѣняетъ сознательное убѣжденіе. Такіе люди служатъ эхомъ для ходячихъ словъ преобладающаго въ каждое данное время направленія. Люди этого рода, какъ въ свое время буквально твердили вычитанныя либеральныя слова, такъ теперь повторяютъ задорныя шовинистскія выходки, заимствованныя изъ той или другой газеты. Но такіе попугаи, говорящіе съ чужого голоса, не составляютъ всего общества. У насъ есть—хотя ихъ и немного—люди съ вполнѣ самостоятельными политическими взглядами, относящіеся съ пренебреженіемъ къ той вызывательной фальши, которая составляетъ спеціальность иныхъ газетъ. Фальшь, представляемая вѣчными заявленіями миролюбія и вмѣстѣ постояннымъ сѣяніемъ тревоги и раздраженія, какъ-будто намъ отовсюду грозитъ неминуемая опасность и отовсюду сыплются на насъ оскорбленія—слишкомъ очевидна. Ея не можетъ не сознавать и то большинство общества, которое, не имѣя самостоятельнаго убѣжденія, руководствуется

чутьемъ. Къ неискренности и преувеличеніямъ задорно-національныхъ статей оно уже успѣло привыкнуть въ теченіе десятка слишкомъ послѣднихъ лѣтъ и оцѣниваетъ ихъ по достоинству.

Это большинство читателей газетъ помнитъ нѣкоторые факты, мѣшающіе ему поддаваться крайнему шовинизму «Московскихъ Вѣдомостей» и хотя-бы «Новаго Времени». Большинство читателей помнятъ или слышали отъ людей уважаемыхъ, что какъ покойный Катковъ, такъ и г. Суворинъ въ иное время своей дѣятельности писали совсѣмъ противоположное тому, что они говорили подъ конецъ ея. И нынѣшнимъ читателямъ извѣстно, что Катковъ былъ сперва конституціоналистомъ на англійскій образецъ, а потомъ фанатическимъ глашатаемъ исключительныхъ мѣръ; что никто лучше его не привѣтствовалъ и не защищалъ на первыхъ порахъ наши новыя судебныя учрежденія и что затѣмъ никто не отрицалъ съ равнымъ задоромъ главныя ихъ начала. Общество помнитъ, что Катковъ первоначально былъ англоманомъ, потомъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ союза съ Турціею противъ Франціи, а подъ конецъ сталъ отъявленнымъ врагомъ прусской политики, до такой степени, что даже приписывалъ Бисмарку всякія наши бѣдствія. Не распространяясь объ этомъ далѣе, замѣтимъ, однако, что именно «чутье» зауряднаго, но добросовѣстнаго читателя остерегаетъ его отъ вѣры въ каждое слово публицистовъ намѣренно-задорнаго направленія, которые убѣждены, что не только бумага, но и умъ русскаго читателя все терпитъ—всякіе скачки съ одной стороны на другую, всякія искаженія и противную искреннему чувству, да и здравому смыслу смѣсь «миролюбія» съ ежедневными криками «караулъ!»

Это большинство, дѣйствительно, хочетъ сохраненія мира, а не вѣчнаго бряцанія саблей въ тактъ гимну, воспѣваемому миру—то изъ-за Болгаріи, то изъ-за Памира, то изъ-за Кореи или Абиссиніи. Русское общество прекрасно понимаетъ, что безъ всякаго сравненія важнѣе такихъ «газетныхъ», съ шумомъ и трескомъ возбуждаемыхъ вопросовъ—вопросы близкіе, общественно-юридическіе и народно-хозяйственные. Иныя газеты постоянно твердятъ о государственномъ единствѣ, но твердятъ объ этомъ—въ смыслѣ исключительныхъ мѣръ, которыя сами мѣшаютъ дѣйствительному единенію. Половина государства еще остается безъ земскихъ учрежденій, безъ присяжныхъ, безъ мировыхъ судей остается съ полицейскимъ характеромъ низшей судебной расправы. Но, если послушать тѣ газеты, то интересъ государственнаго единства не требуетъ распространенія реформъ на всю Россію, онъ заключается — въ отмѣнѣ особыхъ учрежденій Финляндіи. «Гражданинъ» упорно отрицалъ и необходимость государственной помощи русскимъ крестьянамъ въ два неурожайные года, онъ равнодушенъ и къ обѣднѣнію крестьянъ, но для него крайне существененъ интересъ Россіи, заключающійся въ томъ, чтобы ни за что не примиряться съ Болгаріею!

Чѣмъ же собственно можетъ представляться для русскаго обществен-

наго сознанія пресловутый «болгарскій вопросъ», на которомъ съ такой удалью гарцуютъ наши газетные шовинисты въ продолженіе слишкомъ десяти лѣтъ, избравъ его какъ наиболѣе удобную педагогическую тему, для прививки своимъ читателямъ «ненавистническаго» духа, безплоднаго для внутренняго развитія Россіи, а—если вѣрить постояннымъ мирнымъ увѣреніямъ газетъ—то и никому не опаснаго? Чего мы можемъ желать отъ Болгаріи? Мы ставимъ этотъ вопросъ именно только какъ вопросъ общественнаго сознанія и не будемъ вовсе касаться политики въ тѣсномъ смыслѣ, то есть отношеній между правительствами, дѣйствій тѣхъ или другихъ политическихъ людей и какихъ-либо конкретныхъ условій соглашенія. Мы говоримъ только о томъ, каково можетъ быть естественное отношеніе русскаго общества къ Болгаріи.

Международныя отношенія опредѣляются государственнымъ интересомъ, а отчасти и народнымъ чувствомъ. И вотъ, наши хлесткіе публицисты болѣе всего выѣзжали именно на чувствѣ; мы освободили Болгарію, а Болгарія насъ не слушается. Наши газеты за это всячески бранили болгаръ, а болгарскія газеты бранили насъ; значитъ, Болгарія отплатила намъ неблагодарностью и должна просить у насъ прощенія. Но вотъ нынѣ и явилась въ Петербургъ болгарская депутація, глава который заявилъ, что болгары «много виноваты передъ Россіею». Достаточно-ли намъ этого? Нѣтъ, наши газеты требуютъ еще, чтобы Болгарія дала намъ фактическое удовлетвореніе—въ видѣ переизбранія или смѣны ея правителей, согласованія ея дѣйствій съ интересами Россіи, то-есть подчиненія русскому вліянію и видамъ русской политики. Въ нѣкоторыхъ-же статьяхъ требуется болѣе или менѣе ясно, чтобы Болгарія стала прямо зависимой отъ Россіи страною. Требованіе въ этой послѣдней формѣ, то-есть формулированное съ полной откровенностью, было—именно по случаю пріѣзда депутаціи—высказано консервативною харьковскою газетой «Южный Край». «Если болгарская депутація—говорилъ «Южный Край»—пріѣхала мирить Россію съ Кобургомъ, она промахнется въ своихъ расчетахъ и убѣдится воочію, что между нимъ и Россіей *не можетъ* быть ничего общаго и не только между нимъ и Россіей, но и между Россіей и его династіей». Низложивъ такъ рѣшительно и окончательно династію Кобурговъ, хотя-бы даже она приняла православіе и князь отрекся отъ престола въ пользу сына, харьковскій публицистъ, въ другой статьѣ, высказываетъ мнимыя желанія русскаго общества еще положительнѣе. «У болгаръ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ данныхъ для самостоятельной политической жизни; у нихъ нѣтъ ни національной, любимой народомъ династіи, ни вѣками сложившихся государственныхъ учрежденій, ни умѣнья управлять своими дѣлами». Но если всего этого нѣтъ и не можетъ быть у странъ всего полтора или хотя-бы нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ пріобрѣвшихъ національную независимость, то отсюда-бы слѣдовало, что «никакихъ данныхъ для самостоятельной политической жизни нѣтъ и не можетъ быть»—и у Сербіи, Греціи,

Бельгіи, Румыніи, Италіи. Сложившихся «вѣками» государственныхъ учрежденій не имѣютъ и Соединенные Штаты. Пусть насъ не упрекаютъ зато, что мы приводимъ разсужденія консервативной газеты харьковской, а не одной изъ столичныхъ. Тѣ разсуждаютъ совершенно такъ-же слабо и произвольно, съ подобными-же натяжками, а внѣшніе факты харьковскому публицисту столь-же извѣстны, какъ и столичнымъ. «Повторяемъ— продолжаетъ онъ—каждый болгарскій патріотъ долженъ желать, чтобы его родина *слилась* съ Россіей... И для самолюбія болгаръ было-бы, вѣроятно, пріятнѣе имѣть своимъ княземъ русскаго Царя, чѣмъ какого-нибудь заштатнаго и вольнопрактикующаго принца».

Такъ-ли это, однако, въ дѣйствительности? Сопоставимъ съ отрывкомъ «Южн. Края», который имѣетъ то преимущество, что откровенно выразилъ истинное мнѣніе «Моск. Вѣдомостей», «Гражданина» и «Новаго Времени», а ранѣе ихъ—И. С. Аксакова и Р. А. Фадѣева—отчетъ о бесѣдѣ съ членами болгарской депутаціи сотрудника послѣдней изъ названныхъ газетъ, г. В. Лялина, бесѣды, происходившій, по его словамъ, «въ очень удачный моментъ, а именно непосредственно послѣ аудіенціи у министра иностранныхъ дѣлъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго». Сотрудникъ «Новаго Времени» упомянулъ митрополиту Клименту объ условіяхъ примиренія, о которыхъ сообщала болгарская газета «Свобода», а именно о предполагаемомъ принятіи православія принцемъ Фердинандомъ, его женой и наслѣдникомъ, о военной конвенціи съ Россіей и назначеніи русскихъ офицеровъ въ должности болгарскихъ военнаго министра и всѣхъ высшихъ командировъ, начиная съ полковыхъ. «Во всѣхъ этихъ слухахъ—возразилъ митрополитъ—*нѣтъ ни одного слова правды* (курсивъ оригинала); прошу «Новое Время» опровергнуть этотъ слухъ, придуманный врагами Болгаріи, желающими поддерживать между Болгаріей и Россіей недоразумѣнія». Далѣе митрополитъ призналъ, что «Болгарія много виновата передъ Россіей,» но чѣмъ? «Виновата, что повѣрила одно время той лжи, которую распускали о Россіи враги Болгаріи и Россіи, *повѣрила завоевательнымъ замысламъ Россіи*; но теперь у болгаръ глаза открылись»... Затѣмъ, членъ народнаго собранія Молловъ прибавилъ въ поясненіе: «Покойный Аксаковъ написалъ какъ-то о *сліяніи* Болгаріи и Россіи, и вотъ это мнѣніе отдѣльнаго писателя, частнаго человѣка, стали въ Болгаріи выдавать за мнѣніе русскаго правительства... Ложь, распускаемая о депутаціи — такого-же происхожденія, но ей уже не вѣрятъ въ Болгаріи и желаютъ лишь одного: добрыхъ отношеній съ Россіей, ея дружбы и великодушнаго покровительства».

Итакъ, самъ глава и члены депутаціи, явившейся для возстановленія добрыхъ отношеній, отвергаютъ, какъ ложь враговъ Болгаріи, мысль— будто Россія желаетъ сліянія съ ней Болгаріи, и вину своей страны видятъ именно въ томъ, что она повѣрила той лжи, которая и оттолкнула ее отъ Россіи. Послѣ этого, надо полагать, и наши газеты перестанутъ говорить о *сліяніи*. Затѣмъ, остаются только два возможныхъ предполо-

женія: о нѣкоторомъ, условленномъ договоромъ подчиненіи Болгаріи желаніямъ Россіи въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, или о полной самостоятельности Болгаріи. Но ясно, что договорное подчиненіе есть нѣчто условное, ненадежное и могущее только давать поводъ къ постояннымъ пререкаиіямъ и взаимному недовольству въ будущемъ.

Наоборотъ, признаніе Россіею за болгарами безусловной самостоятельности, полнаго права дѣлать, что они хотятъ, имѣть князя и министровъ, какихъ болгары желаютъ—одно только и могло-бы побудить этотъ слабый и могущій нуждаться въ защитѣ Россіи народъ—стараться снискать ея дружбу. Болгары могутъ быть преданными союзниками Россіи, но только съ того момента, когда они перестанутъ ея бояться. Въ видахъ политическихъ, какъ и въ интересѣ нравственномъ, для насъ желательны именно свободное сближеніе Болгаріи съ Россіею и дружественное ея отношеніе къ намъ. Но добровольное сближеніе и дружба не пріобрѣтаются посредствомъ отталкиванія и оскорбленій, съ какими тѣ-же наши газеты въ теченіи 10 лѣтъ относились къ болгарамъ. Дружба между слабымъ и сильнымъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, если слабый не боится сильнаго, не подозрѣваетъ въ послѣднемъ намѣренія взять себя подъ опеку. Этой простой истины, что расположить къ себѣ славянъ вообще Россія можетъ, только внушивъ имъ полное довѣріе къ своему безкорыстію и дѣйствуя въ интересахъ ихъ національной самостоятельности,—не понимали наши славянофилы. По буквальному смыслу «славянофильство» должно-бы значить «славянолюбіе». На дѣлѣ-же наше славянофильство означало совсѣмъ иное, а именно стремленіе взять славянъ подъ опеку Россіи и употреблять ихъ, какъ орудіе для достиженія русской государственной цѣли, вдобавокъ фантастической и для блага русскаго народа нисколько ненужной.

Сошлемся здѣсь на такіе авторитеты, какъ И. С. Аксаковъ и генералъ Фадѣевъ. Такъ, въ своей статьѣ «Гдѣ границы государственному росту Россіи» *), Аксаковъ доказывалъ, что Россіи необходимо присоединить къ себѣ Русь Галицкую и Русь Угорскую, утвердиться на проливахъ, гдѣ должна быть «южная стѣна нашего русскаго государственнаго дома», доказывалъ необходимость всѣхъ нашихъ завоеваній за Кавказомъ и въ Средней Азіи, даже высказывалъ сожалѣніе, что Россія отказалась отъ своего владѣнія въ Америкѣ. Вотъ какого помѣстительнаго дома желалъ Аксаковъ для русскаго народа. Какая русскому народу нужда въ томъ, чтобы владѣть областью въ Америкѣ или—по выраженію Аксакова—«сидѣть верхомъ на проливахъ?» Потребности торговли, что-ли? Да Россія имѣетъ порты на трехъ моряхъ въ Европѣ, а у купцовъ нашихъ нѣтъ собственныхъ судовъ, которыя-бы ходили заграницу. Къ чему-же еще намъ проливы и русская Америка? Въ другой статьѣ—«Всемірно-историческое призваніе Россіи»—Аксаковъ опредѣлялъ русскую

*) Полное собраніе соч. И. С. Аксакова. Т. II.

задачу такъ: «созиданіе православно-восточнаго міра въ образѣ Россіи», и говорилъ, что не слѣдуетъ «упускать представляющихся политическихъ случаевъ и должно пользоваться хоть нашею внѣшнею государственною силой для завершенія внѣшней *формаціи* русскаго государства и на югъ, и на востокъ отъ Россіи». При чемъ-же однако тутъ славянолюбіе? Очевидно оно—только приманка для государственныхъ русскимъ цѣлей, а вовсе не братское единеніе и не любовь, о которыхъ, однако-же, столько распространялся краснорѣчивый публицистъ.

Сходно съ этимъ опредѣлялъ славянскій вопросъ и Фадѣевъ *). По его мнѣнію, «славянскіе народы должны стремиться къ двумъ цѣлямъ: каждый отдѣльно — къ самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, всѣ вмѣстѣ—къ тѣснѣйшему племенному союзу съ Россіею и къ русскому главенству въ высокомъ и международномъ отношеніи. Каждому племени нуженъ свой государь для домашнихъ дѣлъ и великій славянскій царь для дѣлъ общихъ. Безъ этого второго условія— прибавляетъ онъ—самостоятельность, какъ балканскихъ, такъ и дунайскихъ народовъ несбыточна. Если ихъ освободить сегодня безъ объединенія около Россіи, завтра они очутились-бы въ прежнемъ и еще худшемъ положеніи». И вотъ, въ этотъ союзъ, состоящій подъ «главенствомъ» Россіи, отдающій всѣ свои войска, крѣпости и выходы въ Черное море «въ полное распоряженіе и управленіе главы союза», Фадѣевъ включалъ: 1) Галицію, совѣтуя начать съ нея, такъ какъ Австрія—нашъ главный противникъ въ восточномъ вопросѣ; 2) Богемію и всѣ полуславянскія области на восточной границѣ Германіи, такъ какъ для рѣшенія восточнаго вопроса необходимо сломить Германію и размежеваться съ ней; 3) всѣхъ славянъ, потому что они—славяне; 4) румынъ и грековъ, потому что они, хотя не славяне, но живутъ близко къ славянамъ и отчасти даже среди славянъ, и 5) Константинополь съ его окрестностями и проливами по той причинѣ, что это есть мѣсто «безмѣрно важное *для насъ*», и «самые положительные русскіе интересы заставляютъ желать, чтобы этотъ городъ былъ вольнымъ городомъ племенного союза».

Вотъ эта послѣдняя причина—предполагая ее доказанною—и являлась-бы, стало быть, единственнымъ положительнымъ поводомъ къ осуществленію фантастическаго плана, начертаннаго Фадѣевымъ. Что для славянскихъ народовъ «самостоятельность» немыслима иначе, какъ подъ «главенствомъ» Россіи,—это явный парадоксъ. Вѣдь нельзя-же серьезно говорить о самостоятельности Саксоніи, Баваріи, Мекленбурга и проч. въ Германской имперіи. Но это—страны населенныя однимъ народомъ. А захотятъ-ли жить въ союзѣ сербы съ болгарами, болгары съ греками, румыны съ сербами, а чехи съ албанцами? Да еще — подъ опекой могущественной державы, которая по необходимости, для самого существованія союза, должна была-бы сразу и окончательно устранить самую

*) Собраніе соч. Р. А. Фадѣева. «Мнѣніе о восточн. вопросѣ».

перспективу всего того, въ чемъ каждый изъ этихъ народовъ видитъ свое законное наслѣдіе и полагаетъ свою національную будущность? Самостоятельность Черногоріи, Сербіи, Греціи, Румыніи оказалась вполнѣ возможной безъ союза подъ главенствомъ Россіи, и едва-ли намъ удалось-бы убѣдить грековъ, болгаръ, сербовъ и румынъ, что, отдавъ свои войска и крѣпости въ полное распоряженіе Россіи, они увеличили-бы свою самостоятельность.

Наши панслависты питали странныя иллюзіи относительно національныхъ стремленій нашихъ одноплеменниковъ. Совсѣмъ иной вопросъ—тотъ, что Константинополь и проливы «безмѣрно важны для насъ» и «самые положительные русскіе интересы заставляютъ желать», чтобы это мѣсто находилось въ полномъ распоряженіи Россіи. Это—допустимъ на минуту—интересъ нашъ. Но едва-ли нашъ интересъ можетъ заставлять желать этого—грековъ и болгаръ, ибо весьма вѣроятно, что какъ тѣ, такъ и другіе сами мечтаютъ о владѣніи Константинополемъ. Случится-ли намъ когда-нибудь вести войну съ Австріей и Германіей и размежевываться съ ними заново—это напрасно было-бы предрѣшать. Мы говоримъ только о русскомъ общественномъ сознаніи. И вотъ, вредъ ученія славянофиловъ представлялся тѣмъ, что они хотѣли привить русскому обществу *желаніе* колоссальной войны для осуществленія химерическаго прожекта. То общество, которое будетъ сознательно желать войны и станетъ устраивать свою собственную жизнь—въ виду стремленія къ великой войнѣ, то общество и получитъ войну. Для подготовленія себя къ такой войнѣ многія внутреннія потребности оставались-бы неудовлетворенными, а война, это — азартная игра, въ которой ставки требуются отъ обѣихъ сторонъ и въ которой рискуетъ каждая изъ нихъ. Мы не разбираемъ здѣсь вопроса о томъ, что нужно было-бы дѣлать, если-бы война была намъ навязана; мы говоримъ только о неестественности для Россіи такой жизни, которой душою и цѣлью была-бы огромная война. То, что намъ совѣтовалъ Фадѣевъ, вслѣдъ за славянофилами, сводилось къ слѣдующему: жить для предпріятія грандіозной и опасной для обѣихъ сторонъ войны, которой цѣлью было-бы опутать дальнѣйшую жизнь русскаго народа сѣтью славяно-румыно-греческихъ интересовъ и послѣ войны съ нѣмцами—подавлять еще попытки почему-либо недовольныхъ нами славянъ. Можетъ-ли быть заманчива подобная перспектива? Нужно-ли расширеніе его границъ или круга его власти для величайшаго пространствомъ и еще отстающаго въ культурномъ отношеніи государства? Гораздо убѣдительнѣе мечтаній Фадѣева и Аксакова тѣ нѣсколько строкъ г. Е. Маркова, написанныя по поводу завоеванія Мерва, которыя самъ покойный Аксаковъ приводилъ въ одной изъ цитированныхъ нами его статей. Вотъ эти строки: «шагъ за шагомъ, незамѣтно, какимъ-то роковымъ, будто невольнымъ образомъ, оттянуло насъ отъ себя самихъ, отъ своихъ собственныхъ интересовъ, отъ Европы и европейскаго... Куда-же, куда, наконецъ, еще двигаться намъ?.. Довольно,

пора остановиться, пора оглянуться на свои мозоли, на свои лоскутья и *начать жить* своей собственною, внутреннею жизнью, неустранимыми интересами крови и плоти своей; пора, наконецъ, намъ знать, гдѣ кончаются стѣны *нашего* дома и гдѣ начинается чужбина!» На это-то Аксаковъ и возражалъ статьей о томъ, что русское государство находится еще въ періодѣ «формаціи», должно еще пріобрѣсть «естественные свои предѣлы». Но развѣ бываютъ естественныя границы для завоеваній? Для обороны однѣхъ естественныхъ границъ является затѣмъ необходимость пріобрѣсть другія, еще болѣе естественныя, границы. А при такомъ, вѣчно завоевательномъ стремленіи, самъ-то народъ жилъ-бы неестественной жизнью, тратилъ-бы свои силы на преслѣдованіе неестественной и постоянно отодвигающейся отъ него цѣли. Русскій народъ долженъ жить и работать для самого себя, а не для опеки надъ болгарами, румынами и проч., и не для стремленія къ завоевательной химерѣ, которая могла-бы только мѣшать довѣрію къ намъ балканскихъ народовъ и естественному, свободному сближенію ихъ съ Россіею, не питающею завоевательныхъ плановъ. Послѣднее явствуетъ и изъ приведенныхъ выше заявленій членовъ болгарской депутаціи.

Не подлежитъ сомнѣнію и то, что чѣмъ дѣятельнѣе и успѣшнѣе мы поведемъ мирную работу надъ собственнымъ нашимъ развитіемъ, тѣмъ вѣрнѣе мы обезпечимъ за собой и свободныя симпатіи одноплеменныхъ съ нами народовъ. Въ числѣ нашихъ внутреннихъ вопросовъ есть и такой, который не можетъ не интересовать въ значительной степени славянъ заграничныхъ: это вопросъ объ удовлетворительномъ и окончательномъ устроеніи нашихъ отношеній къ инородцамъ въ предѣлахъ самой Россіи. Это понимали славянофилы и желали иныхъ отношеній къ полякамъ. Въ одномъ изъ своихъ объясненій къ мнѣнію о восточномъ вопросѣ Фадѣевъ говоритъ: «въ концѣ концовъ надобно еще повторить, хотя-бы въ десятый разъ, что существенная, хотя, по моему убѣжденію, вовсе не труднѣйшая часть задачи славянскаго вопроса, заключается въ полякахъ; безъ сочувственной Польши славянскій міръ не двинется и если-бы даже двинулся случайно, то не пойдетъ далеко *)». Фадѣевъ разумѣлъ при этомъ Польшу, входящую въ составъ русскаго государства и удовлетворенную равноправностью съ другими его частями и уваженіемъ къ ея языку и вообще національнымъ ея особенностямъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ газеты **) сообщили о весьма важномъ въ смыслѣ принципіальномъ заключеніи соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта по дѣлу о высылкѣ нѣкоего Келлера изъ Петербурга, съ воспрещеніемъ ему въ теченіе трехъ лѣтъ проживанія въ Петербургской губерніи. Дѣло началось въ 1889 году при бывшемъ петер-

---

*) Тамъ-же. «Приложеніе къ мн. о вост. вопросѣ», стр. 318.

**) Излагаемъ дѣло по «Одесскимъ Новостямъ», откуда оно перешло въ столичныя газеты.

бургскомъ градоначальникѣ, генералѣ Грессерѣ, которымъ было сдѣлано это распоряженіе на основаніи «положенія» 14 августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Между тѣмъ, то, въ чемъ мѣстное начальство обвиняло Келлера, не имѣло ничего общаго съ нарушеніемъ государственнаго порядка и о политической его неблагонадежности не было и рѣчи. Келлеръ, бывшій городовой, былъ исключенъ изъ службы по подозрѣнію въ кражѣ; сверхъ того, полиція, на основаніи произведеннаго дознанія, обвинила его въ присвоеніи обманомъ денегъ одной женщины—и вообще имѣла свѣдѣнія о немъ, какъ о человѣкѣ «сомнительной нравственности и неодобрительнаго поведенія». Сама та женщина, которой деньги, по свѣдѣніямъ полиціи, присвоилъ Келлеръ, подавала градоначальнику просьбу о прекращеніи этого дѣла, но просьба уважена не была въ виду послѣдовавшаго уже распоряженія о высылкѣ. На это распоряженіе Келлеръ подалъ жалобу въ сенатъ, гдѣ высказались два мнѣнія. Меньшинство сенаторовъ въ общемъ собраніи согласились съ мнѣніемъ оберъ-прокурора, что дѣло не подлежало сенату, такъ какъ въ упомянутомъ законѣ объ охраненіи государственнаго порядка отмѣна распоряженій генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ примѣняется названный законъ, предоставлена министерству внутреннихъ дѣлъ, а не сенату. Большинство-же сенаторовъ признали, что предоставленное административнымъ властямъ право высылки и воспрещенія пребыванія можетъ относиться только къ такимъ лицамъ, которые своими дѣйствіями угрожаютъ государственному порядку; что «это вытекаетъ изъ самой цѣли изданія «положенія» объ охранѣ, правила котораго не могутъ быть примѣняемы къ лицамъ, совершившимъ общія уголовныя преступленія, подлежащія преслѣдованію въ судебномъ порядкѣ», и что поэтому распоряженіе генерала Грессера должно быть отмѣнено. При докладѣ жалобы Келлера въ сенатѣ была приведена справка по сходному дѣлу торговца Руднева, жаловавшагося въ 1888 г. въ сенатъ на закрытіе московскимъ генералъ-губернаторомъ его чайной торговли, на основаніи того-же положенія объ охранѣ. По дѣлу Руднева сенатомъ было признано, что между подцѣлкою этикетовъ другой фирмы, а также прибавкой въ чай примѣсей, въ чемъ обвинялся Рудневъ,—и тѣми преступленіями, къ которымъ можетъ быть примѣняемъ законъ о государственной охранѣ, нѣтъ ничего общаго.

Дѣло Келлера, вслѣдствіе разногласія, проявившагося въ общемъ собраніи сената, перешло въ государственный совѣтъ. Соединенные департаменты и нашли, что такъ какъ «положеніемъ» не отмѣненъ общій порядокъ обжалованія сенату случаевъ превышенія генералъ-губернаторами ихъ законныхъ полномочій, то жалоба Келлера принесена сенату правильно. По существу-же настоящаго дѣла соединенные департаменты, признали, что въ «положеніи» объ охранѣ съ совершенной ясностью опредѣлена цѣль его изданія, а именно—водвореніе общаго спокойствія, и что въ мѣстно-

стяхъ, подчиненныхъ положенію объ усиленной охранѣ, власти могутъ пользоваться чрезвычайными полномочіями, въ томъ числѣ и правомъ воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ тѣхъ мѣстностяхъ—только въ видахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности. Вслѣдствіе того, департаменты признали распоряженіе о высылкѣ Келлера изъ Петербурга неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ.

Случаи неправильнаго, какъ то нынѣ признано, примѣненія мѣстными властями чрезвычайныхъ полномочій, предоставленныхъ имъ лишь съ опредѣленной цѣлью, были нерѣдки, вслѣдствіе нѣкоторой растяжимости самыхъ понятій объ охраненіи порядка и безопасности. Нѣкоторыя мѣстныя администраціи считали возможнымъ пользоваться тѣми-же полномочіями въ дѣлахъ всякаго рода, упуская изъ вида, что при примѣненіи ихъ къ дѣламъ, неимѣющимъ характера сколько-либо политическаго, въ мѣстностяхъ, состоящихъ подъ усиленной охраной, къ администраціи могли-бы перейти такимъ образомъ аттрибуціи власти судебной. Такъ были случаи примѣненія тѣхъ особыхъ полномочій къ дѣламъ совсѣмъ мелкимъ: къ неосторожной ѣздѣ извозчиковъ, къ неопрятному содержанію лавокъ, къ отсутствію дворниковъ при дежурствѣ на улицѣ въ ночное время, къ неисполненію любого распоряженія полиціи, хотя-бы даже и не основаннаго на законѣ. Положимъ, приставъ требуетъ отъ домовладѣльца или его управляющаго, чтобы въ назначенный срокъ была починена мостовая. Въ случаѣ неисполненія этого требованія, вполнѣ законнаго, но никакого отношенія къ государственному порядку неимѣющаго, если примѣнять положеніе объ охранѣ, то отъ мѣстнаго начальства вполнѣ зависѣло-бы взыскать штрафъ до 500 рублей, а даже и подвергнуть неисполнившихъ требованіе высылкѣ. Между тѣмъ, на основаніи общаго закона, вовсе не отмѣненнаго, какъ теперь выяснено, положеніемъ объ охранѣ, дѣло приведенное нами въ видѣ примѣра должно подлежать судебному разбирательству, а штрафъ за неисполненіе законныхъ требованій полиціи не можетъ превышать 10-ти рублей. Нынѣ состоявшееся разъясненіе закона объ охранѣ важно не только въ смыслѣ принципіальномъ, но и въ практическомъ примѣненіи ко многимъ повседневнымъ и мелкимъ дѣламъ. Бывали и такіе случаи, что за какой-нибудь проступокъ извозчика, дворника или торговца, полиція возбуждала дѣло о привлеченіи къ отвѣтственности—у мировыхъ судей, а затѣмъ, если рѣшеніе судьи оказывалось оправдательнымъ, то тогда налагалось взысканіе административное, неправильно основываемое именно на положеніи объ охранѣ. Но бывало и обратное, а именно, что мировой судья, къ которому поступило обвиненіе полиціею лица, уже подвергнутаго административному взысканію, въ виду этого взысканія, постановлялъ—отъ отвѣтственности по суду освободить. Являющееся нынѣ разъясненіе, что чрезвычайныя полномочія, данныя администраціи въ мѣстностяхъ, состоящихъ подъ усиленной охраной, могутъ быть примѣняемы

только къ случаямъ, касающимся государственнаго порядка, устранитъ такіе всегда неудобныя для обывателя коллизіи разныхъ властей.

Мы не знаемъ, насколько было вѣрно передававшееся газетами, около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, извѣстіе, что министерствомъ финансовъ былъ представленъ проектъ такъ называемой «девальваціи», то есть преобразованія нашего денежнаго обращенія съ расчетомъ за кредитный рубль по 67 коп. золотомъ. Во всякомъ случаѣ, преобразованіе это не осуществилось въ смыслѣ обязательнаго обмѣна нынѣшнихъ кредитныхъ рублей на какіе-либо иные билеты, размѣнные на золото. Кредитные билеты остались, но проведены были три мѣры, которыя, въ совокупности своей, многими считаются чѣмъ-то близкимъ къ девальваціи. Сперва были узаконены частныя сдѣлки на золото съ расчетомъ въ кредитныхъ рубляхъ по курсу, періодически назначаемому министерствомъ финансовъ, при чемъ, впредь до примѣненія, былъ установленъ именнокурсъ 67 коп. зол. за кредитный рубль. При этомъ было оговорено, что министерству финансовъ предоставляется разрѣшать пріемъ золотой монеты по курсу— въ платежъ акцизовъ.

Затѣмъ, послѣдовало открытіе въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ продажи и покупки золотой монеты по тому-же курсу, а именно: полуимперіаловъ новаго чекана по 7 р. 40 коп. кред., а прежняго чекана по 7 р, 62 коп. кред. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлено было, что банкъ всѣ слѣдующія отъ него платежи выдаетъ, по желанію получателей, золотою монетой по курсу. Эта мѣра фактически возстановила размѣнъ кредитныхъ билетовъ, но не по ихъ нарицательной цѣнѣ, а по курсу, Кромѣ того съ 17 іюля банкъ началъ выпускать изъ всѣхъ своихъ конторъ «депозитныя квитанціи» на вклады въ русской и иностранной золотой монетѣ, въ слиткахъ, въ банковыхъ билетахъ банковъ иностранныхъ, т. е. такихъ билетахъ, которые подлежатъ размѣну, въ заграничныхъ траттахъ, въ купонахъ отъ облигацій золотыхъ займовъ и въ ассигновкахъ горныхъ правленій на золото. Достоинство квитанцій опредѣлено отъ 1 полуимперіала до 100 имперіаловъ, т. е. отъ 7 р. 40 коп. кред. до 1480 р. кред. Эти новыя депозитки названы квитанціями и онѣ, дѣйствительно, представляютъ собой вклады въ золотой валютѣ, внесенные въ банкъ. Но квитанціи эти—не именныя, а выданныя на предъявителя и подлежащія обращенію, наравнѣ съ деньгами (золотыми). Такъ, онѣ принимаются наравнѣ съ золотомъ во всѣ тѣ платежи въ казну или въ банкъ, которые могутъ быть производимы золотой монетою. Значитъ, депозитныя квитанціи могутъ поступать и въ уплату акцизовъ. Затѣмъ, недостаетъ только разрѣшенія принимать ихъ, по курсу, въ уплату всѣхъ безъ исключенія государственныхъ сборовъ и тогда, депозитки сдѣлались-бы настоящими государственными банковыми билетами, размѣнными, такъ какъ установлено, что по нимъ «банкъ уплачиваетъ во всякое время нарицательную сумму тою-же монетой».

Банковые билеты (банкноты) при своемъ происхожденіи и не были ничѣмъ инымъ, какъ именно квитанціями банковъ въ полученныхъ ими вкладахъ въ золотой и серебряной монетѣ, которые и выдавались по предъявленіи квитанцій. Впослѣдствіи,, банковые билеты стали ходить какъ деньги, но подъ непремѣннымъ условіемъ своей размѣнности, то есть немедленной уплаты по нимъ металломъ, съ уничтоженіемъ банковаго билета при обратномъ поступленіи его въ банкъ, такъ какъ билетъ представляетъ собой въ этотъ моментъ погашенное обязательство банка. Таковы «хорошіе» банковые билеты и къ разряду ихъ принадлежатъ наши новыя депозитныя квитанціи. Но такіе банковые билеты, по которымъ нельзя получить золота, несмотря на напечатанное на нихъ правило о безотлагательномъ размѣнѣ, повсюду, гдѣ они временно курсировали, считались неудовлетворительными и вносили разстройство въ денежную систему.

У насъ въ настоящее время, можно сказать, существуютъ банковые билеты обѣихъ этихъ категорій: депозитные и кредитные, и понятно, что или первые должны современемъ совсѣмъ замѣнить вторые, или-же тѣ и другіе уступятъ мѣсто какой-нибудь новой размѣнной бумагѣ. Допущеніе сдѣлокъ на золото и пріемъ золота, по курсу, въ платежи исчисленные въ предѣльной валютѣ, имѣютъ цѣлью привлечь золото въ обращеніе. Выдача депозитныхъ квитанцій направлена къ поощренію вкладовъ въ банкъ изъ того золота, которое будетъ находиться въ обращеніи, благодаря разрѣшенію предъявлять его въ платежи по курсу.

Депозитные билеты были уже однажды у насъ введены, а именно при Канкринѣ передъ предпринятымъ имъ преобразованіемъ денежной системы, а именно въ 1840 году. Такъ какъ въ то время имѣлось въ виду установленіе монетной единицею—рубля серебрянаго, то въ депозитную кассу и принимались вклады серебромъ, съ выдачею на нихъ депозитныхъ билетовъ, подлежавшихъ немедленной оплатѣ серебромъ-же, при предъявленіи въ банкъ. Но впослѣдствіи, при объявленіи въ 1843 г. обязательнаго обмѣна ассигнацій на размѣнные кредитные билеты, по цѣнѣ 3 р. 50 коп. ассигн. за 1 р. сер., депозитные билеты были приравнены къ ассигнаціямъ и лица, внесшіе всего годъ или два передъ тѣмъ вклады серебромъ, получили въ обмѣнъ за депозитные билеты—билеты кредитные, которые были обезпечены запасомъ металла не рубль за рубль, какъ депозитные билеты (и какъ нынѣ депозитные квитанціи), а только запасомъ металла въ количествѣ одной шестой части всей суммы кредитныхъ билетовъ.

Въ числѣ финансовыхъ операцій за послѣднее время слѣдуетъ упомянуть о посредничествѣ нашего министерства финансовъ, въ силу указа 25 іюня, по выпуску китайскаго займа въ 400 милл. фр. Дѣло въ томъ, что посредничество при этомъ заключалось не въ одномъ соглашеніи нашихъ банковъ съ французскими по выпуску китайскаго займа, но еще въ гарантированіи платежей по этому займу нашимъ правительствомъ,

въ помѣщеніи части китайскаго займа на русскомъ рынкѣ и въ допущеніи облигацій этого займа къ пріему у насъ въ залоги по операціямъ съ казной и для обезпеченія акцизныхъ платежей. Это послѣднее право не принадлежитъ ни одному займу какого-либо иностраннаго государства и придаетъ китайскому займу значеніе займа русскаго, для платежей по которому предвидятся рессурсы изъ доходовъ морскихъ таможенъ Китая: только въ случаѣ ихъ непоступленія, платежи тѣ будутъ производиться банками изъ средствъ, которыя будутъ доставлены имъ изъ русской казны. Примѣчательно одно изъ условій, выговоренное съ нашей стороны: такъ какъ нынѣшній заемъ сдѣланъ при посредничествѣ Россіи и обезпеченъ доходами съ морскихъ таможенъ Китая, то китайское правительство обязалось «не приступать ни къ конверсіи, ни къ досрочному выкупу займа и до 15 января 1896 года не выпускать и не допускать выпуска никакихъ гарантированныхъ этимъ правительствомъ золотыхъ займовъ». Это условіе явно направлено къ устраненію возможности для Англіи реализовать для Китая другой заемъ, для конверсіи-ли, или выкупа нашего, или-же просто для удовлетворенія дальнѣйшей потребности Китая въ деньгахъ. Но такъ какъ сверхъ уплаты военнаго вознагражденія Японіи, Китаю, по всей вѣроятности, въ теченіе нынѣшняго-же года потребуются еще деньги, то приведенное условіе какъ-бы указываетъ на готовность съ нашей стороны реализовать для Китая еще новый заемъ подъ нашимъ ручательствомъ.

Какія-же выгоды для Россіи имѣются при этомъ въ виду? По словамъ нашихъ оффиціозныхъ «Торгово-Промышленной Газеты» и «Journal de St.-Pétersbourg»—только «нравственныя». Первый изъ этихъ органовъ говорилъ, что «китайскій заемъ имѣетъ несомнѣнное нравственное значеніе» и что Россія въ данномъ случаѣ «сознательно и безкорыстно выполняетъ свою историческую задачу». «Journal de St-Pétersbourg» объясняетъ посредничество Россіи и гарантированіе ею китайскаго займа—дружественными отношеніями, существующими между сосѣдними имперіями, самымъ починомъ Россіи въ устраненіи захвата Ляо-Тангскаго полуострова и желаніемъ способствовать скорѣйшему его очищенію японцами. Но другія газеты идутъ дальше. Онѣ не допускаютъ безкорыстной услуги Китаю, да и дѣйствительно необходимость ея представлялась-бы сомнительной. «Московскія Вѣдомости» просятъ за нее отъ Китая «соотвѣтствующей дружеской услуги, которая облегчила-бы намъ окончаніе постройки великаго сибирскаго пути». Менѣе дипломатично и еще болѣе рѣшительно, чѣмъ «Московскія Вѣдомости», выражается «Недѣля». Она прямо требуетъ отъ Китая уступки намъ «приморской части Манджуріи», которая будто-бы «настолько-же нужна для восточной Сибири, насколько было нужно финское побережье для Петровской Руси». Но, не говоря уже о многомъ другомъ, «Недѣля», повидимому, упускаетъ изъ вида тотъ фактъ, что восточная Сибирь имѣетъ уже портъ—Владивостокъ. Правда, онъ замерзаетъ, но вѣдь замерзаютъ и порты финскаго побережья.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

Автобіографія Гервинуса. Перев. Эд. Циммермана. Москва. 1895 г. Изд. Солдатенкова.

Вотъ книжка, отъ которой вѣетъ на насъ вѣчно-юною порой горячихъ порывовъ высокаго идеализма, человѣколюбивой сердечности, вѣры въ будущность, опирающейся на счастливое сліяніе научности съ художественностью. Хотя этой порѣ уже цѣлыхъ полвѣка, хотя это жизнь дѣдовъ нынѣшняго поколѣнія, прикосновеніе къ ней всетаки помолодитъ и освѣжитъ даже современную молодежь. Тогда работали безъ устали, сомнѣній и оглядки назадъ люди, у которыхъ соединялись «мужественная энергія, твердая самостоятельность и непоколебимость, неподкупная правдивость, строгое чувство справедливости и долга, доблестные помыслы, презиравшіе все низкое и подлое, и при всемъ томъ—нѣжное, человѣколюбивое чувство, рѣдкостная чистота и глубина ощущеній». Эти люди каждую минуту своей жизни «священнодѣйствовали». То были прирожденные служители ближняго, проповѣдники правды и справедливости. Если ихъ удѣломъ становилась каѳедра, они были «не только наставниками учащейся молодежи, но служили ей, сверхъ того, высокимъ образцомъ, какъ научныхъ стремленій, такъ и нравственнаго характера».

Такими словами обрисовалъ въ своей надгробной рѣчи философъ Целлеръ въ 1871 г. личность Гервинуса, какъ одного изъ представителей сороковыхъ годовъ. Такимъ является симпатичный нѣмецкій историкъ и въ своей «Автобіографіи», написанной за 10 лѣтъ передъ смертью, съ тою скромностью, съ тою простотой правдивой натуры, къ которымъ подходятъ слова автора: «моя біографія—не исповѣдь, не романъ, не поэзія; она ничто иное, какъ обыкновенная исторія». Въ этой книжкѣ собственно мало новаго по внѣшнимъ фактамъ и даже не досказано многое, всѣмъ извѣстное, важное. Но она драгоцѣнна, какъ чистое зеркало благородной души, которая раскрывается здѣсь и притомъ съ невѣданной сто-

роны. Называя себя личностью, которая «однимъ представляется въ видѣ ученаго педанта, другимъ—въ видѣ пылкаго, пристрастнаго къ новизнамъ реформатора», Гервинусъ замѣчаетъ, что этому человѣку, однако, «доступны были болѣе высокія блага, нежели книги: для него миръ былъ милѣе борьбы, у него былъ свой домашній очагъ, гдѣ онъ насмѣхался надъ бурями общественной жизни.

По словамъ Целлера, Гервинусъ, «благодаря своей музыкально-одаренной супругѣ, Викторіи, открылъ въ своемъ домѣ радушное убѣжище для искусства и кромѣ того, въ теченіе многихъ лѣтъ, съ самоотверженною преданностью стремился ознакомить нѣмецкій народъ съ произведеніями высокочтимаго имъ композитора» *).

Внутреннимъ успокоеніемъ, зарожденіемъ «радости, что опасенія его въ будущемъ окажутся напрасными», озарены были послѣдніе дни усталой души борца за свободу личности и за независимость нѣмецкихъ племенъ. Вдова издала «Записку прусскому королевскому дому о мирѣ» того неисправимаго профессора-идеалиста, который 32-хъ лѣтъ лишился каѳедры за протестъ противъ нарушенія конституціи; 48-ми лѣтъ былъ судимъ, какъ государственный преступникъ за свое «Введеніе въ исторію 19-го в.»; а свою старость провелъ въ тоскѣ уединенныхъ наблюденій надъ торжествомъ бисмаркизма и, выражаясь словами Целлера, подъ опалой того «громогласнаго, уповающаго на свою непогрѣшимость общественнаго мнѣнія», противъ котораго «онъ одинъ возставалъ», такъ какъ «многое, что совершалось, онъ не могъ примирить съ своимъ чувствомъ справедливости».

«Автобіографія» читается, какъ умный психологическій романъ: здѣсь, съ художественною безъискусственностью сливается личное развитіе одного изъ вождей мысли съ ходомъ культуры его эпохи. Только человѣкъ, писавшій именно тогда извѣстную «исторію 19-го вѣка», могъ такъ просто, кратко и отчетливо изобразить, на частномъ примѣрѣ, зарожденіе человѣка опредѣленной культуры съ самыми широкими теоретическими горизонтами. Передъ нами примѣръ самаго глубокаго воздѣйствія на чуткую натуру талантливаго писателя лучшихъ сторонъ романтизма, науки и политики или вообще практическихъ требованій жизни. Ясно и то, какая именно наука впереди другихъ могла создать того «нравственно-добраго человѣка, которому суждено молодѣть духомъ» до старости. То было «античное образованіе», создавшее возрожденіе, полтысячи лѣтъ тому назадъ, да исторія, тѣсно связанная тогда съ классической филологіей. У Гервинуса подробно и художественно очерченъ Шлоссеръ, этотъ «суковатый дубъ», къ которому онъ съ товарищами «прицѣпились, словно

---

*) Гервинусъ видѣлъ духовное сродство съ Шекспиромъ въ Генделѣ, которому посвящено его послѣднее крупное изслѣдованіе — „Händel und Shakespeare. Zur Aesthetik der Zukunft“, Leipzig, 1868. А вдова издала его переводъ текстовъ къ ораторіямъ Генделя.

плющъ», эту «неуклюжую и коренастую сократовскую натуру въ образѣ Силена».

Мы обязаны появленіемъ весьма поучительной книжки Гервинуса неутомимости московскаго ревнителя просвѣщенія К. Т. Солдатенкова и такого опытнаго, добросовѣстнаго переводчика, какъ Эдуардъ Циммерманъ. Они невиноваты въ неполнотѣ перевода тамъ, гдѣ дѣло касалось, по поводу «18-го столѣтія» Шлоссера, характеристики прелестей реставраціи. Зато они снабдили свое изданіе, при всей его дешевизнѣ, тремя приложеніями («Гудрунъ» въ переводѣ Гервинуса, его же «Принципы исторіографіи» и дополненіе его автобіографіи), 4 хорошими портретами и указателемъ собственныхъ именъ.

«Ежегодникъ Императорскихъ театровъ». Сезонъ 1893—94 гг.

Четыре года назадъ дирекція Императорскихъ театровъ предприняла интересное періодическое изданіе «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ». По выраженію его редакціи, это былъ «первый, въ своемъ родѣ, опытъ иллюстрированнаго отчета дѣятельности Императорскихъ театровъ за сезонъ 1890—91 гг.». «Читатель,—говорилось далѣе въ редакціонномъ заявленіи,—не найдетъ въ «Ежегодникѣ» критики, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ объективному характеру нашего чисто справочнаго изданія. Издатели сочтутъ свою задачу выполненной, если любители театра найдутъ въ помѣщенныхъ здѣсь свѣдѣніяхъ и рисункахъ матеріалъ для возстановленія, хотя отчасти, общей картины сезона 1890—91 гг., а будущій театральный историкъ—достаточное количество фактическихъ данныхъ, достовѣрность и точность которыхъ обезпечена ихъ заимствованіемъ изъ офиціальнаго источника». И въ первый годъ своего существованія, въ своемъ «первомъ опытѣ», «Ежегодникъ», дѣйствительно, оставался лишь чисто справочнымъ изданіемъ, дающимъ и современнику, и будущему историку театра исключительно фактическій матеріалъ. Но изданіе, очевидно, попало въ хорошія редакціонныя руки, которыя были слишкомъ стѣснены опредѣленными въ первоначальномъ заявленіи рамками, и изъ сезона въ сезонъ, съ каждымъ новымъ выпускомъ «Ежегодника», его редакторъ А. Е. Молчановъ старается расширить программу изданія. Уже въ четвертый годъ своего существованія «Ежегодникъ» оказывается не только «иллюстрированнымъ отчетомъ дѣятельности Императорскихъ театровъ за истекшій сезонъ», но и журналомъ, дающимъ цѣлый рядъ статей по исторіи и литературѣ театра.

Если въ дальнѣйшемъ существованіи «Ежегодника» его редакція съ теперешней энергіей, способностями и любовью къ дѣлу будетъ заботиться объ улучшеніи изданія, то, несомнѣнно, мы пріобрѣтемъ очень цѣнный историко-литературный журналъ въ области театра, т. е. именно въ той области, гдѣ до сихъ поръ всяческія попытки періодическаго изданія кончались полнѣйшей неудачей.

За первые годы своего существованія «Ежегодникъ» выходилъ по одной книгѣ, изъ года въ годъ, впрочемъ, значительно расширявшейся;

послѣдній выпускъ «Ежегодника», за сезонъ 1893—94 гг., уже состоитъ изъ четырехъ книгъ: большого тома «иллюстрированнаго отчета» и трехъ книгъ приложеній. Въ будущемъ, кажется, предполагается увеличить число книгъ и, быть можетъ, редакціи удастся превратить это интересное и безусловно полезное изданіе въ ежемѣсячное.

Редакція совершенно основательно заявляла, при началѣ изданія, что въ немъ «будущій историкъ найдетъ достаточное количество фактическихъ данныхъ» для сужденія о положеніи нашихъ казенныхъ театровъ въ отчетный періодъ. Въ послѣднихъ выпускахъ «Ежегодника» мы имѣемъ отчетъ о дѣятельности Императорскихъ театровъ за сезонъ 1893—94 гг. Это первый сезонъ управленія нашей образцовой драматической сценой г. Крылова. И «будущій историкъ» изъ «Ежегодника» непремѣнно и достовѣрно узнаетъ, что съ 1893 года казенный драматическій театръ не только поступилъ въ вѣдѣніе г. Крылова, но и вовсе былъ преобразованъ въ театръ г. Крылова. Тщательно просмотрѣвъ репертуаръ Александринскаго театра, мы пришли къ неожиданному и, конечно, поражающему выводу, что изъ всей міровой драматической литературы наибольшаго, преимущественнаго вниманія завѣдующихъ судьбами нашей образцовой сцены заслуживаютъ тѣ произведенія, при которыхъ значится имя г. Крылова. Вотъ любопытная, краснорѣчивая справка изъ «Ежегодника»: въ сезонъ 1893—94 гг. на Александринской сценѣ были поставлены: одна пьеса Шекспира, имѣвшая три представленія, 1 пьеса Мольера (3 представленія), 1—Лопе-де-Вего (1 представленіе), 1—Грибоѣдова (3 представленія), 1—Гоголя (5 представленій), 1—Писемскаго (1 представленіе). Въ сложности шесть пьесъ шести драматурговъ, обладающихъ міровой извѣстностью или считающихся русскими классиками, имѣли шестнадцать представленій. Параллельно съ этимъ, въ сезонъ 1893—94 гг. было поставлено на Александринской сценѣ, поступившей подъ управленіе драматурга г. Крылова, *восемнадцать пьесъ*, сочиненныхъ, передѣланныхъ и приспособленныхъ драматургомъ г. Крыловымъ и занявшихъ *сто десять представленій*.

Выводъ настолько краснорѣчивый, что «будущій историкъ», несомнѣнно, оцѣнитъ и объяснитъ его въ особомъ изслѣдованіи.

На основаніи фактическаго матеріала, доставляемаго «Ежегодникомъ», можно сдѣлать немало и другихъ аналогичныхъ выводовъ о положеніи театральнаго дѣла въ столицахъ; но это не входитъ въ нашу задачу—дать отзывъ о достоинствахъ и недостаткахъ періодическаго изданія дирекціи Императорскихъ театровъ. Безъ сомнѣнія, достоинства «Ежегодника» значительно преобладаютъ надъ недостатками, но все-же они имѣются и на главнѣйшіе изъ нихъ мы и укажемъ.

Съ внѣшней стороны, въ отношеніяхъ типографскомъ и иллюстраціонномъ, «Ежегодникъ»—очень хорошее изданіе, которое немыслимо для частныхъ средствъ; даже при огромномъ числѣ подписчиковъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, расходы по изданію не могли-бы окупиться.

Иллюстраціи постановки большинства пьесъ сдѣланы удачно и даютъ довольно близкое представленіе о достоинствахъ постановки. За то выборъ пьесъ для иллюстрацій дѣлается не всегда удачно; мы не знаемъ отъ кого онъ зависитъ, этотъ выборъ, только въ немъ сказывается явное тяготѣніе къ нѣкоторымъ драматургамъ, рѣшительно не стоющимъ исключительнаго вниманія. Такимъ «предпочтительнымъ» драматургомъ оказывается, напримѣръ, г. Гнѣдичъ. Маленькая, совершенно ничтожная его пьеса непремѣнно вызываетъ «иллюстрацію»; а для его грубо-лубочной комедіи, передѣланной изъ его-же плохой повѣсти «Венеціанскій истуканъ», понадобилась двойная серія иллюстрацій по той единственной причинѣ, что эта балаганная пьеска одновременно шла на петербургской Александринской и московской Малой сценахъ...

Въ общемъ «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ» будущему историку театра дастъ, несомнѣнно, хорошій матеріалъ для опредѣленія положенія нашихъ образцовыхъ сценъ въ извѣстный періодъ; но почему-то въ изданіи дирекціи систематически умалчивается о денежной сторонѣ казенныхъ театральныхъ предпріятій; только за послѣдніе два сезона сообщены цифры сборовъ; но намъ кажется, что и современникамъ, и будущимъ историкамъ было-бы интересно и небезполезно знать вообще весь финансовый отчетъ по «вѣдомству искусствъ»; вѣдь, это не тайна; это не можетъ и не должно быть тайной. Очень любопытно, напримѣръ, было-бы знать, въ какую цѣну обходится дирекціи постановка пьесъ г. Гнѣдича, о которыхъ считается нужнымъ для исторіи и потомства сохранить двойную серію иллюстрацій. Точно тàкъ же интересно знать, особенно для будущаго историка, размѣры театральныхъ гонораровъ, которые получали пѣвцы, актеры и театральные чиновники. Вообще, въ цифрахъ, въ денежныхъ отчетахъ очень часто можно найти яркую характеристику сущности и подробностей всего предпріятія.

Теперь мы перейдемъ къ историко-литературному матеріалу, который въ послѣдній годъ изданія «Ежегодника» выдѣленъ редакціей въ три книжки приложеній.

Крупнѣйшей, по объему, является статья Г. А. Лароша—«П. И. Чайковскій, какъ драматическій композиторъ». Свою основную тему г. Ларошъ, по обыкновенію, чуть-ли не на каждой строкѣ прерываетъ то личными воспоминаніями о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, то выстрѣлами, направленными противъ «вагнеризма», «сѣровизма», «молодой русской школы» и т. п. Статья написана съ обычнымъ для г. Лароша блескомъ и талантомъ, но главнѣйшій ея недостатокъ заключается въ томъ, что читатель за массой блестящихъ подробностей и эффектныхъ уклоненій въ сторону, такъ свойственныхъ автору, не можетъ вполнѣ овладѣть основной сущностью, т. е. онъ, въ концѣ концовъ, не имѣетъ опредѣленной, строго выдержанной и пришедшей къ заключительнымъ выводамъ характеристики Чайковскаго, какъ драматическаго композитора. Въ статьѣ этой будущій историкъ театра не найдетъ для себя никакого ма-

теріала, такъ какъ прежде всего и послѣ всего онъ найдетъ только «критику» и притомъ—крайне «субъективную».

Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи пользованія историческимъ матеріаломъ, совсѣмъ «объективная», составленная по документамъ статья г. Иванова—«Первое десятилѣтіе постояннаго итальянскаго театра въ Петербургѣ въ XIX вѣкѣ»—можетъ представить для историка, несомнѣнно, большую цѣну.

Одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ занимаютъ статьи и замѣтки, посвященныя памяти Грибоѣдова, «по поводу столѣтія со дня его рожденія». Къ сожалѣнію, крупныя, претендующія на литературное значеніе вещи, написанныя «по поводу», оказываются гораздо неудачнѣе фактическихъ замѣтокъ, имѣющихъ лишь справочно-историческій характеръ. Замѣтки эти—«Перечень представленій комедіи А. С. Грибоѣдова «Горе отъ ума» на сценахъ Императорскихъ театровъ» и «Исполнители комедіи «Горе отъ ума»—представляютъ несомнѣнный историческій интересъ и всегда окажутся нужными для справокъ. Грибоѣдову же посвящена статья г. Боцяновскаго; но статья эта менѣе всего заслуживала помѣщенія въ историко-литературномъ изданіи. Это—ученическое «сочиненіе», представляющее малоопытную, малодаровитую компиляцію. Здѣсь подобраны, безъ всякой критической оцѣнки, мнѣнія и отзывы о Грибоѣдовѣ и его комедіи Гончарова, Писарева, гг. Суворина, Ивана Иванова и т. д. Не говоря уже объ оригинальности, о широкомъ обобщающемъ взглядѣ, которые необходимы во всякомъ новомъ изслѣдованіи о Грибоѣдовѣ, авторъ въ своей статейкѣ далеко не исчерпалъ даже того фактическаго матеріала, какой можно встрѣтить въ любой біографіи творца «Горе отъ ума».

Наиболѣе выдающейся статьей въ книжкахъ приложеній слѣдуетъ признать составленную Д. К—вымъ (покойнымъ Коровяковымъ)—«Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, русскій трагическій актеръ». Это наиболѣе полная и наиболѣе яркая характеристика «геніальнаго самородка» изъ существующихъ въ литературѣ по исторіи театра. Несомнѣнную цѣну и интересъ представляютъ тоже статьи: «Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ», г. Тупикова, «Литературные спектакли», г. Вейнберга, «Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ» и др.

Б. Библіографія.

I. ЛИТЕРАТУРА. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

М. И. Драгомировъ. **Разборъ романа «Война и Миръ».** Кіевъ. Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина. 1895 г. Цѣна 50 к.

Произведеніе генерала Драгомирова, разборъ «Войны и Мира», какъ сказано въ предисловіи, печаталось очень давно и въ спеціальномъ журналѣ, такъ что мало кому извѣстно и является теперь, въ отдѣльномъ изданіи, до нѣкоторой степени новинкой. Эта новинка, несмотря на свой 25-лѣтній возрастъ не лишена интереса,—и немудрено: разбирается одно изъ самыхъ крупныхъ произведеній современной литературы и разбираетъ его несомнѣнный авто-

ритетъ по военному дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ талантливый писатель и превосходный стилистъ. Одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ упрековъ, какіе дѣлались Л. Н. Толстому, это упрекъ въ томъ, что онъ, писатель-художникъ, берется не за свое дѣло, становясь писателемъ-философомъ Этотъ упрекъ дѣлаетъ автору «Войны и Мира» между прочимъ и генералъ Драгомировъ. Передъ Толстымъ, художникомъ, онъ безусловно преклоняется и не находитъ достаточно словъ, чтобы выразить свое восхищеніе. Но за то, когда Толстой осмѣливается вставить разсужденіе о войнѣ, о качествахъ, необходимыхъ для полководца или даже вскользь, мимоходомъ, не совсѣмъ почтительно отозваться о знаменахъ, назвавъ ихъ кусками матеріи на палкахъ;—тогда генералъ Драгомировъ даетъ сигналъ къ атакѣ и безпощадно истребляетъ дерзновеннаго писателя. Толстой находитъ, что для полководца необходимо «отсутствіе самыхъ высшихъ и лучшихъ человѣческихъ качествъ—любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія». Генералъ Драгомировъ строитъ довольно искусную параллель, стараясь доказать, что Толстой сказалъ глупость и что требовать отъ полководца этихъ ненужныхъ ему качествъ такъ-же странно, какъ порицать танцовщицу за то, что она не умѣетъ пѣть, музыканта за то, что не умѣетъ рисовать и т. п. Генералъ Драгомировъ забываетъ только то, что, помимо качествъ спеціальныхъ, существуютъ качества обязательныя для каждаго человѣка, безъ которыхъ онъ мало чѣмъ отличается отъ животнаго. И вотъ эти-то качества, безъ которыхъ немыслима общественная жизнь, являются ненужными и даже вредными для полководцевъ. Заступившись за полководцевъ, генералъ Драгомировъ считаетъ необходимымъ заступиться и за войну вообще. Толстой считаетъ войну явленіемъ противнымъ человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ. Генералъ Драгомировъ находитъ, «что война есть дѣло, противное не всей человѣческой природѣ, а только одной сторонѣ этой природы,—именно человѣческому инстинкту самосохраненія».Такимъобразомъ, всѣ альтруистическія чувства—состраданіе, любовь къ людямъ и т. п.—все это сводится къ инстинкту самосохраненія. Но мы не будемъ спорить съ г. Драгомировымъ, а приведемъ еще одинъ характерный отрывокъ изъ его книжки, гдѣ онъ говоритъ о «палкахъ съ кусками матеріи», т. е. о знаменахъ. «Гр. Толстому, пишетъ г. Драгомировъ, не мѣшало-бы помнить, что именно въ сраженіи подъ Бородинымъ французамъ не удалось взять ни одного изъ *этихъ* кусковъ матеріи на палкахъ; не мѣшало-бы не забывать и того, что на концѣ этихъ палокъ утвержденъ символъ еще болѣе высокаго единенія,—символъ, который, какъ ему извѣстно, имѣетъ далеко не одно формальное значеніе для русскаго человѣка; не мѣшало-бы не забывать того, наконецъ, что до Петровской реформы, на этихъ кускахъ матеріи рисовались образа, что давало знаменамъ то дѣйствительное значеніе военной и религіозной святыни, которое онѣ имѣли у народа, лучше всѣхъ понимавшаго эти вещи,—у народа римскаго». Почтенный стратегъ забываетъ, что у римлянъ былъ богъ войны Ма[illegible] и римлянину-воину естественно было пр[illegible]зывать на помощь этого бога, отправляясь напр. противъ германцевъ; какъ естественно было и германцу обращаться съ такой-же молитвой къ Тору. Но когда христіанскіе народы, собираясь рѣзать другъ друга, обращаются къ одному и тому-же Богу, Богу любви и милосердія и просятъ Его помочь имъ въ ихъ истребительныхъ замыслахъ, — такое зрѣлище можетъ вызвать только глубокое негодованіе у всякаго порядочнаго человѣка, не потерявшаго способности относиться критически къ наблюдаемымъ явленіямъ. Отдавая должную дань генералу Драгомирову, какъ талантливому военному писателю, мы все-таки не можемъ не замѣтить, что со стороны этической разсужденія г. Драгомирова не отличаются ни особеннымъ блескомъ, ни доказательностью.

Ж. Пелисье. **Французская литература XIX вѣка.** Перев. подъ ред. Н. Мировичъ. Москва. 1895. Изд. Н. К. Прянишникова.

Появленіе критическихъ очерковъ Пелисье въ русскомъ переводѣ показываетъ, какихъ широкихъ размѣровъ достигаетъ у насъ переводная литература за послѣднее время. Переводчики не ограничиваются областью беллетристики, а включаютъ въ свою програму публицистовъ и критиковъ, не только первоклассныхъ, но и второстепенныхъ, имѣющихъ столь-же преходящее значеніе, какъ авторы безчисленныхъ романовъ, безслѣдно исчезающихъ послѣ короткой извѣстности. Пелисье занимаетъ скромное мѣсто на своей родинѣ. Это скорѣе добросовѣстный историкъ литературы, чѣмъ критикъ, вносящій въ анализъ литературныхъ произведеній извѣстные эстетическіе и философскіе принципы. Онъ обладаетъ обширными знаніями въ области французской литературы классической и до-классической поры, и великое, въ его глазахъ, прошлое французской литературы даетъ ему критерій для сужденія о текущихъ явленіяхъ. Во всѣхъ критическихъ статьяхъ Пелисье, разбросанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и собираемыхъ имъ отъ времени до времени въ отдѣльныя книжки, чувствуется прежде всего профессоръ. Литература и искусство не разсматриваются имъ, какъ нѣчто живое, столь-же подверженное смѣнѣ настроеній и идеаловъ, какъ сама жизнь, а какъ приложеніе на практикѣ извѣстныхъ теоретическихъ началъ. Онъ судитъ о писателяхъ и ихъ произве-

деніяхъ, руководясь не своимъ эстетическимъ вкусомъ, а образцами прошлаго и теоретическими разсужденіями о духѣ французскаго языка.

Изъ переведенныхъ въ русскомъ изданіи очерковъ большинство имѣетъ характеръ случайныхъ отзывовъ о нѣсколькихъ книгахъ. Такъ въ небольшой статьѣ о «Деньгахъ» Зола нѣтъ ничего выдѣляющаго Пелисье изъ общаго хора критиковъ романиста. Онъ отмѣчаетъ матеріализмъ Зола, особенно ярко выступающій въ этомъ романѣ, гдѣ деньгамъ приписывается созидательная роль и поется своего рода диѳирамбъ устами единственной симпатичной героини разсказа, m-me Кароляинъ. Особенности манеры Зола, отмѣчаемыя Пелисье, симметричность въ противопоставленіи отдѣльныхъ жизненныхъ типовъ, замѣна живаго наблюденія нагроможденіемъ «petits papiers» и вытекающая отсюда научная педантичность—все это слишкомъ часто выставлялось на видъ критикой, чтобы придать самостоятельное значеніе статьѣ Пелисье. Такъ-же поверхностно написанъ очеркъ о Марселѣ Прево. Марсель Прево, какъ извѣстно, выступилъ противникомъ натурализма и сталъ проповѣдывать возвратъ къ романтизму. Но страннымъ образомъ этотъ гонитель цинизма Зола и его школы обязанъ своимъ успѣхомъ именно тому преувеличенно откровенному тону, съ которымъ онъ говоритъ о подробностяхъ парижскихъ нравовъ и о странныхъ типахъ, которые онъ наблюдаетъ среди французскихъ женщинъ. Послѣднія книжки Прево, его сборники «Lettres des femmes», «Demi—vierges» опредѣлили вполнѣ литературную физіономію ихъ автора, болѣе близкаго къ веселымъ хроникерамъ изъ «Gil Blas», чѣмъ къ серьезнымъ романистамъ, преслѣдующимъ литературныя цѣли.

Самыми интересными очерками въ книгѣ Пелисье являются первый и послѣдній: «Шекспировская драма во Франціи» и «Пессимизмъ въ современной французской литературѣ». Первый изъ нихъ излагаетъ очень характерную подробность въ исторіи французской литературы — судьбу шекспировской драмы во Франціи. Въ статьѣ «О современномъ пессимизмѣ» Пелисье разсматриваетъ его источники, приписываетъ большое значеніе нѣмецкому вліянію и причисляетъ къ пессимистамъ всѣхъ современныхъ поэтовъ, оканчивая ихъ перечень почему-то на Сюлли Прюдомѣ и Коппэ. Если-бы онъ занялся разборомъ поэзіи послѣ Парнасьеновъ и Коппэ, пѣвца угнетенныхъ и обездоленныхъ, то, быть можетъ, нашелъ-бы, нѣчто болѣе сложное, чѣмъ сплошной пессимизмъ.

Ч. Диккенсъ. Полное собраніе сочиненій, т. 8. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г.

Въ послѣднее время переводныя библіотеки буквально наводнили нашъ книжный рынокъ, не говоря уже о многочисленныхъ приложеніяхъ переводныхъ романовъ къ разнымъ иллюстрированнымъ и обыкновеннымъ изданіямъ. Не слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ явленіи признакъ ослабленія нашего собственнаго творчества?

Первенство среди всѣхъ этихъ изданій несомнѣнно принадлежитъ книгамъ г. Павленкова. Просматривая лежащій передъ нами томъ, мы убѣдились, что переводъ сдѣланъ не только хорошо, но и мастерски. Выборъ автора, достоинство перевода, въ связи съ крайне доступной цѣной книги, — полтора рубля за 800 большихъ страницъ, въ два столбца компактнымъ шрифтомъ, — вполнѣ ручаются за большой и заслуженный успѣхъ изданія.

Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. *Жоржъ Зандъ*. № 42. **Говорящій дубъ. Красный молотокъ.** Съ 9 рисунками, портретомъ и біографіей автора. Цѣна 18 к. № 43. **Розовое облако.** Съ 5 рисунками. Цѣна 12 к. № 44. **Великанъ Іеусъ.** Съ 6 рисунками. Цѣна 15 к. № 45. **Крылья мужества.** Съ 9 рисунками. Цѣна 25 к. Переводы Б. Д. Порозовской. Спб. 1895 г.

Сказки Жоржъ Зандъ представляютъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе подходящій матеріалъ для чтенія дѣтей самыхъ различныхъ возрастовъ. Какъ про Гомера говорили, что онъ даетъ и юношѣ, и мужу, и старцу столько, сколько каждый можетъ взять, такъ точно и Жоржъ Зандъ (да не покажется дерзкимъ такое сравненіе) можетъ позабавить маленькихъ дѣтей интересной фабулой фантастической сказки и заронить въ душу подростка и даже юноши возвышенныя и благородныя идеи. Для русскихъ читателей особенно дороги такія сказки Жоржъ Зандъ, въ которыхъ, какъ напр. «Розовое облако» и въ особенности Великанъ Іеусъ, описывается борьба твердой воли съ тѣми препятствіями, которыя ставитъ судьба. Русскій человѣкъ особенно страдаетъ недостаткомъ смѣлости и настойчивости и ему-то особенно полезно съ ранней молодости запасаться этими качествами. А ни однѣ сказки не возбуждаютъ такъ энергію, какъ поэтическія и полныя любви къ природѣ сказки Жоржъ Зандъ.

Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. Изданіе М. М. Ледерле и К°. № 12. **Ричардъ Кобденъ.** П. *Г. Мижуева*. Спб. 1894. Ц. 20 к. Стр. 66. № 13. **Авраамъ Линкольнъ.** *А. П. Валуевой*. Спб. 1894. Ц. 20 к Стр. 77. № 14. **Святая Елисавета Тюрингенская**. *Л. Ф. Черскаго*. Спб. 1895. Ц. 10 к. Стр. 27.

Указываемъ на эти три новые нумера серіи біографическихъ разсказовъ, издаваемыхъ г. Ледерле и К°, о которыхъ мы уже не разъ говорили, какъ о книжкахъ полезныхъ, вполнѣ воспитательныхъ и желательныхъ въ любой дѣтской и школьной библіотекѣ. Пожелаемъ, чтобы эта серія росла

какъ можно скорѣй: именно такія книги дѣтямъ и нужны. Безъ всякой сентиментальности онѣ назидательны тѣми высокими примѣрами, которые выведены въ каждой изъ нихъ.

Знаки препинанія въ русскомъ письменномъ языкѣ. Составилъ *А. Гусевъ.* Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Москва. 1894. Ц. 50 к. Стр. 159.

Для такого, казалось-бы, маленькаго вопроса это трудъ очень большой, и если внимательно ознакомиться съ нимъ, то нельзя не признать за нимъ выдающихся достоинствъ, ставящихъ его выше всѣхъ существующихъ у насъ руководствъ по знакамъ препинанія. Г-нъ Гусевъ удачно соединилъ въ своей книгѣ научную теорію, поставленную на серьезной почвѣ, съ учебникомъ, такъ что книгою его съ одинаковымъ успѣхомъ могутъ пользоваться какъ учитель, такъ и ученики: книга и научна и практична въ то-же время. Учителю особенно пригодятся первыя главы, гдѣ авторъ разобралъ логическій составъ рѣчи. Учебниковъ логики у насъ вообще такъ мало и такъ они неудачны, что каждая попытка дополнить и освѣжить этотъ пробѣлъ (особенно, если они такъ удачны, какъ у г Гусева), должна быть встрѣчена сочувственно. Кромѣ того, большимъ достоинствомъ книжки этой слѣдуетъ считать богатство литературныхъ примѣровъ, прекрасно подобранныхъ изъ нашихъ образцовыхъ писателей. Тутъ каждая запятая, каждая кавычка узаконена кѣмъ-либо изъ крупныхъ авторовъ, являющихся для учениковъ внушительнымъ примѣромъ. Словомъ — книга серьезная, которой нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Веселая азбука. Слова и музыка А. *Богаевской.* Цѣна 2 руб. — **Любимыя сказки.** Слова и музыка А. *Богаевской* Ц. 1 р.—**Мамины пѣсенки.** Соч. А. *Богаевской.* **Amusons-nous,** par *A. de Bogaïewsky.* Спб. 1895.

Четыре тетрадки, предназначенныя для балованныхъ, по выраженію автора, дѣтокъ, — для тѣхъ дѣтокъ, первоначальное обученіе которыхъ должно быть имъ забавою, потому что и сами они, эти милыя дѣтки, предназначены для жизни беззаботной и необременительной: припѣвая и приплясывая, заучатъ они азбуку, незамѣтно научатся читать и писать, чтобы и потомъ при помощи гувернеровъ и репетиторовъ, беззаботно достигнуть наилучшихъ дипломовъ, въ припрыжку занять, между забавъ, спорта и флирта, приличное положеніе, да такъ и вѣкъ скоротать, не утруждая себя работою. Съ задачами настоящаго воспитанія такія увеселительныя книжки (текстъ ихъ, кстати сказать, безтолковъ и нелѣпъ, но это, очевидно, неважно,—было-бы полегче, поскорѣе) не имѣютъ ничего общаго.

Сказка Дѣда-Всевѣда. Собралъ по различнымъ источникамъ *Николай Гарвей.* Съ 12 хромолитографіями и 40 политипажами въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1894. Цѣна 5 р.

Это—одно изъ роскошнѣйшихъ изданій, когда-либо выпущенныхъ г. Девріеномъ. Книгою этою онъ блеснулъ еще разъ въ своемъ добросовѣстномъ и симпатичномъ издательствѣ. Ее будутъ покупать, какъ одинъ изъ самыхъ заманчивыхъ подарковъ для дѣтокъ младшаго возраста. Тутъ они найдутъ 50 сказокъ разныхъ народностей, богато иллюстрированныхъ, такъ что, навѣрно, будутъ съ большимъ удовольствіемъ разглядывать эти прелестныя картинки въ краскахъ и въ гравюрахъ. Г-нъ Гарвей, составившій эту книгу, очевидно, поработалъ и порылся, чтобы освѣжить подборъ сказокъ, порядочно-таки устарѣлый и заѣзженный въ многочисленныхъ сборникахъ, имѣющихся у насъ въ продажѣ. Кромѣ того, надо отмѣтить, что г. Гарвей искусно владѣетъ рѣчью и пересказалъ иностранныя сказки прекраснымъ языкомъ. Такой книги мы уже давно не встрѣчали среди дѣтскихъ книгъ, а потому и рекомендуемъ ее усердно родителямъ и воспитателямъ, заботящимся о цѣлесообразномъ выборѣ чтенія для своихъ маленькихъ питомцевъ.

Пѣсни горя-злосчастья. Стихотворенія *И. Сурикова.* Москва. 1895. Стр. 70.

Недавно мы высказались въ томъ смыслѣ, что Суриковъ отнюдь не дѣтскій писатель. Эта книжка издана такъ, что, по внѣшнему виду, ее можно принять за дѣтскую, но мы совершенно противъ такихъ книжекъ для дѣтей. Подъ мрачнымъ заглавіемъ ютится мрачный подборъ стиховъ, гдѣ только и слышно, что про болѣзнь, горе, злоключеніе и пр. и пр. Пусть это все талантливо, какъ талантливо вообще все у Сурикова — но пусть все-таки дѣтямъ до поры до времени книжка эта не попадаетъ въ руки: своею надорванною болѣзненностью она можетъ надолго смутить чистую и жизнерадостную дѣтскую душу.

С. Ѳ. Шрекникъ **Иванъ Ѳедоровъ, піонеръ просвѣщенія Великой Руси.** Историч. повѣсть о началѣ книгопечатанія въ Россіи, Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р. Спб. 1895.

Эта повѣсть написана, такъ сказать, на случай: „Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла» должна была возбудить нѣкоторое вниманіе читающей публики къ первому русскому типографщику. Авторъ внимательно и добросовѣстно ознакомился съ изображаемой имъ исторической эпохой, и разсказываетъ интересно и довольно живо. Напрасно только авторъ придалъ своему произведенію беллетристическую форму: слишкомъ очевидно, что это не въ его средствахъ,—краснорѣчивые и неестественные разговоры только портятъ его книжку.

II. МЕДИЦИНА И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Д-ръ *Я. А. Боткинъ.* **Вліяніе цивилизаціи на происхожденіе психическихъ болѣзней.** Москва. 1895.

Вопреки общераспространенному мнѣнію, по которому современной цивилизаціи приписывается увеличеніе числа душевно больныхъ, авторъ доказываетъ, что душевныя болѣзни были значительно распространены и въ древности и, особенно, въ средніе вѣка. Мысль автора не покажется странной никому, кто глубже вникнетъ въ затронутый имъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, задача цивилизаціи заключается въ болѣе справедливомъ распредѣленіи жизненныхъ благъ между всѣми слоями населенія и, стало быть, въ установленіи болѣе спокойныхъ условій жизни вообще для всей массы. Мы не будемъ, конечно, утверждать, что эта задача цивилизаціи, дѣйствительно, вполнѣ достигнута въ настоящее время и даже позволимъ себѣ выставить автору упрекъ въ чрезмѣрномъ увлеченіи успѣхами современной цивилизаціи, но въ общемъ постепенное улучшеніе общественныхъ условій не можетъ подлежать сомнѣнію.

Ошибка тѣхъ, кто обвиняетъ цивилизацію въ увеличеніи числа душевно больныхъ, основывается главнымъ образомъ на томъ, что за послѣднее время массы стали болѣе доступны отравляющему дѣйствію алкоголя, который въ прежнее время, благодаря своей дороговизнѣ, могъ отравлять только богатый классъ общества. Но д-ръ Боткинъ справедливо указываетъ на то, что цивилизація замѣтила уже въ алкоголѣ своего лютаго врага и рано или поздно, но непремѣнно побѣдитъ и его, какъ побѣждала всѣхъ другихъ.

Въ концѣ статьи авторъ напоминаетъ, что объ увеличеніи числа душевно больныхъ въ новѣйшее время заключаютъ только по переполненію больницъ, по увеличенію числа домовъ для умалишенныхъ. «Больницъ стало больше, пишетъ онъ, это фактъ и вина цивилизаціи, если только можно назвать виной охраненіе общаго блага, гуманность и милосердіе къ слабымъ и несчастнымъ».

По поводу борьбы со слѣпотою въ Россіи. Д-ра мед. *О. К. Вальтера.* Спб 1895.

Какъ извѣстно, за послѣднее время попечительство о слѣпыхъ отправляло въ разныя мѣстности Россіи летучіе отряды врачей для лѣченія глазныхъ болѣзней. На посылку этихъ отрядовъ попечительство смотрѣло, какъ на чисто временную мѣру, и мѣра эта встрѣтила энергическіе протесты въ медицинской печати, главнымъ образомъ потому, что летучіе отряды спеціалистовъ способны подорвать довѣріе народа къ мѣстному врачебному персоналу. Теперь г. Вальтеръ предлагаетъ слѣдующій проектъ для борьбы со слѣпотой въ Россіи. Въ каждой губерніи попечительство устраиваетъ по двѣ глазныхъ лѣчебницы, которыми завѣдуютъ опытные губернскіе окулисты.

Безспорно, такая постоянная организація медицинской помощи принесла-бы болѣе пользы, чѣмъ летучіе отряды, но для этого попечительству о слѣпыхъ пришлось-бы расширить свою дѣятельность въ десять разъ. Откуда-же взять средства на такую организацію?

Д-ръ Вальтеръ указываетъ нѣсколько источниковъ, но мы не можемъ не признать ихъ довольно странными. Исходя изъ той мысли, что добровольныхъ пожертвованій поступаетъ слишкомъ мало, авторъ проектируетъ всевозможные штрафы въ пользу попечительства за несоблюденіе гигіеническихъ мѣръ съ фабрикъ, со школъ (?) и т. п.; самому же строгому взысканію должны, по его мнѣнію, подвергаться родители, своевременно не лѣчившіе своихъ дѣтей, больныхъ глазами.

Д-ръ Вальтеръ даже считаетъ возможнымъ высказать общую мысль, что „энергическія взысканія лучше, чѣмъ популярныя сочиненія и публичныя лекціи убѣдятъ (?) необразованный классъ народа въ пользѣ своевременнаго лѣченія“ (стр. 19). Мы вынуждены горячо оспаривать эту мысль, осуществленіе которой могло-бы породить крайне обидныя для врачей толкованія, а нерѣдко и привести къ далеко небезопаснымъ для нихъ послѣдствіямъ, какъ это случалось, напримѣръ, при насильственномъ помѣщеніи больныхъ въ холерные бараки

Между тѣмъ г. Вальтеръ предлагаетъ тоже самое: «сельскимъ общинамъ вмѣняется въ обязанность, пишетъ онъ, немедленно (?) доставлять неимущихъ больныхъ на счетъ общины въ окружной госпиталь» (15). Гдѣ есть обязательство со штрафами за неисполненіе ихъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи о довѣріи населенія къ врачамъ, и мѣры, рекомендуемыя авторомъ, повели-бы только къ крайне нежелательному и опасному скрыванію больныхъ.

Впрочемъ, нѣкоторая склонность г. Вальтера къ принужденію сквозитъ во всемъ его проектѣ и проявляется также и по отношенію къ врачамъ. „Окружной окулистъ и младшіе врачи состоятъ постоянными членами отдѣленія, при чемъ членскій взносъ высчитывается (безъ ихъ согласія?) изъ ихъ жалованья“ (15); окружному окулисту «слѣдовало-бы *воспретить* (курсивъ нашъ) всякую другую практику, кромѣ глазной» (16) и т. п. Къ чему понадобились всѣ эти стѣсненія, мы рѣшительно не понимаемъ.

Д-ръ *Р. А. Павловская.* **О необходимости санаторій для недостаточныхъ чахоточныхъ.** Спб. 1895 г. 25 стр. (Отдѣльный оттискъ доклада въ Общ. русск. врачей. 26 янв. 1895 г., изъ «Больн. Газ. Боткина»).

А. Маркъ **О народныхъ санаторіяхъ для слабогрудыхъ. Къ вопросу о борьбѣ съ бугорчаткой.** Изд. Имп. Кавказскаго Мед. Общества. Тифлисъ 1895. (Докладъ, чит. 9 апр. 1895). 44 стр. Ц. 20 к.

Чахотка существовала во всѣ времена. Она распространена на всемъ земномъ шарѣ—во всѣхъ странахъ и во всѣхъ климатахъ. Въ больницахъ большихъ городовъ Европы чахоточнымъ оказывается каждый *шестнадцатый* больной (около 6%). Въ нашихъ войскахъ ежегодно выбываетъ изъ строя и отправляется на родину 3% нижнихъ чиновъ, заболѣвающихъ чахоткою. Чахотка распространяется путемъ зараженія. Заразное начало находится въ мокротѣ больныхъ, попадающей въ легкія здоровыхъ людей въ высохшемъ и распыленномъ видѣ. Наслѣдственность чахотки начинаютъ считать сомнительною. Чахотка развивается на почвѣ дурныхъ условій жизни, главнымъ образомъ при отсутствіи чистаго воздуха. Чахотка *излѣчима*, но не медикаментами. Обстановка городскихъ больницъ почти неизбѣжно заключаетъ въ себѣ тѣ же самыя условія, на почвѣ которыхъ развивается болѣзнь; въ большинствѣ случаевъ помѣщеніе въ больницу лишь ухудшаетъ положеніе больного, подвергая, между тѣмъ, опасности окружающихъ. Перемѣна климата (поѣздка на югъ) сама по себѣ также не приноситъ существенной пользы. Для дѣйствительнаго излѣченія необходимо помѣстить больного въ благопріятныя условія жизни и, главное, на чистомъ воздухѣ. Всѣ эти условія осуществляются въ устройствѣ загородныхъ лечебницъ или, правильнѣе, пансіоновъ—*санаторій*. Санаторіи начали устраивать въ послѣдніе годы, но ихъ уже немало за границей и одна «Халила» въ Россіи. Во всѣхъ нихъ получаются самые отрадные результаты (въ «Халила» изъ 100 больныхъ 30 *выздоравливаютъ вполнѣ* и (еще) 40 получаютъ вновь утраченную способность къ труду).

Вотъ въ сжатомъ, грубомъ видѣ главнѣйшіе общеинтересные выводы обоихъ докладовъ, не считая самаго главнаго — настоятельной необходимости санаторій. Г-жѣ Павловской принадлежитъ та заслуга, что она первая обстоятельно ознакомила русскую медицинскую публику съ состояніемъ заграничныхъ санаторій и возбудила вопросъ о повсемѣстномъ устройствѣ ихъ у насъ, въ Россіи. Ея небольшая брошюра заключаетъ въ себѣ много фактовъ, изложена общепонятно и прочтется съ интересомъ и не-спеціалистами. Болѣе поздній докладъ г. Марка, несмотря на также небольшой объемъ, представляетъ собою довольно полную научную работу. Особенно цѣнны статистическія данныя о распространеніи чахотки на Кавказѣ, добытыя авторомъ на мѣстѣ и частью изъ собственныхъ клиническихъ наблюденій. Весьма обстоятельно обработана имъ также и статистика распространенія чахотки и борьбы съ нею въ разныхъ странахъ и, въ частности, статистика санаторій, по массѣ литературныхъ источниковъ.

Вопросъ о борьбѣ съ чахоткою—одинъ изъ самыхъ насущныхъ общественныхъ вопросовъ, а устройство санаторій представляетъ собою пока единственное удовлетворительное и, судя по началу, блестящее его разрѣшеніе. Поэтому брошюры г. Павловской и г. Марка, изображающія собою пока всю русскую литературу этого предмета, заслуживаютъ полнаго вниманія и самаго широкаго распространенія. Желательно, конечно, имѣть болѣе обширный трудъ о санаторіяхъ, основанный на личномъ изученіи этого дѣла на мѣстахъ, трудъ, который могъ бы служить въ рукахъ компетентнаго лица практическимъ руководствомъ къ ихъ устройству. Но, при отсутствіи такого труда, и эти двѣ брошюры окажутъ большую услугу дѣлу устройства санаторій у насъ въ Россіи

А дѣло это можетъ имѣть блестящую будущность Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе больного въ лучшихъ заграничныхъ санаторіяхъ (Фалькенштейнъ) обходится всего въ 272 марки въ день, т е менье 35 р. въ мѣсяцъ—сумма, доступная самому небогатому интеллигенту, тѣмъ болѣе, что даже краткое, трехнедѣльное пребываніе въ санаторіи иногда уже улучшаетъ положеніе больного существенно и надолго. Что касается больныхъ податныхъ сословій, которые теперь содержатся въ общихъ больницахъ, то перемѣщеніе ихъ, въ томъ-же числѣ, въ санаторіи совсѣмъ не потребуетъ или потребуетъ очень небольшихъ добавочныхъ расходовъ. Другое дѣло — первоначальное устройство санаторій: оно можетъ сильно замедлиться за недостаткомъ общественныхъ средствъ. Здѣсь должна придти на помощь частная благотворительность. Въ Россіи ежегодно жертвуются многія сотни тысячъ съ благотворительными и религіозными цѣлями. Едва-ли найдется дѣло болѣе плодотворное и христіанское, чѣмъ борьба съ чахоткою. Поэтому всякій, кто обратитъ на дѣло устройства санаторій вниманіе лицъ, имѣющихъ возможность помочь ему, сдѣлаетъ прекрасное, по истинѣ доброе дѣло.

А пока у насъ нѣтъ санаторій, будетъ весьма нелишнимъ, если сами больные ознакомятся съ ихъ обстановкою съ тѣмъ, чтобы, по возможности, осуществить ее лично для себя. Въ этихъ видахъ можемъ рекомендовать имъ, кромѣ брошюръ г-жи Павловской и г. Марка, книжечку студента Евг. Тр—на «Восемь мѣсяцевъ въ Императорской санаторіи Халила». Спб. 1894 г.

Каѳедра и музей нормальной анатоміи при Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академіи въ С.-Петербур-

гѣ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ *А. Таренецкаго*, ординарнаго профессора при И. В.-М. А. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4-мя планами. 343 стр. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Императорская военно-медицинская академія занимаетъ почетное мѣсто среди русскихъ ученыхъ учрежденій по количеству и значенію сдѣланныхъ въ ея лабораторіяхъ научныхъ работъ. Не меньше и ея значеніе, какъ воспитательнаго учрежденія; изъ среды ея студентовъ вышло много славныхъ именъ и еще большее число скромныхъ, но незабвенныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ частности, славу и гордость составляетъ кафедра анатоміи и нераздѣльный съ нею анатомическій музей. Имена Пирогова, Грубера пользуются всемірною извѣстностью; съ ними соединены лучшія воспоминанія юности многихъ изъ современныхъ знаменитостей. Почтенный и по объему и по серьезности трудъ профессора Таренецкаго найдетъ, поэтому, много благодарныхъ читателей и останется серьезнымъ вкладомъ въ исторію русской науки и просвѣщенія. О его научныхъ достоинствахъ трудно судить, такъ какъ авторъ болѣе чѣмъ кто-нибудь является спеціалистомъ своего предмета. Во всякомъ случаѣ, сама книга не даетъ никакого повода къ сомнѣнію какъ въ означенныхъ достоинствахъ, такъ и въ безпристрастіи автора, хотя онъ не скрываетъ своихъ симпатій къ вполнѣ опредѣленной партіи и самъ пишетъ, по необходимости, исторію своихъ ученыхъ заслугъ. Книга изложена живо, и прочтется съ интересомъ не одними бывшими студентами академіи. Изданіе прекрасное; ему соотвѣтствуетъ, впрочемъ, и довольно высокая цѣна.

Отчетъ С.-Петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію за 1894 г. Спб. 1895.

Это — отчетъ за первый годъ существованія общества, основаннаго съ весьма симпатичною цѣлью содѣйствовать физическому развитію дѣтей школьнаго возраста. Понятно, что общество еще не успѣло вполнѣ развить свою дѣятельность, но и первые шаги его достойны уваженія и сочувствія. Къ сожалѣнію, общество безсильно въ борьбѣ съ главнѣйшею причиною дѣтской хилости, съ бѣдностью родителей, обрекающей дѣтей на жизнь въ антигигіенической обстановкѣ. Общество простираетъ свою заботливость о дѣтяхъ до того, что пріобрѣтаетъ на свой счетъ коньки для дѣтей недостаточныхъ родителей; но легко представить себѣ, съ какимъ чувствомъ эти родители должны смотрѣть на благотворительные коньки, которые ихъ блѣдный мальчикъ привязываетъ къ худенькимъ сапожишкамъ.

Д-ръ *Вильямъ Гиршъ* (Нью-Іоркъ). **Геніальность и вырожденіе.** Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. Изд. д-ра Н. Лейненберга. Одесса. 1895 г. 213 стр. Ц. 1 р.

Ученый авторъ выступаетъ со своимъ довольно объемистымъ трудомъ на защиту геніальныхъ людей и всего современнаго поколѣнія, обвиняемыхъ Ломброзо и Нордау въ разстройствѣ умственныхъ способностей, истеричности и вырожденіи. Онъ — американскій психіатръ, пользующійся, однако, почти исключительно нѣмецкими источниками. Свою аргументацію д-ръ Гиршъ основываетъ на строгомъ опредѣленіи психологическаго и психіатрическаго значенія понятій: помѣшательство, геніальность и вырожденіе. Разъясненію этихъ понятій онъ, главнымъ образомъ, и посвящаетъ свой трудъ. Его благое намѣреніе, однако, часто терпитъ крушеніе, такъ какъ для него оказывается невозможнымъ, выражаясь его же словами, ни провести рѣзкую границу между умственнымъ здоровьемъ и умственною болѣзнью, ни связать опредѣленное психологическое понятіе со словомъ «геніальность». Къ такимъ же отрицательнымъ выводамъ онъ приходитъ и при дальнѣйшихъ попыткахъ установить какія либо общія положенія въ области фактовъ, касающихся избранной имъ темы. Переходя къ психологическому анализу частныхъ примѣровъ, почтенный психіатръ, вмѣсто того, чтобы умѣло воспользоваться слабыми сторонами своихъ противниковъ, многократно самъ отдаетъ себя въ ихъ руки, объявляя душевно больными многихъ знаменитыхъ мыслителей и художниковъ. Въ общемъ, д-ръ Гиршъ оказывается все-таки безсильнымъ въ борьбѣ съ блестящей, хотя и парадоксальной аргументаціей опровергаемыхъ имъ авторовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ превосходитъ его и эрудиціей.

Врачъ въ домѣ. Популярная медицинская библіотека Н. Лейненберга. № 4. **Половыя болѣзни.** Соч. д-ра *В. Шредера*. Пер. съ нѣм. Одесса. 1895 г. 39 стр. Ц. 30 к.

Въ Германіи изученіе и лѣченіе венерическихъ болѣзней поставлено крайне неудовлетворительно. По признанію автора брошюры, въ Берлинѣ «только одна больница имѣетъ спеціальное отдѣленіе для сифилитиковъ, тогда какъ всѣ остальныя больницы либо вовсе не принимаютъ венерическихъ больныхъ, либо принимаютъ ихъ лишь въ ограниченномъ количествѣ»,—а въ провинціальныхъ городахъ «больницы фактически отказываются принимать сифилитическихъ больныхъ (стр. 39)». Почему русскій издатель (врачъ) выбралъ для перевода нѣмецкую брошюру—это можно объяснить только незнаніемъ другихъ языковъ (заключеніе, подтверждаемое спискомъ его изданій).

Считаемъ особенно нужнымъ предупредить читателей противъ этой бездарной книжки въ виду одобрительныхъ отзывовъ

печати о другомъ изданіи того-же д-ра Лейненберга «Половая гигіена».

Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мнѣнія 45 выдающихся ученыхъ о вліяніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Переводъ съ нѣм. Одесса. 1895. Ц. 20 к.

Вслѣдъ за небольшимъ предисловіемъ, приведены мнѣнія 45 лицъ по данному вопросу. Большая часть этихъ «выдающихся ученыхъ»—врачи, но въ ихъ число попало и нѣсколько постороннихъ медицинѣ лицъ, напр. даже фельдмаршалъ Мольтке. Большинство „авторитетовъ" заявляетъ о безусловномъ вредѣ спиртныхъ напитковъ для дѣтей, но есть и менѣе крайніе голоса, высказывающіеся за «умѣренное употребленіе алкоголя во всѣхъ возрастахъ» или допускающіе примѣненіе вина „въ особо торжественныхъ случаяхъ".

Словомъ, попадаются мнѣнія съ самыми разнообразными оттѣнками, такъ что читатели могутъ оправдывать то или другое свое отношеніе къ спиртнымъ напиткамъ ссылками на мнѣнія различныхъ „выдающихся ученыхъ". Такова обычная судьба брошюръ, составители коихъ желаютъ подкрѣпить свое мнѣніе слишкомъ большимъ числомъ «авторитетовъ»: общее впечатлѣніе отъ этого, очевидно, не усиливается, а ослабляется.

Д-ръ Карлъ Вернеръ. **Массажъ, его техника, примѣненіе и дѣйствіе.** Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1895. Изданіе Петрова. Ц. 75 к.

Сочиненіе Вернера даетъ довольно обстоятельное понятіе о физіологичическомъ и лѣчебномъ значеніи массажа. Изложеніе общедоступно, но авторъ основательно предупреждаетъ читателей, что недостаточно прочесть книжку о массажѣ, чтобы съ успѣхомъ пользовать имъ больныхъ. Въ особой главѣ авторъ задается вопросомъ: „всякій-ли можетъ массировать?" и отвѣчаетъ, что было-бы лучше, если-бы массажъ, какъ и остальные лѣчебные пріемы, употреблялись только врачами; такъ какъ, однако, это невыполнимо, и громадный спросъ на массажистовъ вызвалъ предложеніе подобныхъ услугъ со стороны лицъ, надлежащимъ образомъ къ этому дѣлу неподготовленныхъ, то д-ръ Вернеръ и считаетъ нужнымъ предупредить читателей, чтобы они были весьма осторожны къ такимъ массажистамъ, и чтобы лѣченіе массажемъ велось, по крайней мѣрѣ, подъ контролемъ врача.

III. Этнографія и общественныя науки.

А. Пеликанъ. **Прогрессирующая Японія.** Спб. 1895 г.

Авторъ поставилъ себѣ довольно широкую задачу. Онъ не только знакомитъ насъ, въ рядѣ содержательныхъ и бойкихъ очерковъ, съ исторіей страны за послѣднія сорокъ лѣтъ, съ правами и семейнымъ бытомъ японцевъ, но подробно останавливается на реформаторской дѣятельности новой Японіи, подвергая ее безпощадной критикѣ. По мнѣнію г. Пеликана, японцы усвоили себѣ только внѣшнія формы европейской культуры, «оставаясь совершенно равнодушными къ идеямъ, одухотворяющимъ эти формы». Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что одинъ матеріальный прогрессъ безъ соотвѣтствующаго духовнаго развитія не много значитъ, въ особенности, если этотъ прогрессъ ведетъ къ обнищанію народа, къ усиленію налоговъ и къ милитаризму. Послѣдняя наступательная война Японіи и безчеловѣчное обращеніе побѣдителей съ плѣнными китайцами какъ будто доказываютъ справедливость рѣзкой критики г. Пеликана. Мы только не можемъ согласиться съ авторомъ, утверждающимъ, что истинная культура невозможна въ Японіи до тѣхъ поръ, пока она останется подъ властью буддизма и не сдѣлается христіанской страной. Культура процвѣтала въ древней Элладѣ и въ Римѣ, а буддизмъ по своимъ нравственнымъ основамъ стоитъ несравненно выше языческихъ религій древняго міра. Признаетъ-же г. Пеликанъ, что до знакомства съ европейцами японцы были образцовымъ народомъ въ смыслѣ честности, простоты нравовъ и экономическаго равенства. Сверхъ того, слѣдуетъ помнить—намъ, русскимъ, въ особенности,—что по первымъ шагамъ народа на пути культуры судить о его будущемъ рисковано и не всегда возможно.

Книга г. Пеликана изящно издана и снабжена множествомъ хорошо выполненныхъ иллюстрацій.

Ф. Волгинъ. **Въ странѣ черныхъ христіанъ.** Очерки Абиссиніи. Полезная библіотека. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1895 г.

Насколько г. Пеликанъ отвращается отъ «страны восходящаго солнца» за непринятіе ею до сихъ поръ христіанства, настолько г. Волгинъ питаетъ горячія симпатіи къ «странѣ горячаго солнца», — «этой странѣ древняго православія, геройски отстаивавшей свою самостоятельность и неприкосновенность вѣры, несмотря на всѣ натиски мусульманъ». Правда, г. Волгинъ съ сокрушеніемъ отмѣчаетъ нѣкоторыя досадныя отступленія абиссинцевъ отъ истиннаго православія. Такъ, они признаютъ въ Христѣ одно естество, соблюдаютъ почему-то обрядъ обрѣзанія; священники у нихъ во время службы пляшутъ, какъ дервиши, и у нихъ, сверхъ того, распространено многоженство. Но въ общемъ они православные, и авторъ имъ сочувствуетъ.

Книга содержитъ краткія историческія и бытовыя свѣдѣнія и довольно подробно разсказываетъ объ экспедиціяхъ въ Абиссинію русскихъ миссіонеровъ и путешественниковъ. Къ тексту приложены рисунки.

Русскій странникъ.—Евгеній Львовъ. **По студеному морю.** Поѣздка на сѣверъ. Москва. 1895 г.

Г. Львовъ, желая посѣтить наши сѣверныя окраины, попросилъ министра финансовъ, отправлявшагося туда въ прошломъ году, принять его въ число членовъ экспедиціи. С. Ю. Витте отвѣтилъ, что «корреспондентъ, какъ таковой, ему лично не только не нуженъ, но и стѣснилъ-бы его въ его занятіяхъ и дѣятельности» и предложилъ г. Львову присоединиться къ экспедиціи, въ качествѣ простого туриста. Но, по самому ходу вещей, г. Львову пришлось посвятить большую часть своего дневника поѣздкѣ министра, встрѣчамъ со стороны купечества, рѣчамъ и т. д. Но все это г. Львовъ дѣлаетъ въ качествѣ простого туриста а не „корреспондента, какъ таковаго“. Въ чемъ тутъ разница, мы право не знаемъ.

При всемъ томъ или, можетъ быть, благодаря всему этому, книга г. Львова весьма содержательна, изобилуя множествомъ наблюденій и дѣловыхъ замѣчаній. Объ изученіи внутренной жизни края въ 23 дня, конечно, не могло быть рѣчи. Проведеніе въ настоящее время желѣзной дороги на сѣверъ придаетъ книгѣ особый интересъ. Рисунки съ натуры исполнены художниками К. А. Коровинымъ и В. А. Сѣровымъ.

А. П. Липранди (А. Волынецъ). **Зачатки раскатоличенія западнаго славянства.** Спб. 1895 г.

Г. Липранди не только радуется факту присоединенія къ православію нѣкоторыхъ чеховъ на Волыни и въ Таврической губ., но считаетъ это хорошимъ поводомъ, чтобы сказать нѣсколько непріязненныхъ словъ по адресу папства и Рима. *«Папство и Римъ не могутъ быть истинными друзьями славянству»*. Г. Липранди бьетъ по этому поводу въ набатъ. Онъ не только любитель славянской самобытности, но и ревнитель; это—Ромео и Отелло славянской идеи. Намъ-же кажется, что насколько любовь—чувство прекрасное, настолько ревность пагубна. Терпимость и свобода нигдѣ такъ не умѣстны, какъ въ вопросахъ національныхъ и религіозныхъ. Утвержденіе, что католичество враждебно славянству, по меньшей мѣрѣ не свидѣтельствуетъ о политической мудрости, если эти слова произносятся русскимъ и въ предѣлахъ Россіи, считающей въ своемъ составѣ цѣлую народность, несомнѣнно славянскую и несомнѣнно преданную католичеству.

Какъ праздновалъ и празднуетъ русскій народъ Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе и Масляницу. Историческій очеркъ *Н. Н. Божерянова*. Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб. 1894. Цѣна 50 к. Стр. 123.

Самое заглавіе этой книжки уже въ значительной степени оправдываетъ ея содержаніе. При просмотрѣ ея оказывается, что составитель вполнѣ оправдалъ ея заглавіе. Онъ пользовался авторитетными историческими источниками (Карамзинъ, Снегиревъ и др.) и далъ весьма содержательный и интересный очеркъ, который дѣтямъ, уже нѣсколько знакомымъ со своей родной исторіей, можетъ послужить полезной иллюстраціей къ сухому учебному курсу ея. Можно было-бы г. Божерянову болѣе широко воспользоваться произведеніями народнаго творчества при описаніи старинныхъ обрядовъ, сопровождавшихъ собою празднованіе встрѣчи весны и зимней коляды, что мы и совѣтуемъ ему сдѣлать въ слѣдующемъ изданіи, котораго книжкѣ его, дай Богъ, дождаться поскорѣй.

А. И. Свирскій. **По тюрьмамъ и вертепамъ.** Очерки. Изданіе Д. А. Александрова. Москва. 1895 г. Цѣна 1 р

Въ рукахъ г. Свирскаго былъ, очевидно, обширный матеріалъ, которымъ онъ и воспользовался, описывая нравы и жизнь обитателей трущобъ Ростова-на-Дону. Авторъ сообщаетъ много свѣдѣній о правилахъ и обычаяхъ, которымъ добровольно подчиняются эти «отверженные» и, очевидно, хорошо знакомъ съ жаргономъ, на которомъ изъясняются эти люди. Къ сожалѣнію. авторъ отнесся къ своему труду недостаточно серьезно. Онъ захотѣлъ придать своимъ очеркамъ интересъ бульварныхъ романовъ и наполнилъ ихъ описаніями самыхъ раздирательныхъ происшествій. Кромѣ этого, авторъ очень часто забываетъ, кого онъ описываетъ, и его герои тогда начинаютъ говорить въ стилѣ французскихъ маркизовъ. Все это вмѣстѣ, въ связи съ обѣщаніемъ автора дать вскорѣ описаніе московскихъ, харьковскихъ, одесскихъ и другихъ трущобъ, подрываетъ довѣріе къ очеркамъ г. Свирскаго.

Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ, 2) Давидъ Рикардо, 3) Мальтусъ, 4) Милль.

„Библіотека экономистовъ“ является весьма полезнымъ изданіемъ и задумана по образцу выходящей въ Парижѣ отдѣльными выпусками „Petite bibliothèque économique française et étrangère“. Въ настоящее время вышли уже 4 томика „Библіотеки экономистовъ“. Судя по этимъ первымъ четыремъ выпускамъ, можно думать, что изданіе будетъ съ успѣхомъ доведено до конца. Редакторы „Библіотеки экономистовъ“ гг. Щепкинъ и Вернеръ рѣшили дать возможность среднему читателю ознакомиться со всѣми выдающимися экономистами, такъ что за вышедшими 4 томиками вскорѣ послѣдуютъ и другіе. Въ каждомъ томикѣ читатели найдутъ біографію и выдержки изъ лучшихъ сочиненій даннаго экономиста или даже его цѣльное сочиненіе съ пропусками всего менѣе существеннаго или интереснаго только для однихъ спеціалистовъ.

Е. Энштейнъ **Бумажныя деньги въ Италіи, Австріи и въ Сѣверо-Аме-**

рикансхихъ Соединенныхъ Штатахъ. М. 1895 г.

Брошюра г. Энштейна представляетъ собою перепечатку статей, помѣщенныхъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" за 1886, 1888 и 1890 гг. Перепечатаны статьи безъ всякихъ измѣненій и, слѣдовательно, для даннаго времени онѣ являются устарѣвшими. Это сознаетъ и г. Энштейнъ, но старается оправдать выпускъ своихъ устарѣвшихъ статей безъ всякихъ измѣненій. „Главная причина, побудившая насъ издать наши очерки безъ добавленія матеріала, накопившагося со времени ихъ появленія въ „Юрид. Вѣстн.", заключается въ томъ, что у насъ, въ Россіи, повидимому, настагъ моментъ, когда вопросъ о бумажныхъ деньгахъ вступитъ, наконецъ, на практическую почву. Разъ нашъ талантливый и энергичный министръ финансовъ С. Ю. Витте сдѣлалъ первый шагъ къ этому пути введеніемъ сдѣлокъ на металлическую валюту, то ему, полагаемъ, удастся довести дѣло до единственнаго желательнаго конца, т. е. до возстановленія свободнаго обмѣна на металлы". Логики тутъ очень мало. Между наличностью тѣхъ или иныхъ талантовъ у того или иного министра и выпускомъ отдѣльнымъ изданіемъ устарѣвшихъ статей особой связи не замѣчается. Въ приведенныхъ словахъ заключается и ясное доказательство того, что г. Энштейнъ имѣетъ весьма слабое представленіе объ условіяхъ замѣны бумажно-денежнаго обращенія металлическимъ.

Джонъ Леббокъ. **Какъ надо жить.** Переводъ съ англ. Д Короичевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 80 к. Спб. 1895.

Джонъ Леббокъ. **Идеалы жизни** Переводъ М. Ловцовой. Изданіе В. И. Губинскаго. Ц. 75 к. Спб. 1895.

Книга извѣстнаго англійскаго естествоиспытателя и антрополога Джона Леббока „The use of life" была почти одновременно переведена и пущена на книжный рынокъ тремя издателями: отдѣльными книгами, подъ вышеприведенными заглавіями и въ журналѣ „Міръ Божій", подъ заглавіемъ „какъ пользоваться жизнью", въ нѣсколько сокращенномъ и урѣзанномъ видѣ. Книга Леббока отвѣчаетъ пробуждающемуся за послѣднее время въ русскомъ обществѣ спросу на произведенія популярно-философскаго и этическаго характера. Но людямъ съ сильными и смѣлыми запросами ума книга эта не даетъ удовлетворенія. Въ ней нѣтъ строго-продуманной системы, не чувствуется цѣльнаго философскаго міросозерцанія. Авторъ—дилектикъ и оптимистъ, съ свѣтлымъ практическимъ умомъ, съ добродушнымъ отношеніемъ къ людямъ, съ умѣреннымъ и до нѣкоторой степени прозаическимъ взглядомъ на роль и обязанности человѣка въ жизни, хотя и не безъ чутья къ истинной поэзіи и не безъ склонности къ возвышеннымъ религіознымъ настроеніямъ. Книга «The use of life» произошла, повидимому, изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ мелкихъ замѣтокъ, наблюденій и размышленій автора, возникавшихъ при чтеніи разныхъ авторовъ. Цитаты изъ мыслителей, моралистовъ и поэтовъ всѣхъ странъ и эпохъ украшаютъ буквально каждую страницу, а по временамъ сплетаются въ какой-то сплошной мозаичный узоръ. Между ними попадаются изрѣченія, чарующія своей мѣткостью и свѣжестью, но есть выписки и изъ авторовъ незначительныхъ Въ мысляхъ самого автора бросится въ глаза такое-же чередованіе оригинальныхъ и тонкихъ замѣчаній и удручительныхъ трюизмовъ. Въ общемъ книга нѣсколько утомительна своей пестротой и безсвязностью, но по прочтеніи ея въ умѣ остается нѣсколько новыхъ, умныхъ и свѣтлыхъ сентенцій, отчасти принадлежащихъ самому Леббоку, отчасти почерпнутыхъ имъ въ мало изслѣдованномъ нами, но обширномъ морѣ англійской поэзіи.

Жюль Пэйо. **Воспитаніе воли.** Перев. М. Шишмаревой. Популярно-научная библіотека, изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895.

Задача книги весьма почтенная—указать молодымъ людямъ, одержимымъ умственной лѣнью и наклонностью къ пороку, путь къ самовоспитанію и усиленію воли. Жаль только, что лѣнивый юноша, пожалуй, не прочтетъ и этой книги, по лѣности-же.

Авторъ справедливо полагаетъ, что характеръ образуется не подъ вліяніемъ идей, подвластныхъ нашей волѣ, а чувствъ и эмоцій, надъ которыми наша воля вполнѣ безсильна. Весь трудъ самовоспитанія заключается въ созданіи искусственныхъ ассоціацій между идеями и чувствами и въ косвенномъ вліяніи на эмоціи посредствомъ сознанія. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что такое вліяніе возможно и съ тѣмъ большимъ удивленіемъ читаемъ въ этой книгѣ, похвалы Рибо за то, что онъ изгналъ метафизику изъ психологіи. Если вся роль въ воспитаніи характера принадлежитъ идеямъ то, казалось-бы, метафизика, наука объ идеяхъ по преимуществу, должна оказать обществу громадныя услуги въ борьбѣ съ чувствованіями и образованіи воли.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Полемическіе крючки и зацѣпки. — Знакомство Александра I съ двумя мистиками.— Женскій медицинскій институтъ.—А. А. Дьяковъ (Житель).

Полемическіе крючки и зацѣпки.

«Русская Мысль» въ двухъ послѣднихъ книгахъ дѣлаетъ полемическія вылазки противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Съ обычною безцвѣтностью и запутанностью литературныхъ объясненій, разсчитанныхъ, можетъ быть, на не совсѣмъ литературныя впечатлѣнія, московскій журналъ старается изо всѣхъ силъ найти противорѣчія между отдѣльными статьями, печатающимися въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Такъ, въ іюньской книгѣ «Русская Мысль». открыто ухаживая за нашимъ талантливымъ сотрудникомъ проф. Овсянико-Куликовскимъ, съ необычайнымъ апломбомъ спѣшитъ увѣрить своихъ читателей, что между мыслями, изложенными въ статьяхъ «Тургеневъ и Толстой», и философскими и эстетическими взглядами г. Волынскаго нѣтъ ничего общаго. По мнѣнію компетентныхъ сотрудниковъ этого систематически блѣднѣющаго и въ направленскомъ смыслѣ выдыхающагося органа, идеи проф. Овсянико-Куликовскаго даже прямо противорѣчатъ тому, что писалось на литературныя темы критикомъ «Сѣвернаго Вѣстника». Однако, «Русская Мысль» не указываетъ точно, въ чемъ именно заключается это противорѣчіе, — какія мысли названныхъ авторовъ не могутъ быть соединены въ журналѣ, ведущемъ постоянную полемику противъ утилитаріанизма и философскаго реализма въ его грубыхъ, отечественныхъ выраженіяхъ. Когда г. Волынскій нападалъ на эволюціонную идею? Какія его философскія замѣтки противорѣчатъ идеѣ развитія, зародившейся на метафизической почвѣ и разрабатываемой крупнымъ мыслителемъ современности, Спенсеромъ, вдали отъ какого-бы то ни было позитивизма, относительно котораго онъ уже не разъ дѣлалъ отчетливыя и рѣзкія заявленія — правда еще не дошедшія до русскихъ знатоковъ европейской философіи? Гдѣ-же доказательства заблужденій и недосмотровъ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» и о чемъ хлопочетъ «Русская Мысль»?

Въ іюльской книгѣ «Русская Мысль», вырвавъ нѣсколько отдѣльныхъ фразъ изъ «Провинціальной печати» г. Прозорова, вновь и съ особеннымъ торжествомъ оповѣщаетъ о разногласіи автора съ главной тенденціей журнала. Фразу г. Прозорова, въ которой говорится, что «поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ воспиталось среди разброда мысли въ разныя стороны», суетливый обозрѣватель русской журналистики снабжаетъ слѣдующимъ ехиднымъ замѣчаніемъ: «какъ хотите, такое признаніе весьма неожиданно со стороны сотрудника *Сѣвернаго Вѣстника*, и несомнѣнно, что оно представляетъ большой аффронтъ для г. Волынскаго и его присныхъ». Глубоко постигая сокровенную мысль нашего сотрудника, московскій журналъ увѣренъ, что это «признаніе» г. Прозорова заключаетъ въ себѣ явное отрицаніе всей дѣятельности новѣйшаго литературнаго поколѣнія и всякой новой тенденціи въ журналистикѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ стали расшатываться литературныя традиціи «шестидесятниковъ», въ русскомъ обществѣ нѣтъ никакихъ иныхъ прогрессивныхъ элементовъ, кромѣ поборниковъ старыхъ журнальныхъ уставовъ. Конечно, въ «Русской Мысли» знаютъ всѣ ходы и выходы истиннаго просвѣщенія,—въ «Русской Мысли», которая то пресмыкается передъ бывшими сотрудниками старыхъ журналовъ, когда несчастная судьба заталкиваетъ ихъ въ это случайное литературное прибѣжище, то безсильно, безъ признака умственной живости и таланта, задираетъ ихъ въ анонимныхъ замѣткахъ библіографическаго отдѣла, когда они почему-либо бросаютъ неестественное для нихъ сотрудничество въ этомъ журналѣ.

Такова узкая, до наивности жалкая придирка «Русской Мысли» къ фразамъ г. Прозорова. Журналу кажется, что «Сѣверный Вѣстникъ», полемизируя съ дѣятелями шестидесятыхъ годовъ, этимъ самымъ причисляетъ себя къ какой-то новой въ русскомъ обществѣ партіи, подъ пошлымъ названіемъ «восьмидесятники». По глубокомысленнымъ понятіямъ либеральныхъ журналистовъ, русская культура, въ своемъ историческомъ движеніи, оказывается рядомъ знаменательныхъ эпохъ, раздѣленныхъ между собою извѣстными круглыми цифрами: шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники. Мѣриломъ всякой либеральной порядочности являются, конечно, первые. «Восьмидесятники» не могутъ быть признаны достаточно либеральными уже потому, что они не берутъ подъ свою защиту всю утилитарную программу «шестидесятниковъ». Такъ, напримѣръ, критическіе нападки г. Волынскаго на эстетическіе и философскіе взгляды дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, по добросовѣстному истолкованію публицистовъ «Русской Мысли», могли быть вызваны только реакціонными настроеніями эпохи восьмидесятыхъ годовъ. Слѣдовательно, очевидно, что «Сѣверный Вѣстникъ», будучи вѣрнымъ своей программѣ, долженъ строго оберегать отъ всякихъ упрековъ все, что относится къ эпохѣ восьмидесятыхъ годовъ. Сказать, что современная жизнь представляетъ рядъ препятствій для широкаго и яркаго развитія общества, значитъ пойти противъ самого себя. Вотъ какова не то при-

митивная, не то интригантская логика полемистовъ «Русской Мысли». Но спрашивается,—когда, въ какихъ статьяхъ «Сѣверный Вѣстникъ» выступалъ защитникомъ какихъ-либо историческихъ десятилѣтій въ полномъ объемѣ ихъ умственной и соціальной жизни? Когда мы выражали солидарность съ такъ называемыми «восьмидесятниками», воспитавшимися въ школѣ шестидесятниковъ и вынесшими оттуда какую-то смутную мысль о необходимости «примиренія» или замиренія идейныхъ страстей? Мы не имѣемъ ничего общаго въ философскомъ и эстетическомъ смыслѣ съ дѣятелями шестидесятыхъ годовъ, но наша критика вполнѣ свободна и по отношенію къ дѣятелямъ современности. Пусть играетъ, кто хочетъ, пустыми значками и кличками,—мы-же будемъ служить русскому обществу по мѣрѣ силъ, оставивъ дѣтскую заботу о поддержаніи традицій прошедшаго и солидарности съ буржуазно-либеральными дѣятелями современности.

Знакомство Александра I съ двумя мистиками.

Въ недавно вышедшей книгѣ И. А. Чистовича «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи» мы находимъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о религіозно-мистическомъ движеніи въ царствованіе Александра I. Между прочимъ, здѣсь же мы читаемъ любопытныя подробности о знакомствѣ Императора Александра I съ двумя выдающимися мистиками того времени—Штиллингомъ и m-me Криднеръ.

Государя сблизила съ ними, разсказываетъ И. А. Чистовичъ, находившаяся за-границей въ свитѣ Императрицы фрейлина Ея, *Роксана* (Александра) Скарлатовна *Стурдза*, сестра А. Стурдза. Роксана Стурдза обладала высокими душевными качествами, и пользовалась довѣріемъ и уваженіемъ Государя. Когда и какъ сама она подпала подъ вліяніе мистиковъ, мы не знаемъ, но въ разсматриваемое время, въ 1814—1815 гг., она уже глубоко проникнута была мистицизмомъ и находилась въ сношеніяхъ съ мистиками. Въ іюнѣ 1814 г., когда на обратномъ пути изъ Голландіи Государь остановился на короткое время въ Брухзалѣ (въ Баденскомъ герцогствѣ), куда выѣхала навстрѣчу ему Императрица, Стурдза устроила представленіе ему знаменитаго мистика Юнга Штиллинга. Это былъ религіозный мечтатель, но благодушный филантропъ, въ ту пору уже престарѣлый (75 лѣтъ), вѣрившій въ общеніе душъ съ надземными духами, проповѣдывавшій близкій конецъ свѣта (хиліазмъ) и имѣвшій множество адептовъ. На другой день послѣ представленія Государь пригласилъ его къ себѣ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, а послѣ этого свиданія говорилъ Стурдзѣ: «Сегодня утромъ я видѣлся съ Юнгомъ Штиллингомъ. Я понялъ, что вы заключили съ нимъ во имя Бога союзъ любви и милосердія, союзъ, долженствующій остаться неразрывнымъ. Я просилъ его принять меня, какъ третьяго, въ этотъ союзъ и мы дали

другъ другу въ знакъ нашего единенія руку. Согласны ли вы на такой союзъ? «Государь, отвѣчала Стурдза, союзъ этотъ уже существуетъ между нами». «При этихъ словахъ, говоритъ графиня Эдлингъ въ своихъ мемуарахъ,—Императоръ взялъ съ нѣжностью мою руку, и я замѣтила, какъ слезы катились изъ его глазъ». Ровно чрезъ годъ послѣ этого, въ іюнѣ 1895 г., Александръ встрѣтился съ г-жею *Криднеръ*, съ которою также давно уже старалась сблизить его Стурдза. Великая пророчица находилась въ это время, можно сказать, въ апогеѣ своей славы. Вотъ нѣсколько біографическихъ подробностей о ней. Дочь лифляндскаго барона д. т. с. Фитингофа и правнучка фельмаршала Миниха, она была женою барона Криднера, русскаго посланника въ Венеціи, Копенгагенѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ († 14 іюня 1802 г.). Даровитая по природѣ и образованная литературно, она имѣла извѣстность и успѣхъ, какъ писательница. Въ особенности ея романъ «Валерія» сдѣлалъ ея имя довольно популярнымъ въ Европѣ. Поэтическія увлеченія ея молодости смѣнились, послѣ того какъ она сдѣлалась вдовою, религіознымъ настроеніемъ съ сильною мистическою экзальтаціею. Юнгъ Штиллингъ былъ ея вдохновителемъ на этомъ новомъ пути. Но, блиставшая въ свитѣ, она не желала и въ своемъ новомъ положеніи оставаться незамѣченной и употребляла всѣ способы къ тому, чтобы сдѣлаться извѣстной и занять мѣсто въ первыхъ рядахъ. По настроенію вѣка тогда всѣ имѣли сверхъестественныя видѣнія, получали откровенія и пророчествовали; и Криднеръ сдѣлалась пророчицей, но, какъ обращавшаяся въ высшихъ общественныхъ и политическихъ кругахъ, предсказывала преимущественно важныя политическія событія. Одно изъ такихъ предсказаній съ намеками, которые могли относиться къ Александру, находилось въ письмѣ Криднеръ къ Стурдзѣ, которая показала его Императрицѣ, а Императрица Александру. Государь уже былъ заинтересованъ въ ея пользу, но она явилась къ нему тогда, когда онъ всего менѣе ожидалъ ее именно на пути его изъ Вѣны въ Гейдельбергъ, гдѣ были расположены его войска, и находилась его главная квартира. Внезапность ея появленія поразила его тѣмъ болѣе, что оно произошло въ такую минуту, когда, послѣ смутъ Вѣнскаго конгресса, утомленный заботами и непріятностями, онъ особенно живо и съ грустью чувствовалъ, что нѣтъ подлѣ него дружеской души, съ которой онъ могъ бы раздѣлить свои думы и чувствованія.

Сама Криднеръ объясняла свое появленіе передъ Государемъ указаніемъ свыше. Бесѣды ихъ, начавшіяся въ Гейльброннѣ, продолжались въ Гейдельбергѣ. Когда, послѣ вторичнаго пораженія Наполеона и уничтоженіи арміи его при Ватерлоо, Государь вступилъ съ своими войсками въ Парижъ, Криднеръ, по его приглашенію, прибыла туда же и помѣстилась въ сосѣдствѣ съ Елисейскимъ дворцомъ, въ которомъ Государь имѣлъ пребываніе. Здѣсь возобновились ихъ духовныя бесѣды. Государь навѣщалъ ее и проводилъ съ нею вечера въ молитвѣ и чтеніи Священ-

наго Писанія. Это было преклоненіе могущественнѣйшаго Монарха, въ періодъ наивысшей его силы, съ полнымъ сознаніемъ своего ничтожества предъ высшею силою Божіею. Его какъ бы подавляли величіе происходящихъ событій и его собственное, какъ главнаго дѣятеля въ нихъ, и чѣмъ болѣе онъ внѣшнимъ образомъ возвышался, тѣмъ болѣе смирялся въ своей душѣ и въ своихъ чувствахъ и предавался въ волю Божію. Онъ считалъ дѣломъ особаго милосердія Божія, что получилъ склонность и привычку къ чтенію Библіи. Каждый день, каковы бы ни были его занятія, онъ читалъ три главы: одну изъ пророковъ, одну изъ Евангелій и одну изъ посланій апостольскихъ. По его собственнымъ словамъ, даже во время войны, даже при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, онъ не оставлялъ своего обычнаго чтенія. Въ Словѣ Божіемъ онъ видѣлъ основу и опору вѣры, а въ вѣрѣ—единственный законъ, съ которымъ должны сообразоваться въ своей жизни люди и народы. Это было то настроеніе Александра, выраженіемъ котораго являлся знаменитый историческій актъ начала вѣка—актъ *Священнаго союза.* Конечно, не Криднеръ, восторженная въ своихъ мистическихъ созерцаніяхъ, была виновницей этого настроенія, образовавшагося въ Государѣ прежде свиданія съ нею; но она дѣйствовала въ отношеніи къ Государю, въ моментъ зарожденія въ его душѣ идеи священнаго союза, совершенно въ тонъ этого его настроенія, и въ этомъ смыслѣ ей принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ происхожденіи знаменитаго акта.

Мы сочли не лишнимъ обратить вниманіе читателей на эти, въ сущности, не новыя свѣдѣнія, рисующія намъ характеръ и настроеніе Александра I, въ виду легенды о концѣ жизни этого государя, столь долго державшейся въ обществѣ и даже нашедшей отраженіе въ иностранной исторической литературѣ и отчасти нашей періодической печати.

Женскій медицинскій институтъ.

Женскій медицинскій институтъ, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта отъ 1 іюня 1895 г., будетъ открытъ въ Петербургѣ «въ теченіе 1897 г.». Ниже мы приводимъ полностью положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ. Положеніе, конечно, имѣетъ свои достоинства, но прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что высшее женское медицинское образованіе не признано дѣломъ государственнымъ. Государство признаетъ высшее женское медицинское образованіе дѣломъ частнымъ, и изъ казны на женскій медицинскій институтъ не отпущено ни одного рубля. Въ число слушательницъ института принимаются только лица христіанскихъ исповѣданій. Въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія о женскомъ медицинскомъ институтѣ сказано, что въ Россіи имѣется около 10 милліоновъ женщинъ разныхъ инородческихъ племенъ, которыя, по своимъ религіознымъ и инымъ

воззрѣніямъ, не могутъ пользоваться услугами врачей-мужчинъ, и для нихъ женщины-врачи являются безусловно необходимыми. Кажется, вотъ этихъ самыхъ женщинъ нехристіанскихъ исповѣдываній и слѣдовало бы привлечь въ институтъ, такъ какъ онѣ пользовались бы большимъ довѣріемъ среди своихъ соплеменницъ. Въ частности, по отношенію къ женщинамъ еврейской національности, запрещеніе поступать въ институтъ является непонятнымъ уже хотя бы потому, что быть акушерками, слушать акушерскіе курсы женщины-еврейки признаются способными, а быть слушательницами института онѣ признаны неспособными и непригодными. Кажется, медицинское образованіе не можетъ имѣть ничего общаго съ вѣроисповѣдной политикой, если даже такая политика и имѣетъ право на существованіе, въ чемъ позволительно сомнѣваться.

Положеніе о С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ.

1. С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ имѣетъ цѣлью доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ лѣченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и къ акушерской дѣятельности.

Примѣчаніе. При институтѣ полагается интернатъ для слушательницъ, не имѣющихъ возможности жить при родителяхъ или при такихъ лицахъ, которыхъ правленіе института признаетъ заслуживающими довѣрія.

2. Средства института составляютъ: а) проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ; б) пожертвованія, поступающія на расходы по институту; в) пособія, и г) плата за ученіе.

3. Институтъ, состоя подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется начальству попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа.

4. Непосредственное управленіе институтомъ, съ находящимся при немъ интернатомъ, принадлежитъ директору, при участіи, въ подлежащихъ случаяхъ: а) совѣта преподавателей; б) правленія; в) попечительнаго комитета, и г) инспектрисы съ ея помощницами.

5. Директоръ избирается изъ опытныхъ во врачебныхъ наукахъ профессоровъ министромъ народнаго просвѣщенія и имъ же опредѣляется къ должности.

Примѣчаніе. Директоръ можетъ преподавать одинъ изъ предметовъ институтскаго курса.

6. Директоръ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, правленіи и попечительномъ комитетѣ института, опредѣляетъ время обыкновенныхъ ихъ засѣданій и созываетъ совѣтъ, правленіе и комитетъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

7. Директоръ передаетъ на обсужденіе совѣта и правленія поступившія отъ попечителя учебнаго округа предложенія, заявленія попечительнаго комитета и собственныя предположенія по дѣламъ института, соблюдаетъ очередь при разсмотрѣніи вопросовъ, вносимыхъ другими членами, слѣдитъ за порядкомъ засѣданій и объявляетъ состоявшіяся опредѣленія.

8. Въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ совѣта или правленія, либо попечительнаго комитета, директоръ представляетъ дѣло на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа, а если оно не терпитъ отлагательства, то принимаетъ необходимыя мѣры собственною властью, немедленно донося о своихъ распоряженіяхъ попечителю и представляя на его усмотрѣніе журналъ совѣта, правленія или попечительнаго комитета.

9. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни директора, должность его исправляетъ

одинъ изъ профессоровъ-членовъ правленія (ст. 11), по назначенію попечителя учебнаго округа.

10. На совѣтъ преподавателей института возлагается обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся учебной части заведенія.

11. Правленіе института состоитъ изъ директора, четырехъ профессоровъ института, назначаемыхъ попечителемъ учебнаго округа, двухъ членовъ, избираемыхъ попечительнымъ комитетомъ и утверждаемыхъ попечителемъ учебнаго округа, и инспектрисы. Въ правленіи обсуждаются важнѣйшія дѣла по хозяйственной, административной и дисциплинарной частямъ института.

12. На попечительный комитетъ института возлагается забота о матеріальномъ преуспѣяніи сего учебнаго заведенія. Члены комитета назначаются министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, могущихъ содѣйствовать успѣшному удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ института и увеличенію его средствъ.

13. Порядокъ дѣйствій комитета опредѣляется составленными имъ правилами, которыя представляются чрезъ попечителя учебнаго округа, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

14. Непосредственный надзоръ за слушательницами и завѣдываніе интернатомъ при институтѣ возлагается на инспектрису, которая избирается директоромъ и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа. Въ вѣдѣніи инспектрисы состоятъ помощницы инспектрисы, избираемыя ею и утверждаемыя въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора института.

15. Теоретическое преподаваніе и руководство клиническими занятіями въ институтѣ ввѣряется лицамъ, имѣющимъ право на преподаваніе медицинскихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ медицинскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Руководство клиническими занятіями возлагается, преимущественно, на главныхъ и старшихъ врачей больницъ.

16. При открывшейся вакансіи профессора или преподавателя, министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее, по собственному усмотрѣнію, лицомъ, удовлетворяющимъ установленнымъ требованіямъ (ст. 15), или предоставляетъ директору института избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе чрезъ попечителя учебнаго округа.

17. Библіотекарь и лица, исполняющія въ институтѣ обязанности по дѣлопроизводству, хозяйственной и счетной частямъ, а равно нижніе служители, состоятъ на службѣ при институтѣ по вольному найму. Опредѣленіе и увольненіе ихъ принадлежитъ директору.

18. Въ слушательницы института принимаются лица женскаго пола, христіанскаго исповѣданія, не моложе двадцати и не старѣе тридцати пяти лѣтъ. Въ особо-уважительныхъ случаяхъ въ институтъ могутъ быть принимаемы, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, лица, имѣющія и болѣе тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Комплектъ слушательницъ института опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія.

19. Желающія поступить въ число слушательницъ института подаютъ о томъ прошеніе директору, съ приложеніемъ: а) свидѣтельства о возрастѣ, званіи и вѣроисповѣданіи; б) удостовѣренія объ окончаніи ими курса въ учебныхъ заведеніяхъ, означенныхъ въ статьѣ 20; в) полицейскаго свидѣтельства о благонадежности; г) письменнаго разрѣшенія родителей или попечителей, если родители не находятся въ живыхъ и просительница не достигла 21 года, а замужнія—письменнаго разрѣшенія мужей, и д) другихъ документовъ, какіе признаны будутъ необходимыми начальствомъ института.

20. Лица, окончившія полный курсъ гимназій или другихъ, равныхъ съ ними по правамъ, учебныхъ заведеній, должны, для поступленія въ институтъ, выдержать испытаніе изъ латинскаго языка по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ университеты. Испытанія сіи производятся въ ближайшемъ по мѣсту жительства означенныхъ лицъ мужскихъ гимназіяхъ, а если въ городѣ имѣется нѣсколько гимназій, то въ той изъ нихъ, которая будетъ указана попечителемъ учебнаго округа. Лица, прошедшія высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ и выдержавшія тамъ установленное испытаніе по латинскому языку, а также лица, получившія аттестаты зрѣлости отъ женскихъ гимназій, которымъ предоставлено право выдавать таковые, принимаются въ институтъ безъ испытанія.

21. За право слушанія лекцій въ институтѣ и пользованіе вспомогательными учрежденіями для практическихъ занятій, слушательницы вносятъ плату, размѣръ которой опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечительнаго комитета. Въ стѣнахъ института и практическихъ занятіяхъ въ врачебныхъ заведеніяхъ слушательницы института носятъ форменную одежду.

22. Въ институтѣ преподаются слѣдующіе предметы: а) анатомія; б) нормальная гистологія и эмбріологія; в) физіологія; г) общая паталогія; д) частная паталогія, терапія, врачебная діагностика и медицинская химія; е) химія органическая; ж) физика; з) минералогія, ботаника и зоологія (съ сравнительною анатоміею); и) фармакогнозія и фармація; і) фармакологія съ рецептурой, токсикологія и ученіе о минеральныхъ водахъ и водолѣченіи; к) патологическая анатомія съ патологическою гистологіею; л) акушерство (съ клиниками); м) женскія болѣзни (съ клиниками); н) дѣтскія болѣзни (съ клиниками); о) гигіена; п) хирургія съ десмургіею; р) оперативное акушество (въ акушерской и гинекологической клиникахъ); с) сифилидологія и дерматологія (съ клиниками); т) офталмологія (съ клиниками), и у) нервныя и душевныя болѣзни (съ клиниками).

Примѣчаніе. Изъ курсовъ частной патологіи и терапіи можетъ быть выдѣлено, буде для этого окажутся достаточныя средства, ученіе объ ушныхъ, горловыхъ и носовыхъ болѣзняхъ. Предположенія по сему предмету разсматриваются въ совѣтѣ института и за симъ представляются на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

23. Ближайшее распредѣленіе теоретическихъ предметовъ между преподавателями, а равно организація клиническаго преподаванія, примѣнительно къ факультетскимъ и госпитальнымъ клиникамъ университетовъ, опредѣляются учебнымъ планомъ института. Планъ сей составляется совѣтомъ института и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

24. Курсъ преподаванія въ институтѣ продолжается пять лѣтъ и распредѣляется на десять полугодій. Изъ означенныхъ пяти лѣтъ, четыре года предназначаются для медицинскаго образованія въ институтѣ, а пятый годъ—для практическихъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей, занятій въ спеціальныхъ больницахъ или клиникахъ, женскихъ и дѣтскихъ, а равно въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ. Слушательницы, не оказавшія въ теченіе года достаточныхъ успѣховъ въ практическихъ занятіяхъ, могутъ, по опредѣленію совѣта института, быть оставляемы въ ономъ для практическаго усовершенствованія еще на одинъ, а буде окажется нужнымъ,—на два года.

25. Зачетъ полугодій, а также полукурсовыя и окончательныя испытанія производятся примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для медицинскихъ факультетовъ, и въ соотвѣтствіи со статьями 2—6 приложенія къ статьѣ 596 устава врачебнаго.

Примѣчаніе. При примѣненіи правилъ о зачетѣ полугодій, установленныхъ для медицинскихъ факультетовъ на основаніи статьи 478 устава ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, общій медицинскій курсъ въ институтѣ зачитывается за восемь полугодій, а время, проведенное въ практическихъ занятіяхъ (ст. 24), за девятое и десятое полугодія.

26. Предсѣдатель и члены испытательныхъ коммиссій для производства по институту испытаній на врачебное званіе назначаются министромъ народнаго просвѣщенія.

27. Удовлетворительно окончившимъ курсъ института выдается дипломъ на званіе «женщина-врачъ», предоставляющій имъ: а) право повсемѣстной свободной практики на основаніи постановленій о вольнопрактикующихъ врачахъ, съ занесеніемъ имени лица, получившаго дипломъ, согласно статьѣ 95 устава врачебнаго, въ списокъ врачей, имѣющихъ право на медицинскую въ Имперіи практику; б) право выписывать изъ аптекъ по рецептамъ сильно дѣйствующія средства; в) право, въ качествѣ спеціалистокъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, занимать повсемѣстно, безъ правъ государственной службы, должности врачей при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, равно при женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ, а также при общинахъ сестеръ милосердія и врачебно-полицейскихъ учрежденіяхъ; г) право быть допускаемыми губернскими врачебными управленіями къ завѣдыванію земскими медицинскими участками и находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами и пріемными покоями, равно иными сельскими лѣчебными заведеніями, а также къ завѣдыванію въ городахъ спеціальными женскими и дѣтскими больницами и лѣчебными заведеніями и женскими и дѣтскими отдѣленіями общихъ больницъ и лѣчебныхъ заведеній и къ дежурству во всѣхъ отдѣленіяхъ сихъ больницъ и заведеній, и д) право быть приглашаемыми, въ качествѣ помощницы судебнаго врача, при судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи женщинъ и дѣтей.

28. Женщины-врачи не допускаются къ завѣдыванію въ городахъ общими больницами и таковыми-же лѣчебными заведеніями и мужскими отдѣленіями сихъ больницъ и лѣчебныхъ заведеній, а равно къ исполненію обязанностей врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности и къ самостоятельному производству судебно-медицинской экспертизы, по требованіямъ судебныхъ учрежденій.

29. При институтѣ можетъ быть учрежденъ, по соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, особый курсъ для подготовленія лицъ женскаго пола къ фармацевтической дѣятельности.

А. А. Дьяковъ (Житель).

Умеръ одинъ изъ постоянныхъ фельетонистовъ «Новаго Времени», писавшій долгое время подъ псевдонимомъ «Житель», но пріобрѣвшій гораздо раньше довольно большую извѣстность и въ качествѣ обличителя нигилистическаго движенія, въ которомъ нѣкогда самъ принималъ участіе, и въ качествѣ человѣка, прикосновеннаго къ нѣкоторымъ, хотя и не литературнымъ, но довольно громкимъ дѣламъ. Жизнь его пресѣклась внезапно, онъ умеръ около Одессы отъ солнечнаго удара. Не входя пока въ подробную оцѣнку его литературной дѣятельности, скажемъ въ

немногихъ словахъ, что Житель обладалъ довольно замѣтнымъ талантомъ. Это былъ человѣкъ съ острымъ перомъ, злобно накидывавшійся на все то, что такъ или иначе бередило въ немъ старыя раны. Неудержимо грубый въ полемикѣ, онъ бросалъ въ своихъ противниковъ цѣлыми ворохами самаго циническаго издѣвательства съ тою особенною силою, которая свойственна безпринципной, разжигаемой личными страстями рѣчи. Мысль его неугомонно цѣплялась за все свѣжее, современное, ища въ немъ поддержку раздраженному, когда-то униженному чувству. Оттого его фельетоны отличались всегда однообразіемъ, которое утомляло, даже угнетало читателя своими странными, слегка проповѣдническими притязаніями посреди распущенной критики, злорадныхъ придирокъ и остервенѣлой вражды противъ цѣлыхъ сословій, національностей, литературныхъ или общественныхъ движеній. На страницахъ «Новаго Времени» это былъ, можетъ быть, самый любопытный писатель, хотя по преданіямъ личной жизни, въ которой колесо фортуны сдѣлало два полныхъ оборота въ противоположныя стороны, онъ долженъ былъ-бы продолжать свою дѣятельность въ томъ органѣ печати, гдѣ онъ заслужилъ передъ лицомъ вліятельнаго редактора особое признаніе своихъ литературныхъ талантовъ—въ одной компаніи съ Л. Тихомировымъ и Ю. Николаевымъ.

А. Волынскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,
Г. Редакторъ!

Состоящій при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства Комитетъ грамотности, обращается къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой не отказать помѣстить въ текстѣ вашего изданія прилагаемое сообщеніе.

Состоящій при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства Комитетъ грамотности, имѣя въ виду, что при Всероссійкой Сел.-Хоз. Выставкѣ Общества, имѣющей быть съ Высочайшаго соизволенія съ 27 ноября по 14-е декабря с. г. въ зд. Московскаго манежа, устраивается въ отдѣлѣ Комитета выставка по народному образованію, приглашаетъ учрежденія и лицъ, желающихъ принять участіе въ выставкѣ въ качествѣ экспонентовъ въ отдѣлѣ Комитета грамотности, прислать заявленія о томъ въ Комитетъ (Москва, Смоленскій бульв. д. Земледѣльческой школы) не позднѣе 1-го октября, а самые экспонаты не позднѣе 1-го ноября.

Для полученія подробной программы отдѣла Комитета на выставкѣ просятъ обращаться по указанному адресу.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе іюля мѣсяца.

Абрамовичъ, К. О крестьянскихъ сервитутахъ, изд. Книжн. маг. Н. К. Мартынова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Базилевскій, М. Донъ Іосифъ Наси. «Наша Старина», изд. Я. Х. Шермана. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Барцыховскій, Ив. Н. Палестина. Путевыя замѣтки народнаго учителя. Болградъ, 1895 г. Ц. 60 к.

Боллъ, Р. Страны, звѣзды, популярная астрономія, пер. съ англійскаго, изд. В. Н. Маракуева. М. 1895 г. Ц. 85.

Борисовскій, П. Чего надо желать для нашего общественнаго воспитанія. Могилевъ на Днѣпрѣ, 1895 г. Ц. 60 к.

Вагнеръ, Ю. Н. Мой акваріумъ. Для дѣтей. Изд. журнала «Игрушечка». Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Волгинъ, Ф. Въ странѣ черныхъ христіанъ, очерки Абиссиніи. Полезн. библ., изд. П. П. Сойкина. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Грэндъ, Сора, Деньщикъ Канъ, разсказъ пер. М. К. Николаевой, изд. книж. скл. П. К. Прянишникова. М. 1895 г.

Ея-же. Джени всему дому голова, разсказъ. М. 1895 г.

Гюго Викторъ, Собр. стихотвореній подъ ред. И. Ф. Тхоржевскаго, вып. IV. Тифлисъ, 1895. Ц. 20 к.

Дмитріевъ, В. Н. Лѣченіе морскими купаньями въ Ялтѣ, изд. 2-е. Ялта, 1895 г. Ц 1 р.

Добромысловъ, А. И. Скотоводство въ Тургайской области, изд. Тургайскаго областного статистическаго комитета. Оренбургъ, 1895 г. Ц. 3 р.

Житковъ, С. М. Урожай и сельско-хозяйственный кризисъ. Спб. 1895 г.

Засодимскій, П. В. Блудный сынъ, повѣсть, библ. нашего юношества, изд. М. М. Ледерле и Комп. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

Игнатовскій, Р. С. Отъ какой причины начались у насъ недороды. Изд. редакціи «Земскаго сборника Черниг. губ.». Черниговъ, 1894 г.

Исаковъ, М. А , ветер. врачъ. Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ, изд. 2-е. Казань, 1895 г. Ц. 5 к.

Того-же. Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошади? изд. 2-е. Казань, 1895 г. Ц. 5 к.

Коврыгинъ, Ив. По рѣкѣ Енисею.

Красновъ, А. Н. Какъ живутъ китайцы, изд. Харьковскаго общ. распр. въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1895 г. Ц. 3 к.

Краткій обзоръ дѣятельности министерства землед. и госуд. имущ. за первый годъ его существованія. Спб. 1895 г.

Лависсъ, Е. и Рамбо, А. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ, пер. съ франц., изд. кн. скл. П. К. Прянишникова. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лащенковъ, Н. А., прот. Христофоръ — первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Матеріалы къ столѣтію харьковской каѳедры. Изд. Харьковскаго губ. стат. комитета. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Ле-Форъ и Графиньи. Въ невѣдомыхъ мірахъ. Вокругъ солнца. Обраб. В. Семеновъ, изд. 2 е П. П. Сойкина. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Его-же. Путешествіе на луну. Изд. 2-е П. П. Сойкина. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Линранди, А. П. (А. Волынецъ). Зачатки раскатоличенія западнаго славянства. Спб. 1895. Ц. 40 к.

Львовъ, Евгеній. (Русскій странникъ). По студеному морю, поѣздка на сѣверъ. М. 1895 г. Ц 3 р.

Мартынова, А. В. Гимнъ Аполлону, пер. съ греческаго, изд. Московской женской классической гимназіи. М. 1895 г

Моя Библіотека, изд. М. М. Ледерле и К°, Спб. 1895 г.

Вып. 141—142. Ж. Зандъ, соч т. I, пер. Ю. В. Дапнельмейеръ. Ц. 40 к.

Вып. 143—144. Ж. Зандъ, соч. т. II, пер. В. И. Штейна. Ц. 40 к.

Вып. 150—151. П. Лоти. Исландскій рыбакъ, пер. З. Н. Журавской. Ц. 40 к.

Вып. 152—154. Г. Вернеръ. Разорванныя цѣпи, романъ, пер. З. Н. Журавской. Ц. 60 к.

Вып. 155—157. Р. Брейтонъ. Не для грѣшной земли, романъ, пер. Е. А. Сысоевой. Ц. 60 к.

Вып. 160—161. А. Галеви. Семейство Кардиналь, пер. М. Н. Ремезова. Ц. 40 к.

Вып. 162—166. Ж. Э. Ренанъ. Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей, пер. В. И. Штейнъ. Ц. 1 р.

Вып. 167—169. Э. Альгренъ. Маріона, романъ, пер. В. Э. Фирсова. Ц. 60 к.

Вып. 170. Г. Путлицъ. О чемъ говоритъ лѣсъ, пер. М. В. Карнѣева. Ц. 20 к.

Вып. 171—174. А. Крадель. Очерки и разсказы, съ пред И. С. Тургенева, пер. А. В. Успенской, 2-ое изд. Ц. 80 к.

Вып. 177—178. К. Гуцковъ, Уріэль Акоста, трагедія, пер. П. Вейнберга. Ц. 40.

Настольный энциклопедическій словарь, изд. товар. О. Гронатъ и К°, вып. 103—105 Москва, 1895 г.

Notovitch, Nicolas. Livre d'or à la memoire d'Alexandre III, Paris, 1895 г.

Отчетъ иркутскаго отдѣленія Попечительства о слѣпыхъ съ 1893 по 1895 г Иркутскъ 1895 г.

Пелисье, Ж. Французская литература XIX в., пер. подъ ред. Н. Мировичъ, изд. книжн. склада П. К. Прянишникова. М. 1895. Ц. 1 р.

Петруланъ, М. Х. Сельская жизнь въ прошломъ и настоящемъ, Вильно, 1895. Ц. 50 к.

Радакова, Гл. Голландія, изд. Харьковскаго общ. распростр. въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1895 г. Ц. 3 к.

Савихинъ, В. И. Прошумѣла слава, повѣсть. Спб. 1895.

Таренецкій, А. Кафедра и музей нормальмальной анатоміи за сто лѣтъ, изд. К. Л. Риккера. Спб. 1895. Ц. 3 р.

Тейхмюллеръ, Г. Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе, пер. А. К. Николаева, подъ редакціей Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 1 р 50 к.

Того-же. Дарвинизмъ и философія, пер. А. К. Николаева, подъ ред. Е. Боброва. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Токарскій, А. А. Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М. 1895 г. Ц. 25 к.

Трачевскій, А., проф. Русская исторія, ч. I. 2-ое изд Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1895.

Тр-н-кій, К. М. Ю. Лермонтова. Спб. 1895 г.

Трубниковъ, К. В. Преобразованіе денежной системы Спб. 1895. Ц. 40 к.

Устиновъ, А. Н. Въ исторіи эпидемій древняго міра. Диссертація. М. 1894 г.

Чистовичъ, И. А. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщ. въ Россіи въ I пол. тякущ. столѣтія. Спб. 1894. Ц. 2 р.

Шурцъ, д-ръ Р., Краткое народовѣдѣніе, пер. Д. А. Коропчевскаго, изд. М. М. Ледерле и К°, Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Якимовъ, В. Съ больной совѣстью. Психологическій этюдъ. Казань. 1895. Ц. 15 к

Комаровъ, А. Ф. Народная школа. Главнѣйшія педагогическія, дидактическія и методическія основанія школьнаго дѣла. Изд. 2. 1894 г. Ц. 60 к.

Его-же, А. Ф. Ариѳметич. задачникъ для начальн., городск. и сельскихъ училищъ. Вып. I. Задачи, примѣры и вопросы на числа первой сотни. Изд. 3-е. 1894 г. Ц. 15 к.

Его-же. То-же. Выпускъ II. Задачи, примѣры и вопросы на числа свыше сотни и на простѣйшія дроби. Изд. 3. 1894 г. Ц. 20 к.

Одобрены Мин. Нар. Просв. для употребленія въ начальныхъ, городскихъ и сельскихъ училищахъ.

Линдеманъ, К. Э. Профессоръ. Насѣкомыя плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и мѣры истребленія ихъ. Изд. 2-е значит. дополн. 1895 г. Ц. 15 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіональн. образов. одобрена для библ. нач. школъ.

Его-же. О филлоксерѣ и другихъ главнѣйшихъ врагахъ винограда и о мѣрахъ истребленія ихъ. 1895 г. Ц. 20 к.

Мангуби, И. Руководство для виноделовъ. Практич. виноделіе. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, А. А. Учебникъ ариѳметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. 1895 г. Ц. 50 к.

Одобрено Учебн. Ком. при Собств. Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ завед. Вѣдомства.

Миттельштейнеръ, Э. Учебникъ нѣмецкаго языка по практическому методу. Методика и учебникъ. Первый курсъ для I и II кл. реальныхъ училищъ. Изд. 3-е. 1893 г. Ц. 80 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущенъ какъ руководство по нѣмецк. яз. для средн. учебн. завед.

Его-же. То-же. Второй курсъ для III и IV кл. реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. 1894 г. Ц. 80 к.

Его-же. *Алфавитный словарь*, содержащій весь запасъ и отдѣльныя группы словъ для учениковъ I—IV кл. Прилож. ко 2-му курсу Учебника. М. 1895 г. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Народн. Просв. обѣ книги допущены какъ пособіе по нѣмецк. яз. для средн. учебн. заведеній.

Мозеръ, П. Указатель удареній въ русскихъ словахъ элементарнаго учебника П. Мозера для иностранцевъ. Ч. II. 1895 Ц. 80 к.

Мурашкинцевъ, Н. А. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. I. Общія понятія о заразныхъ болѣзняхъ животныхъ.—Чума рогатаго скота. 1895 г. Ц. 6 к.

Нейманъ, М. М. Общедоступное руководство къ разведенію хмѣля. Изданіе 3-е. 1895 г. Ц. 5 к.

Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіональн. образов. одобрена для библ. нар. училищъ.

Нетыкса, М. Сокращенное руководство столярнаго ремесла. 1895 г. Ц. 75.

Одинцовъ, А. Возвышеніе чиселъ въ квадратъ и кубъ и извлеченіе изъ чиселъ квадратнаго и кубическаго корней. М. 1894 г. Ц. 30 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства при прохожденіи ариѳмет. въ учит. семин. Министерства.

Песталоцци, Генрихъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Т. I. *Лингардъ и Гертруда.* Ч. 1 и 2. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Смирнова.** М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

То-же. Томъ II. *Лингардъ и Гертруда.* Ч. 3 и 4. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрены для учительск. библ. низшихъ училищъ, для учительск. семинарій и институтовъ.

Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ допущены къ пріобрѣтенію въ фундам. библ. духовн. семинарій.

Преображенскій, П. В. Краткая тригонометрія съ таблицами для вычисленія безъ логариѳмовъ и съ таблицами упрощеннаго умноженія и дѣленія. М. 1895 г. Ц. 40 к.

Ростовцевъ, Н. В. Воздѣлываніе льна на сѣмя и волокно. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 10 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіональн. образов. допущена для библ. начальн. школъ.

Селивановскій И. Сельско-хозяйственные разсказы. Антонъ огуречникъ. Ловкій косарь. Догадливый пахарь. Зола—хорошее удобреніе. 1895 г. Ц. 8 к.

Его-же. Деревенскія невзгоды: Зяблый годъ. Наводненіе. Градобой. Червобой. Пожаръ. 1895 г. Ц. 10 к.

Его-же. Ночь на Рождество. 1895 г. Ц. 50 к.

Снегиревъ, Л. Ѳ. Жизнь и смерть Сократа, разсказанныя Ксенофонтомъ и Платономъ. М. 1895 г. Ц. 60 к.

Э. С. Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII вѣка. Руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII классѣ реальныхъ училищъ согласно учебнымъ планамъ. 1895 г. Ц. 25 к.